РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VIII, part 1

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2012

ACTA
LINGUISTICA PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VIII, часть 1

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2012

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2003.

Т. VIII. Ч. 1. Fenno-Lapponica Petropolitana / Отв. ред. Н. В. Кузнецова. — 2012. — 620 с.

ISBN 978-5-02-038302-9

РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-корр. РАН Е. В. Головко,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
к. филол. наук А. П. Сытов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Н. В. Кузнецова (отв. ред.), Вяч. С. Кулешов, М. З. Муслимов

Оригинал-макет: Н. В. Кузнецова

В сборнике представены труды по фонологии, социолингвистике, топонимике, семантике, синтаксису и морфологии прибалтийско-финских и саамских языков. Основное внимание уделяется идиомам Ингерманландии. Сборник адресован специалистам по финно-угорским языкам, лингвистической типологии, социолингвистике и культурной антропологии.

Издание подготовлено при поддержке РГНФ, грант № 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии», НОЦ ИЛИ РАН «Языковые ареалы России», Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», Программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых».

ISBN 978-5-02-038302-9

© Коллектив авторов, 2012
© ИЛИ РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2012

FENNO-LAPPONICA PETROPOLITANA

ОТ РЕДАКТОРОВ ТОМА

1. Об изучении прибалтийско-финских и саамских языков в Отделе языков народов России ИЛИ РАН

В основу данного сборника положены труды, подготовленные группой исследователей прибалтийско-финских и саамских языков, которая сформировалась на базе Отдела языков народов России ИЛИ РАН. Ее ядро составляют сотрудники и аспиранты отдела — Мехмед Закирович Муслимов (с.н.с.), Наталья Викторовна Кузнецова (н.с.), Вячеслав Сергеевич Кулешов (соискатель), Дарья Викторовна Сидоркевич (асп.). Они поддерживают тесные контакты и с остальными участниками сборника — как со старшими, так и с младшими.

Профессор Юрий Константинович Кузьменко, главный научный сотрудник ИЛИ РАН, заведовал Отделом сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований ИЛИ РАН, а также в течение 15 лет был профессором Гумбольдтского университета в Берлине. Он выступал оппонентом на защите кандидатской диссертации Н. В. Кузнецовой, а в настоящее время является научным руководителем Вяч. С. Кулешова. В 2005–2009 г. он вместе со своим бывшим студентом Михаэлем Рисслером возглавлял проект DOBES по документированию саамских языков Кольского полуострова. Одновременно Михаэль Рисслер является одним из основателей международного проекта «Poga — the language survival network» (http://www2.hu-berlin.de/poga), в котором принимают участие Н. В. Кузнецова и М. З. Муслимов.

М. З. Муслимов уже много лет знаком с энтузиастами исследования языков Ингерманландии — Алексеем Викторовичем Крюковым и Николаем Олеговичем Кирсановым. Все они начали ездить к ингерманландским финнам, а затем к ижоре и води еще с 1980-х гг. А. В. Крюков и М. З. Муслимов являются членами организации ингерманландских финнов «Inkerin Liitto», на базе которой М. З. Муслимов преподает водский и ижорский языки с конца 1990-х гг., а А. В. Крюков участвует в издании газеты «Inkeri».

Н. В. Кузнецова и В. С. Кулешов в 2003–2004 гг. проходили совместную стажировку в Университете Тарту; Н. В. Кузнецова в 2006–2008 гг. также стажировалась в Университете Хельсинки. Вместе с Д. В. Сидоркевич Н. В. Кузнецова в 2003 г. ездила в экспедицию к приазовским грекам, а с Федором Ивановичем Рожанским и Еленой Борисовной Маркус с 2005 г. участвовала в экспедициях к води и ижоре.

В 2009–2010 гг. под руководством в.н.с. ИЛИ РАН Елены Всеволодовны Перехвальской состоялись две экспедиции студентов кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета к ингерманландским финнам. Для студентов подобные экспедиции являются летней практикой и входят в программу обучения. Студенты в полевых условиях учатся документировать и анализировать, как правило, не известный для них заранее язык.

Подготовка к таким экспедициям осуществляется в рамках еженедельных подготовительных семинаров в течение семестра. Студенты изучают основы структуры языка, который они будут исследовать, а также методы полевой лингвистики и типологии. С одной стороны, им читают лекции приглашенные специалисты. С другой стороны, студенты сами изучают соответствующую литературу и делают доклады по тем темам, которыми собираются заниматься в экспедиции.

Аналогичные семинары, на которых студенты сообщают о ходе своей работы, проводятся затем в процессе самой экспедиции. В течение последующего учебного семестра проходит семинар по обработке полевых материалов — студенты суммируют выводы, полученные на основе полевого исследования, и представляют научный отчет по своей экспедиционной теме в качестве зачета по практике.

Организация экспедиций СПбГУ во многом ориентируется на традиции, заложенные на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ членом-корреспондентом РАН Александром Евгеньевичем Кибриком.

Каждые два-три года место практики и, соответственно, изучаемый язык меняются. Экспедиции 2009–2010 гг. в Ингерманландию состоялись по инициативе М. З. Муслимова. Помимо работы над своими темами, студенты помогали ему собирать ма-

териал для атласа языков Ингерманландии. М. З. Муслимов, Н. В. Кузнецова, Вяч. С. Кулешов, Ф. И. Рожанский и Д. В. Сидоркевич участвовали как в самих экспедициях, так и в сопутствующих семинарах (чтение подготовительных лекций, руководство полевой и научной работой студентов, помощь в анализе материала и подборе научной литературы). Отметим большую роль в общетипологической подготовке студентов сотрудника Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН с. н. с. Сергея Сергеевича Сая.

В 2011 году в рамках проекта РГНФ 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии» состоялась еще одна небольшая экспедиция к ингерманландским финнам под руководством Н. В. Кузнецовой.

В числе студентов, проходивших практику в ингерманландских экспедициях, были Мария Александровна Холодилова и Максим Леонидович Федотов, чьи работы включены в сборник (см. также [Федотов 2011]). Кроме того, среди участников экспедиций следует упомянуть Анну Федоровну Милюхину, написавшую по материалам экспедиции курсовую работу [Милюхина 2010], Дарью Федоровну Мищенко, выступившую с ингерманландским материалом на нескольких конференциях, а также Юлию Андреевну Таран, в настоящий момент работающую над магистерской работой, посвященной временной системе ингерманландского финского. М. А. Холодилова, М. Л. Федотов, Д. Ф. Мищенко и А. Ф. Милюхина также представили ингерманландский материал на нескольких конференциях (студенческих конференциях СПбГУ 2010 и 2011 гг., Дульзоновских чтениях 2011 г., Седьмой и Восьмой Конференциях по типологии и грамматике для молодых исследователей; особенно следует отметить опубликованные по результатам конференций работы [Мищенко 2010, 2012; Холодилова 2011]). Часть полевых материалов также представлена на сайте http://pole.iphil.ru/ baltic-finnic.

В 1930–1940-е годы в ИЛИ РАН (называвшемся в то время Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра) существовал отдельный Финно-угорский кабинет, занимавшийся изучением финно-угорских языков. Заведующим кабинета был выдающийся языковед и этнограф проф., с.н.с. Дмитрий Владимирович Бубрих,

один из основоположников современного отечественного финно-угроведения. Перед войной в составе кабинета было еще пять сотрудников: с.н.с. Э. А. Якубинская, с.н.с. М. П. Чхаидзе, с.н.с. И. П. Майшев, и.о. с.н.с. Е. П. Латикайнен и и.о. с.н.с. А. И. Емельянов. После войны в Отделе финно-угорских языков остались только Бубрих и Якубинская [Анфертьева 2005: 13, 48]. В 1949 году Д. В. Бубрих, подвергавшийся идеологическим обвинениям со стороны приверженцев «нового учения о языке» Н. Я. Марра, скончался от сердечного приступа. А в 1950 году в Академии наук произошла реорганизация лингвистической работы, и Институт языка и мышления стал Ленинградским отделением Института языкознания, центр которого располагался в Москве [Десницкая 2003: 38]. В рамках этой реорганизации Отдел финно-угорских языков был перемещен из Ленинграда в Москву. С этого момента в традиции исследования финно-угорских языков (особенно прибалтийско-финских языков) на базе ИЛИ РАН наступила длительная пауза. Можно сказать, что эту традицию здесь фактически пришлось создавать заново.

Группа молодых исследователей прибалтийско-финских языков Отдела языков народов России надеется внести свой вклад в возрождение этой традиции. К настоящему моменту, помимо Отдела языков народов России, прибалтийско-финские языки изучаются также в Словарном отделе, особенно в Группах Словаря русских народных говоров (руководитель проф. г.н.с. С. А. Мызников) и Лексического атласа русских народных говоров (руководитель проф. г.н.с. А. С. Герд).

По инициативе молодых финно-угроведов Отдела языков народов России, 9 ноября 2008 г. в ИЛИ РАН состоялась научная сессия, посвященная вопросам изучения и документирования малых прибалтийско-финских языков. В ней приняло участие большинство авторов данного сборника, а также некоторые другие исследователи из Санкт-Петербурга и Москвы. Именно тогда и появилась идея издания данного тома.

Хотелось бы отметить, что все участники сборника пришли к изучению прибалтийско-финских языков и саамских языков не через свое основное университетское образование. Для многих из них эти языки оказались абсолютно самостоятельным и сознательным выбором, а также предметом особой привязанности.

В настоящее время финно-угорские штудии стали для авторов сборника вполне профессиональными. В частности были написаны кандидатские диссертации по идиомам Ингерманландии [Муслимов 2005; Маркус 2006; Кузнецова 2009а]. Также вышла двухтомная монография по водскому языку [Маркус, Рожанский 2011]. Вяч. С. Кулешов работает над диссертацией, посвященной фонологии и морфонологии ливского языка, которым он занимается с 2003 г. В настоящее время изучение этого языка можно проводить лишь по существующим аудио- и печатным источникам[1]. Д. В. Сидоркевич готовит диссертационную работу о языке ингерманландцев в Сибири (помимо статьи в данном сборнике, см. также [Sidorkevich 2011]), к которым она ездит, начиная с 2008 г. Н. О. Кирсанов пишет диссертацию, посвященную прибалтийско-финской топонимике Ингерманландии, в университете Хельсинки. О проекте по документации саамских языков Кольского полуострова Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера уже говорилось выше.

Все старшие участники сборника в той или иной степени активно владеют финским и эстонским языками, а некоторые — и водским, ижорским, ингерманландским финским, саамским. Не в последнюю очередь это обусловлено тем, что все они ведут многолетнюю экспедиционную работу по изучению соответствующих идиомов. Опора теоретического анализа на собственные полевые исследования авторов — одна из доминант данного сборника.

2. Структура сборника

Структура и тематика сборника во многом отражает круг основных научных интересов его участников. Подавляющее большинство статей посвящено идиомам Ингерманландии — ижорскому, водскому, ингерманландскому финскому.

Что касается предмета исследования, то большая часть статей сборника (Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера, Н. В. Кузнецовой, Вяч. С. Кулешова) посвящена фонологической проблематике. Эти статьи написаны в рамках структурной функциональной фонологии. Для их авторов фонология является предметом давнего про-

[1] Единственная живая более чем столетняя традиционная носительница этого языка проживает в Канаде, см. [Tuisk 2010].

фессионального интереса. Прибалтийско-финские и саамские языки известны нетривиальностью своей фонетики, фонологии и морфонологии и в этом смысле представляют собой поистине головоломный материал для теоретического осмысления.

В статье Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера рассматривается вопрос о фонологическом статусе палатализации в саамских идиомах Кольского полуострова. В этих языках обнаруживается типологически редкое тройное противопоставление «твердых», палатализованных и палатальных согласных.

Фонологические статьи Н. В. Кузнецовой и Вяч. С. Кулешова посвящены словесной просодике — нижнелужского ижорского диалекта и ливского языка соответственно. Подход к материалу оказывается сходным — центральное место занимает описание устройства системы т.н. «стопических акцентов» в соответствующих идиомах (см. также [Кузнецова 2009b]). Для описания морфонологии многих прибалтийско-финских и, по-видимому, саамских идиомов оказывается удобно трактовать все или часть количественных контрастов не на сегментном уровне, а на супрасегментном, через противопоставление схем пропорционального распределения количества в стопе[2].

Статьи М. З. Муслимова и Д. В. Сидоркевич посвящены социолингвистической проблематике и во многом пересекаются в плане тематики, подходов и характера материала. Общность теоретической парадигмы, очевидно, обусловлена тем, что оба автора являются выпускниками магистерской программы факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. В обеих статьях представлен анализ этничности в терминах т.н. «конструктивистского» подхода, разработанного Ф. Бартом [Barth 1996] и его последователями. Сибирские ингерманландцы, о которых идет речь в статье Д. В. Сидоркевич, являются потомками носителей прибалтийско-финских языков из района Нижней Луги в Ленинградской области, которым, в свою очередь, посвящена статья М. З. Муслимова. Как на Нижней Луге, так и в Сибири

[2] Возможность применения подобного описания к эстонскому язку обсуждалась Вяч. Кулешовым и Н. Кузнецовой еще во время их совместной стажировки в Тарту. Впоследствии выяснилось, что сходный анализ был ранее предложен в отношении эстонского и ливского языков профессором Тартуского университета Тийтом-Рейном Вийтсо.

представлено сложное языковое и культурное взаимодействие носителей близкородственных языков, которое сочетается со всепроникающим влиянием русского языка и культуры. Оба автора рассматривают то, каким образом в подобных условиях происходит конструирование этничности у представителей т.н. малых народов.

Статьи А. В. Крюкова и Н. О. Кирсанова также имеют много общего в своей проблематике и отражают круг научных интересов их авторов. В этих работах представлена часть результатов многолетнего исследования прибалтийско-финской топонимики и ономастики на территории Ингерманландии. В статье А. В. Крюкова рассматривается бытование т.н. «географической» лексики соматического происхождения. В статье Н. О. Кирсанова выдвигается ряд гипотез относительно прибалтийско-финского происхождения названий рек на территории Северо-Запада России.

М. А. Холодилова и М. Л. Федотов, представляют фрагменты структурного исследования синтаксиса и семантики ингерманландских финских говоров, выполненного с учетом новейшей типологической литературы. Эти говоры в целом слабо исследованы с точки зрения системного синхронного языкознания, не говоря уже о типологических сопоставлениях. Особенно мало работ такого рода посвящено синтаксической проблематике данных идиомов. В статье М. А. Холодиловой рассматриваются условные, уступительные и условно-уступительные предложения. Работа М. Л. Федотова посвящена всестороннему исследованию функционирования (исконно) пространственных падежей элатива и аблатива, кодирующих исходный пункт движения. И в том, и в другом случае ингерманландские говоры обнаруживают отличия от финского литературного языка.

Наконец, работа Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус относится к жанру публикаций языковых материалов, сопровождаемых научным комментарием. В данном случае переиздается волшебная сказка на сойкинском диалекте ижорского языка, опубликованная в конце XIX века. В русской традиции эта сказка известна как «Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке», однако сюжет ижорского текста несколько отличается от канонического варианта русской сказки, зафиксированного в сборнике А. Н. Афанасьева (см., например, [Померанцева, Чистов 1984: 331–343]).

Текст снабжен глоссированием по современным стандартам, а также комментариями и общими сведениями относительно социолингвистической ситуации и истории изучения ижорского языка. Отдельно кратко рассмотрены изменения, произошедшие в сойкинском диалекте за истекшие более ста лет. По-видимому, это публикация представляет собой первый изданный глоссированный текст на ижорском языке.

Сборник снабжен большим количеством приложений. Часть приложений является стандартным сопроводительным аппаратом, повышающим удобство использования книги — список глосс и правила глоссирования, правила транскрипции, указатель языков. Другая часть приложений, помимо всего прочего, отражает определенные установки редакторов и авторов сборника, требующие особого комментария. Язык понимается не как абстрактная структура вне времени, пространства и говорящих, а как социальное и историческое явление, неразрывно связанное с его конкретными носителями. Кроме того, большое внимание уделяется диалектной составляющей — языковому географическому варьированию. Такой подход, учитывающий особенности конкретных диалектов, говоров и идиолектов, особенно важен в отношении малых исчезающих языков, не имеющих стандартного литературного варианта. В ситуации, когда язык перестает быть средством ежедневного активного общения, он фактически становится раздробленной совокупностью идиолектов. Эти идиолекты зачастую имеют значительные различия, связанные с индивидуальными особенностями лингвистической биографии носителей. Подобное идиолектное варьирование усиливает и без того значительную географическую вариативность нестандартизированного идиома. В результате оказывается, что сведение в научном описании идиолектов, говоров и диалектов к единому наддиалектному варианту часто становится невозможным.

Для ряда идиомов, в частности, ингерманландского финского, ситуация осложняется еще и тем, что детального диалектологического исследования его никогда не проводилось. В настоящее время комплексным диалектологическим изучением идиомов исторической Ингерманландии занимается М. З. Муслимов — как уже упоминалось, на базе Отдела языков народов России ИЛИ РАН он готовит к публикации диалектный атлас языков Ингер-

манландии. Некоторые предварительные результаты этого исследования см., в частности, в работах [Муслимов 2005, 2009; Evmenov, Muslimov 2010].

Однако данное исследование еще не завершено, и многие авторы сборника дают детальную паспортизацию приводимых данных — вплоть до говоров отдельных деревень или идиолектов отдельных информантов. Именно поэтому сборник включает в себя приложения, кратко описывающие лингвистическую биографию носителей соответствующих идиомов, а также содержащие списки упоминаемых деревень, довоенных приходов Ингерманландии, в которых располагались эти деревни, и распределение приходов, деревень, диалектов и групп говоров на географических картах. С культурно-исторической точки зрения нам также показалось важным представить не только современные, но и традиционные (прибалтийско-финские) названия упоминаемых населенных пунктов.

В заключение хочется еще раз выразить признательность нашим информантам. Прибалтийско-финские и саамские языки на территории России являются исчезающими, и компетентные носители — это в основном люди преклонного возраста. Тем не менее они относились к нашей работе с пониманием и терпеливо отвечали на наши вопросы. Без их самоотверженной помощи этот том не мог бы быть составлен.

Литература

Анфертьева А. Н. 2005. Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне. СПб.: Наука. С. 5–51.

Десницкая А. В. 2003. Лингвистические институты Ленинграда в истории советского языкознания 20–40-х годов (публикация А. В. Жугры) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН I, 1. С. 3–40.

Кузнецова Н. В. 2009а. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Кузнецова Н. В. 2009b. Супрасегментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте // Вопросы языкознания 5. С. 18–47.

Маркус Е. Б. 2006. Типология морфемного варьирования (на материале морфонологических систем говоров водского языка). Москва: ИЯз РАН.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2011. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. В 2-х томах. Т. I–II. СПб.: Нестор-История.

Милюхина А. Ф. 2010. Способы выражения притяжательности в ингерманландском диалекте финского языка. Курсовая работа бакалавра лингвистики II курса отделения теоретического и экспериментального языкознания. СПб.: СПбГУ, Факультет филологии и искусств.

Мищенко Д. Ф. 2010. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в ингерманландском диалекте финского языка: к вопросу о естественных классах предикатов // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 3. Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Наука. С. 127–132.

Мищенко Д. Ф. 2012. Сравнительный анализ неканонических двухместных предикатов в русском языке и в ингерманландском диалекте финского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета 1 (116). С. 70–74.

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Муслимов М. З. 2009. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука. С. 179–204.

Померанцева Э. В., Чистов К. В (ред.). 1984. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Т. 1. М.: Наука. С. 331–343.

Федотов М. Л. 2011. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах Центральной Ингерманландии. Курсовая работа студента 3 курса бакалавриата отделения теоретического и экспериментального яыкознания. СПб.: СПбГУ, Филологический факультет.

Холодилова М.А. 2011. Attractio inversa в ингерманландском финском // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3. С. 462–467.

Barth F. 1996. Introduction: Ethnic groups and boundaries // W. Sollors (ed.). Theories of ethnicity: A classical reader. London: Mac Millan Press. P. 425–459.

Evmenov D., Muslimov M. 2010. Atlas of Ingrian Finnish dialects: Making the most of our data // B. Heselwood, C. Upton (eds.). Methods in dialectology: Proceedings of Methods XIII. Papers from the Thirteenth international conference on methods in dialectology, 2008. (Bamberger Beiträge zur Englischen Sprachwissenschaft 54). Frankfurt am Main: Peter Lang. P. 91–99.

Sidorkevich D.V. 2011. On domains of adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН VII, 3. С. 575–607.

Tuisk T. 2010. Intervjuu professor Tiit-Rein Viitsoga vastu Euroopa keelteräeva // Sirp 35. Доступно на сайте http://www.sirp.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=11285:liivi-keel-on-laetis-poliskeel-mitte-voorkeel&catid=18:varamu&Itemid=15&issue=3314.

Н. Кузнецова, Вяч. Кулешов, М. Муслимов

ФОНОЛОГИЯ

Ю. К. Кузьменко, М. Рисслер

К ВОПРОСУ О ТВЕРДЫХ, МЯГКИХ И ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В КОЛЬСКОМ СААМСКОМ

Памяти Георгия Мартыновича Керта (1923–2009)

1. Введение

Под кольским саамским мы понимаем самые восточные саамские языки — кильдинский и терский саамский. Впервые предположение о существовании фонологического различия между мягкими, твердыми и полумягкими дентальными в восточно-саамском ареале (в вороньинском диалекте кильдинского языка) было выдвинуто Г. М. Кертом и М. И. Матусевич в 1962 году [Керт, Матусевич 1962]. Впоследствии Керт развил эту идею в своих более поздних публикациях [Керт 1971, 1993]. Он считал, что в кильдинском есть три типа дентальных согласных: твердые /t/[1], /d/, /n/, полумягкие /t̒/, /d̒/, /n̒/ и мягкие /t'/, /d'/, /n'/, которые различаются по степени палатализации (непалатализованные — «твердые», слабо палатализованные — «полумягкие» и сильно палатализованные — «мягкие»). В своих первых публикациях Керт рассматривал мягкие /n'/ и /t'/ и полумягкие /n̒/ и /t̒/ как разные фонемы, а полумягкое [d̒] считал позиционным вариантом мягкого /d'/ [Керт, Матусевич 1962: 25; Керт 1971: 46]. Позднее он

[1] Здесь и далее фонологическая транскрипция записывается в //, фонетическая — в [] (правила транскрипции см. в Приложении 7; для т.н. «полумягких» во всех случаях используется обозначение типа *t̒*, введенное Г. М. Кертом). В цитатах из источников приводится оригинальная транскрипция источников (в т. ч. сохраняется авторское использование //, [] или отсутствие скобок). Во многих случаях для письменных языков параллельно дается также запись в орфографии (у кильдинского саамского — на кириллической основе, у северо-, южно- и колттасаамского — на основе латиницы). Орфографическая запись приводится курсивом без скобок. Кроме того, курсивом без скобок записываются «обобщенные» типы аллофонов или фонем (в случаях вроде: «в кильдинском имеется три типа *n*»).

определял мягкий /d'/ и полумягкий /d̓/ как разные фонемы [Керт 1993: 137]. Идея Керта была поддержана отечественными лапп онистами (см., например, [Зайков 1987; Терешкин 2002]). П. М. Зайков говорит о существовании трех рядов дентальных смычных в бабинском (аккала) саамском языке только в отношении *t* и *n* [Зайков 1987: 47–58], принимая первоначальную трактовку Керта. С. Н. Терешкин считает мягкий /d'/ и полумягкий /d̓/ не аллофонами, а разными фонемами в йоканьгском диалекте терского саамского [Терешкин 2002], в соответствии с более поздними публикациями Керта. Разными фонемами считает мягкие /t'/ и /d'/ и полумягкие /t̓/ и /d̓/ в кильдинском и Р. Д. Куруч [Куруч 1985: 533]. Общим для отечественных исследователей является то, что все они вслед за Кертом предполагают существование корреляции по твердости/мягкости в кольском саамском, сходной с соответствующей корреляцией в русском языке (/p/ — /p'/, /k/ — /k'/, /f/ — /f'/, /x/ — /x'/, /r/ — /r'/, /l/ — /l'/ и т.п. [Керт 1971, 1993]). Финские исследователи, отрицая существование корреляции по твердости/мягкости в восточносаамском[2], отказываются и от предположения о существовании трех рядов дентальных. Задача настоящей статьи выяснить, существует ли в кольском саамском корреляция палатализации, охватывающая почти все согласные, как полагал Г. М. Керт. И если да, то существует ли здесь противопоставление трех рядов дентальных согласных, различающихся по степени палатализации.

2. Твердые и мягкие согласные в кольском саамском

Рассмотрим вначале твердые и мягкие согласные без учета дентальных. Для доказательства предположения о существовании корреляции твердых и мягких согласных в кильдинском Керт приводит целый ряд слов, в которых они стоят в одинаковых позициях, причем не только в середине и конце слова, но и в начале. Ср. примеры из [Керт 1971: 44–56]:

[2] М. Корхонен принял идею Керта о существовании фонемной корреляции твердых и мягких согласных только в отношении терского саамского [Korhonen 1984: 314–315, 320], подробнее см. ниже.

akk (агк) <бабушка:PL>	*ak'k' (āгкь)* <жена:PL>
r'agg (рāгкэ) <кричать:3SG>	*ag'g' (агкь)* ‘век’
kåb'e (коабе) <яма:PL>	*kåb̂ɛ (коабэ)* <невеста:PART>
jåffɛ (ёаффэ) <шуметь.INF>	*jåf'f'e (ёаффе)* <шуметь:PST:1SG>
k'izɛ (кīзэ) <пеленать:PST:3SG>	*k'iz'e (кīзе)* <тянуть:PST:1SG>
kuss (кӯсс) ‘ель’	*kus's' (кӯссь)* ‘гость’
p'agg (пāгк) <ползти:3SG>	*pagg (пāгк)* <щипать:3SG>
kалл̂ (кāлл) ‘лоб’	*k'aл̂л (кāлл)* <чистить:3SG>
vaп̄'ce (вāнньцэ) <идти.INF>	*v'aп̄'c'je (вянньце)* <венчать.INF>
sam' (сāмь) <саам:PL>	*s'am (сям)* ‘борода’
лamp'es' (лāмьпэсь) ‘овца’	*l'aīt (лāммт)* ‘лес (в тундре)’

В современной кильдинской графической системе палатализация всех согласных, кроме дентальных смычных, обозначается так же, как и в русском языке. Перед гласными переднего ряда она не обозначается, перед гласными заднего ряда она передается гласными буквами *ё*, *ю*, *и*, *я*, а в остальных позициях — мягким знаком. Ср. написание слов (частично приведенных выше) с палатализованными согласными: *āҥкь* ‘женщина’, *агкь* ‘век’, *коабесьт* <яма:LOC>, *ёаффе* <шуметь:PST:1SG>, *кīссе* <пеленать:PST:1SG>, *кӯссь* ‘гость’, *сāмь* <саам:PL>, *пāгк* <ползти:3PL>, *кāлл* <чистить:1SG>, *вāнньцэ* <венчать.INF>, *сям* ‘борода’. Палатограммы Керта [там же: Приложение 3], показывают, что основное различие между согласными заключается в наличие или отсутствии палатализации (в некоторых случаях непалатализованные согласные веляризованы, как, например, /l/ [ɬ]). Об этом же свидетельствуют и данные наших спектрограмм[3]. Поскольку перед /i/ возможен только мягкий согласный, а перед /i̯/ — твердый согласный, можно говорить о нейтрализации противопоставления по твердости/мягкости в определенных контекстах и о привативности оппозиции «твердый — мягкий»[4].

[3] Спектрограммы сделаны на материале кильдинского саамского в рамках финансируемого фондом VolkswagenStiftung проекта «Kola Saami Documentation Project», см. http://www2.hu-berlin.de/ksdp/.

[4] Гласный переднего ряда /i/ и гласный среднего ряда /i̯/ являются в кольском саамском разными фонемами, поскольку они противопо-

М. Корхонен принимает идею Керта о наличии оппозиции твердых и мягких согласных, однако относит ее не к кильдинскому, а к терскому саамскому. Здесь он выделяет 20 пар согласных, противопоставленных как палатализованные непалатализованным [Korhonen 1984: 320]. Причем в терском саамском, по Корхонену, палатализация фонологизовалась не в связи с апокопой гласного переднего ряда, как в кильдинском (поскольку в терском саамском не было апокопы), а в результате разного рода контракций. В результате этого палатализованные согласные оказались в положении перед гласными непереднего ряда (ср., например, тер. *mieŗŗàm* ← **mierredam* <измерять:1SG>), а непалатализованные — перед гласными переднего ряда (ср., напр., тер. *oaDte*^{d} ← **oaddajed* <засыпáть.INF>) [там же: 314]. Таким образом, твердые и мягкие согласные невозможны здесь в конце слова, как это, например, имеет место в кильдинском.

Однако, как правило, финские лаппонисты отрицают существование корреляции по твердости/мягкости в восточносаамском. Восточносаамская палатализация имеет у них две трактовки. Одна точка зрения восходит к Т. И. Итконену, который рассматривает палатализацию как сильно редуцированный «сверхкраткий» гласный, обозначая его маленькой буквой ^{e} после согласного. А вторая точка зрения восходит к Э. Итконену, который трактует здесь палатализацию как просодический признак.

Рассмотрим вначале трактовку палатализации как сверхкраткого гласного. В своей фонетической транскрипции Т. И. Итконен, помимо сверхкраткого гласного, указывает и палатализованный характер предшествующего согласного (см., например, *vāŗŗ*^{e} ‘лес’ [Itkonen T. I. 1958: XXXVI]). Его последователи, обозначая фонетическую палатализацию согласного в восточносаамском так же, как Т. И. Итконен, в фонологической интерпретации вообще отказываются от обозначения и палатализованности согласного, и сверхкраткого гласного (см. [Лехтиранта 1986: 28–29]). П. Саммаллахти и А. Хворостухина, ничего не говоря о палатали-

ставлены в начале слова. При этом закрытое [e], перед которым возможны только мягкие согласные, и открытое [ɛ], в положении перед которыми возможны только твердые согласные, в начале слова не противопоставляются и являются аллофонами одной фонемы.

зованности согласного, оставляют в транскрипции кильдинского только сверхкраткий гласный, который они обозначают маленькими буквами ^{e} или ^{i}. См., например, кильд. [piell^{e}] *пӭлль* — сев.-саам. *bealli* ‘половина’, [čaazz^{e}] *чӑдзь* — *čáhci* ‘вода’, [âgg^{i}] *агкь* — *ahki* ‘век’, [guoll^{i}] *кӯлль* — *guolli* ‘рыба’, [niellg^{i}] *нӭлльк* — *nealgi* ‘голод’ [Sammallahti, Хворостухина 1991: 89–92].

Мы видим, что то, что Керт трактует как палатализацию, в финской традиции рассматривается как редуцированный гласный переднего ряда. Т.е. финские лаппонисты придерживаются исторической трактовки восточносаамской палатализации[5]. Как известно, палатализованные согласные в большинстве восточносаамских диалектов появились в результате апокопы переднего гласного (см., например, [Itkonen E. 1973: 145]). Это видно при сравнении более архаичного в этом отношении северосаамского с восточносаамским. Ср. сев.-саам. *guolli* — кильд. *кӯлль* ‘рыба’, *njávvi* — *нӓввь* ‘длинная шерсть на шее у оленя’, *logi* — *лоагкь* ‘десять’, *leaibi* — *лӭййпь* ‘ольха’, *njálbmi* — *нӓлльм* ‘рот’, а также примеры выше[6].

Традиционная трактовка палатализации как редуцированного гласного в финской лаппонистической традиции объясняется несколькими причинами. Во-первых, — этимологической, поскольку в саамских языках с более архаичной фонологией сохраняется гласный, вызвавший палатализацию. Во-вторых, — фонетической реализацией признака палатализации, который у большинства согласных выражен изменением качества перехода к последующему гласному (см., например, [Бондарко 1966: 395–396]). П. Ладефогед даже описывает палатализацию как «вторичную гласнообразную артикуляцию, которая обычно занимает очень короткое время» [Ladefoged 1971: 63]. Наконец, возможно, в данном случае сказалось отсутствие палатализованных согласных фонем в родном языке финских исследователей. Ср. замечание

[5] Вот как описывает эту ситуацию Т. И. Итконен: «Конечный гласный второго слога в двусложных словах в саамских диалектах России является сверхкратким, неполным или совсем отсутствует, или замещается аспирацией или сверхкратким звуком, похожим на предшествующий согласный, но с вокалической функцией» [Itkonen 1958: XXXVII].

[6] Подобным же образом появились палатализованные согласные и в эстонском: /kaš'/ ← */kassi/ ‘кошка’ (ср. вепс. /kazi/, сойк. иж. /kasi/).

Н. С. Трубецкого о том, что при интерпретации палатализованных согласных «иностранец порой замечает только комбинаторные варианты гласных, совершенно не воспринимая тембровых различий согласных» [Трубецкой 2000: 146].

Интерпретация палатализации в конце слова как редуцированного гласного финскими лаппонистами связана и с их трактовкой исконных протосаамских сочетаний согласных с расширяющимися дифтонгами /*ie/ и /*ea/ в кольском саамском. Керт рассматривает палатализацию в словах типа *сям* ‘борода’, *мя̄лк* ‘медленно’, *пя̄jjт* ‘тайна’, *кӗ̄ллэ* <чистить.INF>, *ря̄ӈӈкэ* <колоть.INF (о боли)> и т.п. как признак начального согласного. Согласные в позиции перед исконными дифтонгами /*ie/ и /*ea/ имеют те же фонетические характеристики, что и палатализованные согласные в конце слова, и отождествляются носителями языка с этими согласными. Финские лаппонисты также отмечают в кильдинском фонетическую тождественность палатализованных согласных в конце слова (в словах типа *кӯссь* [kūs'] ‘гость’, ср. сев.-саам. *guossi* /kuosī/) согласным перед исконными дифтонгами /*ea/ и /*ie/ в начале слова (ср., например, *сям* [s'am] ‘борода’, сев.-саам. *seamu* /seamū/). Однако они отрицают существование палатализованных согласных фонем и в этой второй позиции. Они трактуют фонетический элемент, который у большинства палатализованных согласных реализуется после основной артикуляции (см. выше), как первый компонент расширяющихся дифтонгов /ie/ и /ea/[7]. При этом финские исследователи здесь также основываются на этимологических соответствиях в других саамских языках. Ср. кильд. *сям* — сев.-саам. *seamu* ‘борода’, *пя̄jjт* ‘тайна’ — *beaitit* <скрывать.INF>, *мя̄лк* ‘медленно’ — *mealgat* ‘довольно долго’, *кӗ̄ллэ* — *geallat* ‘чистить.INF’, *ря̄ӈӈкэ* — *reaggut* ‘колоть.INF (о боли)’, *кӗ̄ддьк* — *geađgi* ‘камень’, *пӗ̄ннэ* — *pienne* ‘собака’ и т.п.

В данном случае мы вновь имеем дело с этимологической трактовкой того фонетически переходного от согласного к гласному элемента, который Керт рассматривает как палатализацию.

[7] Ср., например, транскрипцию соответствующих слов у Т. И. Итконена [Itkonen 1958]. Аналогичный анализ представлен и у М. Рисслера и Дж. Уилбура [Rießler, Wilbur 2007: 72].

Однако, поскольку этот переходный элемент (исконный первый компонент расширяющихся дифтонгов /*ie/ и /*ea/) в начале слова идентифицируется носителями языка с показателем палатализации в конце слова, следует вслед за Кертом трактовать исконные первые компоненты расширяющихся дифтонгов как признаки палатализации в кольском саамском.

Напомним, что словоформы с палатализованными согласными в конце слова являются односложными. Это делает невозможным интерпретацию палатализованных согласных как сочетаний согласного с гласным. Интересно, что при апокопе гласного непереднего ряда рефлекс этого гласного часто не обозначается Т. И. Итконеном [Itkonen T. I. 1958: XXXIV–XXXVI] и никогда не обозначается П. Саммаллахти. Ср., например, кильд. [jogg] *ёгк* ‘река’ — сев.-саам. *johka*, [kiill] *кӣлл* ‘язык’ — *giella* [Sammallahti, Хворостухина 1991: 89–92]. Это свидетельствует о вероятном отсутствии второго слога и в словах с исконными передними гласными.

В диахронии процесс совпадения в одну фонему палатализованных согласных аллофонов в середине и конце слова и согласных аллофонов перед исконными расширяющимися дифтонгами можно представить следующим образом. Вначале в кильдинском произошла апокопа /i/ и /e/ и фонологизация палатализации в конечной позиции. После этого начальные элементы расширяющихся дифтонгов /ea/ и /ie/ в первом слоге, фонетически сходные с выражением конечной палатализации, стали идентифицироваться с консонантным признаком палатализации в позиции конца слова. Т.е. переход /*seamu/ → кильд. /s'am/ *сям* ‘борода’, произошел в связи с изменением /*kūsi/ → кильд. /kūs̄'/ *кӯссь* ‘гость’. Вероятно, такой реинтерпретации начального элемента исконных расширяющихся дифтонгов /*ie/ и /*ea/ способствовал и сдвиг ударения внутри дифтонга: [*i·e] → [ie·], [*e·a] → [ea·].

Таким образом, в кильдинском появились палатализованные согласные в начале слова перед гласными заднего ряда, обеспечивая наличие противопоставления твердых и мягких согласных в этой позиции (примеры см. выше). Многочисленные заимствования из русского языка с мягкими согласными поддержали появление корреляции твердости/мягкости, ср. кильд. /t'ēm̄'/ *тӗммь* ‘тьма, темень’, /p'ērve/ *пӗрвэ* ‘первый’, /z'āht'/ *зӕ̄ҳтъ* ‘зять’, /saml'oht/ *самлёҳт* ‘самолёт’. Отметим, что русские мягкие

согласные перед гласными заднего ряда в кильдинских словах типа *зя̄hтѣ* и *самлёhт* произносятся так же, как исконные саамские согласные перед первой частью этимологического расширяющегося дифтонга. В финской лаппонистике, отрицающей существование палатализованных согласных в кольском саамском, до сих пор принято рассматривать эти русские заимствования как слова с расширяющимися дифтонгами. Ср. например, транскрипцию кильд. *zėȧɔ̆t̆t* ‘зять’ и *piervəi* ‘первый’ из [Itkonen T. I. 1958: 540, 930].

Учитывая неслоговую природу элемента, восходящего к исконным гласным переднего ряда, можно было бы предположить, что конечные палатализованные согласные в кольском саамском являются реализацией сочетания согласного с /j/, как, например, палатализованные [l'] и [r'] в словах типа *älg* ‘лось’ и *arg* ‘злой’ в шведском языке. Однако в шведском в позиции перед последующим гласным всегда проявляется слогоначальный /j/, ср. [ɛl'] *älg* <лось>, но [ɛl'.jen] *älgen* <лось:DEF>; [ar'] *arg* <злой>, но [ar'.ja] *arga* <злой:PL>. Это свидетельствует о том, что палатализованные [l'] и [r'] являются здесь реализацией сочетаний /lj/, /rj/. В отличие от шведского, палатализованные согласные в кольском саамском никогда не проясняются в сочетание согласного с [j], в которых [j] бы оказывался слогоначальным перед гласным следующего слога. Следовательно, палатализацию в кольском саамском фонологически нельзя отделить от предшествующего согласного.

В том случае, когда палатализация неотделима от согласного, она чаще всего является фонологическим признаком последнего, однако теоретически она может относиться и к единице, большей, чем фонема. Таким образом, оказывается, что определение фонологического статуса палатализации является наиболее простым в том случае, если палатализованный согласный может стоять в т. ч. в конце слова. Если же он возможен только в позиции перед гласным (как это было, например, в старославянском и древнерусском, и как это сейчас имеет место в южносаамском и в терском саамском), определить однозначно статус палатализации сложнее.

Именно случаи второго типа и послужили основанием для выделения палатализации как просодического признака. Предположения о возможности существования фонологически неделимого комплекса, состоящего из сочетания согласного с гласным,

выдвигались на протяжении всего XX века (обзор см. в [Журавлев 1966: 79–84]). В связи с нашим материалом более всего релевантна идея Аванесова о существовании эпохи фонологически нерасчлененных силлабем в праславянском и древнерусском, когда качество согласного (палатальный/непалатальный) было связано с качеством последующего гласного (передний/задний) [Аванесов 1947: 48]. Таким образом, Аванесов предположил просодическую интерпретацию палатализации в праславянском и древнерусском. В дальнейшем для описания этого явления был введен термин «слоговой сингармонизм». В это же время выдвигал свои идеи и английский африканист Дж. Р. Фирт. Он писал о просодиях палатализации, веляризации и назализации, которые могли характеризовать не только отдельный слог, но и многосложное слово в ряде африканских языков [Firth 1948].

Просодическую интерпретацию палатализации стали использовать и при описании фонологической системы саамских языков. Впервые предположение о существование просодий палатализации и веляризации в южносаамском было выдвинуто Г. Хассельбринком. Он утверждал, что в ударном слоге палатализованные согласные возможны только в сочетании с передними гласными, а веляризованные — только в сочетании с непередними гласными. Соответственно, нельзя рассматривать палатализацию или веляризацию ни как признак согласных, ни как признак гласных, а следует говорить о просодических признаках палатализации и веляризации [Hasselbrink 1965: 45-55]. Наряду с признаками палатализации и веляризации, Хассельбринк говорит о существовании еще двух просодических признаков — палатальности и велярности. В южносаамских словах типа /bi˽ssedh/ *bissedh* <жарить.INF> и /ee˽ge/ *eege* ‘собственность’ вся словоформа пронизана просодическим признаком палатальности. Для слов типа /bi˝ssedh/ *bissedh* <мыть.INF> и /ee˝luo/ *ealoe* ‘стадо оленей’ характерна просодема веляризации. Слова типа /gasge/ *gaske* ‘середина’ и /aalgab/ *aalkam* <начинать:1SG> просодически велярны. Для слов же типа /gi˛sge/ *giske* ‘между’ и /ee˛lgib/ *aelkim* <начинать:PST:1SG> характерна просодема палатализации.

Отметим, что, по Хассельбринку, на базисе одинаковой фонемной структуры противопоставляются не две просодемы, палатализация и веляризация, а три. Например, для словоформ, где

в первом слоге представлено сочетание согласного с гласным /i/, возможны палатальные последовательности (palatal sections /ˌ/, как в /biˌssedh/ *bissedh* <жарить.INF>), веляризованные последовательности (velarized sections /ˠ/, как в /biˠssedh/ *bïssedh* <мыть.INF>) и палатализованные последовательности (palatalized sections /ˎ/, как в /giˎsge/ *giske* ‘между’). Соответственно, на фонемных последовательностях, содержащих в первом слоге /u/, возможны велярные, веляризованные и палатализованные просодемы. Тип просодемы определяется типом сочетания гласного и согласного в ударном (первом) слоге.

Э. Итконен использовал идею Хассельбринка о просодической интерпретации южносаамской палатализации для анализа палатализованных согласных в кильдинском [Itkonen E. 1971: 106–108]. Такая трактовка была поддержана и М. Корхоненом в отношении колтта-саамского [Korhonen 1975: 15–17][8]. В. Клаус также считает, что следует говорить о просодической природе палатализации в кильдинском, поскольку палатализация охватывает здесь всю структуру слога [Клаус 1984: 278]. Действительно, целый ряд форм в кильдинском выглядит так, что просодическая интерпретация палатализованности кажется наиболее подходящей. Г. М. Керт также отмечает более переднюю реализацию некоторых гласных в позиции перед палатализованными согласными, в частности дифтонгов /ua/ и /ue/ [Керт 1971: 69–70].

Однако при просодической палатализации не должны быть возможны ни сочетания непереднего гласного с палатальным или палатализованным согласным, ни сочетания переднего гласного с непалатализованным согласным. Но именно такие сочетания как раз и возможны в кильдинском. На это указывал еще Э. Итконен, приводя подобные формы как аргумент в пользу консонант-

[8] Как было сказано выше, позднее Корхонен признал существование фонемной корреляции палатализации в кольском саамском, однако только для терского саамского. Причем именно терский саамский, с его отсутствием апокопы, мог бы более подходить для признания просодической природы палатализации. Основанием для фонемной интерпретации палатализации в терском саамском служит для Корхонена, прежде всего, менее ярко выраженная связь качества гласного с качеством последующего палатализованного согласного, чем в других восточносаамских диалектах (см. [Korhonen 1984: 313–314]).

ной природы палатализации, ср. кильд. [mieȓ] *мēрр* ‘море’, но [mieṛ̑] *мēррь* ‘мера’; [sa̯i̯j] *сайй* <точить:3SG> (с более передним *а)*, но [sȧ̯i̯j] *сайй* ‘место’ (с более задним *а)* [Itkonen E. 1971: 107]. Сам Э. Итконен все же предпочитает просодическую трактовку палатализации в восточносаамском [там же: 107–108].

При этом количество примеров, в которых палатализация согласного не сочетается с передним образованием предшествующего гласного, является весьма существенным. К приведенным выше примерам Э. Итконена можно было бы добавить множество случаев, в которых после переднего гласного следует непалатализованный согласный. Ср. кильд. [kīł̄] *кӣлл* — сев.-саам. *giella* ‘язык’, [l'ēs̄k] *лēсск* — *leaska* ‘вдова, вдовец’, [m'ēdas] *мēдас* — *mieđás* ‘по направлению, течению (ветра, реки)’, [p'īv̄l] *пӣввл* — *bievla* ‘проталина’ и т.п. Еще больше количество примеров сочетаний гласных заднего или смешанного ряда с последующими палатализованными согласными. Особенно отчетливо видно отсутствие связи качества гласного с качеством последующего согласного в том случае, когда они разделены слоговой границей. Ср., например, [łū.z'a] *лӯзя* — диминутив от [łūs̄] *лӯсс* ‘семга’, [mū.r'a] *мӯря* — диминутив от [mūr̄] *мӯрр* ‘дерево’, [tō.l'a] *тōля* — диминутив от [tōł̄] *тōлл* ‘огонь’ и т.п.

Корреляция по твердости/мягкости едва ли была заимствована в кольский саамский из русского, как считали Г. М. Керт [Керт 1994: 111] и Е. Стадник [Stadnik 2002: 34, 165]. И фонетическая характеристика палатализации в саамском (где она слабее, чем в русском), и ее диахрония, предполагающая апокопу, свидетельствуют о ее независимом развитии (ср. также [Rießler 2007: 231]). Однако многочисленные русские заимствования и фактическое двуязычие носителей саамских диалектов Кольского полуострова стали важным фактором укрепления этой корреляции.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что трактовка палатализации в восточносаамском ареале как просодического признака или как редуцированного гласного переднего ряда едва ли возможна. Следует признать справедливость интерпретации Керта, предположившего наличие в кольском саамском корреляции по твердости/мягкости.

3. Мягкие и полумягкие дентальные в кольском саамском

Постулировав наличие корреляции по твердости/мягкости в кильдинском, Г. М. Керт предположил особое в этом смысле положение дентального ряда, где противопоставлены не только твердые и мягкие, но и полумягкие /t̓/, /d̓/, /n̓/. Основные позиции противопоставления твердых, мягких и полумягких — это середина и конец слова. Ср. оппозицию типа кильдинской в записи Керта: *mānn (мāнн)* ‘месяц’ — *man'n̓ (маннь)* ‘яйцо’ — *man'n' (маннь)* ‘невестка’. Палатограммы данных словоформ свидетельствуют о разной степени палатализации у мягких и полумягких [Керт, Матусевич 1962: 24; Керт 1971: Приложение 3].

Однако типологические данные ставят под сомнение возможность предполагаемого Кертом различия мягких и полумягких дентальных. Уже Трубецкой отмечал, что в языках с корреляцией палатализации палатальный ряд не может быть автономным, поскольку он неизбежно расценивается как палатализованный апикальный или палатализованный гуттуральный [Трубецкой 2000: 146–147].

Е. Стадник, возражая Трубецкому, приводит кильдинский, терский саамский, польский, нижнелужицкий, ирландский и гэльский шотландский в качестве языков, в которых различаются палатальные и палатализованные дентальные [Stadnik 2002: 31–32]. В польском и нижнелужицком она выделяет противопоставление дентального /n/ палатальному /ń/, фонетически отличающееся от противопоставления непалатализованных и палатализованных согласных (/m/ — /m'/, /p/ — /p'/ и т.п.). Но функциональные отношения дентального и палатального *n* в польском и нижнелужицком оказываются абсолютно идентичными отношениям палатализованных и непалатализованных согласных (в частности, эти оппозиции нейтрализуются перед передними гласными). Следовательно, палатальные имеет смысл фонологически интерпретировать как палатализованные согласные (см. выше высказывание Трубецкого).

В ирландском и гэльском шотландском положение более сложное. Здесь действительно есть некоторые основания для предположения о существовании противопоставления палатальных палатализованным. Однако ситуация в этих языках отличается от положения дел в кольском саамском. В ирландском и гэльс-

ком шотландском сохраняется оппозиция исконных сильных неленированных сонантов, которые традиционно обозначаются как *ʟ* и *ɴ*, простым сонантам *n* и *l*. При этом каждый из членов этих пар может иметь палатализованный коррелят (/n/ — /n'/, /ɴ/ — /ɴ'/, /l/ — /l'/, /ʟ/ — /ʟ'/)[9]. Сильные *ʟ* и *ɴ* отличаются от *l* и *n* длительностью (ср. их обозначение в древнеирландском как *ll* и *nn)* и местом образования (они дентальные, тогда как *l* и *n* — альвеолярные или постальвеолярные) [Sommerfelt 1922: 48–50, 73–75; Borgstrøm 1940: 23–24, 69–70; 1941: 37–39]. Речь идет в данном случае не о противопоставлении палатализованных дентальных палатальным, а об оппозиции долгих (сильных) дентальных /ɴ/ и /ʟ/ долгим (сильным) палатализованным дентальным /ɴ'/ и /ʟ'/ и оппозиции кратких альвеолярных /n/ и /l/ палатализованным альвеолярным /n'/ и /l'/. Ирландские и гэльские шотландские диалекты отличаются друг от друга тем, какой из фонетических признаков исконных неленированных сонантов оказывается релевантным (длительность, напряженность эпиглоттиса или место образования). Самым устойчивым из этих признаков является место образования (дентальные vs. альвеолярные или постальвеолярные). Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с противопоставлением палатализованных дентальных палатальным, а с оппозицией палатализованных апико-дентальных /ʟ'/ и /ɴ'/ палатализованным апико-альвеолярным /l'/ и /n'/.

Существование противопоставления палатализованного /n'/ палатальному /ń/ в кольском саамском еще можно попытаться сопоставить с ситуацией в ирландских и гэльских шотландских диалектах, хотя, как мы видели выше, это сопоставление не вполне правомочно. Но предполагаемое Кертом противопоставление шумных смычных *t* и *d* по степени палатализованности вообще не находит типологических параллелей. Малая типологическая вероятность существования противопоставления дентальных с разной

[9] Противопоставление четырех *n* (/n/ — /n'/, /ɴ/ — /ɴ'/) и четырех *l* (/l/ — /l'/, /ʟ/ — /ʟ'/) есть, например, в ирландском диалекте Донегала [Sommerfelt 1922: 48–79]. В гэльских шотландских диалектах отмечают противопоставление только трех *n* и *l*, причем только в случае с *l* можно было бы говорить о двух разных типах палатализации (/l/ — /l'/ — /ʟ'/). При противопоставлении трех *n* (/n/ — /ɴ/ — /ɴ'/) только /ɴ'/ является палатализованным [см. Borgstrøm 1940: 17, 23–24, 84, 1941: 10, 37–39].

степенью палатализации заставляет нас рассмотреть предположение Керта о твердых, мягких и полумягких дентальных подробнее.

Начнем с противопоставления мягкого и полумягкого дентальных смычных. Мягкий /t'/ возможен, по Керту, в начале слова, ср., например, кильд. *t'aẖt (tя̄ht)* — сев.-саам. *deaivvá* <попадать:3SG>, но *taẖt (tāht)* <хотеть:3SG>; *t'al'l' (tālль)* — *dealli* ‘скользкое дерево, подкладываемое под лодку’, но *талл (tāлл)* ‘медведь’ [Керт 1971: 46]. Кроме того, мягкий оказывается возможным и в середине слова в интервокальном положении, ср. *t'at'a (тятӓ)* <олень:DIM>, но *tata (tāta)* <хотеть:1SG> [там же]. Долгого мягкого согласного /t̄'/ (у Керта — *t't')* нет.

Полумягкий краткий /t̓/ возможен в середине слова перед мягким согласным: *k'etk̄ (kētьk)* <росомаха:PL>, в конце слова после согласного: *pɛŗt̄ɛs't̓ (пэртэсьт)* <дом:LOC>, и в конце слова после гласного: *k'it̄ket̓ (кӣдҍкэтҍ)* <камень:ACC:PL>. Полумягкий долгий возможен в середине слова перед мягким согласным: *k'et̄k (kētтьk)* ‘росомаха’, и в конце слова после гласного: *at̓t̓ (адтьt)* ‘теперь’, *pi̯t̓t̓ (пыдт)* <принести:IMP>.

Полумягкий /d̓/ возможен в середине слова перед гласным: *pud̓e (пӯдэ)* <приходить:PST:3SG>, в середине слова перед мягким согласным: *k'ed̓g̃' (kēдьk)* <камень:PL>, и в конце слова после мягкого согласного: *navʾd̓ (нāввьт)* ‘зверь’. Мягкий [d'] выступает в ранних публикациях Керта только как позиционный вариант полумягкого перед передними гласными [Керт 1971: 45–46].

Таким образом, оказывается, что мягкие и полумягкие дентальные смычные находятся в кильдинском в дополнительной дистрибуции. Причем это относится не только к полумягкому [d̓] и мягкому [d'], что отмечал сам Керт[10], но и к полумягкому [t̓] и мягкому [t']. В начале слова мягкость [t'] обозначается последующими гласными буквами *е*, *ё*, *и*, *ю*, *я*. В середине слова перед гласной /e/, по Керту, может стоять только полумягкий, который на письме обозначается следующей за согласным особой буквой *ӭ* (например, *ёадтӭ* <ехать.INF>, *коадтӭ* <вязать.INF>, *ӯдӭнь* <блюдце:COM> (от *ӯдть* ‘блюдце’)). Для обозначения полумягких

[10] Говоря в более поздних публикациях о существовании фонем мягкого /d'/ и полумягкого /d̓/, Керт не приводит аргументации в пользу своей новой трактовки, см. [Керт 1993].

перед /а/ после согласного используют букву *ä*. Даже если предположение о различном фонетическом характере палатализации в начале и в середине слова справедливо (хотя наш материал это различие не подтверждает), очевидно, что мягкое и полумягкое *t* оказываются в дополнительной дистрибуции. В кильдинской орфографии это состояние находит отражение в том, что в начале слова нет написаний *тӭ* или *тä*, а в середине слова — написаний *те*.

Если Керт не дает минимальных пар для демонстрации противопоставления твердых, полумягких и мягких *t* в кильдинском, то Зайков, говоря об оппозиции трех типов дентальных в бабинском языке, приводит противопоставление /t/ — /ṫ/ — /t'/ в начале слова, ср. *tahk* <бить:3SG> — *ṫah'k* ‘очаг’ — *t'ahk* <толковать:3SG> [Зайков 1987: 47]. Однако та фонема, которую Зайков интерпретирует как мягкое /t'/, скорее всего является продвинутым вперед мягким /k'/, ср. сев.-саам. /keahkat/ *geahkat* <толковать.INF>[11]. Хотя не исключено, что в бабинском мы наблюдаем процесс превращения палатализованного велярного в палатальный смычный.

Если мы сравним дентальные смычные, определяемые Кертом как полумягкие и обозначаемые на письме «полумягким знаком» *ѣ*, с недентальными мягкими (палатализованными) согласными, то увидим их абсолютную функциональную идентичность. Причем она дополняется и общностью происхождения. Так называемые полумягкие дентальные смычные и мягкие недентальные согласные имеют один и тот же источник: исконное сочетание согласного с подвергшимся апокопе передним гласным. Ср. (в записи Керта) кильд. *kūl'l' (кӯлль)* — сев.-саам. *guolli* ‘рыба’, *kūs's' (кӯссь)* — *guossi* ‘гость’, *m'ēr'r' (мēррь)* — *mearri* ‘мера’ и *n'ēḍ̇ (нēдтѣ)* — *neahti* ‘куница’, *nūhṫ (нӯhтѣ)* — *nuohtti* ‘невод’. Соответственно, русские заимствования с мягкими дентальными смычными также интерпретируются носителями языка как полумягкие и обозначаются на письме полумягким знаком, ср. *z'āhṫ (зя̄hтѣ)* ‘зять’. Интересно, что в кильдинской орфографии мы не встретим

[11] Ср. также реализацию «мягкого» *ǩ* как палатального аффрицированного в этой позиции в колтта-саамском, напр. [č́i̯e̯ʰk̄] /ḱie̯k̄/ *ǩiōkk*, кильд. /k'igg/ *кигк*, сев.-саам. /kiehka/ *giehka* ‘кукушка’.

сочетания *т* или *д* с мягким знаком, который используется для обозначения мягкости других согласных. Вместо мягкого знака после *т* и *д* представлен только полумягкий знак *ѣ*. Это тоже может свидетельствовать об идентичном функциональном наполнении графем мягкого и полумягкого знаков в сочетаниях типа *тѣ* и *дѣ* и типа *рь*, *кь*, *мь* и др. В начале слова фонетически полумягкие согласные невозможны. В этой позиции Керт отмечает только мягкие согласные. Мягкое /t'/ и прочие мягкие согласные в позиции перед гласным также имеют единый источник происхождения — сочетание согласного с передними гласными и с исконным первым элементом расширяющихся дифтонгов /*ie/ и /*ea/. Ср. кильд. /t'ā̆l'/ *тя̄лль* — сев.-саам. *dealli* ‘скользкое дерево, подкладываемое под лодку’ и кильд. /s'am/ *сям* — сев.-саам. *seamu* ‘борода’.

Таким образом, мягкость и полумягкость *t*, также как и мягкость и полумягкость *d*, не противопоставлены ни в начале, ни в середине, ни в конце слова. Т.е. следует говорить не о фонологическом противопоставлении трех типов дентальных смычных — твердых, мягких и полумягких, — а только об оппозиции твердых /t/ и /d/ мягким /t'/ и /d'/, функционально соответствующей противопоставлению других твердых и мягких согласных.

Что же заставило Керта предположить существование фонологически противопоставленных твердых мягких и полумягких дентальных смычных в кольском саамском? Думается, что такое предположение обусловлено двумя причинами.

Во-первых, здесь могла сыграть роль фонетическая реализация полумягких [t̓] и [d̓], заметно отличающаяся от фонетической реализации /t'/ и /d'/ в русском, где мягкие дентальные смычные аффрицированы. В кольском саамском палатализация [t̓] и [d̓] не сопровождается их аффрицированностью, она как бы «слабее» русской палатализации. Отсюда и термин «полумягкие».

Однако сопоставление с русской палатализацией — не единственная причина определения Кертом полумягких и мягких дентальных смычных как разных фонем. Гораздо более веским основанием является обнаруженное здесь Кертом противопоставление трех типов дентальных носовых согласных, которое Керт трактует как оппозицию твердых, полумягких и мягких [Керт 1971: 59–60; 1993: 137]. Корхонен, вслед за предположе-

нием Керта о трех типах *n* в кильдинском, предлагает такую же трактовку и для терского саамского [Korhonen 1984: 315]. Стадник, опираясь на данные Керта, трактует твердое, полумягкое и мягкое *n* как непалатализованное /n/, палатализованное /n'/ и палатальное /ń/ [Stadnik 2002: 31–32].

Предлагаемое Кертом выделение указанных трех типов фонологически противопоставленных *n*, в отличие от предположения о релевантности трех типов дентальных смычных, имеет все основания. О том, что они фонологически различны, свидетельствуют их оппозиция в одинаковых контекстах, ср. приведенные выше *mānn (манн)* 'месяц' — *man'n̆ (мāннь)* 'яйцо' — *man'n' (маннь)* 'невестка'. О том, что и «полумягкое» /n'/, и «мягкое» /ń/ являются фонологически неделимыми с сегментной точки зрения, свидетельствует тот факт, что в их сочетаниях с последующими гласными в середине слова невозможен слогоначальный /j/. Причем оказывается, что именно полумягкое [n̆] функционально и диахронически соответствуют мягким недентальным согласным. Они имеют одинаковые источники происхождения — сочетания согласных с исконными гласными переднего ряда. Ср. кильд. *сāннь* — сев.-саам. *sátni* 'слово', *пāннь* — *bátni* 'зуб', *поаннь* — *bodni* 'дно' и кильд. *кӯлль* — сев.-саам. *guolli* 'рыба', *лоагкь* — *logi* 'десять', *лēнпь* — *leaibi* 'ольха'.

Таким образом, характерное только для кольского саамского ареала «полумягкое» (палатализованное) /n'/ (у Керта — *n̆)* образовалось в результате апокопы. При этом «мягкое» (палатальное) /ń/ (у Керта — *n')* имеет своим источником исконное палатальное /*ń/, которое реконструируется для протоуральского [Janhunen 1982: 24] и протосаамского [Korhonen 1981: 133]. В отличие от полумягкого (палатализованного) /n'/, оно характерно для всех саамских языков. Палатальное /*ń/ было возможно в протосаамском и в начале слова, и в середине слова перед гласным. К этим исконным позициям в восточносаамском ареале с апокопой добавилась и позиция конца слова. Ср. в интервокальной позиции: /kēńal/ *кэ̄нял* — сев.-саам. /kańal/ *ganjal*[12]

[12] В северосаамском нет корреляции палатализации, а палатальное /ń/, восходящее к исконному протосаамскому палатальному /ń/, обозначается на письме сочетанием *nj*.

‘слеза’, /vūńal/ *вӯнял* — /vuońal/ *vuonjal* ‘оленья самка от года до двух лет’; в конце слова после гласного: кильд. /mūń/ *мӯнь* ‘мороз’, /vueń̄/ *вуэннь* ‘невестка, жена старшего брата’, /čueń/ *чуэнь* — сев.-саам. /ʧuońā/ *čuonjá* ‘гусь’. Кроме исконного протосаамского палатального /*ń/, источником палатального /ń/ в восточносаамском оказываются и русские заимствования (ср. кильд. /ijuñ'/ *июннь* ‘июнь’). Именно середина и конец слова и являются основными позициями противопоставления «полумягкого» /n'/ «мягкому» /ń/. В начале слова эта оппозиция нейтрализована. Палатализованное /n'/, появившееся в результате реинтерпретации первой части исконных расширяющихся дифтонгов /*ea/ и /*ie/, совпало с рефлексом исконного палатального /*ń/. Примеры первого типа: кильд. /n'ēl̄'k'/ *нēлльк* — сев.-саам. *nealgi* ‘голод’, /n'āł̄ke/ *нӯллкэ* — *nealgut* <голодать.INF>, /n'ēd̄'/ *нēдтѣ* — *neahti* ‘куница’, /n'īj̄t/ *нӣййт* — *nieida* ‘дочь’, /n'īr̄/ *нӣрр* — *nierra* ‘щека’. Примеры второго типа: кильд. /n'uñ'/ *нюннѣ* — сев.-саам. *njunni* ‘нос’, /n'āv̄'/ *нӯввь* — *njávvi* ‘длинная шерсть на шее оленя’, /n'ad̄'e/ *нядтӭ* — *njaððit* <прикреплять.INF>, /n'āl̄'m'/ *нӯлльм* — *njálbmi* ‘рот’.

Кроме обнаруженной Кертом оппозиции трех разных *n*, отличающихся степенью палатализации, можно предположить и противопоставление трех аналогичных *l*. Существование трех таких *l* в терском саамском предположил Корхонен, сопоставляя их с тремя *n* и приводя в качестве доказательства формы *kīлл(а)* ‘язык’ — *kīl̥̀l̥e* <язык:ILL> — *vil̀l'(ᵃ)* ‘брат’ [Korhonen 1984: 315]. Оппозицию трех *l* в кильдинском предложили М. Рисслер и Дж. Уилбур [Rießler, Wilbur 2007: 68–72]. В качестве доказательства существования противопоставления палатализованного и палатального *l* в кильдинском можно привести пары типа /p'ēl̄́/ *пēлльй* ‘ухо’ (ср. сев.-саам. *beallji)* — /p'ēl̄'/ *пēлль* ‘половина’ (ср. сев.-саам. *bealli)*, /māl̄́/ *мāлльй* ‘окись’ — /māl̄'/ *мāлль* ‘сок деревьев’ (ср. сев.-саам. *máihli)*. В положении перед гласным следующего слога ни в формах типа *пēлльй* и *мāлльй*, ни в формах типа *пēлль* и *мāлль* [j] не появляется. Это свидетельствует о том, что и палатальное /ĺ/, и палатализованное /l'/ являются сегментно далее неделимыми фонологическими единицами.

Если источники палатализованного /l'/ ясны (они соответствуют источникам других палатализованных согласных, см. вы-

ше), то вопрос об источниках палатального /Ĺ/ не столь однозначен. В отличие от единодушного признания наличия палатального /*ń/ и в протоуральском, и в протосаамском всеми финно-угроведами, вопрос о существовании в них палатального /*Ĺ/ остается открытым. Корхонен не включает его в состав фонем протосаамского [Korhonen 1981: 132][13]. Однако некоторые финно-угроведы не отрицают возможность его существования и в протоуральском, и в протосаамском [Janhunen 1982: 24; Hajdú 1987: 184]. О существовании палатального /*Ĺ/ в протосаамском может свидетельствовать палатальное /Ĺ/ во многих современных саамских языках, ср., например, приведенную выше северосаамскую форму *beallji* /peaĺ̄i/. Но его позиционное распределение в любом случае отличалось от распределения палатального /*ń/, поскольку /*Ĺ/, в отличие от /*ń/, было невозможно в начале слова.

Для синхронной фонологической интерпретации палатального и палатализованного *l* вопрос об их источниках не столь важен. Важно, что они являются в сегментном отношении далее неделимыми фонологическими единицами и противопоставлены в одинаковых позициях. Поскольку палатальное и палатализованное *l* не противопоставлены в начале слова, следует говорить об их нейтрализации в этой позиции.

Новая трактовка фрагмента саамского консонантизма предполагает и необходимость внесения определенных изменений в кильдинскую орфографию. В частности, можно было бы предложить всегда одинаковым образом обозначать палатализацию у всех согласных фонем, в том числе у /t'/, /d'/ и /n'/, а также единообразно обозначать палатальность /ń/ и /Ĺ/. Однако вопрос о кильдинской орфографии сложен, так как разные группы носителей языка имеют о ней крайне различающиеся представления. Поэтому мы пока воздержимся от предложений по ее усовершенствованию.

4. Выводы

Подытоживая, следует признать существование введенной Кертом корреляции палатализованных (мягких) и непалатализо-

[13] Позднее Корхонен признал возможность его существования в протоуральском [Korhonen 1988: 272].

ванных (твердых) согласных в кольском саамском, которая включает в себя и противопоставление дентальных смычных /t/ — /t'/, /d/ — /d'/. Но последовательный фонологический анализ не подтверждает предлагаемую им оппозицию твердых, полумягких и мягких шумных дентальных смычных, противопоставленных по степени палатализации. При этом в кильдинском и терском саамском существует отмеченное Кертом типологически очень редкое фонологическое противопоставление трех типов *n*, различающихся по степени палатализации: непалатализованного (по Керту, «твердого») /n/, палатализованного (по Керту, «полумягкого») /n'/ и палатального (по Керту, «мягкого») /ń/. Кроме этого, в кольском саамском существует и противопоставление трех типов *l*: непалатализованного (веляризованного) /l/ [ɫ], палатализованного /l'/ и палатального /ĺ/, функционально соответствующее противопоставлению трех типов *n*. В начале слова оппозиция палатальных и палатализованных *l* и *n* нейтрализована.

Палатализованные согласные в конце слова являются рефлексами протосаамских сочетаний согласных с гласными переднего ряда, претерпевшими апокопу. Палатализованные согласные перед /a/ и /e/ явились результатом реинтерпретации первых элементов расширяющихся дифтонгов /*ea/ и /*ie/ как признаков палатализации. Палатальные согласные /ń/ и /ĺ/ в кольском саамском являются рефлексами протосаамских (и, возможно, протоуральских) палатальных /*ń/ и /*ĺ/.

Литература

Аванесов Р. И. 1947. Из истории русского вокализма. Звуки «i» и «y» // Вестник Московского государственного университета 1. С. 41–56.

Бондарко Л. В. 1966. Некоторые замечания по поводу маркированности-немаркированности членов фонетических противопоставлений // Шаумян С. К. (отв. ред.). Исследования по фонологии. М.: Наука. С. 394–400.

Журавлев В. К. 1966. Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // Шаумян С. К. (отв. ред.). Исследования по фонологии. М.: Наука. С. 79–96.

Зайков П. М. 1987. Бабинский диалект саамского языка (фонолого-морфологическое исследование). Петрозаводск: Карелия.

Керт Г. М. 1971. Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука.

Керт Г. М. 1993. Саамский язык // Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова (отв. ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука. С. 134–148.

Керт Г. М. 1994. Саамско-русские языковые контакты // Прибалтийско-финское языкознание: сборник статей / П. М. Зайков, В. Д. Рягоев (ред.). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН. С. 96–116.

Керт Г. М., Матусевич М. И. 1962. К вопросу о составе согласных фонем в вороньинском говоре кильдинского диалекта саамского языка // Ученые записки Ленинградского государственного университета 314. Серия филологических наук 63. С. 19–37.

Клаус В. 1984. Об алфавите и орфографии литературного языка кольских саамов // Советское финно-угроведение 20, 4. С. 274–281.

Куруч Р. Д. 1985. Краткий грамматический очерк саамского языка // Р. Д. Куруч (ред.). Саамско-русский словарь. М: Русский язык. С. 529–567.

Лехтиранта Ю. 1986. К вопросу о создании письменности для кольских саамов // Советское финно-угроведение 12, 1. С. 25–29.

Терешкин С. Н. 2002. Йоканьгский диалект саамского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена.

Трубецкой Н. С. 2000 [1939]. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс.

Bergsland K. 1994. Sydsamisk grammatikk. Karasjok: Davvi Girji.

Borgstrøm C. Hj. 1940. The dialects of the Outer Hebrides. (A linguistic survey of the Gaelic dialects of Scotland 1; Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, suppl. bind I). Oslo: Norwegian Universities Press.

Borgstrøm C. Hj. 1941. The dialects of Skye and Ross-shire. (A linguistic survey of the Gaelic dialects of Scotland 2; Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, suppl. bind II). Oslo: Norwegian Universities Press.

Firth J. R. 1948. Sounds and prosodies // Transactions of the Philological Society. P. 127–152.

Hajdú P. 1987. Die uralischen Sprachen // P. Hajdú, P. Domokos (hgg.). Die uralischen Sprachen und Literaturen. (Bibliotheca Uralica 8). Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 21–450.

Hasselbrink G. 1965. Alternative analyses of the phonemic system in Central South-Lappish. (Indiana University publications. Uralic and Altaic series 49). Bloomington: Mouton.

Itkonen E. 1971. Ehdotus kildinlapin Šongujn murteen fonemaattiseksi transkriptioksi // E. Itkonen, T. Itkonen, M. Korhonen, P. Sammallahti (toim.). Lapin murteiden fonologiaa. (Castrenianumin toimitteita 1). Helsinki: Vammalan kirjapaino. P. 87–110.

Itkonen E. 1973. Phonetische und phonologische Betrachtung der ostlappischen Dialekte // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja 72. P. 129–149.

Itkonen T. I. 1958. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 15, 1).

Janhunen J. 1982. On the structure of Proto-Uralic // Finnisch-Ugrische Forschungen 44. P. 23–42.

Korhonen M. 1981. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

Korhonen M. 1975. Zur Phonologie des Skoltlappischen // Symposion Phonologische Analyse der uralischen Sprachen, Berlin, 17.–20. September 1974. (Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsberichte 22). Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR; Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. P. 11–34.

Korhonen M. 1984. Zur zentralen Problematik der terlappischen Phonologie // P. Hajdú, L. Honti (hgg.). Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 311–325.

Ladefoged P. 1971. Preliminaries to linguistic phonetics. London; Chicago: University of Chicago Press.

Rießler M. 2007. Grammatical borrowing in Kildin Saami // Y. Matras, J. Sakel (eds.). Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. Berlin: Mouton de Gruyter. P. 229–244.

Rießler M., Wilbur J. 2007. Documentation of the endangered Kola Saami languages // T. Bull, J. Kusmenko, M. Rießler (red.). Språk og språkforhold i Sápmi. (Berliner Beiträge zur Skandinavistik 11). Berlin: Humboldt-Universität. P. 39–82.

Sammallahti P., Хворостухина А. 1991. Unna sámi–cāмь sátnegirjjáš. Удць cāмь–sámi соагкнэгка. Ohcejohka: Girjegiisá.

Sommerfelt A. 1922. The dialect of Torr Co. Donegal. (Videnskapsselskapets Skrifter II. Historisk-filosofisk Klasse 1–2). Cristiania (Oslo): Jacob Dybwad.

Stadnik E. 2002. Die Palatalisierung in den Sprachen Europas und Asiens: eine areal-typologische Untersuchung. (Tübinger Beiträge zur Linguistik 461). Tübingen: Narr.

Н. В. Кузнецова

ПРОСОДИКА СЛОВОФОРМЫ В НИЖНЕЛУЖСКОМ ДИАЛЕКТЕ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА[1]

1. Введение

1.1. Общие положения

Данная статья посвящена фонетическому описанию и фонологическому моделированию системы количественных контрастов в стопе в нижнелужском диалекте ижорского языка. В настоящее время на нем говорит около 60–70 человек 1920–1940-х гг. рождения. Основной языковой материал для статьи был собран в ходе 4 экспедиций на Нижнюю Лугу в 2006–2010 гг., а также получен из аудиоархивов (личный архив М. З. Муслимова, архив Центра исследования языков Финляндии в г. Хельсинки). Использовались записи переводных анкет и спонтанной речи 59 носителей нижнелужского диалекта. Группы говоров нижнелужского диалекта выделяются согласно работе [Кузнецова 2009b] и представлены на Карте 5 в Приложении 6. В нижнелужском диалекте обнаруживается два крупных ареала — северо-восточный и юго-западный. В свою очередь, северо-восточный ареал делится на северную (деревни Липово, Остров, Новая Деревня) и восточную (деревни района Краколья) группы говоров. Юго-западный же подразделяется на южную (деревни по левому и правому берегу р. Луги, от Куровиц, Волково и южнее) и западную (деревни Большое Куземкино, Ропша, Малое Куземкино, Новое Куземкино) группы.

1.2. Стопа в ижорском языке

Понятие стопы представляется центральным для описания просодики ижорского языка. Стопа определяется в данной работе

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект 08-04-00152а) и гранта фонда Альфреда Корделина. Выражаю глубокую признательность всем носителям нижнелужского диалекта, помогавшим мне в работе, а также участникам ижорских экспедиций под рук. Ф. И. Рожанского, М. З. Муслимову и Н. А. Дьячкову за помощь в сборе материала.

как просодическая единица выше уровня слога и ниже уровня фонетического слова, внутри которой наблюдается более сильная фонетическая и фонологическая взаимосвязь слогов и сегментов, чем на межстопных границах (см. анализ этого понятия в типологическом аспекте и в применении к ижорскому языку в статье [Кузнецова 2009а]). Для ижорского, как и для других стопических языков, основным типом стопы является двусложный. Кроме того, в языке представлены односложные и трехсложные стопы.

Двусложные и трехсложные стопы подразделяются на два основных подтипа: стопы с **первым долгим** и с **первым кратким слогом**. Краткий слог — это открытый слог, содержащий краткий гласный. Долгими являются все остальные типы слогов: содержащие долгий гласный или дифтонг и/или закрытые. В дальнейшем будет также использоваться понятие (просодического) **ядра стопы**. Ядро стопы определяется как последовательность сегментов от гласного первого до гласного второго слога включительно.

1.3. Стопические акценты в ижорском языке

В ижорском языке обнаруживается просодическая взаимосвязь количественных контрастов элементов, входящих в ядро стопы: гласных первого и второго слогов, а также согласных между ними. Выделяется несколько общих **схем пропорционального распределения количества в ядре**, не зависящих от конкретной сегментной структуры ядра. Одновременно конкретная структура ядра, а также всей стопы, оказывает влияние на абсолютные значения длительности сегментов, поскольку в ижорском языке действует тенденция к **изохронности стопы** (термин «изохронность» введен К. Л. Пайком [Pike 1945]). Эта тенденция состоит в стремлении к уравниванию общей длительности стоп вне зависимости от их сегментного состава. Чем больше сегментов содержит стопа, тем меньше абсолютная длительность каждого из них, и наоборот. Те явления продления и редукции звуков, которые можно описать как следствие действия этой тенденции, считаются в данной работе фонетическими. Те же количественные феномены, которые этой тенденции противоречат, рассматриваются как фонологические.

За счет действия данной тенденции, классы абсолютной длительности сегментов в стопах разной структуры оказываются не-

сопоставимы. Однако эти классы получаются непересекающимися, если измерять длительность сегментов в стопах одинаковой структуры (особенно в речи одного информанта).

Указанные количественные классы сегментов связаны в несколько типовых схем распределения в рамках стопы. Схемы определяют сочетаемость и последовательность классов. Они также описывают более или менее постоянные пропорциональные соотношения между элементами стопы (в особенности ее ядра). Эти соотношения варьируют в речи гораздо меньше, чем абсолютная длительность сегментов.

Кроме того, данные схемы связаны определенными отношениями с распределением различных типов **фонетических стопических ударений** в словоформе. Основной коррелят ударения — повышение основного тона, вспомогательный — интенсивность гласного.

В данной работе выделяются два параметра, классифицирующие типы ударения в ижорском языке. Во-первых, разграничиваются две степени ударности — **главная** (более высокий тон, бóльшая интенсивность гласного) и **второстепенная**. Второстепенное ударение выражено более слабо и в беглой речи реализуется не всегда.

Во-вторых, различаются **морфологически связанное** и **несвязанное ударение**. Морфологически связанное ударение не может сдвигаться со слога, на который падает, даже если оно нарушает ритмические фонетические правила постановки стопического ударения в словоформе. Оно может быть главным или второстепенным.

Автоматическое, морфологически несвязанное ударение всегда подчиняется ритмическим правилам членения словоформы на стопы и может быть только второстепенным.

Набор схем количественных контрастов в стопах, несущих ударения этих трех типов, несколько различается.

Фонологическое описание количества в ижорском языке может опираться либо только на количественные классы сегментов, либо только на типовые схемы их распределения в рамках стопы, либо и на то, и на другое. В первом случае количество будет описано исключительно на фонемном уровне, во втором — только на просодическом уровне, в третьем — будет распределено между двумя этими уровнями.

В настоящем исследовании принимается третий вариант описания. То есть для ижорского языка постулируются следующие фонологические оппозиции: а) кратких и долгих фонем, б) типовых схем распределения количества в стопе. В дальнейшем такие типовые схемы называются **стопическими акцентами**. Они составляют фонологическую просодическую парадигму уровня стопы.

Данный подход к описанию ижорских количественных контрастов различает просодические свойства, во-первых, сегментов в разных позициях в стопе, во-вторых, гласных и согласных. Он был подробно представлен и проиллюстрирован для сойкинского диалекта в статье [Кузнецова 2009а].

Ключевым критерием для выбора именно такого варианта описания является удобство моделирования морфонологической системы языка. Также косвенно учитывались исторические процессы возникновения указанных количественных контрастов.

1.4. Стопические акценты в сойкинском диалекте

В данном разделе будут проиллюстрированы стопические акценты, получаемые при применении описанного выше подхода к сойкинскому диалекту. Прежде всего, упомянем некоторые общие особенности описания сойкинской фонологии с помощью стопических акцентов.

Для гласных основное противопоставление проводится между позициями начального слога стопы под морфологически связанным главным ударением (= «начального слога корневых морфем») и всех прочих слогов (= «неначальных»). В начальном слоге корневых морфем различаются долгие и краткие гласные фонемы. Количество долгих гласных в этой позиции может дополнительно варьировать в зависимости от конкретного стопического акцента. Все гласные неначальных слогов считаются фонологически краткими. Варьирование их количества целиком относится на уровень реализации различных стопических акцентов.

Для согласных различаются следующие два важнейших типа позиций: а) интервокальная и (только для *k*, *p*, *t*, *s)* после сонорного; б) все остальные позиции. Считается, что в позициях первого типа существует фонологическое противопоставление сильных и слабых согласных, а в позициях второго типа согласные всегда слабые. В начальном слоге корневых фонем количество как силь-

ных, так и слабых согласных может дополнительно варьировать в стопах под различными акцентами.

По сравнению со статьей [Кузнецова 2009a], в систему сойкинских акцентов были внесены некоторые коррективы, учитывающие фонологический контраст, ранее не попавший в поле зрения автора. Скорректированная система была представлена в кандидатской диссертации [Кузнецова 2009b]; ср. также последние в этой области фонетические исследования [Markus 2010, 2011]. Ниже эта система будет изложена в сжатом виде.

В целом для сойкинского диалекта ижорского языка предлагается система из трех акцентов: **легкого** /´/, **тяжелого** /`/ и **сверхтяжелого** /``/: *l´ep̄ä* [le·ppä̆] Mä[2], Ha, Vi, Mk, Ks ‘ольха’, *t`ap̄a* [ta·p̆pà] Ha <поймать.3SG>, *t``ap̄a* [ta·ppà] Ha <убивать.INF>.

1.4.1. Акценты в многосложных стопах. В двух- и трехсложной стопе с первым кратким слогом ядро стопы (VCV[3]) реализует всего одну схему распределения количества. В этой схеме второй гласный подвергается просодическому продлению и реализуется длиннее, чем гласный первого слога. В тех случаях, когда ударение на первом слоге такой стопы является морфологически связанным, на фонологическом уровне стопа маркируется легким акцентом: *k´ana* [ka·nà] Ha, Vo, Sa, Sä ‘курица’, *r´äpäk̄ä* [rä·bä̀k̆kä̆ ~ rä·bä̀k̆kä̆] Re, Ha ‘полотенце’. Если ударение на такой стопе является морфологически несвязанным, какая-либо акцентная маркировка на фонологическом уровне отсутствует. Ср. вторую стопу в *st´arika-le* [šta·rìga:łè ~ šta·rìgăłe:] Vi <старик-ALL>. Просодическое ядро стопы с первым кратким слогом может быть названо «уравновешенным», поскольку в нем нет отчетливо выраженной просодической вершины. Первый слог ядра является «средоточием» ударности, а второй — длительности.

---

[2] При каждой словоформе отмечаются населенные пункты, в которых она была зафиксирована в моем материале (расшифровку сокращений см. в Приложении 4). Курсивом без скобок дается фонологическая транскрипция, в [] — фонетическая (правила транскрипции см. в Приложении 7). Морфологические границы внутри словоформ обозначаются только при фонологической записи.

[3] Здесь и далее: V — краткий гласный; V̄ — долгий гласный; C — слабый согласный; C̄ — сильный согласный; R — сонорный; T — смычный и *s*.

Для двух- и трехсложной стопы с первым долгим слогом следует отдельно рассмотреть несколько типов сегментной структуры ядра. В целом ядро такой стопы можно назвать «неуравновешенным», так как первый слог является здесь отчетливой просодической вершиной.

1. В ядре структуры VC̄V двух- и трехсложных стоп, несущих морфологически связанное главное ударение, противопоставлены три типа схем распределения количества. Они маркируются тремя стопическими акцентами:

1) легкий акцент: V_2 подвергается количественной и иногда качественной редукции[4], он обычно короче V_1 и более чем в 2 раза короче C̄:

l ´iīa [li·nna ~ li·nnă ~ li·nnə] Re, Ha, Vi, Sa ‘город’;

l ´iīa-n [l·innan ~ l·innăn ~ l·innən] Re, Ha <город-GEN>;

k ´atīla [ka·ťťĭlă ~ ka·ťťĭlə] Re, Ha, Vi, Sa ‘котел’;

2) тяжелый акцент: V_2 подвергается просодическому продлению, он обычно превышает по длительности V_1 и менее чем в 2 раза короче C̄:

k `aīa [ka·ňnà] Ha, Vi, Sa, Sä <курица.PART/ILL>;

k `aīo-i [ka·ňnòi̯] Ha, Vi, Sa, Sä <курица-ILL.PL>;

k `atīaja [ka·ťàjă] Re, Ha, Vi, Sa ‘можжевельник’;

3) сверхтяжелый акцент: V_2 и C̄ подвергаются просодическому продлению; V_2 обычно превышает по длительности V_1, но более чем в 2 раза короче C̄:

l ``iīa [li·nnà ~ li·ňnà] Re, Ha, Vi, Mk, Ks <город.PART/ILL>;

l ``iīa-s [li·nnàš] Re, Ha, Vi <город-INS>;

n ``atīo-j-a [na·ttojă] Ha <тина-PL-PART>.

Схематически пропорциональные отношения сегментов в ядре VC̄V можно записать следующим образом:

1) легкий акцент: $V_2 \leq V_1$, $V_2 \leq \bar{C}/2$;

2) тяжелый акцент: $V_2 \geq V_1$, $V_2 \geq \bar{C}/2$;

3) сверхтяжелый акцент: $V_2 \geq V_1$, $V_2 \leq \bar{C}/2$.

Данные соотношения отражают наиболее общие тенден-

[4] Нелабиализованные гласные *a*, *ä*, *e*, *i* при этом часто претерпевают редукцию до [ə], особенно *a* и *ä*. Однако редукция неначальных гласных в большинстве говоров сойкинского диалекта проясняется информантами и поэтому может считаться фонетической.

ции. Они являются средними арифметическими, получаемыми при сопоставлении словоформ, содержащих сегменты разного качества и произнесенных в различных просодических условиях разными информантами[5]. Основой для анализа послужили экспериментальные данные, опубликованные в работах [Кузнецова 2009a, 2009b; Markus 2010].

В качестве одного из примеров приведем результаты измерения количества основных элементов ядра в речи сойкинской информантки AJF из дер. Гамолово[6]:

Таблица 1. Количественные и пропорциональные характеристики акцентов в различных структурах

ак-цент	струк-тура	V_1, мс	σ, мс	$\bar{C}$, мс	σ, мс	V_2, мс	σ, мс	V_2/V_1	σ	$V_2/\bar{C}$	σ	кол-во
/´/	*k´ana*	107	17,4	90	20,1	150	22,9	1,4	0,28	1,7	0,43	11
	l´iña	117	18,4	192	19,8	71	18	0,6	0,18	0,4	0,12	12
/´/	*l´iñan*	98	15,1	179	14,8	71	8,2	0,7	0,14	0,4	0,07	7
	k´ātila	121	22,3	173	3,2	55	2,3	0,5	0,08	0,3	0,01	4
	k`aña	109	18,1	170	18,5	114	25,7	1,1	0,27	0,7	0,15	13
/`/	*k`añoi*	110	8,2	138	13,1	90	14,1	0,8	0,1	0,7	0,13	5
	k`ātaja	117	19,6	147	11,3	108	22,7	0,9	0,09	0,7	0,18	4
	l``iña	101	19,1	231	19	106	26,8	1,1	0,22	0,5	0,01	15
/``/	*l``iñas*	96,2	22	200	23,7	100	20,5	1,1	0,32	0,5	0,01	5
	n``ātoja	110	16,6	207	17,6	73	14,1	0,7	0,11	0,4	0,07	3

Примечания. «V_2» — длительность гласного 2-го слога; «V_2/V_1» — отношение гласного 2-го слога к гласному 1-го слога; «$\bar{C}$» — длительность интервокального согласного; «σ» — стандартное отклонение от среднего; «кол-во» — количество произнесений. В случае структуры *k´ana* измерялись различные словоформы, содержащие *n* или *l*. Словоформы произносились изолированно или на конце переводной фразы.

[5] Результаты более частных исследований (например, конкретных идиолектов) могут отчасти отклоняться от этих общих закономерностей. Например, в приводимом ниже идиолекте AJF продленные гласные второго слога реализуются несколько короче среднего по информантам уровня. Ср. также варьирование отношения длительности геминат к длительности гласных второго слога по идиолектам в [Markus 2010: 46].

[6] Дополнительные социолингвистические сведения об информантах см. в Таблицах 1–2 Приложения 3.

Редукцию гласного второго слога в первой схеме реализации количества в ядре VC̄V *(l´īpa* и др.) можно объяснить так же, как и продление второго гласного в стопе с ядром VCV *(k´ana)* — действием фонетической тенденции к изохронности стопы. Поэтому в обоих этих случаях просодическая реализация ядра является немаркированной, и стопе приписывается легкий акцент. Отметим, что первая схема количества для ядра VC̄V может, как и в случае с ядром VCV, реализовываться и под морфологически несвязанным второстепенным ударением. В этом случае акцентная маркировка на стопе отсутствует. Ср. минимальную пару, различающуюся наличием vs. отсутствием акцента на второй стопе:

´ikun´alе [i·k̆kŭna·l̆lĕ] Re, Ha, Vi, Mk, Sä, Ks ~ [i·k̆kŭn̆a·l̆lĕ] Vo ‘на улицу, наружу’ (наречие)

vs. *´ikuna-lе* [i·k̆kŭna:l̆lĕ ~ i·k̆kŭna̯l̆lĕ:] Re, Ha, Vi <окно-ALL>.

Вторая *(k`apa* и др.) и третья *(l``ipa* и др.) схемы распределения количества в ядре VC̄V являются маркированными и реализуются только под морфологически связанным главным ударением.

2. Все три типа акцентов отмечены также в ядрах структуры **VRT̄V, V̄C̄V, VVC̄V**, но только в **двусложных стопах**, например:

1) легкий: *p´alka* [pa·l̆k̆kă] Ha ‘зарплата’;

2) тяжелый: *j`alka* [ja·l̆kà ~ ja·l̆kà] Re, Ha, Vi <нога.PART/ILL>;

3) сверхтяжелый: *p``alka* [pa·l̆k̆kà ~ pa·l̆kkà] Ha <зарплата.PART/ILL>.

3. В ядрах и стопах другой структуры могут быть противопоставлены только **по два типа акцента**:

а) **легкий** vs. **тяжелый** (оппозиция размыта):

k´iuka-ta [kiu·kəda ~ kiu·k̀əda] Ha, Vo, Vi ~ [kiu·k̆kəDa] Re <печь-PART>

vs. *`aiko-j-a* [ai̯k̀òja ~ ai̯k̀oja ~ ai̯k̆koja] Ha, Vi ~ *´aiko-j-a* [ai̯·k̆kŏja] Re <время-PL-PART>

(так же и *p`aiko-j-a* Ha, Vi ~ *p´aiko-j-a* Re <место-PL-PART>);

б) **легкий** vs. **сверхтяжелый**:

k´oira [ko·i̯ră] Re, Ha, Vo, Vi, Mk, Sa, Sä ‘собака’

vs. *k``oira* [ko·ì̯rà] Re, Ha, Vo, Vi, Sa <собака.PART/ILL>;

k´ülmä [kü·lmă̆] Ha, Vi, Mk, Ks ‘холодный’

vs. *k``ülmä* [kü·l̀mà̆] Ha, Vi <холодный.PART/ILL>;

h´āra [hā·ră] Sv, Ha ‘ветка’

vs. [hà̄·rà] Ha <ветка.PART/ILL>;

в) **тяжелый** vs. **сверхтяжелый**:

m`ak̄ia [ma·ǩkìa] Vo ~ [ma·ǩkia] Ha, Vo, Vi, Sa ‘сладкий’

vs. *k``uk̄-i-a* [ku·kkia] Vo <цветок-PL-PART>.

1.4.2. Акценты в односложных стопах. Акценты на **односложной стопе** могут реализоваться в сойкинском диалекте в двух случаях:

1) в последнем слоге словоформ, состоящих из более чем двух слогов;

2) в односложных словоформах.

В первом случае возможна оппозиция:

а) **отсутствия акцента** — безударный редуцированный гласный (иногда может нести морфологически несвязанное автоматическое ударение):

ík̄una [i·ǩkŭnă] Ha, Vo, Vi ‘окно’, *ík̄una-n* [i·ǩkŭnăn] Ha, Vi <окно-GEN>;

v ́ala-ma [va·łàmă] Vi, Ve ~ *v ́ala-mā* [va·łàmā] <лить-1PL>;

б) **тяжелого акцента** — продленный гласный под морфологически связанным второстепенным ударением:

ík̄un`a-l [i·ǩkŭnà:ł ~ i·ǩkŭnàł] Vi <окно-AD>;

t ́änäp`ä [tä·nə̀bə̀: ~ tä·nə̀bə̀] Mä, Vi, Rö, Sä ‘сегодня’;

в) **легкого акцента** — фонологически краткий или долгий гласный под морфологически связанным главным ударением:

ík̄un ́al [i·ǩkŭna·ł ~ i·ǩkŭna·ɬ̀ ~ i·ǩkŭnà·ł] Re, Ha, Vo, Vi, Mk, Sä, Ks ‘на улице, снаружи’;

p ́unap ́ā̄ [p·unàp·ə̄] Ha, Vi, Mk ‘подосиновик’.

Что касается односложных словоформ, то они обычно составляют отдельную односложную стопу и маркируются **легким акцентом**: *m ́ā̄* Ha, Vo, Vi, Sa ‘земля’, *p ́ū̄* Ha, Mä, Vo, Vi, Mk, Sa ‘дерево’, *ó* Re ~ *ú* Vi, Kr, Mk, Sa <быть.IMP>. Однако некоторые односложные словоформы часто выступают в качестве клитик, и тогда для них принимается два варианта фонологической записи: *hä* ~ *h ́ā̄* [hä ~ hə̀: ~ hə̄·] Re, Ha, Vo, Vi ‘он’, *se* ~ *s ́ē̄* [se ~ sè: ~ sē·] Kl, Re, Mä, Ha, Vi, Ve, Ru, Kr, Mk ‘тот’.

2. **Основные различия в просодике сойкинского и нижнелужского диалектов**

В силу большей диалектной раздробленности нижнелужского диалекта, моделирование системы супрасегментных единиц

для него оказывается сложнее, чем для сойкинского диалекта. Вокализм неначальных слогов нижнелужского ижорского и тесно связанные с ним проблемы акцентологии требуют дополнительного, более подробного экспериментального изучения. Ниже будут представлены предварительные результаты, основанные главным образом на слуховом анализе и только в отдельных случаях подкрепляемые данными экспериментальных измерений длительности звуков.

В целом в нижнелужском и других ижорских диалектах представлены более продвинутые стадии редукции неначальных гласных, чем в сойкинском диалекте. Так, еще в 1960-е гг. А. Лаанест отмечал:

> В ижорском языке долгие гласные [неначальных слогов — *Н.К.*] относительно хорошо сохранились в сойкинском диалекте, в то время как в хэваском и нижнелужском диалектах вместо них часто употребляются краткие или полудолгие гласные. Лица, которые еще помнят оредежский диалект, произносят гласные непервых слогов кратко [Лаанест 1967: 35].

Нижнелужский диалект в плане редукции неначальных гласных особенно выделяется на фоне всех вариантов ижорского языка. Неначальные редуцированные гласные в этом идиоме могут **выпадать** в беглой речи[7].

Выпадение, однако, допустимо не во всех позициях. В дальнейшем изложении позиции, в которых выпадение редуцированных гласных возможно, называются **неустойчивыми**. Позиции, в которых эти гласные выпадать не могут, названы **устойчивыми**. Правила распределения этих позиций будут рассмотрены в разделе 3.

[7] А. Лаанест, рассмотревший конечную редукцию во всех ижорских диалектах, пришел к выводу, что в сойкинском, хэваском и оредежском диалектах она в большинстве случаев обусловлена грамматическими факторами. Но «в нижнелужском диалекте регулярное падение гласных, связанное с определенными грамматическими формами, неизвестно. Все встречающиеся в этом диалекте случаи падения — это факультативное падение, зависящее от фразовой фонетики» [Laanest 1984: 75] (перевод здесь и далее мой; ср. однако в 3.2.3 действие морфологических факторов).

Важное отличие нижнелужского диалекта от сойкинского состоит также в том, что система стопических акцентов, выделяемых здесь по тем же правилам, может содержать максимум два акцента. В дальнейшем они будут называться **легким** и **тяжелым**. В нижнелужских говорах не различаются сойкинские тяжелый и сверхтяжелый акценты, так как тяжелый акцент совпал в своей реализации со сверхтяжелым[8]. Для ряда говоров нижнелужского диалекта, демонстрирующих максимальную степень редукции неначальных гласных, описание через акценты уже становится избыточным. Устройство различных типов просодических систем, обнаруживающихся в рамках нижнелужского диалекта, будет рассмотрено в разделе 4.

3. **Редукция и выпадение неначальных гласных в нижнелужском диалекте**

Редукция и исчезновение неначальных гласных является многофакторным явлением, базирующемся на правилах стопической ритмики в рамках ижорской словоформы. Проблема синхронного структурного описания заключается здесь в том, что редукция и утрата кратких гласных в неначальных слогах стопы до сих пор является живым процессом. Подчеркнем, что в данном случае имеется в виду только такая редукция неначальных гласных, которая началась уже после распада пранижнелужского диалекта на отдельные говоры. Т.е. «полный» вариант без выпадения или отпадения гласного обязательно бывает представлен в какомлибо из нижнелужских говоров.

Редукционный процесс един по своим основным принципам. Однако в различных нижнелужских говорах и идиолектах он представлен на различных этапах, демонстрирующих разные типы структурных фонологических соотношений в синхронии.

Поэтому общее описание правил редукции для нижнелужского диалекта как единого идиома возможно только в диахронических категориях. В данном разделе я буду оперировать такими единицами как **этимологически краткие** и **этимологически**

[8] По-видимому, в нижнелужском диалекте, как и в хэваском, произошло усиление т.н. «вторичных» геминат до длительности «первичных», см., например, [Laanest 1987: 289].

продленные гласные. При этом во всех таких случаях (включая приводимые ниже под «*» реконструкции) по умолчанию речь будет идти о **пранижнелужском** уровне; другие случаи будут оговорены особо.

Пранижнелужские краткие гласные являются рефлексами кратких гласных праижорского языка. Пранижнелужские продленные гласные соответствуют трем типам единиц праижорского:

а) долгим гласным;

б) сочетаниям **VhV* в неначальных слогах, образовавшим в пранижнелужском диалекте после утраты *h* долгий гласный;

в) автоматически продлеваемым гласным аллофонам второго слога ядра VCV (отметим, что для прибалтийско-финского праязыка этот тип аллофонов обычно считается кратким).

Структурные синхронные соотношения неначальных гласных в различных нижнелужских фонологических системах будут рассмотрены в п. 4.1.

Отметим, что описание редукционных процессов было сделано главным образом на материале 2–4-сложных однокорневых словоформ пранижнелужского диалекта. Однокорневых словоформ, содержащих более 4 слогов, в пранижнелужском диалекте в целом имелось крайне мало. В моем материале все же содержится около 70 словоформ, восходящих к пятисложным структурам такого рода, и некоторые выводы об их просодике также сделаны. Рефлексов шестисложных однокорневых словоформ в корпусе оказалось представлено всего шесть.

3.1. Общие закономерности редукции

3.1.1. Особенности редукции для разных типов гласных. Можно сформулировать следующие магистральные тенденции редукционных процессов:

1) этимологически продленные гласные не подвергаются качественной редукции и выпадению, однако в большинстве позиций претерпевают количественную редукцию до кратких гласных;

2) в ряде позиций этимологически краткие гласные подвергаются количественной и качественной редукции, а также выпадению в том случае, если их исчезновение не приводит к появлению фонотактически недопустимого кластера согласных;

3) в ряде позиций этимологически краткие гласные подвергаются количественной и качественной редукции, но не выпадают

в том случае, если их исчезновение приводит к появлению фонотактически недопустимого кластера согласных.

Фонотактически недопустимые кластеры согласных образуются том случае, если этимологически краткий гласный содержится в закрытом слоге, а также в некоторых типах открытых слогов (см. Таблицу 2 ниже).

Наиболее всего к полному исчезновению склонно *ə* (< **a*, **ä*, иногда **e)*, затем идет *i*, и реже всего выпадение отмечается для лабиализованных гласных *o*, *ö*, *ü*. Лабиализованные гласные часто становятся редуцированными, но полностью могут исчезать, как правило, только в беглой речи (см. также п. 3.1.7).

3.1.2. Позиции редукции. Качественная редукция и выпадение этимологически кратких гласных может происходить в **двух основных позициях**:

1) во втором слоге 2–3-сложной стопы;

2) в третьем слоге 3-сложной стопы[9].

3.1.3. Просодическая иерархия слогов. Редукционные процессы выявляют определенную просодическую иерархию слогов. Обнаруживаются три основных **фактора**, на которых основана эта иерархия:

1) позиция слога в стопе: а) начальная (ударный слог) vs. б) неначальная (безударный слог);

2) структура слога: а) долгий (закрытый и/или содержащий дифтонг или этимологически продленный гласный) vs. б) краткий (открытый, содержащий этимологически краткий гласный);

[9] В работах финских и эстонских исследователей типы позиций выпадения гласного противопоставляются в рамках не стопы, а словоформы. Ср. термины *loppuheitto* (фин.) / *lõppkadu* ~ *lõpukadu* (эст.) ‘отпадение гласного в абсолютном исходе слова’ и *sisäheitto* (фин.) / *sisekadu* (эст.) ‘выпадение гласного в середине словоформы’. Применительно к россонским ижорским говорам данные процессы разграничиваются в работе [Mägiste 1925: 81–82]; отпадение гласного на конце словоформы во всех ижорских говорах, как уже говорилось, рассмотрено в работе [Laanest 1984]. В рамках наиболее частотных 2–4-сложных словоформ гласный фактически может выпадать только во 2-м и в последнем слоге. Но в 5-сложных словоформах встречается выпадение и в 3-м слоге (см. 3.1.5). Общие правила просодического устройства процессов редукции формулируются значительно четче, если оперировать именно понятием стопы.

3) позиция стопы, содержащей данный слог, в словоформе: а) конечная vs. а) неконечная.

В каждом из этих случаев, при прочих равных условиях, слоги типа (а) обычно в меньшей степени подвергаются редукции, чем слоги типа (б).

Вопрос о том, каким образом распределяются стопические ударения в словоформе, не будет рассматриваться подробно. Для описания процессов редукции на рассматриваемом материале достаточно следующих положений относительно **позиций стопического ударения**.

1. По умолчанию ударными следует считать все нечетные слоги, кроме последнего. Таким образом, «дефолтные» схемы распределения ударений в 2–6-сложной однокорневой словоформе имеют следующий вид:

[Ś.S] — 2 слога;
[Ś.S.S] — 3 слога;
[Ś.S.Ś.S] — 4 слога;
[Ś.S.Ś.S.S] — 5 слогов;
[Ś.S.Ś.S.Ś.S] — 6 слогов.

2. «Дефолтные» схемы могут нарушаться в случае наличия в определенных позициях словоформы продленных гласных (за исключением рефлексов праижорских продленных гласных второго слога ядра VCV, см. тип (в) в начале раздела 3). Такие гласные могут перетягивать на себя ударение с соседнего слога.

Не углубляясь в эту тему, обратим внимание только на один наиболее релевантный для редукции процесс такого рода в 4-сложных словоформах. Если последний слог 4-сложной словоформы содержит этимологически продленный гласный, то схема распределения стопических ударений может изменяться следующим образом: [Ś.S.Ś.S] > [Ś.S.S.Ś]. Однако мои данные свидетельствуют, что такая перетяжка, по-видимому, происходит не всегда. Ср. [*opèttam(m)à] > [o·pèttəmma:] Va, Ko <учить:SUP>, но [*opèttaj(j)à] > [o·pètta:jja] Va, Ko <учитель:PART/ILL>. До конца не понятно, какие именно факторы влияют на этот процесс. Судя по имеющемуся материалу, роль здесь может играть характер морфемного членения словоформы, в т. ч. сегментность vs. несегментность морфемы, в выражении которой участвует этимологически долгий гласный. Сегментные морфемы (в т. ч. **-m(m)ā* SUP)

склонны вызывать перетяжку ударения, в то время как несегментные (в т. ч. PART/ILL, которая в приведенном выше праижорском примере выражалась продлением гласного) не склонны. Ср. однако колебание модели ударения в аналогичном случае, где представлена несегментная морфема 3SG непрошедшего времени: [ši·kerte:llö] Ko <чирикать:3SG>, [juo·nittəło: ~ juo·nittəłło:] Va <бегать:3SG>, [vā·litteło: ~ vā·littəłło:] Ko <валяться:3SG>.

Примечание. Интересно отметить один фонологический процесс в 4-сложных словоформах, последний слог которых содержит рефлекс праижорского долгого гласного или сочетания **VhV*. В том случае, если третий слог такой словоформы был исконно кратким, он стремится стать долгим за счет усиления краткого согласного на границе 3-го и 4-го слогов до долгого. Варианты с долгим согласным были отмечены для всех зафиксированных структур такого рода. Ср. примеры (усилившиеся согласные перед исконным продленным гласным выделены жирным шрифтом): *helise-***m̄ä** Va <звенеть-SUP>, *sarafa***n̄a** Ko ~ *sarafa***n̄a** Va <сарафан.PART/ILL>, *opeta***j̄a** Na, Va, Ko <учитель.PART/ILL>, *opetə-***t̄a** Va <учить-IPS>, *parentə-***k̄a** Va <чинить-IMP.PL>, *oñeto***m̄a** Na, Va, Ko <несчастный.PART/ILL>, *juoni***t̄e***lo-d* Na, Va <бегать-3PL>. Однако неясно, следует ли относить это усиление уже на пранижнелужский уровень, т.к. в синхронии встречается и варьирование неусиленного и усиленного согласного (см. южные примеры выше, а также, например, в восточных говорах: *pr´ävitə-m`a* [prä·vittəmà:] Jo ~ *pr´ävitə-m̄`a* [prä·vittəm̀à:] Jo <чинить-SUP>). Заметим, что в трех- и пятисложных словоформах такого усиления перед исконно продленным гласным не наблюдается: *pǖt(ə)-***mä** Va <ловить-SUP>, *juoni***t̄e***le-***ma** Va <бегать-SUP>.

3. «Дефолтные» схемы ударения могут также нарушаться при наличии в словоформе ряда акцентогенных словообразовательных и словоизменительных суффиксов. Такие суффиксы в норме несут морфологически связанное второстепенное ударение, жестко закрепленное за определенным слогом в данных морфемах[10]. Это, например, именные суффиксы **-nikō*, **-likō*, **-rikō*, **-ikō*, **-laine*, **-kaine*, **-raine*, суффикс глагольной номинализации **-mine*, абессива глагольного супина *-mata* (и их алломорфы). Аналогичными свойствами, по моим наблюдениям, обладает

[10] За исключением случаев, когда они присоединяются к односложным корням — в такой позиции эти суффиксы обычно теряют ударение, и словоформа составляет единую 3-сложную стопу, см. 3.1.6.

и конгломерат из глагольных суффиксов кондиционалиса и имперсонала **-(t)ta-isi/-(t)tä-isi*, который в синхронии имеет смысл рассматривать уже как единую морфему. Для процесса редукции релевантен сдвиг стопического ударения, вызываемый наличием таких морфем в 5-сложных словоформах: [Ś.S.Ś.S.S] > [Ś.S.S.Ś.S].

3.1.4. Правила действия процессов редукции. Можно сформулировать следующие **правила действия** редукции:

1) редукция происходит только в безударных слогах стопы;

2) редукция протекает от кратких слогов к долгим;

3) редукция (обычно) протекает от конца стопы к началу;

4) редукция, по-видимому, протекает сравнительно независимо в разных стопах многостопной словоформы.

Таким образом, в первую очередь под действие редукции, как правило, попадает первый с конца краткий слог каждой стопы, затем — предшествующий ему краткий слог стопы и т.д., затем — первый с конца долгий слог и т.д.

Примечание. Из закономерности (3) имеется **исключение** — случай неконечной 3-сложной стопы, 2-й и 3-й слоги которой являются краткими. В конечной 3-сложной стопе такого типа наиболее слабым, согласно общему правилу, оказывается третий слог — он и подвергается максимальной редукции, т.е. полному выпадению гласного (процесс IIb, см. 3.1.6). Гласный второго слога же здесь претерпевает редукцию типа Ib: [*rī·tele] > [rī·təl'Ø] Va <ссориться:IMP>. В **неконечной** же стопе такой структуры просодически наиболее слабым оказывается **второй слог**. По-видимому, третий слог здесь усиливает именно неконечная позиция стопы, т.е. тот факт, что он не является конечным слогом всей словоформы. Здесь гласный второго слога подвергается редукции и выпадению **типа IIb**: [*rī·telemi·nè] > [rī·tĕlemi·nè] Ko > [rī·tØlemi·nè] Va <ссориться:NMLZ>, [*rī·telemä·ttä] > [rī·tØlemä·ttØ] Va <ссориться:SUP:NMLZ>.

Следует отметить, что редукция действует **рекурсивно**. Вначале она осуществляется в первом с конца кратком слоге, где происходит выпадение гласного. Затем редукция применяется ко вновь получившейся последовательности. При этом может оказаться, что в результате предыдущего выпадения гласного структура словоформы изменилась и выпадение гласного следующего исконно краткого слога уже невозможно.

Так, например, частотен случай, когда в результате отпадения второго гласного последовательность из двух открытых слогов

превращается в закрытый слог. В таком слоге гласный уже может только редуцироваться, но не выпадать. Ср. трансформацию двух исконно кратких слогов [*pu.ri] в закрытый слог [pər']: [*nā·.pu.ri] > [nā·pŭr'ĭ ~ nā·pŭr'] Na > [nā·pər'ĭ ~ nā·pər'] Jo > [nā·pər'i̯ ~ nā·pər'] Va ‘сосед’.

Можно предположить, что рекурсивность редукции также проявляется в случае с «сужающимися» безударными дифтонгами на **-i* в неначальных слогах[11]. Слог, содержащий дифтонг, является долгим. Но если второй компонент дифтонга пропадает, то слог становится кратким, и гласный может подвергаться дальнейшей редукции. Например:

[*pūtui̯] > [*pū·tŭ] > [pū·tu̯] Ko <попадать:PST:3SG>;

[*poikai̯ne] > [poikai̯n] Na > [poikənĕ] Va ‘мальчишка’;

[*tahtoi̯vad] > [tahtoi̯văd] Na > [tahtovăd] Va/fin > [tahtu̯vəd] Va > [tahtØvəd] Va <хотеть:PST:3PL>.

О рекурсивности редукции, в т. ч. в условиях действия морфологического фактора, см. дополнительно в п. 3.2.2.

3.1.5. Схемы редукционных процессов. Закономерности редукции и утраты гласных в неначальных слогах сведены в Таблицу 2. Приводимые в Таблице 2 словоформы взяты из живых говоров. Однако здесь они приводятся в качестве типичных схем фонетических переходов и не снабжаются географическими индексами. Наиболее «полные» варианты, предположительно, в целом соответствуют пранижнелужским сегментным структурам. Позиции редукции и утраты гласных отмечены жирным шрифтом.

Дополнительные примеры на различные этапы действия редукции в конкретных нижнелужских говорах и идиолектах представлены в Таблицах 1–2 Приложения 1.

В следующих двух разделах более подробно описываются основные типы процессов редукции (Ia–b) и утраты (IIa–b) гласных, представленные в Таблице 2. Также суммированы основные группы гласных и дифтонгов, выделяемые по тому, каким именно образом они подвергаются редукции (сведены в Таблицу 3).

[11] В настоящей работе подобные дифтонги с точки зрения синхронной фонологии трактуются для нижнелужского диалекта как последовательность гласного и глайда *j* (ср. также [Кузнецова 2009b]). Однако для пранижнелужского уровня именно в свете правил действия процессов редукции целесообразно говорить еще о дифтонгах на **-i.*

Таблица 2. Позиции и схемы процессов редукции и исчезновения этимологически кратких гласных в нижнелужских говорах

редукция (Ia–b) **и выпадение** (IIa–b) ****V̆ (+ *V̆i)***		
	конечная стопа	
2-сложная стопа с 1-м долгим слогом		3-сложная стопа
конечный слог стопы	2-й слог стопы с 1-м долгим слогом	конечный слог стопы
а) *закрытый слог* **Ia**: lam̄az[1] > lam̄əz, hel'med[2] > hel'məd, süämed,[3] aukod[4]	а) *закрытый слог* **Ia**: sȫtäm̄ä[9] >> sȫtəm̄', kełtaista[10] >> kełtəst, kūn̄eł̄a[11] >> kūn̄əł̄, sūres̄a[12] >> sūres̄, seisom̄a[13] >> seisom̄; **Ib** (редко): kaivot̄u[14] > kaivŏt̄ŭ̥ > kaivət̄°	а) *закрытый слог* **Ia**: molèm̄ad[29] > molèm̄əd, kūv̄en̄en[30] > kūv̄ən̄ən, karpolod[31] >> karplod, tervüven[32]
б) *открытый слог* **IIa**: lin̄a[5] > lin̄ə > lin̄, terve[6] > terv'ə > terv', tüt̄ö[7] > tüt̄ö̥̆ > tüt̄°, pūt̄ui[8] > pūt̄ŭ̥ > pūt̄°	б) *открытый слог* (+*конечный слог стопы долгий*) –<u>разрешенный кластер</u>: **IIb**: pēntarad[15] > pēntərəd > pēntrəd, poikaisen[16] > poikəsen > poiksen, kat̄iłà[17] > kat̄ĭłà > kat̄əłà > kat̄ła, tahtoivad[18] > tahtŏvəd > tahtvəd; **IIa** (реже): ihmised[19] > ihmĭ̥sed > ihm'sed; –<u>запрещенный кластер</u>: **Ia**: voimakaz[20] > voiməkəz, ahvened[21] > ahvəned/ahvenəd, tervüven[22]	б) *открытый слог* **IIa**: omèna[33] > omènə > omèn, vikàh̄e[34] > vikàh̄(′), pes̄istü[35] > pes̄istŭ̥̆ pes̄ist(′)°, avàhtui[36] > avàhtŭ̥ > avàht°; **IIb** (редко): karpoło[37] > karpŏłŏ > karpəłə > karpəł
	в) *открытый слог* (+*конечный слог стопы краткий*) **Ib**: pēntara[23] > pēntərə > pēntər, kärpäine[24] > kärp'əne > kärp'ən, Pet̄eri[25] > Pet̄ərĭ̥ > Pet̄ər', kūntele[26] > kūntel', nāpuri[27] > nāpŭrĭ̥ > nāpər'; **Ia** (реже): suk̄uri[28] > suk̄ur'	

неконечная стопа
2-сложная стопа с 1-м долгим слогом
3-сложная стопа
конечный слог стопы
2-й слог стопы с 1-м долгим слогом
конечный слог стопы
а) закрытый слог
Ia: pīraǩoja[38] >> pīrəǩoj(t), kūñeɬtaisi[39] >> kūñəɬtajz, oñeʈoman[40] > oñeʈomən, päivüǩäine[41] >> päivüǩäin;
Ib (редко): kaivoʈuja[42] >> kaivəʈuj(t)
б) открытый слог –разрешенный кластер:
IIb: piǩaraine[43] >> piǩrajn, kūnteleма[44] > kūntələma kūntleма, Kuǩusisə[45] > Kuǩəsisə > Kuǩsis, kärpäisia[46] > kärpəsij(t) > kärpsij(t);
IIa (реже): suǩurisə[47] > suǩu̯risə > suǩ˚ris, süntüisiväd[48] süntu̯siväd > sünt˚siväd;
–запрещенный кластер:
Ia: pōɬtajija[49] >> pōɬtəjij(t), oñetonta[50] >> oñetont, tervenäisen[51] > terv'ənäisen, tandrikoša[52] > tandrikōsa;
Ib (редко): kirjovoja[53] > kirjŏvojə > kirjəvoj(t)
а) закрытый слог
Ia: oñeʈomà[54] > oñeʈoma, nagruʈamà[55] > nagruʈəma, prāviʈamà[56] > prāviʈəma
в) открытый слог (+конечный слог стопы долгий)
–разрешенный кластер:
IIa: kūnteleмà[57] > kūntələma > kūntleма, jähütetä[58] > jähu̯tetä > jähˀtetä, jōniteltì[59] > jōnu̯telti > jōn'telti;
IIb (реже?): kiskohuмà[60] > kiskəhuma > kiskhuma
–запрещенный кластер:
? (нет примеров)
б) открытый слог (+конечный слог стопы краткий)
IIb: kiskohuminè[67] >> kiskhuminè, taрeleminè[68] >> taрleminè, märkiniminè[69] >> märkniminè
а) закрытый слог
Ia: aviʈamà[61] > aviʈəma, opètetà[62] > opètəta, helìseмà[63] > helìseмä, avàhtuмà[64] > avàhtuma
б) открытый слог –разрешенный кластер:
IIa: aviʈamine[65] > aviʈəmine > aviʈmine; lisàh'ümine[66] > lisàh'u̯mine
–запрещенный кластер:
? (нет примеров)

Примечания. Словоформы в Таблице 2 даны в упрощенной фонетической транскрипции (ударения не отмечаются, а долгие согласные записываются не [tt], а [t̄]). Приводимые примеры отражают основные группы гласных и дифтонгов, представленные в Таблице 3. Если примеры на какую-либо группу гласных не даются, они отсутствуют в моем материале. **Ia** и **Ib** — типы редукции гласных, **IIa** и **IIb** — типы утраты гласных (см. п. 3.1.6). В ряде случаев редукционный процесс дается с пропуском одной или нескольких стадий, в этом случае используется значок «>>». «(Редко)» — в материале представлены единичные примеры данного типа редукции, притом что примеров на другой тип редукции представлено в несколько раз больше. «(Реже)» — примеров на данный тип редукции несколько меньше половины общего числа примеров на редукцию в данной структуре. «(Нет примеров)» — примеры данного типа, предположительно, имеются в языке, но отсутствуют в моем материале. «Разрешенный кластер», «запрещенный кластер» — кластер, который образуется в словоформе в результате полной утраты гласного, фонотактически допустим или недопустим для языка.

Глоссы к словоформам: [1]овца, [2]бусы:PL, [3]сердце:PL, [4]дырка:PL, [5]город, [6]здоровый, [7]девочка, [8]попадать:PST:3SG, [9]кормить:1PL, [10]желтый:PART, [11]слушать:INF, [12]большой:IN, [13]стоять:1PL, [14]рыть:PC_IPS.PST, [15]грядка:PL, [16]мальчишка:GEN, [17]котел:PART/ILL, [18]хотеть:PST:1PL, [19]человек:PL, [20]сильный, [21]окунь:PL, [22]здоровье:GEN, [23]грядка, [24]муха, [25]Петербург, [26]слушать:INF, [27]сосед, [28]сахар, [29]оба:PL, [30]шестой:GEN, [31]клюква:PL, [32]здоровье:GEN, [33]яблоко, [34]коса (инстр.), [35]мыться:PC_IPS.PST, [36]открываться:PST:3SG, [37]клюква, [38]пирог:PL:PART, [39]слушать:IPS:COND, [40]несчастный:GEN, [41]солнце, [42]рыть:PC_IPS.PST:PL:PART, [43]маленький, [44]слушать:SUP, [45]Куровицы:IN, [46]муха:PL:PART, [47]сахар:IN, [48]рождаться:COND:3PL, [49]защитник:PL:PART, [50]несчастный:PART, [51]целый:GEN, [52]тарелка:IN, [53]пестрый:PL:PART, [54]несчастный:ILL, [55]смешить:SUP, [56]чинить:SUP, [57]слушать:SUP, [58]охлаждать:IPS, [59]бегать:IPS:PST, [60]сдираться:SUP, [61]помогать:SUP, [62]учить:IPS, [63]звенеть:SUP, [64]открываться:SUP, [65]помогать:NMLZ; [66]прибавляться:NMLZ; [67]сдираться:NMLZ; [68]драться:NMLZ; [69]гнить:NMLZ.

3.1.6. Основные типы редукционных процессов. Несмотря на разнообразие сегментных и стопических структур нижнелужских словоформ, количество типов протекающих в них процессов редукции довольно ограниченно. Фактически выделяются всего **4 основных типа редукционных процессов**. Два из них — это процессы качественной редукции гласных без их полной утраты, которая невозможна по структурным причинам, так как создает фонотактически запрещенный кластер согласных. В Таблице 2

более слабая редукция такого типа обозначена как Ia, а более сильная — как Ib. Еще два процесса в пределе ведут к полному исчезновению редуцированного гласного. Соответственно, более слабый процесс такого рода записан в Таблице 2 как IIa, а более сильный — как IIb. Более слабые процессы вовлекают меньшее количество типов гласных. Кроме того, меньшее число типов гласных способно в этих процессах полностью терять свое качество и превращаться в *ə*. Ниже дается более подробная характеристика каждого из обнаруженных в языке редукционных процессов.

1. **Процесс Ia** характерен в первую очередь для закрытых слогов. Кроме того, он также обычно представлен в тех позициях в открытых слогах, где гласный в норме имеет тенденцию к полному выпадению, но в данной словоформе выпадение гласного создало бы фонотактически недопустимый кластер согласных, и поэтому гласный по необходимости сохраняется.

Здесь наблюдается только переход **a*, **ä* и иногда **e* в *ə*, например: [ła·mmăz][12] > [ła·mməz] ‘овца’ В этих случаях для попыток информантов прояснить качество гласного характерно смешение рефлексов различных праижорских гласных. Например (фонологическая запись в данном случае отображает прояснение звуков самим информантом):

s ́ōje-d [sᵘō·jəd] Ko <теплый-PL>,

h ́eine-d ~ *h ́einä-d* [hei̯·n'əd] Ko <скошенная.трава-PL>,

k ́üntle-s̄ Va [kü·ntles̄] <свеча-IN>,

b ́engre-n [be·ŋgren] Va <склон-GEN>.

Ср. с формами PART/ILL *k ́üntlä* [kü·ntlä] Va, *b ́engrä* [be·ŋgrä] Va, записанными от того же информанта из дер. Ванакюля.

Остальные гласные более или менее сохраняют свое качество, например: [nā·pŭr’id] > [nā·pərid] > [nā·pr'id] <сосед:PL>. В единичных случаях отмечается некоторая тенденция к переходу лабиализованных гласных среднего подъема в гласные верхнего подъема. Например, зафиксированы следующие формы, содержащие рефлексы праижорского **o:*

[ma·jjud] Ko <молоко:PL>, ср. [ma·jjon] Ko <молоко:GEN>;

[ki·rssud] Ko <сундук:PL>;

[12] Индексы говоров к словоформам, более подробно приводимым в Таблицах 1–2 в Приложении 1, в разделе 3 не даются.

[t·ap̄ɬud] Ko, Va <драка:PL>, ср. [ta·p̄ɬoa] Jo, Ko <драка:PART>.

Все аллофоны, кроме *ə*, в данных позициях фонологически могут быть идентифицированы с соответствующими краткими гласными *i*, *o*, *ö*, *u*, *ü*, а также (не во всех случаях) *e*.

2. **Процесс Ib** наиболее типичен для позиции 2-го краткого слога конечной трехложной стопы перед 3-м кратким слогом. Гласный 3-го слога отпадает первым, 2-й слог становится закрытым, и полное выпадение гласного в нем оказывается невозможным.

Однако гласные подвергаются здесь более сильной редукции, чем при процессе Ia. Потеря качества и переход в *ə* здесь отмечаются не только для **a*, **ä* (всегда) и **e* (иногда), но и в большом количестве лексем для всех остальных гласных: **e*, **o*, **ö*, **u*, **i*, **ü*, т. е. наблюдается в т. ч. делабиализация лабиализованных гласных. Например: [nā·pŭr(')ĭ] > [nā·pŭr(')] / [nā·pər'ĭ] / [nā·păr'ĭ] > [nā·pər'i̯] > [nā·pər'] ‘сосед’. Во многих случаях такого рода информанты при отчетливом произнесении уже не восстанавливают этимологическое качество всех этих гласных. Часто либо восстанавливается иной гласный, либо наличие гласного полностью отрицается.

В части лексем гласные все же сохраняют свое качество, ср. примеры из идиолекта информанта NDP из дер. Ванакюля:

[nā·pər'(i̯)] ‘сосед’, [Ku·kkəs'(ĭ)] ‘Куровицы’, но [aŋ·kkur'(i̯)] ‘якорь’, [su·kkur'(i̯)] ‘сахар’, [kie·huv(ə)] <кипеть:PC_PRS>; [i·kkun(ə)] ‘окно’;

[ka·ttəɬ(ə)] ‘котел’, но [i·hmin(ĕ)] ‘человек’.

Возможно, здесь имеют значение такие факторы, как «исконное слово vs. заимствование», а также морфологическая структура словоформы и связанное с ней распределение стопических ударений на более раннем этапе развития языка.

3. **Процесс IIa** в первую очередь характерен для позиции краткого слога в абсолютном исходе словоформы (т.е. конечного слога конечной стопы). Он также встречается во многих случаях и в неконечных слогах. Это процесс не только редукции, но и утраты гласных. Гласные *a*, *ä* и (во многих случаях) *e* полностью теряют свое качество и переходят в *ə*, наличие которого в словоформе информанты часто не осознают. В беглой и даже иногда в отчетливой речи *ə* действительно может пропадать: [o·ssă] >

[o·ssə] > [o·s̄Ø] <покупать.IMP>. Остальные гласные в медленной речи регулярно реализуются как оглушенные сверхкраткие аллофоны [ŏ̯, ö̯̆, ŭ̯, ü̯̆, ĭ̯], для которых типично выпадение в быстрой речи. При исчезновении они часто оставляют после себя палатализацию и/или лабиализацию согласного, например: [o·st'ivad] > [o·st'ĭ̯vəd] > [o·st'Øvəd] <покупать:PST:3SG>, [te·ht'ü] > [te·ht'ü̯̆] > [te·ht'ᵛØ] <делать:PC_IPS.PST>.

При отчетливом произнесении этимологическое качество гласного все же, как правило, восстанавливается, хотя и отмечается тенденция к смешению рефлексов **a* (после *j*), **ä*, **i* и **e; *o* и **u; *ö* и **ü*. Ср. примеры (фонологическая запись в данном случае отображает прояснение звуков самим информантом):

v´elje Jo, Ko, Po, Na, Tk — ср. *v´eljä* Ku ~ *v´el̄ä* Pä ‘брат’,

s´am̄le ~ *s´am̄li* [sa·mməl'ə] Ko ‘мох’,

s´ōje [sᵘō·jə] Ko ‘теплый’,

´aukŏ [au·kkŏ̯̆] Ko, Va ~ *´aukŭ* [au·kkŭ̯̆] Ko ‘дырка’,

m´aitu [maị·tŭ̯̆] Ko — ср. *m´aito* [maị·tŏ] La, Jo ‘молоко’,

p´ǟskül´äjn [p´ǟskŭ̯̆l´äjn] Ko, Va — ср. *pǟskö* [pǟ·skŏ̯̆] Lu/Ks[13].

О фонологической интепретации подобных оглушенных аллофонов см. ниже в п. 4.1.2.

4. **Процесс IIb** особенно широко представлен в тех случаях, когда просодически очень «слабый», т.е. низкий по иерархии слог (краткий и безударный) оказывается между двумя слогами, которые существенно «сильнее» его — двумя долгими ударными или же долгим ударным и долгим безударным (в неконечной 3-сложной стопе — также и перед кратким безударным, см. 3.1.4).

Этот процесс параллелен процессу Ib — не только для *a*, *ä* и *e*, но и для всех других гласных характерна потеря качества и переход в *ə*, например: [nā·pur'id] > [nā·pŭr'id] > [nā·pər'id] > [nā·pr'id] <сосед:PL>. В отличие от оглушенных аллофонов, возникающих в результате процесса IIa, это *ə* часто не осознается информантами, не восстанавливается до полного гласного и не произносится даже в отчетливой речи.

[13] Ю. Мягисте также отметил тенденцию смешения редуцированных гласных для ижорских россонских говоров. Он говорит о «потемнении» гласных *o*, *e*, *ö* в неначальных слогах, «особенно во втором слоге после первого долгого»: «часто этот потемневший звук сложно отличить от близкого ему звука *u*, *i*, *ü*» [Mägiste 1925: 80].

3.1.7. Типы гласных по отношению к процессам редукции. В предыдущих разделах уже было сказано о том, что разные по качеству гласные подвергаются редукции в различной степени. Обобщая, можно сказать, что выделяется **три основных группы гласных**, объединяемые по их свойствам в отношении редукционных процессов: 1) *a*, *ä;* 2) *e;* 3) *o*, *ö*, *u*, *ü*, *i*.

1. **Гласные *a*, *ä*** подвергаются редукции в наибольшей степени. В любой позиции, где представлена редукция и исчезновение гласных, *a* и *ä* всегда переходят в *ə*.

2. **Гласный *e*** приближается по свойствам к *a* и *ä*, но склонен к редукции несколько в меньшей степени. В каждой из позиций редукции находятся как примеры перехода *e* > *ə*, так и примеры отсутствия такого перехода.

Каких-либо четких закономерностей в распределении этих примеров обнаружить не удалось. Варьирование наличия и отсутствия перехода может встречаться в одинаковых позициях в одних и тех же корнях у одного и того же информанта, в т. ч. в одинаковых словоформах. Ср. приведенный в п. 3.1.3 пример варьирования в последовательных произнесениях словоформы [vā·litteło: ~ vā·littəłło:] <валяться:3SG> носительницей говора деревни Орлы LDM. Также в этом смысле интересен пример межидиолектного варьирования рефлексов **e* в словоформе **ahvened* <окунь:PL>. Уже упомянутая LDM произнесла его как [a·hv'ᵊned], т.е. у нее был представлен переход первого **e* в *ə*, а второй **e* полностью сохранял свое качество. Информант NDP из дер. Ванакюля, относящейся к той же южной диалектной зоне, в свою очередь, произнес эту словоформу как [a·hvenəd]. Таким образом, в его речи, наоборот был представлен переход только второго **e* в *ə*. Носительница говора дер. Кейкино TRH из той же южной зоны записала эту лексему в номинативе ед.ч. как *ахвн*, т.е. фактически с потерей качества обеих **e*.

3. **Гласные *o*, *ö*, *u*, *ü*, *i*** в целом подвергаются редукции в наименьшей степени и больше всего склонны сохранять свое качество. Фактически подтипы (a) и (b) у редукционных процессов I и II различаются между собой только в отношении поведения этой группы гласных. Поэтому заключение о том, редукция какой силы представлена в той или иной позиции, можно сделать

только на основании того, насколько сильно редуцируются именно эти гласные.

Особо следует сказать о **редукции этимологических дифтонгов на **-i*** в неначальных слогах. В п. 3.1.4 уже говорилось, что подобные дифтонги могут подвергаться редукции и исчезновению аналогично кратким гласным.

По-видимому, условием такой редукции является отсутствие или же исчезновение второстепенного стопического ударения, которое нередко бывает представлено на дифтонгах в неначальных слогах. Эти дифтонги часто либо несут морфологически закрепленное ударение (как, например, в упоминавшихся в п. 3.1.3 суффиксах **-laine*, **-kaine*, **-raine*, **-ta-isi-*), либо притягивают к себе автоматическое ударение (как и продленные гласные). Возможно, именно по этой причине в многостопных словоформах сильная редукция дифтонгов (особенно не в абсолютном исходе словоформы) практически не представлена. Все же отметим, что второй компонент **-i* неначальных сужающихся дифтонгов (фонологически трактуемый как *j* на синхронном уровне) склонен исчезать даже под второстепенным ударением, как, например, в **avahtuisivad* > [a·vàhtu:sivəd] Va <открываться:COND:3PL>.

Второстепенное ударение, даже морфологически связанное, по-видимому, имеет тенденцию к исчезновению со второго и третьего слогов трехсложных словоформ[14]. Это, очевидно, произошло в таких лексемах, как **keltaine* ‘желтый’ и **poikaine* ‘мальчишка’. В них представлен словообразовательный суффикс **-aine*, этимологически родственный суффиксам **-laine*, **-kkaine*, **-raine*, в целом сохранившим связанное ударение. Однако в данных лексемах, в силу их трехсложности, суффикс является безударным — когда он оказывается в соответствующих позициях, налицо редукция и выпадение дифтонга: [poi·k**aj**ne] Na >

[14] Аналогичная тенденция отмечается и для эстонского языка: «Тенденция исчезновения морфологически связанного второстепенного ударения проявляется с особой отчетливостью именно в тех позициях, где морфологически обусловленная акцентуационная модель словоформы больше всего противоречит правилам расстановки несвязанного ударения» [Хинт 1971: 27–28], см. также [Вийтсо 1979: 147–149; Eek, Help 1986: 33–34].

[poi·kəne] Va <мальчишка>, [ke·łtajsij] Na > [ke·łtØsij] Va <желтый:PL:PART>, [ke·łtØsed] Na <желтый:PL>.

Редукция дифтонгов требует дополнительного более обстоятельного изучения, поэтому приводимые относительно них заключения в Таблице 3 являются предварительными. Следует отметить, что в моем корпусе данных представлены случаи редукции всех типов неначальных дифтонгов на **-i*, за исключением **-ei*. В материале отсутствуют примеры, где дифтонг **-ei* оказался бы в возможной для качественной редукции позиции — не исключено, что такие словоформы вообще отсутствуют в языке.

Качественная редукция в закрытом слоге была отмечена в моем материале только для дифтонгов **-ai* и **-äi: *kełtaista* > [ke·łtəst] Va <желтый:PART>, **kärpäistä* > [kä·rp'əst] Va <муха:PART>. Отмечу, что мне неизвестны примеры, где дифтонги **-ai* и **-äi* могли бы выступать в неначальном конечном слоге (открытом или закрытом) пранижнелужской словоформы — возможно, это является пробелом в языковой системе.

Дифтонги **-oi*, **-öi*, **-ui*, **-üi*, напротив, достаточно широко представлены в конечном слоге словоформы как в именах (например, в GEN:PL), так и в глаголах (например, в личных формах имперфекта). При этом примеров качественной редукции этих дифтонгов в закрытых слогах не обнаружено.

Таким образом, дифтонги по их редукционным особенностям были условно разделены на **две группы**: 1) **-ai*, **-äi;* 2) **-oi*, **-öi*, **-ui*, **-üi*. Представляется, что эти группы в целом идентичны по свойствам двум группам соответствующих одиночных гласных.

Примечание. Следует сделать одно замечание относительно представленности второй группы дифтонгов в редукционных процессах Ib и IIb. Надежных примеров такой редукции в моем материале не имеется, но, предположительно, это лакуна в материале, а не пробел в системе. Поэтому теоретическая возможность редукции типа Ib и IIb для таких дифтонгов все же учитывается в Таблице 3 (см. примечание 4 к этой таблице).

Основные сведения относительно особенностей редукции различных групп гласных и дифтонгов для всех четырех типов процессов (Ia, Ib, IIa, IIb) суммированы в Таблице 3.

Таблица 3. Основные группы гласных и дифтонгов в отношении свойств, выявляемых в редукционных процессах

	***a**, **ä**	[I]***ai**, **äi**	***e**	***i**, **o**, **ö**, **u**, **ü**	[I]***oi**, **öi**, **ui**, **üi**
Ia	> ə	> ə[II]	(иногда) > ə	–	–
Ib	> ə	> ə	> ə	> ə	(> ə)?[IV]
IIa	> ə > Ø	(> ə > Ø)?[III]	> ĕ > Ø	> глухие > Ø	> глухие > Ø
IIb	> ə > Ø	> ə > Ø	> ə > Ø	> ə > Ø	(> ə > Ø)?[IV]

Примечания. Все звуки в Таблице 3 записаны в фонетической транскрипции; [I]при отсутствии второстепенного стопического ударения (?); [II]представлено только в неконечном слоге стопы (?); [III]нет примеров на позицию абсолютного исхода словоформы; [IV]нет надежных примеров на редукцию такого типа. Переход «> ə» — редукция с потерей качества; переход «> глухие» — превращение гласных в оглушенные редуцированные аллофоны; переход «> Ø» — выпадение/отпадение гласных.

3.1.8. Основные типы отсутствия редукции в неначальных слогах. Ниже суммируются два основных случая отсутствия качественной редукции в неначальных гласных. Отметим, что этимологически продленные гласные в ряде говоров могут подвергаться в этих позициях количественной редукции и становиться нередуцированными краткими гласными (подробнее см. в п. 4.1 ниже).

1. Пранижнелужский **краткий гласный в неконечном нечетном слоге** (в словоформе, содержащей более 3-х слогов). Такой гласный получает автоматическое второстепенное ударение). Примеры:

[*sa·ràfa:nà] > [sa·ràfa:nà] Va ~ [sa·ràffa:nà] Ko ‘сарафан’,

[*jō·nitte:lìsi:và̀d] > [juo·nitte:lìsi:và̀d] Va <бегать:COND:3PL>,

[*a·vìttami:sèsta] > [a·vìttămi:sest] Na > [a·vìt̀(ə)mi:sest] Va <помогать:NMLZ:EL>.

2. Пранижнелужский **продленный гласный**. Примеры:

[*k´ałà] > [ka·łà] Jo, Ko ‘рыба’,

[*krā·skasi:và̀d] > [krā·skăsi:và̀d] > [krā·sk(ə)si:vad] <красить:PST:3PL>,

[*jō·ssente:lìvad] > [jō·ssĕnte:lìvəd] La <бегать:PST:3PL>,

[*o·pètta:jà] > [o·petta:ja] Ko, Va, Hv, Na ‘учитель’,

[*krāskà] > [krā·s.ka] <красить:IMP>,

[*o·ssattì(:)] > [o·ssăttì] > [os·sətti] <покупать:IPS:PST>,

[*hō·kà̀mi:nè] > [hō·ka.mi:.ne] Ko <отдыхать:NMLZ>.

3.2. Дополнительные замечания об отдельных особенностях редукционных процессов

В завершение раздела 3 более подробно будут рассмотрены некоторые любопытные частные феномены в области действия редукции, которые были вскользь упомянуты ранее.

3.2.1. Взаимосвязь редукции в разных стопах в словоформе. В п. 3.1.4 было высказано предположение о том, что в каждой стопе многостопной словоформы процессы редукции протекают относительно независимо друг от друга. Можно добавить, что, по-видимому, говоры различных ареалов несколько различаются в том плане, насколько соотносится между собой сила редукции в конечной и неконечной стопе.

Так, в говоре дер. Липово, одном из основных северных нижнелужских говоров, широко распространено отпадение гласных в абсолютном исходе конечной стопы, но практически не представлено их выпадение в исходе неконечной стопы. При этом отпадающий конечный гласный в отчетливом произнесении регулярно восстанавливается до полного. Таким образом, здесь характерны фонетические варианты типа (**pēntarasta* >) [pēntărastă] > [pēntărastØ] <грядка:EL>.

Говор Новой Деревни генетически также входит в северную группу, но находится южнее, в ареале распространения западных говоров. Для него типично варьирование полного гласного и отсутствия гласного в абсолютном исходе как конечной, так и неконечной стопы. Представляется, что здесь, наоборот, полное выпадение конечного гласного неконечной стопы даже более частотно, чем отпадение гласного в абсолютном исходе словоформы. Здесь типичны варианты (**pēntarasta* >) [pientărastă] > [pientØrastØ].

В самих западных говорах, а также в южных говорах оба указанных типа редукции и выпадения гласного распространены на наиболее продвинутом этапе. Носители именно этих говоров часто отрицают наличие какого-либо (этимологического) гласного на конце стопы, особенно неконечной. Для западных говоров все же чуть менее характерно полное отпадение конечного гласного. Здесь типичны варианты (**pēntarasta* >) [pie·ntØrastə] (зап. говоры) > [pie·ntØrastØ] (зап., южн. говоры).

Наоборот, в восточных говорах района Краколья, находящихся на широте западных говоров, распространено только отпа-

дение финальных гласных конечной стопы, а полное выпадение аналогичного гласного в неконечной стопе встречается гораздо реже. В этом смысле восточные говоры сближаются с северными и здесь характерны варианты типа (**pēntarasta* >) [pē·ntərastə] > [pē·ntərastØ].

Похожая на кракольскую ситуация наблюдается в говоре дер. Куровицы, территориально расположенной в зоне южных говоров. Тем не менее полное отпадение гласных в абсолютном исходе словоформы развито здесь даже несколько меньше, чем в районе Краколья. Здесь иногда наблюдаются полные финальные гласные в тех случаях, когда в говорах района Краколья гласный либо отсутствует, либо всегда является редуцированным (ср., например, словоформы с полным гласным *t ´ōva*, *h ´ōmeńa*, *v ´ōta* в идиолекте II в Таблице 1 Приложения 1). Можно сказать, что здесь типичны варианты (**pēntarasta* >) [pē·ntərastă] > [pē·ntərastə] > [pēntərastØ].

Таким образом, обобщая, можно сказать, что северо-восточный ареал нижнелужских говоров — это зона действия редукции прежде всего в конечной стопе. В юго-западном ареале редукция сильна как в конечной, так и в неконечной стопе.

3.2.2. Стопическое членение словоформы и рекурсивность редукции. В п. 3.1.4 также отмечалась рекурсивность действия редукции. Редукция, ведущая к утрате звуков, может изменять фонологический состав словоформы. Затем правила редукции, а также правила стопического членения начинают заново применяться уже к новой сегментной структуре.

Этот процесс можно наблюдать на нескольких интересных примерах двухстопных словоформ, записанных от информанта NDP из дер. Ванакюля. Во всех этих случаях наблюдается колебание в наличии или отсутствии редукции во второй стопе, которое, как мне представляется, как раз и связано с рекурсивностью редукционного процесса.

Так, при первом (спонтанном) произнесении информант реализовал последний гласный ряда словоформ как полный. В его речи эти словоформы были трехсложными. Но их пранижнелужская структура является четырехсложной и двустопной. При этом последний гласный исконно находился во втором слоге стопы после первого краткого слога и поэтому был продленным. Закономерным образом, в синхронии такой гласный должен произно-

ситься как полный: [*kū·nteli:và**d**] > [kū·ntliva**d**] <слушать:PST:3PL>, [*hō·kasi:và**d**] > [huo·ksiva**d**] <отдыхать:PST:3PL>. Таким же образом информант произнес еще целый ряд изоструктурных словоформ PST:3PL, в которых произошла аналогичная утрата 2-го гласного *а:* [krā·sksiva**d**] ‘красили’, [lei·k̄siva**d**] ‘резали’, [tre·hvsiva**d**] ‘попали в цель’. Однако при переспросе информант в первых двух примерах «прояснил» в конечном слоге именно шва («ы» в его терминологии), произнося словоформы как [kū·ntlivə**d**], [huo·ksivə**d**]. Можно предположить, что правила редукции применяются здесь уже не к 4-сложной, а к 3-сложной словоформе, т.к. второй гласный оказывается полностью утрачен. Для 3-сложной словоформы редукция 3-го гласного — это уже закономерное явление.

Аналогичное колебание проявилось при произнесении тем же информантом исконно 5-сложной, но в его речи 4-сложной словоформы. Первые два раза он произнес форму [*ki·skohui·siva**d**] <сдираться:COND:3PL> как [ki·skhusiva:d ~ ki·skhusi:và**d**], но при переспросе опять же «прояснил» в последнем слоге шва (произнеся его при этом под ударением): [ki·skhusivə́:d]. В 5-сложной словоформе такой структуры в принципе должна наблюдаться редукция в последнем слоге. Ср. сходные по структуре словоформы COND:3PL, в которых не происходит утраты 2-го гласного, в произнесении того же информанта: [*pa·rèntai:siva**d**] > [pa·rèntai:sivə**d**] ‘чинили бы’, [*a·vàhtui:siva**d**] > [a·vàhtu:sivə**d**] ‘открывались бы’. Однако в случае [*ki·skohui·siva**d**] 2-й гласный в силу структуры слова оказывается полностью утрачен, и словоформа становится 4-сложной. А в 4-сложной словоформе, наоборот, в последнем слоге должен реализоваться полный гласный, появление которого мы и видим в первых спонтанных произнесениях NDP.

3.2.3. Влияние морфологического фактора на действие редукционных процессов. Интересно отметить тот факт, что в определенных грамматических показателях оказываются представлены более продвинутые этапы редукции, чем те, которые в среднем типичны для того или иного идиолекта, говора или группы говоров.

Так, например, во многих южных идиолектах наличие шва в абсолютном исходе слова, как уже говорилось, не всегда осоз-

нается говорящими. Тем не менее, на практике шва все же часто реализуется в спонтанной речи.

Но в определенных грамматических морфемах шва оказывается полностью утрачено, в том числе и на фонетическом уровне. Например, полное исчезновение конечного гласного характерно для падежных показателях адессива, аллатива, аблатива, элатива, инессива. В частности, это приводит к омонимии суффиксов иллатива и инессива, аллатива и адессива: *-Ī/-Ī'* (ALL/AD), *-lt/-l't* (ABL), *-s̄* (ILL/IN), *-st* (EL), *-n̄* (ESS).

То есть можно сказать, что перед нами пример достаточно известного феномена, когда грамматика оказывает влияние на фонологию и нарушает регулярность действия фонетических процессов.

Стабильное закрепление полного отсутствия какого-либо гласного на конце указанных падежных показателей в южных говорах приводит к системному «перезапуску» процесса редукции в словоформах, содержащих эти показатели. Запускается новый рекурсивный цикл, и редукция начинает уже на новом этапе применяться к сегментным последовательностям, содержащим на один слог меньше, чем в пранижнелужском. В частности, это происходит в бывших 4-сложных, а ныне двух- или трехсложных словоформах, которые превращаются из двухстопных в одностопные. Соответственно, новый последний слог этих стоп начинает подвергаться редукции. При этом, в отличие от колебания в единичных примерах другого типа, упомянутых в п. 3.2.2, в данном случае процесс в южных говорах оказывается массовым и системным. Приведем только некоторые из многочисленных примеров такого рода в идиолекте NDP, а также в идиолекте информантки LDM из дер. Орлы:

а) новые трехсложники:

[*nō·remma:łła] >> [nō·remməɬ̄] Ko ~ [nuo·remməɬ̄] Va <молодой:COMP:AD>,

[*kē·huva:sta] >> [kie·huvəst] Va <кипеть:PC_PRS:EL>,

[*e·tsimä:ssä] > [e·tsim'əs̄] Va <искать:SUP:IN>;

б) новые двусложники:

[*pē·ntara:łła] >> [pē·ntrəɬ̄] Ko ~ [pie·ntrəɬ̄] Va <грядка:AD>,

[*kü·nttele:ssä] >> [künt̀l'əs̄] Va (но все же [künt̀l'es̄] Ko) <свеча:IN>,

[*mī·kkuła:nna] >> [mī·k̀łəñ] Va <праздник_Никола:ES>.

Отметим, что в западных говорах, где редукция конечных гласных в данных показателях в целом не столь абсолютна, как в южных, еще наблюдается колебание в качестве рассматриваемого гласного. Так, например, в идиолекте информантки NPŠ из дер. Большое Куземкино встречаются как формы с редукцией, так и без нее:

[*ta·nàva:lle] > [ta·nàvəɬ̄] <двор:ALL>,

[*bo·l'nitsa:ssa] > [bo·l'nitsəs̄] <больница:IN>,

но [*lä·sìvä:lle] > [lä·sìväl̄] <больной:ALL>,

[*nō·remma:łła] > [nuo·remmaɬ̄] <молодой:COMP:AD>.

Начало нового рекурсивного цикла под воздействием морфологического фактора можно наблюдать и на некоторых примерах из Таблиц 1–2 в Приложении 1. Речь идет о приводимых в последних четырех строках обеих таблиц форм сравнительных степеней наречий. В большинстве алломорфов показателя сравнительной степени наречий (кроме варианта *-mäs)* представлен этимологически продленный гласный. Среди приведенных примеров продленный гласный можно наблюдать в некоторых словоформах из идиолектов восточной группы. Однако видно, что в некоторых примерах бывший продленный гласный тем не менее отпадает.

Можно предположить, что и здесь мы имеем дело с интерференцией морфологии в фонологию: данный суффикс демонстрирует более продвинутый этап редукции, по сравнению с фонологической системой в целом. На этом этапе сократившиеся продленные гласные начинают подвергаться дальнейшей редукции уже как краткие гласные.

Примечание. В данном случае, однако, не исключено, что отпадение гласного может быть связано со смешением этого показателя с близким к нему по форме показателем сравнительной степени прилагательных, в котором представлен исконно краткий гласный, закономерно подвергающийся редукции. Также возможно, что при переводе предложения тот или иной информант по какой-то причине употребил не форму наречия, а форму прилагательного, ср. например, в идиолекте ZPS форму *p´aremp* <хорошо:COMP> на фоне прочих форм сравнительной степени наречий с показателем *-mas/-mäs*. Отметим также, что, по-видимому, наречие <много:COMP> ([ro·hk'amb] и др. варианты в Таблицах 1–2 Приложения 1), с этимологической точки зрения пред-

ставляет собой именно форму сравнительной степени прилагательного, а не наречия[15].

Еще один пример нарушения общих закономерностей действия редукции в конкретном грамматическом показателе — это фонологический облик суффикса активного причастия имперфекта (см. пример <красить:PC_PST> в Таблицах 1–2 Приложения 1). В наиболее полной форме этого показателя *(-nud)* гласный находится в закрытом слоге и не должен был бы выпадать. Однако видно, что имеется много случаев, когда гласный все же выпадает, притом что конечный согласный сохраняется (подробнее о вариантах редукции этого показателя в ижорском языке см. [Лаанест 1966: 131–135]). Вероятно, что сама возможность выпадения гласного здесь обусловлена тем фактом, что образующийся в абсолютном исходе словоформы кластер *-nd* все же не противоречит фонотактическим закономерностям языка.

В заключение упомянем случай нарушения автоматического стопического членения словоформы и действия регулярных правил редукции, связанный с воздействием фактора морфологических границ. Показательным примером здесь могут служить словоформы, содержащие клитику [-(k)k̥̆] <EMPH> ‘даже, и, тоже’. Она всегда присоединяется в абсолютном исходе словоформы и не имеет собственного ударения. Гласный *i* в ней подвергается процессу утраты типа IIa — в беглой речи регулярно реализуется как сверхкраткий оглушенный, либо же вообще отпадает. Теоретически клитика такого рода должна была бы составлять единый просодический комплекс с остальной частью словоформы. Такой комплекс должен был бы подвергаться редукции как единое целое.

В некоторых случаях есть основания говорить об этом — в первую очередь, для устойчивых идиоматизированных сочетаний этой клитики с личными местоимениями. Приведем в пример пары произношения уже упомянутым информантом NDP некоторых грамматических форм местоимений *k´en* ‘кто’ и *m´ikä* ‘что’ и наречия *m´iks'ĭ* ‘почему’. На первом месте приводится форма без клитики, на втором — аналогичная форма с клитикой:

[15] Ср. также эстонский вариант той же словоформы *rohke-m* <много-COMP> (как *pare-m* <хороший-COMP> vs. *pare-mini* <хорошо-COMP>).

k ́e-st [k'e·st] — *k ́e-stə-k'ĭ* [k'e·stək'(ĭ̯)] <кто-EL-EMPH>;
k ́e-l̄' [k'e·l̄'] — *k ́e-l̄'ə-k'ĭ* [ke·l'l'ək'(ĭ̯) ~ ke·l'l'äk'(ĭ̯)[16]] <кто-AD/ALL-EMPH>;
k ́ene-ksĭ [ke·nèks'(ĭ̯)] — *kene-ks'i-k̄'ĭ* [ke·nèks'i:k'k'(ĭ̯)] <кто-TRL-EMPH>;
m ́ist [m'i·st] — *m ́i-stə-k̄'ĭ* [m'i·stək'k' (ĭ̯)] <что-EL-EMPH>;
m ́ine-n̄ [m'i·neñ] — *m ́i-n̄ə-k'ĭ* [m'i·n̄ək'(ĭ̯)] <что-ES-EMPH>;
m ́i-l̄' [m'i·l̄'] — *mi-l̄'ə-k'ĭ* [m'i·l'l'ək'(ĭ̯) ~ m'i·l'l'äk'(ĭ̯)] <что-AD/ALL-EMPH>;
mine-ks'ĭ [m'i·nèks'(ĭ̯)] — *mine-ksi-k'ĭ* [m'i·nèksi:k'(ĭ̯)] <что-TRL-EMPH>;
m ́iks'ĭ [mi·ks'(ĭ̯)] — *miksi-k̄'ĭ* [m'i·ks'ik'k'(ĭ̯) ~ m'i·ks'ik'(ĭ̯)] <почему-EMPH>.

Как уже говорилось, в южных говорах конечный шва полностью отпал в падежных суффиксах. Однако на данных примерах видно, что при присоединении клитики конечный исконный гласный либо оказывается в закрытом слоге, либо его выпадение становится невозможным по причине иных фонотактических ограничений[17]. Поэтому шва на конце падежных суффиксов стабильно произносится. То же самое можно сказать и о показателе транслатива. В обычной ситуации он стоит в абсолютном исходе словоформы, и конечный гласный *i* в нем подвергается редукции типа IIа. Однако в примерах с клитикой он оказывается в начале второй стопы, и редукции не происходит.

Однако сочетания имен с клитикой, не являющиеся подобными идиоматизированными комплексами, ведут себя в просодическом отношении несколько иначе. Клитика по-прежнему не несет ударения, и гласный *i* в ней оглушается и окказионально отпадает. Но слияния в единый просодический комплекс с именем не происходит — редукция в имени продолжает осуществляться точно таким же образом, как и до присоединения клитики. В результате может возникать уникальная последовательность двух или трех сильно редуцированных гласных, в том числе двух

[16] В некоторых произнесениях был отмечен даже полный гласный *ä*, хотя в отчетливых произнесениях сам информант прояснял там *ə* («ы», в его терминологии).

[17] Выражаю благодарность М.З. Муслимову, указавшему мне на подобные случаи.

выпадающих гласных подряд. Ср. примеры (все произношения информанта NDP):

[*nā·puri-ki] > [na·pər'kĭ̥ ~ na·pərk'ĭ̥ ~ na·pərk'] ‘даже сосед’,

[*Pētteri-ki] > [Pie·ttər'k'i ~ Pie·ttər'k'] ‘Петербург тоже’,

[*tu·ttava-ki] > [tu·ttəvk'ĭ ~ tuttəvk'] ‘и сосед’,

[*tu·ttava-d-ki] > [tu·t̄vədk'] <сосед-PL-EMPH> ‘даже соседи’.

В случае с упомянутыми выше падежными суффиксами шва на конце показателя в имени отсутствует и в сочетании с клитикой: [*Pē·tteri-ssa-k'i] > [Piet̄rīsk'i ~ Piet̄rīsk'ĭ̥] <Петербург-IN-EMPH> ‘даже в Петербурге’.

Все эти факты указывают на иной, более сильный тип морфологической границы между именной словоформой и данной клитикой, по сравнению с обычными межморфемными границами внутри слова. Несмотря на отсутствие у клитики ударения, сам NDP отмечает, что «это [-k'i·] только — отдельно, не слово [nā·pərk'i], а [nā·pər | k'i·]!».

4. **Стопические акценты в нижнелужском диалекте**

В первом приближении в нижнелужском диалекте было обнаружено два типологически различающихся варианта организации просодической системы и связанного с ней устройства систем гласных неначальных слогов. Условно их можно назвать **северным** и **южным**.

Северный тип во многом близок сойкинской просодической системе и описывается ниже с помощью стопических акцентов. Он представлен в северной группе нижнелужских говоров.

Южный тип является крайне продвинутой фазой развития той же системы в сторону усиления редукции, и здесь уже оказывается удобнее описывать контрасты гласных в неначальных слогах на сегментном уровне. Этот тип, соответственно, представлен в южной группе говоров.

Между ними располагается переходный пояс восточных и западных говоров. Просодические системы этих говоров условно объединяются в **переходный** тип, включающий в себя варьирующие подтипы. Для уточнения фонологических и фонетических характеристик просодических систем, входящих в этот тип, было бы целесообразно провести более тщательное экспериментальное исследование. Предварительно большинство говоров переходного

ареала также описывается в данной работе через систему акцентов. Отметим, однако, что фонетические реализации акцентов здесь во многом отличаются от реализации акцентов в северных говорах и в сойкинском диалекте.

Можно сказать, что все эти типы представляют собой последовательные этапы развития редукции гласных в неначальных слогах. Наименьшая степень редукции представлена в северном ареале, где нижнелужский диалект находится в соседстве с кургоповским финским с запада и с сойкинским диалектом с востока. Степень редукции постепенно нарастает к югу, где соседями нижнелужского диалекта, помимо финских говоров, оказываются также нижнелужский водский и эстонский языки (см. также 5.3).

Раздел 4.1 представляет общие принципы устройства этих систем, а затем в разделе 4.2 они сопоставлены на конкретных языковых примерах.

4.1. Общие принципы устройства просодических систем в нижнелужском диалекте

4.1.1. Система северного типа. Характерными примерами системы северного типа, представляющей наименьшую степень редукции, являются идиолект информантки IAF из дер. Остров, записанный финскими исследователями в 1960-е гг., а также идиолекты ZPS из дер. Липово и IIZ из Хамолово. Долготная оппозиция гласных неначальных слогов, представленная в этих идиолектах, более или менее аналогична ситуации в сойкинском диалекте. Во втором[18] и в последнем слоге словоформы [**продленные** ~ долгие][19] гласные аллофоны противопоставлены [**кратким** ~ редуцированным]. Степень редукции [**кратких** ~ редуцированных] гласных не очень велика, и редукция представляется проясняемой и потому фонетической. Фонетическая реализация в принципе позволяет описывать долготу гласных неначальных

[18] Если первый слог стопы при этом является долгим, поскольку после краткого слога гласный, как и в сойкинском диалекте, во втором слоге автоматически продлевается (см. 1.4.1 выше).

[19] Запись типа «[**продленные** ~ долгие]» здесь и далее означает, что в речи типично варьирование продленных и долгих аллофонов, причем выделенный жирным шрифтом тип аллофонов является более частотным.

слогов через фонемную долготу, хотя для нужд морфонологического описания интерпретация через стопические акценты кажется более удобной. В нижнелужском диалекте, в отличие от сойкинского, нет различия в типах реализации геминат в ядре VC̄V и VRT̄V (см. 1.4.1). Поэтому все двух- и трехсложные стопы с первым долгим слогом, демонстрирующие во втором слоге продление, считаются маркированными **тяжелым акцентом**. Им противопоставлены двух- и трехсложные стопы (а) с первым долгим слогом и редукцией во втором слоге, (б) с первым кратким слогом — и те, и другие несут **легкий акцент**. Например:

легкий акцент:

l´īnā [l'i·nnă ~ l'i·nnə] Pä ‘город’, *k´ana* [ka·nà] ‘курица’;

тяжелый акцент:

l`īnā* [l'i·nnà] Pä <город.PART/ILL>, *k`anā [ka·nnà] Pä <курица.PART/ILL>.

Как и в сойкинском диалекте (см. 1.4.2), здесь возможна односложная стопа на конце словоформы под тяжелым (а также, возможно, легким) акцентом: *´omena* [o·mènă] Pä ‘яблоко’ vs. *´omen`a* [o·mènà] Pä <яблоко.PART/ILL>[20].

Такая система существует в нижнелужских говорах северной группы (деревни Остров, Липово, Новая Деревня), контактных ижорско-финских говорах деревень Хамолово и Курголово, а также в переходном между сойкинским и нижнелужским ареалами говоре дер. Верхние Лужицы (см. также Рисунок 11).

В системе северного типа краткие гласные в «неустойчивых» позициях в речи часто выпадают, подвергаясь процессу редукции IIa, однако при тщательном произношении они обычно восстанавливаются до полных. Например: *m´ukav(a)* [mu·kàv ~ mu·kàvă] Pä ‘красивый’, *n´ain(e)* [na͡i̯·n ~ na͡i̯·ne] Pä ‘женщина’. В «устойчивых» позициях гласные подвергаются редукции типа Ia, но также проясняются в медленной речи. Всю редукцию в этих говорах можно считать фонетическим явлением. Процессы редукции Ib и IIb в них практически не представлены.

[20] Судя по описанию П. Аристе [Ariste 1968] и по архивным аудиозаписям из Общества финской литературы, сделанным Л. Кеттуненом в 1920-е гг., в целом аналогичной по устройству была просодическая система восточноводских говоров.

4.1.2. Система южного типа. В качестве ярких примеров системы южного типа можно привести ванакюльский идиолект NDP, а также орельский идиолект LDM.

В данной системе продление гласных в неначальных слогах во всех позициях, кроме второго слога стопы с первым кратким слогом, полностью утратилось. Продленные гласные стали нередуцированными краткими во всех бывших различительных для долготы гласных позициях неначальных слогов, например: [*ka·nnà] > [ka·nna] Ko, Va <курица.PART/ILL>. При этом в позиции после первого краткого слога стопы сохранились продленные аллофоны: [*ka·nà] > [ka·nà] Ko, Va, ‘курица’.

Что касается пранижнелужских кратких гласных, то они претерпели различные типы эволюции, в зависимости от позиции (примеры см. также в Таблице 4 ниже).

1. В позициях отсутствия редукции в неначальных слогах все краткие гласные сохранили свое количество и качество, например: [*sa·ràfa:nà] > [sa·ràfa:nà] Va ~ [sa·ràffa:nà] Ko ‘сарафан’.

2. Во всех позициях редукции из **a*, **ä* и частично **e* развилась непроясняемая фонема *ə*, например: [*l'i·nna] > [l'i·nnə ~ l'i·n̄] Va, Ko ‘город’, [*l'i·nnad] > [l'i·nnəd] Va, Ko <город:PL>.

3. В «устойчивых» позициях редукции все прочие исконно краткие гласные сохранили свое качество и количество, за исключением случаев, когда был представлен процесс редукции Ib, например: [*nā·pur'id] > [nā·pr'id] Va <сосед:PL>, но [*ka·ttiła] > [ka·ttəł(ə)] Va ‘котел’.

4. В «неустойчивых» позициях редукции все прочие исконно краткие гласные стали произноситься как редуцированные и глухие аллофоны [ŏ̥], [ŭ̥], [ŏ̥], [ŭ̥], [ĭ̥], которые имеют тенденцию выпадать в беглой речи, например: [*nā·pur'i] > [nā·pər'ĭ̥ ~ nā·pər'] Va ‘сосед’

Таким образом, в неначальных слогах в различительных позициях оказалась представлена оппозиция нового типа, по сравнению с пранижнелужской и северной (см. также Таблицу 6). В бинарной оппозиции системы северного типа немаркированным [кратким] аллофонам были противопоставлены маркированные [продленные]. В южной системе оппозиция также бинарная, однако здесь немаркированным [**кратким**] противостоят уже маркированные [**редуцированные ~ глухие**] гласные. Краткие глас-

ные объединяют здесь рефлексы пранижнелужских продленных гласных и часть рефлексов кратких. Редуцированные гласные являются рефлексами этимологически кратких в «неустойчивых» позициях редукции. С фонетической точки зрения оппозиция при этом является не только количественной, но и **качественной**.

Примечание. Глухие гласные в говорах России, имеющих систему южного типа, отмечались и ранее [Mägiste 1925: 82, 85; Ariste 1965a, 1965b, 1969: 173]. Глухие гласные фонемы представляют собой типологическую редкость в фонологии, см. в т. ч. [Jakobson, Waugh 1987: 138–139; Ladefoged, Maddieson 1996: 315; Gordon 1998; Blevins 2004: 199–201]. С артикуляторной точки зрения, форма резонатора при «глухой» фонации аналогична его форме при обычной («модальной») фонации, но голосовые связки не работают, и звук возникает за счет трения воздушного потока о края приоткрытой голосовой щели. В зависимости от величины раствора голосовой щели, «глухая» фонация располагается на континууме от аспирированной (breathy) до шепотной (whisper) [Laver 1994: 189–191]. С акустической точки зрения, F_0 у таких гласных отсутствует, а F_1 и F_2 располагаются в тех же полосах частот, что и у «модальных» гласных, но колебания являются непериодическими. Ср. произнесения информантом NDP (Va) форм *k ́uk̄ŏ* [ku·kk̥] ‘петух’ и *k ́uk̄o* [ku·kko] <петух.PART/ILL>, противопоставленных типом конечного гласного («глухой» vs. «модальный»).

Рисунок 1. *k ́uk̄ŏ* [ku·kk̥]

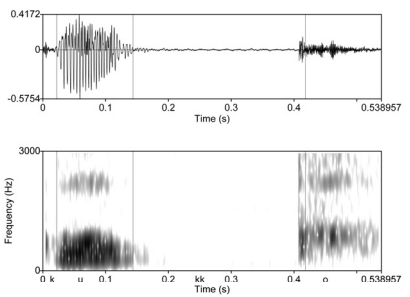
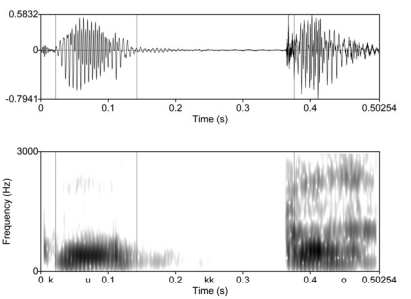


Рисунок 2. *k ́uk̄o* [ku·kko]



Следует отметить, что не в каждом произнесении редуцированные гласные произносятся как полностью оглушенные, особенно в медленной речи. Так, например, на Рисунке 3 в начале произнесения такого гласного представлен небольшой участок «модальной» фонации (периодических колебаний).

Данное противопоставление в системе южного типа оказывается более удобным описывать уже не на супрасегментном уровне, а на **сегментном**. В данной работе считается, что в такой системе нет противопоставления различных типов стопических акцентов, а все корневые морфемы (и некоторые словообразовательные) имеют на первом слоге однотипное **морфологизованное ударение**. Отдельные словоформы (в основном наречия) сохранили такое морфологизованное ударение и в неначальном слоге (на месте бывшего продленного гласного), например: *k´üleĪ'´ä* Ko, Va ‘на бок/на боку’, и *s'´el'äĪ'´e* Ko, Va ‘навзничь, на спину, на спине’.

Глухие редуцированные выпадающие аллофоны и *ə* описываются через особую подсистему **редуцированных гласных** *(ĭ, ĕ, ŭ, ŏ, ŏ, ə)*, противопоставленную подсистеме **кратких гласных** (*i, e, ü, ö, o, u, a, ä)*. Приведем примеры фонологической записи словоформ (см. также Таблицу 4):

l´ĭn̄(ə) [l'i·nnə ~ l'i·n̄] Va, Ko ‘город’,

k´ana [ka·nà] Va, Ko ‘курица’,

l´ust'ĭ [łu·st'i̯ ~ łu·st'] ‘красивый’,

l´ĭn̄a [l'i·nna] Va, Ko <город.PART/ILL>,

k´an̄a [ka·nna] Va, Ko <курица.PART/ILL>,

l´ust'i [łu·st'i] <красивый.PART/ILL>.

Можно назвать несколько причин для отказа от описания этой системы через супрасегментные акценты.

1. С фонетической точки зрения в противопоставлении гласных их качество оказывается важнее, чем количество.

2. Функциональное единство стопы в данной системе разрушается: противопоставление [кратких] и [редуцированных ~ глухих] гласных в значительной мере локализовано в рамках слога и теряет жесткую связь с оппозицией согласных на границе 1-го и 2-го слогов. Особенно отчетливо это видно на примере трехсложных словоформ, в которых редуцированным может быть либо только гласный последнего слога, либо оба гласных (примеры из идиолекта NDP): *s´üöte-t̄'i* [süö·tet't'i] <кормить-IPS.PST> vs. *s´üöte-t̄'ŭ* [süö·tet't'u̯] <кормить-PC_IPS.PST> vs. *k´arpŏlŏ* [ka·rpo̯łŏ] ~ *k´arpəlŏ* [ka·rpəłŏ] ‘клюква’.

3. Соотношение акцентов в данной системе оказалось бы совершенно иным, чем в системе северного типа и в сойкинском

диалекте. Морфемы, имеющие в тех системах маркированный акцент (тяжелый), здесь должны были бы получить немаркированный акцент (легкий). И наоборот, морфемы, содержащие глухие гласные в неначальных слогах, должны были бы получить маркированный акцент (сверхлегкий?), в то время как в тех системах они несут немаркированный легкий акцент.

Идиолектные системы южного типа обнаруживаются в южной группе нижнелужских говоров (см. также Рисунок 11): 1) в правобережных говорах деревень Орлы и Манновка; 2) в левобережных говорах района Кейкино (деревни Кейкино, Федоровка, Извоз, Дальняя Поляна); 3) в россонских говорах (деревни Ванакюля, Волково и др.). Однако часть южных идиолектов, возможно, следует причислить к переходному типу (см. 4.1.3).

В южной системе представлены все процессы редукции, описанные в разделе 3, причем в наиболее продвинутом виде. Большинство результатов этой редукции здесь фонологизовалось.

4.1.3. Переходные системы. Переходные системы занимают промежуточное положение между северной и южной, представляющими собой крайние точки нижнелужского редукционного континуума. В переходную зону входят восточные и западные говоры, а также, возможно, некоторые южные.

Примерами переходных систем могут служить куземкинский идиолект NPŠ, ропшинский идиолект PFR, кракольский идиолект PMF, куровицкий идиолект VVV. Переходность этих систем заключается в том, что они объединяют в себе черты северной и южной.

С одной стороны, продление пранижнелужских продленных гласных в различительных позициях здесь отчасти сохранилось: [*l'iñà] > [l'i·nnà ~ l'i·nna] Na <город.PART/ILL>. Отличие от северной системы заключается в том, что если там основным является продленный тип аллофонов, то здесь нередуцированные краткие аллофоны так же частотны, как и продленные аллофоны. По-видимому, среднестатистическая длительность продленных аллофонов в переходных говорах меньше, чем в северных, а также в сойкинском диалекте[21].

[21] Как уже было сказано, масштабных измерений длительности гласных в нижнелужском диалекте не проводилось — заключение основывается на слуховых впечатлениях и является предварительным.

Отметим, что продление 2-го слога стопы после краткого слога (позиция нейтрализации для оппозиции по долготе) здесь сохранилось полностью, как и во всех прочих нижнелужских говорах: [*ka·nà] > [ka·nà] Na, ‘курица’.

С другой стороны, эволюция пранижнелужских кратких гласных в переходных говорах, наоборот, в большей степени напоминает систему южного типа, хотя редукция здесь в целом зашла чуть менее далеко (см. также Таблицу 6 и примеры в Таблице 4).

1. В позициях отсутствия редукции в неначальных слогах все краткие гласные сохранили свое количество и качество: [*a·vìttami:sèsta] > [a·vìttămi:sest] Na <помогать:NMLZ:EL>.

2. Во всех позициях редукции из **a*, **ä* и частично **e* развилась непроясняемая фонема *ə*, например: [*l'i·nna] > [l'i·nnə ~ l'i·n̄] Na ‘город’, [*l'i·nnad] > [l'i·nnəd ~ l'i·nnăd] Na <город:PL>. Отметим, что некоторые информанты все же иногда проясняют *a* и *ä* в этих позициях.

3. В «устойчивых» позициях редукции все прочие исконно краткие гласные сохранили свое качество и количество, за исключением случаев, когда был представлен процесс редукции Ib, например: [*ka·rhud] > [ka·rhud] Na <медведь:PL>, но [*nā·pur'i] > [nā·pŭr'ĭ ~ nā·pŭr'] Na ~ [nā·pər'ᵢ̯ ~ nā·pər'] Ro <сосед>.

4. В «неустойчивых» позициях все прочие исконно краткие гласные во многих идиолектах произносятся как сверхкраткие и имеющие тенденцию выпадать в беглой речи, ср. приведенный выше пример [nā·pŭr'ĭ ~ nā·pŭr'] Na. Длительность такого гласного аллофона оказывается в среднем на 30–40 мс меньше, чем длительность краткого аллофона в «устойчивой» позиции. Различие в длительности кратких и редуцированных аллофонов часто хорошо ощутимо на слух.

При этом сверхкраткие аллофоны в восточных и западных говорах обычно не произносятся как глухие, т.е. так, как в системе южного типа. Все же, например, в ропшинском идиолекте PFR глухие гласные спорадически появляются, ср. приведенный выше пример [nā·pər'ᵢ̯ ~ nā·pər'] Ro, примеры в Таблице 4, а также в Таблице 2 Приложения 1.

Одновременно сверхкраткие аллофоны отличают переходные говоры и от системы северного типа. Когда в северных говорах гласный в «неустойчивой» позиции все же произносится (а не

выпадает в речи), он по длительности и другим фонетическим характеристикам вполне соизмерим с кратким гласным в «устойчивой» позиции. Таким образом, аллофон в «неустойчивой» позиции в северных говорах не является сверхкратким.

Таким образом, в переходных говорах в исконных различительных для долготы позициях в сумме представлена **тернарная** оппозиция гласных аллофонов. Во-первых, это [**продленные** ~ **краткие**] аллофоны (этимологически соответствуют продленным гласных). Во-вторых, это [**краткие + ə**] (рефлексы этимологических кратких в «устойчивых» позициях и [**редуцированные** ~ сверхкраткие] аллофоны (рефлексы кратких в «неустойчивых» позициях, выпадающие в речи).

Для такой системы в данной работе предлагается описание через **акценты**, как и для северных говоров. Считается, что если за начальным долгим слогом корневой морфемы следует слог, содержащий [продленный ~ краткий] аллофон, то вся стопа имеет тяжелый акцент. Если же следует слог с [кратким ~ редуцированным] или [редуцированным ~ сверхкратким] аллофоном, то стопа маркируется легким акцентом. Легким акцентом также маркируется любая стопа с первым кратким слогом. Приведем примеры фонологической записи (см. также Таблицу 4):

а) последний слог открытый («неустойчивая» позиция для исконно кратких гласных):

– легкий акцент:

l´īn(ə) [l'i·nnə ~ l'i·n̄] Na ‘город’,

l´ust'i [łu·st'i ~ łu·st'ⁱ ~ łu·st'] Na ‘красивый’,

k´ana [ka·nà] Na ‘курица’;

– тяжелый акцент:

l`īna [l'i·nnà ~ l'i·nna] Na <город.PART/ILL>,

l`ust'e [łu·st'e ~ łu·st'è] Na <красивый.ILL>,

k`anа [ka·nnà ~ ka·nna] Na <курица.PART/ILL>;

б) последний слог закрытый («устойчивая» позиция для исконно кратких гласных):

– легкий акцент:

l´īnəd [l'i·nnəd ~ l'i·nnăd] Na <город:PL>,

l´ust'id [łu·st'id] Na <красивый:PL>,

k´anad [ka·nàd] Na <курица:PL>;

– тяжелый акцент:

k`aĪid [ka·llìd ~ ka·llid] Na <дорогой:PL>.

Если невыпадающий [краткий ~ продленный] аллофон представлен в последнем слоге более чем двусложной словоформы, то такой слог также маркируется тяжелым акцентом: *n´āpur'ĭ* [nā·pŭr'ĭ ~ nā·pŭr'] Na ‘сосед’ vs. *n´āpur'`i* [nā·pŭr'i ~ nā·pŭr'ì] Na <сосед:ILL>[22].

Можно сказать, что в переходных говорах этимологически продленные гласные аллофоны — «недостаточно продленные», а этимологически краткие — «недостаточно редуцированные». Это делает систему такого типа особенно сложной для фонологического описания. Аллофон [краткий нередуцированный и непродленный гласный] оказывается здесь статистически частотен для второго (или единственного — в случае неначальной односложной стопы) слога стопы как под легким, так и под тяжелым акцентом.

При этом в случае **легкого** акцента такой аллофон, в зависимости от структуры:

а) может выпадать в речи;

б) варьирует с редуцированными аллофонами;

в) не варьирует с продленными аллофонами.

В случае же **тяжелого** акцента такой аллофон:

а) не выпадает в речи;

б) варьирует с продленными аллофонами.

в) не варьирует с редуцированными аллофонами.

Примечание. Для части нижнелужских идиолектов характерен последовательный переход исконных долгих гласных среднего подъема начального слога в дифтонги (в основном это говоры по левому берегу р. Луги — они в наибольшей степени подверглись влиянию финского языка, см. [Лаанест 1966: 148; Кузнецова 2009b]). В западных идиолектах с таким переходом при особенно тщательном произнесении изредка

[22] По-видимому, такая же система вокализма неначальных слогов и просодических акцентов представлена в нижнелужских водских говорах района Краколья, территориально примыкающих к восточной группе ижорских говоров. Об этом свидетельствуют мои собственные полевые материалы, аудиозаписи из архива Общества финской литературы в Хельсинки и личного архива Ф. И. Рожанского, а также описание фонетики и фонологии этих говоров [Viitso 1961] и особенности записи словоформ в словаре [Tsvetkov 1995].

отмечается также фонетическая дифтонгизация продленных гласных неначальных слогов[23]. Приведем в пример диалог с информанткой NPŠ из дер. Большое Куземкино:

(1) *Вот если, скажем, ‘по рядам’, то* [rǟ·t'ȍ müö·]. — [Rǟ·.t'ö·]? (соб.). — [R´ǟ·. | t'ȍ.· | müö·]. *M´íä m´änin* [rǟ·t'ᵘ̈ȍ müö·] *(‘Я пошел по ряду’).* — [Rǟ·t'üȍ]? (соб.). — [R´ǟ·. | t'üö·]. *Может, два сло...* [Rǟ·t'ŭ] — *это есть ‘ряд’. Ряд...* [rǟ·t'ŭ]. *А* [rǟ·t'ᵘ̈ȍ | müö·] — *‘по рядам’. Не слышала ни от кого? — Нет, не слышала* (соб.). — *Ну...* [rǟ·t'ȍ müö·] — *А там вот в этом* [rǟ·t'ȍ müö·], *там вот в* [rǟ·t'ȍ], *там какие буквы?* (соб.). — *Р, я, тх, ё. — Ö?* (соб.). — *Ë, наверно... Думаешь, я знаю, да? Я такое не писала.* [Rǟ·. | t'ȍ·]. *Р, я, тх, ё.* — [R·ǟt'ȍ]? (соб.). — [Rǟ·t'ȍ]. [Rǟ·t'ᵘ̈ȍ | müö·]. *Вот это — ‘по рядам’,* [r·ǟt'ȍ mᵘ̈ȍ·].

Таким образом, фонетическая «серая зона» между реализациями акцентов оказывается в переходных говорах значительно шире, чем в системе северного типа и в сойкинском диалекте. Поэтому для каждой грамматической формы каждого морфонологического типа необходима бóльшая статистика индивидуальных произнесений для установления типа гласного и, соответственно, типа акцента.

Данная особенность указывает на то, что последовательное описание этого противопоставления в неначальных слогах через оппозицию фонемной долготы гласных едва ли возможно (ср. с системой северного типа). Если применять к материалу чисто сегментную трактовку, то окажется, что такая оппозиция находится посередине между системой, в которой противопоставлены краткие и долгие гласные в неначальных слогах (ср. с вокализмом современного финского литературного языка) и системой, в которой противопоставление долгих и кратких гласных в неначальных слогах полностью отсутствует (ср. с вокализмом современного эстонского литературного языка[24]). Промежуточное положение подобной системы отмечено и в статье Т.-Р. Вийтсо для нижнелужского водского языка [Viitso 1961: 150–151].

[23] В качестве параллели можно привести центральноводские говоры деревень Котлы и Понделево (также подвергшиеся финскому влиянию), в которых П. Аристе отмечал дифтонгизацию долгих гласных неначального слога: *kotŭȍ* (Котлы) / *kotuo* (Понделево) <дом.ILL> [Ariste 1968: 3] (транскрипция П. Аристе).

[24] Если в нем не учитывать подсистему недавних заимствований.

Даже если продления в таких говорах выражены в целом не очень отчетливо, то все же достаточно яркой является оппозиция между выпадающими гласными (как, например, в *l´ust'i* [łu·st'i ~ łu·st^{ĭ} ~ łu·st']) и никогда не выпадающими гласными в формах типа *l`ust'e* [łu·st'e ~ łu·st'è] на конце стопы. Данная оппозиция на синхронном уровне не обусловлена структурой и потому является фонологической. Представляется, что описание на просодическом уровне является для подобной системы практически единственным непротиворечивым вариантом фонологической трактовки.

Такая система вокализма неначальных слогов отмечена в следующих зонах (см. также Рисунок 11): 1) в восточных правобережных деревнях района Краколья (Краколье, Лужицы (Нижние и Средние), Пески, Межники), а также в наиболее «водских»[25] идиолектах дер. Куровицы; 2) в западных левобережных деревнях района Б. Куземкино (Большое, Малое и Новое Куземкино, Ропша).

Сочетание в одной системе трех типов гласных аллофонов в неначальных слогах (в данном случае — [продленных], [кратких] и [редуцированных ~ глухих]) по-видимому, встречается и в некоторых южных говорах. Ср., например, некоторые словоформы из южных идиолектов в Таблицах 1–2 Приложения 1. Далеко не во всех идиолектах этой группы продление гласных утратилось так последовательно, как в обсуждавшихся выше идиолектах NDP и LDM. С другой стороны, ни в одном из этих идиолектов продление не реализуется так регулярно как, например, в западном идиолекте NPŠ или восточном идиолекте PMF. Кроме того, рефлексы кратких гласных в «неустойчивых» позициях последовательно реализуются во всех идиолектах южной зоны как [глухие] аллофоны.

Такие идиолекты занимают промежуточное положение между крайними вариантами южной системы и большей частью переходных говоров, формируя идиолектный континуум между ними. Они, как и все переходные говоры, представляют существенную проблему для синхронного фонологического описания. Возможно, некоторые из них следует считать промежуточными

[25] Об идиолектном континууме между более «водскими» (т.е. собственно куровицкими) и более «ижорскими» (т.е. орельскими) идиолектами в дер. Куровицы см. статью [Муслимов, настоящий сборник].

системами, не поддающимися однозначному описанию на синхронном уровне.

Для окончательных выводов, как уже говорилось, необходимо более детальное экспериментальное фонетическое изучение переходных говоров. В данной работе я в целом пренебрегаю такими спорадическими продлениями в южных идиолектах и условно отношу все говоры этого ареала к фонологической системе южного типа.

Примечание. Возможно, полная утрата продления гласных в ряде южных говоров — это результат развития языка в самом последнем поколении носителей. Ю. Мягисте, исследовавший в 1920-е гг. россонские говоры, относительно долгих гласных неначальных слогов замечает следующее:

> В предшествовавшем изложении они последовательно отмечались сохранившимися. ⟨...⟩ Не сомневаюсь, что такая запись является правильной, поскольку источником представляемых данных был язык старшего поколения носителей диалекта — в котором долгие гласные [в неначальных слогах — *Н.К.*], несомненно, имеются. Только в некоторых случаях в качестве идиолектной особенности хотелось отмечать их как сократившиеся до полудолгих, и тем в большей степени, чем с более младшим поколением мы имеем дело. В любом случае современная молодежь доводит указанный процесс сокращения долгих гласных, без сомнения, набравший полный ход под влиянием эстоноязычной школы и оживившихся отношений с эстонцами, до конца. Относительно гр[еко]-кат[олической] части диалектного ареала [т.е. ижорских говоров Россони — *Н.К.*] сказанное выше имеет место в еще большей степени. Долгий гласный в неначальном слоге можно заметить там только у стариков, диалект которых еще находится в живом состоянии, в то время как для среднего и младшего поколения, у которых родной диалект заслонен русским языком, мы без необходимых оснований отмечали эти гласные как долгие» [Mägiste 1925: 92].

Относительно редуцированных неначальных гласных Ю. Мягисте сделал сходные наблюдения. Он отмечал, что для старшего поколения ижорских носителей россонских говоров характерно только оглушение гласных (в данном случае речь шла о позиции абсолютного исхода словоформы), а у более молодых носителей уже «оглушение заменилось полным отпадением, так что стиль их речи оставляет впечатление крайне апокопированного, гораздо более инновационного, чем у лютеран [т.е. россонских финнов — *Н.К.*]» [Mägiste 1925: 85].

По моим наблюдениям, степень редукции гласных все же не вполне коррелирует со степенью сохранности языка. Так, неоднократно упомянутый информант NDP (1924 г.р.) является одним из лучших современных носителей ижорского языка и способен свободно говорить на нем на любые темы. При этом в его речи представлена едва ли не самая сильная степень редукции как исконных долгих, так и кратких гласных в неначальных слогах, которая мне встречалась среди нижнелужских информантов.

Следует также отметить, что восточной группе говоров, в свою очередь, имеются такие идиолекты, в которых редукция неначальных гласных в целом меньше, чем в среднем по переходным системам. Таковы, например, идиолекты информанток NSN и LMM из Лужиц. Здесь фонологическая система в большей степени приближается к северному типу. Возможно, такие системы особенно характерны для информантов смешанного происхождения в тех случаях, когда один из родителей был родом из ареала, представляющего систему северного типа (как у LMM)[26].

4.2. Языковые иллюстрации к просодическим системам

В данном подразделе будут приведены языковые примеры, иллюстрирующие основные нижнелужские просодические системы.

4.2.1. Примеры записи словоформ в системах трех типов. В Таблице 4 ниже представлено соотношение фонетических реализаций и принятых в данной работе фонологических интерпретаций одних и тех же лексем в южных, северных и переходных системах.

4.2.2. Фонетические иллюстрации к системам трех типов. В качестве дополнительной фонетической иллюстрации к северной, южной и переходной системам приводятся примеры произнесения ряда словоформ информантами NDP (южная система), NPŠ (переходная система), ZPS (северная система). Примеры содержат различные типы гласных аллофонов во втором слоге:

[26] Мать NSN, будучи ижоркой, в свою очередь, происходила из в целом финноязычной дер. Федоровка. Материалы из аудиоархива М. З. Муслимова показывают, что в языке федоровских финнов степень редукции соответствует ижорской системе северного типа.

1) исконный краткий гласный, «неустойчивая» позиция: [*ɫu·sti] > *l´ust'(i)* (ZPS, NPŠ) */ l´ust'(ĭ)* (NDP) ‘красивый’;

2) исконный краткий гласный, «устойчивая» позиция: [*ɫu·stid] > *l´ust'i-d* (ZPS, NPŠ, NDP) <красивый-PL>;

3) исконный продленный гласный в различительной позиции: [*ɫu·stì] > *l`ust'i* (ZPS) */ l`ust'e* (NPŠ) */ l´ust'i* (NDP) <красивый.ILL>.

Все словоформы находились в контексте перед смычным в составе синтагмы «прилагательное + существительное».

Таблица 4. Соотношение фонетических реализаций и фонологических интерпретаций долготных противопоставлений неначальных гласных в просодических системах нижнелужского диалекта

Северная система (ZPS, Pä)	**Переходная система** (NPŠ, Na; PFR, Ro)[I]	**Южная система** (NDP, Va)	**Глоссы**
l´ust'i [ɫu·st'(i)]	*l´ust'i* [ɫu·st'(ĭ)]	*l´ust'ĭ* [ɫu·st'(i̯)]	красивый
l´ust'il [ɫu·st'iɬ]	*l´ust'il̄* [ɫu·st'iɬ̄]	*l´ust'il̄* [ɫu·st'iɬ̄]	красивый:AD
l`ust'i [ɫu·st'ì]	*l`ust'e* [ɫu·st'è ~ ɫu·st'e]	*l´ust'i* [ɫu·st'i]	красивый:ILL
l´amaz [ɫa·mmaz]	*l´amə̄z* [ɫa·mməz]	*l´amə̄z* [ɫa·mməz]	овца
l`ampan [ɫa·mpàn]	*l`ampan* [ɫa·mpàn ~ ɫa·mpan]	*l´ampan* [ɫa·mpan]	овца:GEN
n´āpuri [nā·pur'(i)]	*n´āpur'i* [nā·pŭr'(ĭ)], *n´āpər'i* [nā·pər'(ĭ)] Ro	*n´āpər'ĭ* [nā·pər'(i̯)]	сосед
n´āpurid [nā·pur'´id]	*n´āpur'id* [nā·p(ŭ)r'id], *n´āpər'id* [nā·p(ə)r'id] Ro	*n´āpr'id* [nā·pr'id]	сосед:PL
s´ōtetü [s·ōtet't'ü]	*s´üötetü* [süö·tĕtt(ŭ)] Na, *s´üötet'ü* [süö·tĕt't'(ŭ̯)] Ro	*s'´üötet'ŭ* [s'üö·tĕt't'(ŭ̯)]	кормить: PC_IPS:PST
s´ōtet'´i [s·ōtet't'ì:]	*s´üötet'´i* [süö·tĕt't'ì:]	*s'´üötet'i* [s'üö·tĕt't'i:]	кормить: IPS:PST
´opetaja [o·pètta:ja]	*´opetaja* [o·pètta:ja]	*´opetaja* [o·pètta:ja]	учитель

Примечания. Значком краткости в Таблице 4 обозначается только очень сильная степень редукции; в круглых скобках приведены выпадающие в речи аллофоны. [I]Формы в данном столбце снабжаются географической пометой, если они записаны только от одной из двух указанных информанток; формы без помет записаны от них обеих.

Рисунок 3. *l´ust'ř* (NOM; NDP)

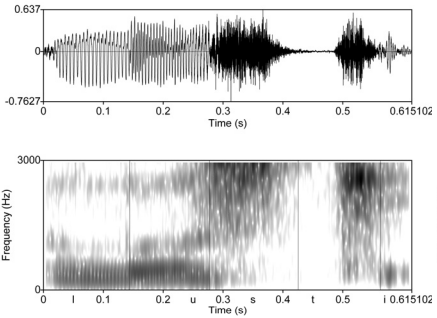


Рисунок 4. *l´ust'i* (NOM; NPŠ)

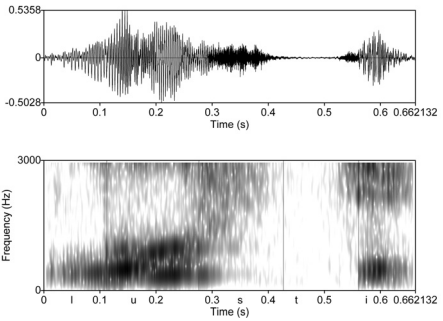


Рисунок 5. *l´ust'i* (NOM; ZPS)

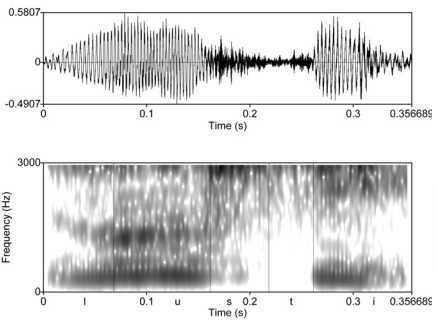


Рисунок 6. *l´ust'i* (ILL; NDP)

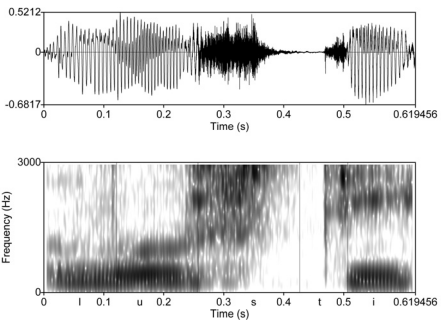


Рисунок 7. *l`ust'e* (ILL; NPŠ)

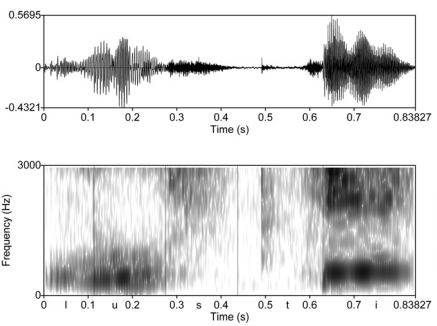


Рисунок 8. *l`ust'i* (ILL; ZPS)

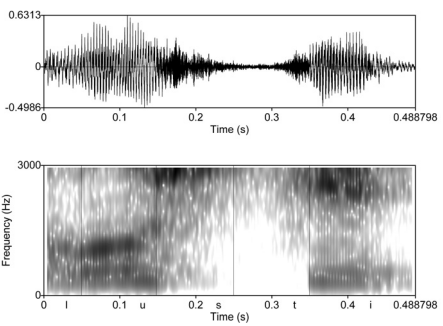


Рисунок 9. *l´ust'id* (NOM:PL; NDP)

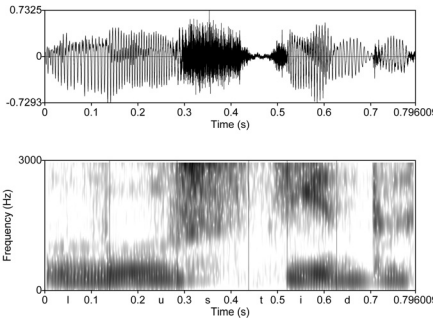


Рисунок 10. *l´ust'id* (NOM:PL; NPŠ)

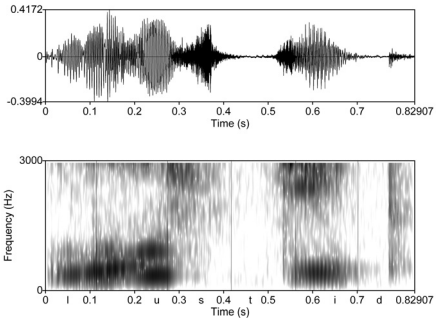
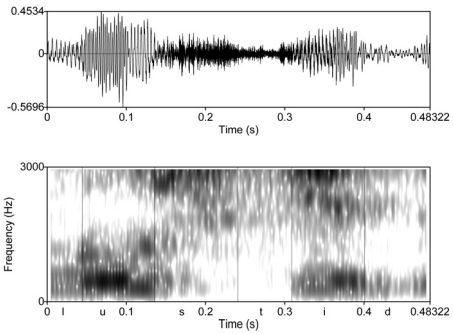


Рисунок 11. *l´ust'id* (NOM:PL; ZPS)



Примечание. На Рисунке 7 в середине реализации звука [t] представлен посторонний звук (щелчок), не имеющий отношения к произнесению словоформы.

В Таблице 5 приводится абсолютная и относительная длительность звуков с Рисунков 3–11. Под относительной длительностью имеется в виду пропорциональная доля каждого сегмента от общей длительности словоформы. Следует отметить, что NPŠ и NDP произносили синтагмы со словоформами медленно и отчетливо, а ZPS — быстро. Поэтому в плане абсолютной длительности сегментов взаимно сопоставимые результаты NPŠ и NDP не вполне сравнимы с результатами ZPS. Но пропорциональные соотношения сегментов в стопе (также представленные в Таблице 5) в целом сохраняются как в медленной речи, так и в быстрой (хотя в последней они более «смазаны»). Поэтому они в большей степени сопоставимы по всем трем информантам.

Таблица 5. Длительность и пропорциональные отношения звуков на спектрограммах с Рисунков 3–11

форма	параметр	NDPм		NPŠж		ZPSж	
		значение	сегм. /Qgen	значение	сегм. /Qgen	значение	сегм. /Qgen
l'usti / l'ustь	l	144	0,23	112	0,17	68	0,19
	u	133	0,22	163	0,25	93	0,26
	s	149	0,24	150	0,23	57	0,16
	t	137	0,22	133	0,20	43	0,12
	i	53	0,09	101	0,15	93	0,26
	u/i	**2,51**		**1,61**		**1,00**	
	Qgen	616		659		354	
l`usti / l`uste /l`usti	l	121	0,19	113	0,13	49	0,10
	u	136	0,22	161	0,19	97	0,20
	s	170	0,27	163	0,19	103	0,21
	t	80	0,13	193	0,23	99	0,20
	i~e	115	0,18	208	0,25	139	0,29
	u/i~e	**1,18**		**0,77**		**0,70**	
	Qgen	622		838		487	
l'ustid	l	139	0,18	114	0,14	44	0,08
	u	148	0,19	160	0,19	92	0,18
	s	150	0,19	143	0,17	107	0,20
	t	82	0,10	145	0,17	105	0,20
	i	106	0,13	140	0,17	93	0,18
	d	169	0,21	128	0,15	83	0,16
	u/i	**1,40**		**1,14**		**0,99**	
	Qgen	794		830		524	

Примечания. «Значение» — длительность звуков в мс (кроме параметров «u/i», «u/i~e»); «сегм./Qgen» — отношение длительности данного сегмента к общей длительности словоформы; «u/i», «u/i~e» — отношение длительности гласного первого слога *(u)* к длительности гласного второго слога *(i* или *e*[27]*);* «Qgen» — общая длительность словоформы.

[27] Не вполне ясно, почему в идиолекте NPŠ в данной форме оказался представлен гласный *e*. Можно предположить, что здесь произошла идиолектная (возможно, окказиональная) контаминация с формой партитива ед.ч. *l`ust'e* < [*łu·stia].

Для сопоставления северной, переходной и южной систем особенно показательно пропорциональное соотношение количества гласного первого и второго слога (параметры «u/i», «u/i~e»). В разделе 1.4.1 говорилось о том, что одной из отличительных характеристик сойкинского легкого акцента по сравнению с тяжелым и сверхтяжелым является тот факт, что длительность гласного второго слога в среднем превышает длительность гласного первого слога. Сходную картину можно наблюдать и в нижнелужском диалекте. В формах иллатива в произношении ZPS и NPŠ (где представлен тяжелый акцент) отношение *u* к *i* (или *e)* составляет 0,7–0,8, в то время как во всех остальных случаях оно равно или больше единицы (см. Таблицу 5). Данное соотношение существенно превышает единицу и в произношении формы иллатива информантом NDP. Это может служить наглядным примером полного сокращения праижорских продленных гласных до кратких в южной группе нижнелужских говоров.

Одновременно стоит обратить внимание, насколько выделяется на фоне всех прочих примеров соотношение *u/i* в форме номинатива в произнесении того же NDP. В этой форме представлен оглушенный сверхкраткий аллофон, фонологически проинтерпретированный как редуцированный гласный. Его длительность оказывается меньше длительности первого гласного более чем в два раза. Это отношение существенно превышает даже соотношение гласного первого слога с редуцированным гласным аллофоном второго слога в форме номинатива в произношении NPŠ (2,5 против 1,6). Видно, что стопа, содержащая глухой гласный, является наименее «уравновешенной» (термин из статьи [Eek, Meister 1997]; ср. также «неуравновешенное ядро стопы» в 1.4.1) и в наибольшей степени приближается к односложнику.

Произношение оглушенного сверхкраткого демонстрирует отличительные особенности и на спектрограмме на Рисунке 3 (особенно ср. с Рисунком 4). Во всех прочих случаях после сравнительно краткого взрыва *t'* следует гласный, длительность которого превышает длительность этого взрыва. В реализации глухого сверхкраткого наблюдается обратная ситуация: интенсивный взрыв *t'* и затем очень краткий призвук собственно гласного. Фактически, весь гласный произносится без участия голоса — в спектральном рисунке участок с гармоническими колебаниями

почти отсутствует (ср. также с Рисунком 1, где была представлена спектрограмма полностью оглушенного гласного).

Отличие этого гласного от прочих обнаруживается и в плане того, какую пропорциональную часть от общей длительности словоформы он составляет. Из Таблицы 5 видно, что средняя пропорциональная длительность краткого гласного первого слога по всем 9 произнесениям варьирует слабо — она составляет 0,21 ($\sigma = 0{,}03$) от общей длительности словоформы. Длительность непродленного и нередуцированного гласного второго слога по 6 произнесениям также достаточно устойчива — в среднем она составляет 0,17 ($\sigma = 0{,}01$). Пропорциональная длительность глухого сверхкраткого существенно меньше этого показателя — всего лишь 0,09 от длительности всей словоформы[28]. Отметим здесь же, что длительность продленного гласного второго слога по двум произнесениям составила 0,27 ($\sigma = 0{,}03$).

Для получения более надежных выводов в этой области необходимо привлечение значительно большего массива данных. На данном этапе можно сформулировать лишь предварительные закономерности. Можно сказать, что в двухсложной словоформе пропорциональная длительность краткого гласного первого слога составляет примерно 0,20–0,25, краткого гласного аллофона второго слога — приблизительно 0,15–0,20, продленного аллофона — >0,25, редуцированного аллофона — <0,15 от общей длительности словоформы.

5. **Выводы. Эволюция долготы неначальных гласных**

5.1. Эволюция ижорской долготы неначальных гласных

В Таблице 6 схематически показана эволюция долготной оппозиции неначальных гласных от праижорской системы через сойкинский диалект к нижнелужской южной системе.

[28] Отметим, что глухой гласный в словоформе, представленной на Рисунке 1 не был реализован как сверхкраткий (его длительность сопоставима с длительностью конечного гласного словоформы на Рисунке 2) — по-видимому, это связано с тем, что эти словоформы были произнесены изолированно (гласный в абсолютном исходе синтагмы или фразы, как правило, несколько продлевается).

Таблица 6. Эволюция фонологической и фонетической оппозиции неначальных гласных по долготе в ижорских диалектах

праижорские гласные аллофоны	**сойк. сист.**		**н.-л. сев. сист.**		**н.-л. перех. сист.**		**н.-л. южн. сист.**
[*V̀] во 2-м слоге стопы с 1-м кратким слогом (позиция нейтрализации оппозиции по долготе)	V [V̀]	→	V [V̀]	→	V [V̀]	→	V [V̀]
[*V̀] в неначальных позициях, различительных для долготы	V [V̄/V̀]	→	V [V̄/V̀]	→	V [V̀/V]	→	V [V] + ə
[*V̆] в неначальных слогах	V [V/V̆]	↗[I]	V [V/V̆]	→	V [V/V̆] + ə	↗	
		↘[II]	V [(V/V̆)]	→	V [(V̆/V̥̆)] + ə [(ə)]	→	V̆ [(V̆/V̥̆)] + (ə)]

Примечания. Без скобок — фонологическая интерпретация гласного; в квадратных скобках — основные аллофоны этого гласного (жирным шрифтом выделены наиболее частотные аллофоны); в круглых скобках — аллофоны в «неустойчивых» позициях, часто исчезающие в беглой речи; в надстрочном регистре — сверхкраткие аллофоны. [I]В «устойчивых» позициях редукции, где по структурным причинам невозможно выпадение гласных; [II]в «неустойчивых» позициях редукции, в которых возможно выпадение гласных.

5.2. Эволюция долготы неначального вокализма и фонологический статус редукции

В разделе 3 редукция неначальных гласных была описана как некоторый единый процесс, проходящий через несколько стадий. Но, как уже говорилось выше, в конкретных группах говоров представлены не все, а только некоторые из этих этапов. Поэтому для разных нижнелужских просодических систем редукция имеет различный фонологический статус.

Для **северных** говоров (система северного типа) на синхронном уровне можно говорить о чисто фонетическом процессе: «в каких позициях наблюдается фонетическая редукция кратких гласных неначальных слогов?».

Для **восточных** и **западных** говоров с переходной системой явление редукции также можно считать фонетическим, за исключением тех случаев, когда мы имеем дело с фонемой *ə*. Таким образом, здесь проблема редукции разделяется на два аспекта:

1) синхронный: «в каких позициях встречаются редуцированные исчезающие аллофоны кратких гласных?»;

2) диахронный: «в каких позициях в языке сформировалась фонема *ə?*».

Для говоров с северной и переходной системами еще на синхронном уровне видно, что редукции и утрате подвергаются именно краткие гласные аллофоны неначальных слогов, противопоставленные «стабильным» в этом смысле продленным гласным.

Что касается **южных** говоров, имеющих систему южного типа, то здесь вся проблема целиком переходит в план диахронии: «в каких позициях и из каких типов аллофонов сформировалась подсистема редуцированных гласных?». В крайнем варианте южной системы исконно продленные гласные полностью сократились в различительных для долготы позициях. Поэтому здесь действительно можно говорить об оппозиции кратких и продленных гласных неначальных слогов исключительно в диахроническом аспекте.

5.3. Географическое распределение просодических систем в ижорских говорах и соседних прибалтийско-финских идиомах

Ниже приводится обобщающий Рисунок 11, показывающий географическое распределение систем неначального вокализма и тесно связанных с ними просодических систем в нижнелужском и сойкинском диалектах.

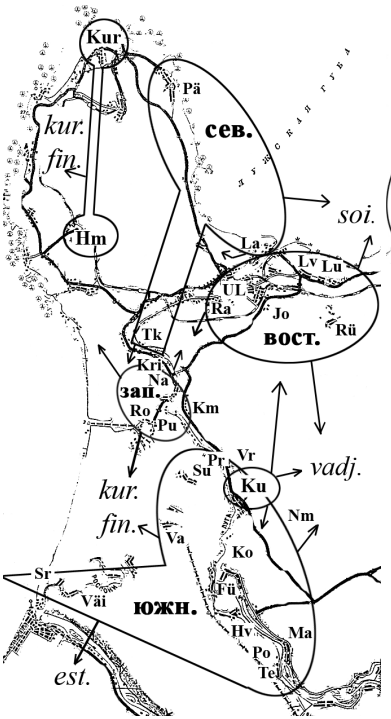
Нижнелужская система северного типа во многом совпадает с устройством неначального вокализма в сойкинском диалекте, а также в ингерманландских финских говорах Курголовского полуострова и района Б. Куземкино. По-видимому, в указанных финских говорах представлена система акцентов, аналогичная системе северного типа. Кроме того, возможно, что такая же система была представлена в исчезнувших центральноводских говорах района дер. Котлы, примыкающих к западноводским с востока, а к сойкинскому диалекту — с юго-востока. Система акцентов сойкинского диалекта, как уже говорилось в разделе 2,

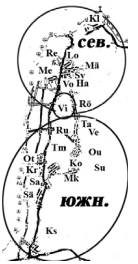
Рисунок 11. Территориальное распределение ижорских систем вокализма неначальных слогов и словесной просодики

(сев. н.-л.; иж.-фин. говоры Hm, Kur)
северный тип:
[ò] vs. [o ~ ŏ]
/акценты/

(зап. н.-л.)
переходный тип:
[ò ~ o] vs.
[o ~ ŏ ~ ᵒ]
/акценты/

(южн. н.-л.)
южный тип:
[o] vs. [ᵒ]
/o vs. ŏ/





(сойкинский диалект)
северный тип:
[ò] vs. [o ~ ŏ]
/акценты/

(вост. н.-л.; иж.-вод. говор Ku)
переходный тип
[ò ~ o] vs. [o ~ ŏ ~ ᵒ]
/акценты/

(южн. н-л.)
южный тип:
[o] vs. [ᵒ]
/o vs. ŏ/

Примечания. В квадратных скобках на примере звука [o] записаны основные типы гласных аллофонов в неначальных слогах. В косых скобках записывается фонологическая интерпретация данной оппозиции. Стрелки на карте указывают в сторону соседних языков и диалектов, которые оказали контактное влияние на нижнелужские говоры (*soi.* — сойкинский диалект ижорского языка, *vadj.* — водский язык, *kur. fin.* — курголовский ингерманландский финский диалект, *est.* — эстонский язык). На карте отмечены только те ижорские и контактные говоры, по которым у меня имелся более или менее достоверный языковой материал. Сойкинский диалект представлен здесь только собственно-сойкинскими говорами. Более подробную карту, включающую также систинские говоры, см. в Приложении 6 — в систинских говорах система неначального вокализма аналогична собственно-сойкинской.

отличается по своему фонологическому устройству от нижнелужской. Но это различие связано прежде всего с реализацией гласных и согласных первого слога, а не неначальных гласных.

Переходная система представлена не только в западных и восточных ижорских говорах, но и в соседних нижнелужских водских (западноводских) говорах.

Южная система в наиболее чистом варианте представлена только в южных нижнелужских говорах. Однако редукция неначальных гласных в соседних с ними ингерманландских финских говорах района р. Россонь существенно выше, чем в более северных финских говорах Курголовского полуострова[29] (ср. также цитату из работы Ю. Мягисте относительно россонского финского и ижорского в конце п. 4.1.3).

Таким образом, в южной группе нижнелужских говоров представлена наиболее сильная ступень редукции для ижорского языка и для нижнелужского ареала в целом. При этом в эстонском языке, находящемся юго-западнее, редукция неначальных гласных оказалась еще более мощной. Здесь гласные в аналогичных ижорским «неустойчивых» позициях в большинстве случаев полностью выпали. Кроме того, в тех «устойчивых» позициях, где проходил процесс редукции типа ижорского процесса Ib, произошла полная делабиализация лабиализованных гласных.

Примечание. Внутри сойкинского диалекта также наблюдается неоднородность говоров в плане редукции неначальных гласных. Степень редукции увеличивается с севера Сойкинского полуострова к югу, в сторону ареала распространения нижнелужских водских и ижорских говоров. Как уже говорилось, основными отличиями сойкинской просодической системы от северной нижнелужской является большее количество акцентов и отсутствие «неустойчивых» позиций, в которых представлено выпадение гласных. Однако в говорах южнее пос. Вистино тяжелые и сверхтяжелые акценты, имеющиеся в северных сойкинских говорах, в некоторых случаях исчезают (см. [Кузнецова 2009b]). Кроме того, для южных сойкинских говоров (особенно косколовского) уже есть некоторые основания говорить о формировании «неустойчивых» позиций и фонемы *ə*. Приведем в пример диалог с косколовской инфор-

[29] Отметим, что в работе [Муслимов 2009] и более ранних исследованиях россонские и курголовские финские говоры тем не менее объединяются в единый нижнелужский ингерманландский финский диалект.

манткой LSI, где даже при медленном произнесении по слогам [ə] не проясняется:

(2) *Можете сказать ‘маленький топор’? (соб.).* — [Pi·ǩkəraį̯:n ke·rves]. — *Еще раз? (соб.).* — [Pi·ǩkˀraį̯:n ke·rves]. — А *«p´iǩarain»*, *там какие буквы в нем? (соб.).* — [Pi·k.kə·.raį̯·n]. — *Там* [pi·k.kə·] *или* [pi·k-ka·]? *(соб.).* — [Pi·.kkə·.raį̯·n]. [Pi·k.kə·.raį̯·n]. [Pi·ǩkəraį̯:n].

Если говорить об остальных ижорских диалектах, то можно упомянуть, что в хэваском диалекте (располагавшемся к востоку от сойкинского по побережью Финского залива), судя по имеющимся аудиоматериалам, была представлена такая же система устройства неначального вокализма, как и в сойкинском. В оредежском диалекте, находившемся на юге исторической Ингерманландии, по сообщению А. Лаанеста, этимологически долгие гласные полностью сократились [Лаанест 1967: 35]. Надо отметить, что, по моим полевым материалам, в соседних с этим диалектом ингерманландских финских говорах района пос. Сиверский степень редукции неначальных гласных существенно выше, чем в более северных говорах к востоку и западу от Гатчины, а также прилегающих к хэваскому ижорскому с востока финских говорах прихода Tyrö.

Подытоживая все сказанное, можно сказать, что по крайней мере в Западной Ингерманландии (на Нижней Луге и в сойкинско-хэваском ареале, а также в примыкающем к ним ареале распространения водского языка) прослеживается общая тенденция **нарастания степени редукции неначальных гласных с севера на юг** (а также в определенной степени с востока на запад) — вне зависимости от конкретного языка, диалекта или группы говоров. Предварительные данные свидетельствуют о том, что такая тенденция может быть характерна и для всей Ингерманландии, однако выяснение этого требует дополнительных исследований.

Литература

Вийтсо Т.-Р. 1979. Проблемы ударения в эстонском языке // Советское финно-угроведение XV, 3. С. 136–152.

Кузнецова Н. В. 2009a. Супрасегментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте // Вопросы языкознания 5. С. 18–47.

Кузнецова Н. В. 2009b. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллинн: Институт языка и литературы АН СССР.

Лаанест А. 1967. Об истории долгих гласных непервых слогов в ижорском, водском и финском языках (тезисы) // Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию: Тезисы к докладам и некоторые доклады. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР. С. 35–36.

Муслимов М. З. 2009. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука. С. 179–204.

Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале // Настоящий сборник.

Хинт М. 1971. Основные фонологические и морфонологические проблемы акцентуационной системы эстонского языка. Автореф. … канд. филол. наук. Таллинн: АН ЭССР, Отделение общественных наук.

Ariste P. 1965a. Reduktion der Stimmhaftigkeit als morphologischer Faktor // Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România. S. 15–17.

Ariste P. 1965b. Etwas über das Ižorische // Советское финно-угроведение III. С. 183–186.

Ariste P. 1968 (1949). A grammar of the Votic language. (Indiana University publications. Uralic and Altaic series 68). Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton & Co.

Ariste P. 1969. Vanakülä isuri murrakust // Emakeele seltsi aastaraamat 1968–1969, 14–15. Lk. 173–180.

Blevins J. 2004. Evolutionary phonology: The emergence of sound patterns. Cambridge: Cambridge University Press.

Eek A., Help T. 1986. Rütminihked eesti keele kujunemisloos. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia ühiskonnateaduste osakond.

Eek A., Meister E. 1997. Simple perception experiments on Estonian word prosody: foot structure vs. segmental quantity // I. Lehiste, J. Ross (eds.). Estonian prosody: Papers from a symposium: International Symposium on Estonian Prosody, Tallinn, Estonia, October 29–30, 1996: Proceedings. Tallinn: Institute of Estonian language. P. 71–99.

Gordon M. 1998. The phonetics and phonology of non-modal vowels: A cross-linguistic perspective // Berkeley Linguistics Society 24. P. 93–105.

Jakobson R., Waugh L. R. 1987. The sound shape of language // R. Jakobson. Selected writings VIII. Completion vol. 1: Major works, 1976–1980. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter. P. 1–316.

Laanest A. 1987. Zur Phonologie der ingrischen // Studien zur Phonologie und Morphonologie der uralischen Sprachen: Eisenstadt, 28. Juni1. Juli 1984: Akten der dritten Tagung für uralische Phonologie. Wien: Verband der wissenschaftlichen Gesellschaften Österreichs. S. 285–293.

Laanest A. 1984. Lõpukaost isuri keeles // Emakeele seltsi aastaraamat 1982, 28. Läänemeresoomekeeltest. Lk. 68–75.

Ladefoged P., Maddieson I. 1996. The sounds of the world's languages. Oxford; Cambridge: Blackwell Publishers.

Laver J. 1994. Principles of phonetics. Cambridge: Cambridge University Press.

Mägiste J. 1925. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned. (Acta et commentationes Universitatis Tartuensis; B, Humaniora 7, 3). Tartu: E.K.Ü. "Postimehe" trükk.

Markus E. 2010. Primary and secondary geminates in Ingrian // Linguistica Uralica 46, 1. P. 38–52.

Markus E. 2011. The phonetics and phonology of a disyllabic foot in Soikkola Ingrian // Linguistica Uralica 47, 2. P. 103–119.

Pike K. L. 1945. The intonation of American English. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press.

Tsvetkov D. 1995. Vatjan kielen joenperän murteen sanasto / J. Laakso (toim.). (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 25; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 79). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.

Viitso T.-R. 1961. Vadja Luutsa-Liivčülä murraku fonoloogia // Emakeele seltsi aastaraamat 1961, VII. Lk. 142–174.

Вяч. С. Кулешов

ЛИВСКАЯ АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА[1]

1. Введение

Акцентная система ливского языка представляет большой интерес для общей типологии акцентных систем и в особенности для типологии **морфонологизированных парадигматических акцентных систем**, понимание устройства и условий формирования которых существенно продвинулось после работ В. А. Дыбо.

> Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами (а. п.), по которым распределены все слова соответствующего языка следующим образом:
>
> 1. В корпусе непроизводных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно.
>
> 2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).
>
> Первое положение я называю «первым принципом парадигматического акцента», второе — «вторым принципом парадигматического акцента» [Дыбо 2000: 10].

Система ливской стопической акцентуации (см. раздел 3) **строго согласуется** с первым принципом. Акцентный облик (тип стопического акцента) каждой акцентогенной морфы

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии»). Выражаю признательность Н. В. Кузнецовой, с которой я на протяжении последних лет многократно обсуждал спорные вопросы прибалтийско-финской фонологии.

(каковыми являются корни, большинство префиксов и именной суффикс /-nika^{L1}/ *-niǩkà*[2]) или морфоида[3] **в общем случае не связан с их фонемным составом** и не предсказуем на основании их значения или частеречной принадлежности. Другими словами, акцентуация морфы в общем случае не зависит от ее сегментной структуры[4] и элементов ее означаемого и синтактики, являясь супрасегментным компонентом означающего. Подчеркнем, что ливскую акцентную систему удобнее описывать именно в терминах **акцентной маркировки морф**. Множество всех морф разбивается на два непересекающихся и количественно неравноправных класса — класс акцентно маркированных и класс акцентно нейтральных[5] морф. Стопическая структура некоторой

[2] В косых скобках здесь и далее приводится принадлежащая мне фонологическая интерпретация ливских морф. Без скобок курсивом дается фонетическая запись ливских словоформ по словарю [Kettunen 1938] (по умолчанию) или же в некоторых случаях (после пометы resp.) — согласно работам [Viitso 1981, 2008]. Подробнее о правилах транскрипции см. Приложение 7. Правила глоссирования см. в Приложении 8.

[3] Ливские словоформы по сравнению с их прибалтийско-финскими этимонами претерпели редукцию неначальных слогов. Как следствие в ливском не зафиксированы более чем трехсложные однокорневые словоформы, которые автоматически распадались бы на две стопы. В отличие от многих других прибалтийско-финских языков со стопической структурой в ливском отсутствуют неначальные стопы под морфологически несвязанным второстепенным ударением (ср., например, с ситуацией в ижорском, описываемой в [Кузнецова 2009, настоящий сборник]). Вместе с тем под влиянием латышского языка появились морфы, имеющие главное ударение не на первом слоге (см. пример в сноске 14). В данном описании считается, что акцентогенной в таком случае является не вся морфа, а только тот ее отрезок, который начинается со слога с главным ударением — акцентогенный морфоид. Начальный безударный отрезок корневой морфы считается морфоидом, входящим в акцентно нейтральный класс.

[4] См. однако текстовое примечание на с. 115–116 о различной акцентной трактовке в данном описании стоп с продленными сонантами, с одной стороны, и шумными — с другой.

[5] В акцентно нейтральный класс входят безударные «слоговые» морфы, морфоиды и клитики. Такие единицы получают акцентную маркировку «^{0}». Морфы и клитики, находящиеся в **постпозиции**

цепочки морф (словоформы) однозначно выводится на основании акцентных маркировок ее составляющих.

Второй принцип парадигматического акцента в формулировке В. А. Дыбо, приспособленной для описания систем **словесной** акцентуации, строго говоря, не применим к описанию систем стопической акцентуации. Последние являются особым звеном в типологии способов акцентной организации речи (в некотором смысле — промежуточным между системами словесного ударения и слогового тона)[6]. Тем не менее, в стопическом ливском языке можно наблюдать акцентное противопоставление двух типов производных основ. При расширении основ «акцентно рецессивными» суффиксами (таков, например, суффикс имени действия

к акцентогенным морфам и словоформам, входят с последними в единую речевую стопу и участвуют в реализации ее стопического акцента. Реализуемый на такой стопе акцент приписывается входящей в нее акцентогенной морфе (см. примеры на с. 116–117).

В случаях, когда не несущие ударения морфы, морфоиды и клитики находятся в **препозиции** к акцентогенным морфам и морфоидам, они фактически формируют с последующей акцентогенной морфой или морфоидом особую единицу, которую можно было бы назвать стопой со смещенной вправо акцентной вершиной. Подобные стопы являются системно периферийными, и я не рассматриваю их в настоящей работе. Акцентогенной морфе или морфоиду в составе такой стопы я приписываю тот же самый тип акцента, который они имели бы и вне соседства с левосторонней безударной морфой, морфоидом или клитикой. Такая условность облегчает фонологическое описание, ориентированное прежде всего не на фонетику, а на морфонологию и морфологию. Несмотря на то что акценты называются стопическими (по особенностям их фонетической реализации), они являются морфологическим средством, поэтому маркируются именно на морфах и морфоидах, а не на стопах.

[6] Подробнее из последних работ на эту тему см., например, [Кузнецова 2009]. С системами слогового тона системы стопического акцента сближаются противопоставлением двух или более (в ливском языке — пяти) типов акцентуации. По характеру реализации эти типы акцентуации сопоставимы с тонами «слогоморфем» слоговых языков Юго-Восточной Азии (см. [Касевич 1983]). С системами подвижного словесного ударения (см., например, описание русского языка в [Зализняк 1967] или праиндоевропейского в [Герценберг 1981]) системы стопического акцента сближаются противопоставлением двух или более независимых схем поведения акцента.

/-mi(z)^{0}/ *-mi*) стопическая акцентуация исходной основы как бы «консервируется», а производная основа переходит в парадигму постоянного акцента. Напротив, «акцентно доминантный»[7] суффикс отыменного прилагательного /-i(z)^{0}/ *-i* переводит новую основу в особую парадигму подвижного акцента, не совпадающую ни с одной из акцентных парадигм непроизводных имен. Важно при этом, что **все** ливские суффиксы — за исключением единственного «корнеподобного» по своему акцентному поведению словообразовательного суффикса /-nika^{L1}/ *-niǩkȁ*[8] — неакцентогенны: они не образуют новую стопу, а лишь «приклеиваются» к левой стопе.

Полностью сохраняется акцентная автономность составляющих при корне- и основосложении.

При префиксации акцентная самостоятельность префиксов, как правило, сохраняется (в этом случае можно говорить о «корнеподобном» поведении префиксов), но может и утрачиваться («клитикоподобное» поведение). Акцентогенные префиксы имеют по два лексически или свободно распределенных варианта — акцентно маркированный и акцентно нейтральный.

Примечание. Сугубо неакцентогенных префиксов в ливском языке всего четыре: /ɛb^{0}-/ *äb-* ‘не-’, /nɛ^{0}-/ *nä-* ‘не-’[9], /pa^{0}-/ *pa-* ‘немного, по-’, /sa^{0}-/ *sa-* ‘вместе, со-’. При этом два из них совпадают с омонимичными

[7] Термины «акцентно доминантный» и «акцентно рецессивный суффикс» используются вслед за В. А. Дыбо.

[8] Можно было бы ожидать акцентогенности и от суффикса /-gənd^{0}/ *-gə̑nᴅ*, имеющего значение совокупности и собирательности и полностью соответствующего акцентогенному эст. *-kond* (GEN:SG *-konna*) (как в слове *maakond* ‘уезд, земство’). Лив. /mɔ^{2}gənd^{0}/ *mō̯gə̑nᴅ* ‘уезд, земство’ — очевидное эстонское заимствование (отсутствует в [Kettunen 1938], зафиксировано в [Вяари 1966: 143]). Отметим все же, что и в эстонских трехсложных именах, содержащих акцентогенные словообразовательные суффиксы, наблюдается утрата акцентогенности этих суффиксов (в отличие от аналогичных четырехсложных имен; см. [Вийтсо 1979: 148–149]).

[9] Первые два из указанных префиксов противопоставлены как исконный (прибалтийско-финский) и заимствованный (латышский): они нестрого распределены по признаку сочетаемости с корнями «своих» этимологических классов.

частицами-клитиками /ɛb^0/ *äb* ‘не’ и трудноподводимой частицей латышского происхождения /pa^0/ *pa* ‘за, немного’.

Итак, несмотря на некоторую трудность в согласовании специфики ливской акцентной системы со вторым принципом парадигматического акцента (по В. А. Дыбо), эта система вне всякого сомнения является **морфонологизированной** и **парадигматической**. Противопоставление типов стопических акцентов морфонологизировано, а словоизменение насыщено парадигматическими акцентными чередованиями. Стратегия акцентной организации ливского языка оказывается в целом сходной со стратегией акцентной организации языков типа современного русского. В ливском представлены **переменные** типы стопического акцента при его **фиксированной** позиции в словоформе[10], тогда как в современном русском — **переменные** позиции ударения при его единственном **«фиксированном»** типе (квантитативно-динамическом). Обе эти стратегии противопоставлены акцентной стратегии языков типа литовского с его **переменными** позициями и **переменными** типами ударения.

Схемы ливских акцентных чередований удается свести к небольшому списку основных и второстепенных акцентных парадигм, полностью покрывающих именную и глагольную лексику. Условия и направления акцентных чередований в словоизменении некоторой лексемы в общем случае предсказуемы **только** на основании значения признака «акцентная парадигма». Этот признак содержится в составе синтактики соответствующего корня. Такая ситуация совпадает с положением дел в русском

[10] Стопические акцентные системы, организованные таким образом, можно назвать просодическими системами **циркумбалтийского типа**. Таковы, в частности, финно-саамские (выявляемые в ряде прибалтийско-финских и, по-видимому, во всех саамских языках), а также северогерманские акцентные системы. В последних для реализации стопических акцентов в разных комбинациях задействованы музыкальные, квантитативные и ларингальные противопоставления (датский «толчок» (stød)), см., например, [Кацнельсон 1966; Кузьменко 1991]). С толчком часто сопоставляют ливскую гортанную смычку/«прерывистую интонацию», о которой см., например, [Viitso 1974; Wiik 1989]. О различных аспектах ливской просодии по данным экспериментальных исследований см. в т. ч. работы [Tuisk 2006; Lehiste et al. 2008].

языке. Отметим все же, что в ливском имеются и некоторые весьма ощутимые корреляции со структурами фонологического уровня.

Ниже будет предложено описание инвентаря акцентных парадигм ливского языка. Насколько мне известно, эта задача, аналогичная той, что для русского языка в свое время была с исчерпывающей полнотой решена А. А. Зализняком [Зализняк 1967; 2003, раздел «Грамматические сведения»], для ливского до сих пор ставилась и решалась только[11] Тийтом-Рейном Вийтсо, занимающимся изучением ливской фонологии и грамматики, начиная с работ 1970-х годов. Среди его ключевых трудов по этой теме можно назвать [Viitso 1974, 1975, 1981, 2008; Вийтсо 1993]. Вийтсо подробно задокументировал внешнюю сторону весьма головоломной ливской морфонологии, однако в его публикациях эта последняя описана непрозрачно и неэкономно. Достаточно сослаться на его список типов ливского глагольного и именного словоизменения [Viitso 2008: 346–355]. Каждый из них выделяется на основании фонемных и акцентных чередований и выбора алломорфов словоизменительных суффиксов. Первый насчитывает 50, а второй — 127 парадигм! Как источник данных по словоизменительной морфологии они поистине бесценны (именно из них я заимствую многие из приводимых далее примеров). Однако при всех очевидных и неоспоримых достоинствах с точки зрения языкового документирования, эти списки не слишком удобны в качестве **морфонологического описания**. Кроме того, они обладают малой объяснительной силой **в диахронической перспективе**. Причина усложенения картины словоизменения, на мой взгляд, заключается в том, что при классификации словоизменительных парадигм используются традиционные понятия, которые для понимания ливского материала я полагаю избыточными. Эти представления унаследованы от фонетически и диахронически ориентированного финно-угроведения. Речь идет о понятиях **фонологически долгих гласных** (тогда как все долготы в ливском

[11] В грамматических очерках [Вяари 1966; Николаева 2001; Moseley 2002] не только не идет речи о ливских акцентных парадигмах, но и вообще никак не выделен супрафонологический (акцентологический) ярус системы. К сожалению, по этим публикациям невозможно получить адекватное представление об удивительном своеобразии морфонологической системы ливского языка.

языке — и вокалические, и консонатные — я рассматриваю в контексте реализации стопических акцентов), фонологических слогах (тогда как единственной значимой супрафонологической единицей я склонен считаю только стопу) и чрезмерно широкой трактовке чередования сильной и слабой ступеней. Такое положение дел порождено, очевидно, недостаточно последовательным разграничением фактов, относящихся к разным языковым подсистемам и уровням — сегментной фонологии (уровню сегментных единиц), акцентологии (уровню супрасегментных единиц) и морфонологии (уровню морф)[12].

2. Структура стопы

Ливский язык относится к стопическим языкам. Сегментным базисом акцента в таких языках является **стопа** — фонологическая единица, по протяженности занимающая промежуточное положение между естественным (артикуляционным, антропофоническим) слогом$_1$[13] и фонетическим словом. Стопа как сегментный

[12] Справедливости ради я хотел бы заметить, что на ранних этапах своих исследований ливского языка Т.-Р. Вийтсо предложил морфонологически ориентированное описание ливской просодической системы уровня словоформы через стопические акценты [Viitso 1975]. Его описание также включает в себя противопоставления 5 типов акцента. Отличие от представляемой в настоящей работе системы заключается в том, что описание Вийтсо более последовательно с фонологической точки зрения и менее последовательно с морфонологической. Акценты F1 и F2 настоящего описания объединены в работе Вийтсо в единый тип (ср. с рассуждением ниже в текстовом примечании на с. 115–116); в то же время, акцент F1 представлен у Вийтсо как два разных типа. Впоследствии Т.-Р. Вийтсо отказался от описания ливской фонологии через акценты. На супрасегментном уровне он оставил только противопоставление ровного и прерывистого тонов, а все количественные противопоставления перенес на сегментный уровень. По-видимому, таким образом он намеревался сделать описание более удобным для практического использования (главным образом, для преподавания ливского языка). Я согласен, что акценты являются в целом менее наглядной формой подачи материала в антропоцентрической перспективе, но в то же время в лингвоцентрической перспективе их введение неизбежно.

[13] Под слогом$_1$ понимается сегментная единица речи, под слогом$_2$ — носитель просодической единицы.

и функциональный базис просодической единицы функционально соответствует тонически маркированному слогу$_2$ слоговых языков и полноударной словоформе словесных языков. **Конститутивными элементами** стопы, непосредственно составляющими носитель акцента — ядро стопы — и создающими базу для фонетической реализации и противопоставления стопических акцентов, являются:

– вокалическая вершина V^1;
– консонатная вершина C^1;
– вокалический склон V^2.

Обобщенная фонемная структура **ядра полной стопы** (вмещающего полный набор конститутивных элементов) может быть записана в виде $(C)V^1C^1(C)V^2(C)$. **Периферия** является факультативной и аморфной структурной единицей полной стопы. Она определяется фонемной структурой цепочки неакцентогенных суффиксов, которая присоединяется к акцентогенной морфе, заключающей ядро стопы. В позициях (C) возможны одиночные согласные и консонантные кластеры (инвентарь которых в ливском намного богаче, чем в любом другом прибалтийско-финском языке). Стопы структур $(C)V^1C^1(C)$# и $(C)V^1$# здесь и далее будут называться **усеченной** и **неполной** соответственно.

Морфы и морфоиды, структура которых вмещает в себя ядро полной стопы, всегда акцентно маркированы. Морфы и морфоиды, структурно соответствующие усеченной или неполной стопам, оказываются либо акцентно маркированными стопами, либо акцентно немаркированными отрезками стопы.

3. Инвентарь стопических акцентов

В ливском языке на полных стопах противопоставлены пять типов стопической акцентуации (примеры см. ниже), описываемые при помощи признаков «ряд»: <слабый vs. сильный> и «группа»: <первая vs. вторая vs. третья>. Тип акцента обозначается индексом, состоящим из индекса ряда: <L vs. F> и индекса группы: <1 vs. 2 vs. 3>. В первой и второй группах противопоставление по ряду дает следующие четыре акцента: L1, F1, L2 и F2. Для третьей группы противопоставление по ряду нерелевантно, в связи с чем пятый акцент (представленный, за немногими исключениями,

в корнях постоянной акцентуации) записывается единым индексом 3.

Предлагаемое описание акцентов является морфонологически ориентированным. Противопоставление акцентов по признаку «ряд» связано с регулярным противопоставлением грамматических значений в рамках словоизменительных парадигм одних и тех же лексем. Признак «группа» соотносится главным образом с лексическими противопоставлениями. Ср. пары:

/ajga^{L1}/ *aĭgà* ‘берег’ : /ajga^{L2}/ *ài̯ga* ‘время’;

/ajgə^{F1}/ *aʾigə̂* <берег.PART> : /ajgə^{F2}/ *ai̯gə̂* <время.PART>.

Значение PART:SG в обоих случаях выражается прежде всего акцентной апофонией по ряду: L → F. Чередование акцентов обуславливает сопутствующее фонемное чередование /a/ → /ə/, которое в этом смысле можно назвать автоматическим.

Противопоставление квазиомонимов ‘берег’ и ‘время’ связано с противопоставлением групп акцентов 1 vs. 2.

Примечание. В действительности случаев такого типа очень мало: противопоставление групп 1 и 2 близко к дополнительному распределению в зависимости от качества консонантной вершины. Эта акцентная оппозиция фонологизовалась благодаря тому, что на некотором этапе фонетического развития ливского языка произошла метатеза **kj* > **jk* в словах /ajga^{L1}/ *aĭgà* ‘берег, край’ < ПФ **akja*, /lajga^{L1}/ *laĭgà* ‘широкий’ < ПФ **lakja* и /vajga^{L1}/ *vaĭgà* ‘клин’ < ПФ **wakja* и /majgaz^{L1}/ и *maĭgàz* ‘сладкоежка’ < ПФ **makjas* (все эти слова — германизмы).

Фонетическая реализация пяти ливских стопических акцентов описывается признаками «продление»: <есть vs. нет> и «глоттализация» <есть vs. нет> сегментов V^1, C^1 и V^2. По артикуляционному признаку «позиция гортанной смычки относительно коартикулируемого сегмента» можно выделить три типа ларингальной артикуляции: **интерглоттализация** V^1, **преглоттализация** C^1 и **постглоттализация** V^2.

Схемы фонетической реализации стопических акцентов представлены ниже.

Акцент L1: продление и факультативная постглоттализация V^2:

/ajga^{L1}/ *aĭgà* ‘берег, край’;

/ama^{L1}/ *amà(ʾ)* ‘весь’;

/baron^{L1}/ *baròn* ‘барон’;

/ire^{L1}/ *irè(ʾ)* ‘Мазирбе (название деревни)’[14];
/kala^{L1}/ *kalà(ʾ)* ‘рыба’;
/kaťla^{L1}/ *kaťlà* ‘котел’;
/lajga^{L1}/ *laǐgà* ‘широкий’;
/lugu^{L1}-b/ *lugùв* <читать-3SG>;
/meca^{L1}/ *meťsà* ‘лес’;
/musta^{L1}/ *muštà* ‘черный’,
/piń^{L1}-i^{0}-d/ *pińìD* ‘собака-PL-PL’.

Акцент F1: продление и преглоттализация C^{1}. Нужно заметить, что преглоттализация выступает только при коартикуляции ненапряженных шумных и сонантов. Преглоттализация не реализуется в случаях, когда C^{1} — напряженный шумный. Артикуляция напряженных шумных /p, p', f, t, ť, t', c, s, č, č', š, š', k, k'/ несовместима с гортанной смычкой, и в таких случаях акцент реализуется только продлением C^{1}:

/boj^{F1}/ *boʾi* (resp.[15] *boʾi̯*) ‘бумазея’;
/lum^{F1}/ *luʾm* (resp. *luʾm̄*) ‘снег’;
/izə^{F1}/ *iʾzzâ* <отец.PART>;
/radĺə^{F1}/ *raʾdʹlə* (resp. *raʾd̄ʹlə*) ‘рубить’;
/abrig^{F1}-mɔ^{L2}/ *aʾbrig-mo̱* (resp. *aʾb̄rig-mo̱*) ‘Аброка (название острова)’;
/štifə^{F1}-d/ *štiǐffâD* <штифт-PL>;
/ikš^{F1}/ *ikk̄š* ‘один’;
/peš^{F1}-liŋk^{0}-i^{0}/ *pešl̄iŋǩki* ‘ласточка’ (заимствованный из немецкого суффикс названий птиц /-liŋk^{0}-/ *-liŋǩk-* акцентно нейтрален);
/ropə^{F1}/ *roǐppə* ‘ползти’;
/leť^{F1}-íi^{0}/ *letl̄ʹi* ‘латыш’ (адъективный суффикс /-li(z)^{0}/ *-ʹli* акцентно нейтрален).

Акцент L2: продление V^{1} (глоттализация отсутствует):

/sie^{L2}/ *sìe̱* <это.GEN>;
/tɔla^{L2}/ *to̱la* ‘зима’;

[14] Вариантная к /ire^{L1}/ *irè(ʾ)* форма *iraʾi* (resp. *iraʾi̯*) имеет иную акцентную структуру /i^{0}raj^{L1}/, где /i^{0}-/ — акцентно нейтральный морфоид, т.е. часть корня, поведение которой по отношению к акцентно маркированной части корня подобно поведению клитики, «приклеивающейся» к полноударной словоформе (см. также сноски 3 и 5).

[15] Относительно пометы resp. см. сноску 2.

/leba^{L2}/ *lēba* ‘хлеб’;
/ajga^{L2}/ *ȁi̯ga* ‘время’;
/lində^{L2}-d/ *līndə̂ᴅ* <птица-PL>;
/vȍl^{L2}-da^{0}/ *vōlda* <быть-INF>;
/nuzə^{L2}-b/ *nūzə̂ʙ* <подниматься-3SG>;
/uśka^{L2}/ *ūśka* ‘змея’;
/pickər^{L2}/ *pītskə̂r* ‘пескарь (вид рыбы)’;
/kopĺə^{L2}/ *kōp̀ĺə̂* ‘торговать; торговаться’.

Акцент F2: продление C^{1} (глоттализация отсутствует; C^{1} всегда является сонантом):

/maj^{F2}/ *maȉ̯* ‘май (название месяца)’;
/kuoj^{F2}/ *kᵘoȉ̯* ‘утренняя заря’;
/sovnə^{F2}/ *soȕ̯nə̂* <баня.PART>;
/pɛvə^{F2}/ *päȕ̯və̂*[16] <день.PART>;
/semd́^{F2}-i^{0}/ *semd́i* ‘молочный’;
/lɛnʒ^{F2}/ *länn̄ᴅz* ‘минувший’;
/puńə^{F2}/ *puńńə̂* ‘прикреплять’;
/laŋgə^{F2}/ *laŋ̄gə̂* <нить.PART>;
/čorkə^{F2}/ *tšorr̄kkə̂* ‘колоть’;
/vilcińtə^{F2}-b/ *vil̄tsińt̄tə̂ʙ* <ме́шкать-3SG>.

Акцент 3: продление и интерглоттализация V^{1}:

/vɔ^{3}/ *vɔ̰̄ˀ* ‘воск’;
/mie^{3}/ *miˀe* <мужчина.GEN>;
/juo^{3}-də^{0}/ *juˀodə̂* <вести-INF>;
/lɛ^{3}-də^{0}/ *lɛ̄ˀdə̂* <отправляться-INF>;
/nɔgə^{3}/ *nɔ̰̄ˀgə̂* ‘кожа’;
/pin^{3}/ *pīˀn* ‘плетенка’;
/vergə^{3}-d/ *vēˀrgə̂ᴅ* <раб-PL>;
/mužəm^{3}/ *mūˀžə̂m* ‘всегда’;
/mɛdlə^{3}-b/ *mə̄̄ˀdlə̂ʙ* <помнить-3SG>;
/kɔpšəl^{3}/ *kɔ̰̄ˀpšə̂l* ‘стремя’.

На акцентно маркированных **усеченных стопах** невозможен акцент L1. В соответствии с нашим определением, у таких

[16] Нужно заметить, что за написаниями вида *u̯v* скрывается особая сложная артикуляция: начинаясь как билабиальный глайд, этот звук «скользит» к лабиодентальному щелевому. В контексте предлагаемого описания это реализация фонемы /v/ в условиях акцента F2.

стоп (артикуляционно односложных) отсутствует вокалический склон — сегментная база для реализации акцента L1.

На акцентно маркированных **неполных стопах** (также артикуляционно односложных) различается только два акцента: L2 и 3 (подробнее см. раздел 5). Они реализуются соответственно продлением V^1 без интерглоттализации и продлением V^1 с интерглоттализацией.

Примечание. Может сложиться впечатление, что в стопах с напряженными шумными в позиции C^1 противопоставление F1 и F2 нейтрализовано, так как из-за запрета на преглоттализацию таких согласных исчезает единственное основание для акустико-артикуляторного различения этих акцентов. Это, однако, не так. Дело в том, что в стопах с акцентом F2 позицию C^1 могут занимать только **сонанты**, тогда как шумные (напряженные и ненапряженные) в этой позиции невозможны. Наоборот, продленные **шумные** (непреглоттализованные напряженные и преглоттализованные ненапряженные) в позиции C^1 встречаются только в стопах с акцентом F1. Этот факт объясняется тем, что акцент F2 **исторически** связан исключительно со стопами вида $(C)V^1R(C)V^2(C)$, где R — носовой, плавный или глайд. Таким образом, условия для нейтрализации дистинктивной роли акцентов F1 и F2 здесь исключены.

Сформулировавшего эту точку зрения могут упрекнуть в том, что такое решение основывается исключительно на фонотактическом соглашении, какие фонемы заранее считаются возможными, а какие — невозможными в позиции C^1 в стопах с заранее известными акцентами F1 и F2. При автономном **фонетически-ориентированном** описании предложенное решение действительно было бы в лучшем случае искусственным, в худшем — скрывающим в себе порочный круг. В представляемой концепции, однако, те или иные решения в спорных случаях фонологического описания контролируются прежде всего фактами морфонологического уровня. Напомним, что настоящее описание является **морфонологически ориентированным**. Морфонологический критерий — в данном случае принадлежность к группе чередующихся акцентов — непреложно свидетельствует против объединения стоп с неглоттализованными продленными сонантами и шумными в позиции C^1 «под знаком» одного акцента. Стопы с неглоттализованными продленными сонантами выступают в алломорфах тех же морфем, что и стопы с акцентом L2 (с продленными V^1). Стопы же с неглоттализованными продленными напряженными шумными мы находим в алломорфах тех же морфем, что и стопы с акцентом L1 (с продленными и факультативно постглоттализованными V^2). Я полагаю этот критерий необходимым и достаточным для непро-

тиворечивого решения вопроса об акцентуации стоп с неглоттализованными продленными согласными в позиции C[1].

4. О двух классах акцентных парадигм в ливском

Ливская акцентная система организована парадигматически. В этой системе противопоставлены два класса акцентных парадигм: парадигмы переменной акцентуации и единственная парадигма постоянной акцентуации. Это противопоставление ясно проявляется в словоизменении полностопных корней. Для них имеется четко очерченный набор акцентных парадигм переменной акцентуации, представляемый ниже. Корни, акцентуация которых при словоизменении постоянна (ср. «колонный акцент» в терминологии В. А. Дыбо), могут иметь любой из пяти акцентов.

Для неполностопных корней, соответствующих неполной стопе структуры CV, противопоставление переменной и постоянной акцентуации размыто. Среди них много таких, которые демонстрируют редкие или уникальные («неправильные») особенности словоизменения. Устройство акцентных парадигм неполностопных корней в целом полностью отличается от полностопных. Поскольку вместе они не могут быть описаны единообразно, вряд ли имеет смысл объединять эти два случая.

Акцентная маркировка неполностопных корней будет рассмотрена отдельно в разделе 5, а парадигмы полностопных корней — в разделах 6 и 7. Что касается усеченных стоп, то в подавляющем большинстве случаев они имеют полностопные варианты и описываются теми же парадигмами, что и полностопные корни.

5. Акцентная маркировка корней структуры (C)V

Как уже говорилось, на тех акцентно маркированных словоформах, которые представляют собой неполные стопы, различаются только акценты L2 и 3. Однако корни структуры (C)V могут получать любую акцентную маркировку в составе стоп, содержащих суффиксы. В таких случаях стопический акцент реализуется на стопе, имеющей в качестве ядра корень с суффиксом (см. также сноску 5). Такова, например, акцентная маркировка корня в форме активного причастия глагола /vȯl^{L2}-da^{0}/ *vōlda* ‘быть’ — /vȯ^{F2}-nd/ *vȱnᴅ* <быть-PC_PST>, в которой консонантная

вершина приходится на первую согласную суффикса. Суффикс участвует в формировании ядра стопы для реализации акцента и в формах партитива ед.ч. местоимений ‘что’, ‘это’ и ‘то’:

/mi^{L1}-da^{0}/ *midà* <что-PART>;

/sie^{L1}-da^{0}/ *sʲedà* <это-PART>;

/to^{L1}-da^{0}/ *todà* ~ /tuo^{L1}-da^{0}/ *tʷodà* <то-PART>.

Тем не менее, случаи подобного типа редки и периферийны и составляют закрытый список.

Отметим здесь, что акцент L1 находится в **слабом дополнительном распределении** с акцентной немаркированностью. Так, два из трех упомянутых местоименных корней имеют алломорфы, выступающие как клитики. Это распределение именно слабое (нестрогое) — одна из клитик находится в отношении свободного варьирования с акцентно маркированным алломорфом:

/mis^{0}/ *mis* ‘что’ — наряду с акцентно маркированным /mis^{F1}/ *misə̄*;

/se^{0}/ *se* ~ /sie^{0}/ *sʲe* ‘это’.

В ливском языке имеется 36 односложных корней структуры (C)V — 21 именных и 15 глагольных; их список — закрытый. За исключением единственного немецкого заимствования /te^{L2}/ *tē* ‘чай’, все односложные корни относятся к исконному (прибалтийско-финскому) лексическому фонду.

Несмотря на немногочисленность корней структуры (C)V, они весьма частотны. Далее дан их полный список (имена и местоимения даны в форме NOM:SG, глаголы — в форме инфинитива с показателем /-də^{0}/ *-də̂*).

Имена и местоимения, **акцент L2** (именные словоизменительные типы 9–11 у Т.-Р. Вийтсо, кроме /mu^{L2}/ парадигмы 8 и /ne^{L2}/ парадигм 2 и 4):

/ie^{L2}/ *ìe̯* ‘ночь’ (< ПФ *ə̄);

/ku^{L2}/ *kū* ‘луна; месяц’ (< ПФ *kū);

/kü^{L2}/ *kʉ̄* ‘уж (змея)’; зафиксировано только в словаре [Sjögren 1861] (< ПФ *kʉ̄);

/lu^{L2}/ *lū* ‘кость’ (< ПФ *lū);

/mə^{L2}/ *mə̄* ‘земля’ (< ПФ *mā);

/mu^{L2}/ *mū* ‘другой’ (< ПФ *mū);

/ne^{L2}/ *nē-* ‘они; эти (косвенные формы)’ (pluralia tantum; алломорф с акцентом L2 представлен только в PART:PL, ILL:PL и EL:PL; форма NOM:SG — клитика /ne^{0}/ *ne*) (< ПФ *nē, *ne);

/pɛ^{L2}/ *pǣ* ‘голова’ (< ПФ *pǣ);

/pu^{L2}/ *pū* ‘дерево’ (< ПФ *pū);

/sü^{L2} ~ si^{L2}/ *sǖ* ~ *sī* ‘винá’ (< ПФ *sṻ);

/sie^{L2}/ *sìe̯* ‘этот’ (< ПФ *sē);

/suo^{L2}/ *sù̯o̯* ‘болото’ (< ПФ *sō);

/su^{L2}/ *sū* ‘рот’ (< ПФ *sū);

/te^{L2}/ *tē* ‘чай’ (< нем. Tee);

/tie^{L2}/ *tìe̯* ‘работа’ (< ПФ *tō̈);

/tuo^{L2}/ *tù̯o̯-* ‘тот (косвенные формы)’ (< ПФ *tō); форма номинатива ед.ч. не зафиксирована.

Имена, **акцент 3** (именной словоизменительный тип 12 у Т.-Р. Вийтсо):

/ri^{3}/ *rīˀ* ‘жилая рига’; (< ПФ *rihi);

/rɔ^{3}/ *rɔ̯̄ˀ* ‘деньги’; (< ПФ *raha);

/ti^{3}/ *tīˀ* ‘вид мелкой птички’ (< ПФ *tihi);

/vɔ^{3}/ *vɔ̯̄ˀ* ‘воск’ (< ПФ *vaha);

/vɔ^{3}/ *vɔ̯̄ˀ* ‘пена’ (< ПФ *vaχto).

Глаголы, **акцент L2** (глагольные словоизменительные типы 2, 5, 7, 8 у Т.-Р. Вийтсо):

/ie^{L2}-də^{0}/ *ìe̯dâ* <оставаться-INF> (< ПФ *jǣ-δäk);

/juo^{L2}-də^{0}/ *jù̯o̯dâ* <пить-INF> (< ПФ *jō-δak ~ *jū-δak);

/kie^{L2}-də^{0}/ *kìe̯dâ* <кипеть-INF> (< ПФ *kē-δäk);

/li^{L2}-də^{0}/ *līdâ* <становиться-INF> (< ПФ *lī-δäk ~ *lē-δäk);

/luo^{L2}-də^{0}/ *lù̯o̯dâ* <создавать-INF> (< ПФ *lō-δak ~ *lū-δak);

/mi^{L2}-də^{0}/ *mīdâ* <продавать-INF> (<ПФ *mō̈-δäk ~ *mṻ-δäk);

/sɔ^{L2}-də^{0}/ *sɔ̯̄dâ* <получать-INF> (< ПФ *sā-δak);

/sie^{L2}-də^{0}/ *sìe̯dâ* <есть-INF> (< ПФ *sō̈-δäk ~ *sṻ-δäk);

/tuo^{L2}-də^{0}/ *tù̯o̯dâ* <приносить-INF> (< ПФ *tō-δak ~ *tū-δak);

/vi^{L2}-də^{0}/ *vīdâ* <привозить-INF> (< ПФ *vī-δäk ~ *vē-δäk).

Глаголы; **акцент 3** (глагольные словоизменительные типы 1, 3, 4, 6 у Т.-Р. Вийтсо):

/kɛ^{3}-də^{0}/ *kǣˀdâ* <ходить-INF> (< ПЛ *käχ-δäk; ПФ *käφ-δäk);

/lɛ^{3}-də^{0}/ *lǣˀdâ* <отправляться-INF> (< ПФ *läχ-δäk);

/nɛ^{3}-də^{0}/ *nǣˀdâ* <видеть-INF> (< ПФ *näχ-δäk);

/tie^{3}-də^{0}/ *tiˀedâ* <делать-INF> (< ПФ *teχ-δäk);

/tɔ^{3}-də^{0}/ *tǭʾdə̂* <хотеть-INF> (< ПФ *taχto-δak).

Далее будут рассмотрены все акцентные чередования, представленные в парадигмах этих лексем.

5.1. Акцентное чередование L2 → 3 в именах

При склонении некоторых имен с односложными корнями акцента L2 тип акцента меняется в формах ILL:SG (показатель /-zə^{0}/ *-zə̂*) и ILL:PL (показатель /-ži^{0}/ *-ži*) по правилу L2 → 3 (формы ILL:SG зафиксированы не для всех имен):

/ie^{3}-zə^{0}/ *iʾezə̂* <ночь-ILL> (< ПЛ *ō̄-se-[17]),

/mɔ^{3}-zə^{0}/ *mǭʾzə̂* <земля-ILL> (отсюда также наречие *mǭzə̂* ‘на землю, на пол’ < ПЛ *mā-se-),

/pɛ^{3}-zə^{0}/ *pǟʾzə̂* <голова-ILL> (отсюда также наречие *pǟzə̂* ‘наверх, на поверхность’ < ПЛ *pǟ-se-),

/pe^{3}-ž-i^{0}/ *pēʾži* <голова-ILL-PL> (< ПЛ *pǟ-s-i-).

5.2. Акцентное чередование L2 → F2 в местоимениях

Местоименные корни /mu^{L2}/ *mū* ‘другой’ и /ne^{L2}/ *nē* ‘они, эти’ в формах GEN:PL, DAT:PL, TRL:PL (а /mu^{L2}/ — также и в форме NOM:PL) реализуются алломорфами другой сегментной структуры и акцентуации, например:

/mun^{F2}-t/ *mun̄t̀* <другие- GEN.PL>;

/nɛn^{F2}-t/ *nän̄t̀* <эти-GEN.PL>.

В данном случае экономнее описать ситуацию в терминах слабого супплетивизма: /mu^{L2}/ → /mun^{F2}-/ и /ne^{L2}/ → /nɛn^{F2}-/.

5.3. Имена акцента 3

Имена с односложными корнями акцента 3 при склонении не подвергаются никаким чередованиям.

5.4. Акцентное чередование L2 → F2 в глаголах

При спряжении глаголов с односложными корнями акцента L2 тип акцента меняется в основе прошедшего времени (показатель /-j-/) по правилу L2 → F2:

/juo^{F2}-j-Ø/ *j$^{u̯}$oì̯* <пить-PST-3SG> (< ПФ *jo-i-Ø);

/luo^{F2}-j-Ø/ *l$^{u̯}$oì̯* <создавать-PST-3SG> (< ПФ *lo-i-Ø);

[17] В качестве реконструкции формы иллатива здесь и ниже приводится только первая часть праливской формы, ввиду того что только она может быть надежно выведена из ливского материала.

/sa^{F2}-j-Ø/ *saı̯̂* <получать-PST-3SG> (< ПФ *sa-i-Ø);

/se^{F2}-j-Ø/ *seı̯̂* <есть-PST-3SG> (< ПФ *sö-i-Ø);

/tuo^{F2}-j-Ø/ *t^{u}oı̯̂* <приносить-PST-3SG> (< ПФ *to-i-Ø).

Исключением из этой группы являются глаголы /li^{L2}/ ‘становиться’, /mi^{L2}/ ‘продавать’ и /vi^{L2}/ ‘увозить, уносить, уводить’, демонстрирующие постоянную акцентуацию.

5.5. Акцентные чередования в глаголах акцента 3

При спряжении глаголов с односложными корнями акцента 3 имеют место акцентные чередования, которые по причине малочисленности этой группы корней экономнее задавать списком.

1. Корни /kɛ^{3}/ ‘ходить’ и /tɔ^{3}/ ‘хотеть’:

– чередование 3 → F1 в основе личных форм прошедшего времени: /ke^{F1}-j-Ø/ *ke’i* (resp. *ke’ı̯̂*) ‘ходить-PST-3SG’ (< ПЛ *käχ-i-Ø, ПФ *käφ-i-Ø).

2. Корень /lɛ^{3}/ ‘отправляться’:

– чередование 3 → F1 в основах личных форм прошедшего времени: /lekš^{F1}/ *le$\bar{k}$š* <ходить.PST.3SG> (< ПФ *läks-i-Ø, основа *läχt-);

– чередование 3 → 0 в основе императива: клитика /li^{0}/ *li* <ходить.IMP>.

3. Корни /nɛ^{3}/ ‘видеть’ и /tie^{3}/ ‘делать’:

– чередование 3 → L2 в основах всех форм, кроме личных форм прошедшего времени, а также инфинитива, деепричастия и имперсонального причастия прошедшего времени: /nɛ^{L2}-mə^{0}/ *n$\bar{\bar{a}}$mə̂* <видеть-SUP>, /tie^{2}-mə^{0}/ *tı̯̂emə̂* <делать-SUP>;

– чередование 3 → F2 в основе личных форм прошедшего времени (показатели /-jz-/ и /-j-/): /ne^{F2}-jz-Ø/ *neı̯̂z* <видеть-PST-3SG>, /te^{F2}-j-Ø/ *teı̯̂* <делать-PST-3SG>.

6. Парадигмы переменной акцентуации

Подавляющее большинство ливских корней либо всегда полностопны, либо имеют полностопные алломорфы. Как уже было сказано, именно для таких корней релевантно противопоставление двух классов акцентных парадигм. Рассмотрим сейчас один из них, а именно — парадигмы переменной акцентуации. Парадигматически значимым является чередование стопического акцента по **ряду** (как уже говорилось, именно оппозиция акцентов

по ряду закреплена за сферой морфологических противопоставлений). Чередования по группе или по ряду-группе в словоизменении имеют место редко и являются периферийными.

При описании корней переменной акцентуации полезно классифицировать их по признаку «тематический гласный вокалического склона»: <a-основы vs. u-основы vs. ə-основы vs. i-основы>. В сфере глагола этот признак коррелирует с группой акцентуации соответствующего корня.

Выделяется четыре **основных** (**базовых**) парадигмы непроизводных именных и две парадигмы глагольных основ[18] (парадигмы «неправильных» глаголов /vȯl^{L2}-da^{0}/ *vōlda* ‘быть’, /tul^{L2}-da^{0}/ *tūlda* ‘приходить’ и /pan^{L2}-da^{0}/ *pānda* ‘класть’ должны быть выделены особо, см. 6.3), а также единственная парадигма производных именных основ.

Имеется заметное количество имен, отклоняющихся от четырех основных парадигм в том, что касается акцентуации форм PART:PL, ILL:PL и EL:PL. В этих случаях целесообразно выделить **второстепенные** парадигмы, о которых почти не будет идти речи. Ниже описываются набор и особенности базовых парадигм.

Примечание. Полный инвентарь «отклоняющихся» корней не может быть составлен, поскольку в опубликованных к настоящему времени текстах и словарях на сей счет недостаточно материала. Нужно напомнить, что последние полвека ливский язык находился в процессе языкового сдвига, к настоящему времени уже полностью — в самом строгом смысле слова — завершившегося. В связи с этим лакуны в документировании словоизменения уже невосполнимы.

6.1. Парадигмы переменной акцентуации непроизводных имен

Четыре основных акцентных парадигмы непроизводных имен я предлагаю обозначить следующим образом:

– (a) «сильная» (именные словоизменительные типы 40–67, 70 у Т.-Р. Вийтсо);

– (b) «слабая» (именные словоизменительные типы 71–80);

– (c) «сверхсильная» (именные словоизменительные типы 83–86);

– (d) «сверхслабая» (именные словоизменительные типы 13–37).

[18] В сжатой форме об этом уже говорилось в работе [Кулешов 2011].

Для описания ключевых акцентных противопоставлений в этих парадигмах достаточно четырех форм: NOM:SG, GEN:SG, PART:SG, NOM:PL. Из основ этих форм в большинстве случаев можно однозначно вывести основы прочих косвенных падежей обоих чисел. Матрица «акцентных кривых» по четырем парадигмам представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение акцентов в основных формах парадигм переменной акцентуации непроизводных имен

	(a)	**(b)**	**(c)**	**(d)**
NOM:SG, NOM:PL	F	L	F	L
GEN:SG	F	F	F	L
PART:SG	F	L	L	F
NOM:PL	L	F	F	L

6.1.1. «Сильная» парадигма (a). «Сильная» парадигма (a) (см. Таблицу 2) характеризуется тем, что формы единственного числа акцентно противопоставлены формам множественного числа как сильные — слабым. Относящиеся к этой парадигме имена — исключительно u-основы (схема чередования акцентов: F1 : L1) и ə-основы (схема чередования акцентов: F2 : L2). Тематические гласные /u/ и /ə/ представлены в формах слабой акцентуации (т.е. в формах множественного числа).

Исключением здесь являются случаи, когда эти гласные замещаются показателем плюралиса /-i-/. Такое чередование представлено в корнях типов /kiv^{F1}/ *kiʾ(u)v* (resp. *kiʾv̄*) ‘камень’ и /piń^{F1}/ *piʾńˊ* (resp. *piʾn̄*) ‘собака’. В частности, формы NOM:PL выглядят у них как /kiv^{L1}-i^{0}-d/ *kivìD* и /piń^{L1}-i^{0}-d/ *pińìD* соответственно. Подобные лексемы относятся к именным словоизменительным типам 40–43 у Т.-Р. Вийтсо.

Небольшая группа имен акцентной парадигмы (a) имеет морфологические особенности в образовании формы PART:SG. Эта форма у них образуется от так называемой «усеченной» основы, представляющей собою усеченную стопу. В связи с этим среди форм единственного числа только форма партитива имеет слабую акцентуацию. Для некоторых корней из этой группы это сопряжено также и с изменением признака «группа акцента».

Таблица 2. Склонение имен «сильной» парадигмы (a)

	‘имя’	**‘дуб’**
NOM.SG	/nim^{F1}/ *niʾm* (resp. *niʾm̄*)	/tɛm^{F2}/ *täm̄*
GEN.SG	/nim^{F1}/ *niʾm* (resp. *niʾm̄*)	/tam^{F2}/ *tam̄*
PART.SG	/nimə^{F1}/ *niʾmmə̂*	/tamə^{F2}/ *tam̀mə̂*
-NOM.PL	/nimu^{L1}-d/ *nimùᴅ*	/tɔmə^{L2}-d/ *tǭmə̂ᴅ*
	‘собака’	**‘мальчик’**
NOM.SG	/piń^{F1}/ *piʾń* (resp. *piʾń̄*)	/pȯjs^{F2}/ *pȯì̯s̀*
GEN.SG	/piń^{F1}/ *piʾń* (resp. *piʾń̄*)	/pȯjs^{F2}/ *pȯì̯s̀*
PART.SG	/pińə^{F1}/ *piʾńńə̂*	/pȯjsə^{F2}/ *pȯì̯s̆s̆ə̂*
^{1}-PL-NOM.PL ^{2}-NOM.PL	^{1}/piń^{L1}-i^{0}-d/ *pińìᴅ*	^{2}/puošə^{L2}-d/ *pùo̯s̆ə̂ᴅ*

Таблица 3. Склонение имен «слабой» парадигмы (b)

	‘узкий’	**‘зеленый’**
NOM.SG	/kicaz^{L1}/ *kit̆sàz*	/ɔĺaz^{L2}/ *ǭl̓az*
GEN.SG	/kicə^{F1}/ *kit̄sə̂*	/aĺə^{F2}/ *al̀l̓ə̂*
-PART.SG	/kicaz^{L1}-t/ *kit̆sàst*	/ɔĺaz^{L2}-t/ *ǭl̓ast*
-NOM.PL	/kicə^{F1}-d/ *kit̄sə̂ᴅ*	/aĺə^{F2}-d/ *al̀l̓ə̂ᴅ*
	‘поросенок’	**‘небо’**
NOM.SG	/puoraz^{L2}/ *pùo̯raz*	/tovaz^{L2}/ *tōvaz*
GEN.SG	/pȯrzə^{F2}/ *pȯr̄zə̂*	/tovə^{F2}/ *toù̯və̂*
-PART.SG	/puoraz^{L2}-t/ *pùo̯rast*	/tovaz^{L2}-t/ *tōvast*
-NOM.PL	/pȯrzə^{F2}-d/ *pȯr̄zə̂ᴅ*	/tovə^{F2}-d/ *toù̯və̂ᴅ*

6.1.2. «Слабая» парадигма (b). «Слабая» парадигма (b) (см. Таблицу 3) характеризуется тем, что формы NOM:SG и PART:SG противопоставлены формам GEN:SG, ILL:SG и остальным формам единственного и множественного числа как слабые — сильным. К этой парадигме относятся в основном существительные и при-

лагательные, которые представляют собой a-основы с «z-mobile» (частью корня, чередующейся с консонантным нулем в формах сильной акцентуации).

Кроме того, здесь имеется весьма немногочисленная группа u- и i-основ. Последние имеют тенденцию к экспансии слабого акцента во всех формах единственного числа — это слова типов /azum^{L1}/ *azùm* ‘вещь’ и /vẹt́im^{L1}/ *vẹt̆t́ìm* ‘ключ (от замка́)’ (именные словоизменительные типы 72 и 73 у Т.-Р. Вийтсо).

6.1.3. «Сверхсильная парадигма (c). Немногочисленные имена «сверхсильной» парадигмы (c) (см. Таблицу 4) характеризуются тем, что во всех формах единственного числа, кроме PART:SG, и во всех или в большинстве форм множественного числа их акцентуация — сильная. По классификации Т.-Р. Вийтсо, это именные словоизменительные типы 83 (/tuĺ^{F1}/ *tuʾl′* (resp. *tuʾl̄*) ‘огонь’), 84 (/lɛpš^{F1}/ *läp̄š* ‘ребенок’), 85 (/ukš^{F1}/ *uk̄š* ‘дверь’) и 86 (/naj^{F2}/ *naì̯* ‘женщина, жена’).

6.1.4. «Сверхслабая» парадигма (d). По «сверхслабой» парадигме (d) (см. Таблицу 5) акцентуируются весьма частотные a-основы без «z-mobile», имеющие в единственном числе сильный акцент в формах PART:SG и ILL:SG. Это именные словоизменительные типы 13–37, по классификации Т.-Р. Вийтсо.

Во множественном числе около половины от общего числа имен этой парадигмы имеют сильный акцент также и в формах PART:PL, ILL:PL и EL:PL (в разных комбинациях, обязательно включающих PART:PL). По этому признаку следует выделить второстепенную субпарадигму (d'). Принадлежность к ней, к сожалению, далеко не во всех случаях может быть надежно установлена по причине лакун в имеющемся материале.

Остальные падежно-числовые формы имеют «слабую» акцентуацию. Для имен парадигмы (d), не относящихся к (d'), таковыми являются все формы множественного числа.

6.2. Парадигма переменной акцентуации производных имен (e)

К этой парадигме относятся имена прилагательные и имена существительные с суффиксом /-i(z)^{0}/ *-i* (< ПФ **-inen*, в GEN:SG **-ise-*, в PART:SG **-is-*). «Акцентная кривая» этой парадигмы не совпадает ни с одной из «акцентных кривых» парадигм непроизводных имен. Как и в случае со второстепенной парадигмой (d'), для ее описания к формам NOM:SG, GEN:SG, PART:SG и NOM:PL нужно

Таблица 4. Склонение имен «сверхсильной» парадигмы (c)

	‘огонь’	**‘ребенок’**
NOM.SG	/tul^{F1}/ *tuʾl′* (resp. *tuʾl̄′*)	/lɛpš^{F1}/ *läp̄š*
GEN.SG	/tul^{F1}/ *tuʾl* (resp. *tuʾl̄*)	/laps^{F1}/ *lap̄s*
-PART.SG	/tul^{L2}-da^{0}/ *tūlda*	/laps^{L1}-ta^{0}/ *lap̆stà*
-NOM.PL	/tul^{F1}-d/ *tuʾlᴅ* (resp. *tuʾl̄ᴅ*)	/laps^{F1}-t/ *lap̄st*
	‘дверь’	**‘женщина’**
NOM.SG	/ukš^{F1}/ *uk̄š*	/naj^{F2}/ *naì̯*
GEN.SG	/uks^{F1}/ *uk̄s*	/naiz^{F2}/ *naì̯z*
-PART.SG	/uks^{L1}-ta^{0}/ *uk̆stà*	/najz^{L2}-ta^{0}/ *nài̯sta*
-NOM.PL	/uks^{F1}-t/ *uk̄st*	/najz^{F2}-t/ *naì̯st*

Таблица 5. Склонение имен «сверхслабой» парадигмы (d)

	‘рыба’	**‘лодка’**
NOM.SG	/kala^{L1}/ *kalà(ʾ)*	/lɔja^{L2}/ *lō̯ja*
GEN.SG	/kala^{L1}/ *kalà(ʾ)*	/lɔja^{L2}/ *lō̯ja*
PART.SG	/kalə^{F1}/ *kaʾllə̂*	/lajə^{F2}/ *laì̯jə̂*
-NOM.PL	/kala^{L1}-d/ *kalàᴅ*	/lɔja^{L2}-d/ *lō̯jaᴅ*
	‘камбала’	**‘день’**
NOM.SG	/liesta^{L1}/ *lⁱeštà*	/pɛva^{L2}/ *pǟva*
GEN.SG	/liesta^{L1}/ *lⁱeštà*	/pɛva^{L2}/ *pǟva*
PART.SG	/liestə^{F1}/ *lⁱes̄tə̂*	/pɛvə^{F2}/ *päù̯və̂*
-NOM.PL	/liesta^{L1}-d/ *lⁱeštàᴅ*	/pɛva^{L2}-d/ *pǟvaᴅ*

добавить тройку форм PART:PL, ILL:PL и EL:PL. «Сильную» акцентуацию имеют здесь формы NOM:SG и все формы множественного числа, кроме PART:PL, ILL:PL и EL:PL. «Слабо» акцентуируются формы PART:PL, ILL:PL и EL:PL и все формы единственного числа, кроме NOM:SG. Это именные словоизменительные типы 87–91 по классификации Т.-Р. Вийтсо (см. также Таблицу 6).

Таблица 6. Склонение производных имен парадигмы (e)

	‘красный’	**‘насекомое’**
NOM.SG	/pun^{F1}-i^{0}/ *puʾnni*	/kuk^{F1}-i^{0}/ *kuk̀ki*
GEN.SG	/pun^{L1}-iz^{0}/ *punìz*	/kuk^{L1}-iz^{0}/ *kuǩkìz*
-PART.SG	/pun^{L1}-iz^{0}-t/ *punìst*	/kuk^{L1}-iz^{0}-t/ *kuǩkìst*
-NOM.PL	/pun^{F1}-iz^{0}-t/ *puʾnnist*	/kuk^{F1}-iz^{0}-t/ *kuk̀kist*
-PL-PART	/pun^{L1}-iž^{0}-i^{0}-Ø/ *punìži*	/kuk^{L1}-iž^{0}-i^{0}-Ø/ *kuǩkìži*
-PL-ILL	/pun^{L1}-iž^{0}-i^{0}-z/ *punìžiz*	/kuk^{L1}-iž^{0}-i^{0}-z/ *kuǩkìžiz*
-PL-EL	/pun^{L1}-iž^{0}-i^{0}-st/ *punìžist*	/kuk^{L1}-iž^{0}-i^{0}-st/ *kuǩkìžist*
	‘береговой’	**‘временной’**
NOM.SG	/ajg^{F1}-i^{0}/ *aʾigi*	/ajg^{F2}-i^{0}/ *aà̰gi*
GEN.SG	/ajg^{L1}-iz^{0}/ *aĭgìz*	/ajg^{L2}-iz^{0}/ *àà̰giz*
-PART.SG	/ajg^{L1}-iz^{0}-t/ *aĭgìst*	/ajg^{L2}-iz^{0}-t/ *àà̰gist*
-NOM.PL	/ajg^{F1}-iz^{0}-t/ *aʾigist*	/ajg^{F2}-iz^{0}-t/ *aà̰gist*
-PL-PART	/ajg^{L1}-iž^{0}-i^{0}-Ø/ *aĭgìži*	/ajg^{L2}-iž^{0}-i^{0}-Ø/ *àà̰giži*
-PL-ILL	/ajg^{L1}-iž^{0}-i^{0}-z/ *aĭgìžiz*	/ajg^{L2}-iž^{0}-i^{0}-z/ *àà̰gižiz*
-PL-EL	/ajg^{L1}-iž^{0}-i^{0}-st/ *aĭgìžist*	/ajg^{L2}-iž^{0}-i^{0}-st/ *àà̰gižist*

6.3. Парадигмы переменной акцентуации глаголов

В ливском языке противопоставлены две глагольные парадигмы переменной акцентуации. Они распределены, помимо акцентных чередований, по признаку «тематический гласный вокалического склона». К «сильной» парадигме, объединяемой с именной парадигмой (a), относятся исключительно u- и ə-основы. К «сверхслабой» парадигме, объединяемой с именной парадигмой (d), принадлежат исключительно a-основы. Для описания акцентных противопоставлений в этих парадигмах требуются четыре формы: инфинитив, супин, «чистая» основа (в составе аналитических форм отрицания настоящего времени и в форме IMP:2SG) и форма PRS:3SG.

Матрицы «акцентных кривых» этих парадигм представлены в Таблице 7.

Таблица 7. Спряжение глаголов «сильной» и «сверхслабой» парадигмы

	(a) глагол	**(d) глагол**
INF	F	F
SUP	F	L
IMP:2SG	F	L
PRS:3SG	L	L
	‘читать’	**‘жить’**
INF	/lugə^{F1}/ *luʾggə̂*	/jelə^{F1}/ *jeʾllə̂*
-SUP	/lugə^{F1}-m/ *luʾggə̂m*	/jela^{L1}-m/ *jelàm*
IMP.2SG	/lug^{F1}/ *luʾg* (resp. *luʾḡ*)	/jela^{L1}/ *jelà(ʾ)*
-PRS.3SG	/lugu^{L1}-b/ *lugùв*	/jela^{L1}-b/ *jelàв*
	‘плести’	**‘просить’**
INF	/pȯjmə^{F2}/ *pọ̯î̯mə̂*	/palə^{F2}/ *pal̀lə̂*
-SUP	/pȯjmə^{F2}-m/ *pọ̯î̯mə̂m*	/pɔla^{L2}-m/ *pọ̄lam*
IMP.2SG	/pȯjm^{F2}/ *pọ̯î̯m*	/pɔla^{L2}/ *pọ̄la*
-PRS.3SG	/puojmə^{L2}-b/ *pùọ̯î̯mə̂в*	/pɔla^{L2}-b/ *pọ̄laв*

Еще одна чрезвычайно важная корреляция состоит в том, что с u-основами парадигм переменной акцентуации сопряжены только акценты группы 1 (F1 и L1), а с ə-основами — только акценты группы 2 (F2 и L2). Налицо полностью инновационный характер акцентуации ливских глаголов: распределение глаголов по акцентным типам описывается простым синхронным правилом, ни в малейшей степени не связанным с фонетическими реалиями прибалтийско-финского уровня.

6.3. Акцентуация глаголов /vȯl^{L2}-da^{0}/ *‘быть’,* /tul^{L2}-da^{0}/ *‘приходить’ и* /pan^{L2}-da^{0}/ *‘класть’*

Глагольный корень со значением ‘быть’ является одной из немногих полнозначных морфем, не имеющей полностопного алломорфа. В основе форм INF, SUP и основе императива налицо /vȯl/. Основа активного причастия — /vȯ/. «Чистая» основа в со-

ставе аналитических форм отрицания настоящего времени — /uo^{2}/. Формы PRS:1SG и PRS:3SG представлены клитикой /um^{0}/ *um*.

Алломорф /vȯl/ маркируется тремя акцентами:

– F1 (форма SUP: /vȯl^{F1}-mə^{0}/ *vȯ'lmə̂* (resp. *vȯ'l̄mə̂*) <быть-SUP> 'бытие');

– L2 (форма INF: /vȯl^{L2}-da^{0}/ *vȱlda* <быть-INF>);

– F2 (форма множественного числа императива: /vȯl^{F2}-gid^{0}/ *vȯl̄giᴅ* <быть-IMP.2PL>).

Алломорф /vȯ/ маркирован акцентом F2 в форме активного причастия /vȯ^{F2}-nd/ *vȯn̄ᴅ*<быть-PC_PST>.

Глагольные корни со значениями 'приходить' и 'класть' имеют полностопные a-основы /tula^{L1}/ и /pana^{L1}/ только в формах PRS:SG, например, /pana^{L1}-b/ *panàв* <класть-3SG>. В остальных формах они выступают в усеченных вариантах /tul/ и /pan/, которые, подобно /vȯl/, маркируются акцентами F1, L2 и F2.

7. Парадигма постоянной акцентуации

Эта парадигма определяется чисто «негативно», в противопоставлении классу парадигм переменной акцентуации. Лексемы, входящие в эту парадигму, объединяет только сам факт наличия «колонного акцента». Ни в каком из других смыслов данная парадигма не являет собою единства.

Корни постоянной акцентуации сохраняют единый тип акцента — любой из пяти — во всех грамматических формах. Исключение составляют несколько корней, имеющие уникальные **словарно** закрепленные особенности в образовании тех или иных форм. В частности, корень /mie^{3} ~ me^{3}/ 'мужчина, муж' имеет уникальную форму NOM:SG /miez^{L2}/ с «z-mobile». Корни /id^{3}/ 'один' и /kɔd^{3}/ 'два' демонстрируют особую основу в NOM:SG и PART:PL, ср. /ikš/ *ik̄š* 'один' и /kakš/ *kak̄š* 'два'.

Постоянная акцентуация отмечена у имен и глаголов (непроизводных и производных, исконных и заимствованных), относящихся к именным словоизменительным типам 68, 69, 81, 82, 92–127 по классификации Т.-Р. Вийтсо. Приведем только шесть примеров, представляющих все типы стопического акцента (даны в Таблице 8).

Таблица 8. Склонение имен и глаголов постоянной акцентуации

	‘чистый’	**‘вошь’**
NOM.SG	/pudəz^{3}/ *pūʾdə̂z*	/tej^{F2}/ *teì̯*
GEN.SG	/pudə^{3}/ *pūʾdə̂*	/tej^{F2}/ *teì̯*
PART.SG	/pudəz^{3}-t/ *pūʾdə̂st*	/tejə^{F2}/ *teì̯jə̂*
-NOM.PL	/pudə^{3}-d/ *pūʾdə̂ᴅ*	/tej^{F2}-d/ *teì̯ᴅ*
	‘сердце’	**‘народ’**
NOM.SG	/sidam^{L1}/ *sidàm*	/rovz^{F1}/ *roʾuz*
GEN.SG	/sidam^{L1}/ *sidàm*	/rov^{F1}/ *roʾu*
-PART.SG	/sidam^{L1}-t/ *sidàmȁ*	/rovz^{F1}-tə^{0}/ *roʾustə̂*
-NOM.PL	/sidamə^{L1}-d/ *sidàmə̂ᴅ*	/rov^{F1}-d/ *roʾuᴅ*
	‘писáть’	**‘бежать’**
INF	/keratə^{L2}/ *kērat̆tə̂*	/ajlə^{F1}/ *aʾilə̂*
-SUP	/keratə^{L2}-m/ *kērat̆tə̂m*	/ajlə^{F1}-m/ *aʾilə̂m*
IMP.2SG	/kerat^{L2}/ *kērat̀*	/ajl^{F1}/ *aʾil*
-PRS.3SG	/keratə^{L2}-b/ *kērat̆tə̂ʙ*	/ajlə^{F1}-b/ *aʾilə̂ʙ*

8. Заключение

В настоящем кратком очерке были предложены решения, связанные с описанием ливских стопических акцентов и акцентных парадигм, и вновь продемонстрирована огромная роль акцентных чередований в ливском словоизменении. С точки зрения классификации акцентных парадигм, эти решения оказываются максимально обобщенными — с той целью, чтобы **абсолютно каждую** из зафиксированных в ливском языке лексем можно было бы однозначно включить в тот или иной основной словоизменительный акцентный тип. В этом одно из достоинств настоящей классификации по сравнению с крайне дробным набором типов, предложенным Т.-Р. Вийтсо. Типы Т.-Р. Вийтсо фактически являются субпарадигмами для парадигм обоснованного мною описания. Однозначное определение словоизменительного типа по классификации Вийтсо возможно только для тех ливских лексем,

документирование которых включает в себя полные словоизменительные парадигмы (а таких лексем меньшинство). Что касается значительного числа лексем (особенно известных лишь по записям XIX века), зафиксированных с лакунами, то многие из них невозможно однозначно отнести к тому или иному типу по Вийтсо.

За пределами рассмотрения остались вопросы диахронической интерпретации этой интереснейшей акцентной системы и обсуждение возникающих в связи с этим перспектив в области общей акцентологии и типологии циркумбалтийских систем словесной просодии.

Литература

Вийтсо Т.-Р. 1979. Проблемы ударения в эстонском языке // Советское финно-угроведение XV, 3. С. 136–152.

Вийтсо Т.-Р. 1993. Ливский язык // Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова (отв. ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука. С. 76–90.

Вяари Э. Э. 1966. Ливский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 138–154.

Герценберг Л. Г. 1981. Вопросы реконструкции индоевропейской просодии. Л.: Наука.

Дыбо В. А. 2000. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы: типология и генезис. Т. I. М.: Языки русской культуры.

Зализняк А. А. 1967. Русское именное словоизменение. М.: Наука.

Зализняк А. А. 2003. Грамматический словарь русского языка: словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Русские словари.

Касевич В. Б. 1983. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М: Наука.

Кацнельсон С. Д. 1966. Сравнительная акцентология германских языков. М.; Л.: Наука.

Кузнецова Н. В. 2009. Супрасегментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте // Вопросы языкознания 5. С. 18–47.

Кузнецова Н.В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Настоящий сборник.

Кузьменко Ю. К. 1991. Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука.

Кулешов В. С. 2011. Эстонско-ливские акцентные соответствия и метатония а-основ в истории ливского языка // Кочергина В. А. (ред.).

Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании: Материалы VII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 января — 2 февраля 2011 г.). М.: Добросвет; КДУ. С. 141–144.

Николаева И. А. 2001. Ливский язык // Виноградов В. А. и др. (ред.). Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. В трех томах Т. II (К–Р). М.: Наука. С. 237–244.

Kettunen L. 1938. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae V). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Lehiste I., Teras P., Ernštreits V., Lippus P., Pajusalu K., Tuisk T., Viitso T.-R. 2008. Livonian prosody. (Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 255). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Moseley Chr. 2002. Livonian. (Languages of the world. Materials 144). Muenchen: LINCOM Europa.

Sjögren J. A. 1861. Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-etnographishen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg.

Tuisk T. 2006. Kestussuhted liivi keeles. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool.

Viitso T.-R. 1974. On the phonological role of stress, quantity, and stød in Livonian // Советское финно-угроведение XX, 3. С. 159–169.

Viitso T.-R. 1975. Outlines of Livonian phonology // Symposion Phonologische Analyse der uralischen Sprachen Berlin 17.–20. September 1974. (Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 22). Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. P. 83–113.

Viitso T.-R. 1981. Liivi keel: idaliivi // Viitso T.-R. Läänemeresoome fonoloogia küsimusi. Tallinn: Eesti NSV teaduste akadeemia. Lk. 6–44.

Viitso T.-R. 2008. Liivi keel ja läänemeresoome keelemaastikud. Tartu; Tallinn: Eesti keele sihtasutus.

Wiik K. 1989. Liivin katko. Turku: Turun yliopisto.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
И
КУЛЬТУРНАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

М. З. Муслимов

«НАРОДНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ» В НИЖНЕЛУЖСКОМ АРЕАЛЕ[1]

— Хорошо, оставим это, — поспешно сказал я. — Вы иностранец?
— Очень, — сказал он. — В большой степени.
— Вероятно, швед?
— Вероятно. В большой степени швед.
(А. Н. и Б. Н. Стругацкие. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста»)

1. Введение

Существует «разница между тем, как люди **используют** язык, и тем, что они **думают** о своем языковом поведении» [Брайт 1975: 37]. Последняя область получила название «народная лингвистика» [Hoenigswald 1966] (цит. по [Брайт 1975: 37]; ср. также термин «народное языковое планирование» [Golovko 2003]). Тем самым изучение «народной диалектологии» должно проводиться социолингвистическими методами, и она не должна смешиваться с научной диалектологией.

В настоящей статье мы рассмотрим представления наших информантов о диалектном членении нижнелужского ареала. Этот ареал примерно совпадает с территорией довоенного лютеранского прихода Narvusi в Западной Ингерманландии. Для данного района характерна значительная диалектная неоднородность, так как на сравнительно небольшой территории представлено несколько близкородственных прибалтийско-финских идиомов: нижнелужский ижорский диалект, курголовский финский диалект, два западно-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект 08-04-00152а «Диалектный атлас Ингерманландии»), гранта ACLS «Documentation of Finnic Dialects of Ingria: Ingrian Dialectal Atlas», а также программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Взаимодействие языков малочисленных народов России с русским языком (тексты и материалы)».

водских говора (кракольский и лужицкий)[2]. Некоторые деревни данного ареала являются или являлись в недавнем прошлом двуязычными[3], например, Ванакюля[4], Калливере, Краколье, Курголово, Федоровка и др. Это приводило к возникновению смешанных ижорско-финских или ижорско-водских идиолектов. Носители местных прибалтийско-финских языков (ПФЯ) хорошо осознавали эту неоднородность, что находило отражение в существовании многочисленных локальных «народных» классификаций данных идиомов.

Полевой материал, анализируемый в данной статье, был в основном собран в 1999–2004 гг. Нашими информантами были около 80 носителей ижорского, 30 носителей водского и 60 носителей финского языков[5].

Отметим, что во время Второй мировой войны (в 1943 г.) почти все носители ПФЯ нижнелужского района были депортированы в Финляндию[6], а в послевоенные годы многие жили в Эстонии. В настоящее время большое число местных жителей уезжает на зиму в Эстонию и живет в своих деревнях только летом.

---

[2] Ранее на этой территории проживали также носители эстонских говоров (см., в частности, [Köppen 1967; Мусаев 2009]); в настоящее время эстонские идиомы здесь практически утрачены.

[3] Речь идет только о прибалтийско-финских языках, и наличие русского языка не учитывается, так как это не актуально для данной темы.

[4] Альтернативные варианты русских названий поселений, а также их названия на прибалтийско-финских языках см. в Приложении 4.

[5] Более точно — носители нижнелужского ижорского диалекта, западноводского диалекта и нижнелужского ингерманландского финского диалекта. Ссылки на информантов даются ниже в следующем формате: индекс информанта, пол, сокращенные обозначения места рождения и нынешнего/последнего места проживания (более подробные сведения см. в Таблицах 1–2 в Приложении 3). Расшифровку сокращений названий нижнелужских деревень см. в Приложении 4. Примеры на прибалтийско-финских языках, за исключением цитат из источников, даются в упрощенной фонетической транскрипции (см. Приложение 7). Примеры, взятые из печатных публикаций, приводятся в оригинальной транскрипции. Словоформы на литературных финском и эстонском языках записаны в стандартной орфографии соответствующего языка.

[6] Жители ряда деревень (Куровицы, Орлы, Ванакюля, Кейкино) избежали депортации, спрятавшись на время акции в лесу.

Кроме того, на большей части нижнелужского ареала с 1990-х гг. стало доступно теле- и радиовещание из Финляндии и Эстонии[7]. Поэтому практически все прибалтийско-финское население этого ареала в той или иной степени соприкасалось с литературными финским и эстонским языками. Однако в разных районах интенсивность этих контактов была несколько различной. Русский язык хорошо известен во всех деревнях и оказал примерно одинаковое существенное воздействие на все местные ПФЯ. В дальнейшем влияние русского языка на эти идиомы специально не оговаривается.

Для удобства изложения мы сгруппируем материал по нескольким контактным зонам (см. также Карту 4 в Приложении 6), представленным в разделах 1.1–1.7.

1.1. Курголовский полуостров

Сюда относятся деревни Кирьямо, Гакково, Конново, Тисколово, Курголово, Липово, Выбье, Остров и уже не существующие Кайболово, Вейно, Хамолово, Глубокий ручей, Дом рыбака[8].

Во всех деревнях этого района, за исключением деревень Липово, Остров и Хамолово, до Второй мировой войны преобладали финны, в Липове, Хамолове и Острове — ижоры; значительная группа ижор существовала и в Курголове. Следует отметить, что ижорский говор Липова несколько отличается от говора Острова, обнаруживая при этом больше черт, общих с сойкинским диалектом ижорского языка. Материал по говорам Хамолова и Курголова указывает на значительно более сильное влияние соседних финских говоров на местный ижорский язык, вплоть до формирования смешанных ижорско-финских идиолектов. Для данного района характерны контакты между финским (литературным языком и нижнелужским диалектом) и ижорским языками. При этом позиции финского языка здесь традиционно были прочнее, чем

[7] С 2007 г. финское радио и телевидение полностью перешли в цифровой формат и снова стали недоступны для большинства жителей Ингерманландии.

[8] Здесь и далее для каждого района указываются только те деревни и хутора, о которых у автора имеется какая-либо социолингвистическая информация. Более полные списки населенных пунктов по районам см. в Таблице 1 Приложения 4, а также на Карте 4 Приложения 6.

позиции ижорского. Воздействие литературного финского на местные говоры было достаточно сильным и существенно превышало влияние литературного эстонского языка. Это обусловлено преподаванием финского в школах в 1930-е гг., принадлежностью большей части местного населения к лютеранской церкви[9], а также высокой престижностью литературного финского для многих местных жителей (часто превышающей престижность их собственных говоров).

1.2. Район деревни Большое Куземкино

Сюда относятся деревни Струпово, Новая Деревня (образована выходцами из дер. Остров), Большое, Малое и Новое Куземкино, Ропша, Волково, Ударник и уже не существующие Коровино, Преображенка, Мундировка, хутор Каменка, мыза Приречье.

Почти во всех деревнях этого района жили и ижоры, и финны. В одних деревнях преобладали ижоры, в других финны, однако их численность была сопоставима, и контакты между местными финским и ижорским языками здесь были особенно интенсивными. Деревня Большое Куземкино являлась также центром лютеранского прихода Narvusi и административным центром волости (ранее сельсовета), что обусловило интенсивные контакты жителей данного района со всеми остальными нижнелужскими районами. В 1930-е гг. в школах этого района преподавали ижорский язык. Воздействие литературного финского и эстонского на местные языки здесь было примерно одинаково сильным — с одной стороны, многие жители уезжают на зиму в Эстонию, с другой стороны, здесь находится лютеранский финноязычный религиозный центр.

[9] Ингерманландские финны традиционно были лютеранами, в отличие от православных ижор и води. Во время лютеранских богослужений использовался литературный финский язык, и пасторы часто были финнами из Финляндии. Лютеранский приход с центром в Б. Куземкине, обслуживающий прихожан района Нижней Луги, существовал с XVII в. до 1935 г. и был вновь открыт в 1990 г. Лютеранские богослужения на дому в настоящее время проводятся в деревнях Конново и Выбье. Следует отметить, что с 1990-х гг. до настоящего времени лютеранские богослужения посещала и часть местных ижор (в т. ч. из Б. Куземкина и Ропши), поскольку лютеранская церковь была для них единственной в пределах пешей доступности и языком богослужения в ней был финский.

1.3. Район деревни Кейкино

Сюда относятся деревни Кейкино, Федоровка, Извоз, Дальняя Поляна, Орлы и Манновка. В большинстве деревень финское население было незначительным или вообще отсутствовало, и преобладало ижорское население. Все же определенные контакты с местным финским существовали, поскольку финны проживали в дер. Федоровка. По данным П. фон Кёппена [Köppen 1867] и переписи 1897 года, в этой деревне жили как финны, так и ижоры, причем финны составляли около 90% населения.

Среди других нижнелужских деревень для жителей данного района лучше всего были известны дер. Куровицы, район дер. Б. Куземкино и долина р. Россони, в то время как более северные курголовские и водские деревни были знакомы им довольно плохо. Влияние литературного эстонского языка в данном районе, по-видимому, имело большее значение, чем влияние литературного финского. Лютеранское население было здесь небольшим; одновременно с послевоенного времени многие местные жители живут зимой в Эстонии и приезжают в свои деревни только летом. В 1930-е гг. в школах здесь преподавали ижорский язык, однако некоторые информанты сообщают о наличии финской школы в дер. Федоровка.

1.4. Долина реки Россони (Эстонская Ингерманландия)

Все деревни данного района с 1920-го по 1940-й год входили в состав Эстонии (поэтому территория известна как *Эстонская Ингерманландия*, фин. *Viron Inkeri*, эст. *Eesti Ingeri*). Большинство поселений были смешанными, в них проживали как ижоры, так и финны. Преимущественно ижорскими были дер. Ванакюля, Венекюля, Саркюля. Преимущественно финскими были дер. Калливере, Ханике, не существующие в настоящий момент Куллакюля, Арсия[10], основанные после 1920-го г. Новая Ропша, Новая Арсия,

[10] В 1920 г. единая деревня Мертвица */ Kullakülä* оказалась разделена на две части — поселение по левому берегу р. Мертвицы отошло к Эстонии и стало называться *Куллакюля*, а поселение по правому берегу — к России, и за ним закрепилось русское название *Мертвица*. Дер. Арсия (Arsiansaari), находившаяся на берегу Россони, также осталась на российской стороне. Тем не менее, по-видимому, обе эти пограничные деревни (Мертвица и Арсия) сохраняли тесный контакт именно

Новая Федоровка, а также ряд окрестных хуторов. В целом в 1920-е гг. финны по численности составляли примерно треть населения этого района [Mägiste 1923b]. В настоящее время многие носители прибалтийско-финских языков в данном ареале говорят на смешанных ижорско-финских идиолектах.

В 1920–1940-х гг. в местных школах преподавался эстонский язык, однако финны дер. Калливере добились открытия и классов на литературном финском. В настоящее время большинство местных ижор и финнов уезжает на зиму в Эстонию. В целом в этом районе влияние литературного эстонского языка было особенно сильным и существенно превышало влияние литературного финского.

В этом же ареале находится и русскоязычная деревня Коростель, где преподавание всегда велось на русском языке. Следует также отметить, что жители деревень Венекюля и Саркюля, где еще в 1920-е гг. было наиболее многочисленное ижорское население, сейчас помнят лишь отдельные ижорские слова. По-видимому, это связано с активным стремлением самих жителей этих деревень к переходу на русский язык, которое связано, в частности, с деятельностью общества «Заря» (см. также [Mägiste 1923a, 1923b; Laiho 1940]). Что касается примыкающих к современной эстонской границе дер. Одрасаре и исчезнувшей дер. Смолки, то об этническом составе их населения не имеется точных сведений.

1.5. Район деревень Краколье и Лужицы

Сюда относятся деревни Лужицы (Нижние и Средние) и Пески (в настоящий момент все они составляют единую деревню Лужицы), Краколье, а также Межники и уже не существующие Верхние Лужицы.

Для этого района характерно, в первую очередь, взаимное влияние водского и ижорского языков. Краколье было разделено на две части *(Herīvalt* и *Kunigvalt)*, первая из которых считалась ижорской, а вторая — водской. Межники были основаны выход-

с деревнями Эстонской Ингерманландии, поэтому мы относим их к данному ареалу. При этом деревни Волково и Мундировка, а также мыза Приречье, также находившиеся на Россони, но уже в нескольких километрах от границы, ближе к Луге, такого контакта с Эстонской Ингерманландией не имели и были отнесены нами к району Б. Куземкина.

цами из Краколья, и среди жителей этой деревни были носители как водского, так и ижорского языков. Последняя компетентная носительница водского языка в Межниках умерла в середине 1990-х годов. Однако еще в 2003 году в деревне была женщина, которая помнила некоторые водские слова, хотя и не могла беседовать на этом языке. В Песках и Лужицах наряду с местным водским населением было заметное количество ижороязычных выходцев с Сойкинского полуострова. Это привело к распространению ижорского языка и в этих двух поселениях. Следует отметить, что ижорские идиолекты данных деревень в большинстве случаев можно отнести скорее к нижнелужскому диалекту, хотя они часто содержат и сойкинские черты. Верхние Лужицы, по данным П. фон Кёппена [Köppen 1867], в середине XIX века были водской деревней, однако в настоящее время все выходцы из этой деревни говорят на особом ижорском говоре, имеющем и сойкинские, и нижнелужские черты.

Жителям всех вышеуказанных поселений были хорошо известны ижорские деревни Сойкинского полуострова на северо-востоке и финские и ижорские деревни за Лугой на западе (в первую очередь Выбье (финская) и Остров (ижорская)), а также некоторые нижнелужские деревни, находящиеся южнее (особенно Б. Куземкино и Куровицы). В 1930-е гг. ижорский язык преподавался в местных школах (как ижоре, так и води). Помимо военных и послевоенных контактов с литературными языками Эстонии и Финляндии, отметим, что в настоящее время деревни района Краколья–Лужиц регулярно посещаются эстонскими и финскими лингвистами. В данном районе, таким образом, достаточно хорошо известны водский, ижорский, финский (ингерманландский нижнелужский диалект и литературный язык) и эстонский языки.

1.6. Деревня Куровицы

В этой деревне[11] был распространен особый смешанный ижорско-водский говор. При этом почти всем его современным носителям в определенной степени известен и ижорский говор соседней деревни Орлы. В речи жителей Куровиц конкурируют куровицкие и орловские формы (см. Таблицу 7), при этом про-

[11] А также, по-видимому, в прилегающих к ней хуторах Грабиловка, Варево, Номме.

порциональное соотношение этих форм зависит от информанта. Следует отметить, что встречающиеся в литературе утверждения о смерти данного говора [Адлер 1966; Хейнсоо 1995; Конькова 2009] не соответствуют действительности и основаны, по-видимому, на некритическом пересказе авторами наблюдений П. Аристе середины 1950-х годов, когда значительная часть жителей Куровиц еще не вернулась в свою деревню. Автору известны, по крайней мере, несколько носителей куровицкого идиома (см. также Таблицу 7). Подробнее о лингвистических особенностях этого идиома см. в [Suhonen 1985; Рожанский, Маркус 2007].

Контакты местных жителей с литературными эстонским и финским языками в основном обусловлены военными и послевоенными событиями. Кроме того, до конца 1930-х гг. эстонцы проживали на хуторах около Куровиц. По словам информантов, в местной школе в 1930-е гг. преподавали только русский язык.

1.7. Деревня Дубровка

Эта деревня отделена от ближайших ижорских[12] и финских деревень русскими деревнями; к востоку от нее располагались немецкие колонии. Говор Дубровки резко отличается от всех других говоров Нижней Луги. Это финский говор, который подвергся сильному влиянию эстонского и водского языков. Кроме того, ряд черт объединяет его с финскими и ижорскими диалектами к востоку от нижнелужского ареала.

По-видимому, в XIX веке территория распространения этого говора была больше. Согласно данным П. фон Кёппена на 1848 год [Köppen 1867: 86], а также изданию [Оценочно-статистическое 1904], финны проживали также в соседних деревнях Сала, Анновка и Пулково, где было смешанное русско-финское население с преобладанием русских. Сама Дубровка до начала XX в. была почти чисто финской деревней, однако, по переписи 1926 г., русские составляли уже почти половину населения. В 1973 г. территория этой деревни отходит к заводу «Фосфорит», и жители переезжают в пос. Первое Мая, города Кингисепп, Ивангород и Нарву. В начале 2000-х годов на территории исследуемого района только

[12] Кроме ижорских деревень на берегах р. Луги к северо-западу от Дубровки, следует еще упомянуть дер. Комаровка к западу от нее, которая в середине XIX века была ижорской [Köppen 1867].

3 человека (2 — в Ивангороде, 1 — в Кингисеппе) в какой-то степени владели данным говором.

Судя по имеющимся данным, для этой деревни было особенно характерно воздействие на местный говор литературного эстонского языка (исторические контакты с Нарвой, послевоенная эмиграция в Эстонию). Влияние литературного финского языка проявилось гораздо слабее. Финский язык преподавали в 1930-е гг. в школе, однако в Финляндию во время войны местные жители вывезены не были [Krjukov 2007].

2. Лингвонимы и этнонимы, известные в нижнелужском ареале

Важной особенностью лингвонимов и этнонимов нижнелужского ареала является несовпадение языковых и этнических классификаций, представленных в русском языке данного ареала и в местных ПФЯ.

Если интервью берется на русском языке, то информантами упоминаются следующие этнонимы: *ижоры*, *финны*, *водь*, *эстонцы*, *ингерманландцы*, *русские*. Следует отметить еще существование термина *талапанцы*, который может употребляться по отношению как к води, так и к ижорам, и, по словам некоторых информантов, имеет оттенок пренебрежения. При этом далеко не все жители Нижней Луги знают этноним *водь*. Кроме того, не все информанты могут четко разграничить этнонимы *ижоры*, *ингерманландцы* и *финны*.

Если интервью берется на каком-либо местном ПФЯ, то информанты используют следующие этнонимы:[13] *ižorad/ižorlai-*

[13] Здесь и далее в тех случаях, когда речь идет о нескольких местных ПФЯ и язык примеров специально не уточнен, словоформы по умолчанию даются в одном из нижнелужских ижорских вариантов. Другие ижорские варианты, а также водские и финские варианты имеют незначительные фонетические и фонологические отличия от приводимых. В тех случаях, когда язык примера отдельно указывается, в круглых скобках приводится помета: (вод.) — водский, (иж.) — ижорский, (фин.) — финский, (эст.) — эстонский или (кур.) — куровицкий. В случае, когда в примере представлено переключение кодов или интерференция (смешение кодов), список идиомов, участвующих в них, приводится через косую черту в порядке появления идиомов в примере: (рус./вод./иж.) и т.д. В тех случаях, когда пример может быть отнесен

sed ‘ижоры’, *sōmalaised* ‘финны’, *vadjalaised* ‘вожане’, *virolaised/ēstiläised* ‘эстонцы’, *inker(i)läised* ‘ингерманландцы’, *venäläised/vellaised* ‘русские’.

Нужно особо подчеркнуть, что объемы указанных понятий в русском и местных ПФЯ **не совпадают**, и, более того, могут различаться у разных информантов. В последующих разделах мы рассмотрим подробнее случаи таких несовпадений, а также установим соответствия между различными локальными системами классификации.

С этнонимами связаны и лингвонимы, то есть те термины, которые используют информанты, чтобы обозначить тот или иной язык. И в этом случае нет взаимно-однозначного соответствия между русскими и прибалтийско-финскими лингвонимами. Кроме того, в некоторых идиолектах и речевых ситуациях взаимно-однозначное соответствие может отсутствовать между этнонимами и лингвонимами, даже если они принадлежат одному и тому же языку. Например, информант может назвать себя *ингерманландцем*, свой язык — *финским*, при этом утверждать, что говорит *по-ижорски.*

Приведем список соответствующих лингвонимов на русском языке и ПФЯ: *ижорский язык/ižor(k)an kēli*, *финский язык/sōmen kēli*, *водский язык/vadjan kēli*, *эстонский язык/viron kēli ~ ēsti kēli*, *ингерманландский язык/inkerin kieli*, *русский язык/vennǟn kēli*. Следует отметить чрезвычайно редкое употребление термина *ингерманландский язык*, вместо которого обычно употребляется *ижорский язык*. Одновременно термин *inkerin kieli* является обычным лингвонимом для нижнелужского финского (как правило, в речи ингерманландских финнов).

Производными от вышеперечисленных лингвонимов ПФЯ являются их транслативные формы, функционально соответствующие русским *по-ижорски*, *по-фински* и т.д., например, *sōme-ks(i)* <финский-TRL> ‘по-фински’. При этом в местных ПФЯ может выступать еще одна форма, для которой нет адекватного русского соответствия: *mā-ks(i)* (иж., фин.)/*mā-ssi* (вод.) <земля-TRL> ‘по-местному’. Эта форма была зарегистрирована и в 1930-е

более чем к одному языку, эти идиомы перечисляются через запятую: (иж., фин.) и т.д.

годы; по наблюдениям Л. Пости, форма *māks(i)/māssi* может относиться к любому местному языку, кроме русского и эстонского [Posti, Suhonen 1980: XVIII]. Следует отметить, что некоторые информанты могут относить этот лингвоним не только к местным ПФЯ, но и к говорам Центральной Ингерманландии:

(1) *miu-l nīnta интересно, что mā-ks lā̄t-ä̀ под*
я-AD так земля-TRL говорить-IPS
Ленинградом
‘Мне так интересно, что *māks* говорят под Ленинградом’
[VPVж, Ko, Hv] (иж./рус.).

При этом информанты подчеркивают свое удивление тем, что язык, на котором говорят в Центральной Ингерманландии, оказывается таким похожим на их собственный идиом (ижорский или финский). Это контрастирует с оценкой нашими информантами финского литературного языка — в этом случае обычно акцентируют внимание на отличии говора родной деревни от последнего.

Помимо формы *māssi*, фиксировалась и форма *mā čēli* (вод.) <земля:GEN язык> ‘местный язык’:

(2) *vad'd'à tšēl-t (ẹma-s tšēl-t)*
водский:GEN язык-PART свой-P3 язык-PART
vad'd'ẹlaizẹ-t kutsu-ta mā tšēle-ssi
вожанин-PL называть-IPS земля:GEN язык-TRL
‘Водский язык (свой язык) вожане называют *mā čēli*’
[Tsvetkov 1995: 171] (вод.).

Формы *māks(i)* (иж., фин.)*/māssi* (вод.) и *mā čēli* (вод.) можно сравнить и с употреблявшимися раньше эстонскими *maa keel* <земля.GEN язык> ‘эстонский язык’, *maa rahvas* <земля.GEN народ> ‘эстонцы’ [Каск 1966: 35], а также с лингвонимами *просты язык*, *па просту*, которые употребляются в литовско-белорусском пограничье по отношению к особому варианту белорусского языка, отличающемуся от литературного [Чекмонас 1988].

Кроме того, в работе [Posti, Suhonen 1980: XVIII] отмечается также куровицкий лингвоним *me-jjē vīsī* <мы-PL.GEN способом> ‘по-нашему’.

3. Глаголы речи

В местных ПФЯ и в литературных финском и эстонском языках глаголу *говорить* соответствуют разные лексемы, этимологически не сводимые друг к другу. Вследствие этого они тоже могут использоваться как своего рода языковой маркер. Например, фраза *Miä*$_{ив}$ *pajatə*$_{в}$-*n*$_{ив}$, *a*$_{ив}$ *siä*$_{ив}$ *läkkȁ*$_{и}$-*d*$_{ив}$ переводится так: ‘Я говорю по-водски, а ты говоришь по-ижорски’. Буквально же она значит: <я говорить-1SG а ты говорить-2SG> ‘Я говорю, а ты говоришь’ (подстрочные индексы обозначают язык морфемы: и — ижорский, в — водский, ив — ижорский и водский).

Перечислим известные в нижелужском ареале глаголы речи с указанием языков (приводятся фонетические варианты инфинитива ‘говорить’ и отглагольного имени ‘говорение, речь’):

(3) водский — *pajattȁ* ~ *pajatta*, *pajattamin* ~ *pajattəmin;*
ижорский — *lā̆tä* ~ *lā̆t(ə)*, *läkkȁmin* ~ *läkkämin;*
нижнелужский финский — *hāstȁ* ~ *hāsta*, *hāstamin* ~ *hāstəmin;*
эстонский — *rääkida*, *rääkimine;*
литературный финский — *puhua*, *puhuminen*.

Все эти глаголы могут употребляться (в соответствующих языках и говорах) примерно в тех же контекстах, что и русский глагол *говорить*. Например, соответствующий водский глагол может употребляться и в контекстах вида ‘говорить по-немецки’, ‘говорить по-русски’, ср. (4):

(4) *tunnẹ-t-ko* *pajatta* *saksà?*
знать-2SG-Q говорить.INF немецкий.PART
‘Ты умеешь говорить по-немецки?’
[Tsvetkov 1995: 283] (вод.).

Однако в контексте ‘говорить на местном ПФЯ’ будет употреблен глагол из соответствующего ПФЯ. Так, в водскоязычном примере (5) использована основа ижорского глагола ‘говорить’ (помечена индексом «и»), которая при этом оформлена морфологическим показателем, содержащим чередование *s* : *z* водского типа (помечен индексом «в»):

(5) *emä-ka* *miä* *läkä*$_{и}$*-zi*$_{в}$*-n*$_{ив}$, *a* *izä-ka*
мать-COM я говорить-PST-1SG а отец-COM
pajat-i-n
говорить-PST-1SG
‘С матерью я говорил по-ижорски, а с отцом — по-водски’
[PMFм, Jo, Jo] (вод./иж.).

Наиболее известными на Нижней Луге являются первые три глагола (см. также Карту 1). Следует иметь в виду, что между данной классификацией и классификациями по этнонимам и лингвонимам также не существует взаимно-однозначного соответствия.

Необходимо отметить, что некоторые информанты аналогичным образом употребляют и русский глагол *говорить*:

(6) *arvo* *hā̄ sā-b* *kẹik*, *а говорить — он*
понимание.PART он получать-3SG все
говорит
‘Понимает он всё, а говорить — он говорит по-русски’
[OPLж, Lu, Ивангород] (иж./вод./рус.).

(7) *hän* *pajatə-b*, *a* *me-jje* *lapse-d* *kai говорят*
он говорить-3SG а мы-PL.GEN ребенок-PL все
‘Он говорит по-водски, а наши дети все говорят по-русски’
[PJKж, Li, Li] (иж./вод./рус.).

У некоторых информантов, живущих постоянно за пределами своих родных деревень, эта система начинает разрушаться. В примере (8) указание на водский язык сочетается с ижорским глаголом речи:

(8) *isä*, *emä* *vad'd'à* *lā̄t-tì*
отец мать водский.PART говорить-IPS.PST
‘Отец, мать по-водски говорили’
[OPLж, Lu, Ивангород] (вод./иж.).

Примечание. Похожим образом глаголы речи могут употребляться и в Центральной, Восточной и Северной Ингерманландии, где известны следующие варианты:

huastà — вся Восточная Ингерманландия (приходы Järvisaari, Markkova), а также восточная часть Северной Ингерманландии (приходы Keltto, Rääpyvä, Toksova, Lempaala);

hāstà — северо-запад Ингерманландии (приходы Valkeasaari, Haapakangas), а также финские говоры Сойкинского полуострова и приходов Kaprio, Kattila и Novasolkka;

luatì — почти вся Центральная Ингерманландия;

lātì — говоры приходов Moloskovitsa, Tyrö и окрестностей пос. Сиверский;

uhota — спорадически встречается в приходе Vuole.

Следует отметить, что большинству наших информантов из Центральной, Восточной и Северной Ингерманландии неизвестны нижнелужские глаголы речи, а наиболее частотной оппозицией является *huastà* vs. *luatì*, противопоставляющая «токсовских» или «колтушских» «гатчинским», «колпинским» или «павловским».

В следующих разделах мы более подробно опишем, какие лингвонимы и этнонимы используются в каждом из выделенных нами нижнелужских подареалов.

4. Обзор отдельных районов нижнелужского ареала

4.1. Курголовский полуостров

Для данного района наиболее релевантны оппозиции «финны vs. ижоры», *lā̄tä* vs. *hāstà* и «лютеране vs. православные» (в большей степени для местных ижор), а также «ингерманландский vs. литературный финский» (главным образом для курголовских финнов). Многие информанты, в основном ижоры, также противопоставляют себя нижнелужским вожанам.

В финских деревнях Курголовского полуострова (Кирьямо, Гакково, Выбье, Конново, Тисколово) обычно не отмечают каких-либо различий между отдельными говорами местных финских деревень. Оценка же местными финнами говоров деревень Липово, Остров, Куземкино может варьировать. Информанты могут отделять эти говоры от финского языка, либо же (реже) они не будут отмечать различия между ижорскими и финскими говорами. Все информанты указали на различие между своим идиомом и финским языком Финляндии. Для своего идиома мог употребляться лингвоним *inkerin kieli* ‘ингерманландский язык’, для финского литературного языка — *suomen kieli* ‘финский язык’. Последний лингвоним при этом может употребляться и для курголовского финского. Некоторые информанты оценивали курголовский финский как «смешанный язык»/*«sekakieli»*, «смесь

финского с эстонским». Такая оценка, по-видимому, обусловлена наличием в курголовском финском, как и во всех нижнелужских идиомах, значительного количества водской субстратной лексики. Большая часть подобной лексики находит этимологические параллели в эстонском, но не в финском литературном языке. Поэтому информанты оценивают ее как заимствования из эстонского языка. Похожая оценка информантами своего родного ингерманландского финского говора как смеси финского и эстонского встречается также и восточнее, в приходе Moloskovitsa.

Говоры соседних ижорских и водских деревень оценивались жителями курголовских финских деревень по-разному. Для говора Липова финнами употреблялся лингвоним *ižorin kieli* ‘ижорский язык’. Среди остальных деревень обычно выделялись деревни Хамолово, Остров, Краколье и Б. Куземкино, причем оценка близости этих говоров к курголовскому финскому колебалась, в зависимости от информанта. В целом наиболее распространенной является оценка говора Хамолова как ижорского или смешанного, говора Б. Куземкина как финского или смешанного, а говоров Краколья и Острова как ижорских.

Следует особо упомянуть и об употреблении русскоязычных лингвонимов *ижорский язык* и *финский язык*. Некоторые информанты, например LYж (Hk, Hk), характеризуют как *ижорский язык* и свой курголовский диалект, противопоставляя его финскому литературному языку.

Этнонимы *vatjalaiset* (фин.) ‘вожане’ и *soikkolaiset* (фин.) ‘сойкинцы’ известны некоторым финским информантам и связываются с Сойкинским полуостровом. Противопоставление языков по глаголам речи выражено здесь довольно слабо. В наших материалах это зафиксировано только у информантов, поддерживающих особо тесные связи с ижорами или вожанами. Любопытно, что такие информанты по отношению к говору дер. Хамолово употребляют глагол *hāstà*. Следует отметить, что этот глагол не используется по отношению к финскому литературному языку.

Здесь известны шутливые прозвища жителей отдельных деревень: *Kirjamon arestantit* ‘кирьямские арестанты’, *Konnun jūtalaiset* ‘конновские евреи’, *Kīskalan seukot* ‘тисколовские кузены’. Это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании узких локальных идентичностей (identities), маркерами которых и явля-

ются данные прозвища. Аналогичная ситуация существовала и во многих других частях нижнелужского ареала (см. ниже), а также в прочих районах Ингерманландии.

Говоря о финских деревнях Курголовского полуострова, следует упомянуть и о тех проживающих в них информантах, которые родились в Центральной Ингерманландии (приходы Kupanitsa, Spankkova и Tyrö). Все они обращают внимание на большие языковые различия между отдельными деревнями в нижнелужском регионе, ср. (9):

(9) *У нас все говорили одинаково, а тут в соседней деревне уже другой язык*
[АКм, Vt (приход Spankkova), Vp].

Некоторые информанты противопоставляли по глаголам речи свой родной говор и курголовский финский: например, *lātì* по отношению к тюрёсскому, *hāstà* — по отношению к курголовскому [NAMж, Tp (приход Tyrö), Ki].

Весьма интересна ситуация в ижорской деревне Липово. Как правило, местные жители проводят границу между говором своей деревни и языком финских деревень Курголовского полуострова. При этом никакого различия, за редкими исключениями, между говорами отдельных финских деревень не делается. В таких случаях для финского языка местными ижорами используется лингвоним *sūmen kīli ~ sōmen kēli*, для ижорского языка — *ižorin kīli ~ kēli*, себя жители Липова называют *ižorid* или *ižorilaised* ‘ижоры’. Некоторые информанты отмечают и большие языковые отличия от говоров Краколья, Песков, Лужиц, где живут *vadjalaised* ‘вожане’. Однако в некоторых случаях по отношению к своему липовскому говору могут употребляться и такие лингвонимы, как *sūmen kīli ~ sōmen kēli* ‘финский язык’, *vennǟn kīli ~ kēli* ‘русский язык’, в то время как в русской речи тех же информантов употребляется только лингвоним *ижорский язык*. Одна информантка употребила лингвоним *ижорский язык* по отношению ко всем локальным говорам в окрестностях Усть-Луги, включая финские и водские. Противопоставление языков по глаголам речи здесь выражено сильнее, чем в местных финских деревнях: глагол *lātä* характеризует говор Липова, глагол *hāstà* — говоры финских деревень от Курголова до Струпова.

В Острове ижоры не делают различий между говорами деревень Липово, Остров, Струпово, Б. Куземкино. При этом информанты особо выделяют говоры района Краколья и Куровиц, а также финские говоры Курголовского полуострова. Известно и противопоставление по глаголам речи, причем здесь употребляется три глагола: *hāstà* (характеризует говоры финских деревень, включая Курголово и Выбье), *lā̄tä* (характеризует говоры дер. Остров и Липово) и *pajattà* (характеризует говор дер. Лужицы).

Крайне противоречивы сведения о деревне Курголово. Один информант, родившийся в этой деревне, указал на ее смешанный характер, ср. (10):

(10) *Четыре семьи были, православные, ижоры, остальные все финны*
[VPKм, Kur, Jo].

Остальные информанты могли охарактеризовать Курголово и как финскую, и как ижорскую деревню.

Единственная информантка ZIIж (Hm, Kur) из не существующей ныне деревни Хамолово считает свой язык смешанным, «наполовину ижорским, наполовину финским», но все-таки ижорским. Говор дер. Липово характеризуется ею как ижорский, говор дер. Курголово — как финский, язык дер. Пески — как *vad'd'an kieli*. Следует иметь в виду, что эта информантка некоторое время прожила в дер. Пески.

4.2. Район деревни Большое Куземкино

Для этого района наиболее релевантны противопоставления «ижоры vs. финны», «ижорский язык vs. финский язык», а также *lā̄tə* vs. *hāstà*, «православные vs. лютеране». Многие информанты также отмечают сильное отличие от своего языка говоров дер. Куровицы и деревень района Краколья.

Информанты из М. Куземкина основной для своей деревни считают разницу между финским и ижорским языками. На вопросы о языке других финских или ижорских деревень они отвечают, что их язык «такой же, как наш». Небольшие отличия между отдельными финскими или ижорскими говорами не замечаются, и все внимание оказывается сосредоточенным на разнице между языками финнов и ижор. Некоторые информанты объясняют различия в языке вероисповеданием.

В Б. Куземкине информанты дают более дробную классификацию. В качестве самого близкого говора они указывали говор Ропши. Также отмечалась близость к собственному говору идиомов деревень Струпово, М. Куземкино, Волково, Орлы и Ванакюля. Все информанты указали на сильные отличия от своего идиома говоров Куровиц и Краколья, а также сойкинского диалекта. Один из информантов отметил также смешанный характер говора дер. Хамолово: «наполовину финский, наполовину ижорский». Все информанты отмечали разницу между языками финнов и ижор, однако различия в идиолектах конкретных информантов, как правило, не осознаются.

В Ропше также отмечается близость говоров Ропши, Б. Куземкина, Струпова, Кейкина и Ванакюли (а также не существующей в настоящее время дер. Ханике), при этом утверждается, что в дер. Волково говорят немного по-другому, «на эстонский лад». Как и в Б. Куземкине, информанты отмечают большое отличие говоров Куровиц и Краколья от местного говора. Ропшинские информанты, как и в других деревнях этого района, отмечают разницу между языком финнов и ижор.

Выходцы из Новой Деревни, проживающие в Ропше, считают наиболее близким к своему идиому говор Острова, более далеким — говор дер. Ропша. Все они указывают на разницу между своим говором и ропшинским; с другой стороны, говор Ванакюли считается «таким же, как наш». В Ханике, по их мнению, говорили «с небольшим акцентом». Отличие своего говора от идиома Куровиц не считается ими «больши́м», в то время как говоры Краколья, Лужиц, Песков и Верхних Лужиц воспринимаются как «непонятные», «с большим акцентом». Тем не менее, и эти говоры считаются ижорскими. В Выбье, по мнению жителей Новой Деревни, говорят по-фински, в Липове говорят на достаточно близком, но все же отличающемся языке, а на Сойкинском полуострове — «свой язык».

В качестве названий местных языков финнами и ижорами используются термины *ižorkən kieli* ‘ижорский язык’ и *suomen kieli* ‘финский язык’. Некоторые информанты называют свой идиолект и местный говор в целом *inkerin kieli* ‘ингерманландский язык’. С первым термином связан глагол *lā̄tə*, со вторым — *hāstà*. Информанты, использующие третий термин, затруднились

определить, является ли их речь *lā̀kkà̀min* или *hāstəmin*. Следует отметить, что идиолекты таких говорящих и с лингвистической точки зрения находятся «посередине» между идиолектами кузем-кинских ижор и финнов Курголовского полуострова. Сами эти информанты — смешанного происхождения, иными словами, среди их родителей были выходцы из разных деревень, в том числе и финских.

В Таблице 1 сведены данные по оценкам информантами из дер. М. Куземкино, Б. Куземкино, Ропша и Такавелье степени близости других нижнелужских говоров к их собственному. Также представлены некоторые сведения по оценке говоров других деревень как финских, ижорских или эстонских и по характеристикам этничности населения этих деревень.

Таблица 1. Оценки характера языка и этнического состава других деревень информантами из района Б. Куземкино

оцениваемая деревня / деревня-эксперт	Kri	Na	Ro	Tk	La	St	Va	Ku	Jo, Lv, Lu
Kri	ИФ	0 («их язык такой же как наш»)							
Na	2	0	1			2	2	3а	3б
Ro		1	0			1	1	3а	3б
Tk			2а	0	1а		0	2бИ	4аИ
оцениваемая деревня / деревня-эксперт	Su	Ko	Hv	Hn	Vp	Pä	Hm	деревни Сойкинского п-ова (soi.)	
Kri	0 («их язык такой же как наш»)								
Na	2	2					ИФ	3в	
Ro	2э		1	1				1	
Tk				1б	4вФ	3		4б	

Примечания. Говоры, идентичные собственному говору информанта, получают оценку 0, наиболее близкие говоры — оценку 1, следующие по близости — оценку 2 и т.д. Если информанты отмечали различия между двумя говорами, но не указывали, какой из них ближе к их собственному, то эти говоры получали обозначения 2а, 2б, 2в и т.д. Если индекс языка отсутствует, то по умолчанию язык считается ижорским. Заглавная буква («Ф», «Э», «И») означает, что в деревне есть представители данной этнической группы (финны, эстонцы, ижоры); строчная буква («ф», «э», «и») означает, что язык данной деревни похож

на финский, эстонский или ижорский. Пустая клетка — нет информации. В М. Куземкине (Kri) оценки давал носитель местного финского говора, в остальных деревнях — носители местных ижорских (иногда — смешанных ижорско-финских) говоров.

4.3. Район деревни Кейкино

Для этого района наиболее релевантными являются противопоставления «Куровицы vs. остальные деревни» и «ижорский vs. финский», причем последняя оппозиция, судя по имеющимся у нас материалам, является второстепенной. Район Краколья и Лужиц, как правило, особо не выделяется информантами, этноним *водь* в данном районе неизвестен. Жители Куровиц считаются ижорами, но говорящими на каком-то «странном» диалекте.

В Орлах все информанты выделили группу деревень Кейкино, Извоз, Манновка, Федоровка, Дальняя Поляна, чьи говоры были наиболее близки к орловскому. Когда мы попытались уточнить классификацию, наиболее близким большинство информантов признало говор Кейкина; несколько дальше были поставлены говоры Извоза и Манновки (причем, по мнению информантов, «в Извозе и Дальней Поляне язык один»); еще дальше находится говор Федоровки (причем только одна информантка утверждала, что в Федоровке есть финны). Все информанты отметили сильное отличие говора Куровиц от своего собственного. Отмечаются также отличия своего языка от говоров Липова и Острова.

В Извозе, с точки зрения единственной хорошей носительницы местного говора, в качестве достаточно близкого можно выделить говор Кейкина [RMIж, Те, Те]. Говоры Федоровки и Ванакюли отстоят дальше, «больше с финским схож их язык». И, наконец, говоры Куровиц и Острова квалифицированы как «совсем другой язык». Информантка отметила близость говора Острова к финскому языку и сойкинскому ижорскому.

В Дальней Поляне информантами были выделены следующие группы говоров (расположены по степени уменьшения сходства со своим говором):

1) Извоз и Дальняя Поляна;
2) Кейкино и Федоровка;
3) Манновка и Орлы;
4) Куровицы.

Отличие Куровиц от остальных групп подчеркивается особо.

В Кейкине в качестве наиболее близкого говора называют говор Орлов. Говоры соседних деревень специально не выделяются, за исключением говоров Куровиц, Ванакюли, Краколья, а также сойкинского диалекта. Некоторые информанты отмечали, что в Федоровке и Б. Куземкино распространен финский язык.

В Федоровке все информанты подчеркивают различие между ижорским и финским языками, при этом разница между отдельными говорами здесь ощущается меньше. В качестве ближайших говоров называются идиомы Дальней Поляны и Кейкина (для ижорского языка) и Калливере (для финского языка).

В Волкове также выделяют говор Куровиц; относительно остальных говоров, как ижорских, так и финских, никаких особых замечаний практически не было. Одна из информанток все-таки указала на близость к волковскому говоров Федоровки и Кейкина. Остальные же говоры, от Орлов до Струпова, она характеризует следующим образом: «почти как у нас говорят».

Все местные информанты, считающие себя ижорами, употребляют глагол говорения *lā̆tə*, свой язык называют *ižorkən kēlʲ̆*, причем в Орлах и Манновке отмечено и выражение *lā̆tə māks* ‘говорить по-местному’. Следует сказать, что некоторые информанты, побывавшие ранее в Центральной Ингерманландии, употребляют выражение *lā̆tə māks* и по отношению к центрально-ингерманландским диалектам — см. пример (1). В целом в деревнях района Кейкина противопоставление *lā̆tə* vs. *hāsta* выражено слабо. Финский язык называется *sōmen kēlʲ̆* — этот лингвоним может относиться как к местному финскому (представленному в данном районе только говором дер. Федоровки), так и к языку Финляндии.

В Таблице 2 ниже сведены данные о степени близости, с точки зрения информантов, говоров других деревень к идиому их родной деревни, а также некоторые характеристики этничности жителей других деревень и оценки их говоров как финских или ижорских.

Как видно из этой таблицы, в качестве наиболее близкого информанты чаще всего называли говор соседней деревни, с которой их родная деревня поддерживала особенно тесную связь, как, например, Кейкино (Hv) и Орлы (Ko). Интересен тот факт, что местные ижоры оценивали жителей дер. Куровицы тоже как

ижор, но одновременно считали, что куровицкий идиом отличается от их говора в большей степени, чем язык дер. Федоровки, несмотря на преобладание в последней финнов.

Еще более далекими представляются жителям окрестностей Кейкина сойкинский ижорский и говоры деревень района Краколья; при этом у них нет представления о существовании особого водского языка. Язык деревень, расположенных в окрестностях дер. Б. Куземкино и севернее (см. колонку «La, Jo, Na»), считается «более финским» и в достаточной степени отличающимся от собственного говора.

Таблица 2. Оценки характера языка и этнического состава других деревень информантами из района Кейкино

оцениваемая деревня / деревня-эксперт	Ma	Ko	Te	Po	Hv	Fü	Su	Ku	Va	La, Jo, Na	soi.
Ma	0	1	1		1	3		2		4	
Te	1		0	1	1	2аф		3а	2бф	3бф	3бф
Po	3	3	1	0	2	2		4			
Hv	2	1	2	2	0	2	2	3а	3б	4а	4б
Ko	2	0	2	2	1	3Ф		4а		4б	
Su	2	2	2	2	1	1	0	3	2		
Fü		2		1	1	0Ф				2Ф	

Примечания. Расшифровку условных обозначений см. в примечаниях к Таблице 1. В графе под названием «La, Jo, Na» имеются в виду все деревни, которые информанты обобщенно квалифицировали как находящиеся к северу от них, «к Усть-Луге». Экспертами являлись носители местных ижорских говоров; в идиолекте эксперта из дер. Федоровка (Fü) присутствуют и некоторые финские черты.

4.4. Долина реки Россони (Эстонская Ингерманландия)

Поскольку эта территория была отделена в 1920–1940 гг. от остальных нижнелужских деревень государственной границей, жители деревень Ванакюля, Калливере, Коростель, Венекюля и Саркюля не имели тесных контактов с ижорами Б. Куземкина, Кейкина и Волкова. Поэтому приводимые информантами локальные классификации относятся в основном только к бывшей эстонской территории. Для данного района наиболее релевантны

противопоставления «ижоры vs. финны», *lā̄tə* vs. *hāstà*, «православные vs. лютеране vs. баптисты[14]».

В дер. Ванакюля в настоящее время существует идиолектный континуум, и мы попросили информантов охарактеризовать языковое поведение друг друга по параметру *lā̄tə* vs. *hāsta.* Нашей целью было получить от каждого информанта оценки идиолектов всех остальных информантов как *läkkämin* или *hāstəmin*[15]. Следует отметить, что мы исследовали не реакцию информантов на магнитофонную запись речи их односельчан, а их представления об этой речи, не связанные с непосредственным прослушиванием. Точки зрения различных информантов не совпали; результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Оценки речи жителей дер. Ванакюля их односельчанами

оценка X / эксперт Y	MFY м	IVT м	NDP м	NDO м	MAL ж	VNL м	VIA м	JJV м
MFYм	H	L/H	H/L	H/L	L	L	H	H
IVTм	H	L	L	L	L	L	H	L
NDPм	H	L	L	L	L	L	H	H
NDOм	L	L	L	L	L	L	L	
VNLм	H	H	L	L	L	L	L	L
VIAм[16]	H		L	L	L	L	H/L	L
JJVм	H	H	L	L	L	H		H
VNLж	H	H	L	L	L	L	H	H

Примечания. «Оценка X» — оцениваемый идиолект X; «эксперт Y» — информант-эксперт Y, оценивающий речь односельчан; H — по Y, речь X представляет собой *hāstəmin;* L — по Y, речь X представляет собой *läkkämin;* L/H — по Y, речь X представляет собой в большей

[14] Помимо лютеран и православных, в районе р. Россони (прежде всего в деревнях Ванакюля и Калливере) в XX в. появляются также баптисты, см. также [Laiho 1940: 222; Järvinen 1990: 43, 45].

[15] Исключениями являются информантки MALж и VNLж (сестра информанта VNLм). К моменту проведения данного фрагмента исследования информантки MALж уже не было в живых. Интервью с VNLж проводилось в 2010 г. Мы смогли получить от нее оценки идиолектов односельчан, но у нас не было возможности узнать, как они, в свою очередь, оценивают ее идиолект. Свой идиолект она сама называет *läkkämin*.

[16] Информант VIAм родился в дер. Ханике.

степени *läkkämin*, чем *hāstəmin;* H/L — по Y, речь X представляет собой в большей степени *hāstəmin*, чем *läkkämin;* пустая клетка — нет данных.

В ряде случаев отмечались колебания в оценке, например, у информанта MFYм. Некоторые информанты не дали определенной оценки языкового поведения друг друга. Таким образом, только идиолект одной информантки был оценен всеми другими информантами как *läkkämin*, оценки же других информантов не совпадают. Тем не менее, выделяется группа из 4 информантов (NDPм, NDOм, MALж, VNLм), идиолекты которых подавляющим большинством экспертов оцениваются как *läkkämin*. Что касается других информантов, то оценка колеблется от явного преобладания оценки речи как *hāstəmin* у информанта MFYм до некоторого преобладания *läkkämin* у информанта IVTм. Таким образом, основываясь только на оценках информантов, мы не можем охарактеризовать речь информантов MFYм, IVTм, JJVм, VIAм как *läkkämin* или *hāstəmin*.

Представляют интерес и «объективные» лингвистические характеристики речи оцениваемых выше 8 информантов. В Таблице 4 приводятся данные по некоторым фонетическим, морфологическим и лексическим изоглоссам, отделяющим финский говор дер. Ванакюля от ее ижорского говора. В Таблице 5 показано распределение финских и ижорских вариантов по идиолектам.

Как видно из Таблицы 5, «чистые» идиолекты почти полностью отсутствуют, хотя можно выделить преимущественно финский идиолект VIAм и преимущественно ижорские идиолекты NDPм, NDOм, MALж. Явное преобладание ижорских черт наблюдается и у VNLм и IVTм, в то время как идиолекты MFYм и JJVм следует отнести к «смешанным». Налицо корреляция между процентом финских черт в идиолекте информанта и процентом оценок *hāstəmin*, хотя информант VIAм получает необычно низкое число оценок *hāstəmin*.

Таким образом, можно говорить о существовании своего рода «ижорского ядра» в дер. Ванакюля, которое образуют информанты NDPм, NDOм, MALж, VNLм и IVTм. Как видно из Таблиц 3 и 5, оно выделяется на пересечении оценок односельчан и лингвистического анализа речи информантов.

Таблица 4. Изоглоссы, противопоставляющие ижорский и финский говоры дер. Ванакюля

№	Изоглосса	Ижорский вариант	Финский вариант
1	Трансформация праприб.-фин. сочетаний **kl*, **kr*	**kl > gl*, **kr > gr*: *kagl(ə)* ‘шея’, *kagr(ə)* ‘овес’	**kl > ul*, **kr > ur*: *kaul(ə)*, *kaur(ə)*
2	Наличие / отсутствие чередования ступеней *tk : t*	Чередование есть: *itke* <плакать.INF> : *ite* <плакать.IMP>	Чередования нет: *itke : itkĕ*
3	Выпадение согласного в презенсе глагола *männ(ə)* ‘уходить’	Выпадение есть: *mā̄-n* <уходить-1SG>	Выпадения нет: *mäne-n*
4	Выпадение согласного в презенсе глагола *pann(ə)* ‘класть’	Выпадение есть: *pā-n* <класть-1SG>	Выпадения нет: *pane-n*
5	Выпадение согласного в презенсе глагола *tull(ə)* ‘приходить’	Выпадение есть: *tüö-n ~ tüe-n* <приходить-1SG>	Выпадения нет: *tule-n*
6	Выпадение согласного в презенсе глагола *oll(ə)* ‘быть’	Выпадение есть: *ō-n ~ uo-n* <быть-1SG>	Выпадения нет: *ole-n*
7	Показатель имперфекта глаголов с основой на губной гласный	Показатель *-si-*: *küsü-si-n* <спрашивать-PST-1SG>	Показатель *-i-*: *küsü-i-n*
8	Показатель сравнительной степени прилагательных	Показатель *-p-*: *pare-p* <хороший-COMP>	Показатель *-mp-*: *pare-mp*
9	‘малина’	*vābukk(ə)*	*fābukk(ə)*
10	‘стол’	*laut(ə)*	*pöüt(ə)*
11	‘волк’	*susi*	*huntt(ĭ)*

Русскоязычный этноним *ижоры* мог быть употреблен по отношению почти к любому из данных информантов (в наших материалах только информант VIAм не был ни разу назван *ижором*). При этом информанты MFYм, JJVм, VIAм могли быть также названы и *ингерманландцами*, *финнами*. Чем больше оценок *hāstəmin* получал тот или иной информант, тем с большей вероятностью он мог быть назван *ингерманландцем* или *финном*. Если эксперт сомневался, следует ли считать речь его односельчанина

Таблица 5. Распределение финских и ижорских вариантов изоглосс из Таблицы 4 по идиолектам дер. Ванакюля

изоглосса	информант							
	VIAм	MFYм	JJVм	NDOм	VNLм	IVTм	MALж	NDPм
1	Ф	Ф	ФИ	И	ФИ	И	И	И
2	Ф	Ф	Ф	И	ФИ	И	И	И
3	Ф	И	И	И	И	И	И	И
4	Ф	И	И	И	И	И	И	И
5	Ф	Ф	ФИ	И	Ф	Ф	И	И
6	Ф	Ф	И	ФИ	И	ФИ	ФИ	И
7	Ф	И	И	И	И	И	И	И
8	Ф	Ф	ФИ	И	И	И	И	И
9	Ф	И	Ф	И	И	И	И	И
10	Ф	ФИ	ФИ	И	И	И	И	И
11	ФИ	Ф	Ф	И	И	И		И

Примечания. «Ф» — финский вариант; «И» — ижорский вариант; «ФИ» — в идиолекте представлены оба варианта; пустая клетка — нет данных.

hāstəmin или *läkkämin*, и не мог с уверенностью определить этничность последнего, основываясь только на его идиолекте, то он привлекал дополнительные критерии: этничность родителей односельчанина, его вероисповедание. Некоторые эксперты на вопросы о других информантах заявляли, что *hāstəmin* характерно для *финнов*, *лютеран*, а *läkkämin* — для *ижор*, *православных*. Однако дело осложняется тем, что некоторые из информантов родились в смешанных ижорско-финских или ижорско-эстонских семьях.

Интерес представляет и то обстоятельство, что, согласно полученным данным, *ижор* (или *ингерманландец*) может *hāsta*, но *финн* не может *lā̄tə*. Аналогичная картина наблюдается и в других районах, например в дер. Б. Куземкино. Если обратиться к русскоязычным лингвонимам, то термин *ижорский язык* употребляется гораздо шире, включая в себя как *läkkämin*, так и многие случаи *hāstəmin*. Создается впечатление, что *финский язык* для местных жителей скорее означает ‘литературный финский язык’.

В Калливере можно выделить две группы жителей:

1) сестер LTFж и LTPж, родившихся и проживающих на хуторе Пихлакас (находится примерно в полукилометре от Калливере), которые осознают (реально существующее) отличие своих идиолектов от идиолектов других жителей деревни;

2) всех остальных жителей, по мнению которых, «в Калливере все говорили одинаково».

При этом все калливересцы утверждают, что «в Ванакюле говорят по-другому». Относительно исчезнувших деревень Арсия (Арсиансаари) и Куллакюля информанты отмечали, что там жили в основном *лютеране*, для которых было характерно *hāstəmin*, но их говор слегка отличался от калливереского. Мнения информантов об исчезнувших дер. Одрасаре и Смолка разделились: по одной версии, там жили *ижоры* или *ингерманландцы*, по другой — *эстонцы* и *русские*.

Свой говор калливересцы называют *inkerin kieli*, по-русски — *ингерманландский* или иногда *ижорский язык*. Они особо подчеркивают отличие своего говора от финского литературного языка. Себя они могут называть *финнами* или *ингерманландцами*. Следует еще добавить, что известный местный политический деятель 1930-х годов Леандер Рейо, известный под прозвищем *inkerin kuningas* ‘ингерманландский король’, по-русски обычно назывался информантами *ижорский король*. Это является еще одним свидетельством в пользу того, что термину *inkerin* соответствует не только *ингерманландский*, но и *ижорский*.

Говоря об этнонимах и лингвонимах данного района, следует упомянуть и шутливые прозвища жителей той или иной деревни: *Vanakülän hīred* ‘ванакюльские мыши’, *Kalliveren gribad /gribanvarkad* ‘калливереские грибы/грибные воры’, *Sārkülän soborinvarkad* ‘саркюльские соборные воры’.

Относительно деревень за пределами долины Россони информанты утверждают, что там «говорят по-другому». Один информант считал, что в «Куровицах водские имена» [НЕм, Ка, Ка]. Такие мнения можно объяснить изоляцией Эстонской Ингерманландии от остальной части нижнелужского ареала в довоенное время.

Следует сказать несколько слов и о деревнях Венекюля, Саркюля и Коростель. По словам жителей соседних деревень,

в этих поселениях говорили на «смешанном языке», над которым они смеялись. Информанты поясняли, что жители вышеупомянутых деревень говорили, «мешая слова из разных языков», и в качестве примера приводили фразы, подобные следующей:

(11) *Kuk̄* *laula-b*, *перемена погода* *tullò* — *так бабки у нас*
петух петь-3SG приходить.3SG
говорили
‘Петух поет, перемена погоды будет — так бабки у нас говорили’ {о языке дер. Венекюля}
[ARм, Нарва, Krs] (эст./рус./иж., фин.).

По-видимому, это означает, что в первой половине XX века в речи жителей данных деревнях существовало интенсивное немотивированное переключение кодов (см. также [Головко 2001]).

С другой стороны, говор дер. Венекюля считался многими информантами близким к ванакюльскому, хотя некоторые информанты утверждали, что в Венекюля раньше говорили по-эстонски. О говоре дер. Коростель часть информантов из дер. Ванакюля сообщает, что на их памяти в этой деревне не говорили по-ижорски или по-фински, а «смешанным языком» пользовались только женщины, вышедшие туда замуж. Сами же информанты из дер. Коростель утверждали, что раньше в этой деревне многие знали 4 языка: финский, эстонский, ижорский и русский [ARм, Нарва, Krs; ZPOж, Krs, Krs].

4.5. Район деревень Краколье и Лужицы

Для данного района релевантными являются противопоставления *vad'd'à čēli* vs. *ižorkən kēli*, *pajattà* vs. *lā̄tə*, «ижорский язык vs. водский язык», «ижора vs. водь». Следует отметить, что хорошо известен и этноним *soikkulain* и соответствующий ему лингвоним *soikkulan kēli* (иж.)/*soikkulà čēli* (вод.), относящиеся, соответственно, к сойкинским ижорам и их диалекту[17].

[17] Информантка IFж (La, Хельсинки), которую в 1960-х гг. интервьюировали финские лингвисты и мать которой была вожанкой, упоминала следующие шутливые прозвища, известные в данном районе: *Lūžitsan lut'ikad* ‘лужицкие клопы’, *Kotkon gēžad* ‘орловские «гежи»’ (по словам информантки, выражение передает «орловский разговор на *г*»), *hailin kuristajad* ‘душители салаки’ (о сойкинцах) [аудиоархив

Сначала опишем, как оценивают говоры близлежащих деревень бывшие жители дер. Верхние Лужицы. С их точки зрения, говор Нижних Лужиц практически не отличается от верхнелужицкого. Очень сильно отличается сойкинский, а говоры Песков, Краколья и Межников довольно близки к верхнелужицкому. При этом информанты осознают языковое деление дер. Краколье на две части. Говор Куровиц, по мнению информантов, отличается от их идиома сильнее. Глаголы *pajattà* и *lā̄tə* им известны, причем первый из них характеризует речь части жителей Краколья, а второй — речь В. Лужиц и другой части дер. Краколье. Себя и свой язык они называют, соответственно, *ижорами* и *ижорским*, при этом отмечают, что в Краколье (в одной из частей) живут *vadjalaised*. О вожанах они говорят:

(12) *vadjalain* *kera* *on ижор*
вожанин тоже быть.3SG
‘Вожанин — тоже ижор’
[MFVж, Rü, Ve] (иж./рус.).

На наш взгляд, подобная оценка соотношения между понятиями *vadjalain* и *ижор* весьма характерна и свидетельствует о «включенности» (в представлении информантов) группы вожан в состав ижор. Подобные оценки встречались и среди тех выходцев из дер. Нижние Лужицы, которые в течение длительного времени проживали в отрыве от своей родной деревни:

(13) *Ну хоть и vad'd'ə̀laize-d, но все равно мы ižorlaize-d*
вожанин-PL ижор-PL
‘Ну хоть и вожане, но все равно мы ижоры’
[OPLж, Lu, Ивангород] (рус./иж., вод.).

По-видимому, это во многом обусловлено тем фактом, что многие информанты кракольского ареала, как с родным водским, так и с родным ижорским, не используют русскоязычный этноним *водь*, заменяя его термином *ижора*. При этом в речи на ПФЯ водь и ижора различаются (см. ниже).

Центра исследования языков Финляндии в г. Хельсинки]. Прозвище сойкинских *kalan kuristajat* ‘душители рыбы’ широко известно и в Центральной Ингерманландии.

Словоформа *māks(i)* в В. Лужицах известна, как и в других деревнях кракольского ареала, и употребляется как по отношению к водскому, так и по отношению к ижорскому языкам.

В Краколье отмечают разницу между двумя языками (водским и ижорским) в самом Краколье. На втором плане стоит языковая разница между Кракольем, с одной стороны, и деревень Пески и Лужицы, с другой. Еще далее отстоят другие говоры и языки, причем наиболее близкими к ижорскому говору Краколья считаются говоры деревень Остров и Липово.

Как уже говорилось, раньше, по словам информантов, дер. Краколье делилась на два конца, *Herīvalt* (вод.) ‘помещичья земля’ и *Kunigvalt* (вод.) ‘казенная земля’ (некоторые информанты переводили эти названия как *барский* и *царский*). В каждом конце был распространен свой язык: в *Kunigvalt* — *pajattəmin*, а в *Herīvalt* — *läkkə̑min*.

Мы попытались выяснить, как информанты оценивают друг друга по употреблению глаголов речи. Мнения информантов из Краколья о том, для кого из односельчан характерно *pajattəmin*, а для кого — *läkkə̑min*, в большинстве случаев совпали; затруднения вызвала только информантка TIBж (Jo, Jo). Ее сестра охарактеризовала речь TIBж таким образом:

(14) *Раньше она läkä-z', а теперь больше pajatə-b*
говорить-PST.3SG говорить-3SG
‘Раньше она говорила по-ижорски, а теперь больше говорит по-водски’
[LIBж, Jo, Jo] (рус./иж./вод.).

Жители Песков и Лужиц оценивали ситуацию в своих деревнях подобным же образом, хотя один информант из дер. Лужицы считал, что *pajattəmin* преобладает не в Песках, а в Лужицах. К сожалению, здесь нам не удалось получить достаточно материала по оценке информантами друг друга по параметру глаголов речи, как это было осуществлено по отношению к деревне Ванакюля.

Хотя в настоящее время в дер. Межники нет информантов, хорошо владеющих водским языком, местные жители различают ижорский и водский языки и помнят, что их родители умели говорить по-водски. Знакомы им и названия частей дер. Краколье.

Их оценки языков, распространенных в разных частях этой деревни, совпадают с оценками, которые давали сами жители Краколья. Среди других деревень в качестве той, где было распространено *pajattəmin*, упоминались Пески. В остальных деревнях, по мнению информантов из Межников, был представлен *läkkə̀min*, включая и финские деревни Курголовского полуострова:

(15) *Vīpjä-s* *suome-ks* *lǟ-ttì*
Выбье-IN финский-TRL говорить-IPS.PST
‘В Выбье по-фински говорили’
[MSKж, Ra, Ra] (иж.).

Известны информантам из этой деревни и слова *vad'd'à*, *vad'd'əkko* ‘водский; вожанин’, ср. (16), а также (37).

(16) *Мама знала vad'd'əkko, папа — нет, только ижорский знал*
[DIFж, Ra, Ra] (рус. / иж.).

Все информанты из дер. Краколье, Межники, Пески и Лужицы, вне зависимости от того, на каком/каких из местных ПФЯ они говорили, отмечали разницу между *pajattəmin* и *läkkə̀min* и связывали это с этнической принадлежностью. Те люди, для которых характерно *pajattəmin*, квалифицируются как *vad'd'əlaised* (иж.)*/vad'd'əlaizẹ̑d* (вод.). Те же, для кого типично *läkkə̀min*, называются *ižorəd)/ižorid* (иж., вод.) или *soikkulaised* (иж.)*/soikkulaizẹ̑d* (вод.):

(17) *Kol'a-n*, *mēhe-n* *pajatə-ttì*, *они* *vad'd'əlaize-d* *были, а*
Коля-GEN муж-GENговорить-IPS.PST вожанин-PL
моя родня *lǟt-tì*, *федоровские* *lǟt-tì*, *mēhe-n*
говорить-IPS.PST говорить-IPS.PST муж-GEN
pajatə-ttì *vad'd'a-ssi*
говорить-IPS.PST водский-TRL
‘Колина, мужа {родня} говорила по-водски, они вожане были, а моя родня говорила по-ижорски, федоровские говорили по-ижорски, {родня} мужа говорила по-водски’
[NSNж, Lu, Lu] (иж./вод./рус.).

При этом, как уже было упомянуто, всем вышеуказанным этнонимам *(vad'd'əlaised/vad'd'əlaizẹ̑d*, *ižorəd/ižorid*, *soikkulaised*

/soikkulaizęd) в русской речи большинства информантов соответствует один этноним — *ижоры*, а лингвониму *ижорский язык* может соответствовать как *vad'd'à čēli* (вод.), так и *ižorkən kēli* (иж.). Приведем еще два показательных примера (18) и (19).

(18) *Vad'd'a čēli в переводе на русский язык означает «ижорский язык»*
[AIBм, Jo, Jo] (вод./рус.).

(19) *А Вам какой ижорский язык нужен? Их у нас два*
[PMFм, Jo, Jo].

В некоторых случаях, когда необходимо уточнить, идет ли речь об ижорском или водском языке, в русскую речь информанта вставляется соответствующее слово на ПФЯ, ср. примеры (14), (16) и (17) выше, а также (20).

(20) *А подруга у меня, родители ее все vad'd'a говорили, и я с ними говорила vad'd'a*
[OPLж, Lu, Ивангород] (рус./вод.).

По меньшей мере с начала XX в. престижность водского языка по не вполне понятным причинам была ниже, чем престижность ижорского. Водь переходила на ижорский язык и принимала этническое самосознание ижор. В результате этого, в частности, водская дер. Межники полностью сменила язык на ижорский. Этот процесс отмечается уже самыми первыми исследователями водского языка, см. [Kettunen 1915: 4; Tsvetkov 1925: 43]. В 1925 г. Д. Цветков указывал, что после революции образованные вожане при заполнении советских анкет писали в графу «народность» *ижор*, а в графу «национальность» — *русский* [Tsvetkov 1925: 43]. По-видимому, подобные явления стали причиной того, что водь не была включена в переписи населения 1959, 1979 и 1989 гг. В силу указанного несоответствия терминологии, для этнографа, не владеющего финским, эстонским или местными ПФЯ, в ходе работы в нижнелужском ареале (особенно в водских деревнях) велика вероятность допустить существенные ошибки.

Необходимо все же отметить, что в настоящее время встречаются и случаи различения *води* и *ижоры* в русской речи. На наш взгляд, это связано с тем, что, в результате деятельности Общества водской культуры, а также Центра коренных народов

в составе организации ингерманландских финнов «Inkerin Liitto», русский этноним *водь*, встречающийся в научной литературе, в настоящее время стал знаком многим вожанам и осознается ими как соответствие водскому этнониму *vad'd'ə̀lain*[18].

Некоторые информанты (например, водскоязычный информант AFNм (Lu, Lu)) употребляют термин *vad'd'à čēli* и по отношению к сойкинскому диалекту ижорского языка, отстоящему по ряду признаков гораздо дальше от водского языка, чем нижнелужский ижорский диалект. Это свидетельствует о нейтрализации оппозиции *vad'd'à čēli* vs. *ižorkən kēli*.

Подводя итоги, следует отметить, что большинство как ижорских, так и водских информантов из Краколья, Песков и Лужиц все же различают *vad'd'à čēli* и *ižorkən kēli* в своей речи на ПФЯ (хотя не во всех случаях могут определить характер языка того или иного говорящего). Более того, хорошо осознаются и основные фонетические отличия водского от ижорского (см. п. 5). Однако при переходе на русский язык эта разница часто исчезает (используется термин *ижорский язык*). Термин же *māssi* ‘по-местному’ может означать как *vad'd'assi* ‘по-водски’, так и *ižorəssi* ‘по-ижорски’ [NFNм, Lu, Lu] (вод.).

4.6. Деревня Куровицы

Жители этой деревни хорошо осознают особость своего диалекта на фоне всех остальных идиомов нижнелужского региона. Следует отметить, что в языке носителей куровицкого диалекта в той или иной степени отмечается влияние соседних говоров, в особенности орловского, находящегося южнее. Этот факт осознается и некоторыми из информантов (например, LDMж, Ku, Ku; AMPж, Ku, Ku), которые могут довольно хорошо различать орловские и куровицкие формы. Тем не менее, на просьбу указать тех жителей деревни, которые говорят по-куровицки «чисто», разные информанты давали несовпадающие ответы, и с социо-

[18] На распространение этого термина также могла повлиять деятельность лингвистов. В частности Х. Хейнсоо отмечает, что в результате систематической работы эстонских исследователей с вожанами, начиная с 1947 г., и усилий по повышению престижности водского языка некоторые из ее водских информантов начали называть себя *водью* и в своей русской речи [Хейнсоо 1995: 177].

лингвистической точки зрения выделить «куровицкое ядро»[19], аналогичное «ижорскому ядру» в дер. Ванакюля, не удалось. По-видимому, это свидетельствует о том, что значительная часть орловских элементов в речи носителей куровицкого диалекта не замечается и не осознается ими.

Одновременно, можно обратить внимание на чисто лингвистические характеристики речи жителей Куровиц. В Таблице 6 ниже приведены некоторые изоглоссы, отличающие куровицкий говор от орловского, а в Таблице 7 — распределение куровицких и орловских вариантов по идиолектам. Следует отметить, что у информантов, речь которых демонстрировала наибольшую вариативность, куровицкие и орловские варианты встречались с разной частотой: для LDMж характерно резкое преобладание частотности орловских форм, для IIGм и AMPж — куровицких. Если учитывать этот факт, то видно, что информанты LPGж, VVVм, IIGм, AMPж говорят скорее «по-куровицки». Таким образом, на языковых основаниях здесь все же выделяется «куровицкое ядро», а остальные идиолекты составляют континуум между куровицким говором и орловским ижорским говором. В этом смысле в чисто лингвистическом отношении ситуация здесь сходна с положением дел в деревне Ванакюля.

Среди других нижнелужских деревень жители Куровиц особо выделяют только Волково (на другом берегу Луги), Орлы (ближайший сосед с юга), Краколье. Не существующая ныне Новая Деревня была упомянута одной информанткой. Эта же информантка упомянула и о существовании двух идиомов в деревне Краколье:

(21) *А в Краколье одни говорят на «ч», а другие говорят на «к»* [AMPж, Ku, Ku].

[19] Поскольку здесь не нашлось такого же четкого параметра как *hāsta* vs. *lā̄tə* в дер. Ванакюля, то мы были вынуждены задавать информанту вопрос, говорит ли тот или иной его односельчанин *Kukkuzi(n) vīsi* ‘по-куровицки’ или *Kotkon vīsi* ‘по-орловски’. Возможно, часть затруднений информантов было связана именно с характером самого вопроса.

Таблица 6. Изоглоссы, противопоставляющие куровицкий и орловский говоры

№	Изоглосса	Куровицкий вариант	Орловский вариант
1	Трансформация праприб.-фин. сочетания **ps*	**ps > hs* *lahs(i)* ‘ребенок’	**ps* сохраняется *laps(i)*
2	Трансформация праприб.-фин. сочетания **ks*	**ks > hs* *uhs(i)* ‘дверь’	**ks* сохраняется *uks(i)*
3	Трансформация праприб.-фин. сочетания **st* (в сильной : слабой ступени)	**st > ss : s* *muss(ə)* ‘черный’ : *musa* <черный.GEN>	**st > st : s̄* *must(ə) : mussə-n* <черный-GEN>
4	Гласный в основе глагола ‘уходить’	Гласный *e: menn(ə)* <уходить.INF>	Гласный *ä:* *männ(ə)*
5	Основа презенса глагола *tull(ə)* ‘приходить’	*tua-n* <приходить-1SG>	*tüe-n*
6	Адессив личных местоимений 1 и 2SG	*mi-l̄* <я-AD>, *si-l̄* <ты-AD>	*miu-l*, *siu-l*
7	Показатель генитива	Нулевой показатель	Показатель *-n*
8	Показатель элатива	Показатель *-ss(ə)*	Показатель *-st*
9	Показатель транслатива	Показатель *-ss(i)*	Показатель *-ks(i̯)*
10	Показатель имперсонала в презенсе[20]	Показатель *-ttaz:* *lue-ttaz* <читать-IPS>	Показатель *-ta:* *lue-tà*
11	Форма 3SG презенса у глаголов с праприб.-фин. основой типа **luke-* ‘читать’	Слабоступенный вариант основы + показатель *-b:* *lue-b* <читать-3SG>	Сильноступенный вариант основы с дополнительной (т.н. «вторичной») геминацией согласного, переходом гласного **e > o*, *ö* и его продлением + *Ø* показатель: *lukkò* <читать.3SG>

[20] Данная форма одновременно используется и как личная форма 3PL презенса.

Таблица 7. Распределение куровицких и орловских вариантов изоглосс из Таблицы 6 по идиолектам дер. Куровицы

изоглосса	информант						
	LPGж	VVVм	IIGм	AMPж	LDMж	MPNж	KEVж
1	К	К	КО	К	КО	О	О
2	К	К	КО	КО	КО	К	О
3	К	КО	К	К	КО	О	О
4	К	КО	КО	КО	КО	КО	КО
5	К	А	К	К	КО	КА	К
6	К	КО	КО	КО	КО	КО	К
7	К	К	КО	КО	КО	КО	К
8	К	КО	К	КО	КО	О	О
9	К	К	К	КО	КО	КО	О
10	К	К	К	КО	КО	О	О
11	К	К	КО	КО	КО	КО	О

Примечания. «К» — куровицкий вариант; «О» — орловский вариант; «КО» — в идиолекте представлены оба варианта; «А» —аномальный для основы глагола ‘приходить’ вариант *tule-*.

Информантка имеет в виду одну из главных особенностей водского языка — палатализацию *k* > *č* перед гласными переднего ряда. Тем не менее, по мнению информантов, в Краколье живут ижоры.

Жители Куровиц знают, что кое-где на берегах Луги живут и финны, но не указывают точного места их обитания. Свой язык может быть назван *ižorkən kēli* (иж.) или *ižorkà kēli* (кур.); ‘говорить по-ижорски’ может быть переведено как *lā̄tə ižorkà* или *lā̄tə māssi*. Этнонимы *водь*, *vad'd'əlain* почти неизвестны, однако в 1930-е годы положение вещей было иным. Куровицкие информанты Л. Пости утверждали:

(22) *toize-t̆* *külä-t̆* *sao-ttas̆* *što* *kukkuzi*
другой-PL деревня-PL сказать-IPS что Куровицы
läkk'ā̄-b̆ *vad'd'ā*
говорить-3SG водский.PART
‘Другие деревни скажут, что Куровицы говорят по-водски’ [Posti, Suhonen 1980: 573] (кур.).

Примечательным является тот факт, что глагол *lā̆tə* сочетается здесь с лингвонимом *водский язык*, что не совпадает с той системой, которая существует в дер. Краколье, Пески и Лужицы (см. 4.5).

Аналогичным образом и этноним *vad'd'əlain* оказывается для жителей дер. Куровицы экзоэтнонимом (внешним названием):

(23) *miä vassA ko tul-i-n tähā̄ sis̬*
я только когда приходить-PST-1SG сюда тогда
sa-i-n t'śītā̄ što mū̄ ō-mmA
получать-PST-1SG знать.INF что мы быть-1PL
vad'd'alaizeD
вожанин-PL
‘Я только когда приехал сюда, тогда узнал, что мы *vad'd'alaizeD*’
[Posti, Suhonen 1980: 573] (кур.).

В то же время этот этноним мог использоваться ими по отношению к жителям некоторых бывших водских деревень за пределами нижнелужского ареала. Такая ситуация похожа на ситуацию с этнонимом *lappalaine* в Карелии. Данный этноним использовался жителями более южных районов по отношению к своим северным соседям, которые, в свою очередь, использовали его уже по отношению к своим северным соседям [Бубрих и др. 1997].

Для информантов Л. Пости, по-видимому, более важной представлялась идентификация себя по конфессии:

(24) *mū̄ ō-mma pravosla·vnī, a kēli vā on*
мы быть-1PL православные а язык только быть.3SG
ižorkā kēli
ижорский.GEN язык
‘Мы православные, а язык только ижорский’
[Posti, Suhonen 1980: 96] (кур.).

Следует также отметить существование некоторых языковых стереотипов, касающихся говора дер. Куровицы и распространенных как среди самих носителей куровицкого говора, так и среди их соседей (см. раздел 5). В п. 5.2 более подробно говорится и об известном из литературы шутливом прозвище жителей

Куровиц *Kukkuzī muzā kizā kurissajad* ‘куровицкие душители черной кошки’.

4.7. Деревня Дубровка

Как уже было отмечено выше, эта деревня была отделена от других финских и ижорских деревень преимущественно русскоязычными деревнями. Ее жители прежде всего отмечали отличие своего говора от всех прочих говоров местных ПФЯ (финского, ижорского и эстонского), а также сильные отличия от финского литературного языка:

(25) *Наш язык ни на что не похож*
[LRKж, Suo, Kpl].

Информанты отмечают, что с трудом понимают литературный финский язык. Финский язык, преподававшийся в школе до 1937 года, воспринимался ими как «иностранный» язык. Отмечается также существование определенной разницы между литературным и нижнелужским финским.

4.8. Общий обзор нижнелужского ареала

Следует отметить, что наблюдаемая в настоящее время ситуация с употреблением тех или иных этнонимов и лингвонимов не всегда была таковой. В конце XVII века Ф. О. Туманский в своем описании народов Санкт-Петербургской губернии (его работа переиздана в 1970 г. [Öpik 1970]) касается и западной части Ингерманландии, включая нижнелужский ареал. Он особо отмечает, что эндо- и экзоэтнонимы води не совпадают, причем в качестве экзоэтнонима упоминается «*чюдь*» (здесь и далее орфография и пунктуация Ф. О. Туманского):

> ⟨...⟩ все окрестные российские крестьяне, которых словоупотребление должны быть нам правилом к суждению, между чюдью и чухонцем делают различие. Чюдь называют они чюдью, а естонца чухною, и чюди тоже эстонцов именуя чухонцами никак на себя имени сего не приемлют. Мы будем здесь говорить токмо о тех чюдах или чудах которые в здешней губернии и доселе жительствуют и под сим именем всем окрестным известны ⟨...⟩ [Öpik 1970: 53].

В качестве эндоэтнонима води Туманский приводит термин «*вадделазит*» [там же: 54].

Таким образом, в тот период русскоязычные этноним *водь* и лингвоним *водский язык* не были широко распространены среди соседей води. Что же касается этнонима *чудь* (и лингвонима *чудский язык*), то в настоящее время он употребляется крайне редко. Этот этноним известен в окрестностях дер. Котлы и употребляется как русскоязычными потомками вожан, так и некоторыми их односельчанами. Чаще всего этноним употребляется в форме *чудьи*. В дер. Раннолово информантка, говорящая на смешанном финско-водском идиолекте (VINж (Ran (приход Kattila), Ran); подробнее см. в [Муслимов 2003]), упомянула о существовании ранее в ее деревне *чухонского* и *чудейского* языков.

Как уже говорилось выше, мы не можем сказать, в какой период русскоязычный этноним *ижора* начал использоваться по отношению к води. В водских текстах, собранных П. Аристе, встречается случай использования термина *ižori* как эндоэтнонима вожан в их водской речи (в пересказе диалога вожанина и русского):

(26) *Miä e-n ē venälainę // miä ęlę-n / nī / ižori*
я NEG-1SG быть русский я быть-1SG вот ижор
‘Я не русский, я, это, ижор’
[Ariste 1982: 66] (вод.; запись 1978 г.).

Аристе объясняет это следующим образом [перевод с эстонского мой — М. М.]:

> Среди русских ижоры были известны в качестве достаточно уважаемого этнического коллектива. Малочисленные вожане были неизвестны дальше пределов своего обитания. Поэтому вожане называли себя ижорами, и русские их считали ижорами [там же: 116].

В применении к ижоре в литературе также неоднократно отмечался этноним *karjalain(e)* ‘карел’ (см. [Porkka 1885: 3; Junus 1936: 3; Лаанест 1966: 102; Nirvi 1971: 137]. В настоящее время он почти не употребляется. Только один наш ижорский информант из дер. Нахково (на северо-восток от дер. Котлы, долина р. Систы) употребил *karjalain* в качестве эндоэтнонима. По данным А. Крюкова (личное сообщение), этот этноним и соответствующий ему лингвоним еще в начале 2000-х гг. употреблялись и в некоторых других ижорских деревнях долины Систы. В деревне Семейское А. Крюковым была зафиксирована интересная

транслативная словоформа лингвонима: *karlaks* ‘по-ижорски’ < **karjalaks*.

Следует заметить, что в современных материалах этот этноним ни разу не встретился по отношению к нижнелужским ижорам. В словаре ижорских диалектов Р. Е. Нирви [Nirvi 1971] он фиксируется только на Сойкинском полуострове. Данный этноним (в вариантах *karjakko*, *karjalain)* ранее был известен и вожанам, при этом он мог относиться не только к сойкинским, но и к части нижнелужских ижор, ср. (27). Однако в примере (28) «Карелией» *(Karjala)* все же называется территория проживания именно сойкинских ижор.

(27) *Soikkola-Z* *on* *karjako-D*,
Сойкинский.полуостров-IN быть.3SG карел-PL
kuttsu-as *karjalais-ii* *tšeeli*, ⟨...⟩ *laukaa-lla*
называть-IPS карельский-PL.GEN язык Луга-AD
õl-i-vad *i* *karjako-d* *i* *vad'd'ako-D*
быть-PST-3PL и карел-PL и вожанин-PL
‘На Сойкинском полуострове ижоры, {их язык} называют «ижорский язык», на Луге были и ижоры, и вожане’
[Adler, Leppik 1994: 94] (вод.).

(28) *kõhtšizõõ* *tšülä-ssä* *algu-B* *karjala*
Косколово.GEN деревня-EL начинаться-3SG Карелия
‘С деревни Косколово начинается земля сойкинских ижор’
[там же: 94] (вод.).

В то же время и этноним *ižorəd* был известен вожанам:

(29) *soikkolaizõ-d* *on* *puhtaa-d* *ižora-D*
сойкинец-PL быть.3SG чистый-PL ижор-PL
‘Сойкинцы — чистые ижоры’
[Adler, Leppik 1990: 308] (вод.).

В настоящее время, однако, у жителей деревень Нижней Луги этноним *karjalain* ассоциируется только с Карелией и карелами.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время наиболее распространенным экзо- и эндоэтнонимом в нижнелужском ареале является русскоязычный термин *ижоры*. Он может включать в себя и тех, кто называет себя на своем языке

vad'd'ǝlaizẹd ‘водь’ (в Краколье, Песках, Лужицах) или *sūmalaised* ‘финны’ (в Липове).

Еще более распространенным является экзо- и эндолингвоним *ижорский язык*, к которому близок по своему объему лингвоним *māssi/māks(i)*. Эти лингвонимы могут относиться почти к любому местному ПФЯ, кроме эстонского. Более того, отмечены и случаи их употребления по отношению к финским диалектам Центральной Ингерманландии (ср. употребление термина *māks* в примере (1)). На наш взгляд, такое отождествление центральноингерманландских диалектов с *ижорским языком* вызвано не только относительной близостью между ними и идиомами Западной Ингерманландии, но и большой диалектной дробностью в нижнелужском ареале. В результате несколько большее отличие нижнелужского ижорского от центральноингерманландских диалектов, чем от нижнелужского финского, оказывается малозначимым.

Лингвоним *inkerin kieli*, по-видимому, употребляется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть разницу между местным финским диалектом и финским литературным языком, причем он скорее употребителен среди финнов, чем среди ижор. Если нужно акцентировать разницу между финскими и ижорскими говорами или между финнами и ижорами, тогда обеими данными группами будут скорее всего использоваться термины *sōmen kēli* vs. *ižorin kēli*, *sōmalain* vs. *ižori ~ ižorlain*, *финн* vs. *ижор*. Если же необходимо подчеркнуть разницу между вожанами и ижорами, тогда обе соответствующие группы будут использовать этноним *vadjalain* и лингвоним *vadjan kēli*, которым будет противопоставлен этноним *ižori ~ ižorlain* или *soikkulain* (если речь идет о сойкинских ижорах).

Примечание. В работе Ф. Туманского, помимо «чюди» и «ижер», упоминается и особая этническая группа, жившая непосредственно на берегах Луги (в частности, в дер. Орлы, Извоз и Манновка) под названием *«ямы»*, язык которой он характеризует как «смесь чюдскаго и ижерскаго» [там же: 47, 57, 65, 84]. В составленном Туманским небольшом словарике нескольких ПФЯ, распространенных в то время в Санкт-Петербургской губернии, есть данные по «чюдскому» и «ямскому» языкам [там же: 166 и далее]. Относительно экзо- и эндоэтнонимов (т.е. внешних названий и самоназваний) «ямов» он отмечал следующее:

> Они свой род скрывая, охотно соглашаются зваться ижерами. Но в том противоречит им их наречие, образ жизни, нравы, обычаи ⟨...⟩ Нынешние россиане и естоны собственнаго им не прилагают имени: в одной и той же деревни нарицают их и чюдью и ижерами: сие оттого происходит, что они собственное свое имя скрывая оставляют соседей в недоумении [там же: 56].

Вожане, по свидетельству Туманского, называли их *«ранда лазит»*, в то время как «ижорянам дают название *карьялазит* то же что и корелам, а естонцов именуют *суома лазит*» [там же: 54–55]. Комментаторы Туманского E. Öpik и A. Laanest считают, что речь идет о нижнелужских ижорах, которые под влиянием вожан и других соседей, по-видимому, уже в тот период сильно выделялись на фоне прочих ижор не только в плане языка, но и в отношении этнографических характеристик [там же: 26, 194–197]. В настоящее время этноним *ямы* неизвестен в нижнелужском ареале и сохранился только в местном названии г. Кингисеппа на ПФЯ — *Jāma*.

Следует отметить, что такая сложная система этнонимов и лингвонимов, какая существует в нижнелужском ареале, не является исключительной. Так, по данным О. Поносовой (личное сообщение), подобного рода классификации существуют и среди русинов Словакии. В частности, среди русинов распространена классификация местных говоров через глаголы речи, причем взаимно-однозначного соответствия между этими глаголами и этнонимами, по-видимому, не существует.

В некоторых случаях нижнелужские информанты на основании разных критериев могли выбирать различные эндоэтнонимы.

(30) ⟨...⟩ *nīnta получилось, что мама справила русские паспорта,*
так
и kirjutt-i-Ø «православной веры», вот. А millis-t веры müö
писать-PST-3SG какой-PART мы
ol-i-mē, miä e-n tijje-ki. А по-моему, ижоры
быть-PST-1PL я NEG-1SG знать-EMPH
православной веры olla
быть.IPS

‘Так получилось, что мама справила русские паспорта, и написала «православной веры», вот. А какой веры мы были, я и не знаю. А по-моему, ижоры — православной веры’

[VPVж, Ko, Hv] (иж./рус.).

(31) *Я финка*, *у меня мама из Кайболова была*.

(32) *А мы с Мехметом ижоры*, *мы говорим по-ижорски*.

(33) *Я русская*[21], *я крещена в кракольской церкви*
[NPSж, Na, Na].

Примеры (31)–(33) были записаны от одной и той же информантки. Она использует для самоидентификации три разных критерия: язык, вероисповедание, а также происхождение и этническую принадлежность матери. При этом результаты применения этих критериев в данном случае не совпадают.

Такая ситуация представляется достаточно распространенной: в зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия, группа или отдельный человек в качестве средства самоидентификации подбирает определенную комбинацию социальных (этнических) маркеров: особенности речи, конфессиональную принадлежность, различные культурные практики.

5. Некоторые распространенные языковые стереотипы

Анализ собранного материала позволил выделить ряд языковых стереотипов и автостереотипов, распространенных среди носителей ПФЯ Нижней Луги. Эти стереотипы можно разбить на четыре группы:

1) лексические стереотипы;

2) фонетические стереотипы;

3) морфологические стереотипы;

4) стереотипы, связанные со смешением кодов.

По соотнесенности с конкретным населенным пунктом их можно дополнительно разделить на две группы:

1) локальные стереотипы, которые характеризуют определенный населенный пункт или определенную группу (вне зависимости от места жительства информанта);

2) нелокальные («плавающие») стереотипы, когда выделить такую группу или населенный пункт не удается.

Рассмотрим каждую из групп по отдельности.

[21] По данным А. Крюкова, работавшего в нижнелужском ареале еще в 1990-е годы, многие носители ижорского языка в беседе с ним также идентифицировали себя как *русских* (личное сообщение).

5.1. Лексические стереотипы

Нами были зафиксированы следующие распространенные лексические стереотипы (первым в паре указан автостереотип, вторым — стереотип):

(34) *kissa* (Такавелье) vs. *kasi* (Куровицы) ‘кошка’ (ср. также (37));
pertti (Орлы) vs. *tupa* (деревни в устье Луги) ‘изба’;
što (Орлы) vs. *jot* (деревни в устье Луги) ‘что’.

Вероятно, существуют и другие лексические стереотипы.

Первый из вышеупомянутых стереотипов примечателен тем, что куровицкому идиому приписывается слово из сойкинского диалекта. Во втором и в третьем случае можно, по-видимому, говорить только о различной степени частотности обоих вариантов в указываемых информантами идиомах. Второй пример был приведен информантом в качестве иллюстрации большей «финскости» более северных ижорских говоров в устье Луги, по сравнению с орловским говором. Третий пример, по мнению информанта, иллюстрировал «большее количество русских слов» в орловском и других южных ижорских говорах.

5.2. Фонетические стереотипы

Среди фонетических стереотипов можно отметить стереотипы, связанные с палатализацией и с дистрибуцией *s/z/š*, *h/Ø*, *o/e̯*, *k/č*. Следует отметить, что именно существованием подобных стереотипов можно объяснить зарегистрированные ниже случаи гиперкоррекции.

Стереотип, связанный с дистрибуцией *s/z/š* возник в результате контаминации двух междиалектных соответствий:

1) *kuš(a)* ~ *kuš(ə)* (н.-л. ижорский) vs. *kuz(a)* (водский язык и куровицкий говор) ‘где’[22];

2) [s]-образное или [š]-образное произнесение фонемы *s* (последнее характеризует сойкинский диалект).

В результате этого получается «тройное соответствие»:

[22] По-видимому, этот стереотип также отражает распространенность в водском языке и куровицком идиоме чередования *s : z*, в противоположность отсутствию данного чередования в нижнелужском ижорском (и в целом меньшей частотности звонких согласных в последнем).

(35) *У нас говорят на «с», сойкинцы говорят на «ш», а в Куровицах говорят на «з»*
[LAFм, Hv, Hv].

Как результат гиперкоррекции под действием такого стереотипа можно квалифицировать порождаемые информантами формы **kiza* и **muža*, не существующие в реальности:

(36) *kiza* ‘кошка’ (о куровицком[23]) vs. *kiss(ə)* (Волково) [LKMж, Su, Su] ← *kuza* vs. *kuss(ə);*
muža ‘черный’ (о куровицком) vs. *must(ə)* (Б. Куземкино) [NPŠж, Na, Na], ср. действительное куровицкое *mussa*.

Во втором случае имела место и контаминация куровицких особенностей с сойкинскими (произношением шипящих вместо свистящих). Ср. еще в (37) форму *kazi* ‘кошка’, также приписываемую куровицкому говору. Такая форма отсутствует в нижнелужских говорах, но, как уже говорилось, имеется в сойкинском диалекте (фонологически /kasi/, фонетически [kazi ~ kaži]). В этом примере информантка (отец которой был ижором, а мать — вожанкой, оба из Межников) противопоставляет куровицкий говор как ижорскому, так и водскому.

(37) *Kukkusi-s* *ol-i-Ø* *«kazi»*, *a* *me-i-l*
Куровицы-IN быть-PST-3SG кошка а мы-PL-AD
ol-i-Ø *«katti» — māmə-l ol-i-Ø* *«katti»*
быть-PST-3SG кошка мама-AD быть-PST-3SG кошка
vad'd'əkko; *vad'd'əkko* *ol-i-Ø* *«katti»*, *a*
водский водский быть-PST-3SG кошка а
ižorkə *ol-i-Ø* *«kissə»*
ижорский быть-PST-3SG кошка
‘В Куровицах была *kazi*, а у нас была *katti* — у мамы было *katti* по-водски; по-водски было *katti*, а по-ижорски было *kissə*’
[GIPж, Ra, Ra] (иж.).

В словаре [Posti, Suhonen 1980: 573] представлено шутливое прозвище куровицких, отражающее аналогичные стереотипы касательно их речи: *Kukkuzī muzā kizā kurissajad* ‘куровицкие душители

[23] В действительности в куровицком представлен вариант *kiss(ə)* ‘кошка’, идентичный волковской форме.

черной кошки’. Ср. приводимый там же действительный вариант этой фразы на куровицком говоре: *[Kukkuzī] musā kissā kurissajad* <Куровицы:GEN черный:GEN кошка:GEN душитель:PL>.

Стереотип, связанный с дистрибуцией анлаутного *h*, существует в основном в районе Краколья. Он связан с тем, что ижорским и финским корням с начальным *h* часто этимологически соответствуют водские корни, где это *h* отпало.

В качестве примера можно привести стереотип, порожденный информанткой EFGж (Jo, Jo). Она хорошо различает водский и ижорский языки, при этом не говорит по-водски, хотя и может перечислять отдельные водские слова. В качестве соответствия ижорскому *hüpätə* ‘прыгать’ она привела гиперкорректное «водское» *üpätə* (при этом все местные водскоязычные информанты дали форму *hüpätə*[24]).

Дистрибуция *e̮* также способна порождать стереотипы. Эта фонема распространена в начальном корневом слоге в водском и эстонском языках. Ее этимологическими соответствиями в ижорском и финском являются *o* и (реже) *a*, *e*. В качестве примера можно привести следующий стереотип, записанный от вожан Песков и Лужиц: *e-b ē̮* (Пески, Лужицы) vs. *e-b ō* (Куровицы) <NEG-3SG быть> ‘нет, отсутствует’.

Стереотип, связанный с дистрибуцией *k/č*, также характерен для района Краколья. Палатализация праприб.-фин. **k > č* перед гласными переднего ряда — одна из характернейших особенностей водского языка, и этот факт осознается всеми жителями данного района. В наших материалах встретился интересный пример гиперкоррекции в представлениях ижор о языке вожан: *čiuča* ‘печь’ (о говоре дер. Пески [MFVж, Rü, Väi]), ср. с ижорским *kiukà* (в действительности ‘печь’ по-водски — *ahjo)*. Отметим, что в данном случае палатализация приписывается в том числе и позиции перед гласным заднего ряда, где она в действительности невозможна.

Существуют и стереотипы, связанные с сохранением vs. вокализацией *g* в кластерах **gr*, **gl*. Они встречаются в основном в дер. Ванакюля и Калливере, а также на Курголовском полуострове.

[24] Следует отметить, что вариант без *h* существовал в исчезнувших центральноводских говорах.

Формы типа *kagla/kagl(ə)* ‘шея’, *kagra/kagr(ə)* ‘овес’ приписываются ижорам, а *kaula/kaul(ə)*, *kaura/kaur(ə)* — финнам (ср. с изоглоссой 1 в Таблице 4).

Следует упомянуть еще и «просодический» стереотип, касающийся различий между местными ПФЯ и русским языком, а также внутри самих ПФЯ:

(38) *joka* *külä-ssä... как* *joka* *sana-l* *on*
каждый деревня-IN каждый слово-AD быть.3SG
ударение *toisellaine*
другой
‘В каждой деревне... как в каждом слове ударение другое’
[KEVж, Ku, Ku] (кур./рус.).

Многие информанты утверждали, что в ижорском (или водском) языке «много русских слов, только ударение другое».

Примечание. Не следует понимать здесь термин «ударение» буквально. Он обычно появляется в тех случаях, когда информант чувствует разницу в произношении слов, но не в состоянии сформулировать ее на уровне конкретных фонем. Это можно быть, как в данном случае, разница в произнесении (этимологически) «одного и того же слова» в различных идиомах или же различие в произнесении словоформ внутри одного идиома. Ср., например, попытку объяснения различия между «полными» и редуцированными глухими гласными нижнелужским информантом (a) или между долгими и краткими гласными — носительницей сойкинского диалекта (b):[25]

(a) *«Miä* *e-n* *näe* *ke-tä?* *Kukko»*. — *« Tämä* *on*
я NEG-1SG видеть кто-PART петух.PART это быть.3SG
kukkə̆». *Sūr-t* *rāznitsa* *ei* *uo*, *a*
петух большой-PART разница.PART NEG.3SG быть а
mikäle nīku *vot*, *miä* *e-n* *tijje* *sanno*, *ударение*
что-то как.бы вот я NEG-1SG знать сказать.INF
‘Я не вижу кого? Петуха’. — ‘Это петух’. Большой разницы нет, а что-то как бы вот, я не знаю, {как} сказать, ударение’
[NDPм, Va, Va] (иж./рус.; пример записан Н. В. Кузнецовой).

(b) *Вспомнила, как «ушат» — šävi.* ⟨...⟩ *— А если просто šavi, то это «глина»?* (соб.). *— Да, šavi — это «глина» — а šävi. Это на «а»*

[25] Хочу поблагодарить Н. В. Кузнецову, указавшую мне на подобные примеры.

букву ударенье. Оно слово почти одинаковое, но ударенье ставится по-другому
[AJFж, На, На] (рус./иж.; пример записан Н. В. Кузнецовой).

5.3. Морфологические стереотипы

Сюда мы отнесем употребление в 3SG презенса отрицательного глагола формы *eb* или *ei*. Многие информанты, как в районе Краколья, так и в районе дер. Кейкино, характеризуя диалект дер. Куровицы, обращали внимание на противопоставление вариантов отрицательного глагола *ei ō* (Кейкино) vs. *eb ō* (Куровицы) ‘нет, отсутствует’. Подобные пары упоминались и самими жителями Куровиц.

5.4. Стереотип, связанный с переключение кодов

В деревнях Коростель и Венекюля, по словам некоторых информантов, говорили на «смешанном языке», причем в большинстве случаев в качестве примера приводилась одна и та же фраза:

(39) *Не бегай босиком, sā̈re-d palentù-d*
голень-PL мерзнуть-3PL
‘Не бегай босиком, ноги замерзнут’
(рус./иж.).

Эта фраза была известна как жителям самих этих деревень, так и в других населенных пунктах (например, в Кейкино).

5.5. Локальные стереотипы

Эти стереотипы относятся к определенному языку или к говору конкретной деревни или группы деревень, в основном Куровиц, Краколья и Сойкинского полуострова. К этому классу относятся все приведенные выше примеры стереотипов.

5.6. «Плавающие» стереотипы

Интересным примером такого стереотипа является палатализация согласных: по мнению информантов из Куровиц, у них говорят *puteli* ‘бутылка’, в противоположность волковскому *put’eli*. Аналогичные примеры можно найти и в других деревнях. Обычно вариант с непалатализованной согласной приписывается своей деревне, а с палатализованной — соседней, ср. (40). Однако изредка встречаются и обратные случаи, ср. сопоставление ванакюльского ижорского говора с финским языком в (41).

(40) *me-i-l* *latik̄* *kutsu-tti* *«latikkə»*, *a*
мы-PL-AD лещ называть-IPS.PST лещ а
Laukansū-s *ol-i-Ø* *«lat'ikkə»*, *их так и дразнили:*
Усть-Луга-IN быть-PST-3SG лещ
«lat'ik̄, *Laukansū-n lat'ik̄»*
лещ Усть-Луга лещ
‘У нас леща называли *latikkə*, а в Усть-Луге был *lat'ikkə*, их так и дразнили: «лещ, усть-лужский лещ»’ {с палатализованным *t′*}.
[GIPж, Ra, Ra] (иж.).

(41) *To on* *«tüttŏ»*, *по-фински* *«tüttŏ»*, *a* *me-i-l̄′*
быть.3SG девушка девушка мы-PL-AD
on как бы *«t'üttǫ̆»*. — *Мягкий?* (соб.). — *t'üttǫ̆*. *Мягкий*
быть.3SG девушка девушка
какой-то, да, *t'üttǫ̆*.
девушка
‘To *tüttŏ*, по-фински *tüttŏ*, а у нас как бы *t'üttǫ̆*. — *Мягкий?* (соб.). — *t'üttǫ̆*. *Мягкий какой-то, да, t'üttǫ̆*’.
[NDPм, Va, Va] (рус./иж.; пример записан Н. В. Кузнецовой).

Таблица 8 иллюстрирует зафиксированные виды стереотиов.

Таблица 8. Виды стереотипов, зафиксированные на Нижней Луге

	Локальные	Плавающие
Фонетические	+	+
Морфологические	+	
Лексические	+	
Переключение кодов		+

Наконец, говоря о стереотипах, нельзя не упомянуть представления информантов о происхождении их языка. Можно выделить три основные версии, распространенные среди информантов.

1. Местный язык – это «смесь» финского и эстонского (с добавлением русских слов). Эта версия наиболее распространена на Курголовском полуострове.

2. Местный язык происходит от шведского. Эта версия была зафиксирована нами несколько раз среди носителей водского языка:

(42) *šveda* *язык* *jä-i-Ø* *me-i-le* *tänne*
швед:GEN оставаться-PST-3SG мы-PL-ALL сюда
‘Шведский язык остался у нас здесь’
[ZVSж, Li, Li] (вод./рус.).

3. Местный язык – это «угро-финский» язык. Эта версия распространена среди носителей всех ПФЯ Нижней Луги.

6. «Народная диалектология» и диалектное членение нижнелужского ареала

Как же соотносятся между собой «научная»[26] и «народная» диалектные классификации нижнелужского ареала? В первом приближении можно сказать, что они в основном совпадают. В частности, это касается отграничения сойкинского ижорского диалекта от нижнелужского, выделения куровицкого говора как особого идиома, осознания существования двух языков в Краколье, разницы между калливересским и ванакюльским говорами, и небольшой разницы между ижорскими говорами куземкинской и кейкинской зон.

Перейдем теперь к важнейшим отличиям между этими двумя классификациями. В отличие от «научной», «народная» классификация является локальной. Как правило, поселения, находящиеся достаточно далеко от деревни рождения или проживания информанта, в его классификацию не попадают, либо информация о них носит достаточно размытый характер.

В некоторых случаях информанты считают, что говор соседней деревни отличается от их собственного в большей степени, чем говор какой-то более отдаленной деревни, хотя с лингвистической точки зрения ситуация обратная (ср., например, оценки информантов из Новой Деревни говоров Ропши и Ванакюли в 4.2). По-видимому, такие представления в основном связаны с меньшей известностью для информантов более удаленного говора.

Иногда же, наоборот, реально существующие различия между соседними говорами не замечаются. Например, отличия

[26] О лингвистической классификации идиомов Нижней Луги подробнее см. [Муслимов 2005, гл. 3]. Предварительное деление на группы говоров нижнелужского ижорского языка представлено на Карте 5 Приложения 6.

говора информанток LTFж и LTPж с хутора Пихлакас от общекалливересского отмечаются только ими самими, но не информантами из Калливере (п. 4.3). Ср. также частотность оценок жителями района дер. Кейкино финского говора Федоровки как сравнительно близкого своему идиому (п. 4.3, Таблица 2).

«Народная» диалектология дает неоднозначные результаты и для информантов смешанного происхождения, как это было показано выше в разделах, касающихся долины р. Россони и кракольского ареала (пп. 4.4, 4.5). Все же подобные колебания возникают обычно лишь в том случае, когда идиолект такого информанта и с диалектологической точки зрения является «смешанным» кодом (см., например, TIBж из Краколья или JJVм из Ванакюли).

Кроме того, влияние на «народную» классификацию могут оказывать и представления информантов о «включенности» одной группы в другую. С диалектологической точки зрения, водский язык не может считаться диалектом ижорского, однако в сознании части местных жителей водь входит в состав ижоры (см. примеры (12)–(13) в п. 4.5).

Таким образом, «народная» классификация оказывается зависящей не только от реальных различий между местными говорами, но и от ряда других факторов — географической удаленности идиомов друг от друга, их престижности, конфессиональной принадлежности говорящих и т.д.

Тем не менее, как было показано выше, нижнелужские информанты различают отдельные локальные говоры, а также отдельные ПФЯ. Более того, они осознают многие конкретные лингвистические особенности локальных говоров — это касается не только стереотипов, которые, как правило, спонтанно формулируются информантами в ходе беседы, но и ответов на вопросы диалектологической анкеты. В некоторых случаях нам удавалось записать от информанта вполне достоверные лингвистические сведения не только о том идиоме, который он считает своим, но и об известном ему соседнем идиоме.

7. Использование «народной диалектологии» как критерия для отграничения заимствований от переключения кодов и интерференции

«Народная диалектология» представляет интерес *per se*, однако помимо этого она может использоваться как важный социолингвистический критерий для выделения случаев заимствований, переключения кодов и языковой интерференции в нижнелужском ареале. Длительные и интенсивные контакты между четырьмя близкородственными ПФЯ и русским языком привели к тому, что все эти явления крайне распространены на Нижней Луге. Одновременно разграничение между разными типами контактных явлений в данном ареале представляет из себя особенно сложную проблему в силу большого структурного сходства местных ПФЯ между собой.

Так, здесь часто оказывается невозможным применение структурных критериев. Например, такого, как наличие морфологической, морфонологической и фонологической адаптации «чужой» лексемы в случае заимствования, в отличие от отсутствия подобной адаптации при переключении кодов и интерференции [Poplack 1980]. Лексеме, заимствуемой, например, в водский язык из ижорского или финского, может не требоваться никакой адаптации. В частности, в XIX веке в говоре дер. Краколье существовала лексема *kahči* ‘береза’ [Adler, Leppik 1994: 30], но к настоящему времени она полностью вытеснена ижорско-финским *koivu* [Adler, Leppik 1994: 199; Tsvetkov 1995: 111], которое прекрасно вписывается в фонологическую систему водского языка и в адаптации не нуждается.

Помимо этого, возможна ситуация, когда морфологически адаптированное чужое слово существует параллельно со старым. Например, информантка TIBж из Краколья употребляет «ижорский» глагол *muistà* <помнить.INF>, причем спрягает его по правилам водского языка: *muissə-b* <помнить-3SG> ‘он помнит’, вместо ожидаемого ижорского варианта *muistà* <помнить.3SG>. Казалось бы, в данном случае мы можем говорить о заимствовании, однако в речи этой же самой носительницы встречается и «водский» глагол *mälehtà̀* <помнить.INF>.

Еще более показательный пример мы обнаруживаем для существительных. Так, в речи одного и того же информанта могут

встретиться все четыре возможные комбинации водского и ижорского корня с водским и ижорским падежным показателем. Ср. встречающиеся в публикации Х. Хейнсоо примеры вариантов словоформы <деревня-EL> ‘из деревни’ из речи водскоязычной информантки, родившейся и проживавшей в дер. Краколье:

(43) 1) *tšülä-s̄* водский+водский;
2) *tšülä-st* водский+ижорский;
3) *külä-s̄* ижорский+водский;
4) *külä-st* ижорский+ижорский
[Heinsoo 2003].

Для тех случаев, когда фонологически не адаптированное слово подвергалось морфологической адаптации, Ш. Поплак ввела понятие «окказионального заимствования (nonce borrowing)» [Poplack et al. 1988] и не рассматривала такие вставки в матричный язык как переключение кодов. При этом те случаи, когда имела место только фонологическая или синтаксическая адаптация, Поплак интерпретирует как переключение кодов. В примере (43), применяя критерии Поплак, мы должны признать существование двух фонетических вариантов одной и той же лексемы, принадлежащих одновременно и ижорскому, и водскому языкам (т.е. как *külä*, так и *čülä* оказываются одновременно и водскими, и ижорскими лексемами). Однако это явно противоречит представлениям информантов о разнице между ижорским и водским языками. В п. 5.2 упоминался существующий среди носителей ПФЯ стереотип, позволяющий отделить водский язык от ижорского на основании соответствия *k/č*.

Аналогичная проблема возникает, например, в случае применения критерия Поплак к водским, ижорским и финским топонимам и их соответствиям в русском языке. В наших материалах встречаются следующие случаи:

(44) 1) *Fo̅̄dermā-l* <Федоровка-AD> ‘в Федоровке’: ПФЯ-топоним + ПФЯ-суффикс;
2) *с Федоровки*: русский топоним в русском грамматическом оформлении;
3) *Федоровка-s* <Федоровка-IN> ‘в Федоровке’: русский топоним + ПФЯ-суффикс
[NSNж, Lu, Lu] (иж./рус.).

Если интерпретировать последний случай как заимствование, то тогда в местных ПФЯ все топонимы будут иметь по два, а в некоторых случаях и три варианта. Однако информанты четко разделяют топонимы на ПФЯ и на русском языке, ср. (45).

(45) ⟨...⟩ *täs̄* *Narusi-s̄ — a*, *Kuz'omkina-s̄*, *Kuz'omkina-s̄*.
здесь Куземкино-IN Куземкино-IN Куземкино-IN
Narusi-s̄, *«Narusi»* *on* *ižorka-n*
Куземкино-IN Куземкино быть.3SG ижорский-GEN
kiele-s̄, *suome-n* *kiele-s̄ä*, *«Kuz'omkina»* *on*
язык-IN финский-GEN язык-IN Куземкино быть.3SG
venäjä-n
русский-GEN
'Здесь в *Narusi* — а, в Куземкине, в Куземкине. В *Narusi*, *«Narusi»* — по-ижорски, по-фински, «Куземкино» — русское'
[ETFм, Km, Na] (иж., фин./рус.).

С другой стороны, в речи носителей ПФЯ Нижней Луги могут встречаться и такие морфологически не адаптированные русские словоформы, для которых в этих ПФЯ не существует точного эквивалента, ср. (46):

(46) ⟨...⟩ *Mokomain koirə* *piä-b* *poiz*
такой собака быть.нужным-3SG прочь
ликвидировать
'Такую собаку надо ликвидировать'
[AKEм, Lu, Lu] (вод./рус.).

Основываясь на всех этих данных, мы не можем использовать морфологическую интеграцию как решающий критерий для различения заимствований и переключения кодов.

Предлагались и другии критерии для выделения заимствований. Одним из таких критериев могла бы служить речь монолингвов: те элементы, которые встретились бы не только у билингвов, но и у монолингвов, следовало бы считать заимствованиями [Sridhar, Sridhar 1980]. В нашем случае этот критерий может иметь только крайне ограниченное применение, поскольку все информанты являются как минимум билингвами. Кроме того, для некоторых деревень (например Ванакюли, Куровиц, см. пп. 4.4, 4.6) характерен идиолектный континуум, т.е. каждый идио-

лект является уникальным сочетанием различных структурных параметров. Поэтому информация о речи других говорящих ничего не дает для выделения заимствований в идиолекте данного конкретного информанта.

К. Пфафф предлагает следующую процедуру для выделения заимствований. Если слово языка L2 встретилось в окружении слов языка L1, то необходимо проверить:

1) существует ли эквивалент в L1 для слова из L2;

2) если существует, то употребляется ли носителями языка;

3) известен ли данный эквивалент данному носителю L1;

4) относит ли сам носитель данное слово к L1

[Pfaff 1979: 297].

Фактически данная процедура является наполовину социолингвистической и учитывает «народную диалектологию». Проверка третьего и четвертого условий опирается на языковую интуицию носителя языка и может быть осуществлена посредством опроса по специальному вопроснику. Поскольку структурные критерии выделения заимствований часто не дают никакого результата в применении к ПФЯ Нижней Луги, основной становится опора на языковую интуицию носителей относительно принадлежности той или иной формы к «своему» языку. Как было показано выше, для нижнелужских информантов характерна высокая степень осознания отличий между близкородственными идиомами в своем ареале. Это и позволяет использовать их точку зрения в качестве критерия отграничения заимствований от переключения кодов и интерференции.

Применение подобного критерия, в частности, приводит к тому, что мы допускаем существование таких заимствований, которые характерны только для отдельных идиолектов. В ситуации идиолектного континуума такое положение дел представляется вполне естественным.

Что касается контактных явлений между нижнелужскими ПФЯ и русским языком, то здесь следствием опоры на точку зрения информантов является тот факт, что «русская» словоформа может считаться заимствованием в случае полной морфологической, фонетической и синтаксической интеграции, включая участие данного слова в чередованиях и передвижение ударения на первый слог. Как уже говорилось в п. 5.2, информанты обычно

довольно отчетливо разграничивают заимствования из русского языка в своем идиоме и их русские оригиналы, описывая разницу в произношении, как правило, через «ударение». Одновременно отсутствие какой-либо адаптации (как в примере (46)) на основании данного критерия следует считать признаком переключения кодов или интерференции даже в том случае, если в L1 есть «лексическая лакуна».

Литература

Адлер Э. 1966. Водский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 118–137.

Брайт У. 1975. Введение: параметры социолингвистики // Н. С. Чемоданов (ред.) Новое в лингвистике 7. Социолингвистика. М.: Прогресс С. 34–41.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. 1997. Диалектологический атлас карельского языка — Karjalan kielen murrekartasto. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura

Головко Е. В. 2001. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 298–316.

Каск А. Х. 1966. Эстонский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 35–60.

Конькова О. И. 2009. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН

Лаанест А. 1966. Ижорский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 102–117.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2007. Феномен куровицкого идиома // XXXVI Международная филологическая конференция. 12–17 марта 2007 г. Санкт-Петербург. Материалы. Вып. 9. Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 61–75.

Мусаев В. И. 2009. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. Санкт-Петербург: Нестор.

Муслимов М. З. 2003. Финско-водские языковые контакты в окрестностях дер. Котлы (Кингисеппский р-н Ленинградской области) // М. Е. Алексеев, А. Е. Кибрик, А. И. Кузнецова, Д. И. Эдельман, Т. Б. Агранат, В. Ю. Гусев (ред.). I Международный симпозиум по полевой

лингвистике. Тезисы докладов. Москва — 23–26 октября 2003 г. М.: Институт языкознания РАН. С. 106–107.

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Оценочно-статистическое бюро Санкт-Петербурга Санкт-Петербургского Губернского земства. Материалы к оценке земель Санкт-Петербургской губернии. Т.1. Ямбургский уезд. Вып. 2. 1904. СПб.

Хейнсоо Х. 1995. Водь и ее этнокультурное состояние // М. Йокипии (сост.). Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена. С. 168–182.

Чекмонас В. 1988. Функционирование языков и билингвизм. На материале рамашканских говоров // Lietuvių Kalbotiras klausimai XXVII. Lietuvių kalba ir bilingvizmas. Vilnius. L. 37–53.

Adler E., Leppik M. (toim.). 1990. Vadja keele sõnaraamat I (A–J). Tallinn: Keele ja kirjanduse instituut.

Adler E., Leppik M. (toim.). 1994. Vadja keele sõnaraamat II (K). Tallinn: Eesti keele instituut.

Ariste P. 1982. Vadja pajatusi. Tallinn: Valgus. (Emakeele Seltsi Toimetised 18).

Golovko E. V. 2003. Language contact and group identity: The role of ‘folk’ linguistic engineering // Y. Matras, P. Bakker (eds.). The mixed languages debate: Theoretical and empirical advances. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 177–208.

Heinsoo H. 2003. Votian 2 [Публикация записи 1992 г. от О. Шумиловой] // http://www.l.u-tokyo.ac.jp/~kmatsum/texts/finnic/Votian_2.html.

Hoenigswald H. M. A proposal for the study of folk-linguistics // Sociolinguistics. The Hague; Paris, 1966. P. 16–20.

Järvinen I.-R. 1990. Aili Laihon päiväkirja Viron Inkeristä kesällä 1937 // P. Laaksonen, S.-L. Mettomäki (toim.). Inkerin teillä. (Kalevalaseuran vuosikirja 69). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. S. 15–45.

Junus V. I. 1936. Ižoran keelen grammatika. Morfologia. Opettaijaa vart. Leningrad; Moskova: Ucpedgiz.

Kettunen L. 1915. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

Köppen P. von. 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg: K. Akademie der Wissenschaften.

Krjukov A. 2007. Jaaman Suokylän vaiheista // Inkeri 4 (65). S. 13.

Laiho L. 1940. Viron Inkeri kansanrunouden maana // Virittäjä 3. S. 218–236.

Mägiste J. 1923a. Eesti Ingeri // Odamees 1 (5). Lk. 8–9.

Mägiste J. 1923b. Viron Inkeri // Suomen Heimo 1.VII, 4. S. 98–102.

Nirvi R. E. (toim.). 1971. Inkeroismurteiden sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Öpik E. 1970. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Ethnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi Kubermangu kirjelduses / A. Viires (ed.). Tallinn: Valgus.

Pfaff C. W. 1979. Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish-English // Language 55, 2. P. 291–318.

Poplack S., Sankoff D., Miller C. 1988. The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // Linguistics 26, 1. P. 47–104.

Poplack S. 1980. «Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español»: Toward a typology of code-switching // Linguistics 18, 7/8. P. 581–618.

Porkka W. 1885. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn.

Posti L, Suhonen S. 1980. Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

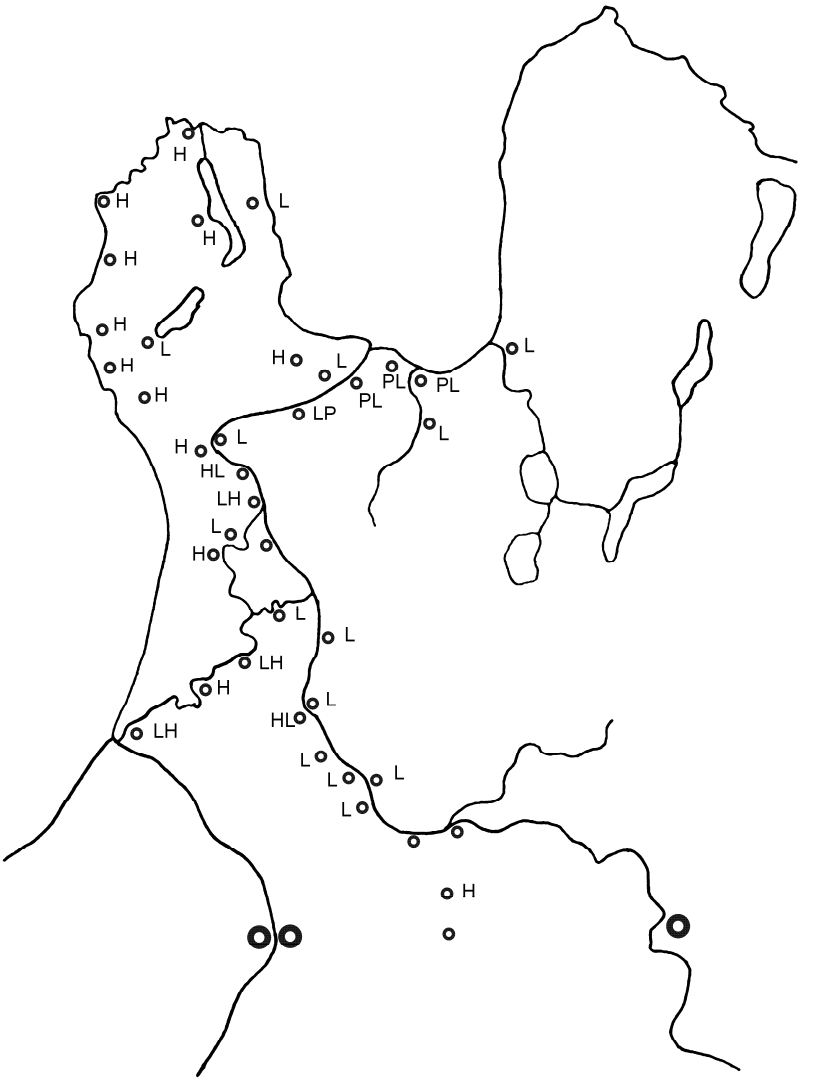
Sridhar S. H., Sridhar K. K. 1980. The syntax and psycholinguistics of bilingual code mixing // Canadian Journal of Psychology 34, 4. P. 400–406.

Suhonen S. 1985. Wotisch oder Ingrisch? // W. Veenker (ed.). Dialectologia Uralica. Materialen des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.-7. September 1984 in Hamburg. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 20). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 139–148.

Tsvetkov D. 1925. Vadjalased // Eesti keel 4, 1–2. Lk. 39–44.

Tsvetkov D. 1995. Vatjan kielen joenperän murteen sanasto / J. Laakso (toim.). (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 25; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 79). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.

Карта 1. Глаголы речи в прибалтийско-финских идиомах нижнелужского ареала



Примечания. H — *hāstà ~ hāsta;* L — *lātä ~ lāt(ə);* P — *pajattà ~ pajatta.*

Д. В. Сидоркевич

ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ В СИБИРИ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МНОГОЭТНИЧНОМ ОКРУЖЕНИИ[1]

1. Введение

Начиная со второй половины XIX в., на территории Западной и Восточной Сибири появилось достаточно большое количество поселений, жители которых были выходцами из западных пределов Российской Империи, таких как Прибалтика (Эстляндия и Лифляндия), Ингерманландия и Финляндия. В результате процессов как принудительной, так и добровольной миграции к востоку от Урала возникли так называемые прибалтийские колонии: деревни и хутора эстонцев, латышей и финнов. Вплоть до событий 1920-х гг. уклад жизни здесь сохранял свою культурную специфику, не в последнюю очередь благодаря конфессиональной принадлежности переселенцев, подавляющее большинство которых исповедовало лютеранство. По этой же причине смешанные браки между прибалтийскими колонистами и русскоязычными были крайне редким явлением. Жители прибалтийских колоний имели более тесные связи со своей исторической родиной, нежели с русским окружением.

Доля финского населения в числе прибалтийских переселенцев была относительно невелика. Например, число эстонцев в Сибирском крае по данным переписи 1926 г. составляло 29890

[1] Исследование было проведено благодаря финансовой поддержке факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и гранта РГНФ (проект 08-04-00152а «Диалектный атлас Ингерманландии»), а также личной поддержке М. З. Муслимова, которому принадлежит идея изучения этой группы. Выражаю огромную благодарность М. З. Муслимову и Н. В. Кузнецовой за ценные замечания по данной статье, С. С. Сярг, выступавшей в качестве информанта-эксперта, Ю. Саари, И. Д. Креосу и прихожанам Омского евангелическо-лютеранского прихода Церкви Ингрии за сотрудничество и помощь в сборе материала, и, наконец, жителям Рыжкова, Оглухино, Крутинки, Орловки, Ивановки, Ковалева, Озерного и Михайловки, терпеливо отвечавшим на мои вопросы.

человек, в то время как финнов (в том числе «ленинградских финнов», т.е. финнов-ингерманландцев[2]) насчитывалось всего 1638 человек. Это число на протяжении XX в. неоднократно то сокращалось, то увеличивалось. Увеличение происходило в первую очередь за счет появления в Сибири групп депортированных финнов-ингерманландцев. Сокращение численности сибирских финнов можно объяснить ассимиляционными процессами и формальной сменой национальности в документах (подробнее см. ниже).

Сама по себе группа сибирских финнов изначально была неоднородной. Частично сибирские финны были выходцами из Великого княжества Финляндского, высланными на поселение в Сибирь за уголовные правонарушения. Вторую большую общность финнов в Сибири составляли ингерманландские финны.

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты этнической идентичности компактной группы ингерманландских финнов, до сих пор проживающих в старейшем прибалтийском поселении на территории Западной Сибири — с. Рыжково. Бóльшая часть представителей этой группы в советский период была записана эстонцами, но продолжала использовать один из диалектов финского языка в качестве языка внутригруппового общения.

2. История изучения группы

Сибирским финнам как диаспоральному сообществу было уделено сравнительно мало внимания в антропологической и лингвистической литературе. Малочисленность группы и ее относительно плохая сохранность (по сравнению с сообществами сибирских латышей и эстонцев) отчасти объясняют это положение. Из почти полутора десятков автономных финских поселений на территории Сибири к началу XXI в. не сохранилось ни одного. Кроме того, в наши дни «сибирскими финнами» чаще называют финнов-ингерманландцев, оставшихся жить за Уралом после депортаций конца 1930-х — начала 1940-х гг. Тем не менее, история возникновения финских поселений в Сибири восходит к началу

[2] Подробнее о группе финнов-ингерманландцев см., например, [Шлыгина 1998, 2004; Суни 1998, 2003].

XIX в. и получила достаточно подробное освещение в трудах отдельных исследователей.

Одной из первых работ на эту тему была небольшая статья М. А. Кастрена [Castrén 1870] о финских ссыльных в Сибири, в которой в том числе упоминались и финны-ингерманландцы[3]. Следующей публикацией стала книга воспоминаний лютеранского пастора Иоганна Гранё [Granö J. 1893]. Она содержит подробные сведения о жизни финнов в сибирских поселениях, где Гранё проработал несколько лет в конце XIX в. Историографическое описание сибирских финских поселений продолжили сыновья пастора Иоганнес Габриэль Гранё и Пааво Гранё [Granö J. G. 1905; Granö P. 1914, 1926]. В 1946 г. была опубликована статья В. Салминена [Salminen 1946], посвященная анализу свадебного фольклора сибирских финнов, отдельные образцы которого были опубликованы в [Granö J. 1893].

Вплоть до 1960-х гг. других публикаций о сибирских финнах, насколько мне известно, не существовало. Более поздние работы, в которых так или иначе упоминаются финны Сибири, можно разделить на три группы, в первую очередь — по характеру задействованных источников. К первой группе относятся труды финских исследователей, основывающиеся на дореволюционных документах, касающихся высылки лютеран в Сибирь, и материалах церковных архивов. Прежде всего, это статья и книга финского

[3] Самые первые упоминания о финских поселениях в Сибири — это публикации 40-х гг. XIX в. в финляндской прессе. В 1844 г. в еженедельной финской газете «Maamiehen Ystävä» выходит достаточно подробная статья, посвященная жизни финнов Рыжкова [Suomalainen seurakunta 1844]. В ней говорится, что кроме финских племен в северо-восточной части России, которые изучал магистр Кастрен, в Сибири есть лютеранский финский приход в дер. Рыжково между Тобольском и Омском. В 1846 г. в «Maamiehen Ystävä» выходит еще одна заметка, посвященная рыжковским финнам, и на этот раз в ней сообщается о пожаре, произошедшем в селе 25 апреля 1846 г. [Maamiehen ystävä 1846]. Сведения о сибирских финнах также содержатся в книге воспоминаний Х. Вреде, который в 1880-х гг. работал среди финских ссыльных в Сибири [Wrede 1923] и в словаре [Siperian suomalaiset 1928]. Первыми русскоязычными публикациями, описывавшими жизнь переселенцев в сибирских лютеранских колониях, были такие работы как [Гаупт 1864; Ядринцев 1878].

историка Альпо Юнтунена [Juntunen 1982, 1983], а также диссертация Юхи Саари[4], посвященная истории финских лютеранских приходов за Уралом [Saari 1994]. Кроме того, в 2005 году вышла книга М. Энгмана о финнах в России, в которой содержатся достаточно подробные сведения о судьбе финских ссыльных в Сибири и говорится несколько слов о современной ситуации в бывших финских поселениях на территории Омской области и Красноярского края [Engman 2005].

Вторую группу представляют публикации эстонских исследователей об эстонцах Сибири, упоминающие также и о сибирских финнах[5]. Основным источником информации для эстонцев служили полевые материалы, т.е., прежде всего, результаты интервьюирования современных жителей прибалтийских поселений в Сибири. В 1970-е гг. о сибирских эстонцах пишет эстонский историк Виктор Маамяги [Маамяги 1990]. В его книгах содержатся сведения о возникновении наиболее старых сибирских лютеранских поселений, где эстонцы проживали совместно с финнами. В 1980-е гг. лингвист Юрий Вийкберг провел масштабное диалектологическое исследование эстонских деревень в Сибири, в ходе которого он встретился в том числе и с носителями сибирских говоров финского языка [Вийкберг 1989, Viikberg 2002]. Отдельная статья Юрия Вийкберга посвящена советской языковой политике в отношении сибирских финнов [Viikberg 1998]. В последнее десятилетие XX — первое десятилетие XXI веков выходит несколько эстонских публикаций, упоминающих о современных финнах Сибири. В первую очередь это статьи, а также диссертация и основанная на ней монография эстонского этнолога Айвара Юргенсона [Jürgenson 1998, 2002, 2004, 2006], посвященные в основном этнической идентичности сибирских эстонцев, а также книги и статьи эстонского фольклориста Ану Корб [Korb 1998, 2003, 2007].

Третья группа представлена работами советских и российских исследователей. Ни одна из них не посвящена непосредственно сибирским финнам, но сибирские финские поселения

[4] В конце 1990-х — начале 2000-х гг. Юха Саари работал в сибирских лютеранских поселениях в должности пастора Омского евангелическо-лютеранского прихода. В настоящее время он является пробстом Сибирского филиала Церкви Ингрии.

[5] Подробнее об этих исследованиях см. [Лоткин 2005b].

упоминаются в работах, касающихся истории лютеранства в России [Лиценбергер 2004], истории прибалтийских колоний в Сибири ([Колесников 1966; Колоткин 1994; Майничева 2001; Лоткин 2003; Коровушкин 2008] и др.) и истории российских финнов [Бирин, Такала 1994; Такала 1998].

В 1968–1969 гг. состоялась единственная экспедиция, основной целью которой было изучение языка сибирских финнов. Поездку по финским поселениям Омской области совершила сотрудница Петрозаводского государственного университета Виено Злобина. В ее публикациях содержатся довольно противоречивые сведения об истории поселений, вплоть до предположений о том, что одна из упоминаемых деревень была основана в XVII в. карелами, мигрировавшими за Урал [Zlobina 1972; Злобина 1971]. Финский языковед Р. Э. Нирви, ознакомившись с языковым материалом, привезенным из сибирских деревень, опубликовал статью о языке и происхождении сибирских ингерманландцев [Nirvi 1972]. В ней он указал на ошибочность предположений В. Злобиной и дал более точную диалектологическую характеристику рассматриваемому в ее работах финскому идиому.

Каждая из исследовательских традиций способствует формированию представлений определенного типа о группе сибирских финнов. В конечном итоге создается впечатление, что речь идет о разных исторических событиях и разных сообществах. Например, в работах российских исследователей финны Сибири рассматриваются как исчезнувшая этническая общность. Однако в нескольких поселениях на территории Омской области до сих пор проживают люди, именующие себя финнами и использующие финский язык в качестве языка домашнего общения.

В эстонских публикациях на передний план выходит мотив культурной и языковой ассимиляции сибирских финнов. По утверждениям эстонских исследователей, к настоящему времени финны в Сибири повсеместно перешли на эстонский язык и практически бесследно слились с группой сибирских эстонцев.

Ярким примером работ, где идет речь о подобной ассимиляции, являются публикации Ану Корб. Одна из ее работ посвящена изучению механизмов сохранения культурной традиции в с. Рыжково [Korb 2007]. Прибалтийско-финская часть жителей Рыжкова (противопоставленная латышам и русским) определяется

А. Корб как группа *virulased*[6] *(вирусцев)*, включающая эстонцев и ассимилированных финнов. Исследовательница отмечает большую идиолектную вариативность, свойственную языку *вирусцев* Рыжкова, однако приходит к выводу, что эстонский и финский языки здесь «переплелись настолько плотно, что можно говорить не о раздельном существовании в Рыжкове этих двух идиомов, а о так называемом общем языке *virulased*»[7] [Korb 2003: 42]. *Virulased* Рыжкова в конечном итоге определяются ею как «монолитное этническое образование» [там же: 40], однако подобная формулировка, на мой взгляд, не вполне соответствует действительности.

Отдельного рассмотрения заслуживает трактовка этнической принадлежности сибирских финнов в публикациях В. Злобиной [Злобина 1971; Zlobina 1972]. Финнов, имеющих ингерманландское происхождение, она определяет как самостоятельную народность под названием *корлаки*. Исходя из этого, В. Злобина называет их финский говор *корлакским языком*. После выхода ее статей термин *корлаки* был принят на вооружение и некоторыми другими исследователями, см., например [Вийкберг 1989; Korb 1998, 2003, 2007; Лоткин 2002][8] Это привело к возникновению ряда недоразумений.

Отправной точкой для моего собственного исследования послужила проблема бытования термина *корлаки* в сибирских эстонских поселениях, а также стремление выяснить, каким образом «смешанный эстонско-финский код», упоминаемый А. Корб, соотносится с *корлакским языком* из публикаций В. Злобиной. Статус рассматриваемой группы с точки зрения антропологии этничности действительно оказался неоднозначным. Аналогич-

[6] Здесь и далее словоформы на прибалтийско-финских языках, цитируемые по источникам, записаны в оригинальной орфографии источников. В прочих случаях словоформы на эстонском языке записаны в стандартной эстонской орфографии, а словоформы сибирского ингерманландского идиома — в упрощенной фонетической транскрипции (см. Приложение 7).

[7] Здесь и далее перевод мой — *Д.С.*

[8] Кроме того, *корлаки* упоминаются в «Красной книге народов Российской Империи», где они определены как «небольшое количество карел, которое, по сообщениям, проживает в Сибири» [Vaba 2001].

ным образом амбивалентным оказался и лингвистический статус используемого группой идиома. Однако на сегодняшний момент в Омской области нет людей считающих себя *корлаками*. Есть люди ингерманландского происхождения, говорящие на финском диалекте, которых их окружение в отдельных случаях называет *корлаками*. По этой причине представляется, что в дальнейшем следует избегать использования термина *корлаки* в научном контексте.

3. История финских поселений в Сибири до XX века[9]

История финских поселений в Сибири начинается в 1804 г., когда в 220 км к северо-западу от Омска была основана дер. Чухонская, позже получившая название колонии Рыжковой (современное с. Рыжково). Основателями ее были крепостные крестьяне, высланные из Итовской волости Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии за неповиновение помещику, барону Унгерн-Штернбергу[10]. В волнениях, начавшихся осенью 1802 г., принимали

[9] Районы расселения ингерманландцев в Западной Сибири см. также на Карте 3 Приложения 6.

[10] Из послания императора Александра I Петербургскому гражданскому губернатору С. Кушникову от 3 октября 1803 г.: «Министр внутренних дел представил мне ваше последнее донесение о неповиновении крестьян Ямбургского уезда, принадлежащих барону Унгерн Штернбергу. В страх другим и наказание ослушников повелеваю вам, избрав из деревень сих несколько семейств, коих наиболее оказали неповиновение или были тому начальным поводом, сослать в Сибирь на поселение ⟨...⟩» (цит. по [Колесников 1966]).

Существуют, однако, и другие версии развития событий. Например, согласно [Список 1927], Рыжково было основано в 1799 г., однако источник этих сведений неизвестен. И. В. Лоткин в своей книге [Лоткин 2003: 31] ссылается на латышское издание «Latviešu konversācijas vardnīca», где говорится, что Рыжково было основано в 1802 г. участниками крестьянских восстаний в Видземе, и только через два года в уже существующее поселение попали финские ссыльные. Эта версия, однако, противоречит некоторым архивным данным. Рыжково в документах XIX в. характеризуется как село, основанное чухонцами на «пустопорожнем месте» [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, л. 35]. По мнению И. В. Лоткина, напротив, латышская версия происхождения села кажется более обоснованной, т.к., по его мнению, название деревни происходит

участие жители нескольких деревень. В поименном списке подлежащих высылке бунтовщиков и их семей[11] (см. Приложение 2) перечислены жители ижорско-финских поселений в нижнем течении р. Луги[12], таких как дер. Илькино[13], Малая Арсия[14], Большая Арсия[15], Волково[16], Мертвица[17], Федоровка[18] и Варива[19]. Общая численность высланных крестьян составила 150 человек, однако в Камышинской волости Тобольской губернии было водворено 149 поселенцев[20]. С достоверностью установить их языковую и этническую принадлежность невозможно, так как в сохранившейся подборке документов[21], этот вопрос не затрагивается[22].

В документах Омского областного архива (дела «О священниках католического и лютеранского закона»[23] и «Об устройстве

от слова «Рига», а проживающие в Рыжкове латыши считают, что село было основано именно их предками. В любом случае следует признать, что латыши появляются в селе довольно рано, по крайней мере, в 1810-е гг., т.е. раньше эстонцев и ссыльных из Финляндии.

[11] РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 115, л. 32-39.

[12] Названия деревень и их этнический состав приведены ниже по изданию [Списки 1864]. См. также п. 4 Таблицы 1 Приложения 4 и Карты 4–5 Приложения 6.

[13] Др. название — Ванакюля; преимущественно ижорская (выслано было 4 семьи).

[14] Др. названия — Ууси Арсиа, Вяйке Арсиа; преимущественно финская (7 семей).

[15] Др. название — Арсиансаари; преимущественно финская (8 семей).

[16] Преимущественно ижорская (1 семья).

[17] Др. названия — Куллакюля, Кулла; преимущественно финская (1 семья).

[18] Преимущественно финская (2 семьи).

[19] Др. название — Варево; судя по именам и фамилиям высланных крестьян, в XIX в. преимущественно финская (3 семьи).

[20] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 73, л. 32об.

[21] РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 115.

[22] В упоминавшемся поименном списке [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 115, л. 32-39] содержатся только русские (или русифицированные) имена переселенцев, а вместо фамилий используется отчество главы семейства. Список фамилий см. в Приложении 2.

[23] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 251а.

колонии ссыльных лютеран в Сибири»[24]) рассмотрение получает только конфессиональная принадлежность прибывших на поселение крестьян. В рапорте тобольского вице-губернатора сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю от 5 марта 1808 г. говорится: «В Ишимском округе Камышинской волости водворено 26 семей ⟨...⟩ присланы в 1804 г. из Ямбургского уезда, лютеранского вероисповедания»[25]. В записке о количестве жителей в дер. Чухонской от 1816 г. есть другие сведения о конфессиональной принадлежности основателей Рыжкова: «В дер. Чухонской из бывших крестьян барона Унгерга проживает католического исповедания 99 мужчин и 103 женщины, и другого исповедания мужчин 20, женщин 12, т.е. всего 234 человека»[26]. Вероятнее всего, католиками в этом документе ошибочно названы ингерманландские финны, в то время как 32 человека «другого исповедания» могли быть православными ижорцами (при этом и те, и другие именуются «чухонцами»)[27]. Принимая во внимание тот факт, что в более поздних документах переселенцы характеризуются по конфессиональной принадлежности как лютеране, можно предположить, что среди ссыльных крестьян все же преобладали ингерманландские финны. Небольшая часть православных ижорцев, входящих в группу высланных крестьян, вероятно, вскоре примкнула к большинству в конфессиональном отношении[28].

---

[24] ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936.

[25] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 73, л. 32.

[26] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 251а, л. 15.

[27] Позже, когда вопрос об основателях Рыжкова поднимается еще раз, в деле «Об устройстве колонии ссыльных лютеран» сообщается (рапорт пастора Ф. В. Мейера от 22 октября 1858 г.): «Колония Рыжкова была основана в 1805 г. помещичьими финскими крестьянами, которые с соизволения Александра I добровольно переселились в Сибирь из-за несогласий с помещиками. Все они были одного вероисповедания, одного происхождения и в родстве между собою ⟨...⟩» [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936].

[28] Существует возможность того, что этот переход произошел и раньше, еще в Ингерманландии. Попытки обращения ижоры и води в лютеранство предпринимались с конца XVII в. Благодаря деятельности епископа Ю. Гезелиуса-младшего, в ряде западных приходов Ингерманландии часть водского и ижорского населения приняла лютеранство [Шлыгина 1998, 2003; Саватеев 2007]. Этот процесс приводил к неизбежному сдвигу в этническом самосознании группы. Во-первых, в данном

История финнов в Сибири тесно связана с деятельностью евангелическо-лютеранской церкви Финляндии [Курило 2002]. Практически сразу после основания дер. Чухонской ее жители направляют Тобольскому генерал-губернатору прошение о том, чтобы получить своего лютеранского священника с обязательным знанием финского языка[29]. В 1807 г. в деревне появляется молитвенный дом, построенный на деньги одного из жителей, а в 1816 г. государство выделяет средства на постройку деревянной церкви. Однако прошение о духовном призрении долгое время остается без ответа, т.к. не находится подходящей кандидатуры на должность пастора. В 1818 г. в Рыжково прибыл Р. Й. Вальтер, ставший первым пастором рыжковских колонистов. В рапорте от 30 июня 1818 г. он сообщает, что в Ишимском округе в чухонской деревне Рычкове [sic!] при его участии крестились 12 лиц мужского пола, 17 лиц женского пола, венчались 9 пар, причастились — 90 человек обоего пола, а 8 «отправились в дальний путь [т.е. были похоронены — *Д.С.*]»[30]. И. Г. Гранё пишет, что Р. Й. Вальтер был, вероятнее всего, римско-католическим священником, по ошибке посланным в лютеранскую колонию [Granö J. G. 1905]. По всей видимости, он не знал финского языка. Несмотря на это, появление в селе лютеранского прихода стало предпосылкой для того, чтобы в Рыжково направлялись и другие лютеране, попадавшие

регионе конфессиональная принадлежность прочно асссоциировалась с этнической, а термин «лютеранин» был во многом синонимичен термину «финн». Во-вторых, переход в лютеранство делал группу восприимчивой к культурному влиянию со стороны финских проповедников, а также задавал контекст для регулярных контактов с финским языком (во время богослужения и при общении между прихожанами). Таким образом, в числе первых переселенцев в Сибирь могли попасть как собственно ингерманландские финны, так и семьи «финнизированных» ижор. В. Салминен, основываясь на анализе фольклорных текстов, записанных среди рыжковских финнов, также приходит к выводу, что по происхождению основатели села скорее всего являются ижорами, принявшими лютеранство [Salminen 1945–1946].

[29] ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 73, л. 32об, 74.

[30] «Сведения о количестве жителей мужского и женского пола, проживающих в деревне Чухонской Камышинской волости Ишимского уезда» [ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 251а, л. 15].

в Западную Сибирь, например, латыши[31]. С 1820 г. сюда начали прибывать эстонские переселенцы [Korb 1998], а после 1826 г. — финны из Финляндии[32].

Через два года после смерти Р. Й. Вальтера, проработавшего в поселении 19 лет, должность пастора занимает финн П. Пундани из г. Савонлинна. С этого момента устанавливается прочная культурная связь Рыжкова с Великим княжеством Финляндским, т.к. вопросы, касающиеся религии и обучения детей, берет на себя евангелическо-лютеранская церковь. В своих письмах на родину пастор П. Пундани отмечает, что основными проблемами поселения в момент его приезда были пьянство и недопонимание между представителями разных национальностей[33]. По его словам, финское население Рыжкова не слышало проповеди на родном языке в течение почти 40 лет, а большая часть молодежи в поселении неграмотна. Для решения проблемы пастор П. Пундани организовывает катехизаторскую школу и приступает к обучению детей [Saari 1994]. Детям финнов и эстонцев он преподает на финском, а латышских детей обучает отдельно[34]. Из Финляндии в Рыжково поступает духовная литература.

---

[31] Просьба о том, чтобы все ссыльные лютеране были собраны в одном месте для облегчения духовно-просветительской деятельности священнослужителей, была выдвинута в начале 20-х гг. XIX в. служителями евангелическо-лютеранской церкви [Лоткин 2003: 32].

[32] По законодательству Великого княжества Финляндского с 1826 г. ссылкой в Сибирь заменяют смертный приговор для преступников-мужчин, а с 1847 г. подобная мера наказания вводится и для осужденных на смерть женщин. Высылкой в Сибирь с 1847 г. также заменяется приговор к тюремному заключению за бродяжничество. Общее число финских ссыльных, направленных на поселение с 1826 по 1888 г., составило, по подсчетам А. Юнтунена, 2422 чел. [Juntunen 1983: 87–94; Такала 1998: 102–103].

[33] «⟨...⟩ Люди прибежали от своих полей нас приветствовать и ⟨...⟩ благодарили власти, которые отправили им священника, говорившего на их языке. ⟨...⟩ Первые дни я должен был помирить их друг с другом. ⟨...⟩ С тех пор, как я здесь живу, водку открыто уже не продают. Люди работают серьезнее и пиры по воскресеньям прекратились» [Suomalainen seurakunta 1844] (перевод неизвестного автора, из личного архива Ю. Саари).

[34] К сожалению, в данном случае неизвестно, на каком языке происходил процесс обучения.

С середины 1840-х гг. село становится колонией для поселения всех ссыльных лютеран, направленных в Западную Сибирь (в соответствии с указом Николая I от 2 октября 1845 г.[35]). Благодаря появлению новых поселенцев из Прибалтики и Финляндии население Рыжковской колонии быстро растет. Финские пасторы и учителя, работавшие в колонии после 1845 г., считают многонациональность поселения основной проблемой, которая мешает продуктивному общению с паствой и приводит к конфликтам. И. Г. Гранё в 1905 г. не без сожаления отмечает, что «качество» новых жителей также было не лучшим:

> Это население, собранное из отбросов разных национальностей, принесло с собой в Рыжково много несчастья и бед. Хотя часть переселенцев подалась в другие места, число прибывших было столь велико, что луга и земли не могли их прокормить. ⟨...⟩ Смешение языков равным образом не служило поддержанию порядка [Гранё 1993: 190-191].

Динамику роста численности жителей Рыжкова наглядно иллюстрирует А. Юнтунен: в 1848 г. — 700 человек, в 1859 г. — 1653 человек [Juntunen 1982: 357], при ежегодном приросте, подсчитанном И. В. Лоткиным, примерно в 50–60 человек [Лоткин 2003: 32]. Рыжково оказывается непригодным для проживания такого количества людей по своему расположению и площади земельных угодий.

В окрестностях колонии появляются дочерние поселения, такие как деревни Казулино, Ильинка, Макарьево и Матарово (Моторово). А. Юнтунен полагает, что последние две появились еще в 1830-е гг., в то время как И. В. Лоткин говорит о Казулине и Макарьеве как о деревнях, возникших к 1859 г. [Лоткин 2003: 33]. В [Список 1927] даты основания этих деревень не указаны. Сказать что-либо определенное об этнической принадлежности их жителей в XIX в. также нельзя, но, по данным переписи 1926 г., в них уже преобладали русские[36]. Кроме того, из-за перенасе-

[35] Указ 19363 из Полного собрания законов Российской Империи. Соб. 2. Т. 20. С. 55–56 (цит. по [Juntunen 1983]).

[36] Мои информанты говорили о Казулине как об «эстонской деревне», где жили родственники некоторых жителей Рыжкова. Деревня существует по сей день, но, к сожалению, пока мне не удалось там

ленности Рыжкова ссыльных финнов до 1857 г. перенаправляли в русскую деревню Чистая в Колмаковской волости Тюкалинского уезда [Лиценбергер 2004].

Еще одним событием, стимулировавшим расселение жителей Рыжкова по обширной территории за пределами колонии, стал пожар в апреле 1846 г., когда бóльшая часть домов в селе сгорела. За последующие два года население Рыжкова уменьшается на 200 чел. (если в 1846 г. в Рыжкове проживало 900 чел. [Колесников 1966], то в 1848 г. — 700 чел.). Р. И. Такала в своей статье [Такала 1998] указывает, что в ходе этого переселения старую колонию покинули в основном ингерманландцы[37]. В 1847–1848 гг. 20 ингерманландских семей, чьи хозяйства пострадали от огня, отправились на северо-восток, в Тарский уезд Тобольской губернии. Здесь, на р. Буген, они основали одноименное поселение (Бугене), позже получившее название Фины[38] (современный Знаменский район Омской области) [Granö J. G. 1905: 23; Juntunen 1982: 356]. Помимо 20 ингерманландских семей, основавших Бугене, население новой деревни пополнялось за счет эстонцев и немногочисленных финнов, высланных из Финляндии. Вокруг деревни возникали заимки[39], со временем становившиеся автономными поселениями.

побывать (правда, по мнению некоторых информантов, эстонцев и финнов там уже не осталось).

[37] Данные И. Г. Гранё также это подтверждают [Granö J. G. 1905], но примерно треть ингерманландцев в Рыжкове все же осталась (судя по статистическим данным, относящимся к 1880-м гг.).

[38] Другие варианты названия — дер. Чухонская (как и Рыжково), *Pudene, Suomen külä* или *Sūr külä* (см. также Таблицу 6 Приложения 4).

[39] Современные жители Рыжкова говорят о заимках как об одной из традиционных черт финских хозяйств в Сибири. Владелец заимки не приобретал землю, а брал ее в пользование по праву первого, пришедшего на пустующее место. Иногда заимки располагались достаточно далеко от основного поселения. Здесь семья, владеющая заимкой, проводила часть года (как правило, жить на заимку уезжали по весне, а возвращались с наступлением холодов). С течением времени в дом на заимке могли переселиться дети хозяев, успевшие обзавестись собственной семьей. По всей видимости, превращение заимок в автономные поселения было общим механизмом для возникновения новых финских деревень в Сибири.

К концу XIX в. в окрестностях Бугене было 3 новых деревни: Ориково, основанное ингерманландцами Михаилом Андреевым и Юрием Ориковым в 1870 г., заимка Матвеевка *(Välikülä)*, основанная ингерманландцем Матвеем Андреевым в 1872 г., и Ларионова (дер. Ларионовка, *Unkurin Külä*), основанная ссыльным Матти Ункури в 1898 г. В 1902 г., по данным, которые приводит И. Г. Гранё, этнический состав населения Бугене и примыкающих к ней деревень был следующим: в Бугене проживало 218 финнов, 25 эстонцев, 3 русских; в Ларионовке — 54 финна, 6 эстонцев, 6 русских; в Матвеевке — 46 финнов, 11 эстонцев, 11 русских; в Орикове — 32 финна, 80 эстонцев и неустановленное число русских, по всей видимости, довольно большое (в деревне насчитывалось 55 русских хозяйств) [Granö J. G. 1905: 30-32]. В 1906 г. неподалеку от дер. Бугене возникает еще одно финское поселение — дер. Федькино [Saari 1994], более подробные сведения о котором, к сожалению, отсутствуют. В [Список 1927] упоминается также финская деревня Морозкина, возникшая в 1856 г.[40] По результатам переписи 1926 г., в ней преобладали финны. Если верить этому источнику, Морозкина относится к числу старых финских поселений, но в книге И. Г. Гранё она не упоминается. Последняя финская деревня в Тарском уезде, о которой следует сказать несколько слов — дер. Пиетари (Ленинградка). В [Список 1927] она характеризуется как поселение, основанное в 1906 г. По переписи 1926 г., в ней преобладали ижоры, но исследователи упоминают ее в числе финских поселений [Бирин, Такала 1994][41]. Р. И. Такала, в частности, отмечает, что в Пиетари и Бугене традиционный уклад жизни финнов-ингерманландцев сохранялся дольше всего. Мне пока не удалось до конца установить, каково

[40] Даты основания деревень, приведенные в этом источнике, расходятся с данными И. Г. Гранё. Например, упомянутая дер. Ориково значится в [Список 1927] как поселение, основанное в 1850 г., а дер. Фины — в 1831 г.

[41] История переименований этой деревни примечательна: до 1914 г. она значилась на картах как Пиетари, после чего была переименована в Петроградку, а в 1924 г. стала Ленинградкой. Под этим названием она просуществовала как минимум до конца 1960-х гг., однако на современных картах отсутствует.

было пропорциональное соотношение финнов и ижор в деревне Пиетари, а также прояснить обстоятельства ее основания. Современные жители Тарского района, происходящие из перечисленных выше финских деревень, с термином «ижора» не знакомы, но им известен термин *karjalaiset* ‘карелы’[42]. По словам некоторых из них, в этой деревне тоже жили финны, связанные родственными отношениями с выходцами из Бугене. В то же время опрошенные в экспедиции 2011 г. жители самой дер. Пиетари утверждают, что вплоть до 1970-х гг. в деревне проживало 6–7 ижорских семей, выехавших в первом десятилетии XX в. из дер. Вистино[43], а также несколько семей эстонцев и русских. Ижорский язык, по их словам, в Пиетари вышел из употребления еще в довоенный период, т.к. старшее поколение переселенцев было ориентировано на скорейший переход на русский язык и слияние с окружающим русским населением.

Тарский уезд был не единственным местом, куда в середине XIX в. переселялись жители Рыжкова. В 1849 г. еще одна группа рыжковских ингерманландцев отделилась от основного поселения и основала в Пановской волости деревню Боярка, к западу от Рыжкова (современный Викуловский район Тюменской области) [Granö J. G. 1905]. В 1880 г. возле Боярки также возникла заимка, позже превратившаяся в отдельную деревню (дер. Заимка). Оба поселения были небольшими по размеру. К 1902 г. в них проживали не только ингерманландцы, но и несколько финнов, высланных из Финляндии, а также небольшое количество эстонцев и латышей. И. Г. Гранё приводит следующие данные об этническом составе их населения: в Боярке было 4 финских хозяйства, 6 эстонских,

[42] *Karjalaiset* — это также одно из устаревших самоназваний ижор, но в представлениях моих информантов этноним *karjalaiset* соотносится только с Карелией, в то время как о существовании ижор им в принципе неизвестно (см. также 6.2.4). По утверждению Ю. Саари, в Тарском уезде на рубеже XIX–XX вв. действительно проживала группа переселенцев из Карелии, но подтверждающих эту версию данных мне пока найти не удалось.

[43] Деревня на Сойкинском полуострове, в современном Кингисеппском районе Ленинградской области; см. Таблицу 2 Приложения 4 и Карту 6 Приложения 6.

1 латышское и 3 русских; в заимке — 8 финских хозяйств, 1 эстонское и 4 русских[44].

Переселенцы, обосновавшиеся в Тарском уезде и Пановской волости, на некоторое время лишились духовного попечения со стороны финской евангелическо-лютеранской церкви. В конце 1840-х — начале 1850-х гг. лютеранский приход в Рыжкове также переживал кризис. В 1847 г. П. Пундани был переведен в другой приход, и в течение пяти лет после его ухода евангелическо-лютеранская консистория не могла найти достойного кандидата на должность пастора. В 1852 г. этот пост занял выпускник Тартуского университета Ф. В. Мейер. Рыжково поразило его падением нравов, которое, по мнению пастора, было вызвано смешением языков, нелегальной продажей спиртного и присутствием в селе людей, сосланных в Сибирь за уголовные преступления[45]. Незадолго до своего ухода в 1859 г. пастор Ф. В. Мейер ходатайствует о выделении в Западной Сибири нового места для поселения ссыльных лютеран. Барон Е. О. Мейендорф помогает ему в этом деле. В записке, касающейся прошения Ф. В. Мейера об основании колонии, сообщается следующее:

> Без сомнения часть коренных поселенцев останется в Рыжково. ⟨...⟩ Финны и эсты одного племени, и вскоре изучают язык друг друга, несколько понимая его и без изучения. А из числа немногих ссыльных шведов едва ли найдется хоть один, который не понимал бы по-фински. ⟨...⟩ Пусть в существующей колонии остаются только финны, эсты и шведы. Латышам трудно ужиться в Рыжково с эстами и финнами[46].

Пастор Э. Йоханссен, пришедший в Рыжково на смену Ф. В. Мейеру, продолжает переписку с тобольским генерал-

[44] До наших дней ни одна из упомянутых выше деревень не сохранилась: деревни Боярка, Ларионовка и Матвеевка исчезли, очевидно, в 1960-е гг. (последние две — в результате кампании по расселению неперспективных деревень). Дер. Пиетари была расселена в середине 1970-х. Дольше всех сохранялась дер. Фины — до 1980-х гг., однако в течение последних 20 лет ее существования ее население перебиралось в соседние русские деревни.

[45] Священнослужители, работавшие в Рыжковской колонии после пастора Ф. В. Мейера, приводили тот же самый список факторов, негативно влияющих на настроения паствы.

[46] ГАОО, ф. 3, д. 4936, л. 136–141.

губернатором. В 1861 г. на правом берегу реки Омь было выбрано место для создания Омской лютеранской колонии[47], по проекту включавшей в себя три отдельных поселения: Рига — для ссыльных латышей (*Lätin Külä* ‘латышская деревня’), Ревель — для эстонцев (*Viron Külä* ‘эстонская деревня’), Гельсингфорс (*Ruotsin Külä* ‘шведская деревня’, она же Пупково) — для ссыльных финляндцев. Позже, в ответ на просьбы рыжковских ингерманландцев о создании отдельного поселения также и для них, в проект была внесена Нарва (*Suomen Külä* ‘финская деревня’) — четвертая деревня будущей колонии [Juntunen 1983]. Переселение состоялось в 1863 г., в результате чего в новые деревни переехало жить 365 семей [Saari 1994]. В 1861 г. часть финнов из дер. Чистая также была направлена в Омскую колонию[48].

Численность жителей Омской лютеранской колонии росла достаточно быстро, а в ее окрестностях на рубеже XIX–XX вв. также появлялись новые поселения (например, латышская дер. Ермолаевка, эстонская дер. Новый Ревель *(Kirbu Külä)*, финские дер. Макаркино и Новый Гельсингфорс *(Kuren Külä))*. В 1890 г. в 20 километрах к югу от д. Ревель в Омской колонии возникла деревня Ковалево, где поселились преимущественно латыши и эстонцы, а также несколько семей ингерманландцев [Korb 1998]. В 1895 г. в непосредственной близости от только что построенной Сибирской железной дороги выходцы из ингерманландской дер. Нарва основали еще одну новую деревню, получившую название Ивановка [Nigol 1918; Granö J. G. 1905]. Ивановка возникла на месте заимки, владельцем которой был ингерманландец Матти Саари (Матвей Иванов) из дер. Нарва. Расположение старого ингерманландского поселения было крайне невыгодным, поэтому жители охотно переселялись на заимку, куда Матти Саари перевез свою семью. Между 1898 и 1899 годами дер. Нарва полностью опустела, т.к. бóльшая часть ее населения переехала в Ивановку, а оставшиеся семьи — в дер. Гельсингфорс и Ковалево [Granö J. G. 1905].

[47] Другое название — Еланская колония.

[48] «Именной список лицам финского племени Пановской и Колмаковской волостей, согласившихся переселиться в Еланскую волость», [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, лл. 121–122об, 261–261об.], «Именной список крестьянам и поселенцам новолютеранской колонии» [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, лл. 305–310].

Выходцы из других частей колонии также стали селиться в новом поселении, имевшем, в силу своего расположения вблизи от строящейся железной дороги, высокий экономический потенциал. По той же причине в начале XX в. здесь появилось большое количество русских, что стимулировало процессы культурной и языковой ассимиляции с ними финнов и ингерманландцев. В Ивановке они шли быстрее, чем в остальных деревнях прибалтийских колонистов.

К началу XX в. все финское население Омской колонии сосредоточилось в трех деревнях, Гельсингфорсе, Ивановке и Ковалеве. Количество финнов было здесь следующим: 183 человека в Гельсингфорсе (из 350 жителей), 72 человека в Ивановке (из 129 жителей), 64 человека в Ковалеве (из 617 жителей). Финны были здесь одной из малочисленных групп колонии (по данным И. Г. Гранё, всего 319 человек, при общем населении колонии 2060 чел.) [Granö J. G. 1905: 48–49]. Старые деревни, переименованные, соответственно, в Старую Ригу, Старый Ревель и Старый Гельсингфорс, постепенно утратили свое значение. Последнее крупное финское поселение, деревня Орловка *(Sarven Külä)*, сохранившаяся до наших дней, возникла уже в 1920-е гг. Ее население составили финны и ингерманландцы из опустевших Старого и Нового Гельсингфорса. В 1930-е гг. в деревни Омской колонии переезжает несколько семей ингерманландцев из Тарского района Омской области (из дер. Фины и ее окрестностей). Деревня Орловка становится точкой пересечения для групп финнов, происходящих из разных поселений на территории Омской области. Во-первых, здесь проживали бывшие жители дер. Нарва, т.е. ингерманландцы, когда-то переселившиеся из Рыжкова; во-вторых — потомки ссыльных из Финляндии, ранее проживавшие в дер. Гельсингфорс и, наконец, ингерманландцы, приехавшие из Тарского уезда.

Все же приток ссыльных в Рыжково возобновился в 1860-е гг. В 1880 г. здесь проживали 333 латыша, 159 ингерманландцев, 38 финнов и 170 эстонцев [Juntunen 1983: 357]. После 1887 г. подселение ссыльных в старую колонию окончательно прекратилось, но население все же медленно увеличивалось за счет естественного прироста. В 1902 г. в Рыжкове проживало 1185 человек, из них финнов (ингерманландских и финляндских) — 235 человек,

а эстонцев, латышей и русских в совокупности — 950 человек. И. Г. Гранё указывает, что всего в селе было 29 эстонских, 120 латышских и 7 русских хозяйств [Granö J. G. 1905: 21].

Наконец, помимо перечисленных четырех ареалов расселения сибирских финнов, необходимо упомянуть еще несколько поселений на территории Южной и Восточной Сибири, где проживали ингерманландские финны и выходцы из Финляндии. В первую очередь, это с. Верхний Суэтук в современном Каратузском районе Красноярского края. В 1846 г. с разрешения Енисейского гражданского губернатора в Минусинском округе Енисейской губернии поселяются пять семей финнов из Рыжкова и дер. Чистой. Несколько лет спустя они основывают на берегу р. Суэтук деревню, получившую в 1851 г. статус новой лютеранской колонии. В поселение водворяются как ссыльные финны, так и эстонцы. В 1861 г. для эстонских ссыльных организовывается отдельное поселение — Верхняя Буланка (подробнее см. [Гаупт 1865; Лиценбергер 2004; Савченко 2001; Juntunen 1983; Jürgenson 2006]). Этнический состав населения Верхнего Суэтука остается смешанным. По всей вероятности, на рубеже XIX–XX вв. здесь поселяется также несколько ингерманландских семей из Омской лютеранской колонии.

По данным переписи 1897 г., количество финнов в Минусинском округе Енисейской губернии было небольшим — 271 человек (без самого г. Минусинска). Основная их часть проживала в Верхнем Суэтуке, все население которого на тот момент насчитывало 531 человек Количество эстонцев в Минусинском округе, по данным той же переписи, составляло 1257 человек. Численное преобладание эстонцев в конечном итоге привело к ассимиляции финнов, которые начали переходить на эстонский язык. Информанты из смешанных эстонско-финских семей сообщали, что уже в 1950-е гг. финский язык использовался только в нескольких домах и исключительно в ситуации внутрисемейного общения. В 2006 г., по свидетельству эстонского исследователя Айвара Юргенсона, в с. Верхний Суэтук умер последний носитель финского языка. В то же время, эстонский язык здесь до сих пор достаточно активно использует даже среднее поколение жителей.

В начале 1880-х гг. ингерманландские крестьяне из дер. Фины Тарского уезда основывают на берегу реки Кулунда в 500 км

от Омска (на территории современного Алтайского края) еще одно автономное поселение — дер. Аштшегул *(Ashtshegul)*, просуществовавшую до 1910 г. [Granö J. G. 1905]. На Дальнем Востоке также было поселение финнов — основанная в первое десятилетие XX в. дер. Турку/Або *(Åbo)* [Jürgenson 2006; Saari 1994]. На его истории нет необходимости останавливаться подробно, так как в рамки данного исследования не входит рассмотрение группы сибирских финнов, проживавших в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. По утверждению некоторых авторов, этническая общность финнов в Восточной Сибири сохранялась только до 1920-х гг. [Бирин, Такала 1994].

Во второй половине XIX в. взаимодействие сибирских финнов и евангелическо-лютеранской церкви Финляндии было особенно интенсивным. С 1860 г. резиденция евангелическо-лютеранского священника переместилась в г. Омск. В обязанности занимающего эту должность входила работа с прихожанами всех трех колоний — Рыжковской (включающей в себя деревни Бугене и Боярку), новой колонии на Оми и Минусинской. Кроме пастора, в колониях работали проповедники и учителя; существовали финские и эстонско-латышские школы. С приходом на должность пастора И. Гранё (в периоды с 1885 по 1891 гг., а затем с 1901 по 1913 гг.), священнослужителя из Финляндии, духовная жизнь в лютеранских колониях Сибири вышла на новый уровень. И. Гранё проводил активную миссионерскую и просветительскую работу, следил за качеством преподавания в конфирмационных школах. Усилия пастора были направлены на объединение группы сибирских финнов. В своих воспоминаниях он с сожалением отмечает, что финский язык в колониях приходит в упадок, т.к. бóльшая часть финнов говорит на ингерманландских диалектах, искаженных воздействием русского и эстонского языков [Granö J. 1893]. После отъезда И. Гранё в Финляндию, с 1891 по 1901 гг. его заменяет финский пастор П. А. Эриксон. Как отмечает Ю. Саари, его отношение к ингерманландцам и их языку было не столь негативным [Saari 1994].

В 1888 г. указом Александра III высылка в Сибирь была отменена как мера наказания для уголовных преступников из Великого княжества Финляндского. Вместе с тем, с 1892 г. более радикальные формы принимает языковая политика Российской

Империи в отношении лютеран. Официальным языком российской лютеранской церкви становится русский, предпринимаются также попытки русификации финской школы [Saari 1994; Такала 1998]. Однако учителя и священнослужители в финских поселениях Сибири стараются обходить это предписание. В 1901 г. И. Гранё возвращается к работе в колониях, а с 1908 г. пастором в Еланской колонии и Омске становится его сын П. Гранё. Пастор П. Гранё работает в колониях вплоть до 1921 г. Этот год становится последним годом существования лютеранских приходов Сибири. Богослужения в церквях сибирских лютеран и преподавание финского языка в школах прекращаются. Финские пасторы, проповедники и учителя получают разрешение вернуться на родину в независимую Финляндию. Одним из последних (в конце 1920-х гг.) сибирские колонии покидает представитель евангелическо-лютеранской церкви А. Лехто, учитель рыжковской школы, женатый на местной женщине [Saari 1994]. На сегодняшний день его потомки проживают как в Финляндии, так и в Рыжкове. Основная часть финского населения Сибири остается в колониях, но после закрытия финских школ и церквей, активизируются процессы ассимиляции финнов эстонцами.

4. Сибирские финны в XX веке

Сопоставление данных переписей населения (начиная с 1897 г.), а также данных похозяйственных книг и свидетельств информантов позволяет утверждать, что в среде сибирских финнов, помимо ассимиляционных процессов, имели место процессы чисто формальной «смены национальности». По результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Сибири насчитывалось 2182 финна (т.е. людей, указавших финский язык в качестве родного). Из них в Тобольской губернии проживало 974 чел. (36 чел. в Ишимском округе, 364 чел. в Тарском округе, 523 чел. в Тюкалинском округе); в Енисейской губернии — 421 чел. и в Забайкальской губернии — 211 чел. В Ишимском округе финнами были записаны жители Боярки, в Тарском округе — жители дер. Фины (Бугене) и окрестных более мелких поселений. Финны Тюкалинского округа проживали в Рыжкове и Омской колонии (деревни Гельсингфорс и Ивановка) [Первая 1904].

В 1920 г., в соответствии с договором между СССР, Латвией и Эстонией, лица латышской и эстонской национальностей получили возможность оптировать свое гражданство и, при желании, выехать на историческую родину. С декабря 1922 г., согласно постановлению Сибирского революционного комитета, латыши и эстонцы, проживавшие на территории РСФСР до 1914 г., но не оптировавшие гражданство Латвии и Эстонии, считаются гражданами РСФСР. В результате оптационной кампании эстонское население Сибири сокращается на 25% [Лоткин 2003: 47, 2005а]. Возможно, перспектива выезда из Советского Союза послужила для некоторых сибирских финнов первым стимулом к «смене национальности».

Данные первой демографической переписи советского периода, проведенной в 1920 г., позволяют проследить динамику численности финнов в сибирских поселениях за прошедшие 23 года. В бывшей Омской лютеранской колонии в 1920 г. проживало 285 финнов, а в Рыжкове и его окрестностях финнами были записаны 290 человек (т.е. суммарное число финнов в Тюкалинском уезде с 1897 г. увеличилось на два десятка человек). Незначительный прирост финского населения произошел в Боярке (1897 г. — 36 чел., 1920 г. — 54 чел.) и довольно существенный — в дер. Фины (с 364 чел. в 1897 г. до 581 чел. в 1920 г.) [Итоги 1923: 50–84][49]. Общее число финнов на территории, соответствующей современной Омской области, составило 1240 человек. По переписи 1926 г., на той же территории проживало 1267 финнов (654 человека в поселениях Омской колонии и Рыжкове и 613 человек в дер. Фины и ее окрестностях) [Всесоюзная 1929].

В 1920–30-е гг. число финнов в Зауралье увеличивается за счет высылки из европейской части РСФСР финнов, бежавших на советскую сторону с территории независимой Финляндии [Hodgson 1970]. Практика высылки «перебежчиков» из приграничных территорий в Сибирь была достаточно распространенным явлением [Gelb 1993; Вихавайнен 2000]. В конце 1920-х гг. группа финнов из Финляндии, подвергшихся депортации, появляется

[49] Причины столь резкого увеличения численности финнов в Тарском уезде в период с 1897-го по 1920-й год мне пока не известны.

в с. Рыжково. На сайте муниципального проекта «Омская область на карте» об этом говорится следующее:

> В 1927–1928 гг. в Рыжково на принудительное поселение была сослана группа финнов, работавших в основном по домам — «по найму». Некоторые женились на местных, появлялись дети. В 1936 г. им разрешили вернуться в Финляндию, но без семей. Большинство уехали, остались лишь 5–6 человек, но и они после 1945 г. выехали из Рыжково в Финскую Карелию [История 2008].

Позднее, в 1930–1931 гг., в спецпоселениях на территории Западной Сибири было размещены ингерманландские финны, подвергшиеся депортации в ходе ликвидации кулацких хозяйств Ленинградской области [Matley 1979; Мусаев 2001: 206]. Точное их количество неизвестно. Однако данные переписи 1939 г. не демонстрируют существенного увеличения численности финнов. По переписи 1939 г., в Омской области насчитывается 1340 человек финской национальности [Всесоюзная 1992].

После 1942 г. в число финнов по Омской области попадают также финны-ингерманландцы, вывезенные в Сибирь из Ленинграда и его окрестностей. Постановление о высылке финнов и немцев из кольца блокады выходит 20 марта 1942 г. Эвакуированные ингерманландцы прибывают в Омскую область летом 1942 г. Часть из них попадает в сибирские финские поселения, такие как дер. Ивановка и с. Рыжково (6 июля 1942 г. в Рыжкове было размещено 18 этнических финнов). Всего в Омской области после июня 1942 г. оказалось по меньшей мере 7932 эвакуированных [Мусаев 2001: 262].

Все эти события должны были способствовать увеличению численности финнов в Сибири, однако по результатам первой послевоенной переписи 1959 г., в Омской области их насчитывается только 834 человека. С одной стороны, такое резкое сокращение могло быть обусловлено тем, что после 1945 г. многие финны, оказавшиеся в результате депортаций в Зауралье, начали предпринимать попытки вернуться на родные места. Если в 1945–1947 гг. этот процесс носил стихийный характер, то в 1949 г. ингерманландские переселенцы по всей Сибири вербовались для отправки в Карелию [Мусаев 2001: 313]. В апреле 1954 г. с эвакуированных были сняты паспортные ограничения, что сделало процесс возвращения ингерманландских финнов на родину легальным.

Это, однако, не объясняет снижения численности сибирских финнов относительно довоенных показателей: у финнов бывших лютеранских колоний не было столь веских причин переселяться в Ленинградскую область, как у эвакуированных ингерманландцев[50]. Более того, для некоторых современных сибирских финнов и сейчас характерна точка зрения, согласно которой в Сибири жить гораздо безопаснее, чем в Ленинградской области или Карелии.

Сокращение численности финнов происходило, по всей видимости, не только за счет низкого естественного прироста, убыли населения или миграций, но и за счет того, что часть сибирских финнов сменила национальность в официальных документах. Существенная часть сибирских финнов, рожденных в 1930-е гг., по документам была записана эстонцами. Этому соответствуют данные похозяйственных книг. Например, в самых ранних похозяйственных книгах Рыжковского сельского совета (за 1935 г.) не числится ни одного (!) финна[51]. Однако, как было сказано выше, еще в 1920 г. численность финнов в этом поселении составляла 290 человек. Сомнительно, что исчезновение почти трех сотен финнов (а возможно, и большего их числа с учетом естественного прироста) действительно имело место. В книгах 1940–1941 гг. национальность *финн* появляется вновь, но финнами записаны только несколько человек[52]. При этом, группа населения, считающая родным финский язык, присутствует в селе до сих пор.

[50] Необходимо также учитывать, что определенное количество сибирских финнов стало жертвой репрессий 1937 г., направленных против этнических меньшинств Сибири (точное их количество, к сожалению, мне неизвестно). Часть мужчин могла также погибнуть в ходе военных действий в европейской части страны в 1941–1942 гг.

[51] КрРА, д. 5, т. 1–6; д. 6, т. 1–8.

[52] Этноним *финны* встречается в похозяйственных книгах за период с 1935 по 1945 гг. применительно к шести семьям: это три человека по фамилии Матвеевы (супружеская пара с сыном), которые после 1941 г. записываются эстонцами, женщина по фамилии Нейдлер, отец и дочь по фамилии Сеулсеп, женщина с сыном по фамилии Соосаар *(эвакуированная)*, отец и сын по фамилии Сомель, а также Арно Ананович Лехто с тремя сыновьями, сын последнего учителя рыжковской приходской школы Ананиаса Лехто (т.е. всего 14 человек).

В других финских поселениях процесс «смены национальности» в первой половине 1930-х гг. не принимал таких радикальных форм. Например, в похозяйственных книгах Финского сельского совета, к которому относились деревни Фины и Илларионовка, бóльшая часть населения была записана финнами, и их численность примерно соответствует ожидаемой. В похозяйственных книгах дер. Ивановка за 1935 г. национальность *финн* не встречается ни разу, но примерно у трети населения (в том числе — с финскими и ингерманландскими по происхождению фамилиями) в графе «народность» стоит прочерк. В 1936 г. ситуация меняется: в Ивановке финнами записаны члены 22 семейств (большая их часть по фамилиям соответствует группе населения, для которой отметка в графе «народность» в 1935 г. отсутствовала).

«Народность» была объектом постоянных манипуляций и в похозяйственных книгах Староревельского сельского совета (поселения бывшей Омской колонии). В рассматриваемый период времени к нему относились жители деревень Старый Ревель, Старый и Новый Гельсингфорс и Орловка. По меньшей мере у 40 глав хозяйств в период с 1934 по 1939 гг. отметка в графе «народность» меняется хотя бы один раз. Так, многие люди с финскими и ингерманландскими фамилиями, записанные эстонцами в 1934 г., в 1935 г. меняют свою народность на финскую.

Похожие процессы происходят и в с. Верхний Суэтук в Красноярском крае (бывшая Минусинская колония). Наиболее подробно они освещены в деле по учету национальных меньшинств в Минусинском округе Сибирского края, хранящемся в Минусинском государственном архиве[53]. По переписи 1926 г., в Каратузском районе (т.е. в Верхнем Суэтуке, Верхней и Нижней Буланке) числилось 397 эстонских хозяйств, в то время как финских хозяйств было только 24 и все они относились к Верхнему Суэтуку. Положение финнов как меньшинства среди национальных меньшинств снижало их шансы на получение культурного обслуживания на родном языке.

В 1929–1930 гг. Сибирский краевой исполнительный комитет выпускает ряд циркуляров, касающихся учета национального актива, культурного обслуживания нацменьшинств, а также

[53] АМ, ф. 115, оп. 1, д. 280, 1926–1930 гг.

создания национальных сельских советов. В протоколе № 17–265 заседания президиума Сибирского краевого исполнительного комитета от 7 января 1930 г. всем окрисполкомам предлагается пересмотреть смешанные национальные сельсоветы. Ставится следующая задача:

> ⟨...⟩ Путем разукрупнения или перегруппировки населенных пунктов образовать новые сельсоветы с однородным национальным составом, допуская при этом в необходимых случаях чересполосицу и минимальную норму в 300 душ населения на один национальный сельский совет [АМ, ф. 115, оп. 1, д. 280, 1926–1930 гг., л. 11].

Предполагаемого разукрупнения или перегруппировки так и не произошло. В отчетах, поступавших из Каратузского райисполкома после выпуска циркуляра, количество эстонских дворов в Верхнесуэтукском сельском совете увеличилось, в то время как финские дворы перестали упоминаться. В отчете, полученном в марте 1930 г., только 193 двора из 228 дворов сельсовета (т.е. 84,6%) числятся эстонскими. К концу апреля 1930 г. к Верхнесуэтукскому сельскому совету относятся уже 282 двора, а из 1170 человек 1152 записаны эстонцами (т.е. 98,5%). По данным, относящимся к июлю 1930 г., в самом Верхнем Суэтуке на тот момент проживает 308 человек, и из них 303 человека числились эстонцами. Похозяйственные книги 1930-х гг., к сожалению, не сохранились, но похозяйственные книги 1943–1945 гг. дают примерно те же результаты: финнами в них записаны только четыре человека[54].

По всей видимости, те же самые процессы имели место и в других бывших лютеранских поселениях. Наиболее очевидным было исчезновение из документов группы финнов в с. Рыжково[55]. Доминирующей в численном отношении группой на момент

[54] КаРА, ф. 60, оп. 3. Для сравнения: по переписи 1926 г., в Минусинском округе проживало 98 финнов. Так как других финских поселений в окрестностях г. Минусинска не существовало, можно предположить, что большая их часть была представлена финнами с. Верхний Суэтук.

[55] Подборки документов, посвященной созданию национальных сельских советов по Крутинскому району, аналогичной той, что хранится в архиве г. Минусинска, мне, к сожалению, найти не удалось. Здесь я руководствуюсь данными похозяйственных книг по Рыжковскому сельскому совету за 1935–1945 гг.

создания сельсовета были латыши. Эстонцы несколько уступали им по численности, а меньшинством оказывались финны. Система культурного обслуживания нацменьшинств в смешанных сельских советах допускала создание двух национальных школ и ведение документации на двух языках. Наличие же третьего меньшинства в смешанном сельсовете было нежелательным. По всей видимости, руководство Крутинского районного исполкома избавилось от этой проблемы теми же самыми средствами: народность *финны* практически исчезла из официальных документов[56].

В Финском сельском совете, к которому относились дер. Фины и Илларионовка, финны были преобладающей группой, поэтому процесс работы с национальными меньшинствами здесь не сопровождался официальным исчезновением финнов. В Ивановском сельском совете к началу 1930-х гг. численно преобладали латыши и эстонцы, хотя имелось и существенное количество немцев и русских[57]. Здесь исчезновение из документов финнов, по-видимому, не сделало бы национальный состав сельского совета менее смешанным. Кроме того, судя по данным метрических книг, финны-ингерманландцы занимали здесь промежуточное положение между эстонцами и финляндскими финнами еще в XIX в. Так, люди с ингерманландскими фамилиями в приходских книгах часто были записаны эстонцами в тех случаях, где указывалась национальность родителей крещеного младенца[58]. В Старорe-

[56] ГАОО, ф. 473, оп. 9, д. 173.

[57] АИ, оп. 1, д. 28.

[58] При рассмотрении вопроса о создании национальных сельских советов служащие Омского исполкома использовали данные переписи 1920 и 1926 г. Национальными могли считаться только те сельсоветы, где жители «коренной» национальности составляли 90% населения, остальные же автоматически попадали в число смешанных. Финны упоминаются только в связи со Староревельским сельским советом Калачинского района (бывшая Омская колония). Рыжковский (ранее — Колодцевский) сельсовет, по этим данным, был определен как смешанный эстонско-латышский с преобладающим латышским населением, но с эстонской школой [МОУ Рыжковская 2009]. Только в в одном из документов, касающемся медицинского обслуживания в национальных сельсоветах, упоминается, что в с. Рыжкове проживают эстонцы, финны и латыши [ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 325, л. 41]. В документе [ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 325, л. 80] о перспективах создания школьной сети для отдельных

вельском сельском совете, вероятно, также был взят изначальный курс на сокращение списка национальных меньшинств, однако к середине 1930-х гг. в дер. Орловке создается финский национальный колхоз, благодаря чему количество финнов по данным похозяйственных книг с 1934-го по 1939-й г., как уже говорилось, даже увеличивается[59].

Дополнительным поводом к смене национальности в среде сибирских финнов могли быть и факторы внешнеполитического характера. В начале 1930-х гг. руководство СССР пересмотрело свое отношение к Финляндии. Прежде это отношение было относительно нейтральным, но теперь Финляндия стала рассматриваться в качестве безусловного противника [Мусаев 2001: 227]. В конце 1930-х гг. в похозяйственных книгах сибирских финских поселений можно отметить вторую волну формальной «смены национальности». На этот раз, однако, встречаются как случаи смены национальности с финской на эстонскую, так и наоборот — случаи записи эстонцев финнами. Например, в 1939 г. число финнов в похозяйственных книгах Староревельского сельского совета увеличивается и параллельно с этим часть финнов, напротив, записывается эстонцами. Мои информанты комментировали это следующим образом. С одной стороны, некоторые люди стремились отказаться от своей финской национальной принадлежности, так как оставаться финнами было, по их соображениям, небезопасно в условиях открытого военного конфликта с Финляндией. С другой стороны, мужчины в сибирских поселениях, даже этнические эстонцы, порой меняли свою национальность на финскую, так как надеялись, что это поможет им избежать призыва в армию. В действительности, у этнических финнов было

национальностей финны также упоминаются: «Национальностей, насчитывающих в своем составе десятки тысяч жителей, пять (украинцы, белорусы, немцы, казахи, бухарцы-татары), свыше тысячи жителей насчитывают в округе — эстонцы, латыши, поляки, мордва, евреи, зыряне, чуваши, цыгане. Из мелких национальностей нужно отметить молдаван, чехов, финнов. Остальные национальности живут вкрапленно среди других национальностей и не представляют из себя сколько-нибудь сплоченной единицы. Итак, при составлении плана всеобщего обучения нужно учесть особенности 16 национальностей».

[59] АО, ф. 14 оп. 1(16), д. 28.

гораздо больше шансов попасть в действующую армию в период Советско-Финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. в связи с созданием Финской народной армии в составе РККА[60].

Помимо событий 1939–1940 гг., по всей видимости, определенное влияние на настроения финнов в сибирских поселениях оказали события 1937–1938 г. в Карельской АССР [Austin 1992]. Карельская трудовая коммуна была создана в 1920 г. по результатам Тартуского мирного договора, а в 1923 г. была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику. В соответствии с политикой коренизации, которая проводилась в 1920-е гг. во всех национальных областях и республиках Советского Союза, в Карельскую АССР для работы в лесной промышленности вербовались финны и карелы [Кожанов, Яловицина 1998]. Агитационная кампания руководства Карельской Республики была чрезвычайно успешной. К середине 1930-х гг. на данной территории было уже около 20 тысяч финнов (в то время как, по переписи 1926 г., численность финнов в Восточной Карелии составляла только 2500 человек) [Вихавайнен 2000: 79–85]. Среди переселенцев были финны-ингерманландцы, нелегальные эмигранты из Финляндии и американские финны. Очевидно, о вербовке на лесозаготовительные работы в Восточной Карелии было известно и в сибирских финских поселениях. Многие из моих информантов сообщали, что их родственники уезжали жить и работать в Карелию в начале 1930-х гг. Переезд отдельных семей в Карелию, как правило, был продиктован стремлением избежать коллективизации. Но уже в 1937–1938 гг. те из сибирских финнов, кто не попал в Карельской АССР под волну репрессий, вернулись в свои сибирские села. Этническая чистка, свидетелем которой стали сибирские переселенцы, могла стать для них еще одним поводом к смене национальности в документах.

К 1936 г. в бывших лютеранских поселениях на территории Сибири было завершено создание национальных колхозов. В с. Рыжкове с 1931 г. существовало два колхоза: латышский «Brīvajs Latvietis» и эстонский «Uus Elu», объединивший эстонцев и финнов. В дер. Фины и Илларионовка также было два национальных колхоза: финский «Авангард» и эстонский «Нацмен

[60] Подробнее об этом см. [Мусаев 2001: 251].

Дружба». В Ивановский и Староревельский сельский совет входили эстонский колхоз имени Карла Маркса (в дер. Ковалево), эстонские колхозы «III Интернационал» и «Новая Жизнь» (в Ивановке), эстонская сельскохозяйственная артель «Национал» (в Ст. Ревеле и Ст. Гельсингфорсе), латышская сельскохозяйственная артель «Эйхе» (в Ст. Риге), латышский колхоз «Arājs» (в Ивановке) и финский колхоз «Буденный» (в дер. Орловке) [Лоткин 2003: 49]. Преподавание в национальных школах велось на латышском и эстонском языках[61].

Однако ни возможные политические мотивы, заставлявшие сибирских финнов скрывать свою национальную принадлежность, ни установка на устранение из документов «лишних» национальных меньшинств при создании национальных сельских советов не могут служить исчерпывающим объяснением «смены национальности». Возможно, причина записи части финнов эстонцами объясняется и действительными ассимиляционными процессами.

5. Социолингвистическая ситуация в поселениях

Общность сибирских финнов, рассматриваемая в статистических материалах и многих исторических работах как единое целое, по своему происхождению состояла из двух этнических компонентов. К первой из групп можно отнести потомков выходцев из Ингерманландии, основателей Рыжкова, которые затем расселились по всем перечисленным ареалам проживания сибирских финнов. Вторая группа начала формироваться в Рыжкове из финляндских ссыльных, говоривших на разных диалектах финского языка Финляндии и прибывавших в Сибирь либо отдельными семьями, либо поодиночке. Процесс формирования

[61] Мне неизвестно о существовании финноязычных школ при Финском и Староревельском сельских советах. В материалах о национальных кадрах по Омской области за 1936–1937 гг. в Тарском районе числится только 8 эстонских национальных школ, а в Калачинском — 6 эстонских и ни одной финской [ГАОО, ф. 437, оп. 9, д. 311, л. 42]. Информанты из деревень Фины, Илларионовки и Орловки также утверждают, что в местных школах преподавание до 1938 г. велось на эстонском языке. Чем было вызвано подобное несоответствие между доминирующей национальностью в перечисленных сельских советах и языком школьного преподавания, мне пока выяснить не удалось.

этой группы завершился в 1850-е гг. в Омской и Минусинской лютеранских колониях независимо друг от друга.

В XIX в. обе группы сибирских финнов были тесно связаны экономическими и родственными отношениями, а также деятельностью евангелическо-лютеранской церкви Финляндии. С точки зрения финляндских ссыльных, ингерманландцы были «ненастоящими финнами». Священнослужители во многом поддерживали эту позицию. После 1921 г. укрепление финской идентичности обеих групп силами представителей церкви и системы образования прекратилось, и, как следствие, раскол между ними усугубился.

Вместе с тем ключом к сближению ингерманландцев и эстонцев был язык. Говоры ингерманландцев[62] и потомков финляндских ссыльных в Сибири имели существенные различия. В Омской и Минусинской колониях финны использовали особые говоры финского языка, сложившиеся в среде выходцев из разных частей Финляндии[63].

Ингерманландцы использовали в общении между собой говор финского языка, наиболее близкий современным нижнелужским финским и ижорским говорам, распространенным в Кингисеппском районе Ленинградской области в долине р. Россони[64]

[62] Для обозначения ингерманландской по происхождению группы сибирских финнов я буду употреблять в качестве этного, т.е. сугубо внешнего, термин «ингерманландцы». В действительности, он не имеет широкого распространения в среде моих информантов. При упоминании рассматриваемого говора я буду пользоваться формулировкой «сибирский ингерманландский идиом». Проблема его лингвистического статуса заслуживает отдельного рассмотрения, и в рамках данной статьи я не буду ее касаться.

[63] Язык финнов Минусинской колонии, к сожалению, не был документирован тогда, когда это еще было возможно. На основе собранных данных практически невозможно составить более или менее точную диалектологическую характеристику этого идиома. Язык финнов Омской колонии сохранился только в варианте дер. Орловки. Для этого идиома характерен ряд черт, отличающих его как от литературного финского языка, так и от финских говоров Ингерманландии. По ряду признаков его все же можно отнести к восточнофинским диалектам.

[64] По всей видимости, ингерманландцы, попавшие на данную территорию в начале XIX в., принесли с собой результаты нижнелужских

(см. п. 4 Таблицы 1 Приложения 4 и Карты 4–5 Приложения 6). С точки зрения «наивного носителя», данный идиом обладает рядом черт, делающих его похожим на «испорченный эстонский» или смесь эстонского и финского. Похожая оценка была дана ему в работах А. Корб [Korb 2007][65]. Подобная лингвистическая характеристика предопределила внешнее отношение к ингерманландцам как к «испорченным финнам» или «полуфиннам-полуэстонцам». Эту точку зрения со временем могли разделить и сами ингерманландцы. Вполне возможно, что в 1930-е гг. самоощущение ингерманландцев колебалось между двумя полюсами — «эстонским» и «финским». Официальная принадлежность к эстонцам, навязанная в то время сверху или же выбранная сознательно, существенно повлияла на идентификационные процессы в поселениях.

Активизация финской идентичности ингерманландцев началась только в последнее десятилетие, когда на территории Омской области вновь появились представители лютеранской Церкви Ингрии[66]. Их миссионерская деятельность создала предпосылки для объединения ингерманландцев и финнов. На фоне языкового сдвига, делающего языковые различия несущественными, на передний план выдвинулось осознание принадлежности к одной и той же конфессии. Знание об истории деревень, которое распространяют в поселениях представители Омского прихода еван-

языковых контактов (см. также сноску 27). В их языке финские, ижорские и водские элементы могли сочетаться изначально [Лаанест 1966, 1977; Nirvi 1972; Муслимов 2005, настоящий сборник]. Подробнее о некоторых особенностях ингерманландских финских диалектов см. в том числе [Leppik 1975; Коппалева 1998; Елисеев 2003; Муслимов 2009].

[65] Ряд лексических изоглосс, общих для западной части нижнелужского ареала и примыкающего к нему эстонского языка, сильная редукция неначальных кратких гласных и последствия реального контактного воздействия действительно сближают сибирский ингерманландский говор с эстонским. Однако представители изучаемой группы считают его отдельным языком, отличающимся как от эстонского, так и от финского. Небольшое число людей, которым известны местные прибалтийско-финские идиомы, очень чувствительны к различиям между ними.

[66] Подробнее об истории Церкви Ингрии см. [Шлыгина, Казьмина 2003].

гелическо-лютеранской церкви Ингрии, способствует формированию представлений о сибирских финнах как о единой группе. Моей задачей в рамках данной статьи является рассмотрение идентификационных процессов в группе, подверженной этим многообразным и разнонаправленным влияниям.

Проведенное исследование нельзя назвать социолингвистическим в строгом смысле слова. Я предприняла 4 экспедиции к сибирским финнам летом 2008, 2009, 2010 и 2011 гг. В ходе экспедиций я работала в следующих населенных пунктах: с. Рыжково, с. Оглухино, пос. Крутинка (окрестности бывшей Рыжковской колонии), дер. Орловка, с. Ивановка, дер. Старый Ревель, дер. Ковалево (поселения бывшей Омской колонии), пос. Знаменка, дер. Чередово, дер. Коточиги, дер. Михайловка, г. Тара (населенные пункты, в которые переселились жители дер. Фины) на территории Омской области, дер. Озерное (населенный пункт, в который переселились жители дер. Боярка) на территории Тюменской области и с. Верхний Суэтук на территории Красноярского края. Я не проводила сплошного социолингвистического обследования указанных населенных пунктов, ограничиваясь сбором лингвистического материала и записью интервью у интересующих меня информантов[67]. Всего в мою выборку вошло около 130 человек, в основном представителей старшего поколения (1930–1940-х гг. р.).

В с. Рыжкове на сегодняшний день проживает основная часть носителей сибирского ингерманландского идиома, и только здесь ингерманландцы до сих пор представляют компактную группу с тесными связями и регулярным общением на своем языке. Два других поселения, где ингерманландцы проживали компактно (дер. Фины и дер. Боярка), прекратили свое существование в 1960–1980-х гг[68].

---

[67] Меня интересовали главным образом носители прибалтийско-финских идиомов, в первую очередь — сибирского ингерманландского. По этой причине в мою выборку вошли в основном люди пожилого возраста, в то время как информанты среднего возраста представлены в значительно меньшем количестве. В Рыжкове я проводила отдельные беседы с детьми и молодежью, но в список информантов в Таблице 4 Приложения 3 они не включены.

[68] Несколько носителей сибирского ингерманландского идиома проживают также в дер. Озерное Викуловского района Тюменской области

Носители второго сибирского финского идиома, сложившегося в среде выходцев из Финляндии, остались только в поселениях на месте бывшей Омской колонии: дер. Орловке и дер. Ивановке (3 человека). Кроме того, несколько десятков человек, включая представителей самого старшего поколения, переехали из этих деревень в Омск. Религиозно активные жители Рыжкова имеют возможность контактировать с ними в Омском евангелическо-лютеранском приходе, где каждое воскресенье проводятся церковные службы. Но для основной части населения Рыжкова существование «еще одного финского языка» на территории Омской области неактуально, т.к. они не выезжают за пределы своего села.

Людей, знающих второй финский идиом, в Рыжкове не осталось. Мне не удалось выяснить, когда здесь умерли его последние носители и насколько широко он использовался в поселении в XX в. Я предполагаю, что местное финское население перешло на ингерманландский идиом в 1920-х гг. После 1887 г. приток ссыльных из Финляндии прекратился, и финляндские финны в Рыжковской колонии остались в меньшинстве. Основную их массу составляли бессемейные мужчины, вынужденные брать в жены ингерманландок. Дети в подобных семьях имели равные шансы освоить финский и ингерманландский идиомы, но неизвестно, что происходило в действительности. Влияние финского языка Финляндии, которое, несомненно, было актуальным по крайней мере до 1921 г., в речи современных рыжковцев не наблюдается.

Все сообщества, как ингерманландцев, так и финнов бывшей Омской колонии, находятся в состоянии достаточно далеко зашедшего языкового сдвига в пользу русского языка. Село Рыжково в настоящий момент в значительной степени русифицировано. Русские начали доминировать в структуре управления и некоторых профессиональных сферах еще в довоенный период, после снятия в 1937 г. с ответственных постов (бригадиров и председателей колхозов) эстонцев и латышей, однако тогда их количество было небольшим. Вплоть до 1960-х гг. этнический состав населения

(переселенцы из дер. Боярки) и в дер. Михайловке Тарского района Омской области (переселенцы из дер. Фины).

Рыжкова оставался преимущественно прибалтийским. Приток русскоязычного населения усилился лишь во второй половине XX в[69]. По статистическим данным за 1997 г., как сообщает А. Корб, в селе проживали представители 11 национальностей, среди них 400 русских, 145 латышей, 115 эстонцев, 55 казахов, 20 немцев, 10 украинцев и ни одного финна [Korb 2003: 30][70]. В 2010 г. население Рыжкова составляет 535 человек[71] [Рыжково 2010], однако, по свидетельству работников сельской администрации, эти цифры отражают только количество зарегистрированных жителей, не все из которых действительно проживают в селе.

Данные о количестве эстонцев в Рыжкове, приведенные выше, могут ввести в заблуждение. В действительности носителей эстонского языка здесь меньше, нежели носителей ингерманландского идиома, однако в паспортах советского образца все ингерманландцы были записаны эстонцами. Бóльшая часть эстонского населения, оставшегося в Рыжкове после кампании по приобретению эстонского гражданства[72], в 1930-х гг. переселилась в деревню Сядэ (Ревель), расположенную в 8 км от Рыжкова[73]. За непродолжительный период существования дер. Сядэ (до начала 1960-х гг.), в ней успело сложиться достаточно замкнутое сообщество, ос-

[69] Русификация села в первое десятилетие XXI в. усилилась. Например, недавно в Рыжкове был заложен православный храм. Его активное строительство началось летом 2009 г. Отдельным информантам-лютеранам идея появления православной церкви в исконно лютеранском селе кажется абсурдной. Вместе с тем, открытого выражения недовольства не происходит.

[70] Источник, которым пользовалась А. Корб, мне неизвестен.

[71] К сожалению, я не располагаю точными данными о современном национальном составе населения Рыжкова.

[72] Возвратная миграция из Сибири в Эстонию всегда была достаточно интенсивной, особенно во второй половине 1940-х гг. Этот процесс наблюдался в сибирских эстонских поселениях повсеместно и 1920-ми годами не исчерпывается [Лоткин 2005а; Kulu 2003; Kulu, Tammaru 2000; Parming 1972].

[73] Некоторые мои информанты считают этот переезд попыткой избежать коллективизации. Попытка, разумеется, была неудачной. Жители Сядэ вынуждены были вступить в эстонский колхоз «Uus Elu» с центром в Рыжкове.

новным языком общения в котором был эстонский. Современные жители Рыжкова (как ингерманландцы, так и эстонцы) считают, что сообщество эстонцев Сядэ было более консервативным по сравнению с русифицированным населением Рыжкова. Семьи жителей Сядэ, вернувшиеся в Рыжково в середине 1950-х гг., старались поселиться поближе друг к другу, сохранив статус обособленной группы. Во второй половине XX в. многие молодые эстонцы покинули Рыжково, перебравшись в Эстонию. Часть села, населенная выходцами из дер. Сядэ (так называемая Ерзовка) в настоящее время практически опустела.

Современные немногочисленные жители села, имеющие «прибалтийское» происхождение, с разной степенью частотности используют русский, латышский, местный эстонский и ингерманландский[74]. В зависимости от степени языковой компетенции, информанты или проводят, или не проводят различия между двумя последними идиомами. Для наиболее компетентных носителей прибалтийско-финских идиомов разница между эстонским и ингерманландским очевидна. Те, кто с детства пользуется русским языком, а прибалтийско-финские языки «понимает, но говорить на них не может», как правило, либо слабо, либо вообще не различают эти два идиома. Языковая компетенция таких информантов сводится к знанию о наличии синонимических пар в обобщенном «эстонском» языке (например, про ‘нож’ можно сказать и *veits*, и *nuka*[75]).

Представления жителей Рыжкова о том, какой прибалтийско-финский язык шире распространен в селе, сильно различаются. Говорящим по-эстонски кажется, что «по-фински» говорят только несколько человек. Носители ингерманландского, напро-

[74] Приведенное ниже описание социолингвистической ситуации в поселении нельзя считать полным, так как социолингвистического опроса в прямом смысле слова я не проводила. В этом разделе я излагаю некоторые предварительные выводы, сделанные на основе наблюдения за языковым поведением отдельных информантов и данных интервью. Кроме того, у меня было всего несколько информантов-латышей, поэтому подробных сведений о статусе и степени сохранности латышского языка в Рыжкове у меня не имеется.

[75] Лексемы *veits* и *nuga* действительно являются лексической изоглоссой, отделяющих ингерманландский идиом от местного эстонского.

тив, утверждают, что их язык — это язык большей части населения. В отношении языковой сохранности и темпов языкового сдвига обе группы находятся примерно в одинаковом положении. Прибалтийско-финские идиомы в основном используются старшим поколением[76]. При этом распространено мнение, что с человеком следует разговаривать на том языке, который ему ближе, т.е. в идеальной ситуации должно происходить переключение с эстонского на ингерманландский и наоборот. Но в действительности каждый из собеседников чаще предпочитает «оставаться при своем». На вопрос о том, как информант стал бы разговаривать с носителем другого прибалтийско-финского языка, типичен был ответ:

(1) *Я по-своему, и он по-своему, но мы друг друга понимаем* [JAMж-28][77].

При переводе несложных лексических стимулов эстонцы и ингерманландцы охотно подсказывают друг другу слова из родного языка собеседника.

По степени языковой компетенции моих информантов можно условно разделить на три группы. Одноязычных информантов в селе уже не осталось. Мне рассказывали об одном «последнем старике», который «вообще не говорит по-русски». При личной встрече упомянутый информант MIIм-40, обращаясь ко мне, переходил на русский, хотя это действительно представляло для него определенные трудности. С ингерманландкой MAPж-49, присутствовавшей при записи интервью, он говорил только по-ингерманландски[78]. Сама MAPж-49, к которой другие

[76] По мнению русских жителей окрестных сел, рыжковские старики говорят на особом варианте русского языка. Например, их сразу можно узнать, садясь в рейсовый автобус на автостанции в райцентре: *«Сразу слышно — о! рыжковские едут!»*.

[77] Здесь и далее формат указания на информантов следующий: «ИНДЕКСпол-последние_две_цифры_года_рождения». Т.е. JAMж-28 расшифровывается как «информантка с индексом JAM, женского пола, р. в 1928 г.». Дополнительные сведения об информантах см. в Таблице 4 Приложения 3.

[78] Здесь и далее термины «ингерманландец/ингерманландка», «эстонец/эстонка», «латыш/латышка» и др. прежде всего характеризуют

жители села обращаются, когда требуется вспомнить или перевести на русский какое-либо «экзотическое» эстонское или финское слово, неизменно консультируется с МIIм-40. Особенности его биографии способствовали формированию и сохранению у него достаточно высокой языковой компетенции (вплоть до недавнего времени он жил с престарелой матерью, не говорящей по-русски).

Ингерманландцы и эстонцы 1920–1930-х гг. рождения владеют родным языком своих групп примерно в равной степени и не испытывают никаких затруднений при переводе лингвистических анкет, содержащих базовую грамматику. Все они достаточно свободно говорят по-русски, но некоторые из них считают, что их русский недостаточно «чистый»:

(2) *Мы по-русски-то толком говорить не умеем* [JAMж-28; JMSм-28].

Русская речь информантов этого поколения действительно имеет некоторые черты, отличающие ее от стандартного варианта русского языка. Типичны, например, взаимозаменяемость местоимений и грамматических показателей мужского и женского рода, окказиональный пропуск предлогов. Имеются некоторые фонетические особенности: ослабление качественной редукции гласных в безударном слоге, переосмысление оппозиции согласных по звонкости/глухости, упрощение скопления согласных в начале слова и т.п. Использование этнического языка в повседневном общении для этой возрастной группы выходит за пределы дома. Язык используется при общении с односельчанами — например, в магазине или в автобусе на пути в райцентр. Наличие русских в непосредственном окружении далеко не всегда является при этом сдерживающим фактором.

Поколение 1940–50-х гг. рождения активно использовало этнический язык только в детстве и юности. В настоящее время представители этой возрастной группы говорят по-эстонски или по-ингерманландски только при общении со старшими односель-

языковую компетенцию информанта (т.е. указывают на его первый/родной язык: ингерманландский, эстонский или латышский, подробнее см. Приложение 3). Эти термины не обозначают здесь этническую принадлежность информанта, т.к. ее подчас невозможно определить однозначно.

чанами. В остальных сферах жизни они обычно пользуются русским языком[79]. В целом данные информанты были способны переводить лингвистические анкеты, однако испытывали затруднения с наиболее сложными лексемами и синтаксическими конструкциями. В отдельных случаях в этой возрастной группе встречаются информанты с очень высокой степенью компетенции (в основном, благодаря регулярному общению с престарелыми родителями, как в случае уже упоминавшихся МПм-40 или МАРж-49).

Люди среднего возраста (1960–70-х годов рождения) на этнических языках не говорят, но в отдельных случаях знают несколько слов и наиболее употребительных выражений и могут использовать их для демонстрации своей этнической принадлежности. Дети и молодежь, как правило, не различают эстонский, ингерманландский и латышский и во всех ситуациях общения пользуются только русским языком. Для них демонстрация этнической принадлежности сводится участию в проводимых администрацией фольклорных мероприятиях.

Культурно-досуговая жизнь с. Рыжкова является достаточно активной. Совместно с представителями «коренных национальностей», работники системы образования и администрации помогают собирать сведения по истории села, работают над деревенским архивом, поддерживают деятельность рыжковского дома культуры и фольклорного ансамбля «Draudzība»[80]. До недавнего времени официальный облик «народной культуры» села во многом определялся активностью одного человека — эстонки NEAж-16. Песни из ее индивидуального репертуара перенимались и другими жителями села, участвовавшими в художественной самодеятельности. После ее смерти в 2009 г. эстонский компонент в репертуаре фольклорного ансамбля стал значительно слабее. Кроме того, представители старших поколений эстонцев и ингерманландцев стали менее активно посещать репетиции, так как до этого

[79] Среди представителей данного поколения преобладают смешанные браки (с русскими и латышами). Языком домашнего общения в подобных семьях неизбежно становился русский.

[80] Ансамбль имеет латышское название, и его репертуар состоит как из латышских, так и из эстонских песен, но не включает ингерманландские.

они приходили туда по инициативе NEAж-16. Как следствие, основу репертуара ансамбля на сегодняшний день составляют латышские песни, а исполняют их дети и подростки, не знающие ни латышского языка, ни местных прибалтийско-финских идиомов. Деятельность руководителя дома культуры, ЕНЕж-50, как мне показалось, направлена в большей степени на нивелирование различий между «эстонцами» и латышами, нежели на поддержание отдельных этнических традиций. В официальном дискурсе, связанном с культурной жизнью села, преобладают термины «прибалтийская культура» и «прибалтийские традиции».

В архиве деревенского музея при рыжковском доме культуры хранятся тетради-мемуары отдельных жителей Рыжкова 1920-х гг. рождения и фотографии памятных для истории села событий. В так называемой «национальной комнате» содержится коллекция предметов «старого быта», снабженная указателями на латышском языке. Особое место в музее занимает стенд, сделанный миссионерами Омского лютеранского прихода к празднованию двухсотлетия Рыжкова. Стенд снабжен копиями архивных документов (таких, как план Рыжковского поселения, относящийся к 1880 г.[81], список эвакуированных финнов-ингерманландцев, размещенных в Рыжкове в июле 1942 г., заметки из финского журнала «Maamiehen Ystävä» [Suomalainen seurakunta 1844], выдержки из книг пастора И. Г. Гранё [Гранё 1993] и публикаций пастора Ю. Саари [Саари 2003][82]). По этим материалам можно составить достаточно полную картину истории Рыжкова как лютеранского финского поселения (от «точки исхода» в Ингерманландии до депортаций времен Второй мировой войны). Однако информанты либо не знают о существовании стенда, либо не расценивают приведенные сведения как значимые. «Финская» часть истории села остается неизвестной как для самих ингерманландцев, так и для представителей сельской администрации. На сайте проекта «Омская область на карте» история Рыжкова выглядит показательно [История 2008]. Упоминания о финнах встречаются

[81] ГАОО, ф. 198, оп. 1, д. 667.

[82] Брошюра Ю. Саари [Саари 2003] была выпущена Омским евангелическо-лютеранским приходом к двухсотлетию Рыжкова и распространялась среди прихожан.

только в разделах, посвященных ранней истории села, а после 1920-х гг. этнический состав прибалтийского населения описывается в терминах дихотомии «эстонцы vs. латыши».

С конца 1990-х гг. предпринимаются попытки возродить в селе традиции евангелическо-лютеранской церкви. В село регулярно приезжают миссионеры из Финляндии во главе с Юхой Саари, пробстом сибирского отделения церкви Ингрии, и Игорем Креосом, пастором Омского прихода [Омский 2010]. Свой собственный часовенный приход евангелическо-лютеранской церкви существует в Рыжкове с 7 января 2008 г. Выездные службы под руководством одного из пасторов (на русском языке) проводятся один раз в несколько месяцев.

В последнее десятилетие XX — первое десятилетие XXI вв. село стало объектом внимания для ряда исследователей, как эстонских, так и финских. Существенный вклад в знания жителей об истории поселения сделали экспедиции эстонских фольклористов и последующие публикации А. Корб. Например, информантка NEAж-16 рассказывала достаточно подробные истории о первых поселенцах. Впоследствии выяснилось, что эти истории известны ей из «книжки о Рыжкове». Другая информантка SAIж-33 в ответ на вопрос, как называется тот народ, к которому она принадлежит, сказала: «Мы – вирусцы». Дальнейшие расспросы показали, что этот термин она заимствует из русского перевода резюме к уже упомянутой книге А. Корб [Korb 2007].

Праздник Лиго[83] (для эстонцев — *Jaanipäev*, для ингерманландцев — *Juhannus*), совпадающий с празднованием годовщины основания Рыжкова, каждый год становится своеобразной кульминацией в культурной жизни села. Двухсотлетие Рыжкова, отпразднованное в 2003 г., заставило многих жителей вновь заинтересоваться историей поселения и своей генеалогией. Такие вопросы как истинный возраст Рыжкова и этническая принадлежность его основателей до сих пор обсуждаются достаточно активно.

[83] Иванов День, отмечаемый в Рыжкове в ночь с 6-го на 7-е июля, официально носит в селе латышское название.

6. Этническая идентичность рыжковских ингерманландцев

В данном анализе используется понятийный аппарат, сложившийся в рамках конструктивистского подхода к пониманию этничности. В первую очередь, это категории и термины из классических работ Бенедикта Андерсона, Фредрика Барта и Ричарда Дженкинса [Андерсон 2001; Barth 1996; Jenkins 1997]. Для описания рассматриваемой ситуации продуктивной также представляется концепция «актов идентичности», предложенная в работах лингвистов Роберта Ле Пажа и Андре Табуре-Келлер [Le Page 1998, 2000; Tabouret-Keller 2000].

С конструктивистских позиций этничность *(ethnic identity)* является одним из вариантов идентичности, т.е. представлений человека о себе, формирующихся в результате соотнесения себя с той или иной группой. Личность любого человека представляет собой пучок идентичностей, актуализируемых в зависимости от конкретной ситуации. Набор идентичностей, свойственный индивиду, не является статичным. Этническая идентичность, точно так же как и любая другая, может быть множественной.

> В любой момент времени идентичность отдельно взятого человека представляет собой гетерогенную конструкцию, составленную из всех возможных наименований и идентичностей, приписываемых личности и принимаемых ею. Однако в течение жизни идентичность бесконечно создается заново в соответствии с изменяющимися социальными условиями (исторического, институционального, экономического характера), социальными контактами, знакомствами и стремлениями, которые могут быть субъективными и строго индивидуальными» [Tabouret-Keller 2000: 316; перевод с английского здесь и далее мой — *Д.С.*].

В то же время, сами люди часто представляют, что этническая принадлежность или национальность (а также нация и народ) — это нечто заранее данное, неизменное, передающееся «по наследству»[84]. Ситуации, когда человек оказывается неспособен

[84] Подобное восприятие этничности, свойственное «наивному носителю», получило наименование «примордиалистских уз» или «данностей» в статье Клиффорда Гирца [Geertz 1963]. «Примордиалистские узы», т.е. узы крови, языка, территории, расы, религии и обычаев, формирующие представления индивида о себе, по мнению Гирца, «укоре-

однозначно назвать свою этническую принадлежность, рассматриваются как отклонения от нормы, особенно если для окружающего большинства этот вопрос не вызывает проблем. Это, по-видимому, и вынуждает малые группы, отсутствующие в официальных списках, ассоциировать себя с более крупными или объяснять свое происхождение смешением двух больших групп. Подобное с большей вероятностью может произойти в ситуации продолжительного этнического контакта, когда контактирующие культуры развиваются конвергентно и распространение получают межэтнические браки.

Ингерманландцы в Сибири попали в типичную для малой («нетитульной») группы ситуацию[85]. Вопросы идентичности и проведения границ между группами представляют собой сложную проблему и на исторической родине рыжковских ингерманландцев, в районе Нижней Луги [Lehto 1996; Муслимов 2002, 2005, настоящий сборник; Егоров и др. 2007]. Используя терминологию лингвистов Р. Ле Пажа и А. Табуре-Келлер, нижнелужскую языковую и этническую ситуацию можно назвать «диффузной»[86]. Контакты между финским, ижорским и водским (а начиная со второй половины XIX в. — и с эстонским) населением на этой

нены в иррациональной базовой составляющей личности» [там же: 128] (цитируется по [Jaffrelot 2003: 36]). Эта концепция отличается от классического конструктивистского подхода к пониманию этничности, однако ее применение оказывается продуктивным, если мы пытаемся дать объяснение процессам, происходящим на стыке бартовских «самоприписывания» и «приписывания другими».

[85] О похожих случаях см. например [Баранова 2010; Вахтин и др. 2004; Harrell 1996].

[86] Т.е. такой, при которой представления о границах групп и языковой норме размыты, так как обстоятельства не принуждают (или, напротив, не позволяют) произвести «фокусировку» — привести используемую терминологию к некому общему для всех участников ситуации знаменателю. Языковые ситуации могут различаться по параметру «диффузность vs. сфокусированность» [Le Page 2000]. Как пример ярко выраженной «сфокусированной» ситуации Р. Ле Паж приводит ситуацию во Франции (представления о границах «правильного» языка и того, что входит в понятие «настоящий француз»), а как пример «диффузности» — ситуацию в Белизе (где границы этнических групп и представления о норме для контактных языков размыты) [Le Page 1998].

территории были особенно интенсивными [Лаанест 1966, 1977; Муслимов 2002, 2005, настоящий сборник]. В Рыжкове «диффузность», свойственная этнической идентичности жителей Нижней Луги, с одной стороны, теоретически могла усугубиться (в отрыве от своей «большой группы»), с другой стороны — вступить на путь более отчетливой «фокусировки» (на фоне изменившегося окружения).

Парадоксальным образом, здесь имели место оба эти процесса. За последние 80 лет система этнических классификаций, существовавшая в лютеранских колониях[87], официальная терминология советского периода и разнообразные контакты привели к формированию новых представлений группы о себе. Резюмировать этот комплекс представлений можно следующим образом: «мы не знаем точно, кто мы такие, но мы такие одни». «Диффузность» ситуации проявляется в том, что объяснительные стратегии, свойственные отдельным информантам, имеют глубоко индивидуальный характер. Однако это отсутствие четкости в самохарактеристике оказывается в конечном итоге самым сильным внутренним маркером групповой идентичности.

6.1. Эндо- и экзоэтнонимы

Большинство рыжковских информантов при первом знакомстве со мной по-русски называли себя *эстонцами*. При переходе на прибалтийско-финские языки многие из них начинали называть себя *suom(a)laiset* (т.е. ‘финнами’). Эти же информанты по-русски называли себя *смешанными/нечистыми эстонцами*, а родным языком для них оказывался ингерманландский идиом:

[87] Т.е. противопоставление финляндцев *(suomalaiset)*, ингерманландцев *(inkeriläiset)* и эстонцев *(eestlaset)* [Granö J. G. 1905]. П. Гранё, работавший в лютеранских колониях в первые десятилетия XX в., подразделяет местное прибалтийско-финское население именно на эти три группы. Нам неизвестно, использовали ли ингерманландцы термин *inkeriläiset* в качестве самоназвания, однако тот факт, что П. Гранё учитывает их отдельно, свидетельствует об обособленности группы. При этом на официальном уровне *inkeriläiset* рассматривались как часть группы финнов *(suomalaiset)*. Это демонстрируется результатами переписей 1920 и 1926 гг.

(3) *А вот те эстонцы, которые говорят «tule siia»* (эст. ‘иди сюда’), *у них язык как называется? Они сами кто? Virolaiset?* (соб.). — *Virolaiset!* (инф. 1). — *А вы кто?* (соб.). — *Эстонцы!* (инф. 2). — *Suomlaiset!* (инф. 2). — *Suomlaiset?* (соб.). — *Да!* (инф. 1). — *Мы эстонцы-suomlaiset!* (инф. 2) [JMSм-28; JAMж-28].

Эти «чистые» эстонцы (названные в диалоге *virolaiset;* обычно выходцы из дер. Сядэ) оказались носителями эстонского говора, близкого к североэстонскому диалекту, и называли сами себя только *iestlaset* ‘эстонцы’. Термин *iestlaset* (с характерной для эстонского языка утратой глайда в суффиксе *-lane*, но одновременно с характерной для финского языка дифтонгизацией праприб.-фин. **ē > ie)* применялся для обозначения как первой, так и второй группы в качестве своеобразного «зонтичного» эндоэтнонима. Для ингерманландцев он, по всей видимости, служит эквивалентом для перевода на родной язык термина *эстонец* из графы «национальность» в паспортах советского образца. Термин *virolain* в этой функции не используется, т.к. его применяют только для внешнего обозначения сядэвских и других «настоящих» эстонцев. Информанты самого старшего поколения были знакомы и с термином *горлаки (korlakat/gorlakat)*. «Чистые» эстонцы применяли его для обозначения ингерманландцев (с пейоративным оттенком):

(4) *А корла́ки – никого не называли «корла́ками» — такое слово не использовали?* (соб.). — *Как? — Корла́ки*. (соб.). — *Корла́ки? — Корла́ки. Не было такого слова?* (соб.). — *Это сл… это названне или как? — Да, говорят, что это название какого… вот какого-то народа, который здесь живет или жил* (соб.). — *Ааа, ха-ха! Теперь я поняла, про что! Э… у нас называют сейчас — у нас тоже финны. Мало эстонцы, а больше финны, а их называют «горлаки»! — Горлаки?* (соб.). — *Да. — А почему?* (соб.). — *Они нечистые. Не эстонцы и не… как сказать – и не финны. — Не эстонцы и не финны?* (соб.). — *Ага. — И поэтому их «горлаки» зовут?* (соб.). — *Ну… а что? Их не знаю, кто их, им ставил такую… ⟨...⟩ — А сейчас есть кто-нибудь в селе, вот, кто… к этим, горлакам относится?* (соб.). — *Они не признают себе! Мы-то так их это… — То есть это только их так*

звали, а они не сами не приз… ну, не считали себя «горлаками»? (соб.). *— Ну, они сами не знают, что они! А только говорят — «не чисто финны, не… не эстонцы»! Но больше на финны похоже выходит*
[NEAж-16].

Как и предсказывала информантка NEAж-16, ингерманландцы в большинстве случаев, старались избежать этого термина. Некоторые из них утверждали, что слово *korlakat/горлаки* используется для обозначения «какого-то народа», проживавшего в прошлом в окрестностях села. Другие говорили, что слышат термин впервые. Третьи (как правило, более молодые информанты) расценивали его как чье-то родовое прозвище:

(5) *Тут бывает — если…Ты даже можешь и нарваться на эстонском! Вот здесь если спрашиваешь… Раньше были — вот тоже как и сейчас, в наше время — у кого-то были свои прозвища. Вот такие. Или, как мы называем, клички. Это… вот кто-то кого-то невзлюбил там, или кто-то кому-то насолил, этот… ну и ему давали эти, бабки чё-нибудь. И оно спокон веков так вот этот шло-шло… ⟨...⟩ Вот у нас — нас все время в деревне называли «вярьмишами». А мой когда-то прадед еще, в ту, старую времену — он нанимался красить заборы, там что-нибудь. А это värvät* (инг. фин. ‘красить’) *— это «красить», värvät. А кто-то воспринимал это, что это как будто это какая-то нация такая, ну, такая яростная! Ну, у нас все были такие! Маленько шобутные такие — и дяди, и деды. ⟨...⟩ И дали вот это прозвище. Дали деду, а распространилось на всю родню! — Так вот эти… гг… горлаки — это, значит, тоже чье-то прозвище такое?* (соб.). *— Это… это, я думаю, что… наверно, что-то вот так, наподобие нашей — кому-то где-то что-то кто-то зацепил или он где-то работал, с чем-то должно быть связано!*
[NSAм-61].

В ответах более старших информантов, отрицавших существование термина, слышалось явное лукавство. В процессе одного из интервью ингерманландка ВМКж-22, отвечая на мой прямой вопрос, утверждала, что термин *korlakat* служит для обозна-

чения жителей соседней русской деревни. Позже, когда к разговору присоединилась ее подруга эстонка NEAж-16, активно употребляющая этот термин для обозначения ингерманландцев, BMKж-22 «сдалась» и признала, что этот термин ей знаком, и *горлаками* раньше действительно называли ингерманландцев:

(6) *А вот еще вот это слово гор… горлаки — вы знаете? Gorlakat или korlakat?* (соб.). *— Горлаки… Вон, тут в одной деревне жили какие-то горлаки вот эти.* ⟨...⟩ *Та это деревня* (показывает рукой). *Раньше* (инф. 1). *— Ну, а здесь не было?* (соб.). *— Не-а.* (инф. 1). *— А вот это я не поняла — кто-нибудь сердится на вас когда… Ты помнишь, чтоб горлаки там жили?* (инф. 2). *— Я не помню. Я слыхала, так говорили.* (инф. 1). ⟨...⟩ *— А мы тут… У нас называли – наше село тоже называли «горлаки живут».* ⟨...⟩ *Вот я на Лигу эстонские песни пела, а KNMм-30 услышал — со мной спорила, говорит: «Что за язык, и еще старый человек пойдут туда петь!» А он сам тоже это — горлак! Он не понимает эстонский!* (инф. 2) *— Горлак… А какой у него язык? На каком языке он говорит сам? Если он эстонского не понимает?* (соб.). *— Такой же язык, как и мы говорим!* (инф. 1). *— Ну, то есть, получается, горлаков тоже вроде есть несколько?* (соб.). *— Ну так же, так же, только…* (инф. 1). *— Они понимают нашего, я понимаю ихнего.* ⟨...⟩ *Ну, привыкли уже тут, наверно.* (инф. 2). *— А вот эти горлаки, почему их так называют? Слово такое странное…* (соб.). *— Ну, то, что смешанный язык, и всё.* (инф. 1). *— Только за то, что смешанный?* (соб.). *— Ну, конечно* (инф. 1). *— А само слово ничего не значит? Ни по-фински, ни по-эстонски?* (соб.). *— Не-е-е, так, вот он разозлится когда — и говорит* (инф. 1). *— То есть это ругательство?* (соб.). *— Ругань. Угу-угу* (инф. 1)
[BMKж-22; NEAж-16].

Ингерманландский идиом также иногда получает обозначение *gorlakan kiel'* ‘горлацкий язык’ (в среде ингерманландцев и эстонцев), хотя обозначение *suomen kiel'* ‘финский язык’ встречается гораздо чаще. Местный вариант эстонского языка ингерманландцы называют *viron kiel'* ‘эстонский язык’. «Зонтичным»

термином для двух прибалтийско-финских идиомов выступает термин *iestin kiel'/iesti kēl'* ‘эстонский язык’. Все перечисленные названия употребляются также в форме транслатива (в значении ‘[говорить] на языке X’): *suomeks*, *viroks*, *iestiks*. В отрывках из полевых материалов, цитируемых в книге А. Корб, можно найти еще два обозначения для ингерманландского: *finska jazõka pial* ‘на финском языке’ [Korb 2007: 27], *finljandskos* ‘по-фински’ [там же: 34], однако мне подобные термины не встретились. Термин *finan kiel'* ‘финский язык’ применялся информантами-ингерманландцами для обозначения языка финнов из Финляндии. Кроме того, многие информанты-ингерманландцы использовали выражение *mejen vītte* в значении ‘говорить по-нашему’ (букв. ‘нашим способом’; ср. с [Муслимов, настоящий сборник: 145]).

6.2. Важные «другие»

На первом этапе исследования моей задачей было разобраться в терминологии, используемой в качестве эндо- и экзоэтнонимов. В дальнейшем я пыталась понять, каким образом сами ингерманландцы и представители значимых для них групп проводят этнические границы, в каких терминах говорят о взаимных различиях и какие средства используют в качестве маркеров идентичности. Примерный список важных групп «других», выделяемых современными рыжковскими ингерманландцами, выглядит следующим образом:

1) *«настоящие финны»* (в эту категорию попадают и лютеранские священники, присутствовавшие в селе до 1920-х гг., и финны, с которыми рыжковцы контактировали в Карелии, и финские миссионеры, приезжавшие в последние годы, и эвакуированные из блокадного Ленинграда в 1942 г. финны-ингерманландцы);

2) *karjalaiset/«карело-финны»* (в значительной степени вымышленная группа, от которой, по мнению некоторых информантов, происходят рыжковские ингерманландцы);

3) *«настоящие эстонцы»* (эстонцы из Эстонии) и *сядэвские эстонцы* (бывшие жители деревни Сядэ, которые также могут отчасти претендовать на звание «настоящих»);

4) *«русские»;*

5) *латыши*.

В подразделах ниже я рассматриваю представления ингерманландцев о перечисленных группах более подробно.

6.2.1. «Русские»[88]. Бóльшую часть жителей Рыжкова на сегодняшний день составляют русскоязычные, приехавшие в село в разное время и из разных мест. Как ингерманландцы, так и эстонцы подчеркивают, что именно после того, как в селе преобладающей группой стали «русские» (т.е. начиная с 1960-х гг.), Рыжково утратило свой исконный «прибалтийский» хозяйственный облик. По их словам, раньше оно выделялось на фоне окружающих сел чистотой и благоустроенностью.

Плохое знание русского языка и неумение установить контакт с русскими рассматриваются прибалтийско-финскими группами и латышами как признак косности, не получающей одобрения. Языковой барьер между коренными рыжковцами и русскими уже давно не является проблемой, но истории о комических ситуациях, в которые попадали эстонцы и ингерманландцы, плохо знающие русский язык, популярны до сих пор. Действие в этих рассказах, как правило, относится к дореволюционному периоду[89].

Браки между прибалтийско-финским населением и русскими получили широкое распространение и теперь воспринимаются как нечто неизбежное. Ингерманландцы начали вступать в этнически смешанные браки раньше относительно замкнутой группы эстонцев. Согласно распространенному стереотипу, именно поэтому их язык теперь так далек от «правильного».

На фоне преобладающего русскоязычного населения консолидация некогда противопоставленных групп становится неизбежной. Особенно подвержены этому жители Рыжкова, переехавшие в соседние русские села. Например, в русском селе неподалеку от райцентра живут эстонец и ингерманландка со своими русскими супругами. Оба осознают, что родными для них являются разные идиомы, и с этой точки зрения язык ингерманландки

[88] Эту группу я называю «русскими» вслед за моими информантами, хотя более корректным внешним обозначением был бы термин «русскоязычные».

[89] Например, рассказ о том, как хозяйка-ингерманландка приглашала русских, приехавших на рыжковскую ярмарку, переночевать в ее доме словами: «Сдохните-сдохните, и пусть кони ваши сдохнут!» (вместо «отдохните» и «отдохнут»).

в глазах эстонца оказывается «нечистым». Однако, по ее словам, когда они с бывшим односельчанином собираются вместе, он часто с горечью повторяет:

(7) *Одни мы с тобой остались здесь гордые эстонцы — а остальные все русские!*
[SAIж-33].

Одна из групп русских описывается рыжковцами как еще более отличная от коренного населения. Это жители расположенного в нескольких километрах от Рыжкова села Верхний Яман, именуемые в рассказах *кержаками*[90]. Сам этот термин не вполне понятен носителям прибалтийско-финских языков, но связан с представлениями о том, что *кержакам* свойственна особая вера и обусловленные этим строгие обычаи. *Кержаки* описываются как народ «вредный», «беспокойный» и «упрямый»:

(8) *Врожденная кержацкая кровь — это неистребимо!*
[AAKм-47].

Информант-ингерманландец AAKм-47 с увлечением рассказывал об обычае *кержаков* ночью гасить все огни в деревне, чтобы никто из прохожих не мог найти ее с наступлением темноты, а также об обычае демонстративно разбивать глиняную посуду, из которой подавали напиться чужаку. По его утверждению, Верхний Яман окружен залежами черепков, на которые натыкаешься, работая в окрестностях села на экскаваторе.

Различие между русскими и украинцами иногда используется эстонцами и ингерманландцами для того, чтобы проиллюстрировать разницу между собственными прибалтийско-финскими группами[91]. Некоторые информанты-эстонцы иронично называли ингерманландцев *эстонскими хохлами*. Необходимо прокоммен-

[90] С. Верхний Яман было основано группой староверов.

[91] Подобные комментарии давали, например, две информантки GLSж-51 и PZAж-39 родом из Рыжкова, проживающие в райцентре. Одна из них работает учительницей русского языка в школе и имеет филологическое образование. В ее интерпретации ингерманландский и эстонский соотносятся примерно так же, как северно- и южнорусские диалекты.

тировать, что украинцы воспринимаются ими как «странная» разновидность русских, претендующая на то, чтобы ее считали автономной группой, но, возможно, не имеющая на это достаточных оснований. Ингерманландцы, получающие определение *«хохлов»*, по всей видимости, противопоставлены эстонцам по тому же критерию: наличие не вполне обоснованной претензии группы на автономность.

Русским Сибири подобная категоризация (деление русскоязычного населения на *русских*, *хохлов* и *кержаков*), возможно, показалась бы упрощенной. В среде местного русскоязычного населения сохраняются и более архаичные представления о подразделении русских на группы, например, на *чалдонов* и *лапотонов* [92]. Однако носителям прибалтийско-финских языков такая усложненная классификация неизвестна. В этом отношении ситуация симметрична: почти все русские (кроме *кержаков* и *хохлов*) для ингерманландцев и эстонцев одинаковы и не имеют отличительных черт. Для русских же, в свою очередь, не существует деления рыжковских *«эстонцев»* [93] на «чистых» и «нечистых». Они относятся к соседствующим прибалтийским группам с большой долей осторожности. Считается, что *«эстонцы»* и *латыши* менее открыты для общения и гостеприимны, чем русские. Меня предупреждали, что не все информанты просто так пустят в дом и согласятся говорить с незнакомым человеком (в действительности я не встретила особых препятствий для полевой работы). Определенное место в рассказах русских о своих соседях занимают намеки на близкородственные браки, распространенные среди старых рыжковских семей, и возникающие в связи с этим проблемы с душевным здоровьем у последующих поколений. Подобное

[92] *Чалдон* — коренной русский житель Сибири. *Лапотонами* (пренебр.) называют русских, появившихся в Сибири позже, «пришедших своим ходом». Одна из моих русских информанток прокомментировала отношение *чалдонов* к *лапотонам* следующим образом: «Моя мать, когда я замуж выходила, мне говорила: «Да если бы Судный день пришел и наша бабка из могилы встала, то как узнала бы, что ты, чалдонка, за лапотона замуж идешь, тут же бы обратно померла!»».

[93] Здесь и далее *«эстонцами»* (в кавычках) в случае возможной двусмысленности называется нерасчленяемая в русской речи местных жителей группа, включающая в себя как эстонцев, так и ингерманландцев.

отношение «отстранения» не способствует формированию адекватных представлений этнических групп друг о друге.

6.2.2. Латыши. Для формирования этнической идентичности прибалтийско-финской части населения Рыжкова группа *латышей* более актуальна, нежели группа *русских*[94]. В последние годы существенная часть села опустела, а многие участки заняты приезжими, из-за чего историческая территориальная организация села нарушена. Однако одна часть Рыжкова до сих пор считается *латышской*, а другая — *«эстонской»* (включающей в себя как «чистых» эстонцев, так и ингерманландцев):

(9) *Тут грань, кажется, можно, где теперь как школа — там можно грани такие вести — эти латыши тут, а мы, эстонцы, там, здесь. — А финны где жили?* (соб.). *— А финны… финны… Эти — эстонцами же. — С эстонцами?* (соб.). *— Эстонцами, да-да*
[NEAж-16].

На плане Рыжкова, сделанном в 1880 г.[95], по фамилиям домовладельцев можно проследить границы раздельного расселения эстонцев и ингерманландцев. К настоящему времени от этого разделения сохранилась только одна, «больше как финская», улица (Орловская)[96]. Как особое место расселения эстонцев упоминается участок Ерзовка *(Jorzofk)* на окраине села. Однако информацию, подобную этой, получить от информантов достаточно сложно: обсуждение границ «исконно финской» и «исконно эстонской» территории не представляет для них интереса. Гораздо более эмоциональной оказывается реакция на вопросы о разделении села на *«эстонскую»* и *латышскую* половины, которым соответствовали два национальных колхоза:

[94] В данном случае речь идет об идентификационных этнических процессах внутри самого Рыжкова. Возможно, по сравнению с «чужими» из мира за пределами села, рыжковские латыши могут восприниматься ингерманландцам и эстонцами как «свои», «земляки».

[95] ГАОО, ф. 198, оп. 1, д. 667.

[96] С. С. Сярг, бывшая жительница Рыжкова, упоминает о том, что «финские семьи жили ближе всех к кладбищу» [Сярг 2009].

(10) *Вот так и живем. И латыши, и эстонцы, и … раньше один колхоз был, в этом конце были эстонцы — эстонский колхоз, у нас здесь — «Бреви Латвет», по-латышски было, а по-эстонски было… я даже… «Коминтерна», о! Эстонский был. Колхоз. Потом совхозы были. Что я помню.* ⟨...⟩ *Деревня была по-другому тогда*
[GPEж-34].

Ингерманландцы и эстонцы охотно рассказывают истории, иллюстрирующие противопоставленность групп *латышей* и *«эстонцев»*, конкурирующий характер их отношений:

(11) *В магазин идешь когда — старые люди сойдутся, тогда они разговаривают. И сейчас в основном даже встречаются где — по-латышски говорят. Они приписали деревню себе! Латыши! В прямом смысле приписали — что они, да, тут обосновали эту деревню. Хотя практически — они приехали последними сюда! А вот ихний язык остался тут покрепче маленько. Они между собой разговаривают, а мне не с кем поговорить. Ну, с латышом могу только поматериться, больше ничего там*
[AAKм-47].

Одной из популярных тем в рассказах информантов были брачные конфликты между *«эстонцами»* и *латышами*. В данный момент браки между представителями обеих групп достаточно распространены. Судя по семейным историям некоторых информантов, такие браки случались еще в довоенный, а, возможно, и дореволюционный период. Рассказы о несчастных влюбленных, разлученных родителями из-за запрета на брачные союзы между латышами и эстонцами, в большой степени фольклоризированы:

(12) *Молодые любят друг друга — понравятся, а клуб — клубе тогда у нас не было, отделенне, где молока носят, принимают — вот туда ушли девки с молоком, и ребяты тогда ушли туда смотрели на это, девок — выбирали себе. Даже и… латыши не пускали эстонцы туда. Полдеревни почти, сложно сказать.* ⟨...⟩ *А латыши как-то… не разрешили. Одну парню молодую убили. Даже. Из-за девок дрались. Еще около оделення. — Латыша убили?* (соб.). *— Эстонца. —*

Эстонца латыши убили? (соб.). — *Да.* ⟨...⟩ *А потом еще на дружбу как было – раньше было строго. Этот… мне родители не разрешили за русского или за ко… ну, кого родители хотели за этом замуж вышли, а кого нет — на это нет. Вот тут большая история сейчас я говорю. Еще маленько мне тетка родня да была, она раз... разговаривала. Один парень, эстонец, длинный, Егором называла, такой был. Ну, жил тоже не хо… неплохо. И влюбился, это, в латышскую девку. А латыши туда не пускают, с ней встретиться, они не могли никак. А отца не было живого, а этот… Мать была, бабушка была. Или как сказать… мать, у девки мать была. Этот, там… Либо сперва маленько пустила туда это парня, потом латыши стали… наврать эту бабушке, что у та… этот, что-то у вас делает, ломает и всё. И бабушка длилась* [sic!] *и не стала дочери… не пустила больше туда на встречу. И заставила силком на другого парня, латышскую парню, вышла, выйти замуж. — Выйти замуж за латыша?* (соб.).— *Ага! А с этим, с этим встречи не давала больше. Ну и тогда было так, что свадьба была, у их, с этой латышам, а этот самый Егор, на хорошей лошади-то был и на коляске еще катался. И как раз, ну, наверно, то ли эту хотела так, что мимо свадьбы ехал, свою лошади, с кем всегда он гулял. Ну, невеста сидит за столом, ну, венок уже — как, раньше венками.* ⟨...⟩ *Невеста это… сидел, там —* *jah* (эст. ‘да’), *как видел, что Егор едет мимо, он.. она взяла от свою голову венок, выбросила под столом. При всех. Свадьби на этот. Видели все. И мой… как сказать? Все же столько маленько они жили, что ребенок у их был один. Девочка родился. И она совсем собира… это, собиралась совсем уходить, от его. — От латыша?* (соб.). — *Ага. Ну и этот… отравила себе. — Отравилась?* (соб.). — *Отравила, девушка устала, соседню деревню зяли. Ни… этот, эту девчонку себе как… дочь, дочерили или как, как сказать?* ⟨...⟩ *И вот как — какой день она отравила, это Егор будто в воскресенье утром, он спал на… мать пекла, и что он это… моя тетка все так тробно, как сказке говорила — у ей, это, бабушка была, бабушкина сын, который этот… жених был. И этот*

говорит — эта мать страпала блины, а я говорю — ш.. она на койке лежит под одеялом, а но не спит. И ей пришла этот, невеста, ну… не… не она пришла, а так, что сказали, что показалось это как… привиденне или как-то ей, и поднял эту, одеяло, и сказал: «Что ты, Егор, еще спишь?». — А как раз это время она умерла и показалась и… и как… как во сне или как. ⟨...⟩ И пришлось, из-за родителей, что не стры… не выста… — Мм, из-за родителей сгубили девушку? (соб.). *— Да! Вот. Такие случаи тоже были. Нехорошие, конечно! ⟨...⟩ И опять прибавлю еще! Мене пришли сватат — тогда эта тетка, этого, котора умерла, этого сестра — была мое женихе, вот там было как-то, поженила старик на эту, ну, она стара уже была. И тогда эта тетка, эта, Мари ее звали, говорит, что — нашу маму — «Лиза, не запрети дочь», — говорит! Наша мама не пускала, говорит, весь век вспоминает, как видит ихня родня, так и сно.. это, с его отнимает. Вот так было*
[NEAж-16].

Также очень популярны среди информантов комические истории о том, как «делили девок» *латыши* и *«эстонцы»* (привожу отрывок из интервью с супругами-ингерманландцами)[97]:

(13) *Вот у нас раньше, говорю, когда латыши приехали сюда, и эстонцы приехали сюда, у нас вот в этой деревне был два колхоза. Два колхоза был. Вот. В одном колхозе жили все латыши, а в этом стороне жили все эстонцы. Вот. Тогда уже, например, мы — ну... не наше поколение, а, например, уже постарше поколение — они уже к латышам-девушкам никто не попал. И латыши к нашим девушкам тоже не попали! Как латыш, который парень, только пришел с нашим девками дружить — вот парни тогда как дали по лбу! У нас речка был здесь, как вот этот самый речка — через речку был у нас мост, так вот некоторый раз был такой*

[97] Информанты JAMж-28 и JMSм-28 по-русски называют себя *эстонцами*, однако при переключении на родной язык начинают называть себя и свою группу *suomlaiset*. В данном отрывке речь идет скорее о собирательных «эстонцах».

праздничный день, латыши пришли в эту сторону, как будто, слушай, компания пришли, что надо бомбить этих эстонцев! Как эстонцы пошли, слушай, против этих латышей — так некоторые сразу! Через…Тогда понтон был строена через мост, так они в одну сторону, в другую сторону — наши эстонцы ребята были очень сильные! Так кинули их в воду! В воду! (инф. 1). — *Да-да! Ты знаешь* (саркастически)! (инф. 2). — *Вода, правда, неглубока была, ну, примерно вот так* (показывает)! *Кинули в одну-другую сторону! К нашим девкам не ходи! Вот так* (смеется)! *А потом уже, когда уже подальше было наш, когда уже соединили* [колхозы]… (инф. 1). — *Ооо, ты знаешь!* (инф. 2)
[JAMж-28; JMSм-28].

Латышские девушки при этом характеризовались информантами-ингерманландцами и эстонцами как более открытые и свободные в поведении, что и привлекало ингерманландских и эстонских парней. Похожие истории рассказывают и люди из смешанных эстонско-латышских семей:

(14) *Ну я и говорю — это чистые эстонцы!* (инф. 1). — *И так же эти латыши. Иногда дрались между собой! Молодые, эти, эстонцы, эти, латыши* (инф. 2). — *Невесту делили!* (инф. 1). — *И серди… невесты!* (инф. 2). — *Невесты делили!* (инф. 1). — *С это… с эстонцев шли к латышам к девкам, те сюда, потом тут делили, дрались — да! Всяко бывало!* (инф. 2)
[GPEж-34; MNVм-39].

Представители более молодого поколения информантов уже не говорят о браках *«эстонцев»* с *латышами* как о конфликтной ситуации (пример из интервью с информантом-ингерманландцем):

(15) *Ну а чаз же всё смешалось! Я, например, считаю, что у меня детишки — они как метисы! Я этот… одной нации, а она* [жена] *чисто латышка. Вот у ней братья в родне — тоже, а у них получилось как — у нас вот… мы два эстонцы, взяли вот же… наша — это моя теща* (показывает рукой на дом своей тещи-латышки) — *вот, и у ней вот старшая дочь Лида, взял эстонец. Младшую дочку взял я, тоже*

эстонец. А эти… ее сыновья взяли уже… один младшую взял латышку, латыш — латышку. А старшую взял чувашку. Ну это у нас все вот так мешается. Ну а ребятишки не говорят. Есть которые понимать — понимают, но говорить не могут. Ну вот так у нас, как говорится…
[NSАм-61].

Присутствие подобной ярко выраженной «чужой» группы не может не оказывать на прибалтийско-финское население Рыжкова сильное консолидирующее воздействие. Неслучайно именно в рассказах о латышах информанты-ингерманландцы безоговорочно называют себя и свою группу *эстонцами*.

При этом, как и для русскоязычного населения, для латышей группы ингерманландцев и эстонцев не противопоставлены. Информанты-эстонцы в отдельных случаях называли ингерманландцев *финнами*. Латыши не только никогда не называют группу ингерманландцев с помощью этого отдельного этнонима, но и никак иначе ее не выделяют. В числе моих информантов было несколько латышей 1920–30-х гг. рождения, демонстрировавших полную уверенность в том, что «эстонцы здесь все одинаковые», а «финны исключительно высланные, но их всегда было немного, а в последнее время не осталось совсем». Только одна из моих информанток-латышек знала, что местные *«эстонцы»* на самом деле подразделяются на эстонцев и финнов, но в особенностях этой классификации она не пыталась разобраться:

(16) *А здесь как… вот я про Рыжково хотела спросить — здесь в деревне жили латыши и эстонцы?* (соб.). *— Да. — А вот эстонцы… были все одинаковые или были вот еще… финны, какое-то такое… Были финны здесь?* (соб.). *— Ну я это не знаю. Про эстонцев.* ⟨...⟩ *— Ну, то есть, вы эстонского не знаете и не понимаете, да?* (соб.). *— Не! Я его и не люблю!* (соб.). *— Не любите? — Не люблю я эстонский язык, и я его и не учу и не слушаю! — А почему?* (соб.). *— С детства. Потому что он тяжелый. — Тяжелый?* (соб.). *— Да, он как — как сказать вам? По-латышски, мне кажется, легче, потому что по-латышски понятны некоторые слова — даже русский быстро поймет. А эстонский — он какой-то сливной. Протяжные эти слова, что нельзя выговорить.*

Вот он мне поэтому не нравится. И я не слушаю его, ничё. — А как латыши эстонцев называли, тех, которые здесь живут? (соб.). *— А как? Ну, так же, эстонцы и все. — Вот как по-русски говорили, «эстонцы»?* (соб.). *— Эстонцы.* ⟨...⟩ *— А «финнами» не звали никого?* (соб.). *— А? Финны — эти, по-моему, отдельные. — Отдельные?* (соб.). *— Я не знаю… Но они на по… они похожи на эстонцев, потому что у меня муж был финн. Но у меня сейчас его нет, он умер. — А он был рыжковский?* (соб.). *— Рыжковский. — И он здесь родился, вырос?* (соб.). *— Да. — Вот он был именно финн, у него другой язык был, не такой, как у эстонцев?* (соб.). *— Ну а я тоже — он-то говорит по-фински, ну а я-то откуда знаю, как он говорит? Потому что язык как вообще одинаковый у них были, финский с эстонским. — Одинаковые?* (соб.). *— Почти. Он сказал мне так — что почти что одинаковые. Он говорил и по-эстонски, и по-фински. Он так говорил. — А вы с ним на каком языке разговаривали?* (соб.). *— Он говорил и по-латышски тоже. — А дети ваши как говорили?* (соб.). *— А мои дети говорят и по-латышски, и по-русски.* ⟨...⟩ *— А эстонцы — они вообще по-латышски, многие знают латышский язык?* (соб.). *— Кто его знает, я не знаю. — А жили-то отдельно, латыши и эстонцы, да?* (соб.). *— Ну как вам сказать — вот в том конце — это, как сказать, вот деревня была, посреди деревни был магазин. За мага… по этой стороне был… были эстонцы, а по-на этой конце были латыши. — Угу. А финны где жили?* (соб.). *— А финнов не было тут. — А вот как ваш муж?* (соб.). *— А как он попал — я не знаю, я не спрашивала его. Ну, знаю, что родители тут у него были. Я не знаю про это дальше*
[LAAж-28].

Муж информантки LAAж-28 был внуком учителя приходской школы финна Ананиаса Лехто, работавшего в селе до 1921 г. Потомки выходца из Финляндии, в отличие от ингерманландцев, могут называться *финнами* уже на официальном уровне (неслучайно в 1940-е гг. братья Лехто были в числе людей, записанных финнами в похозяйственных книгах). Несмотря на это, в некото-

рых контекстах LAAж-28 все же называет язык своего мужа *эстонским*:

(17) *Ну вот финский язык от вашего мужа — он с ними* [с детьми] *не говорил по-фински?* (соб.). — *Моя семья по-эстонски не говорила*
[LAAж-28].

На мой вопрос, были ли в селе финны, информантка ответила: «Ну я это не знаю. Про эстонцев» (см. 16). Такой ответ показывает, что финны рассматриваются ею как часть *«эстонцев»*. Для остальных информантов-латышей даже такие смутные представления о подразделении группы *«эстонцев»* на эстонцев и финнов нехарактерны.

6.2.3. «Настоящие финны». По контрасту с русскоязычным населением Рыжкова и латышами, эстонцы и ингерманландцы могут объединяться в единую группу. Межэтнические контакты с носителями других вариантов финского языка[98], напротив, делают внутреннюю классификацию прибалтийско-финских групп более дробной. В условиях ограниченного набора этнических терминов группы известных рыжковцам *финнов* различаются по степени «чистоты» или «чистокровности».

Примечательно, что эпитет *чистокровный* применяется только в отношении финнов, в то время как словосочетание *чистокровный эстонец* в моих материалах не встретилось ни разу. Этому можно дать несколько объяснений. Во-первых, количество финноязычных групп, знакомых жителям Рыжкова, превышает количество соответствующих эстоноязычных групп[99]. Иерархия «финскости», таким образом, оказывается более сложной: от «полуфиннов» — к *настоящим финнам*, и от последних — к *чистокровным финнам*, находящимся на вершине иерархии. Другое объяснение может заключаться в том, что *финны* кажутся ингерманландцам, записанным *эстонцами* по паспорту, «недосягаемой», привилегированной группой. Только *чистокровные финны* получают право на соответствующую отметку в графе

[98] Дореволюционные финны из Финляндии, депортированные финны-ингерманландцы, финны в Карельской АССР в 1930-е гг., современные миссионеры из Финляндии.

[99] Т.е. сядэвских эстонцев и эстонцев из Эстонии.

«национальность». *Эстонцами* же, как показала практика 1930-х годов, с легкостью записывают всех.

Представления о том, кого можно с полным правом считать *чистокровными финнами*, достаточно расплывчаты. Детализованных воспоминаний о финских священниках дореволюционного периода, также как и о ссыльных из Финляндии, селившихся в Рыжкове до 1887 г., у современных рыжковцев не сохранилось. Тем не менее, память об исторической связи *финнов* с церковью дополнительно увеличивает престижность группы: информанты помнят о том, что «священные книги», хранившиеся как в эстонских, так и в ингерманландских семьях, были написаны на финском языке. Об умении некоторых стариков, в настоящее время уже умерших, читать по-фински отзываются с большим уважением. Обычаи приезжих *финнов*, по сравнению с обычаями собирательных рыжковских *«эстонцев»*, описываются как более цивилизованные:

(18) *И вот обычаи были разные, у финнов и эстонцев. Когда сюда приехали… Ну, эстонцы приехали раньше финнов сюда. Потому что мама говорит, они смеялись еще — ну у них там просто и коровы вместе с людьми в доме жили, а вот финны, у тех было всё… так аккуратные они очень были, другие, вот что смеялись, что* [эстонцы] *чистят, в общем, картошку. Ну, в то время* (показывает, как картошку трут в руках, чтобы сошла шкурка) *— картошку отварят да… — Ну да, руками?* (соб.). *— И руками трут*
[МАРж-49].

Некоторые информанты (как ингерманландцы, так и эстонцы) с гордостью говорили, что в их роду были *чистокровные финны* из Финляндии. Подобные утверждения, по всей вероятности, отсылают к тем временам, когда в Рыжкове еще ощущалось противопоставление групп ингерманландцев и «финляндцев». Сами информанты, однако, не способны объяснить, каким образом в Рыжково попадали *чистокровные финны*, когда это было и по какой причине их в селе не осталось. Приведу здесь рассказ одной из информанток-ингерманландок о *настоящих финнах* (в нем смешались воедино события как минимум трех исторических периодов):

(19) *Финнов теперь осталось очень мало, и они уехали. Жили они вот по этой улице в основном. Мама вот моя их еще помнит. Чистокровных финнов. У них мельница вон там была. Фамилия была Иванова. Ну, это, наверно, может, на русский лад или как… Но вот имена были чисто вот финские. Эдва, Лююли, вот это, женщины были, уже пожилые в мое время — я вот с ними общалась. Отец ихний похоронен здесь на кладбище. ⟨...⟩ Потом сюда приехали финны, но финны приехали — это еще задолго до войны, у меня мама-то помнит их еще маленьких. А каким образом они сюда?… Ну, они здесь были с миссионерской целью, то есть, церковь вот была...*
[МАРж-49].

Депортированных в 1942 г. финнов-ингерманландцев также упоминают в числе *настоящих финнов*, но они уже не получают эпитета *«чистокровных»*. Отношение к депортированным можно охарактеризовать как настороженное и почти негативное. Складывается впечатление, будто информанты подозревают вынужденных переселенцев в каких-то действительных преступлениях. За редким исключением, люди, с которыми я общалась, не помнят их имен и говорят, что после возвращения последних на родину, никто не поддерживал с ними контакта[100]. В рассказах о депортированных на передний план выходит распространенный стереотип: представления о *финнах* как о «горячих парнях», которые пьют, дебоширят и ходят «с ножом за голенищем».

(20) *Эти… И финны здесь жили. По нашей улице именно. — Вот эти, именно те, которые, вы говорили, пере… приехали?* (соб.). *— Да, приезжали. Здесь тут… я уже многих даже не знаю. Тут единственное что, с этими финнами мать общалась. Она что со своего детства говорит, что пугали они, грит, тоже. Пили — ну, они такие, финские парни горячие, с ножами бегали* (смеется) *Mie sinnu*

[100] Несмотря на то, что люди 1930-х гг. рождения учились в школе с детьми депортированных, а некоторые даже входили с ними в одну компанию.

pukissan (инг. фин. ‘я тебя зарежу’). *Вот они это: «Тебя зарежу!»*
[МАРж-49][101].

Информантка-эстонка NEAж-16 (в приведенном ниже отрывке — инф. 2), в доме которой жила семья депортированных финнов-ингерманландцев во время войны, дает им еще более негативную характеристику. Ее подруга-ингерманландка (инф. 1) с дочерью (инф. 3) пытаются смягчить ситуацию. По всей видимости, отношение ингерманландцев к депортированным было все же мягче, нежели отношение эстонцев:

(21) *У меня были квартиры — так тоже, это, вхожу — этот, картошки мыли, на суп крошили — с этим белье стирают! У их разницы не было!* (инф. 2). — *Ну, не знаю, людей всяких есть* (инф. 3). — *Ну, тоже есть, как и везде — кто в чем стирает, тот, может, и готовит — кто его знает. Всякие же грязнули есть!* (инф. 1). — *Что, у нас нет?* (инф. 3). — *В том-то и дело! Всякие есть. ⟨...⟩ У них своей посуды много было. Своей посуды. Мне это не нравилось ⟨...⟩* (инф. 2). — *Не, ну если я вижу, что я в своей посуде готовлю…* (инф. 1). — *Правильно. И что — что было тогда… А два, у нас не было — изба была, такая плита сделана, было так. А за плитой тогда стало как… как стало место посуда — или шкаф, или как сказать? Стол. А другой стол была здесь. Ну и этот стали пола мыт. Этот, Сюльвиса — эта девка, Сюльви, стала пола мыт, и все там тоже они — ну, тогда посуды не хватало, конечно. Вот тоже — ночью пи́сали, это, туда горячую*

[101] Этот же стереотип, например, упоминается в книге выходца из Омской колонии А. Е. Иванова [Иванов 1993]. Данное представление, по всей вероятности, имеет раннее происхождение и возникло еще в XIX в., когда в Рыжкове селились выходцы из Финляндии, сосланные в Сибирь за уголовные преступления. Если изначально оно характеризовало именно высланных финляндцев, то позже могло закрепиться за другими группами, занявшими нишу *настоящих финнов*. При этом, с точки зрения эстонцев, в категорию «горячих финских парней» попадают подчас и сами ингерманландцы. Для ингерманландцев же, в свою очередь, «горячими парнями» являются только *настоящие финны*.

воду́ налили — сильно запах этот, нехороша пришла. И она взяла — ну как пола мыт, взяла от посуды там, ведра, что вверху были. Она стала, взяла эту ведро, поставила середину пол. ⟨...⟩ Как иду, она взяла ходку, с этой, это ведро и чистый стул мой! И я крикнула сразу, испугалась! «Ой! Что случилось?». Я говорю: «Сюльви, что ты делала — поганый этот стол, мы тут посуду дёржим, зачем?». — «Ну я же мою, чистый будет», — ну? Оправдал себе! (инф. 2) [JAMж-28; NEAж-16; SPMж-50].

Финские коммунисты, присутствовавшие в селе с конца 1920-х гг., оцениваются более позитивно. Их также характеризуют как *чистокровных финнов*, и в этом случае критерием оценки выступает их неоспоримая связь с Финляндией. Информанты помнят их имена и отмечают особую манеру говорить по-фински, более правильную, нежели «смешанный язык» ингерманландцев. Память о них сохраняется потому, что в селе до сих пор живут потомки одного из них, Эрика Энквиста. Его дочь (ENEж-50) считается общепризнанной «последней чистокровной финкой»[102] в селе. При получении паспорта она единственная из своего поколения записалась *финкой:*

(22) *Я тоже решила написать, что я финка. ⟨...⟩ Когда я паспорт получала, записала себя финкой. По отцу. ⟨...⟩ И писались — вообще все писались эстонцами. А знаете почему? Я вот когда подрастала — я помню, с отцом говорила, вот четырнадцать лет уже, паспорт выдают — я у отца спросила, как мне лучше записаться, эстонкой или финкой. Он сказал: «Запишись эстонкой, это будет лучше для тебя». — Почему так сказал — я не знаю. Тогда как-то не было у нас такого… таких теплых отношений с Финляндией — тогда же были эти, границы закрытые, и общение было как бы… не так вот, как сейчас. Мы сейчас как-то*

[102] По рассказам дочери, Эрик Энквист был родом из Тампере. В 1939–1940 гг. он принимал участие в военных действиях на стороне русских. После демобилизации по ранению он оказался в Карелии, где познакомился со своей будущей женой, рыжковской ингерманландкой. В Финляндию он уже не вернулся и переехал в Рыжково, где и прожил всю оставшуюся жизнь.

ближе общаемся с ними. А когда это… видимо, сказывается вот это, что… финская… финская война. Вот. ⟨...⟩ *— А вы на языке отца говорили? Он другой ведь был?* (соб.). *— Он чистый финн. Он говорил только на чисто финском языке* [ЕНЕж-50].

Официальный статус *эстонцев* и сейчас расценивается информантами как более безопасный. Для информантки ЕНЕж-50 «виктимность»[103] финнов выходит на передний план, так как она является *финкой* на официальном уровне. Ощущение собственной уязвимости в целом характерно для групп, пострадавших от репрессий, а для финнов-ингерманландцев, по мнению [Егоров и др. 2007], вообще является ключевым компонентом идентичности. Однако рыжковских ингерманандцев эти проблемы практически не коснулись. Из всех моих информантов только одна женщина, SSSж-40, репрезентировала свою группу как группу «гонимых». В отличие от большинства своих односельчан, она знает об исторической связи Рыжкова с Ингерманландией. После интенсивных поисков информации о прошлом села, она пришла к выводу, что рыжковские *«эстонцы»* на самом деле являются ингерманландскими финнами[104]. В ее рассказах мотивы «виктимности» и противостояния режиму были ключевыми, хотя ни она сама, ни ее родственники не подвергались насильственному переселению или другим видам репрессий. Интерес SSSж-40 к *финнам*, слабо понятный информантам, плохо знающим ее личную историю, делает ее в их глазах еще одной *настоящей финкой*. В действительности, SSSж-40 может с тем же успехом претендовать на статус *настоящей эстонки:* ее мать приехала в Рыжково из эстонской деревни под Ленинградом, чтобы преподавать эстонский

[103] «Виктимность» употребляется здесь не в психологическом и криминалистическом значении этого термина, а в значении свойственного представителям группы ощущения «жертвы». Трактовка всех происходящих событий происходит для них с позиций гонимого народа, против которого настроено окружающее большинство.

[104] Личный архив SSSж-40 включает такие публикации как [Декельбаум; Ефимов 1972; Златоустовский, Нифонтов 1960; Иванов 1993; Карху 1990].

язык в рыжковской школе, а отец был из смешанной эстонско-ингерманландской семьи.

Здесь стоит упомянуть и о втором «последнем настоящем финне Рыжкова», информанте LNSм-57. Как человек, не вовлеченный в общественную деятельность (в отличие от ЕНЕж-50, руководящей рыжковским домом культуры), он менее популярен среди информантов в качестве хрестоматийного примера *настоящего финна*. Вместе с тем, LNSм-57 является потомком уже упоминавшегося учителя финской приходской школы Ананиаса (Аманя) Лехто и даже предпринимал попытки выйти на связь с родственниками в Финляндии. Однако детальная информация о прошлом группы, которой он владеет наравне с информантами ЕНЕж-50 и SSSж-40, неизвестна остальным жителям села. Эти трое людей расцениваются окружением как обладающие монопольным правом на «финскость», вследствие чего их связи с Финляндией трактуются как исключительно личные, не имеющие отношения к общей истории. Подобные явления, возможно, отражают общечеловеческую тенденцию уделять внимание только той части информационного потока, которая затрагивает наши личные интересы.

Своеобразная информационная изоляция постигла и уже упоминавшийся музейный стенд, созданный миссионерами к празднованию двухсотлетия Рыжкова. О его содержании известно только его авторам и нескольким прихожанам Омского лютеранского прихода. Сведения из этой подборки активно задействовал в интервью только информант GAм-40, чей предок упоминался в одном из текстов.

По всей видимости, все группы приезжих финнов, будь то служители церкви из Финляндии, депортированные финны-ингерманландцы или финские коммунисты, ощущаются современными ингерманландцами Рыжкова как «чужие», в то время как эстонцы представляют гораздо более близкую группу. В среде информантов, активно контактировавших с миссионерами, можно наблюдать зачатки вторичного формирования финской идентичности, однако, по сравнению с ингерманландцами в других поселениях, рыжковцы проявляют в этом вопросе заметную инертность. Для некоторых из них появление «финских попов» служит еще одним доказательством того, что «финны — не такие, как

мы». Этническая идентичность оказывает решающее воздействие и на способность/желание понимать литературный финский язык. Некоторые информанты «профинской» ориентации, являющиеся носителями ингерманландского идиома, утверждают, что литературный финский им хорошо понятен. Рыжковские ингерманландцы, считающие себя *эстонцами*, напротив, утверждают, что на чистом финском они не понимают ни слова.

6.2.4. Karjalaiset/«карело-финны». Самая загадочная группа, чье название встречается в моих материалах, это группа, называемая рыжковскими ингерманландцами *karjalaiset* по-фински и *карело-финнами* — по-русски. Ей сложно найти какое-либо конкретное историческое соответствие. В рыжковских похозяйственных книгах упоминается только один *карел*, мужчина по фамилии Ремизов, приехавший в село до 1935 г., а после 1940 г. попавший в заключение.

Сам термин *карело-финны* мог быть занесен в Рыжково теми, кто работал в 1930-х гг. в Карельской АССР[105]. В некоторых интервью *karjalaiset* выступали как еще одна группа «чужих», которые жили в Рыжкове в 1930–40-е гг., и в этом случае их можно было ассоциировать с группой финских коммунистов, оказавшихся в Рыжкове в конце 1920-х гг. В отдельных случаях наименование *karjalaiset* получали и депортированные финны-ингерманландцы:

(23) *А «karjalaine» никого не называли?* (соб.). — *Karlalaine — это другая нация совсем!* (инф. 1). — *А кто это такие?* (соб.). — *Эти уже другие совсем* (инф. 1). — *Карельцы!* (инф. 2). — *Карельцы — это уже karlalain* (инф. 1). — *А здесь не было таких?* (соб.). — *Нет, здесь таких не было* ⟨...⟩ (инф. 1). — *Подожди, наша мать что-то рассказывала, по-моему…* (инф. 2). — *Было здесь — один старик,*

[105] В частности, жительница Рыжкова С. С. Сярг в своей статье сообщает, что в 1928 г. один из ее родственников, спасаясь от раскулачивания, продал свое хозяйство и «вместе с семьей завербовался в Карелию на лесоразработки, но когда в 1938 г. там начались репрессии по отношению к финнам, то он опять со всей семьей вернулся в Сибирь, в свое родное Рыжково» [Сярг 2009].

это, Karlalain[106] *— ходил, это, работал на… ну вот, как это…* (инф. 1). *— Он высланный был?* (соб.). *— Высланный! Они все были — да здесь, собственно говоря, в Сибири — здесь все высланные* (инф. 1)
[МММм-39; MZMж-46].

(24) *Ну, вот говорили еще, что karjalain как будто в Рыжково были? Не слышали такого слова? Кого-нибудь так называли — karjalain?* (соб.). *— Ну, нет. Karjalain — это, знаете, это не эстонское! Это смесь э… финнов… финского и эта… эстонского. Это смесь — это уже в Сибири переделаны. Это karjalain – это, знаете, звали людей, которые... ну вот как, сейчас скажу, если с Искры ехать, с Искры — там по асфальту сперва заезжаешь... Только в Рыжково заезжаешь, там жили латыши. И по ту сторону речки, вот, жили вот эти… карьялайны. — Карьялайны?* (соб.). *— Да. Вот они жили. — В Рыжково?* (соб.). *— Это в Рыжково, да. Их называли karjalain. Но там — немного, там одна улица была, возле этой вот там речки.* ⟨...⟩ *— А вы знали кого-нибудь из karjalain?* (соб.). *— Ну а как? Я с ними жил — ихние дети учились в школе.* ⟨...⟩ *— А вот эти karjalain они дома как говорили? Вы не знаете? У вас никого знакомых не было из них?* (соб.). *— А их нету никого. — Никого уже нету?* (соб.). *— Нет. Их в Рыжкове никого нету.* ⟨...⟩ *Их… депортировали обратно — а вот куда, я уж не знаю.* ⟨...⟩ *Где-то сорок… шестом, сорок седьмом, сорок восьмом году. После смерти Сталина их всех отправили обратно. В общем, дали полную свободу.* ⟨...⟩ *Уже в начале — как война началась, начали поступать в Рыжково эстонцы, финны. Было разное нация, было. Деревня была самая большая. Самая большая в районе в Крутинском была*
[МАМм-36].

[106] В данном случае запутанность ситуации усугубляется тем, что один из финских коммунистов, живший в селе в 1930–1940-х гг., носил фамилию Карьялайнен. При ответе на вопрос о том, были ли в селе люди, которых называли *karjalaiset*, информанты после некоторого раздумья отсылают к нему.

(25) *А karjalaset? «Karjalaset» не говорили?* (соб.). *— А они уезжа… я не знаю, у их там язык — как, этот, Karela есть этот, Karjela — эта, Карелия. У их я не знаю, у их язык одинак.. — я не знаю точно. — Одинаковый язык?* (соб.). *— Да, они одинаковый язык, да. Они с Карелии были, все. Мне даже вот бабушка была, они, когда их тут раскулачат еще, они уехали вот туда, переехали тут в Петрозаводск. В Карелию-то, там жили. А началась война — потом они оттуда во время войны драпали, сюда опять, в Рыжково. ⟨...⟩ Ну, где-то там наши вот… Карелы там… ф.. ф.. тоже когда, этот, в тридцать девятом война с финнами была — вот где-то. Многие тогда отсюда драпали*
[KNMм-30].

По всей видимости, в некоторых случаях термин *karjalaiset* мог использоваться и для обозначения самих рыжковцев — тех из них, кто в 1930-х гг. побывал на работах в Карелии[107]:

(26) *Karjalaiset — karjalaiset — даже это… ну, это, видимо, кто был… э… в Карелии. С Карелии. Моя мама там работала тоже, вот, в сорок первом или в сороковом ли году… И она там в Карелии работала, они как бы… ухаживали за лошадьми, которые принимали участие в военных действиях. Там вот, в Карелии. Она говорила, они мы даже видели там… Ф… Финляндию там через какое-то — на горизонте. Но она там какое-то время работала. Очень многие там были. — Угу… И вот это karjalaiset?* (соб.). *— Вот эти karlalain... karja-lai-set. — А здесь-то никого не было?* (соб.). *— Не было. Наверное, этих так называют, кто там был. ⟨...⟩ Или тех, кто работал, или, может, оттуда кто-то был… ну, то ведь, это я… я не знаю. Такую древность я уже не знаю*
[ЕНЕж-56].

[107] Подобным образом мать одной из моих информанток в дер. Орловке односельчане называли *карело-финкой*. В действительности она была ингерманландкой из деревни Ларионовки, но в 1930-х гг. несколько лет жила в Карелии. Это и послужило для ее окружения основанием для «пересмотра» вопроса о ее этнической принадлежности.

Анализ этих и подобных им отрывков интервью наводит на мысль, что термин *karjalaiset/карело-финны* используется жителями Рыжкова не только для обозначения карел. Шире его можно понимать как собирательное название для всех групп финнов не из Финляндии, которые являются носителями разнообразных вариантов финского языка. «Финская Карелия»[108] в отдельных случаях становится воплощением исторической родины самих ингерманландцев. *Карело-финский язык* приводят как пример финского языка, более близкого рыжковскому, нежели *эстонский* или *настоящий финский*. Петрозаводск, рассматриваемый в качестве столицы гипотетической *карело-финской* территории, считается местом, «где язык почище и поправильнее»:

(27) *Меня когда домой обратно мать забрала* [из детского дома], *я разговаривал сразу через одно слово по-русски, другое по-фински! Именно по карело-фински. Я считаю его ближе, вот этот язык — он ближе к карельскому языку. — К карельскому?* (соб.). *— Да, сколько я потом узнавал, разговаривал, даже вот по карте читаю названия, наш рыжковский финский язык — он ближе карельскому языку. Да, ближе карельскому языку. Тем более что один родственник, у меня дядя жил ⟨...⟩ именно около Петрозаводска, и он оттуда привез несколько новых слов, которые мы потом взяли в свой разговор, и стали на финском языке разговаривать — вот ūnit, perunat* (фин. ‘печки’, ‘картофелины’), *вот ūni — это печка. ⟨...⟩ А мы говорили до этого kartul'* (инг. фин., эст. ‘картофель’), *ну по-эстонски это как бы в основном. А вот эти некоторые слова, и мы переняли, стали тоже говорить. Так, вот именно как возле Петрозаводска. Это как бы столица, значит, тут язык почище должен быть. Вот так*
[ААКм-47].

Предположение о родстве ингерманландского идиома с *карельским* или *карело-финским* языком подкрепляется сведениями из публикаций В. Злобиной, утверждавшей, что ингерманланд-

[108] «Финской Карелией» информанты иногда называют Карело-Финскую АССР.

цы-корлаки являются прямыми потомками карел. Информант ААКм-47, ссылаясь на своего двоюродного брата, приводил версию происхождения ингерманландцев, близкую к версии В. Злобиной:

(28) *У меня двоюродный брат, он — сейчас он вернее всего, что умер — он жил в Нарве, он за восемьдесят с лишним лет прожил. Он прекрасно знал вот два финских языка — как раз, кстати! Один — наш финский язык, а второй — коренной финский язык, который говорят в Хельсинки. Он фольклор изучал, всё, он грамотнейший сильно человек такой был.* ⟨...⟩ *Вот говорит, это вот наш язык, который мы разговариваем по-фински, он относится к финским цыганам! Изгнанному племени. Какой-то финский барон рассердился на какое-то племя в свое время.* ⟨...⟩ *И выгнал. И они жили в районе между Эстонией, Россией и Финляндией, и Карелией. Вот этот промежуток там* [Карельский перешеек], *на карте он есть, вот они там жили, обитали. Вот как раз наш язык соответствует этим финским цыганам. — А как их называли?* (соб.). *— А вот я теперь не могу сказать. Ой. Нет, скажу! Корла́ки! Вот мы разговариваем на корлакском — корлакско-финское, корлакское наречие! — Корлакское?* (соб.). *— Вспомнил, корлакское! — А что за слово такое означает?* (соб.). *— А, по-моему, ничего не означает. Ну, может быть и да — по какому-нибудь, может, и переводится, конечно, «корлакское»… ну, просто народность.* ⟨...⟩ *— Интересно, откуда же он про них узнал…* (соб.). *— А он сказал это, он досказал мне даже вот, как это… Ну, повествование идет из поколения в поколение — что барон, финский барон, взял, выгнал со своей территории какое-то племя, которые вот и были такие, что их ни финны, ни карелы не принимали*
[ААКм-47].

Другой информант, не знакомый с публикациями В. Злобиной в подобном переложении, тем не менее, также называл свой язык *карельским*:

(29) *A suomen kiel'* (инг. фин. ‘финский язык’) *как переводится? Suomen kiel' — это какой?* (соб.). *— Mie siunka hässam!*

(инг. фин. ‘я с тобой [на нем] разговариваем’). — *А вот как он на русский переводится — suomen?* (соб.). — *Ну, «карельский».— «Карельский»? Ммм…* (соб.). — *А этот язык, эстонский — «iest'i kiel'».* — *А viron kiel' — это «финский»?* (соб.). — *Viron kiel'... finan kiel' — это «финский язык».* — *Fīnan?* (соб.). — *Fīnan kiel'!— А karjalaiset — это кто?* (соб.). — *«Карело-финский». Но у них язык не сходится.* — *С вашим?* (соб.). — *Угу. В общем, у нас, как тебе сказать, у нас деревенский язык. Свой. Мы туда ездим — мы не умеем там говорить.* — *А вы были в Карелии?* (соб.). — *В Карелии я не был. Я в Эстонии был.* — *И там не сходятся они?* (соб.). — *Не-а*
[ККМм-34].

В приведенных примерах при желании можно было бы усмотреть реликты более древнего употребления термина *karjalaiset* как самоназвания ижор. Р. Е. Нирви сообщает, что в XIX в. этот термин все еще использовался в Ингерманландии [Nirvi 1972]. Однако такая трактовка представляется сомнительной. Отдельные информанты (как и ККМм-34) приходили к утверждению, что местное население можно считать *«карело-финнами»*, однако сам термин *karjalaiset* ни разу не использовался ими в качестве самоназвания. Подобное употребление подсказывает, что *karjalaiset*, рассматриваемые как наиболее близкая ингерманландцам группа (от которой они, возможно, даже ведут свое происхождение), все-таки являются группой «чужих», т.е. сам термин представляет собой экзоэтноним[109].

6.2.5. «Настоящие эстонцы». Эстонцы (на ингерманландском — *iestlaset* и *virolaiset)* также делятся в представлениях рыжковцев на *чистых* и *нечистых*. Самыми *чистыми эстонцами,* бесспорно, считаются эстонцы, проживающие в Эстонии. Право местных эстонцев на подобное наименование может оспари-

[109] По крайней мере, на синхронном уровне. В диахроническом плане существует вероятность того, что в XIX в. термин *karjalaiset* использовался рыжковскими ингерманландцами в качестве самоназвания, но позже утратил это значение, так же, как это произошло среди современных ижор (ср. [Муслимов, настоящий сборник: 173–174]).

ваться в зависимости от контекста (инф. 1 — эстонка, инф. 2 — ингерманландка):

(30) *А вот вы не чистые финны — мы не чистые эстонцы…* (инф. 1). — *Ну, я не чистый* (инф. 2)
[NEAж-16; ВМКж-22].

Нечистыми эстонцами (по-русски) в большинстве случаев именуются все-таки ингерманландцы. Подобное наименование практически не встречает возражений, так как, по всей видимости, отличия ингерманландцев как от «чистых» эстонцев Эстонии, так и от «чуть менее чистых» местных эстонцев в сознании информантов выражены слабее, нежели противопоставленность ингерманландцев *настоящим финнам*.

Некоторые рыжковцы, как эстонцы, так и ингерманландцы, еще до распада СССР бывали в Эстонии. Рассказы об этом, как правило, сопровождаются рефлексией на языковые темы. Приведу два отрывка из интервью с ингерманландцами КМАж-26 и МАМм-36:

(31) *Ну а если эстонцы чистые идут — так уже трудно нам. Мы по-своему отвечаем, они по-своему. Но они нам говорят — saame aru, saame aru* (эст. ‘понимаем, понимаем’) ⟨...⟩ *у их… совсем — редко какие слова сходятся. Конечно, с латышами нам трудно говорить и с теми — я вот с мужем ездил в Эстонию, у его брат жила в Эстонии. Там мы — я ихний язык не знала, стал по-русски говорить, а то время была туго еще с этими всякими вещами, всё, — они мне — я как стал по-эстонски, хоть плохо — « Väkä ia, väkä ia, keik saame aru!* (искаж. эст. ‘очень хорошо, очень хорошо, все понимаем’)». ⟨...⟩ *Ху! «Ono, ono, ono!»* (искаж. эст. ‘есть-есть-есть’). — *Они сразу. А по-русски как говоришь — не дают!*
[КМАж-26].

(32) *Я, например, ездил… Я, например, вам так скажу — был я как-то в Эстонии. Ну, я не один раз проезжал на машине. А ехал я в поезде, в купе, и две эстонки садятся — со мной тоже — но они-то не знают, что я понимаю эстонский язык! И они про себя там: «тыр-тыр-тыр, тыр-тыр-*

тыр». Ну и, ххxе! Ну а я, слушай, потом, когда я стал по-ими разго… с ими разговаривать по-эстонски, у одной чуть… знаете, э.. Очки не выпали! Поняла? Я говорю — они мне грят: «Откуда?!». А я грю: «Да я вот слышал, как вы разговариваете, и, — грит, — моментально, — грит, — понимать стал, что вы разговариваете! (смеется)». *Ну — язык отличается!*
[МАМм-36].

Информант МАМм-36, проживающий в райцентре Крутинка с подросткового возраста и, по сути, находящийся вне родной прибалтийско-финской языковой среды, выделяется среди остальных ингерманландцев своей более «проэстонской» ориентацией. Эстонский язык Эстонии, по его утверждению, ему хорошо понятен. Напротив, ингерманландка КМАж-26, называющая себя *нечистой эстонкой*, но проживающая в Рыжкове и регулярно контактирующая как с носителями ингерманландского, так и рыжковского эстонского идиомов, отмечает, что она не знает языка эстонцев Эстонии. Оценка возможности взаимного понимания языков между носителями «чистого» эстонского и ингерманландского идиома зависит, таким образом, от субъективного восприятия границ между группами.

Другой информант-ингерманландец с «более финской ориентацией» пересказывал историю о том, как ему однажды удалось найти общий язык не только с *настоящим эстонцем*, но и с *финном* из Петрозаводска. Ингерманландский идиом в данном случае расценивался им как двойное преимущество, так как, благодаря своему переходному положению между эстонским и финским, он позволяет общаться как с *эстонцами* из Эстонии, так и с *настоящими финнами*:

(33) *А вы когда-нибудь вот с эстонцами из Эстонии разговаривали?* (соб.). *— Я разгова… я с ими разговаривал. Я как-то ездил туда по путевке, по… ленинским местам. В Ленинграде там… Финский вокзал. Там тоже сидели в ресторане. А там один подошел…. Мужик… с этим, с тарелкой. А я сидел за столом, ну, он сел, ну: «Можно вас?». Ну, думаю, язык-то коверкает, чувствуется, нерусский. Ну. Вижу, что как эстонец. Ну, он… Я сам hāssan* (инг. фин. ‘говорю

[по-фински]'): *«Ты откуда?» А он: «Tallinn, Tallinn». А я: «Sa* ... (эст. 'ты') *iestlane* (инг. фин. 'эстонец')?». *Он напугался! Ну, мы давай с ним по-эстонски. Говорили…— Понимали друг друга?* (соб.). *— Ну да! Они там чисто эстонский. А у нас мешанный идет. Но я-то понимаю это. А он такой доволен был! А потом, он: «Ой, это, надо мне ехать туда сейчас уже», — как это. — «Поезд сейчас уже. Это, едет поезд — надо идти». И... А потом, это, там студенты сидели, тут недалеко, через стол так. Потом тоже один там, сидели, говорили — один подошел, молодой парень, он был с, это, с Петрозаводска. Ну — а тот по-фински! И вот мы с им давай это — тоже по-фински! Уже по-фински говорить. Он уже другой — из Петрозаводска. Другой язык — по-фински язык. А тот с Таллинна был, понял? Вот nad* (эст. 'они') *kui* (инг. фин. 'как') *удивились: «Как это, ты там, парень или шо, как это ты так, знаешь»? — Я говорю: «Дак вот!». Вот и будь таким грамотным* (смеется)!
[KNMм-30].

Другая группа эстонцев, более близкая для ингерманландцев, но, тем не менее «чужая», — эстонцы, когда-то проживавшие в дер. Сядэ. Они также иногда характеризуются как *настоящие эстонцы* по-русски и *virolaiset* по-ингерманландски:

(34) *А вот то, что говорят, что эстонцы здесь еще как-то между собой делятся… Вы про это знаете что-нибудь?* (соб.). *— О-о-ой. Эстонцы у нас — у нас не чистые эстонцы. У нас смешанный язык какой-то. Эстонско-финский.* ⟨...⟩ *А virolain — ну, у них немножко говор другой. И слова другие употребляют они, разговаривают.* ⟨...⟩ *Может, потому что они в свое время жили — поселение у них было отдельное, сядэвские, да. — Сядэвские? То есть, получается, те, которые virolain — они все в основном через Сядэ прошли?* (соб.). *— Да, да*
[ЕНЕж-50].

Само поселение Сядэ большинством информантов описывается как «более чистое» в этническом плане. Преобладает мнение, что в нем в основном говорили на *чистом эстонском языке*,

все между собой состояли в родстве, а *латышей* и *русских* не было. Информантка МАРж-51, являющаяся представителем более молодого поколения ингерманландцев, пыталась объяснить обособленность жителей Сядэ тем, что они попали в эту деревню непосредственно из Эстонии[110]:

(35) *Ну, из Сядэ это стало невыгодно, что там эту школу надо было… И вот этих людей переселили сюда. Ну, они сами. — А вот мне кто-то говорил, что те, которые жили в Сядэ там, что Сядэ сама не старая деревня была, то есть, она где-то…* (соб.). *— Нет, она была позже Рыжково намного образована. Вот эти эстонцы туда приехали позже уже. — А откуда? Говорят, что из Рыжково прямо приехали… Или они все-таки не…* (соб.). *— Нет, они с Эстонии. Они потому что говорили на чистом эстонском языке. — А… Ага.* (соб.). *— Это теперь они уже, конечно, обрусели. И потом они и поселились-то как бы отдельно, вот это место звали Ерзовка. — Ерзовка? Это вот то, что сейчас улица Якобсона?* (соб.). *— Нет, Якобсона — оно там, это даже не знаю, какая там улица. Ну, там она как переулок какой-то или как. Вот в основном там жили. — Ерзовка?* (соб.). *— Ёрзовка. Звали. Ну, Ерзовка — это уже по-русски как-то, а так Jorzofk*
[МАРж-49].

Примечательно, что в рассказах рыжковских ингерманландцев, побывавших в Эстонии, тамошние эстонцы ведут себя вполне дружелюбно. Очень контрастируют с этим рассказы сибирских эстонцев в некоторых других поселениях[111] об агрессивности и пренебрежительном отношении эстонцев Эстонии к своим сибирским собратьям. По всей видимости, ингерманландцы как *нечистые эстонцы* и не ожидают особо теплого приема в Эстонии. Тем не менее, эта страна может рассматриваться ими как место экономически выгодной миграции. Рыжковские ингерманландцы имеют для этого одинаковые возможности с *настоящими*

[110] Информантам, родившимся в 1930-е гг., история образования дер. Сядэ известна лучше.

[111] Например, в дер. Михайловке.

эстонцами, так как и те, и другие являлись *эстонцами* по данным советских паспортов.

Единственное, в чем заключалось формальное отличие рыжковских ингерманландцев от *чистых эстонцев*, это преимущественно русские фамилии (такие как Ивановы, Матвеевы, Юрьевы, Кузьмины, Кирилловы, Андреевы и т. д.). Несколько моих информантов сообщали, что эти фамилии в настоящее время служат источником проблем для тех ингерманландцев, которые в свое время эмигрировали в Эстонию. Информанты полагают, что это несправедливо, так как русские версии их фамилий были даны им по политическим мотивам в советский период. Однако на самом деле, русские фамилии основателей Рыжкова возникли в результате насильственного переселения группы в Сибирь. Фамилии были даны переселенцам при составлении именного списка и являлись, по сути, отчествами старших мужчин в семьях[112]. В само́м Рыжкове «русифицированные» фамилии служат еще одним отличительным признаком ингерманландцев. С точки зрения их самих, такие фамилии свидетельствуют о большей подверженности группы русскому влиянию (по сравнению с *настоящими эстонцами* или *настоящими финнами*).

Настоящие эстонцы описываются ингерманландцами как группа, имеющая некоторые характерные особенности. Эстонцы, в отличие от «одичавших» финнов, лучше сохранили вдали от родины свой язык, культуру, а помимо этого — личные имена и фамилии, которые ингерманландцы утратили:

(36) *Zel'mit стали Зинами, Helenat Ленами стали. Ну, Kati — Kati так и осталась.*
[МАРж-49][113].

[112] ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, лл. 121–122 об., 261–261 об., лл. 305–310; см. также Приложение 2.

[113] В действительности, сферой употребления национальных личных имен, а также многочисленных дворовых прозвищ остается только общение на прибалтийско-финских идиомах. В речи на русском языке большинство имен переводятся соответствующими русскими эквивалентами. При этом имена, различающиеся для ингерманландцев и эстонцев в своей оригинальной форме (например, *Jaan* — для эстонцев

Среди других характерных черт упоминаются более свободные отношения между полами и «полигамность» мужчин в эстонских семьях, особенно отличающая мужчин в Сядэ. Относительная «распущенность» местных эстонцев имеет, по мнению ингерманландцев, еще больший размах в самой Эстонии: по утверждению одного из моих информантов-ингерманландцев в Эстонии обоим супругам положено иметь внебрачные связи. В то же время *настоящие эстонцы* характеризуются как более слабые в физическом отношении люди, неспособные к употреблению большого количества пищи и алкогольных напитков.

Эстонцы оказываются для ингерманландцев самыми важными и одновременно самыми близкими «чужими». По этой причине вопрос взаимного проведения границ между этими группами заслуживает дополнительного отдельного рассмотрения.

6.3. Эстонцы и ингерманландцы: маркеры идентичности и межэтнические границы

Утверждение о том, что рыжковские эстонцы, в отличие от ингерманландцев, не считают себя «смешанными», было бы неверным. Сядэвские эстонцы также ощущают свою «смешанность», по сравнению с *чистыми эстонцами* Эстонии:

(37) *Вот мне тут отец поехал в Эстонию жить — так и её дети уже этом… как разошлись матери, они, её, его дети уже как приехали с ними — так вот, они разговаривают уже даже и… не так как мы. — Не так как вы?* (соб.). — *Ага. Мы уже как-то больше на русский язык или как-то смешан… Они вот… Мы сидели за столом — и вот у нас sto·pka или sto·kan — они говорят pitsi, juome pitsi* (искаж. эст. ‘стопку, выпьем стопку’). *Вот такие вот. Мы уже как-то смешанные уже эстонцы*
[КЕАж-36].

Ощущение собственного превосходства в отношении этнической «чистоты» проявляется у местных эстонцев только при взаимодействии с еще более «смешанными» ингерманландцами. Однако, выделение группы ингерманландцев представляет для

и *Juhan* — для ингерманландцев) при переводе на русский язык совпадают (в данном случае — в «Ивана»).

эстонцев определенные трудности. Так, например, упомянутая сядэвская информантка КЕАж-36 признавалась, что тем, кто приехал в Рыжково из Сядэ в 1950-х гг., сложно было понять, в чем заключалась разница между рыжковскими ингерманландцами и эстонцами. Причиной подобной размытости границ могли быть смешанные браки[114]. Только один раз в моих в материалах встретилось упоминание о том, что в прежние времена эстонцам и финнам (ингерманландцам) нельзя было жениться друг на друге:

(38) *А вот suomlaiset и virolaiset женились друг на друге?* (соб.). — *Женились!* (инф. 2). — *Ранешнее время — нет!* (инф. 1). — *Раньше нет, а теперь…* (инф. 2). — *А теперь все вместе, и каза́ки* [т.е. «казахи»] *выйдут за русского, русского — всё!* (инф. 1)
[JMSм-28; JAMж-28].

Благодаря большому количеству смешанных браков и распространенному двуязычию, мои информанты осознают, что практически ни один из прибалтийско-финских жителей Рыжкова не может претендовать на «чистоту» происхождения. Размытость границ при обсуждении различий между эстонцами и ингерманландцами часто приводит к спорам и противоречиям. В качестве универсального средства для проведения границ используется относительно простой и «безопасный» языковой критерий[115]. Просьбы объяснить, чем еще различаются эстонцы и ингерман-

[114] Как уже было сказано, память о запрете на брачные отношения между эстонцами/ингерманландцами и латышами еще сохраняется у старшего поколения информантов. Примечательно, что между группами не было конфессиональных различий, которые могли бы стать для этого основанием: и латыши, и эстонцы, и ингерманландцы в дореволюционный период были лютеранами.

[115] По всей видимости, язык воспринимался как основной маркер национальности и в тот период, когда в Рыжкове создавались колхозы и национальность всех местных жителей была впервые официально зафиксирована в документах. В одной из ранних похозяйственных книг мне встретился достаточно показательный пример. Женщина, чьи родители были ингерманландцами (судя по фамилии и именам), в графе «национальность» характеризуется как *немая*, в то время как ее родители записаны *эстонцами*. Будучи неспособной говорить ни на каком языке, и на эстонском в частности, она не может считаться *эстонкой*.

ландцы, как правило, ставят информанта в тупик, т.к. указание на языковое различие кажется исчерпывающим определением:

(39) *А есть какая-то разница между эстонцами, которые вот так по-разному говорят? Вот как tule siia* (эст.‘иди сюда’) *и tule täŋ* (инг. фин. ‘иди сюда’)? *Есть?* (соб.). — *Есть-есть!* (инф. 1). — *А в чем?* (соб.). — *Ну не… Некоторых слов и не понимаешь! Я вот по это… tule siia некоторых слов не понимаю!* (инф. 2). — *А вот кроме слов-то что-нибудь отличается вот у таких эстонцев и таких?* (соб.). — *Нет… Не заметила, чтобы* (инф. 2)
[JMSм-28; JAMж-28].

К области стереотипных представлений об ингерманландском идиоме можно отнести утверждения о том, что ингерманландцы говорят «грубее» на фоне более «мягкого» языка *virolaiset*[116]:

(40) *Нет, они там в Эстонии по-эсто… у нас младшая дочка котора — она по-эстонски не умеет разговаривать. Понимать — понимает, а у его как-то язык не ворочается. А я как приехал первый раз туда — я сразу как магазины пошел, смотрю — бабки там стоят, две бабки. Уже разговаривают по-эстонски. Вот. Дак у мене язык сразу поворачивается по-ихнему разговору! Как акцент у них такой! У нас не так — у нас грубый акцент. Вот. А у них мягкий. Мы говорим, видишь, по-эстонски tule täŋ* (инг. фин. ‘иди сюда’). *А они говорят tule siia* (эст. ‘иди сюда’)! — *А здесь есть такие, которые говорят «tule siia?»* (соб.). — *Ага.* (инф. 1). — *Есть, есть* (инф. 2)
[JMSм-28; JAMж-28].

В условиях жесткой конкуренции терминов простым и однозначным ответом на вопрос, кто из жителей села на каком языке говорил или говорит, становится употребление лексических стереотипов:

[116] Один из информантов-ингерманландцев, AAKм-47, однако, утверждал противоположное: ингерманландцы, по его мнению, говорят «мягче», но под этим он имел в виду наличие в ингерманландском сильной палатализации и гармонии гласных.

(41) *А как вы его называли?* (соб.). — *Ну как? — Ну, свой язык?* (соб.). — *Э... tule kot't'i, mäne kot't'i, tule tähä* (инг. фин. ‘приходи домой’, ‘уходи домой’, ‘иди сюда’), *вот. Этот есть наш язык. — А как вы его звали? Вы как-нибудь язык сам называли? Ну вот, эстонцы говорят по-эстонски, а мы говорим по…?* (соб.). — *Ну, мы так и говорили. Mäne kot't'i, tule kot't'i...а вот чистый эстонский язык — э… ⟨...⟩ kuhu sa lähät* (искаж. эст. ‘куда ты идешь?’), *вот — это есть эстонский язык. — То есть… а вы как про себя говорили на своем языке — говорили, что вы кто?* (соб.). — *Ну мы… На своем языке? — Да.* (соб.). — *Ну, мы как уже говорили, как наши родители говорили с нами. — А как?* (соб.). — *Ну, как… Ole vakka* (инг. фин. ‘(за)молчи!’). — *А что это?* (соб.). — *Это уже… «молчи!»*
[ВЕМж-33].

Число лексических стереотипов, обозначающих языковую границу, достаточно невелико и совпадает у разных информантов. Это прежде всего фразы ‘иди сюда’: инг. фин. *tule tähä/tän̄* vs. эст. *tule siia;* глагол ‘идти, уходить’ в личных формах: например, инг. фин. *mǟm* vs. эст. *lähem* ‘мы идем’; ‘нож’: инг. фин. *veits* vs. эст. *nuka* (иногда сюда же добавляется *pūk̄/pūkkŏ̥* из *настоящего финского* или *карело-финского*)[117].

Корреляция между эстонцами и ингерманландцами в отношении других маркеров этнической идентичности оказывается несимметричной: эстонцы не могут вспомнить никаких отличительных черт ингерманландцев. Последние как группа с «диффузным» статусом не получают отчетливой характеристики ни от кого из своих эстонских соседей, за исключением одной их односельчанки.

Образцовой *чистой эстонкой* была информантка NEAж-16. Будучи представительницей второго поколения переселенцев из Эстонии (ее отец приехал в Рыжково из Пярну), она, в отличие от более молодых информантов, не сомневалась в «чистоте» своего происхождения. Конфигурации границ между группами в ее представлении выглядели более отчетливо: она без колебаний

[117] В литературном эстонском — также *tule siia*, но *läheme* и *nuga* [nu·Gà] /nuka/; в литературном финском —*veitsi* ‘нож’, *puukko* ‘нож-финка’.

могла сказать, какой информант из упоминаемых мною мог быть охарактеризован как «нечистый» эстонец (*горлак*, в ее терминологии)[118]. Она же выражала мнение о превосходстве «настоящего» эстонского языка над «смешанным» ингерманландским, которое в какой-то мере свойственно и другим *настоящим эстонцам*, однако не проговаривалось ими с такой четкостью. Сами ингерманландцы приводили NEAж-16 как пример эталонной *чистой эстонки* и соглашались с утверждением о том, что ее язык «чище», нежели родной для них ингерманландский идиом:

(42) *Ну вот… ээ.. ну вот чо я вам скажу! Я это, gorlaka и теперь вот — у нас говорят meil' on gorlakka* (инг. фин. ‘у нас горлакский’) — *se* (инг. фин. ‘это’), *у нас не чистый, gorlakka разговор. «Горлаки» называли. — То есть вас называли «горлаки»?* (соб.). — *Да. — А кто называл?* (соб.). — *И сейчас у нас говорят, сами, между собой — meil' on gorlaka kiel'* (инг. фин. ‘у нас горлакский язык’). — *Gorlaka kiel'?* (соб.). — *Да! Gorlaka kiel', ну, так оно и есть. — А что это значит? Gorlaka?* (соб.). — *А черт его знает! Чо оно значит? ⟨...⟩ ы ведь сначала хорошо не умели — говорим один язык, и все — и вот нас и назвали, наверна, горлаки, «не умеют говорить». ⟨...⟩ стонская языка — у него есть много-много. Есть чистые эстонцы, есть вот эти самые горлаки — называются, и есть ф… финский как, она приходит как… эстонский язык. По-эстонски вот NEAж-16 говорит так, а я говорю вот так*[119]
[KMAж-26].

[118] Сядэвские эстонцы не могли дать подобных четких характеристик без привлечения языкового критерия (т.е. не попытавшись вспомнить, какой идиом использует тот или иной человек в повседневном общении).

[119] Данный отрывок, помимо всего прочего, является еще одной хорошей иллюстрацией к проблеме использования термина *корлаки* в Рыжкове. Он используется либо как пейоративное обозначение для соседней группы, либо как шуточное название для языка людей, которые «ни одного языка доброго не знают» [KMAж-28] (т.е. характеризует скорее не этническую принадлежность, а степень языковой компетенции).

NEAж-16 дает группе ингерманландцев внешнее определение со стороны *настоящих эстонцев*, вполне исчерпывающе суммирующее позицию ее группы:

(43) *Мы называем «эстонцы», но они говорят по-своему, не так как я говорю, по-другому*
[NEAж-16].

Ее любимым примером, демонстрирующим «переходный» статус ингерманландцев, является рассказ о супружеской паре, в котором жена-ингерманландка затруднялась объяснить мужу-немцу, как называется тот народ, к которому она принадлежит:

(44) *Вот у N*[120] *муж латыш, не, не латыш, опять финн, от-ты к черту! Мешаюсь с моей головой. Немец, вот кто. Они еще разошлись. Но и муж просит: «Какой нации ты?» Жена говорит: «Я эстонка». А муж говорит, что «я слышала тут и по телевизору — эстонцы так не разговаривают. У тебя не эстонская, это. Разговор»*
[NEAж-16].

(45) *Муж немец, а жена тогда… наша, рыжковская, можно сказать.* ⟨...⟩ *Тогда этот… муж попросил жене, что: «Какой у тебя нация?». — «Финны».— «Нет никакой финны». Муж будто сказал, что «я понимаю, как финны разговаривают, и понимаю, как эстонцы, а вы — не так, не так! Ну а какой названне?». — «Я сама не знаю»*
[NEAж-16].

Рассказанная NEAж-16 история показательна: ингерманландцы Рыжкова действительно оказываются на распутье, когда собеседник затрагивает вопрос их национальной принадлежности.

Возможно, ранее группа ингерманландцев обладала более обширным набором характеристик, выделяющих ее из окружения. Однако, на данный момент из всего возможного многообразия прежних маркеров идентичности остаются только язык и ощущение собственной «смешанности», объяснение природы которой

[120] Информантка употребила прозвище одной из односельчанок, которой не было в числе моих информантов.

становится для ингерманландцев своеобразным «актом идентичности».

Проще всего описать этот процесс, представив себе «континуум» идентичности, имеющий два полюса — эстонский и финский. На одном полюсе этого континуума в качестве своеобразного эталона можно поместить NEAж-16, которую информанты единогласно считают *настоящей эстонкой*. На другом полюсе окажется единственная в селе эталонная *настоящая финка* ENEж-51 — уже упоминавшаяся дочь выходца из Финляндии. Ингерманландцы определяют свою национальную принадлежность в рамках этого эстонско-финского континуума. В зависимости от особенностей биографии, контактов с другими прибалтийско-финскими группами или просто личных предпочтений, они помещают себя в одну из точек на этой воображаемой шкале. Даже люди, выросшие в очень схожих условиях или прожившие вместе долгую совместную жизнь, могут ощущать разную степень принадлежности к группе финнов или эстонцев.

7. Заключение

В заключение я попытаюсь суммировать некоторые общие принципы, которые, по моим предположениям, определяют идентичность ингерманландцев Рыжкова.

1. Ингерманландцы Рыжкова гораздо слабее противопоставлены местным *настоящим эстонцам*, нежели представителям других групп (*латышам*, *русским*, населению района в целом). По этой же причине некоторые из них могут ощущать и принадлежность к абстрактной группе *сибирских эстонцев*.

2. В официальной классификации ингерманландцы оказались приравнены к эстонцам. Не все информанты полностью принимают официальную терминологию, но при общении с «чужими» (людьми за пределами Рыжкова) они вынуждены ее использовать для того, чтобы избежать недоразумений.

3. Жители села знакомы с разными группами *финнов*, и это является причиной конкуренции терминов. В деревнях Фины и Орловка, где первые два фактора (присутствие *латышей* и определяющее воздействие официальной классификации) неактуальны, контакты с группами *финнов* могут оказывать другое воздействие. Эти группы ощущаются ингерманландцами как более

близкие, чем эстонцы, и на определенном уровне ингерманландцы могут иногда отождествлять себя с ними.

Несмотря на воздействие перечисленных факторов, рыжковские ингерланманландцы все же обладают групповым самосознанием и противопоставляют себя группе рыжковских эстонцев. Причины, по которым это происходит, как мне кажется, следующие.

1. Количество людей, использующих ингерманландский идиом, всегда было сопоставимо с количеством *чистых эстонцев*, а после того, как существенная часть эстонцев эмигрировала в Эстонию, даже стало его превышать. Ингерманландцы в XX в. ощущали себя прибалтийско-финским большинством Рыжкова, и, по-видимому, это препятствовало их ассимиляции с эстонцами, как это произошло в с. Верхний Суэтук, где ингерманландцы и финны были меньшинством.

2. Деятельность финских миссионеров в последние годы привела к появлению интереса к своим «финским корням» у части ингерманландцев. Возможно, воздействие этого фактора следует считать одним из ключевых для вторичного формирования финской идентичности. Помимо этого, некоторые жители села начиная с конца 1990-х гг. получили доступ к источникам информации об ингерманландском происхождении группы, что также предоставило им новые возможности для построения «актов идентичности».

В культурном отношении в современном Рыжково наблюдается скорее результат конвергенции двух тесно соседствующих прибалтийско-финских групп, нежели ассимиляции ингерманландцев эстонцами. Официальный статус *эстонцев* нивелировал формальную разницу между двумя группами, но не привел к их полному слиянию. Процесс конвергенции не сопровождался языковым сдвигом в сторону языка более престижной группы или выборочным заимствованием каких-либо характерных культурных черт. Изменилась терминология — и, как следствие, некоторые аспекты самовосприятия.

Основной угрозой для поддержания автономности этнической идентичности ингерманландцев является тот факт, что разграничение между ними и эстонцами в настоящий момент производится преимущественно на языковой основе. Языковой сдвиг

в пользу русского языка зашел для обеих групп достаточно далеко. Представители младших поколений не знают ни эстонского, ни ингерманландского, и поэтому для них отличия двух групп утрачивают свою актуальность. Главный маркер идентичности — противопоставление языка эстонцев и ингерманландцев — уже не осознается этими поколениями в полной мере. Существует вероятность, что нынешнее последнее поколение носителей эстонских и ингерманландских идиомов является также последним, для которого разделение прибалтийско-финского населения Рыжкова на две этнические группы еще актуально.

Литература

Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц.

Баранова В. В. 2010. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М.: ГУ ВШЭ.

Бирин В. Н., Такала И. Р. 1994. Финны // В. А. Тишков (ред.). Народы России. Энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия. Доступно на сайте http://www.hrono.ru/etnosy/finny.html.

Вахтин Н. Б., Головко Е. В., Швайтцер П. 2004. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое изд-во.

Вийкберг Ю. Ю. 1989. Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, изменения, контакты). Дисс. ... канд. филол. наук. Таллин: Институт языка и литературы АН ЭССР.

Вихавайнен Т. 2000. Сталин и финны. СПб.: НЕВА.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 9. 1929. М.: Издание ЦСУ.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. 1992. М.: Институт российской истории.

Гаупт В. 1864. Колония ссыльных лютеранского вероисповедания в Шушенской волости Минусинского округа // Русское географическое общество. Записки Сибирского отдела 7. Иркутск. С. 16–31.

Гранё И. 1993. Новоселы из страны Суоми // Омская старина 1. С. 189–192.

Декельбаум А. Омские финны // Московский комсомолец в Омске[121].

Егоров С. Б., Киселев С. Б., Чистяков А. Ю. 2007. Этническая идентичность на пограничье культур. СПб.: СПбГУ.

[121] Статья из личного архива С. С. Сярг; на вырезке выходные данные отсутствовали, а более точную библиографическую информацию обнаружить не удалось.

Елисеев Ю. С. 2003. Язык финнов-ингерманландцев // Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина (отв. ред.). Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. С. 485–492.

Ефимов А. С. 1972. Кингисепп: историко-краеведческий очерк. Л.: Лениздат.

Златоустовский Б. В., Нифонтов А. С. (ред.). 1960. Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: Сборник документов. М.: Изд-во социально-экономической литературы.

Злобина В. 1971. Кто такие корлаки? // Советское финно-угроведение II. С. 87–91.

Иванов А. Е. 1993. О предках, о себе, о довоенном БАМе и о нашей жизни. СПб.: Семейный самиздат Ивановых-Дугласов.

История села Рыжково. 2008. http://www.omskmap.ru/point/s_ryjkovo/lore/122.

Итоги демографической переписи 1920 г. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. 1923. Омск: Омское губстатбюро.

Карху Э. 1990. Ингерманландия и ингерманландцы // Север 8. С. 145–156.

Кожанов А. А., Яловицина С. Э. 1998. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии // Э. С. Киуру (отв. ред.). Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 129–174.

Колесников А. Д. 1966. О национальном составе населения Омской области // Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Вып. II. Омск. С. 88–104.

Колоткин Н. Н. 1994. Балтийская диаспора в Сибири: опыт исторического анализа 20–30-х гг. Новосибирск: Изд-во СГГА.

Коппалева Ю. Э. 1998. Финские говоры Ингерманландии // Э. С. Киуру (отв. ред.). Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 88–94.

Коровушкин Д. Г. 2008. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX — начале XXI века. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.

Курило О. 2002. Лютеране в России. XVI–XX вв. Минск: Фонд «Лютеранское наследие».

Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус.

Лаанест А. 1977. Контакты ижорского языка с соседними близкородственными языками // Советское финно-угроведение XIII, 4. С. 81–89.

Лиценбергер О. 2004. Финские лютеранские поселения в Сибири // Церковь Ингрии 1 (49). С. 14–15.

Лоткин И. В. 2003. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность. Омск: ОмГУ.

Лоткин И. В. 2005a. Оптационная кампания и эвакуация граждан прибалтийских государств на историческую родину в начале 1920-х годов // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки 6. С. 28–32.

Лоткин И. В. 2005b. Исследование прибалтийской диаспоры Сибири российскими и зарубежными учеными // Известия Томского политехнического университета 308, 4. С. 207–211.

Маамяги О. 1990. Эстонцы в СССР. 1917–1940. М.: Наука.

Майничева А. Ю. 2001. Эстонцы в Верхнем Приобье в конце XIX — первой трети XX вв.: особенности поселений и домостроения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Барнаульского педуниверситета. С. 80–83. Доступно на сайте http://www.zaimka.ru/culture/ mainicheva13.shtml.

МОУ Рыжковская средняя общеобразовательная школа. 2009. http://rihkowo.narod.ru/krut.html.

Мусаев В. И. 2001. Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-historia.

Муслимов М. З. 2002. Финский диалект деревни Дубровка (Suokylä) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. статей. Вып. 2. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. С. 344–363.

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Муслимов М. З. 2009. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука. С. 179–204.

Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале // Настоящий сборник.

Омский лютеранско-евангелический приход св. Екатерины. 2010. http://www.elci.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=78&Itemid=105.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г.: Енисейская губерния. 1904. СПб.: Издание центрального статистического комитета МВД.

Рыжково. 2010. http://www.omskmap.ru/point/s_ryjkovo.

Саари Ю. 2003. Лютеранство в Сибири: Рыжково — 200 лет. Омск.

Саватеев Ю. К. 2007. Дневник Гезелиуса как полевое исследование локальных групп населения Ингерманландии конца XVII века // В. А Козьмин, Н. В. Юхнева, И. И. Верняев (ред.). Полевая этнография — 2006: Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: Левша. С. 164–168.

Савченко Е. В. 2001. Суэтук — колония ссыльных лютеран // Согласие 23. С. 7–8.

Списки населенных мест Российской Империи: Санкт-Петербургская губерния. 1864. СПб.

Список населенных мест Сибирского края. Вып. 1. 1927. Новосибирск: Совсибирь.

Суни Л. В. 1998. Ингерманландские финны: исторический очерк // Киуру Э. С. (отв. ред.). Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 4–25.

Суни Л. В. 2003. Финны-ингерманландцы: исторический очерк // Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина (отв. ред.). Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. С. 469–485.

Сярг С. С. 2009. Обо мне и о моей малой родине Рыжково. http://www.omskmap.ru/point/s_ryjkovo/lores.

Такала Р. И. 1998. Финны-иммигранты // Э. С. Киуру (отв. ред.). Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 95–127.

Шлыгина Н. В. 1998. Ингерманландские финны: этнографический очерк // Э. С. Киуру (отв. ред.). Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ. С. 63–87.

Шлыгина Н. В. 2004. Финны-репатрианты из бывшего Советского Союза на исторической родине // Исследования по прикладной и неотложной этнологии 168. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Шлыгина Н. В. 2003. Религиозная ситуация в Ингерманландии в конце XVII века (по материалам дневника Ю. Гезелиуса) // Этнографическое обозрение 5. С. 100–109.

Шлыгина Н. В., Казьмина О. Е. 2003. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии // Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина (отв. ред.). Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука. С. 514–522.

Ядринцев Н. М. 1878. Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя 3.

Austin P. M. 1992. Soviet Karelian: The Language that Failed // Slavic Review 51, 1. P. 16–35.

Barth F. 1996. Introduction: Ethnic groups and boundaries // W. Sollors (ed.). Theories of ethnicity: A classical reader. London: Mac Millan Press. P. 425–459.

Castrén M. A. 1870. Några upplysningar om de till Sibirien deporterade Finnarne // Castrén M. A. Nordiska resor och forskningar VI. Tillfälliga uppsatser. Helsingfors. S. 138–144.

Engman M. 2005. Suureen itään: suomalaiset Venäjällä ja Aasiassa. Turku: Siirtolaisuusinstitutti.

Geertz C. 1963. The integrative revolution: Primordial sentiments and civil politics in the new states // C. Geertz (ed.) Old societies and new states. London: The Free Press of Glencoe.

Gelb M. 1993. “Karelian fever”: The Finnish immigrant community during Stalin’s purges // Europe–Asia Studies 45, 6. P. 1091–1116.

Granö J. 1893. Kuusi vuotta Siperiassa. Helsinki: Weil & Göös.

Granö J. G. 1905. Siperian suomalaiset siirtolat. Helsinki (Kuopio): K. Malmströmin kirjapaino.

Granö P. 1914. Siperian suomalaiset // Kansanvalistusseuran kalenteri 1915. Helsinki: Kansanvalistusseura. P. 27–46.

Granö P. 1926. Siperian suomalaiset // A. Kannisto, E. N. Setälä, U. T. Sirelius, Y. Wichman (toim.). Suomen suku. Helsinki: Otava. P. 288–293.

Harrell S. 1996. Languages defining ethnicity in southwest China // L. Romanucci-Ross, G. De Vos (eds.). Ethnic identity: Creation, conflict and accomodation. London: Altamira Press.

Hodgson J. H. 1970. The Finnish communist party // Slavic Review 29, 1. P. 70–85.

Jaffrelot C. 2003. For a theory of nationalism // Questions de Recherche 10. Доступно на сайте http://www.ceri-sciencespo.com/publica/question/qdr10.pdf.

Jenkins R. 1997. Rethinking ethnicity: Arguments and exploration. London: Sage.

Juntunen A. 1982. Länsi-Siperian inkeriläiset siirtolat // Turun historiallinen arkisto 38. S. 350–367.

Juntunen A. 1983. Suomalaisten karkottaminen Siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa. (Suomen vankeinhoidon historiaa 3). Helsinki: Oikeusministeriön vankeinhoito-osasto.

Jürgenson A. 1998. Emakeele osast Siberi eestalste etnilises identiteedis // A. Tuisk (toim.). Eesti kultuur võõrsil: Loode-Venemaa ja Siberi asundused. Tartu: Eesti kirjandusmuuseum. Lk. 126–140.

Jürgenson A. 2002. Siberi eestlaste territoriaalus ja identiteet. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli kirjastus.

Jürgenson A. 2004. On the formation of the Estonians' concepts of homeland and home place // Pro Ethnologia 18. P. 97–114.

Jürgenson A. 2006. Siberiga seotud: eestlased teisel pool Uuraleid. Tallinn: Argo.

Korb A. (koost.) 1998. Seitse küla Siberis. (Eesti asundused III). Tartu: Eesti kirjandusmuuseum.

Korb A. 2003. Virulased, a multiethnic and multicultural communitiy in Ryzhkovo village, West-Siberia // Pro Ethnologia 15. P. 29–47.

Korb A. 2007. Rõžkovo virulased pärimuskultuuri kandjaina. Tartu: Eesti kirjandusmuuseum.

Kulu H. 2003. Post-war immigration to Estonia: A comparative perspective // R. Ohliger, K. Schönwälder, T. Triadafilopoulos (eds.). European encounters: Migrants, migration, and European societies since 1945. Aldershot: Ashgate Publishing. P. 38–52.

Kulu H., Tammaru T. 2000. Ethnic return migration from the east and the west: The case of Estonia in the 1990s // Europe–Asia Studies 52, 2. P. 349–369.

Le Page R. B. 1998. "You can never tell where a word comes from": Language contact in a diffuse setting // P. Trudgill, J. Cheshire (ed.). The sociolinguistics reader. Vol. 1: Multilingualism and variation. London: Arnold. P. 66–89.

Le Page R. B. 2000. The evolution of a sociolinguistic theory of language // F. Coulmas (ed.). The handbook of sociolinguistics. Oxford: Blackwell Publishers. P. 15–33.

Lehto M. I. 1996. Ingrian Finnish: Dialect preservation and change. Acta universitatis Upsaliensis. (Studia Uralica Upsaliensia 23). Uppsala; Stockholm: Gotab.

Leppik M. 1975. Ingerisoome Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine. Tallinn: Eesti NSV teaduste akadeemia.

Maamiehen Ystävä 36. 1846. Доступно на сайте http://digi.lib.helsinki.fi/sanomalehti/secure/showPage.html?action=page&type=lq&conversationId=3&id=421742&pageFrame_currPage=3.

Matley I. M. 1979. The dispersal of the Ingrian Finns // Slavic Review 38, 1. P. 1–16.

Nigol A. 1918. Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. Tartu: Postimees.

Nirvi R. E. 1972. Siperian inkeriläisten murteesta ja alkuperästä // Kotiseutu 2/3. P. 92–95.

Parming T. 1972. Population changes in Estonia, 1935–1970 // Population Studies 26, 1. P. 53–78.

Saari J. 1994. Valoa Siperiaan. Kirkollinen työ Siperian suomalaisten parissa 1863–1921. Yleisen kirkkohistorian pääainetutkielma. Abstract. Helsinki: Helsingin Yliopisto.

Salminen V. 1945–1946. Inkerin siirtolaisten Siperiassa säilyttämä häärunosikermä // Kalevalaseuran vuosikirja 25–26. P. 217–229.

Siperian suomalaiset. 1928. // J. Forsmann (päätoim.). Pieni tietosanakirja. Neljäs osa. San-Remo — Öölanti. Helsinki: Otava. P. 188. Доступно на сайте http://runeberg.org/pieni/4/0108.html.

Suomalainen seurakunta Rjuskowassa Siperian maalla. 1844. // Maamiehen Ystävä 28. Доступно на сайте http://digi.lib.helsinki.fi/sanomalehti/secure/showPage.html?conversationId=3&action=entryPage&id=422228.

Tabouret-Keller A. 2000. Language and identity // F. Coulmas (ed.). The handbook of sociolinguistics. Oxford: Blackwell Publishers. P. 315–326.

Vaba L. 2001. The Karelians // M. Kolga, I. Tõnurist, L. Vaba, J. Viikberg (eds.). The red book of the peoples of the Russian Empire. Tallinn: NGO Red Book. Доступно на сайте http://www.eki.ee/books/redbook/karelians.shtml.

Viikberg J. 1998. Siperian suomalaiset ja kielipolitiikka // J. Õispuu (koost.), M. Joolaid (toim.). Kaheksa keelt, kaheksa rahvast. Tallinn: TPÜ Kirjastus. P. 83–93.

Viikberg J. 2002. Language shift among Siberian Estonians: Pro and contra // L. Wei, J.-M. Dewaele, A. Housen (eds.). Opportunities and challenges of bilingualism. Berlin; New York: Walter de Gruyter. P. 125–144.

Wrede H. 1923. Siperiassa 30 vuotta sitten. Porvoo: WSOY.

Zlobina V. 1972. Mitä alkujuurta Siperian suomalaiset ja korlakat ovat // Kotiseutu 2/3. P. 86–92.

Архивные источники

Архив г. Минусинска

АМ, ф. 115, оп. 1, д. 280. 1926–1930 гг. Исполнительный комитет Минусинского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Документы по учету национальных меньшинств в округе (итоги переписи, анкеты, списки, план, статсведения). Дело о работе с выдвиженцами и нацменами.

Архив с. Ивановка

АИ, оп. 1, д. 28. 1935–1936 гг. Похозяйственные книги с. Ивановка.

Архив с. Орловка

АО, ф. 14, оп. 1 (16), д. 28. 1934–1939 гг. Похозяйственные книги Староревельского сельского совета

Государственный архив Омской области

ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 73. 1795–1821 гг. Сибирский генерал-губернатор.

ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 251а. 1816–1818 гг. О священниках католического и лютеранского закона.

ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936. 1858–1866 гг. Дело об устройстве колонии ссыльных лютеран в Сибири.

ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 325. 1927–1930 гг. Материалы о ходе коллективизации в районах Омского округа, о работе сельских советов среди национальных меньшинств. Список колхозов и простейших кооперацией на 1 января 1928 г.. Статистические сведения о территориях, населении и хозяйствах с/с Омского округа на 1 января 1930 г.

ГАОО, ф. 198, оп. 1, д. 667. 1880 г. План деревни Чухонской.

ГАОО, ф. 437, оп. 9, д. 311. 1936–1937 гг. Материалы о национальных кадрах (списки, сведения, личные списки).

ГАОО, ф. 473, оп. 9, д. 173. 1935 г. Омский облисполком, общий отдел. Материалы по районированию и административному устройству территории Омской области (списки совхозов, национальных сельсоветов, докладные записки).

Каратузский районный архив

КаРА, ф. 60, оп. 3. 1943–1945 гг. Похозяйственные книги основных производственных показателей хозяйств колхозников Верхнесуэтукского сельского совета.

Крутинский районный архив

КрРА, д. 5, т. 1–6. 1935–1945 гг.; д. 6, т. 1–8, 1956 г. Похозяйственные книги основных производственных показателей хозяйств колхозников. Рыжковский сельсовет депутатов трудящихся Крутинского района Омской области исполнительный комитет (колхозы «Бривайс Латвет», «Ревель», «Уус Элу»).

Российский Государственный Исторический Архив (Санкт-Петербург)

РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 115. 1803 г. Дело по донесению Санкт-Петербургского гражданского губернатора о неповиновении Ямбургского уезда крестьян помещика Унгерн-Штернберга по существующей там болезни.

ТОПОНИМИКА
И
ОНОМАСТИКА

А. В. Крюков

СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ФИНСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТОПОНИМИИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

1. Введение

Соматическая лексика — названия частей тела человека и животных. Путем метафорического переноса она часто распространяется в топонимической терминологии многих языков. Метафоричны не только топонимы, но и многие географические термины [Мурзаев 1974: 127]. Прежде чем перейти к описанию материала, сделаем несколько замечаний общего характера.

Географическая терминология обычно пополняется в том числе следующими путями с участием соматической лексики (ниже приводятся примеры из русского, литературного финского и карельского языков):

1) метафорическое употребление соматической лексики в качестве географических терминов (рус. *хребет* ‘горный хребет’, фин. *selkä*[1] ‘горный хребет’ ←[2] ‘спина’, кар. *niska* ‘начало порога’ ← ‘затылок’[3]);

---

[1] Словоформы из финского и эстонского литературных языков приводятся в стандартной орфографии данных языков. Названия, взятые из источников (в т. ч. с финских и эстонских топографических карт и карточек архива [Nimiarkisto]), даются в оригинальной транскрипции источника. Названия, зафиксированные только в полевых материалах автора, приводятся в предложенной автором транскрипции, которая основана на финской литературной орфографии. В силу значительной диалектной раздробленности языков Ингерманландии, в части случаев то или иное название может иметь различные фонетические варианты в разных говорах. За исключением отдельно оговоренных случаев, автор обычно приводит тот вариант, который в фонетическом отношении наиболее близок к системе литературного финского языка.

В случае, когда топоним или иной факт языка известен автору только из одного источника, следует указание на источник (включая и собственные полевые материалы автора 1986–2010 годов; в этом слу-

2) словообразование на основе соматической лексики (рус. диал. *взлобок* ‘крутой бугор’ ← *лоб;* фин. *rinne* ‘склон, откос, косогор’ ← *rinta* ‘грудь’, *harju* ‘горный хребет’ ← *harja* ‘грива’);

3) калькирование иноязычной соматической лексики (севернорус. *зашеек* ‘исток реки из озера’ в Карелии и на Кольском полуострове по аналогии с кар. *niska* ‘начало порога’[4] [Мурзаев 1984: 222]).

чае дается помета [Полевые]). Отсутствие ссылки на источник означает, что данный топоним или иной факт языка является общеизвестным в финской языковой среде (в том числе знаком большинству уроженцев соответствующей местности и фигурирует во многих источниках).

При прибалтийско-финских топонимах с территории РФ также приводится русский топонимический эквивалент, если таковой известен. Следует иметь в виду, что для значительной части топонимов Ингерманландии и Выборгской Карелии (прежде всего микротопонимов) русских соответствий не существует. Местонахождение названия (и самого объекта) маркируется указанием на довоенный (для Ингерманландии и Карельского перешейка) или современный (для территории Финляндии) лютеранский приход, в котором оно зафиксировано. Ингерманландские приходы не имеют дополнительных помет (см. Приложение 5 и Карту 1 Приложения 6); приходы Карельского перешейка маркируются как «К» (см. Карту 2 Приложения 6). При топонимах на территории Финляндии и Эстонии обозначаются современные уезды, которые поясняются как «Ф» и «Э» соответственно.

[2] В данной статье знак стрелки означает происхождение одной лексемы из другой (т.е. соответствует общепринятым знакам «>» и «<»).

[3] Некоторые географические термины, возникшие на первый взгляд на основе соматической лексики, оставляют возможность для иной интерпретации. Так, например, рус. *губа* ‘залив с устьем реки в его глубине’ [Мурзаев 1984: 163], возможно, является заимствованием из саамских языков (ср. сев.-саам. термин *guohpi* < **kupe*, также используемый для обозначения заливов; гипотеза принадлежит Я. Саарикиви). Тем не менее, если эта гипотеза верна, все же очевидно, что в русском языке данный термин приобрел свою фонетическую форму под влиянием соответствующей соматической лексемы, путем переосмысления в «народной этимологии».

[4] *Niska* в собственно-карельских диалектах означает как ‘исток реки из озера’, так и ‘начало порога на реке’ [Torikka 2009]. *Зашеек* известен в Карелии и на Кольском полуострове в значении ‘исток реки, вытекающей из озера’ [Филин, Сороколетов 1976].

Среди географических терминов, образованных на основе соматической лексики, обычно фигурируют **народные** термины (бытующие в говорах) и **книжные** термины, возникшие в связи со становлением национальной географической науки (например, рус. *перешеек*, *подножие*, фин. *harjanne* ‘горная цепь’), а также в связи с развитием специальной лексики (например, рус. *плечо* ‘верхняя более пологая часть склона или гребня, отрог’, *ребро* ‘выступ крутого склона горы, гребень’). В современном финском языке многие книжные географические термины также были созданы на основе диалектной лексики. Таковы, например, *selänne* ‘горный хребет’ (ср. кар. *selänneh* ‘гора вытянутой формы’ [Torikka 2009]), *polveke* ‘изгиб течения реки’ (ср. кар. *polvekeh* [Torikka 2009], инг. фин. *polveke* [Оллыкайнен 2003] в том же значении). Центральным предметом настоящей работы являются **народные географические термины, представленные на территории Ингерманландии**.

Основой исследования послужили материалы автора, которые были получены в ходе полевых исследований, проводимых с 1986 года. Главной темой этих исследований была ономастика прибалтийско-финского происхождения на территории Ингерманландии. Информанты автора — финны, ижоры, водь, русские преимущественно 1900–1930-х годов рождения, представители всех довоенных приходов и около 90% деревень Ингерманландии (в т. ч. уже не существующих). Количество информантов, по самым приблизительным оценкам, составляет более тысячи человек.

В ходе работы автор также использовал материалы топонимического архива Финляндии [Nimiarkisto], содержащего и данные по Ингерманландии. Как правило, информацию данного архива по территории Ингерманландии подтверждали и информанты автора. Однако часть ингерманландских материалов архива уже не опознается информантами. Обычно это сведения, зафиксированные в 1940–1960-х годах и к настоящему времени вышедшие из употребления и забытые.

Примеры топонимов из Южной Карелии (с территории Карельского перешейка) взяты из финских источников. Целесообразность привлечения этих примеров определяется географическим соседством Южной Карелии с Ингерманландией, а также их тесными историческими, культурными и языковыми связями.

Задача данного исследования — выявить закономерности, связанные с употреблением соматической лексики в топонимической терминологии прежде всего у **ингерманландских финнов**, но также и у автохтонного населения Ингерманландии — **води** и **ижор**. Рассматривать географическую терминологию ингерманландских финнов в ее связи с соответствующей лексикой ижорских и водских диалектов представляется целесообразным. Это связано с тем, что прибалтийско-финская топонимия Ингерманландии по большей части является общей для финнов, ижор и води в силу генетической близости языков, а также взаимных ареальных влияний. В частности, топонимия ингерманландских финнов включает значительный ижорский, либо водский субстрат.

2. Соматическая лексика в финской ономастике, в особенности в географической терминологии

Соматическая лексика может приобретать в финской ономастике различные значения и выполнять разные функции. Рассмотрим для примера несколько имен и названий, содержащих элемент *pää* ‘голова’ (примеры приводятся по полевым материалам автора, а также по [Nissilä 1975]):

1. Прозвищные антропонимы (фамилии):

Jauhopää (Lempaala) <мука+голова>[5] (т.е. ‘мучная голова’, по-видимому, в значении ‘белокурый’);

Veripää (Keltto) <кровь+голова> (т.е. ‘кровавая голова’, по-видимому, в значении ‘рыжий’).

2. Ойконимы и антропонимы (в т. ч. фамилии), представляющие собой по происхождению географические термины:

Mäkipää, 1) часть деревни Ристолово (Lempaala); 2) фамилия, распространенная в Финляндии <холм+голова> (т.е. ‘вершина холма’).

[5] Здесь и далее в глоссах указаны этимологические значения лексем («внутренняя форма слова») даже в тех случаях, когда в действительности лексема представлена в составе того или иного композита, фразеологизированного комплекса или в функции послелога во вторичном метафорическом значении. Таким образом, в статье фактически представлена семантическая реконструкция, а не синхронный морфемный состав — это сделано для наглядности демонстрации этимологии словоформ и словосочетаний.

дер. и мыс *Kolkanpää*, рус. *Колгомпя* (Soikkola) <угол:GEN+голова> (т.е. ‘кончик угла’);

дер. *Kangaspää*, рус. *Новое Калище* (Hevaa) <бор+голова> (т.е. ‘конец бора’);

Kankaanpää, фамилия, распространенная в Финляндии <бор:GEN+голова> (то же).

3. Ойконимы, образованные от антропонимов:

дер. *Suurpäälä* (Säkkijärvi, K) ← фамилия *Suurpää* <большой+голова>.

4. Ойконимы с неясной мотивацией:

дер. *Mustapää* 1) рус. *Черная Голова* (Keltto); 2) рус. *Онстопель* (Novasolkka) <черный+голова>[6].

В целом соматическая лексика в финской «народной географии» и топонимии может быть представлена следующим образом:

1) в качестве послелогов и наречий в виде идоматизированных словоформ и словосочетаний (как правило, данная лексика является общефинской);

2) в составе сложных и простых по составу топонимов, образованных от (обычно метафорических) антропонимов;

3) в качестве метафоры или эпитета в составе топонима (как правило, в составе первой, описательной части сложного топонима — топоосновы (атрибута));

4) в качестве географических терминов (в т. ч. в функции второй части (детерминатива) в составе сложного топонима)[7].

В разделах 2.1–2.4 мы остановимся на всех этих вариантах несколько подробнее. В разделе 3, непосредственно посвященном ситуации в Ингерманландии, фактически рассматривается только четвертый вариант функционирования лексики соматического происхождения — в качестве географической терминологии.

---

[6] Мотивация некоторых семантически прозрачных ойконимов типа *Mustapää* непонятна [Kepsu 1972: 122]. Отметим, что для обоих приведенных случаев не устанавливается связь ойконима с антропонимом *Mustapää* (прозвище, например, человека с темными волосами).

[7] В финляндской ономастике не принято разделять употребление соматической лексики в качестве топооснов и в качестве детерминативов [Nissilä 1975], а в топонимической терминологии не выделяют отдельно соматическую лексику [Paikkala 2007].

2.1. Соматическая лексика в качестве наречий и послелогов

В финской фразеологии формы лексем соматического происхождения широко представлена в качестве наречий и послелогов — в том числе и в «географическом» контексте (в смысле характера локализации или движения объекта). Приведем ряд примеров (все литературные финские примеры ниже из [Вахрос, Щербаков 1977]).

korva ‘ухо’ → серия локативных послелогов (IN, EL, ILL[8]) со значением ‘у, возле, подле’, напр. *sillan korvassa* <мост:GEN ухо:IN[9]> ‘у [самого] моста’; серия временных наречий (AD, ABL, ALL) со значением ‘перед, в начале’, напр. *illan korvassa* <вечер:GEN ухо:IN> ‘под вечер’;

käsi ‘рука’ → серия локативных наречий (AD, ABL, ALL), указывающих на расположение справа или слева, напр. *oikealla kädellä* <правый:AD рука:AD> ‘справа, по правую руку’; фразеологизмы *ensi kädessä* <первый рука:IN> ‘в первую очередь, первым делом’, *suoralta kädeltä* <прямой:ABL рука:ABL> ‘сразу, не задумываясь, не обдумав’;

pää ‘голова’ → серия локативных послелогов (AD, ABL, ALL) со значением ‘на поверхности’, напр. *pellon päällä* <поле:GEN голова:AD> ‘на поле’; локативный послелог *päin* ‘по направлению к’, напр. *linnaan päin* <город:ILL голова:PL:INSTR> ‘в сторону города’); серия локативных послелогов (IN, EL, ILL) со значением ‘на расстоянии’, напр. *kahden askelen päässä* <два:GEN шаг:GEN голова:IN> ‘в двух шагах’; временной послелог *päästä* ‘по прошествии к.-л. времени’, напр. *tunnin päästä* <час:GEN голова:EL> ‘через час’.

rinta ’грудь’ → серия локативных наречий (AD, ABL, ALL) со значением ‘рядом, в уровень’, напр. *kulkea rinnalla* <перемещаться:INF грудь:AD> ‘идти рядом’; наречие *rinnan* ‘рядом, наряду, наравне’, напр. *kaksi rinnan* <два грудь:GEN> ‘двое бок

[8] Здесь и далее в случае локативной серии послелогов или наречий (‘расположение где-либо’, ‘движение откуда-либо’, ‘движение куда-либо’) в скобках приводятся этимологические падежи идиоматизированных именных форм, соответствующие каждому из указанных типов ориентации.

[9] См. сноску 5.

о бок’; фразеологизмы типа *yhtä rintaa* <один:PRT грудь:PRT> ‘рядом, одновременно’.

varsi ‘стебель; стан, фигура’ → серии локативных послелогов (AD, ABL, ALL; IN, EL, ILL) со значением ‘около, возле, вдоль’, напр. *tien varrella* <дорога:GEN стебель/стан:AD> ‘у дороги’. Значение ‘туловище человека’ для лексемы *varsi* имеется в финском литературном языке (ср. также производное от него лит. фин. *vartalo* ‘тело’), а также зафиксировано в финских и карельских диалектах [Kulonen 2000: 412]. Но возможно, что оно является вторичной метафорой от исходного значения лексемы ‘стебель, черенок растения’ и поэтому должно быть отнесено к соматической лексике с оговорками[10].

Приведенные примеры относятся к области соматической фразеологии — устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, где соматическая лексика употребляется в переносном смысле [Кокконен 1991: 40]. Из подобных конструкций легко образуются антропонимы (фамилия *Mäkipää* <гора+голова> ‘вершина холма’) и топонимы (дом. *Sillankorva* <мост:GEN ухо> ‘край моста’, дер. *Koskenkorva* <порог:GEN+ухо> ‘край порога’), распространенные в Финляндии [Vilkuna et al. 1985: 549, 725]. Некоторые устойчивые словосочетания с течением времени превратились в географические термины: *joensuu* <река:GEN рот> ‘устье реки’, *sillanpää* <мост:GEN голова> ‘конец моста’ [Вахрос, Щербаков 1977: 164, 565].

2.2. Соматическая лексика в составе топонимов, образованных от (обычно метафорических) антропонимов

Соматическая лексика, представленная в топонимах антропонимического происхождения, весьма многочисленна. В данном

[10] В грамматике [Hakulinen et al. 2004: §693] приводится, по-видимому, полный список соматических лексем, послуживших основанием для образования послелогов в литературном финском языке: *hammas* ‘зуб’, *häntä* ‘хвост’, *jalka* ‘нога’, *kainalo* ‘подмышка’, *kanta* ‘пятка’, *(kinner)* ‘коленное сухожилие (у животных)’, *korva* ‘ухо’, *koura* ‘горсть’, *kuve* ‘бок’, *kynsi* ‘ноготь’, *nenä* ‘нос’, *niska* ‘шея’, *nokka* ‘клюв’, *poski* ‘щека’, *pää* ‘голова’, *rinta* ‘грудь’, *suu* ‘рот’, *silmä* ‘глаз’, *selkä* ‘спина’, *varsi* ‘туловище’. Как видно, лексема *varsi* в этом список все же включена.

качестве часто фигурируют лексемы *hammas* ‘зуб’, *huuli* ‘губа’, *jalka* ‘нога’, *kieli* ‘язык’, *kärsä* ‘рыло’, *maha* ‘брюхо’, *parta* ‘борода’, *sarvi* ‘рог’, *sormi* ‘палец руки’, *varvas* ‘палец ноги’, *vatsa* ‘живот’. Каждое из этих слов легко становится прозвищем человека — антропонимом. Затем нередко происходит перенос первоначальных прозвищ, позже фамилий, на ойконимы (названия деревень) и домонимы (названия домохозяйств). В большинстве случаев такие топонимы образованы от антропонимов, а не от нарицательных имен напрямую. Это очевидно из источников — деловых и церковных книг XVI–XVII вв. [Nissilä 1975: 139–142]:

дер. *Luutahäntä* (Terijoki, K) <метла+хвост> ← антропоним *Luthahente* 1544, *Lutahendhe* 1559 (могло быть прозвищем, к примеру, подвижного, общительного человека или же скупого и хитрого);

дер. *Paksupolvi* (Rautu, K) <толстый+колено> ← антропоним и топоним (пустошь) *Paxu pålves ödhe* 1613 (могло означать, например, человека с распухшими коленями);

дер. *Rautakopra* (Räisälä, K) <железо+лапа> ← антропоним и топоним (дер.) *Rauta Cobra by* 1646 (могло быть прозвищем, например, человека с большими и сильными руками).

То же самое в еще большей степени относится к однокорневым ойконимам, образованным при помощи топонимического суффикса *-la* [Nissilä 1975: 139–142]:

дер. *Jalkala* (Kivennapa, K) ← *Jalkanen* (фамилия) ← фин. *jalka* ‘нога’;

дер. *Kärsälä* (Rautu, K) ← **Kärsä* [11] (фамилия или прозвище) ← фин. *kärsä* ‘рыло’;

дом. *Paksujalkala* (Kirvu, K) ← *Paksujalka* (фамилия) <толстый+нога> ‘толстая нога’;

дом. *Partala* (Antrea, K) ← **Partanen* (фамилия или прозвище) ← фин. *parta* ‘борода’;

дом. *Puujalkala* (Jääski, K) ← *Puujalka* (фамилия) <дерево+нога> ‘деревянная нога’.

Приведем примеры такого типа с территории Ингерманландии:

[11] Знак «*» перед антропонимом здесь и далее означает, что такой антропоним не засвидетельствован для данной местности, однако был зафиксирован в других приходах.

дер. *Hampaala*, рус. *Гамболово* (Venjoki) ← **Hammas* (антропоним) ← фин. *hammas* ‘зуб’;

дер. *Kaljula*, рус. *Калинкина* (Pyhä Maria, СПб.) ← **Kalju* (антропоним) ← фин. *kalju* ‘плешь’;

дер. *Sarvela*, рус. *Островки* (Keltto) ← **Sarvi* (антропоним) ← фин. *sarvi* ‘рог’;

дер. *Varpaala*, рус. *Арболово* (Kaprio) ← **Varvas* (антропоним) ← фин. *varvas* ‘палец ноги’ [Полевые].

2.3. Соматическая лексика в качестве метафоры или эпитета в составе топоосновы

В композитных именах соматическая лексика нередко присутствует в топооснове — первой описательной части топонима. При этом первая часть топонима часто представляет собой метафору или эпитет, указывающие, в частности, на форму объекта или на иные его характеристики. В качестве метафор и эпитетов выступают в т. ч. лексемы *hammas* ‘зуб’, *harja* ‘грива’, *jalka* ‘нога’, *kaula* ‘шея’, *kieli* ‘язык’, *kynsi* ‘коготь, ноготь’, *käpälä* ‘лапа’, *kärsä* ‘рыло’, *maha* ‘брюхо’, *nenä* ‘нос’, *otsa* ‘лоб’, *sarvi* ‘рог’, *selkä* ‘спина’.

Такие названия многочисленны на Карельском перешейке [Nissilä 1975: 42, 45]:

оз. *Kynsijärvi* (Räisälä, K) <коготь+озеро>;

оз. *Otsajärvi* (Kirvu, K) <лоб+озеро>;

залив *Mahalahti* (Antrea, K) <брюхо+залив>;

дер. *Polviselkä* (Kivennapa, K) <колено+спина>.

Немало подобных названий в основной части Финляндии [Paikkala 2007]:

дер. *Hammaslahti* (Pyhäselkä, Ф) <зуб+залив>;

дер. *Jalkaranta* (Lahti, Ф) <нога+берег>;

дер. *Kärsämäki* (Kärsämäki, Ф) <рыло+гора>;

залив *Sarvilahti* (Pernaja, Ф) <рог+залив>.

Такие топонимы не отличаются по структуре от других композитных имен, они не очень многочисленны и не образуют ареалов. Отметим, что, по-видимому, не во всех случаях соматическая лексика в первой части топонима употребляется образно. Так, например, *Jalkasaari* <нога+остров> (Joutseno, K) — это остров, до которого можно дойти вброд при малой воде [Nissilä 1975: 42]. Возможно, неметафорическими (т.е. не указывающими на форму объекта) являются и приведенные выше топонимы *Jalkaranta*,

Otsajärvi. В первом из них мотивация *jalka* может быть сходной с той, что была указана выше для данного компонента в составе топонима *Jalkasaari.* Во втором компонент *otsa* может указывать, например, на окраинное местоположение озера.

В Ингерманландии очевидных метафорических топонимов, содержащих соматическую лексику, к настоящему времени выявлено не было. По крайней мере в первых двух из приводимых ниже топонимов атрибутивная часть словоформы, по-видимому, представляет из себя географический термин:

дер. *Harjavalta*, рус. *Гора-Валдай* (Kaprio) <грива+волость> (можно понимать в географическом смысле как ‘волость, расположенная на возвышенности’);

Selkätie, часть дер. Кюрегака (Vuole) <спина+дорога> (можно понимать в географическом смысле как ‘дорога, идущая по хребту’);

дер. *Nenimäki*, рус. *Ненимяки* (Lempaala) <нос+гора>[12].

На основе соматической лексики образованы также некоторые ойконимы, не являющиеся композитами, как, например, дер. *Otsave*, рус. *Сменково* (Soikkola) <лоб+топонимический формант *-ve*[13]>. В случае, если данный ойконим отражает особенность ландшафта (ср. *взлобок*), употребление *otsa* ‘лоб’ в нем

[12] Гласный *i* во втором слоге ойконима *Nenimäki* по происхождению может быть признаком множественного числа. Однако более вероятным кажется, что здесь мы имеем дело с другим явлением, известным в финской и карельской топонимии — регулярным переходом конечных *a* и *ä*, а иногда и *u*, *ü*, *e* в *i* в первой части топонима, которая стоит в номинативе ед. ч., например, *Oravivuara*, *Lehmiselkä* и др. Для данного явления предлагали как фонетическую (Д. В. Бубрих; после долгого слога, особенно перед *m)*, так и морфологическую (Э. А. Тункело, Л. Хакулинен; суффикс диминутива или поссессива), и семантическую (М. Рапола; адъективное значение основы) трактовки [Кузьмин 2003: 38–39].

[13] Формант *-ve*, присутствующий в ряде ойконимов Западной Ингерманландии, по-видимому, имеет собирательное значение, ср. с кар. *-veh: mäkeveh*, *mägeveh* ‘жители деревни, расположенной на горе’ [Torikka 2009], а также приводимое ниже иж. *Nenove*, рус. *Носовщина*. Русский суффикс *-щина* в топонимах также обозначает населенную местность (группу деревень), либо же совокупность жителей, объединяемых местоположением или фамилией.

можно считать метафорическим. Однако имеется и возможность иной, географической, мотивации *(otsa* ‘оконечность’).

2.4. Соматическая лексика в качестве географических терминов

Финская географическая терминология соматического происхождения представлена весьма небольшим числом лексем [Kiviniemi 1990: 54]. Приведем наиболее распространенные из них, зафиксированные в Финляндии (в литературном финском), Ингерманландии (в ижорском, водском, ингерманландском финском) и Карелии (в карельском).

Для удобства восприятия источники в данном списке лексем даны в сокращенном виде. В сокращениях латинская буква указывает на язык: F — финский (литературный и диалекты, кроме территории Карелии); FK — финские говоры на территории Карелии (Карельского перешейка, бывшей Выборгской губернии, Финляндской Карелии); FI — ингерманландские финские говоры; I — ижорский; K — карельский; V — водский. В случае материалов Nimiarkisto и полевых материалов автора указание на язык(-и) дается в скобках. Источники расшифровываются следующим образом:

F1 — [Вахрос, Щербаков 1977];
F2 — [Itkonen 1959];
F3 — [Paikkala 2007];
F4 — [Karttapaikka 2010];
FK1 — [Шилов 2004];
FK2 — [Nissilä 1975];
FK3 — [Paukku 1983];
FK4 — [Karjalan 2009];
FI — [Оллыкайнен 2003];
I — [Nirvi 1971];
K1 — [Torikka 2009];
K2 — [Мамонтова 1991];
K3 — [Мамонтова, Муллонен 1990];
V1 — [Adler, Leppik 1990];
V2 — [Adler, Leppik 2000];
V3 — [Grünberg 2006];
V4 — [Grünberg 2011];
N — [Nimiarkisto];
P — [Полевые].

Список лексем[14]

harja <грива> в значении ‘вершина, гребень горы’ *(vuorenharja)* [F1: 95; V1: 117];

[14] Приводятся только собственно географические значения. Примеры в скобках в основном даются в огласовке финского языка. Иная огласовка представлена только при отсутствии финского варианта.

häntä <хвост> в значении ‘периферийная часть деревни, вытянутая прочь от центра’ *(kylänhäntä)* [FK3: 249, P(FI)];

jalka <нога> в значении ‘одна из двух дорог, ведущих из деревни’ *(kyläjalka)* [P(FI)];

korva <ухо> в значениях:
1) ‘небольшой порог на реке, водоворот’ [FK2: 34];
2) ‘край порога’ *(koskenkorva)* [F2; K1];
3) ‘заводь, залив реки, озера’ [FK1: 91–92];

kurkku <горло, глотка; горловина> в значениях:
1) ‘пролив на море’ *(merenkurkku)* [F1: 280; F3: 267; P(FI, FK)];
2) ‘протока или русло реки, канала’ [P(FI)];

nenä <нос> в значениях:
1) ‘мыс, полуостров’ [V2: 38; I: 339; P(I, FI, FK)];
2) ‘оконечность мыса’ *(niemennenä)* [F1: 398; F3; I: 339; F4; FK2: 42, 45, 138; K1; P(FI, FK, I)];
3) ‘«стрелка» острова’ [P(FI)];
4) ‘выступ края горы’ *(mäennenä)* [P(FI)], *(tunturinnenä)* [K1];
5) ‘выступ леса’ [N(FI, I, V)];
6) ‘маленькая морская бухточка’ *(merennenä)* [I: 305]

nielu <глотка> в значении ‘низ, узкое место порога’ *(koskennielu)* [FK1: 95];

niska <затылок, шея> в значениях:
1) ‘начало порога на реке’ *(koskenniska)* [F1: 401; K1];
2) ‘исток реки из озера’ *(joenniska)* [K1];
3) ‘вершина горы’ *(vaaranniska)* [K1];

nokka <клюв> в значениях:
1) ‘оконечность мыса’ *(niemennokka)* [F1: 403; K1];
2) ‘край деревни’ *(kyläńńokka)* [K1];

otsa <лоб> в значениях:
1) ‘край, оконечность (озера, острова и др.)’ *(järvenotsa*, *saarenotsa* и др.) [I: 367; P(FI, I, V)];
2) ‘один из концов деревни’ *(kyläotsa)* [I: 367; V4: 292; P(FI, I, V)];
3) ‘один из концов дома’ *(talonotsa)* [V4: 292; P(FI, I, V)];
4) ‘вершина горы’ *(mäenottša)* [K1];
5) ‘жилая часть дома’ *(pertinottša)* [K1];

6) ‘пространство перед домом или деревней (поле, сад и т.д.)’ *(pertinottša)* [K1; K3];

polvi <колено> в значениях:
1) ‘колено, изгиб реки’ *(joenpolvi)* [F1:476; FI: 262; K1; I: 423; V2: 368; P(FI, I)];
2) ‘поворот дороги’ *(tienpolvi)* [P(FI, I, V)];
3) ‘развилка дороги, Т-образный перекресток’ *(dorogampolvi)* [K1];

pää <голова> в значениях:
1) ‘край, оконечность (озера, мыса, полуострова, острова, леса и др.)’ *(järvenpää*, *niemenpää*, *saarenpää* и др.) [F3: 363; FK4; K1; V2: 388; P(FI, FK, I)];
2) ‘верхняя часть холма’ *(mäenpää)* [F3: 363];
3) ‘один из концов деревни’ *(kylänpää)* [FI: 257; K1; N(FI); P(FI, FK)];
4) ‘основная часть деревни’ *(kylänpää)* [P(FI)];

selkä <спина, хребет> в значениях:
1) ‘возвышенность вытянутой формы, хребет’ [F3: 409; K1; P(FI, FK)];
2) ‘плес, открытое водное пространство (озера или моря)’ *(järvenselkä*, *merenselkä)* [F1: 556; FI: 317; I: 517; V3: 200; K1];
3) ‘поверхность (поля, дороги)’ *(pellonšelkä, doroganselgy)* [K1];
4) ‘деревня’ [K2: 50];
5) ‘протяженная группа деревень’ [P(FI, FK)];

silmä <глаз> в значениях:
1) ‘небольшой открытый водоем посреди болота или у источника’ *(suonsilmä*, *lähteensilmä*, *kaivonsilmä)* [K1; I: 525; V3: 226, 270; P (FI)];
2) ‘омут, глубокое место, подводная яма (в реке, море)’ *(joensilmä)* [V3: 226];

suu <рот, уста> в значениях:
1) ‘устье реки, ручья’ *(joensuu*, *ojansuu)* [F1; K1; I: 553; V3: 305; P(FI, FK, I, V)];
2) ‘дельта реки’ *(merensuu)* [I: 305; V3: 305];
3) ‘исток реки из озера’ *(joensuu)* [P(FI)];
4) ‘начало или конец дороги, прогона, поля’ *(tiensuu*, *kujansuu*, *pellonsuu)* [K1; P(FI, I)];

varsi <стебель (растения); туловище (человека)> в значениях:
1) ‘край, обочина, берег’ *(joenvarsi, tienvarsi)* [FI: 387; K1];
2) ‘часть деревни, расположенная вдоль дороги или реки’ *(joenvarsi, tienvarsi)* [P(FI)].

В вышеприведенный список включены только базовые соматические лексемы. Существуют также собственно географические термины, морфологически образованные от соматических лексем, например: *harju* ‘горная гряда; невысокая каменная гряда’ ← *harja* ‘грива’, *rinne* ‘склон, откос, косогор’ ← *rinta* ‘грудь’.

Из числа приведенных терминов одни были более употребительны, в то время как применение других было, по-видимому, спорадическим. Общеизвестные географические термины присутствуют в названиях городов *Joensuu* <река:GEN+рот> ‘устье реки’ и *Järvenpää* <озеро:GEN+голова> ‘конец озера’ (Финляндия). Семантически прозрачны названия крупных природных объектов, как, например, *Maanselkä* <земля:GEN+спина> ‘водораздел’[15] и *Pyhäselkä* <святой+спина> ‘священный плес’[16]. В то же время многие термины, распространенные в микротопонимии конкретных районов (например, *kylänotsa*, *kylänpää*, *maantienvarsi*, *mäennenä)*, часто неизвестны жителям других регионов и носителям других диалектов.

Употребление соматической лексики в качестве географических терминов в Ингерманландии имеет определенную специфику. Некоторые лексемы, обычные в финской географической терминологии, в Ингерманландии не зафиксированы (например, *niska*, *nokka)*. Другие термины в определенных значениях широко представлены именно в Ингерманландии *(nenä*, *otsa*, *varsi)*. Отличия местной географической терминологии от общефинской обусловлены, в частности, диалектными различиями, взаимовлиянием родственных языков и отсутствием унификации со стороны финского литературного языка.

[15] Водораздельная возвышенность, низкогорье на севере Финляндии, а также по границе Финляндии и российской Карелии.

[16] Большое озеро в Финляндии в уезде Pohjois-Karjala около города Joensuu.

3. Географические термины соматического происхождения в Ингерманландии

3.1. Термин harju ‘каменная гряда’

Как было сказано выше, *harju* — не соматическая лексема, а географический термин соматического происхождения [Мамонтова, Муллонен 1990: 27]. Термин представлен группой оронимов на Карельском перешейке [Nimiarkisto]:

Kivharju (Lempaala), *Kiviharju* (Vuole) <камень+гряда>[17];
Pirunharju (Miikkulainen) <черт:GEN+гряда>;
Rokkaharju (Toksova) <суп+гряда>;
Multaharju (Vuole) <почва+гряда> (‘земляная гряда’);
Putkelanharju (Vuole) <дер._Putkela:GEN+гряда>;
Rantaharju (Vuole) <берег+гряда>.

Все эти объекты — невысокие каменные гряды *(гривы)*, большинство которых находится на прилегающей к Ладоге низменности. Вид возвышенности создают не столько сами гривы, сколько растущий на них лес. Именно «гривы леса» делают эти объекты заметными за десятки километров.

В Центральной и Западной Ингерманландии рельеф слабохолмистый, скорее равнинный — соответственно, там не представлены такие орографические термины, как *harju* ‘грива’ и *selkä* ‘хребет’. Очевидно различие топонимической активности оронимических терминов в ландшафтах различного типа [Мурзаев 1994: 150–152]. При этом те же самые термины нашли применение в других значениях, ср. ойконим дер. *Mäntyharju*, рус. *Мендугари* (Tuutari) <сосна+гряда> [Köppen 1867: 60]. В отсутствие заметной возвышенности, «гриву» создавал, возможно, сосновый бор[18].

[17] Более подробные пояснения мотивации приводятся только при некоторых топонимах. В качестве общего замечания, облегчающего для не знакомого с прибалтийско-финскими языками читателя понимание структуры приводимых здесь и ниже топонимов, отметим, что первая описательная часть топонима, как правило, в переводе примерно соответствует русским относительным прилагательным: т.е., например, *Kiviharju* означает ‘каменная гряда’, *Pirunharju* — ‘чертова гряда’ и т.д.

[18] Предположение о том, что ойконим *Mäntyharju* был перенесен сюда переселенцами из Финляндии, не находит подтверждения, поскольку

3.2. Термин häntä ‘хвост’

Термин представлен, в частности, следующими микротопонимами:

Hoikhäntä, часть деревни Старый Белоостров (Valkeasaari) <худой+хвост>;

Revonhäntä, часть деревни Токсово (Toksova) <лиса:GEN+ хвост>;

Kissanhäntä, часть деревни Углово (Rääpyvä) <кошка:GEN+ хвост> [Полевые].

Во всех случаях объект номинации — группа домов, расположенных на периферии больших деревень. Названия имеют пренебрежительный оттенок. Основное содержание термина *häntä* — направленность улицы или дороги прочь от центра. Приведенные топонимы едва ли имеют значительный возраст — как и объекты, которые они обозначают (по всем признакам это новые части деревень). Ближайший аналог на Карельском перешейке — мыс и ойконим *Sudenhäntä* (Sakkola, K) [Paukku 1983: 249]. В данном случае первичным по происхождению является, по-видимому, ойконим — название западной оконечности деревни *Arkuntanhua*.

3.3. Термин kurkku ‘горло’

Узкая часть моря в восточной части Финского залива называется у финнов Ингерманландии и Карельского перешейка *Merenkulkku* <море:GEN+горло> ‘морское горло’ *(kulkku* — вариант лексемы *kurkku* в ингерманландских финских диалектах). Аналогичное название существует на территории Финляндии: *Merenkurkku* — Кваркенский пролив в южной части Ботнического залива [Paikkala 2007: 267]. *Kulkku* есть на озере Хепоярви (Toksova) — он отделяет залив *Aunelanlahti* от основной части озера. Судоходные протоки дельты Невы у финнов северных окрестностей Петербурга также называются *kulkku* [Полевые]. Кроме того, существует устойчивое словосочетание *Nevankulkku* <Нева:GEN горло>, которое является синонимом названия р. Невы

народное название этой деревни *(Koivistoisi)* и фамилия всех ее жителей *(Ilmasti)* прямо указывают на приход в Выборгской Карелии (Koivisto, K), откуда происходили переселенцы. Поэтому мы предполагаем, что официальное название деревни *Mäntyharju* более старое и не связано с переселенцами.

[Полевые]. В приходе Vuole в Северной Ингерманландии есть интересный топоним *Rulinkulkku* <антр._Ruli:GEN горло> — канава, которую выкопал Рули, житель деревни Вуолоярви, для осушения озера *Näsjärvi*, которое теперь не существует [Nimiarkisto].

3.4. Термин nenä ‘нос’

Термин представлен названиями деревень и мысов:

дер. *Kivinenä*, рус. *Старая Деревня* (Pyhä Maria, СПб.) <камень+нос> (деревня находилась у побережья Финского залива; около нее имеется мыс, вдающийся в залив);

дер. *Revonnenä*, рус. *Лисий Нос* (Valkeasaari) <лиса:GEN+нос>; (деревня на побережье Финского залива вблизи одноименного мыса);

дер. *Koukkunenä*, рус. *Морские Дубки* (Valkeasaari) <кочерга+нос> (деревня на побережье Финского залива; мыс с таким названием неизвестен);

дер. *Muhunenä*, рус. *Мгновение* (Kosemkina) <muhu[19]+нос> (возможно, прозвище);

м. *Haapanenä*, рус. *мыс Осиновый* (Hevaa) <осина+нос>;

м. *Hiknenä* (Lempaala) <пот+нос> на озере Силанде;

м. *Karhunenä* (Lempaala) <медведь+нос> на Лемболовском озере;

м. *Pitkänenä*, 1) рус. *Устьинский мыс* (Hevaa), 2) *мыс Питкинен Нос* (Kosemkina) <длинный+нос> на Финском заливе.

Словом *nenä* у финнов окрестностей Петербурга назывались «стрелки» островов невской дельты — заостренные оконечности островов, разделяющие течение на два русла. При этом противоположная сторона острова, обращенная к морю, называлась *perä* ‘зад’ [Полевые].

И в финском языке, и в карельских диалектах и ‘мыс’, и ‘полуостров’ обычно называются *niemi*[20]. Однако значение лексемы

[19] Подобная запись здесь и далее означает, что значение основы в точности неизвестно. В данном случае *muhu*, возможно, имеет отношение к инг. фин. *muhku* ‘шишка на теле’ [Оллыкайнен 2003], однако ср. также многозначное кар. *muhu* ‘улыбка; вид комаров; однолетний рыбий малек» [Torikka 2009].

nenä ‘оконечность мыса’, распространенное в ингерманландских финских, ижорских и водских говорах, известно и в Финляндии. На территории Финляндии есть сотни топонимов как с детерминантом, так и с атрибутом *nenä* (см. [Karttapaikka 2010]). Бóльшая часть из них — микротопонимы; в названиях крупных объектов *nenä* встречается редко. Топонимы с детерминантом *nenä* изредка встречаются также и в Южной Карелии [Nissilä 1975: 42, 45, 138].

Отметим, что топонимы с элементом *nenä* частотны именно в Ингерманландии, где издавна (во всяком случае с XIV века) имело место хождение русского языка — пусть даже в качестве малоизвестного местному населению официального языка. Весьма существенно, что некоторые из приведенных топонимов имеют русские соответствия с элементом *нос*. Топонимы данного типа фиксируются в тех же местах подушной книгой 1500 года («село Лисичье на Корином Носу» в Корбосельском погосте [Беляев 1851: 199–200]). Ареал ижорских и финских топонимов, содержащих элемент *nenä* в значении ‘мыс’, оказывается смежным с ареалами русского *нос* и шведского *näs* в том же значении. Можно предположить, что мы имеем дело с кальками — буквальным переводом названий объектов с одного языка на другой *(Лисий Нос — Revonnenä)*. Впрочем, не до конца понятно, что является здесь оригиналом, а что калькой. Кроме того, для многих топонимов Русского Севера, содержащих элемент *нос* в значении ‘мыс’ или ‘оконечность полуострова’, подобных эквивалентов не имеется. На большей части русскоязычного ареала таких топонимов субстратные языки уже давно вышли из употребления, так что прежние финно-угорские названия соответствующих объектов неизвестны.

В топонимии Финляндии шведскому *näs* стабильно соответствует финское *niemi*. Обратим внимание на сходство семантики *niemi* и *nenä*, подобное тому, как семантически близки русские *мыс* и *нос* [Фасмер 3: 84–85]. Представляется, что ижорское, ингерманландское финское и водское *nenä* ‘мыс’ — не калька, а скорее архаизм.

[20] Кроме того, в литературном финском языке для обозначения полуострова имеется лексема *puolisaari* (в эстонском — соответственно *poolsaar)*.

В топонимии Ингерманландии *niemi* встречается не реже, чем *nenä*. Топонимы с детерминантом *niemi* в Ингерманландии имеются как на побережье Ладоги и Финского залива, так и вдали от моря:

м. *Härkäniemi*, рус. *мыс Аргул* (Miikkulainen) <бык+мыс>;

м. *Kantsiniemi* (Miikkulainen) <kantsi+мыс>;

м. *Lippuniemi*, рус. *мыс Липуниэми* (Soikkola) <lippu[21]+ мыс>;

м. *Maksimanniemi*, рус. *мыс Максимов* (Miikkulainen) <антр._Maksima:GEN+мыс>;

м. *Suurniemi*, рус. *мыс Суурниеми* (Hevaa) <большой+мыс>;

м. *Orleeniemi* (Miikkulainen) <orlee+мыс>;

дер. *Sikoniemi*, рус. *Цыгонеми* (Spankkova) <свинья+мыс> [Köppen 1867:67].

Возникает вопрос, есть ли разница в значениях *nenä* и *niemi?*

В Эстонии названия мысов часто содержат как элемент *neem (Lobineem* <харчи+мыс>, *Pakrineem* <о._Pakri+мыс>, *Rohuneem* <трава+мыс> на южном берегу Финского залива [Penkin 1990]), так и элемент *nina* 'нос' *(Jumindanina* <дер._Juminda+нос>, *Ristinina* <крест:GEN+нос> [там же]). Если попытаться дифференцировать значение этих терминов, то увидим, что *neem* часто означает полуостров, а *nina* — вытянутый мыс.

Мыс Колка в Курляндии (Латвия) называется на ливском языке *Kuolka nana* <угол нос> [Kettunen 1938: 164].

В Карелии *niemi* практически всегда обозначает более крупные объекты, чем *nenä*, при этом *niemennenä* означает 'оконечность мыса'. На Онежском озере мыс обычно называется *наволок* (соответствует карельскому *niemi)*, а *нос* в названиях мысов встречается относительно редко (*Бесов Нос*, *Гажий Нос*, *Долгий Нос*, *Клим Нос*, *Сухой Нос* [Ерохин, Москвитин 1997: 85, 86, 113, 115, 125]).

Курголовский полуостров в Ингерманландии называется у финнов *Kurkulanniemi* <дер._Kurkula:GEN+мыс>[22], при этом в названиях его многочисленных мысов выступает *nenä*:

[21] Вероятно, соответствует значению сойк. иж. *lippu* 'флюгер; буек, отмечающий место заброса невода' [Nirvi 1971].

[22] Ср. при этом водское название *Kurkolaa nenä* [Adler, Leppik 2000: 38]. По-видимому, в водском языке вообще не имеется лексемы с рефлексом праприб.-фин. корня **nēmi.*

Neuvoppäännenä <neuvo(:GEN)[23]+голова:GEN+нос>;
Pihlajasaarennenä <рябина+остров:GEN+нос>;
Pitkänenä, рус. *мыс Питкинен Нос* <длинный+нос>;
Rynkänpäännenä <rynkkä:GEN+голова:GEN+нос>.

В той же местности *niemi* встречается в топоосновах:

лес *Niemenmetsä* <мыс:GEN+лес>;
покос *Niemenniitty* <мыс:GEN+покос> [Nimiarkisto].

Сойкинский полуостров у ингерманландских финнов и ижор называется *Soikkola/Soikkula*. Однако имеются и описательные названия: у финнов — *Soikkolanniemi* <п-ов_Soikkola:GEN+мыс>, у сойкинских ижор — *Soikkulan nurkka* <п-ов_Soikkola:GEN угол> или *Nenove* (← *nenä* ‘нос’, см. сноску 12), рус. *Носовщина* [Крюков 2006: 255–257], у води — *Soikkolaa nenä* [Adler, Leppik 2000: 38]. При этом у ижор *nenä* выступает в названиях небольших мысов Сойкинского полуострова:

Kattaiznenä <вересковый+нос>;
Kirkkonenä <церковь+нос>;
Paavonenä <антр._Paavo+нос>;
Pettäiznenä <сосновый+нос> [Nirvi 1971: 339; Nimiarkisto].

Лексема *neemi* употребляется у ижор в том же значении, что и *nenä* [Nirvi 1971: 340]. В каких-то случаях *nenä* и *niemi* могут дублировать друг друга: м. *Lippunenä* ~ *Lippuniemi*, рус. м. *Липуниэми* <флаг+нос ~ мыс>, м. *Rissinnenä* <крест:GEN+нос> ~ *Ristiniemi* <крест+мыс> (Soikkola) [Nimiarkisto; Nirvi 1971: 339]. В целом значения *nenä* и *niemi* следует признать сходными [Kulonen 2001:213].

Ареал *nenä* ‘мыс’ в Ингерманландии включает побережье Финского залива и озер Западной и Северной Ингерманландии. Примечательно, что на Ладоге *nenä* в значении ‘мыс’ не встречается, несмотря на присутствие русских аналогов — м. *Кошкин Нос*, м. *Морьин Нос*, дер. *Носово* и др. Шведские карты XVII века содержат названия мысов с детерминативом *niemi* в южной части западного побережья Ладоги *(Griskaniemi*, *Håponiemi*, *Wihåniemi*,

[23] Геминация начального согласного в *pää* может указывать на ассимиляцию предыдущего *-n* — показателя генитива при *neuvo;* в [Nirvi 1971] приводятся значения сойк. иж. *пейӧvo* ‘рыбная ловля; совет’.

Tarsianiemi [Bagrow, Köhlin 1953: XI, XII, XIII, XIV]). Возможно, отсутствие *nenä* на юго-западном побережье Ладоги связано с отсутствием здесь ижорского населения.

Обратимся к другому значению термина *nenä* — ‘выступ края возвышенности’. В Северной Ингерманландии, где многие деревни расположены на плоских вершинах возвышенностей, *mäennenä* означает ‘выступ края горы’. Такое значение зафиксировано в дер. Кавголово, Пухиланмяки, Рохма, Токсово (Toksova), Янино, Верхнее Кальтино (Keltto), Куйвози, Лесколово (Lempaala), Румболово (Rääpyvä). В этом значении *nenä* не встречается в топонимах, но применяется как географический термин для обозначения местоположения домов *(mäen nenäs* <гора:GEN нос:IN> ‘на краю горы’).

В Западной Ингерманландии, у ижор и води, *nenä* встречается в микротопонимах, обозначающих выступы леса, например, иж. *Sannikonnenä* <заросли_папоротника+нос> около дер. Остров и иж. *Pitkänenä* <длинный+нос> недалеко от дер. Куровицы (Kosemkina) [Nimiarkisto].

В обобщенном виде смысловое географическое содержание *nenä* сводится к значению ‘выступ, оконечность’.

3.5. Термин otsa ‘*лоб*’

В Западной и отчасти Центральной Ингерманландии *otsa* — ‘часть деревни’ (‘один из концов деревни’, либо просто ‘край деревни’).

Обычным было применение *otsa* в качестве нарицательного существительного со значением ‘сторона, конец деревни, часть деревни’, например: инг. фин. *täs otsas* <этот:IN конец:IN> ‘в этом конце [деревни]’). Однако нередко «концы» деревни (инг. фин. *kyläotsat)* имели известные границы и названия и представляли собой отдельные части деревни. В таких случаях деревня (инг. фин. *kylä)* была фактически парой или даже группой подобных микропоселений:

Suurotsa, рус. *Большой Конец* <большой+конец> и *Pienotsa*, рус. *Малый Конец* <маленький+конец> в с. Котлы (Kattila);

Suomenotsa <финский:GEN+конец> и *Vennäinotsa* <русский:GEN+конец> в дер. Парицы (Kolppana);

Kirkonotsa <церковь:GEN+конец> и *Sepänotsa* <кузнец:GEN+конец> в дер. Горки (Kupanitsa) [Kupanitsan rippikirja 1927–1936].

В домах на две избы, фасады которых ориентированы в разные стороны, *otsa* — это еще и один из «концов» дома (инг. фин. *toises otsas* <другой:IN конец:IN> ‘в другой избе’). Крайний дом деревни в Западной Ингерманландии называется инг. фин. *otsimmaine talo* <лобовой дом> [Полевые].

Употребление *otsa* в географическом значении ‘край, оконечность’ вообще не характерно для финского языка. Пожалуй, во всем ареале распространения финского языка лексема *otsa* в таком значении типична только для Западной и Центральной Ингерманландии[24].

При этом та же самая лексема в значении ‘край, оконечность’ присутствует в ижорских диалектах *(otsa* [Nirvi 1971: 367]) и водском языке *(ottsa* или *õttsa* [Grünberg 2011: 292]). Ареалы распространения этих языков находятся именно в Западной Ингерманландии. Финский диалект Западной Ингерманландии сложился под влиянием местных ижорских и водских говоров [Муслимов 2005: 164–165]. Что касается финских диалектов Центральной Ингерманландии, то можно думать, что они сохраняют какие-то черты ранее бывших здесь ижорских диалектов. В XIX — начале XX веков ижоры Центральной Ингерманландии проживали дисперсно, часто в одних деревнях с финнами, и были близки к последним в языковом отношении [Полевые]. Можно сделать предварительное предположение, что *otsa* в значении ‘конец деревни’ в ингерманландских финских диалектах представляет собой субстрат — наследие исчезнувших на данной территории ижорских говоров. Присутствие *otsa* в значении ‘оконечность’ в финских диалектах Ингерманландии, вероятно, является результатом взаимодействия пришлого финского и автохтонного (водского и ижорского) населения.

[24] Все же следует отметить, что в Финляндии имеется по крайней мере несколько десятков топонимов, в которых *otsa* выступает как детерминантом, так и атрибутом [Karttapaikka 2010]. В большинстве своем это микротопонимы, в которых значение *otsa* может быть различным; крупных объектов, название которых содержало бы *otsa*, неизвестно. Употребление *otsa* в качестве географического термина в Финляндии вне топонимии не зафиксировано. По-видимому, *otsa* в топонимии Финляндии встречается спорадически и не образует ареалов. В Выборгской губернии топонимы с *otsa* единичны.

Если обратиться к значениям лексемы *otsa* в родственных языках и диалектах, то мы увидим следующую картину. В собственно-карельском диалекте *očča* — ‘лоб’ и ‘фасад дома’ [Зайков, Ругоева 1999: 122, 138][25]. В Олонецкой Карелии *otča* часто встречается в названиях полей, расположенных перед домом или деревней [Мамонтова, Муллонен 1990: 67]. У вепсов есть ойконимы дер. *Jogenč* (← **Jogenoč* <река:GEN+лоб> ‘исток реки’) и дер. *Mägoč* <гора+лоб> ‘вершина горы’ [Муллонен 1994: 111].

В эстонском языке главное значение лексемы *ots* — ‘конец, край’. При этом ‘лоб’ называется *otsmik* (образовано от *ots* с помощью суффикса именного словообразования *-mik)*. В эстонской топонимии встречаются ойконимы *Idaotsa* <восток:GEN+конец> ‘восточный конец’ (деревня на о. Прангли в Финском заливе, Э), *Järveotsa* <озеро:GEN+конец> ‘конец озера’ (домоним в уезде Tartumaa, Э) [Pall 1969: 44]. В эстонском языке обычны конструкции типа *teises otsas* <другой:IN конец:IN> ‘в другой стороне’. Эстонская ономастика полна имен собственных (фамилий и домонимов) с детерминативом *otsa*, ср. примеры домонимов из [Pall 1969]:

Aruotsa <суходол:GEN+конец:GEN>;

Külaotsa <деревня:GEN+конец:GEN>;

Mäeotsa <гора:GEN+конец:GEN>;

Saareotsa <остров:GEN+конец:GEN>;

Vainuotsa <выгон:GEN+конец:GEN>.

Для приведенных названий очевидно значение ‘сторона, край’. Кроме этого, *ots* в форме номинатива или генитива встречается в Эстонии в названиях мысов:

Eonaots <росток:GEN+*-na* (← **nina* ‘нос’) + конец>;

Kolgaots <угол:GEN+конец>;

в названиях частей населенных пунктов и отдельных домов:

Aandiotsa <антр._Aandi:GEN+конец:GEN>;

Haavikuotsa <осинник:GEN+конец:GEN>;

Kaileotsa <багульник:PL:GEN+конец:GEN> [Kallasmaa 1996].

[25] В Северной Карелии *pirtin ottša* <изба:GEN лоб> — ‘передняя, фасадная сторона дома; пространство перед домом’, *ottšapiha* <лоб+двор> — ‘площадка под окном’. При этом ‘конец деревни’ называется *kylän piä* <деревня:GEN голова> [Torikka 2009].

В названиях мысов *ots* дублирует другие термины, имеющие географическое значение ‘оконечность’ *(neem* ‘мыс, полуостров’, *nina* ‘нос’, *pea* ‘голова’). Значение *ots* в ойконимах не всегда понятно; наиболее вероятно значение ‘крайняя часть деревни; сторона’.

В Западной Ингерманландии *otsa* встречается в названиях полей в приходе Kosemkina:

Korpiotsa <чаща+конец>;

Liivaotsa <песок+конец>;

Rompinotsa <rompi:GEN+конец> [Полевые].

В приведенных топонимах термин *otsa*, по-видимому, также имеет значение ‘край, оконечность’.

Итак, мы видим, что употребление *otsa* в значении ‘оконечность’ имело место во многих прибалтийско-финских языках. При этом мы находим практически полное совпадение значений географического термина *ots/õttsa/ottsa/otsa* в эстонском языке, в водских и ижорских диалектах, а также в финских диалектах Западной и Центральной Ингерманландии (приходы Hietamäki, Kaprio, Kattila, Koprina, Kosemkina, Kupanitsa, Moloskovitsa, Novasolkka, Serepetta, Skuoritsa, Soikkola, Spankkova, Ropsu, Tyrö). Можно предположить, что перед нами пример ареального явления, охватывающего Эстонию, Западную и Центральную Ингерманландию[26].

3.6. Термин polvi ‘колено’

Основное значение *polvi* как географического термина — ‘поворот русла реки’ *(joenpolvi* <река:GEN+колено>). Жителям финских деревень прихода Keltto известны следующие «колена» (повороты, изгибы) Невы:

Kosenpolvi (у пос. Большие Пороги) <порог:GEN+колено>;

Val'tulanpolvi (у дер. Усть-Славянка) <дер._Val'tula:GEN+колено>;

[26] Поскольку в Финляндии названия, содержащие *otsa*, все же имеются, обоснование данного предположения требует составления карты распространения таких названий, а также значений этого термина на территории этой страны. В настоящей работе вопрос о термине *otsa* в топонимии Финляндии подробно не изучался.

Vääräpolvi (у Смольного собора) <кривой+колено> [Полевые].

Термин известен и в Северной Ингерманландии. Ср. названия изгибов русла реки Авлоги у деревень Меслики и Вуолоярви (Vuole):

Kantsikanpolvi <антр._Kantsikka:GEN+колено>[27];

Riivalinpolvi <антр._Riivali:GEN+колено> [Nimiarkisto].

Термином *polvi* назывались также изгибы течения рек Луги, Мертвицы и Россони в Западной Ингерманландии [Nirvi 1971:423]. Здесь же, на р. Мертвица, представлен и ойконим *Polvenkylä*, рус. *Колено* <колено:GEN+деревня> — выселок из деревни Ропша, возникший в начале XX века.

Другое значение *polvi* — ‘поворот дороги’ *(tienpolvi* <дорога:GEN+колено>). Дорога из дер. Верхние Никулясы в дер. Тозерово (Miikkulainen) огибает болото, и изгиб дороги называется *Vääräpolvi* <кривой+колено> ‘кривое колено’ [Nimiarkisto; Полевые].

В значении ‘поворот дороги’ в русской географической терминологии выступает *колено* [Мурзаев 1984: 284]. Ойконимы дер. *Старое Колено* и дер. *Новое Колено* в Центральной Ингерманландии (Koprina) возникли в связи с поворотом старой дороги к р. Луге.

3.7. Термин pää ‘голова’

В Ингерманландии термин представлен названиями деревень и мысов:

дер. *Kangaspää*, рус. *Новое Калище* (Hevaa) <бор+голова>;

дер. *Kylänpää*, рус. *Сашино* (Tyrö) <деревня:GEN+голова>;

дер. *Mustapää*, 1) рус. *Черная Голова* (Keltto); 2) рус. *Онстопель* (Novasolkka) <черный+голова>

дер. *Pärspää*, рус. *Липово* (Soikkola), от <липовый+голова> (см. ниже);

дер. *Suonpää*, рус. *Шумба* (Liissilä) <болото:GEN+голова>;

м. *Kolkanpää*, рус. *м. Колгомпя* (Soikkola) <угол:GEN+голова>;

м. *Tammispää*, рус. *м. Дубовской* (Kaprio) <дубовый+голова>.

[27] *Kantsikka* — топонимное гнездо, в состав которого входят также в т. ч. болото *Kantsikansuo* <Kantsikka:GEN+болото> и дорога *Kantsikantie* <Kantsikka:GEN+дорога>. Название, согласно легенде, восходит к антропониму *Kantsikka* с неясным значением [Nimiarkisto].

Кроме того, он содержится в огромном количестве микротопонимов — главным образом названий «концов» деревни, наподобие *Alapää* <нижний+ голова> ‘нижний конец’ и *Yläpää* <верхний+голова> ‘верхний конец’. В деревнях Струпово (Kosemkina), Гайколово (Venjoki), Венделево (Venjoki) представлено название конца деревни *Pellonpää/Pellonpiä*[28] <поле:GEN+голова> [Nimiarkisto; Полевые].

Ареал термина *pää* в значении ‘оконечность’ (озера, острова, бора, деревни) совпадает со всем ареалом распространения финского языка [Paikkala 2007: 363]. Главное, наиболее общее значение этой лексемы в качестве географического термина (‘конец, оконечность’) естественным образом следует из того, что голова является наиболее очевидной «оконечностью» тела. Существует мнение, что значение ‘оконечность’ для лексемы *pää* является первоначальным [там же].

Фин., иж. *pää/* эст. *pea* в значении ‘мыс, оконечность полуострова’ спорадически встречается на территории распространения данных языков: м. *Ylläppää* <верх+голова> или *Ylläppäänniemi* <верх+голова:GEN+мыс> на Карельском перешейке (Pyhäjärvi, K) [Karjalan 2009], уже упоминавшийся м. *Kolkanpää* в Западной Ингерманландии (Soikkola), м. *Letipea* или *Letipea neem* <lett:GEN[29]+ голова:GEN мыс> в Эстонии (уезд Viru-Nigula, Э) [Penkin 1990]. Однако следует учитывать тот факт, что приведенные названия мысов совпадают с ойконимами (дер. *Letipea* — м. *Letipea neem;* дер. *Ylläppää* — м. *Ylläppäänniemi;* деревня и мыс *Kolkanpää).* Поэтому возможно, что название мыса в этих случаях образовано от названия деревни.

Pää в значении ‘возвышенное место, вершина горы’ не отмечено в топонимии Ингерманландии.

Компонент *pää* представлен в составе географического термина *kylänpää* <деревня:GEN+голова> ‘один из концов деревни’. Употребление этого термина в данном значении в ингерманландских финских диалектах не было повсеместным. Отчасти это было

[28] *Piä* — фонетический вариант лексемы *pää*, обычный для восточнофинских, а также для большинства карельских диалектов.

[29] В современном эстонском языка *lett* означает ‘прилавок’, но, по-видимому, в составе топонима эта основа может иметь иное значение.

связано с тем, что далеко не везде были деревни, вытянутые в одном направлении[30].

Кроме того, представляется, что в прошлом употребление термина *kylänpää* в значении ‘один из концов деревни’ было свойственно только некоторым этнотерриториальным группам финнов. *Kylänpiä* в значении ‘один из концов деревни’ присутствует в собственно-карельском диалекте Северной Карелии [Мамонтова 1991: 49]. Говоря об Ингерманландии, можно было бы, на первый взгляд, предположить, что *kylänpiä*[31] в значении ‘один из концов деревни’ было маркером диалекта финнов-савакот. Действительно, названия частей деревни *Alapiä* <низ+голова> ‘нижний конец’ и *Yläpiä* <верх+голова> ‘верхний конец’ были обычны в приходах Valkeasaari, Lahti, Rääpyvä, Keltto, Markkova, Järvisaari, Liissilä, Inkere, Venjoki и Tuutari [Полевые]. За исключением Liissilä, это те приходы, где финны-савакот в XIX веке составляли все или большинство финского населения [Köppen 1867: 88–89]. В отношении эвремейского населения приходов Inkere, Tuutari и Liissilä можно сказать, что они испытали сильное влияние савакской культуры и речи. И все же достаточных оснований связывать ареал *kylänpiä* в Ингерманландии с финнами-савакот не имеется.

[30] В частности, для района приходов Lempaala, Toksova, Valkeasaari, Vuole типичны были «разбросанные» деревни, в которых не было «концов». Здесь обычным было деление деревни на две части — «верхнюю» и «нижнюю». Они могли называться *Ylämäki* <верх+гора> ‘на горе’ и *Alamäki* <низ+гора> ‘под горой’ или *Yläkylä* <верх+деревня> ‘верхняя деревня’ и *Alakylä* <низ+деревня> ‘нижняя деревня’ [Полевые]. Многие подобные деревни этого ареала (так же как и соседних волостей Выборгской губернии) имели кустовую структуру, т.е. состояли из отдельных групп домов — *mäkikunnat* <гора+община:PL> [Krjukov 2007], см. также Карту 1 на с. 317.

[31] В Ингерманландии дифтонгизация **ǟ > iä* была свойственна не всем финским диалектам. Однако ареал распространения термина *kylänpiä* почти полностью находится именно в «области дифтонгизации» — в «савакских» приходах Северной Ингерманландии (Keltto, Pyhä Maria, Rääpyvä), в Восточной (Järvisaari, Markkova) и отчасти Центральной Ингерманландии (Inkere, Liissilä, Tuutari, Venjoki) [Nimiarkisto]. Исключением является только приход Valkeasaari, т.е. можно считать, что литературному *kylänpää* в Ингерманландии почти всегда соответствует вариант *kylänpiä*.

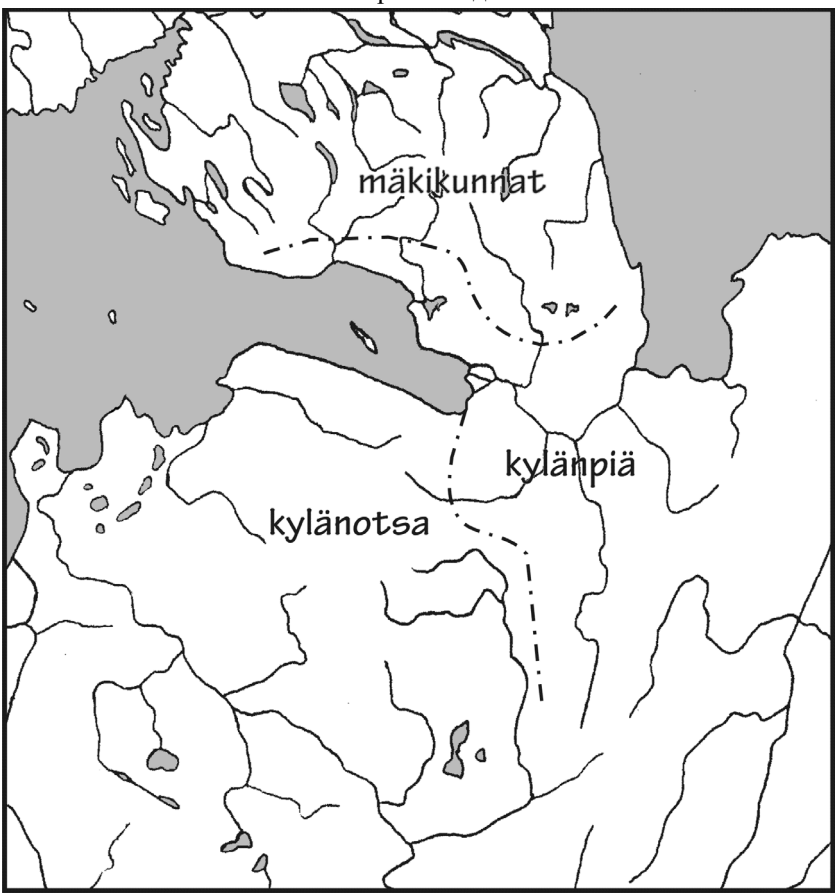
Следует заметить, что термин *kylänpiä* в Восточной, частично Центральной и Северной Ингерманландии означает в точности то же самое, что *kylänotsa* — в Западной. Другими словами, у финнов-савакот в приходах Kolppana, Koprina, Skuoritsa, Spankkova и далее на запад «концы» деревни назывались *kylänotsa* — так же, как и у финнов-эвремейсет в соседних приходах Hietamäki и Tyrö. Поэтому, по-видимому, мы имеем дело с явлением иного рода, чем диалектные различия в речи двух этнических групп ингерманландских финнов (савакот и эвремейсет). Скорее всего, *kylänpiä* в Ингерманландии следует считать ареальным явлением. Ареал *kylänpiä* в Ингерманландии характеризуется отсутствием (или малочисленностью) ижорского населения.

Карта 1 наглядно показывает, что изоглосса ‘название частей деревни’ делит Ингерманландию на западный ареал *kylänotsa* и восточный ареал *kylänpiä*, независимо от того, какие именно этнические группы ингерманландских финнов в них проживали. Граница, разделяющая их, проходит по линии Лигово — Красное Село — Гатчина, далее на восток — по водоразделу рек Ижоры и Суйды, далее на юг — по водоразделу рек Оредежа и Тосны. Примечательно, что граница ареалов *kylänotsa* и *kylänpiä* совпадает с бывшей границей Копорского и Ореховского уездов (в шведское время — Копорского и Нотебургского ленов). В этом смысле наличие ареалов *kylänotsa* и *kylänpiä* в значении ‘часть деревни’, возможно, отражает какие-то этапы заселения Ингерманландии в шведское время.

Можно думать, что граница ареалов *kylänotsa* и *kylänpiä* смещалась в течение столетий в направлении с востока на запад. О постепенном изменении этой границы говорит тот факт, что в приходе Tuutari, находящемся в ареале *kylänpiä*, был «островок» из двух деревень (Паюла и Перекюля), где «концы» деревни назывались *kylänotsa*. Крайние западные деревни прихода Tuutari (Расколово и Саксолово) уже находятся в ареале *kylänotsa*. По-видимому, наличие *kylänotsa* вместо *kylänpiä* можно отнести к ижорской субстратной лексике в языке соответствующих групп ингерманландских финнов.

Kylänpiä в значении ‘основная часть деревни’ находим в Старой Деревне (Keltto), дер. Жерновка (Pyhä Maria, СПб.), дер. Сашино (Tyrö). Примечательно, что в деревне *Kylänpää*, рус. *Сашино*,

Карта 1. Название частей («концов») деревни в разных частях Ингерманландии



концы деревни называются *kylänotsa*. Название деревни *Kylänpää* понималось местными жителями (финнами и ижорами) как центр группы деревень, называвшей *Papinkontu*, рус. *Бабигон* [Полевые]. Два значения термина *kylänpää* (‘один из концов деревни’ и ‘основная часть деревни’) совершенно различны. Последнее значение (‘основная часть деревни’) представляется весьма архаичным.

Значение элемента *pää* в составе топонимов не всегда понятно. Интересен уже упоминавшийся ойконим дер. *Pärspää*, рус. *Липово*, в Западной Ингерманландии. Деревня расположена

на Курголовском полуострове, в стороне от его оконечности. В пределах липовского берега нет никакого значительного мыса[32]. Таким образом, элемент *pää*, по-видимому, не означает в данном случае ни ‘мыс’, ни ‘полуостров’. Исторические данные показывают, что русский ойконим является полукалькой с прибалтийско-финского названия: *Липово* 1571, *Pärnäspää* 1645 (← иж. *pärnäne* ‘липовый’) [Saloheimo 1999: 96]. Подобные ойконимы есть в Эстонии, например, дер. *Kasispea* <березовый+голова>, *Pärispea* (от <липовый+голова>) и *Suurpea* <большой+голова> на полуострове *Purikarineem* [Penkin 1990][33]. Можно думать, что *pää* здесь имеет более общее значение ‘край, конец’. Кроме того, все перечисленные объекты находятся на берегу моря, т.е. «на краю» материка.

3.8. Термин selkä ‘спина’

Ареал термина *selkä* в значении ‘протяженная возвышенность’ приурочен к центральной возвышенности Карельского перешейка (см. Карту 2 на с. 320). Топонимический ряд, содержащий детерминатив *selkä* (в составе ойконимов — также *selki*[34]) представлен названиями деревень в Ингерманландии и Южной Карелии:

---

[32] В словаре [Nirvi 1971: 451] дается финский перевод *Pärspää* как *Pärspään niemi*, т.е. ‘липовский мыс’. Название *Pärspään niemi* не представлено в Nimiarkisto и не засвидетельствовано автором у информантов. В отсутствие сколько-нибудь заметного мыса, представляется, что *Pärspää* — это прежде всего название деревни.

При этом все же следует обратить внимание на водское название *Pärspää nenä* ‘липовский мыс’ [Adler, Leppik 2000: 38]. Как отмечалось в сноске 22, в водском *nenä* — по-видимому, единственное название для мыса. В свою очередь, словоупотребление *Pärspǟn nenät*, *Kurǩkoĭlan nenäd* ‘липовские мысы, курголовские мысы’ в [Nirvi 1971: 339] позволяет предположить, что Курголовский полуостров мог называться у ижор (по крайней мере, сойкинских) не только *Kurǩkoĭla*, но и *Pärspǟ*. Однако, возможно, в данном случае название всего полуострова как *Pärspǟ* вторично по отношению к названию деревни.

[33] В других источниках указывается, что эти деревни находятся на полуострове *Pärispea*, оканчивающейся мысом *Purikarineem* ~ *Purikari neem* ~ *Purekkari neem* [Purekkari neem 2010; Pärispea poolsaar 2008].

[34] В Северной Ингерманландии элемент *selkä* приобрел в ряде топонимов форму *selki*: *Maanselki*, *Korpselki*, *Osselki*, *Saarselki* [Köppen

Joutselkä (Kivennapa, K) <jout[35]+спина>;
Polviselkä (Kivennapa, K) <колено+спина>;
Kotselkä (Kivennapa, K) <дом+спина>;
Suurselkä (Kivennapa, K) <большой+спина>;
Tammiselkä (Kivennapa, K) <дуб+спина>;
Kuuterselkä (Kanneljärvi, K) <kuuter[36]+спина>;
Kuninkaanselkä (Rautu, K) <король:GEN+спина>;
Maanselkä (Rautu, K) <земля:GEN+спина>
Maanselki, рус. *Масселькы* (Lempaala) <то же>;
Konnunselkä, рус. *Ново-Алакюль* (Valkeasaari) <дом:GEN+спина>[37];
Hyväselki, рус. *Новоселки* (Haapakangas) <хороший+спина>;
Korpselki, рус. *Карабсельки* (Haapakangas) <чаща+спина>;
Saarselki, рус. *Сарженка* (Haapakangas) <остров+спина>;
Osselki, рус. *Осельки* (Toksova, Lempaala) <os+спина>
[Полевые].

Некоторые из подобных ойконимов фигурируют в подушных книгах XV–XVI века [Беляев 1851: 180, 211, 225, 233], то есть их возраст составляет более 500 лет. Например, *Агриселка* в Ярвосольском погосте, *Вайдоселка* в Дудоровском, *Гувясалка* в Корбосельском, *Палкоселка* или *Покоселка* в Ижерском, *Пурноселка* в Келтушском погосте [Беляев 1851: 233, 244, 359, 300, 381, 450]). Местонахождение некоторых из них достоверно известно: *Агриселка — Vuahriselk*, совр. рус. *Синявино* (Markkova), *Гувясалка — Hyväselki*, совр. рус. *Новосёлки*, близ Парголова (Haapakangas),

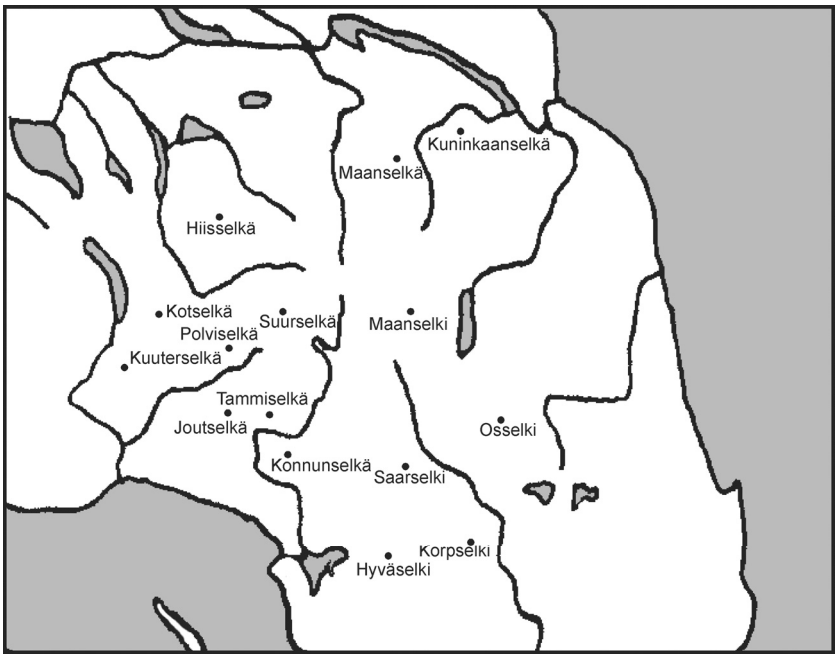
1867: 51, 54], ср. также сноску 12. В диалектной речи местных жителей (Lempaala, Toksova, Haapakangas) конечное *i* в настоящее время подверглось редукции. В результате этого перечисленные топонимы (ойконим ← ороним) приобрели многократно зафиксированную автором, но отсутствующую в иных более ранних источниках форму: *Maaselk* (формы внутреннеместных падежей *Maanselis* IN, *Maanselist* ABL, *Maanselkii* ILL); *Korpselk* (соответственно, *Korpselis*, *Korpselist*, *Korpselkii)* и др.

[35] Ср. *joutsa* ‘быстрый, проворный’, а также *joutsen* ‘лебедь’ [Оллыкайнен 2003].

[36] Возможно, от *кучер.*

[37] Инг. фин. *kontu* означает ‘дом, двор, хозяйство’ [Оллыкайнен 2003].

Карта 2. Область распространения географического термина *selkä/selki* в Ингерманландии и Южной Карелии



Пурноселка — Purnu, рус. *Пурново* (Toksova). Данные деревни находились в равнинной местности, на едва заметных возвышенностях (вероятно, этого было достаточно для возникновения топонимов на *-selkä).*

Из полевых данных автора следует, что во всяком случае в XX в. термин *selkä* в Ингерманландии и Южной Карелии не был продуктивным, не употреблялся в значении ‘возвышенность’ и даже был непонятен в этом качестве местным носителям финского языка[38]. Редкий пример *selkä* в составе микротопонима оронимии-

[38] Самая высокая возвышенность окрестностей дер. Токсово, т.н. *Оссельская гора* (146 м; название неофициальное), вытянутая наподобие хребта (т.е. подходящая под значение термина *selkä)*, называется у местных финнов *Osselinmäk* <дер._Osselki : GEN+гора>. Подобная словоформа, где фактически представлено дублирование географического термина, обозначающего возвышенность *(selki+mäk)*, по-видимому,

ческого содержания — это дорога и часть деревни *Selkätie* <хребет+дорога> в деревне Кюрегака (Vuole). Но в целом в Ингерманландии, равно как и в центральной части Карельского перешейка, географический термин *selkä* утратил свое оронимическое содержание. Только на севере Карельского перешейка, в приходах Kaukola и Kirvu и далее на север, вместе с изменением ландшафта, *selkä* вновь появляется в оронимах — названиях скалистых возвышенностей.

Вторичное значение *selkä* ~ *selgü* ‘деревня’ зафиксировано в Карелии [Мамонтова 1991: 50]. Ойконимы с элементом *selkä* в центральной части Карельского перешейка, известные с 1500 года, позволяют связывать их со средневековым карельским (впоследствии ижорским) населением. Миграции и смешение близкородственных этнических групп, вероятно, затем привели к исчезновению продуктивных топонимических моделей с элементом *selkä* — как в значении ‘хребет’, так и в значении ‘деревня’.

Вместе с тем, в Ингерманландии в XX веке имело место употребление *selkä* в других значениях: ‘плес, открытое пространство озера или моря’, а также ‘протяженная группа деревень’ [Nimiarkisto]. Так, южная, наибольшая по протяженности часть Лемболовского озера, называлась *Kirkkoselkä* <церковь+плес> ‘церковный плес’. Подобные названия встречаются и на Карельском перешейке, например:

оз. *Kokonselkä*, рус. *Соколиное* (Antrea, К) <сокол:GEN+спина>;

оз. *Noskuanselkä*, рус. *Большое Градуевское* (Antrea, К) <дер._Noskua:GEN+спина>;

Аналогичны названия плесов Вуоксы:

Hovikorvenselkä (Antrea, К) <усадьба+чаща:GEN+спина>;

Talikkalanselkä (Antrea, К) <дер._Talikkala:GEN+спина>;

Vaarinselkä (Antrea, К) <vaari:GEN[39]+спина>;

Marjanselkä (Vuoksenranta, К) <антр._Marja:GEN+спина>;

Terhenänselkä (Vuoksenranta, К) <туман:GEN+спина>;

возникла в связи с повсеместной утратой в Северной Ингерманландии употребления термина *selkä* в значении ‘возвышенность’.

[39] Возможно, имеет отношение к карельскому *voari* ‘старик’, однако отображено без характерной для карельского и ингерманландского финского дифтонгизации праприб.-фин. **ā*.

Möyrynselkä (Käkisalmen mlk, К) <бушевание:GEN+спина>, и в основной части Финляндии [Paikkala 2007: 409–410].

Примечательно употребление *selkä* в значении ‘вытянутая в одном направлении группа деревень’. По материалам автора, название *Venjoenselkä* <приход_Venjoki:GEN+спина> относилось ко всему массиву деревень от Гатчины до Павловска (приход Venjoki получил название по р. *Venjoki*, рус. *Славянка*)[40]. Аналог употребления *selkä* в данном значении представлен на Карельском перешейке, где *Hiisselkä* <черт+спина> — группа деревень в приходе Valkjärvi, К.

Представляется, что активность топонимной модели с элементом *selkä* отчасти связана с ландшафтом, а отчасти имеет этноисторическую подоплеку [Муллонен 2002: 23].

3.9. Термин suu ‘рот, уста’

Наиболее распространенное значение *suu* как географического термина — ‘устье реки’. В Ингерманландии этот термин присутствует в следующих названиях деревень:

Joensuu, рус. *Устье* (Kaprio) <река:GEN+рот>;

Siistansuu, рус. *Систа-Палкино* (Kaprio) <р._Siista:GEN+ рот> (т.е. ‘устье р. Систы’);

Laukaansuu, рус. *Остров* (Kosemkina) <р._Lavvas:GEN+рот> (т.е. ‘устье р. Луги’);

Mustasuu, рус. *Заводы* (Tyrö) <черный+рот> (устье ручья, называвшегося *Mustaoja* <черный+ручей>);

микротопонимах:

Joensuu, часть деревни Нижние Никулясы (Miikkulainen) <река:GEN+рот>;

Merensuu, часть деревни Остров (Kosemkina) <море:GEN+ рот>.

Аналогичные топонимы (в т. ч. ойконимы) есть в Выборгской Карелии (дер. *Vammelsuu*, рус. *Серово* (Uusikirkko) <р._Vammel+рот>) и в Эстонии (г. *Narva-Jõesuu*, рус. *Усть-Нарва*

[40] В данных Nimiarkisto засвидетельствовано другое значение топонима *Venjoenselkä:* ‘группа деревень, расположенных вблизи церкви прихода Venjoki’ (дер. Кошелево, Поповка, Пязелево). По сведениям автора, данная группа деревень называлась *Kirkkoselkä* <церковь+спина>; группы деревень *Kirkkoselkä* и *Venjoenselkä* составляли оппозицию.

<р._Narva+река:GEN+рот>). В значении ‘устье реки’ лексема *suu* употребляется во всех прибалтийско-финских языках. Географическое содержание данной лексемы вторично; первичные значения *suu* — ‘рот, пасть, зев’, а также ‘отверстие, жерло, вход’ [Мамонтова, Муллонен 1990: 92].

Помимо наиболее известного географического значения *suu* — ‘устье реки’ — встречаются и другие. Интересно значение ‘исток реки из озера’. В данном значении термин *joensuu* вышел из активного употребления. Однако существует топоним, представляющий *suu* в таком значении: *Nevansuu* <р._Neva:GEN+рот>. Он обозначает исток р. Невы из Ладожского озера; при этом место впадения Невы в Финский залив называется *Joensuut* <река:GEN+рот:PL> [Полевые]. Аналогию находим в вепсском названии с. Вознесенье, находящегося у истока р. Свирь из Онежского озера — *Ustka* (от русского ‘устье’). В русском языке *устье* могло также означать ‘исток реки из озера’ [Мурзаев 1984: 583]. Например, исток реки Нарвы из Чудского озера у местных жителей также называется *Устье* [Будько 2005]. К сожалению, у нас нет сведений о том, как назывался в русских и прибалтийско-финских говорах исток р. Волхов из озера Ильмень. В любом случае можно думать, что *suu/устье* в значении ‘исток реки из озера’ — весьма архаичное явление[41]. При этом карельское понятие *(joen)niska* <река:GEN+затылок> в значении ‘исток реки из озера’ и соответствующее ему русское *зашеек* в Ингерманландии неизвестны.

Suu может означать также ‘конец или начало дороги’. В Западной Ингерманландии есть ижорский ойконим дер. *Tiesuu*, рус. *Извоз* (Kosemkina) <дорога+рот>. В настоящее время трудно сказать, начало какой дороги имелось в виду (возможно, подразумевалась уже не существующая дорога в Нарву).

[41] В литературном финском языке исток (и источник) называются *alkulähde* [Kuusinen, Ollikainen 1978]; исток реки из озера не имеет специального названия, а основное значение *(joen)suu* — ‘устье (реки)’. Однако, по сведениям от носителей языка (из Ингерманландии и Финляндии), *joensuu* ‘устье’ может в принципе обозначать как начало, так и конец реки. Ср. также в карельском одно из значений *suu:* ‘начало или конец водной или другой магистрали’ [Torikka 2009].

3.10. Термин varsi ‘стебель; туловище, стан’

Как уже говорилось в п. 3.1, в финской соматической фразеологии обычны конструкции типа *joen varrella* ‘вдоль реки’, *tien varrella* ‘вдоль дороги’. В качестве географического термина лексема *varsi* ~ *vars* представлена в микротопонимии — в особенностях устройства деревень Северной Ингерманландии. Традиционная структура этих деревень кустовая, но с возрастанием роли дорог все больше новых домов строили у проезжей части. Со временем во многих деревнях возникли группы домов у большой дороги, называвшиеся *maantienvarsi* <земля:GEN+дорога:GEN+стебель/туловище> ‘обочина дороги’ [Lempaalan 1881–1895], фонетический вариант *maantievars*[42] (Lempaala, Toksova, Haapakangas, Valkeasaari). Части деревень, называвшиеся *Maantievars*, были в составе дер. Агалатово, Лемболово, Муратово (Lempaala), Лупполово (Haapakangas) и других населенных пунктов, расположенных вдоль Кексгольмского (Приозерского) шоссе — *Käkisalmen maantien varrella* <г._Käkisalmi:GEN земля:GEN+дорога:GEN стебель/туловище:AD>. Термин *maantienvarsi* наилучшим образом подходил для объяснения местонахождения дома или устройства деревни.

Можно думать, что в Центральной Ингерманландии термин *maantienvarsi* вышел из употребления в связи с исчезновением кустовой структуры деревень. Вероятно, он нес смысловую нагрузку там, где расположение домов у дороги было нетипичным. В новых условиях, когда все деревенские дома выстроились у дороги, термин *maantienvarsi* утратил свое значение.

4. Выводы

1. Прибалтийско-финская географическая терминология в значительной части основана на использовании лексики соматического происхождения. В общефинской соматической фразеологии (послелоги, наречия) широко используются лексемы *pää* ‘голова’, *käsi* ‘рука’, *rinta* ’грудь’ и другие. В ряде случаев такие послелоги и наречия имеют и «географическое» содержание (указывают на характер локализации или движения объекта).

[42] В некоторых ингерманландских финских говорах показатель генитива *-n* отсутствует.

2. В качестве географических терминов широко употребляется только самая частотная соматическая лексика (‘голова’, ‘лоб’, ‘нос’, ‘рот’, ‘спина’). Лексемы, обозначающие прочие части тела (‘бедро’, ‘голень’, ‘кисть’, ‘локоть’, ‘плечо’, ‘стопа’ и др.), менее употребительны и мало используются в народной топонимической терминологии.

3. Географические значения ряда соматических лексем во многих случаях совпадают в русском и прибалтийско-финских языках (например, у лексем *нос* и *nenä*, *хребет* и *selkä*, *колено* и *polvi)*. Вместе с тем, в применении соматической лексики в качестве географических терминов у разных народов прослеживается своя специфика.

4. Ингерманландия является зоной межэтнических контактов на протяжении как минимум двух тысячелетий. Эти контакты нашли отражение во взаимодействии языков (в т. ч. и близкородственных). Финские, ижорские и водские диалекты, бытовавшие на территории Ингерманландии, близкородственны и отчасти взаимопонятны. Соматическая лексика этих диалектов в значительной части общая. Совпадает и употребление этой лексики в качестве географических терминов. Вместе с тем значение одних и тех же географических терминов *(harju*, *nenä*, *pää*, *selkä* и др.) в разных районах Ингерманландии не всегда совпадает. Причины этого, во-первых, в особенностях ландшафта: в различных типах ландшафта одни и те же соматические лексемы находят разное географическое применение. Во-вторых, определенную роль играли этноисторические (миграционные) процессы, диалектная раздробленность языков и ареальные контакты с близкородственными языками. В прибалтийско-финской топонимии Ингерманландии наиболее примечательными детерминативами соматического происхождения выступают *nenä* ‘нос’, *otsa* ‘лоб’, *pää* ‘голова’ и *selkä* ‘спина’.

5. В идиомах Ингерманландии географические значения лексем *niemi* ‘мыс’ и *nenä* ‘нос’ сближаются. В ряде случаев представлено их свободное варьирование при обозначении одних и тех же объектов (например, мыс *Lippunenä ~ Lippuniemi)*. Можно предположить конвергенцию значений изначально сходных по семантике лексем (ср. русские *мыс* и *нос*).

6. Различия в употреблении лексем *otsa* и *pää* в качестве географических терминов на территории Ингерманландии в настоящее время носят не столько диалектный, сколько ареальный характер. В этих отличиях отражаются, по всей видимости, миграционные процессы, происходившие в Ингерманландии в XV–XVIII веках. В частности, *kylänotsa* в финских диалектах Западной и отчасти Центральной Ингерманландии в значениях ‘один из концов деревни’ и ‘один из двух концов дома’ может быть признано субстратом языков автохтонного населения (води и ижор). *Kylänpää* в значении ‘один из концов деревни’ в Северной, Восточной и части Центральной Ингерманландии представляется более новым явлением, связанным с миграцией в Ингерманландию финского населения в XVII веке. *Kylänpää* в значении ‘основная часть деревни’ — вероятно, реликтовое явление.

7. Ареал ойконимов, содержащих элемент *selkä* в значении ‘протяженная возвышенность’, следует признать реликтом языка средневекового карельского населения. Географический термин *selkä* употреблялся в Ингерманландии и в других значениях, в том числе в значении ‘вытянутая в одном направлении группа деревень’. Один из самых примечательных топонимов, в состав которых входит этот термин, — *Venjoenselkä* ‘массив деревень, расположенных вдоль реки Ижоры’. Топонимы, содержащие элемент *selkä* в различных географических значениях, возникли в разное время и представляют собой наследие различных этнических групп — средневековых карел (предков ижор), эвремейсет и савакот, современных ингерманландских финнов.

Литература и архивные источники

Беляев И. Д. (подг. к печ. и ред.). 1851. Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 [1500] года (2-я половина). (Временникъ Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, кн. 11). М.: Въ университетской типографіи.

Будько В. И. 2005. Север Гдовщины. Псков: Псковское возрождение. Доступно на сайте http://www.pskovgrad.ru/2007/01/13/chudskoe_ozero_i_narova.html).

Вахрос И., Щербаков А. (сост.). 1977. Финско-русский словарь / В. Оллыкайнен, И. Сало (ред.). 2-е изд. М.: Русский язык.

Ерохин С., Москвитин Е. (ред.). 1997. Атлас. Республика Карелия. Топографическая карта, масштаб 1:200000. М.: ВТУ ГШ.

Зайков П., Ругоева Л. (ред.). 1999. Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты). Петрозаводск: Периодика.

Кокконен Л. А. 1991. Явление вариантности на примере соматической фразеологии финского языка // П. М. Зайков (отв. ред.). Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН. С. 40–46.

Крюков А. В. 2006. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Дополнительные материалы Международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Секция «Общественные и гуманитарные науки». Подсекция «Новые методы исследования в гуманитарных науках» (школа молодых исследователей «Бубриховские чтения»). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН. С. 255–257.

Кузьмин Д. В. 2003. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии. Дисс. … канд. филол. наук. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Мамонтова Н. Н. 1991. О структурных типах карельской ойконимии (первичные и вторичные ойконимы) // П. М. Зайков (отв. ред.). Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН. С. 46–57.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. 1991. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН.

Муллонен И. И. 1994. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука.

Муллонен И. И. 2002. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т.

Мурзаев Э. М. 1974. Очерки топонимики. М.: Мысль.

Мурзаев Э. М. 1984. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль.

Мурзаев Э. М. 1994. Оронимия России // О. Н. Трубачев (ред.). Русская ономастика и ономастика России: Словарь. (Русская энциклопедия). М: Школа-Пресс. С. 149–154.

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Оллыкайнен В. М. (сост.) 2003. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский) / Т.П. Бойко (подг. к печ.). (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Фасмер М. 2003. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд. М.: Астрель АСТ.

Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.). 1976. Словарь русских народных говоров. Вып. 11: Зароситься–Зубренка. Л.: Наука.

Шилов А. Л. 2004. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // Вопросы ономастики 1. С. 86–99.

Adler E., Leppik M. (toim.). 1990. Vadja keele sõnaraamat I (A–J). Tallinn: Keele ja kirjanduse instituut.

Adler E., Leppik M. (toim.). 2000. Vadja keele sõnaraamat IV (N–P). Tallinn: Eesti keele instituut.

Bagrow L., Köhlin H. 1953. Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives. (Anecdota cartographica III, edita a. L. Bagrow). Malmö: AB Malmö Ljustrycksanstalt.

Grünberg S. (toim.). 2006. Vadja keele sõnaraamat V (R–S). Tallinn: Eesti keele instituut.

Grünberg S. (toim.). 2011. Vadja keele sõnaraamat VII (U-Ψ). Tallinn: Eesti keele instituut.

Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T., Alho I. 2004. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. Доступно на сайте http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php.

Itkonen E. (päätoim.). 2001. Suomen sanojen alkuperä 1, A–K. 2. painos. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 556; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 62). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.

Itkonen T. 1959. Kosken korva // Kalevalaseuran vuosikirja 39. S. 231–245.

Kallasmaa M. 1996. Saaremaa kohanimed I. Tallinn: Eesti keele instituut.

Karjalan kartat. 2009. Доступно по адресу: http://www.karjalankartat.fi.

Karttapaikka. 2010. Helsinki: Maanmittauslaitos. Доступно по адресу: http://kansalaisen.karttapaikka.fi/kartanhaku/paikannimihaku.html.

Kepsu S. 1972. Hikipäästä Ayräpäähän // Kalevalaseuran vuosikirja 52. S. 116–134.

Kettunen L. 1938. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 5). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Kiviniemi E. 1990. Perustietoa paikannimistä. (Suomi 149; Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 516). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

Köppen P. von. 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg: K. Akademie der Wissenschaften.

Krjukov A. 2007. Kylät ja mäkikunnat // Inkeri 2 (063). S. 4–5.

Krjukov A. 2010. Kurkulan kylän nimestä // Inkeri 1 (072). S. 3.

Kulonen U.-M. (päätoim.). 2000. Suomen sanojen alkuperä 3, R–Ö. 2. painos. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 556; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 62). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.

Kupanitsan rippikirja 1927–1936. Helsinki: Kansallisarkisto. OS 221.

Kuusinen M., Ollikainen V. (toim.) 1978. Venäläis-suomalainen suursanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva.
Lempaalan rippikirja 1881–1895. Helsinki: Kansallisarkisto. OS 248–249.
Nimiarkisto. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
Nirvi R. E. (toim.). 1971. Inkeroismurteiden sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
Nissilä V. 1975. Suomen Karjalan nimistö. (Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiön julkaisuja). Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö.
Paikkala S. (päätoim.). 2007. Suomalainen paikannimikirja. Helsinki: Karttakeskus; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
Pall V. 1969. Põhja-Tartumaa kohanimed I / M. Norvik (toim.). Tallinn: Valgus.
Pärispea poolsaar. 2008. Доступно по адресу: http://et.wikipedia.org/wiki/Pärispea_poolsaar.
Paukku H. J. (toim.). 1983. Sakkolan historiaa II. Sakkolan kylät tuvasta tupaan 1939. Lempäälä: Suvanto-säätiö.
Penkin I. M. (toim.). 1990. Eesti. Teede- ja turismi kaart (1:350000). Moskva: NSVL Geodeesia ja Kartograafia Peavalitsus.
Purekkari neem. 2010. Доступно по адресу: http://et.wikipedia.org/wiki/Purekkari_neem.
Saloheimo V (toim.). 1999. Inkerinmaalta ja Käkisalmen läänistä Venäjälle paenneita vuosina 1618–1655. (Historian tutkimuksia 19). Joensuu: Joensuun yliopisto.
Torikka M. (toim.). 2009. Karjalan kielen verkkosanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; Kotimaisten kielten tutkimuskesus. Доступно по адресу http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi.
Vilkuna K., Huitu M., Mikkonen P., Paikkala S. 1985. Suomalainen nimikirja. 2. painos. (Suomen kielen sanakirjat 6). Helsinki: Otava (Keuruu).

Н. О. Кирсанов

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ РЕК СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ЮГО-ВОСТОКА ЭСТОНИИ: ГИДРОНИМЫ НА -ВЖА[1]

1. Введение

Данная статья продолжает цикл работ, посвященных освоению иноязычных названий в прибалтийско-финских и славянских языках Северо-Запада России (см. [Кирсанов 2000, 2007]). В статье рассматриваются русскоязычные названия рек с формантом *-вжа*. Этот формант, в соответствии с моей гипотезой, является закономерным результатом независимого развития в русском языке прибалтийско-финского географического термина *joki* ‘река’.

2. Фонетические изменения в славянских языках, связанные с **j* и **w*

Для проблематики данной статьи актуальны следующие изменения, связанные с **j* и **w* и происходившие в процессе развития праславянского языка после распада балто-славянской языковой общности (см., например, [Meillet 1934; Shevelov 1964]).

1. Переход сочетаний заднеязычных с **j* в аффрикаты и сибилянты: **kj* > **č'*, **gj* > **ǯ'* > **ž*, **xj* > **š*. Приведем в пример существительные, образованные при помощи суффикса **-j(ā):* рус. *чаша,* ср. прус. *kiosi* ‘бокал’; рус. *стража*, ср. старосл. *strěgǫ* ‘стерегу’; рус. *душа,* ср. старосл. *duxъ* ‘дух, призрак’ [Shevelov 1964: 210–211].

2. Появление протетического **j* перед начальным **ā*. Например: рус. *яловый*, ср. лит. *ãlava;* рус. *яблоко*, ср. лит. *óbuolas;* рус. *ёж*, ср. лит. *ežýs* [там же: 238–241].

3. Переход **jū-* > **ī-*. Например: рус. *иго*, ср. лат. *iūgum* [там же: 240]; рус. *шить* из **sjū-*, ср. лит. *siū́ti* [Mikkola 1913: 11].

---

[1] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. В. Кузнецовой, Вяч. С. Кулешову и М. З. Муслимову за плодотворную дискуссию и полезные замечания, сделанные во время редактирования статьи, а также А. В. Крюкову, В. М. Пащенко и Е. Н. Кирсановой за техническую помощь.

4. Появление протетического **w* перед начальными **o* и **u*. Например: рус. *выдра*, ср. лит. *ùdra* [Shevelov 1964: 240].

Следует отметить, что именно для восточнославянского региона было характерно заполнение зияния глайдом **w*, а не **j*, ср. [там же: 244–247; Issatschenko 1980: 97]. Например: польск. *pająk*, но рус. *паук*, блр., укр. *павук*; рус. *рукоятка*, но рус. диал. *руковятка* [Сороколетов, Кузнецова 2001: 249–250]; цсл. *зияти* ‘зевать’, но рус. *зевать*.

3. Один из возможных рефлексов **-joki*[2] в современных названиях гидрообъектов Северо-Запада России

Можно предположить, что некоторые названия рек Северо-Запада России представляют собой результат самостоятельного развития заимствованных прибалтийско-финских гидронимов на славянской почве, а не являются результатом синхронной адаптации иноязычного имени собственного.

Перед тем, как перейти к рассмотрению материала, необходимо сделать два замечания общего порядка.

Во-первых, при анализе топонимии синхронного среза следует принимать во внимание, что неоднократная смена языка населения в регионе может приводить к так называемым «бумеранговым» заимствованиям с тенденцией к сильной паронимической аттракции[3]. В таких случаях первоначальный топоним может претерпевать необъяснимые с точки зрения фонетических законов изменения. Например, на территории Финляндии, известны такого рода финско-шведско-финские и шведско-финско-шведские «бумеранги»:

фин. **haapalaksi* > шв. *Hoplaks* > фин. *Huopalahti*,
фин. **kuivalaksi* > шв. *Kvevlax* > фин. *Koivulahti*,
фин. **ruonasalo* > шв. *Runsala* > фин. *Ruissalo*
[Pitkänen 1985; Paikkala 2007: 86, 171, 385];
шв. **damber* > фин. *Tammerkoski* > шв. *Tammerfors*
[Zilliacus 2002: 151].

[2] Здесь и далее я условно предполагаю заимствования в форме номинатива, хотя в действительности в устной речи, вероятно, могли заимствоваться формы и других падежей (например, пространственных или генитива, ср. [Nissilä 1939: 25–29]).

[3] Ср., например, [Toivonen 2010].

Во-вторых, я буду предполагать, что фонетические законы, описывающие соответствия между представлениями лексемы в контактирующих языках, не зависят от направления заимствования (ср. [Kiparsky 1963: 76–82]). Для рассматриваемого периода известно мало заимствований апеллятивной лексики из прибалтийско-финских языков в славянские. Однако для этого времени зафиксировано несколько сотен обратных заимствований из славянских языков в прибалтийско-финские (из последних работ на эту тему см., например, [Кулешов 2010]). Эти заимствования дают возможность достаточно надежно установить систему фонетических соответствий между контактирующими идиомами и использовать ее далее при анализе гидронимов на *-вжа*.

Рассмотрим сначала актуальный для нашей темы географический объект, имеющий документированные параллельные русское и прибалтийско-финское названия. При описании событий 1234 г. в летописях впервые упоминается река, на которой были задержаны немцы: *до рѣкы Амовыжи* (Суздальская летопись) [Полное 1926–1928: 357], *на рѣцѣ на Омовыже* (Новгородская четвертая летопись) [Полное 1848: 30], *на рѣче на Омовыжи* (Новгородская первая летопись, Синодальный список) [Полное 1841: 49], *до рѣцѣ до Омовжѣ* (Псковская первая летопись) [Полное 1848: 178]. В дальнейшем река упоминается еще несколько раз. В 1341 г.: *обѣ стороны Омовжѣ* (Псковская первая летопись) [Полное 1848: 187], в 1480 г.: *и пришедше въ Омовыжю* (Псковская вторая летопись) [Полное 1851: 38], в 1558 г.: *а костеръ на Омовжѣ взяли казаки* (Псковская первая летопись) [Полное 1848: 310].

Летописный контекст позволяет отождествить эту реку с современной рекой эст. *Emajõgi*/нем. *Embach*, вытекающей из эстонского озера Выртсъярв, протекающей через Тарту и впадающей в Чудское озеро (см., например, [Mikkola 1938: 16; Фасмер 1996: 139]). Если предположить, что летописцу было известно только оригинальное название реки и он придумал русский способ передачи этого названия *ad hoc*, то это требовало бы специфических правил адаптации, которые легко принять за «вольную славизацию» [Агеева 1989: 229; Arumaa 1960]. Однако наша гипотеза заключается в том, что данное соответствие может быть объяснено самостоятельным фонетическим развитием заимствованного

топонима **emäjoki* <мать+река> в *Омовжа* на собственно русской почве, произошедшим к моменту летописной фиксации.

Действительно, анлаутному **e* языка-донора соответствует анлаутное **o* восточнославянских диалектов. Ср. др.-греч. *Ἑλένη* > цсл. *Елена* > др.-рус. *Олена*, др.-сканд. *Helgi* > др.-рус. *Олегъ* (дискуссию по этому поводу можно найти, например, в [Meillet 1934: 123–124; Никонов 1969]).

Далее, праприб.-фин. **a* в период второй славянской делабиализации закономерно переходит в прасл. **o*. Ср., например, рефлексы прасл. **o* > праприб.-фин. **a* в современных финских лексемах *palttina* ‘полотно’, *taltta* ‘долото’. Поскольку на прибалтийско-финском прауровне гармония гласных была фонетическим явлением, варианты **a* и **ä* в неначальных слогах представляли аллофоны одной фонемы. В данном случае, **ä* было воспринято на славянской почве как **a* и перешло в **o* (возможно, вследствие губного характера **m* — ср. с переходом неначального праприбалтийско-финского **ä* в **e* в предлагаемой ниже этимологии для *Пчёвжи*).

Таким образом, **Emä-* > *Омо-*.

Покажем теперь, что непрозрачному топоформанту *-вж(-а)* может соответствовать форма **-joki* языка-донора[4]. Как уже говорилось, в восточнославянском ареале йотовая протеза губного гласного весьма редка, тогда как протеза и заполнение зияния с помощью **w* весьма распространены, ср. примеры выше. Кроме того, я предполагаю заимствование для того времени, когда установилась слоговая гармония, и поэтому **j* был на фонетических основаниях в принципе невозможен в качестве протезы перед губными гласными. Поэтому он не был воспринят языком-реципиентом, а из **jo* развилось закономерное **wu*. Естественно было бы тогда ожидать развития **-jo* > **-wu* > *-въ*.

Далее, прибалтийско-финские слабые взрывные в интервокальном положении воспринимались на славянской почве как звонкие согласные [Kalima 1915: 35]. Соответственно, **g* перед

[4] Предложенная А. И. Соболевским этимология [Соболевский 1911: 408; Фасмер 1996: 139–140] *Омовыжа* из праприб.-фин. **Emavesi* представлялась Й. Миккола недостоверной на том основании, что детерминатив *-vesi* ‘вода’ известен **только** из названий озер [Mikkola 1929: 127].

передним гласным, а также кластер **gj* переходили в праславянском в **ž*. Ср. примеры выше, а также, например, лит. *gývas* — прасл. **žīwu*, рус. *(по)ложу* < праслав. **logjǫ* [Mikkola 1942: 170; Ariste 1964].

Наконец, можно предположить, что прибалтийско-финские топонимы на **-joki* подверглись морфологической адаптации и получили окончание женского рода первого склонения **-ā*. Ср. примеры адаптации в русских говорах прибалтийско-финских имен с основой на **-e: корба* < **korpe-*, *лахта* < **lahte-*, *нурма* < **nurme-*, *парва* < **parve-*, *сорога* < **särke-*, *кинжа* < **künte-*, *кирза* < **kirte-* [Kalima 1915: 68–69].

Место ударения в форме *Омóвжа*, зафиксированное Фасмером [Фасмер 1996: 139–140], хорошо согласуется с нашими соображениями по поводу восприятия в русском языке прибалтийско-финского краткого послеударного гласного как более сильного, чем собственно ударный, и тем самым переноса на него ударения при адаптации [Кирсанов 2000].

В связи со всем вышесказанным, переход **joki* > **w-ugi-ā* ~ **w-ugj-ā* > **w-už-ā* > *-въж-а* представляется закономерным.

4. Некоторые этимологии

На основании сделанных наблюдений можно предложить прибалтийско-финские этимологии для нижеследующих русских гидронимов, не имеющих известных нам параллельных прибалтийско-финских названий.

Для предлагаемых этимологий мы будем также приводить топонимические соответствия с территории Финляндии[5].

4.1. Лемóвжа

Река *Лемóвжа*[6] — это правый приток реки Луги в Ленинградской области. Гидроним, соответствующий праприб.-фин.

[5] Аналогичным образом поступает, например, В. Л. Васильев, активно использующий западнославянский материал для подтверждения гипотез о славянском происхождении тех или иных топонимов Северо-Запада России [Васильев 2005].

[6] Современное название; произношение подтверждено во время полевой работы М. З. Муслимова и автора настоящей статьи в 2011 г.

**Ilmajoki* [7], будучи заимствованным в поздний праславянский период, даст **limɔwužā*. Сочетание **il* в закрытом слоге испытало праславянскую метатезу **il* > **li* [Bielfeldt 1961]; праприб.-фин. **a* > праслав. **o;* развитие **joki* аналогично случаю *Омовжа.* Из **limɔwužā* закономерно получается современное русское *Лемóвжа*: **i* > *ь* > *е*, **u* > *ъ* > Ø. Ударение на втором слоге, так же как и в случае *Омóвжа,* согласуется с наблюдениями, изложенными в работе [Кирсанов 2000].

Отметим, что развитие дер. *Лемосар* < *Легмасарь* (Городенский погост Водской пятины, 1500 г. [Савваитов, Тимофеев 1868: 12]) < **lehmäsāri*, могло бы свидетельствовать и о возможности праформы **lehmäjoki*. Однако в пользу **ilmajoki* говорит еще и тот факт, что в Лемовжу в среднем ее течении впадает *Ильмов ручей*.

В работе [Mustonen 1931] для дер. Лемосара и р. Лемовжи в качестве финских названий зафиксированы соответственно *Lemusaari* и *Lemusajoki.* По-видимому, эти названия представляют собой вторичное («бумеранговое») заимствование из русского языка. Подобным вторичным отображением русскоязычной адаптации *Лемóвжа*, очевидно, является и форма *Lemouze*, отмеченная уже на шведской карте XVII века [Sanson 1666].

4.2. Пчёвжа

Река Пчёвжа[8] — это правый приток реки Волхов в Ленинградской области. Гидроним, соответствующий праприб.-фин. **pitkäjoki* [9], при заимствовании даст в позднем праславянском **pič'ɛwužā.* Действительно, **i* > **i*, **tkä* > **č'ɛ.* Развитие **wužā* аналогично предыдущим случаям.

4.3. Пивъжа > Пиуза

Река Пиуза является пограничной между Эстонией и Россией. Она протекает на территории исторической области сету, берет начало в Эстонии из озера Аласъярв и впадает в Псковское озеро в России. В записях за 1341 г. Новгородской четвертой

[7] Ср. название реки *Ilmajoki* <воздух+река> в финляндской Остроботнии.

[8] Современное название; произношение подтверждено сообщением А. В. Крюкова.

[9] Ср. название реки *Pitkäjoki* <длинный+река> в уезде Тойвакка в Центральной Финляндии.

летописи и Псковской первой летописи *Пивжа* упоминается непосредственно перед упоминанием Омовжи (см. выше): *на рѣкѣ на Пивжи, на Псковьской землѣ* [Полное 1848: 55], *на рѣкѣ на Пивжѣ, на Псковской земли* [Полное 1848: 186]. Гидроним, соответствующий праприб.-фин. **pījoki*[10] при заимствовании даст закономерное **pīwužā*. В отличие от предыдущего случая, заполнение зияния здесь произошло после долгого **ī*.

Вариант *Пимжа* (ср. [Агеева 1989: 223]) позволил Фасмеру предполагать наличие **m* в прибалтийско-финском гидрониме. Однако этот вариант был зафиксирован позднее, и его можно рассматривать как результат развития губного перед шипящим, аналогичного переходам типа *ходивши* > *ходимши*. Вариант *Пижма* [там же: 223], по-видимому, следует рассматривать как результат паронимической аттракции с названием растения. Современный вариант *Пиуза* [там же: 229]) является вторичным («бумеранговым») заимствованием в русский из эстонского языка, закономерно воспринявшего древнерусское *Пивъжа* как *Piusa*.

5. Заключение

Таким образом, для трех «непрозрачных» гидронимов Северо-Запада России на *-вжа* предлагаются прибалтийско-финские этимологии с компонентом **-joki*. Полученные таким образом параллели позволяют датировать первые контакты между прибалтийско-финскими и славянскими языками ранним средневековьем.

Литература

Агеева Р. А. 1989. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука.

Васильев В. Л. 2005. Архаическая топонимия Новгородской земли: (Древнеславянские деантропонимные образования) Великий Новгород: НовгГУ им. Ярослава Мудрого.

Кирсанов Н. О. 2000. Просодические особенности русских топонимов Ингерманландии как свидетельство этнической истории края // Этнографическое изучение Северо-запада России (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Материалы V межведомственной научной конференции

[10] Ср. название реки *Piijoki* <зубец+река> в уезде Янаккала в Канта-Хяме [Brand 1853].

аспирантов и студентов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. С. 29–30.

Кирсанов Н. О. 2007. Предшественники *ы* в русской топонимии Ингерманландии // Linguistica Uralica 43, 3. С. 211–217.

Кулешов Вяч. С. 2010. Вокализм ранних славянских заимствований в прибалтийско-финских языках и реконструкция вокалической системы северно-словенского диалекта // V. Ju. Gusev, A. Widmer, A. Klein (hrsg.) Gedenkschrift für Eugen A. Helimski. Hamburg: Helmut Buske Verlag. S. 345–354. (Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 32/33).

Никонов В. А. 1969. Русская адаптация иноязычных личных имен // В. А. Никонов, А. В. Суперанская (ред.). Ономастика. М.: Наука. С. 54–78.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 1926–1928. Л.: Изд-во АН СССР.

Полное собрание русских летописей Т. 3. Новгородские летописи. 1841. СПб.: Типография Эдуарда Праца.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. 1848. СПб.: Типография Эдуарда Праца.

Полное собрание русских летописей. Т. 5. Псковские и софийская летописи. 1851. СПб.: Типография Эдуарда Праца.

Савваитов П. И., Тимофеев А. В. (ред.) 1868. Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина. (Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею 1). СПб.: Типография Безобразова.

Соболевский А. И. 1911. Несколько местных названий. // Русский филологический вестник 65. С. 405–408.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. (ред.). 2001. Словарь русских народных говоров. Вып. 35: Реветь–Рящик. СПб.: Наука.

Фасмер М. 1996. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят). СПб.: Терра–Азбука.

Ariste P. 1964. Velaarpalataalse sulghääliku k afrikaadistumine // Tartu riikliku ülikooli toimetised 162. Lk. 2–20.

Arumaa P. 1960. Emajõgi ja Lund // Virittäjä 64. S. 307–310.

Bielfeldt H. H. 1961. Altslawische Grammatik: Einführung in die slawischen Sprachen. Halle (Saale).

Brand F. Karta öfver vattendraget emellan Malingaisnjärvi sjö och Piijoki å belägne inom Malingais Urfjell uti Janackala socken, Tavastehus län. Sto kd 229/166 1853 1. Helsinki: Kansallisarkisto.

Issatschenko A. 1980. Geschichte der russischen Sprache. Band I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

Kalima J. 1915. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors.

Kiparsky V. 1963. Russische historische Grammatik. Band I. Heidelberg: Carl Winter; Universitätsverlag.
Meillet A. 1934. Le slave commun. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion.
Mikkola J. J. 1913. Urslavische Grammatik. I. Teil: Lautlehre, Vokalismus, Betonung. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
Mikkola J. J. 1929. Der name Wolga // Finnisch-Ugrische Forschungen 20. S. 125–128.
Mikkola J. J. 1938. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinisch und Russisch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
Mikkola J. J. 1942. Urslavische Grammatik. II. Teil: Konsonantismus. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
Mustonen J. 1931. Inkerin suomalaiset seurakunnat. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
Nissilä V. 1939. Vuoksen paikannimistö I. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
Paikkala S. (päätoim.). 2007. Suomalainen paikannimikirja. Helsinki: Karttakeskus; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.
Pitkänen R.-L. 1985. Turunmaan saariston suomalainen lainanimistö. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
Sanson G. 1666. La Carelie, et L'Ingrie; ou Ingermenland. A Paris: Chez l'Autheur Avecq Privilege pour Vingt Ans.
Shevelov G. Y. 1964. A Prehistory of Slavic. Heidelberg: Carl Winter; Universitätsverlag.
Toivonen J. 2010. Kampaaja Karvanen // Helsingin sanomien kuukausiliite. Maaliskuu. S. 10–11.
Zilliacus K. 2002. Forska i namn. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.

СЕМАНТИКА
И
СИНТАКСИС

М. А. Холодилова

УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ[1]

1. Введение

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей **условных** и **уступительных** предложений в ингерманландском финском. Внимание уделяется также промежуточному случаю — **условно-уступительным** предложениям.

Необходимость рассматривать вместе данные три типа обстоятельственных предложений вызвана прежде всего сходством

[1] Исследование поддержано грантом РГНФ, проект 08-04-00152а «Диалектный атлас Ингерманландии», и грантом Президента РФ средств для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации, проект НШ-3688.2010.6 «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова».

Статья основана на материалах, собранных в рамках экспедиций 2009 и 2010 годов у 39 информантов, которые родились в следующих деревнях в окрестностях Гатчины (см. также Таблицы 4–5 Приложения 4): Алакюля (хиэтамякский диалект, далее обозначается как **h**), Выра, Ляды, Новосиверская (сиверский диалект, **s**), Веккелево, Горки, Заборье, Зайцево, Ковшово, Лукаши, Перякюля, Пикколово, Пустошка (восточно-гатчинский диалект, **vg**), Санино (восточно-тюрёсский диалект, **vt**), Березнево, Волгово, Глумицы, Горки Первые, Донцо, Корпиково, Корписалово, Малые Губаницы, Михайловка, Нижняя Кипень, Рейзино, Савонкюля, Скворицы, Старое Хинколово, Старые Черницы, Таровицы, Терволово, Черново, Юля-Пурская (западно-гатчинский диалект, **zg**); 2 информантов из других районов Ингерманландии: Аро (колтушский диалект, **k**), Поляна (марковский диалект, **m**); 4 информантов, родившихся за пределами Ингерманландии, в идиомах которых представлены хиэтамякский, ярвисаарский (**ja**), токсовский (**t**) и восточно-гатчинский диалекты. Диалекты выделяются согласно классификации [Муслимов 2009].

Я благодарю Н. В. Кузнецову, Вяч. С. Кулешова, М. З. Муслимова и С. С. Сая, прочитавших первую версию этой статьи, за высказанные ими ценные замечания и обсуждение представленных в статье материалов.

их кодирования в ингерманландском. Так, в частности, значение некоторых союзов охватывает более одного из перечисленных типов семантического отношения между клаузами: «условные» союзы *(jos*, *josko*, *ko)* в большей или меньшей мере допустимы также при выражении уступительного и условно-уступительного значений, а «уступительный» союз *vaik* используется также для выражения условно-уступительного значения.

Таким образом, одни и те же союзы могут входить в состав придаточных предложений, имеющих различное значение. И напротив, в одном типе предложений могут использоваться различные союзные средства. Например, в условно-уступительных предложениях допустимы как «уступительный», так и «условные» союзы. То же в какой-то мере свойственно и другим средствам кодирования, прежде всего коррелятам, т.е. единицам, маркирующим условное и/или уступительное значение в главной клаузе. Именно эти две группы явлений, касающиеся союзов и коррелятов: нейтрализация значений в семантике и конкуренция между единицами — будут рассматриваться в настоящей работе.

В разделах 2–3 анализируются некоторые базовые свойства условных (раздел 2), уступительных и примыкающих к последним условно-уступительных (раздел 3) предложений. При этом основное внимание уделяется функционированию во всех этих предложениях различных союзов. В разделе 4 кратко рассматривается вопрос о линейной позиции союза в клаузе. Раздел 5 посвящен коррелятам.

Все языковые данные в работе получены путем анкетирования, в ходе которого информантам предлагалось переводить предложения с русского на ингерманландский, а также оценивать грамматичность предъявляемых примеров на ингерманландском. В частности, на данных анкетирования основаны статистические выкладки в разделах 3 и 5.

2. Условные предложения

2.1. Способы выражения условного значения

В большинстве случаев для выражения условного значения в ингерманландском используются придаточные предложения

с единицами *jos*, *ko* или их сочетанием *josko*[2]. В некоторых случаях возможна также бессоюзная связь.

В том, что *josko* этимологически разложимо на *jos* и *ko*, сомневаться не приходится, однако неясно, имеют ли эти единицы в данном случае статус отдельных лексем. Не все носители языка разрешают постановку между этими единицами даже личных местоимений, которые в ингерманландском обычно выступают как клитики, ср. (1а–б):

(1а) ***jos-ko*** *miä* *hän-tä* *oikein* *küsü-n*, *sit*
если-KO я он-PART очень просить-1SG тогда
hiä *minnù* *laskò*
он я.PART пускать.3SG
{Отец не хочет отпускать меня в город, но} ‘если я очень его попрошу, он меня отпустит’
[vg; п: vg, 2zg; ^{OK}: vg, zg] [3].

(1б) $^{??}$***jos*** ***miä*** ***ko*** *hän-tä* *oikein* *küsü-n* ⟨...⟩
если я KO он-PART очень просить-1SG
‘Если я очень его попрошу’, {он меня отпустит}
[^{OK}: vg, 3zg; *: 2vg, zg].

При этом постановка *ko* на второе место в предложении вполне допустима (см. раздел 4), соответственно, запреты связаны именно с возможностью или невозможностью разрывать единицу *josko*.

[2] Значительно реже используются другие союзы: *kuin* ‘как’, *kun* ‘когда; если’, которые, по всей видимости, являются заимствованиями из литературного финского, и заимствованный из русского языка союз *jesli* ‘если’.

[3] В статье используется упрощенная финно-угорская фонетическая транскрипция, см. Приложение 7. Здесь и далее в квадратных скобках после каждого примера перечислены диалекты, которые представлены в идиомах информантов, породивших, одобривших или запретивших данный пример. Формат представления языкового материала, оценки допустимости, глоссирования, и указаний на источники см. в Приложении 8. Следует учитывать, что данных, доказывающих или опровергающих существование диалектной вариативности в рамках данной темы, к настоящему моменту получено не было.

Недопустима также перестановка этих единиц: как видно из примера (2а–б), *ko* может только следовать за *jos*, но не предшествовать ему.

(2а) ***jos-ko*** *tullò* *lämpäse-mp*, *lumi* *sullà*
если-KO приходить.3SG теплый-COMP снег таять.3SG
‘Если станет теплее, снег растает’
[vg; п: vg, zg].

(2б) ****ko*** ***jos*** *tullò* *lämpäse-mp*, *lumi* *sullà*
KO если приходить.3SG теплый-COMP снег таять.3SG
‘Если станет теплее, снег растает’
[*: vg, zg].

Стоит отметить, что случай, в котором в придаточном предложении возможно одновременное появление двух единиц союзного типа, не уникален. Он отмечался, в частности, во многих германских языках: в некоторых диалектах немецкого и нидерландского языков, в датском, в древне- и среднеанглийском [Bianchi 1999: 182] и др. Во многих случаях первой в линейной последовательности при этом оказывается единица с достаточно узким значением, а второй — слабоспециализированный союз. Он возможен в различных типах предложений (например, в сентенциальных актантах и в относительных предложениях, как английское *that*) и/или допускает очень широкую трактовку придаточного предложения (как, например, английский союз *as*, возможный, в частности, в придаточных предложениях со значением причины, времени, образа действия). Не исключение здесь и ингерманландский: идущая первой единица *jos* более специализирована семантически. Действительно, придаточные предложения с *jos* имеют сравнительно узкое значение из сферы условия или уступки (подробнее см. далее в разделах 2.2 и 3.2), тогда как придаточные предложения, в которых используется единица *ko*, могут иметь по крайней мере следующие значения: время (3), причина (4), условие и основание для сравнения.

(3) ***ko*** *Juhan el'* *Suomè-s*, *hiä*
KO Иван жить.PST.3SG Финляндия-IN он
ruato *teha-s* [4]
работать.PST.3SG завод-IN
'Когда Иван жил в Финляндии, он работал на заводе'
[zg; п: 2zg].

(4) *miä* *e-n* *käü-nt* *soitta-mà*, ***ko***
я NEG-1SG ходить-PC_PST звонить-SUP KO
ol' *lopen* *müöhä̀*
быть.PST.3SG слишком поздно
'Я не стала звонить, потому что было слишком поздно'
[vg; п: 3vg].

2.2. Конкуренция между союзами в условных предложениях

Во многих случаях в условном предложении может быть использована любая из трех перечисленных союзных единиц *(jos*, *ko* или *josko):*

(5) ***jos*** / [OK]***ko*** / [OK]***jos-ko*** *ikkuna-l* *pallà* *valkè*,
если KO если-KO окно-AD гореть.3SG свет
hüö *tul-i-vat* *jo* *kottì*
они приходить-PST-3PL уже дом.ILL
'Если в окне горит свет, значит, они уже вернулись'
jos [vg; п: 2vg]; *ko* [[OK]: vg]; *josko* [п: vg, 2zg].

Существуют, однако, ограничения на взаимную замену этих союзов. Некоторые из них перечислены ниже.

1. Использование *ko* затруднительно в случае, если действие в придаточном предложении относится к прошлому, вне зависимости от того, в прошлом (6), настоящем (7) или будущем (8) локализуется действие в главной части.

[4] Закономерной в данном случае была бы форма *tehtàs;* появление формы *tehas* можно объяснить либо процессами утраты языка и выравнивания по аналогии, либо тем фактом, что информант использует слово литературного финского языка, не вполне владея парадигмой склонения этой лексемы.

(6) ***jos-ko*** / ***??ko*** *autopussi ei müöhästü-nt*,
если-KO KO автобус NEG.3SG опаздывать-PC_PST
sit hüö vissin-kì jo tull-ì-t
тогда они наверно-EMPH уже приходить-PST-PL
‘Если автобус не опоздал, они, наверно, уже доехали’
josko [vg; п: 2vg, 2zg; OK: 2zg]; *ko* [OK: 2vg, zg; *: vg, 2zg].

(7) ***jos*** / ***??ko*** *autopussi ei müöhästǜ-nt*,
если KO автобус NEG.3SG опаздывать-PC_PST
hüö o-vat jo paikà-l
они быть-3PL уже место-AD
‘Если автобус не опоздал, они уже на месте’
jos [vg; п: ja, vg, zg; OK: 2vg]; *josko* [п: vg, zg; OK: zg]; *ko* [п: 2vg; OK: zg; *: vg, zg].

(8) ***jos*** / ***?ko*** *autopussi ei müöhästǜ-nt*,
если KO автобус NEG.3SG опаздывать-PC_PST
hüö kohtsiltà o-vat sīn
они скоро быть-3PL здесь
‘Если автобус не опоздал, они скоро будут здесь’
jos [vg; п: t, vg, vt, 4zg]; *josko* [п: k, 3zg]; *ko* [п: zg; OK: vg, 4zg; *: vg, zg].

В сходных контекстах при локализации действия в зависимой части в настоящем или будущем таких ограничений не наблюдается:

(9) ***jos*** / ***OKko*** *autopussi ei müöhästü, miä kohta*
если KO автобус NEG. 3SG опаздывать я скоро
ole-n linnà-s
быть-1SG город-IN
‘Если автобус не опоздает, я скоро буду в городе’
jos [vg; п: t, vg, vt]; *josko* [п: k]; *ko* [п: zg; OK: vg, zg].

2. Если сказуемое в зависимой части выражено инфинитивом, использование союза *ko* также не вполне допустимо (10а). Ср. с (10б), в котором в зависимой части, имеющей примерно такое же значение, что и в (10а), использована финитная глагольная форма и, соответственно, отсутствуют ограничения на использование союза *ko*.

(10а) ***jos*** / ***?ko*** *lähtè*, *nī* *sit* *tänäpäin*
если KO отправляться.INF так тогда сегодня
‘Если ехать, то сегодня’
jos [vg; п: 2vg, vt, 4zg]; *josko* [п: vg, zg]; *ko* [п: 2zg; OK: 3vg, vt, 2zg; ??: 2zg; *: vg].

(10б) ***jos*** / ***ko*** *lähe-n*, *nī* *tänäpäin*
если KO отправляться-1SG так сегодня
‘Если поеду, то сегодня’
jos [vg; п: vg, vt, zg]; *ko* [vg; п: vg, zg; OK: vt].

3. Существуют также некоторые запреты, связанные с периферийными условными значениями.

Так, в случае если истинность пропозиции в зависимой части известна говорящему, но неизвестна слушающему, используется только союз *ko*[5], см. (11). В близком контексте, в случае если истинность пропозиции в зависимой клаузе известна и говорящему, и слушающему, возможны все три союза, ср. (12). В некоторых контекстах возможен только союз *jos*, см. (13). Ограничения, действующие в (13), не вполне ясны, однако кажется важным сам тот факт, что в этом контексте допустим союз *jos*, но не *josko*. Таким образом, из трех союзов, использующихся в ингерманландском для выражения условного значения, ни у каких двух дистрибуция не совпадает полностью (достаточно сравнить примеры (11) и (13)).

(11) *mitä* *miu-n* *pittȁ* *tehhä*, ***ko*** /
что.PART я-GEN быть_нужным.3SG делать.INF KO
??jos / ***??jos-ko*** *miu-l* *usià* *kivistȁ* *pā̄-tä*
если если-KO я-AD часто болеть.3SG голова-PART
{Врачу:} ‘Что мне делать, если у меня часто болит голова?’

[5] Отношение между клаузами в данном случае достаточно близко к причинно-следственному — ср. хотя бы использование в такого рода контексте английского союза *as*, способного выражать прототипические причинные, но не прототипические условные значения. Эта семантическая особенность может в какой-то мере объяснить предпочтительность союза *ko*, который часто используется в причинных придаточных, см. (4), однако из нее не следует с очевидностью невозможность использования условных союзов.

ko [zg; п: h, k, 5vg, vt, 8zg; [OK]: zg; *: zg]; *jos* [п: t, 2zg; [OK]: ja, k, 3vg, vt, 3zg; *: vg, 5zg]; *josko* [п: vg; [OK]: h, 2vg, 2zg; *: 2zg].

(12) *jos* / [OK]*ko* / [OK]*jos-ko* *siu-l* *ussin* *kivistȁ*
если KO если-KO ты-AD часто болеть.3SG
piä-tä, *ota* *taple·tka*
голова-PART брать.IMP таблетка
{Ответ врача:} ‘Если у Вас часто болит голова, примите таблетку’

jos [zg; п: zg; [OK]: zg]; *ko* [п: zg]; *josko* [п: k; [OK]: zg].

(13) *minä* *siäl'* *seiso-i-n* *tunti – kaks*, [OK]*jos* /
я там стоять-PST-1SG час два если
[??]*ko* / [??]*jos-ko* *ei* *enemmän*
KO если-KO NEG много.CMP
‘Я простояла там час-два, если не больше’

jos [п: h, ja, t, 2vg, 3zg]; *ko* [[OK]: h, vg, zg; [??]: zg; *: ja, t, vg]; *josko* [[??]: vg; *: k].

3. Условно-уступительные и уступительные предложения

3.1. Понятие условно-уступительного предложения

По крайней мере начиная с работы [König 1986] принято рассматривать в качестве отдельного типа сложноподчиненных предложений условно-уступительные предложения. В них представлено условное отношение между главной и зависимой частями, в которых утверждается истинность следствия для некоторого множества условий [Haspelmath, König 1998: 565]. Условно-уступительные предложения подразделяются на скалярные (14), альтернативные (15) и универсальные (16).

(14) *hiä* *minnù* *ei* *auta*, *vaik* *miä*
он я.PART NEG.3SG помогать хотя я
küsü-n-kì *hän-tä*
просить-1SG-EMPH он-PART
‘Он мне не помогает, даже если я прошу его [об этом]’
[zg; п: vg, zg].

(15) *hän-tä kutsu, älä kutsu, hiä ei tule*
он-PART звать.IMP PROH звать.IMP он NEG.3SG приходить
{Иван не ходит на праздники}. ‘Его зови не зови, он [все равно] не придет’
[zg; п: zg].

(16) ***vaik*** *o-is kuin kallis lippu, miä lähe-n Tallinà*
хотя быть-COND.3SG как дорогой билет я отправляться-1SG Таллинн.ILL
‘Каким бы дорогим ни был билет, я поеду в Таллинн’
[zg; п: zg].

Далее в работе из условно-уступительных предложений будут рассматриваться только скалярные.

Согласно данным М. Хаспельмата и Э. Кёнига, в большинстве языков Европы в скалярных условно-уступительных предложениях используется тот же союз, что и в условных предложениях. Этот союз сопровождается фокусной частицей, подобной русскому *даже*. Другой, значительно менее распространенной среди европейских языков стратегией (4 языка из 22 в выборке из [Haspelmath, König 1998: 585]) является кодирование с помощью одного и того же союза скалярных условно-уступительных и уступительных предложений. К числу языков, пользующихся данной более редкой стратегией, относится и финский. При этом в литературном финском указанные два типа предложений различаются глагольными формами: в зависимой части условно-уступительных предложений используется форма условного наклонения, а в зависимой части уступительных предложений — как правило, форма индикатива. Ср. примеры (17)–(18), цитируемые по [Haspelmath, König 1998: 590] (глоссы, по сравнению с источником, частично изменены).

(17) ***vaikka*** *sata-isi-Ø(-kin), lähde-mme ulos*
хотя дождить-COND-3SG-EMPH отправляться-1PL наружу
‘Даже если пойдет дождь, мы выйдем на улицу’.

(18) ***vaikka*** *sato-i-Ø(-kin), lähd-i-mme ulos*
хотя дождить-PST-3SG-EMPH отправляться-PST-1PL наружу
‘Хотя шел дождь, мы вышли на улицу’.

3.2. Уступительные и условно-уступительные предложения в ингерманландском финском

В ингерманландском, в отличие от литературного финского, в зависимой части скалярных условно-уступительных предложений обычно используется изъявительное наклонение[6]:

(19) *miä miä-n linnà **vaik** tullò suae*
я уходить-1SG город.ILL хотя приходить.3SG дождь
‘Я поеду в город, даже если будет дождь’
[zg; п: m, t, 2vg, 11zg][7].

Таким образом, в ингерманландском финском совпадают не только союзы, которые используются в уступительных и скалярных условно-уступительных предложениях, но и глагольные формы[8]. Поэтому одно и то же предложение может быть использовано вне зависимости от того, которое из этих двух значений необходимо выразить:

(20) ***vaik** minnù vijà auto-l, miä tule-n*
хотя я.PART увозить.IPS машина-AD я приходить-1SG
linnà vast iltasìl'
город.ILL только вечером
‘Даже если/хотя меня отвезут на машине, я буду в городе только вечером’

‘даже если’ в стимуле [п: vg, zg; ^{OK}: zg]; ‘хотя’ в стимуле [vg; п: 2vg; ^{OK}: vg, zg].

Такое совмещение значений не является свойством отдельной лексемы: и уступительное, и условно-уступительное значение есть не только у союза *vaik* (аналога союза *vaikka* в литературном финском), но и у условных союзов *jos* и *josko* (21). Подобная же нейтрализация значений была отмечена у некоторых информантов и для союза *ko*.

[6] Примеры с условным наклонением в придаточной части встречаются, но сравнительно редко. Их использование, возможно, связано с влиянием литературного финского.

[7] Все информанты при переводе использовали форму индикатива.

[8] См., впрочем, ниже о возможных различиях глагольных форм в примерах (26)–(28).

(21) *jos-ko* *minnù* *vie-vät*[9] *linnà* *auto-l*,
если-KO я.PART увозить-3PL город.ILL машина-AD
nīn *miä* *ole-n* *vast* *iltasì-l* *linnà-s*
так я быть-1SG только вечером город-IN
'Даже если/хотя меня отвезут в город на машине, я буду в городе только вечером'
'даже если' в стимуле [vg; п: 2vg]; 'хотя' в стимуле [п: 2vg].

Область, в пределах которой условные союзы могут использоваться в условно-уступительном и уступительном значениях, очевидно, ограничена. Однако назвать ее точные границы вряд ли возможно, так как оценки информантами отдельных примеров существенно расходятся. Можно лишь отметить, что, по всей видимости, такое использование условных союзов более допустимо, если основной целью высказывания является указание на истинность информации в главной клаузе, а информация в зависимой клаузе представляется как фоновая.

Это предположение косвенно подтверждается следующими фактами.

Во-первых, некоторые информанты признают допустимым предложение (22), но не (23). Предположительно, это различие связано с тем, что в примере (22) информация в зависимой клаузе представляется скорее как незначимая[10], тогда как предложение (23) наиболее естественно в контексте, в котором информация в зависимой клаузе существенна для дальнейшего изложения, например, в случае если преждевременный выход на работу привел к осложнениям болезни.

Во-вторых, использование условных союзов крайне частотно для примера (24): доля таких переводов составляет 0,89, при том что для условно-уступительных предложений, встретившихся в материалах, в среднем она равна 0,26. Различие статистически значимо, χ^2, $P < 0{,}01$. Как кажется, высокая доля условных союзов

[9] Использование в данном контексте формы 3 л. мн.ч. является, возможно, синтаксической калькой с русского. Ожидаемой была бы форма имперсонального наклонения.

[10] Ср. с русскими выражениями *ничего что*, *неважно что*:
(a) *?Ничего что Иван болен, ему можно выходить на улицу.*
(b) *???Ничего что Иван болен, он пошел на работу.*

для примера (24) связана с тем, что в этом примере особо подчеркивается истинность главной части, см. также ниже комментарий к примеру (31), идентичному примеру (24)[11].

(22) ?*jos Junni on sairas, hiä voi-p männä*
если Иван быть.3SG больной он мочь-3SG уходить.INF
ulos
наружу
'Хотя Иван [еще] болен, ему можно выходить на улицу'
jos [zg; п: s, 2zg; OK: m, s, 2vg, 2zg; *: vg, zg]; *vaik* [п: m, 3s, 2vg, 2zg].

(23) ??*jos Junni on sairas, hiä män'*
если Иван быть.3SG больной он уходить.PST.3SG
tüö-hö
работа-ILL
'Хотя Иван [еще] болен, он пошел на работу'
jos [п: 2zg; OK: zg; *: m, vg, 2zg]; *vaik* [п: m, vg, 3zg].

(24) *jos tämä ei ole varis, no tämä*
если этот NEG.3SG быть ворона но этот
ei ole sirkkunen-kà
NEG.3SG быть воробей-EMPH.NEG
{Два человека видят птицу и спорят, ворона перед ними или воробей. Один из спорщиков:} 'Даже если это не ворона, то уж по крайней мере не воробей'
jos [vg; п: h, j, 2vg, zg]; *josko* [п: 2vg, zg]; *vaik* [п: vg, OK: zg].

[11] На то же указывают ограничения на использование условных союзов, отмеченные у отдельных информантов. Во-первых, некоторые информанты [2zg, t] допускают условно-уступительное прочтение условных союзов в случае препозиции, но не постпозиции зависимой клаузы в предложениях, сходных по всем остальным характеристикам. Это ограничение, возможно, объясняется тем, что клауза в постпозиции, как правило, интерпретируется как часть ремы, а значит, информация в ней вряд ли может восприниматься как фоновая. Во-вторых, был зафиксирован запрет [zg] на предложение (22) с нейтральной интонацией, при том что подобная фраза была допустима с логическим ударением на глаголе *voip* <мочь-3SG>. Таким образом, как и в остальных случаях, более допустимым был признан пример, в котором подчеркивается истинность информации в главной клаузе.

Более допустимым использование условных союзов в уступительных и условно-уступительных предложениях становится также при наличии в главной клаузе слов *ühellain* ‘все равно’, *kuitenki* ‘все-таки’. В некоторых случаях их использование обязательно:

(25) *jos alkà sattà miä *(ühellain)*
если начинаться.3SG дождить.INF я все_равно
mäne-n linnà
уходить -1SG город.ILL
‘Даже если пойдет дождь, я поеду в город’
с ‘все равно’ [m; п.: m, 3zg]; без ‘все равно’ [^{OK}: t, vg; *: m; 4zg].

Таким образом, в условно-уступительных и уступительных предложениях могут быть использованы уступительный союз *vaik* и — в части случаев — условные союзы. При этом правила ограничения на использование условных союзов в этих двух типах предложений, по всей видимости, сходны.

В некоторых случаях между условно-уступительными и уступительными предложениями в ингерманландском финском все же есть некоторые формальные различия.

Во-первых, в придаточной части условно-уступительных предложений во многих случаях может быть использована форма императива третьего лица, как, например, в (26), тогда как в уступительных предложениях это невозможно (27).

(26) ***vaikka*** *ol-kò müöhän, miä siu-n kansa-is*
хотя быть-IMP.3SG поздно я ты-GEN с-P2SG
lāji-n
говорить-1SG
‘Даже если будет поздно, я с тобой поговорю’
[s; п: s].

(27) ***vaikka*** *on / *ol-kò varrain, no ulkon*
хотя быть.3SG быть-IMP.3SG рано но снаружи
on ihmis-ij paljon
быть.3SG человек-PL.PART много
‘Хотя [еще] рано, на улице много людей’
on [s; п: m, 2s, vg]; *olkò* [*: m, 2s, vg].

Во-вторых, использование формы условного наклонения и в главной, и в зависимой частях совершенно естественно для некоторых условно-уступительных (прежде всего, контрфактических) предложений (28) и требует очень специфического контекста в предложениях уступительных.

(28) ***vaik*** *miä* *kaik* *omaisūvve-n* *mö-isi-n*,
хотя я весь имущество-GEN продавать-COND-1SG
ei *tapa-jais* *rahhà*
NEG.3SG хватать-COND деньги.PART
‘Даже если бы я продала все свои вещи, [мне] не хватило бы денег’
[zg; п: zg].

Наконец, в уступительных предложениях, в отличие от большинства условно-уступительных, при препозиции зависимой части в главной может появляться противительный союз *no* ‘но’ или, в редких случаях, *mutta* ‘но’:

(29) ***vaik*** *ol-i-Ø* *jo* *lījan* *müöhà*, ***no*** *miä*
хотя быть-PST-3SG уже слишком поздно но я
soit-i-n
звонить-PST-1SG
‘Хотя было уже слишком поздно, я (ему) позвонила’
[zg; п: vg, zg; ^{OK}: zg].

(30) ***jos / vaikka*** *Ivan* *on* *jo* *terves*[12], (*??**no)*
если хотя Иван быть.3SG уже здоровый но
häne-n *ei* *huoli* *männä* *ulos*
он-GEN NEG.3SG быть_нужным уходить.INF наружу
‘Даже если Иван уже здоров, ему не стоит выходить на улицу’
с *no* [^{OK}: ja, 2vg, zg; *: 3vg].

Сходное различие между уступительными и условно-уступительными предложениями встречается во многих языках и, по всей видимости, близко к универсальному. По замечанию В. С. Храковского, «в отличие от уступительных сложно-

[12] По-видимому, такую форму можно считать оговоркой информанта, закономерным было бы *terve*.

подчиненных предложений, в условно-уступительных сложноподчиненных предложениях, точнее в их главной части как будто бы исключается употребление противительных союзов» [Храковский 2004: 65].

Однако для определенного класса условно-уступительных предложений постановка *no* ‘но’ в главную часть оказывается не только допустимой, но и наиболее частотной возможностью:

(31) *jos tämä ei ole varis, no tämä*
если этот NEG.3SG быть ворона но этот
ei ole sirkkunen-kà
NEG.3SG быть воробей-EMPH.NEG
‘Даже если это не ворона, то уж по крайней мере не воробей’
[vg; п: 5vg, 2zg; ^{OK}: ja] (= (24)).

То, что этот класс условно-уступительных предложений сближается в своем оформлении с уступительными предложениями (29), отражает, как кажется, его существенное семантическое отличие от остальных условно-уступительных предложений.

Прежде всего, стоит отметить, что в примере (31) и подобных ему отсутствует логическая связь между компонентами сложного предложения, характерная для большинства условно-уступительных (а также уступительных) предложений. Как правило, произнесение условно-уступительного предложения предполагает ожидания о несовместимости содержания главной и зависимой частей. Так, пример (19) предполагает, что дождь — это сильный аргумент в пользу того, чтобы не ехать в город, а тот факт, что говорящий туда все же поедет, в какой-то мере неожиданен. Напротив, из примера (31) не следует, что при истинности высказывания «это не ворона» в обычном случае ожидается ложность пропозиции «это не воробей».

Само это отличие примеров, подобных примеру (31), от прочих условно-уступительных предложений, однако, не объясняет сходства данного класса с уступительными предложениями. Как кажется, причиной этого сходства является другое свойство этих примеров, тесно связанное с рассмотренным выше.

Условно-уступительные предложения, как известно (см., например, [König, van der Auwera 1988: 119–120]), сближает с уступительными то, что в них содержание главного предложения

часто утверждается вне зависимости от истинностного значения придаточной части. Несложно, однако, заметить, что в условно-уступительных предложениях все же не утверждается истинность главной части «несмотря ни на что»: эта речевая импликатура, обычно свойственная условно-уступительным предложениям, легко снимается контекстом, ср. в русском:

(32) *{О покупке коньков}* ***Даже если*** *вы обладаете приличной суммой денег, тратиться на очень дорогие модели не имеет смысла.* ***Другое дело****, если вы сможете играть в хоккей 4–5 раз в неделю*
[www.asport.biz/articles0104.shtml].

В уступительных же предложениях содержание главной части преподносится говорящим как обязательно истинное. Соответственно, отрицание этого содержания в контексте оказывается затруднительным[13]:

(33) ***Хотя*** *вы обладаете приличной суммой денег, тратиться на очень дорогие модели не имеет смысла.* #***Другое дело****, если вы сможете играть в хоккей 4–5 раз в неделю*[14].

Примеры, подобные (31), по этому признаку оказываются ближе к уступительным предложениям. Поскольку между главной и зависимой частями предложения не существует логической связи, целью этого высказывания, очевидно, не является сообщение о том, что в мире, где истинно «это не ворона» (а также в некоторых других мирах), истинно «это не воробей». Таким образом, предложение (31) произносится прежде всего с целью сообщить, что пропозиция в главной части истинна. Вряд ли возможен такой контекст, в котором после утверждения (31)

[13] Признаком истинности здесь и далее считается возможность в данном контексте независимого высказывания с тем же значением. Разумеется, как в случае с независимым предложением, так и в случае с главной частью уступительного предложения говорящий может менять свое мнение или делать какие-либо поправки. Важно, что такого рода поправки выражаются в языке не так же, как предложения, снимающие речевые импликатуры.

[14] Знак «#» означает, что предложение семантически недопустимо.

следовало бы условие, при котором говорящий готов признать обсуждаемую птицу воробьем.

Таким образом, оказывается, что в ингерманландском финском противительный союз может появляться в главной части в том и только в том случае, если в предложении утверждается истинность главной части при любых условиях, т.е. в уступительных и некоторых условно-уступительных предложениях.

Отдельного внимания заслуживает сам тот факт, что в условно-уступительных предложениях в ингерманландском финском могут использоваться условные союзы без добавления каких-либо частиц, аналогичных русским *даже*, *и*, а также без каких-либо иных указаний на уступительность, как, например, в (30). В. С. Храковский отмечает, что «крайне редко в таких [условно-уступительных — *М. Х.*] предложениях могут употребляться условные союзы [без частиц — *М. Х.*], однако в этом случае уступительное прочтение обеспечивается специальными средствами» [Храковский 2004: 64]. В литературе неоднократно отмечалась возможность использования условных союзов в условно-уступительном значении в вопросительных предложениях, а также — достаточно маргинально — в повествовательных предложениях (см., например, [König 1986: 238–239]). Однако в ингерманландском финском такое кодирование является достаточно частотным способом выражения условно-уступительного значения, не ограниченным вопросительными предложениями.

По всей видимости, отсутствие частицы со значением ‘даже’ при условном союзе в ингерманландских условно-уступительных предложениях является частным случаем более общего правила: ингерманландские условные придаточные не могут быть сферой действия фокусных частиц. Как видно из примера (34), значение ‘только если’, как и значение ‘даже если’ передается в ингерманландском только с помощью условного союза, причем добавление частицы *vast* (или *vain* ~ *vua)* ‘только’ невозможно.

Таким образом, ингерманландским союзам *jos* и *josko* во многих случаях могут соответствовать значения ‘если’, ‘только если’, ‘даже если’ и ‘хотя’. Иными словами, в самом союзе закодировано только то, что содержание главной части истинно при истинности содержания зависимой части. Характер же отношения между этими пропозициями и истинностное значение

содержания придаточного определяются на основании других характеристик конструкции (таких как порядок слов или наличие противительного союза в главной части предложения) или на основании контекста.

(34) *miä küsü-n hän-tä autta-màn, (??? vast)*
я спрашивать-1SG он-PART помогать-SUP только
jos (??? vast) itse e-n voi tehhä
если только сам NEG-1SG мочь делать.INF
‘Я попрошу его помочь, только если сама не смогу [это] сделать’

без ‘только’ [vg; п: t, 4vg, zg]; с ‘только’ [OK: h, ja; ?: vg; *: 2vg, 2zg].

4. Позиция союза

Для родственных ингерманландскому финскому языков и диалектов неоднократно отмечалась возможность расположения союзов с условным, уступительным или временны́м значением как на первом, так и на каком-либо другом (чаще всего втором) месте в предложении (для литературного финского см. [Томмола 1998: 331; Hakulinen et al. 2004: §1119], для водского — [Сабо 1964: 76; Маркус, Рожанский 2011: 288–289], для коми, марийского, хантыйского и некоторых других языков — [Майтинская 1982: 82–85]).

В ингерманландском финском неначальную позицию в предложении способны занимать все упомянутые в статье союзы[15].

[15] Как показывает пример (c), возможность постановки союза на второе место не связана напрямую с выносом темы: первое местоимение в этом примере использовано в нереферентной функции, а, как известно, нереферентность с тематичностью несовместима (см., например, [Слюсарь 2008: 274]).

(c) OK *kuka jos kävvù soitta-mà, sano jot*
кто если ходить.3SG звонить-SUP говорить.IMP что
minnù ei ole koton
я.PART NEG.3SG быть дома
‘Если кто-нибудь будет звонить, скажи, что меня нет дома’
[OK: h, zg].

(35) *Ivan* ***ko*** *tullò*, *kutsu* *minnù*
Иван KO приходить.3SG звать.IMP я.PART
‘Позови меня, если придет Иван’
[OK: h, 2vg, 6zg].

(36) OK*miä* ***vaikka*** *luai-n* *kovast*, *hǟ minnù* *ei* *kūle*
я хотя говорить-1SG сильно он я.PART NEG.3SG слышать
‘Хотя я говорю громко, он меня не слышит’
[OK: t, zg].

По всей видимости, возможность такой позиции мало связана со свойствами отдельных союзов и является общей для препозитивных придаточных предложений. За пределами условных и условно-уступительных предложений такое линейное расположение возможно по крайней мере для союза *ko* в иных его значениях, а также для союза *kons* ‘когда’ и союза *kuin* ‘как (во временно́м значении)’.

Для водского отмечалось, что постановка союза на второе место в предложении возможна в препозитивных, но не в постпозитивных придаточных [Сабо 1964: 76; Маркус, Рожанский 2011: 289–290]. Вероятно, подобные ограничения действуют и в ингерманландском (37) (ср. с (35)).

(37) ??*kutsu* *minnù*, *Ivan* ***ko*** *tullò*
звать.IMP я.PART Иван KO приходить.3SG
‘Позови меня, если придет Иван’
[OK: vg, 4zg; ??: zg; *: 2vg, 2zg].

Кроме того, возможность постановки союза в неначальную позицию ограничена, если условное придаточное разрывает главное предложение (ср. (38а–б)).

(38а) *Jussi*, ***jos*** *müö* *küsü-mmä*, *voi-p* *tulla* *enne-mpä̀*
Иван если мы спрашивать-1PL мочь-3SG приходить.INF рано-COMP
‘Иван, если мы [его] попросим, может прийти пораньше’
[vg; п: 3vg, 6zg].

(38б) [?]*Jussi*, *müö* ***jos*** *küsü-mmä* ⟨...⟩
Иван мы если спрашивать-1PL
‘Иван, если мы [его] попросим’, {может прийти пораньше}
[OK: 4zg; ??: vg; *: vg].

Требует уточнения природа «второй» позиции: союз может находиться на втором месте в терминах скорее фразовых составляющих, чем словоформ. Во-первых, предшествовать союзу может целая именная (39) или предложная (40) группа.

(39) OK*pohjola-n* *tūl′* ***jos*** *tūlò*, *huomen* *tullò*
север-GEN ветер если дуть.3SG завтра приходить.3SG
külmä
холодный
‘Если дует северный ветер, завтра похолодает’
[OK: t, vg].

(40) OK*peräst* *te-i-n* *tuhm-i-n* *leikki-n* ***kuin***
после вы-PL-GEN глупый-PL-GEN шутка.PL-GEN как
mi-tä *tapahtù*, *nīn* *minä* *sī-hen*
что-PART случиться.3SG так я этот-ILL
e-n *kūlu*
NEG-1SG относиться
‘Если из-за ваших глупых шуток что-нибудь произойдет, то я тут ни при чем’
[OK: ja, m].

Во-вторых, союз, по всей видимости, не может разрывать именную группу — см. пример (41); ср. с примером (39) ниже.

(41) ??*pohjola-n* ***jos*** *tūl′* *tūlò*, *huomen* *tullò*
север-GEN если ветер дуть.3SG завтра приходить.3SG
külmä
холодный
‘Если дует северный ветер, завтра похолодает’
[??: vg].

Не вполне допустима постановка на первое место перед союзом сказуемого:

(42а) [OK]*puotì* *jos* *lähe-t*, *osta* *leipä̀*
лавка.ILL если отправляться-2SG купить.IMP хлеб.PART
‘Если пойдешь в магазин, купи хлеба’
[[OK]: vg, vt, 7zg; [?]: zg].

(42б) [??]*lähe-t* *jos* *puotì*, *osta* *leipä̀*
отправляться -2SG если лавка.ILL купить.IMP хлеб.PART
‘Если пойдешь в магазин, купи хлеба’
[[OK]: t, vt, 4zg; [??]: vg; *: 3zg].

Как можно видеть из примеров (42а–б), предшествовать союзу может аргумент глагола, но не сам глагол. Вероятно, это объясняется упомянутым выше ограничением: перед союзом в предложении стоят не отдельные слова, а полные составляющие, а глагол, как известно, образует составляющую вместе со своими зависимыми.

5. Корреляты

Под коррелятами здесь и далее будут пониматься лексемы, которые соотносятся с условными союзами и могут появляться в главной клаузе, если она следует за зависимой (такие как русские *то*, *тогда*, *так*, *тут*) [Храковский 1998: 74], а также сходные единицы в других типах сложных предложений.

В условных предложениях в ингерманландском используются корреляты *nīn* ~ *nī* ‘так’ и *sit* ~ *sīs* ~ *sitten* ‘тогда’. Возможно также их сочетание *(nīn sit* ‘так тогда’). Некоторые из этих коррелятов могут встречаться также в условно-уступительных и уступительных предложениях (а также во временны́х придаточных, которые в настоящей работе не рассматриваются).

И *nīn*, и *sit* могут использоваться в качестве наречий в независимых предложениях. Следует отметить, что значение этих единиц несколько изменяется в зависимости от того, используются они в качестве наречий или в качестве коррелятов. Так, *sit*, базовое значение которого ‘тогда, потом’, в условных предложениях не требует хронологической последовательности событий, выражаемых главной и зависимой клаузами:

(43) *jos siä kääü-t Ivanovkà-s*, ***sit*** *siä*
если ты ходить-2SG Ивановка-IN тогда ты
tunne-t Ainu-n
быть_знакомым-2SG Айно-GEN
‘Если ты бываешь в Ивановке, то ты, [наверно], знаком с Айно’
[zg; п: zg; ^{OK}: t].

В. С. Храковский, опираясь на возможность сочетания *то тогда* и аналогичных ему в других языках, предлагает выделять два подкласса коррелятов — корреляты в собственном смысле слова *(то)* и анафорические заместители, сокращенным образом передающие содержание зависимой клаузы *(тогда)* [Храковский 1998: 76].

По всей видимости, это разделение релевантно для ингерманландского финского. Во-первых, на принадлежность слов *nīn* и *sit* к разным классам указывает возможность их совмещения в одном предложении (44а). При этом единственно возможный порядок следования коррелятов — *nīn sit*. Как видно из примера (44б), порядок *sit nīn* аграмматичен.

(44а) ^{OK}*ko tullò lämpäse-mp*, ***nīn*** ***sit*** *lumi*
KO приходить.3SG теплый-COMP так тогда снег
sullà
таять.3SG
‘Если станет теплее, снег растает’
[^{OK}: vg, zg].

(44б) **ko tullò lämpäse-mp*, ***sit*** ***nīn*** *lumi*
KO приходить.3SG теплый-COMP тогда так снег
sullà
таять.3SG
‘Если станет теплее, снег растает’
[*: vg, zg].

Во-вторых, для *sit*, но не для *nīn* возможна неначальная позиция в клаузе (45). Запрет на порядок *sit nīn* (44б), возможно, следует считать частным проявлением этого более общего правила.

(45) *jos siä hän-tä kutsu-t, hän **sitten** / ***nīn** *tullò*
если ты он-PART звать-2SG он тогда так прийти.3SG
‘Если ты его позовешь, он придет’
sit(ten) [vg; п: vg; ^{OK}: k, vg, vt, 4zg; *: zg]; *nīn* [$^{?}$: vg; *: k, vg, vt, 4zg].

Наконец, существенно различаются семантические условия, допускающие использование этих коррелятов: как видно из примера (46), использование коррелята *sit* неграмматично, если между компонентами предложения нет логической связи:

(46) *jos-ko minnù kävvå̀ etsi-må̀, **nīn** / $^{??}$***sit***
если-KO я.PART ходить.IPS искать-SUP так тогда
miä ole-n kirkò-s
я быть-1SG церковь-IN
‘Если меня будут искать, то я в церкви’
nīn [vg; п: h, t, 2vg; ^{OK}: 2vg; *: vg]; *sit* [^{OK}: t, vg; *: 5vg].

Стоит отметить также чрезвычайно широкую сферу применения *nīn* за пределами условных предложений. Этот коррелят допустим также во временны́х, причинных, условно-уступительных (47) и уступительных (48) предложениях, тогда как *sit*, как правило, может использоваться только в условных и временны́х, а также в редких случаях в условно-уступительных предложениях (подробнее об этих случаях см. ниже).

(47) *jos lähte-vät kaik, **nīn** / $^{??}$***sit** miä*
если отправляться-3PL все так тогда я
ühellain jǟ-n kot't'ì
все_равно оставаться-1SG дом.ILL
‘Даже если поедут все, я останусь дома’.
nīn [п: vg; ^{OK}: m, vg]; *sit* [п: vg; *: m, vg]

(48) *vaikka kevät tullò, **nī** / ***sit** kau-l*
хотя весна приходить.3SG так тогда улица-AD
on viel’ külmä
быть.3SG еще холодный
‘Хотя весна [скоро] придет, на улице еще холодно’
nīn [п: vg, ^{OK}: vg]; *sit* [*: 2vg].

Запрет на корреляты типа *sit*, не сопровождаемые какими-либо частицами, в главной части условно-уступительного предложения достаточно распространен в различных языках (ср. хотя бы русский и английский: **даже если… тогда*; **even if… then*). При этом достаточно распространенное объяснение этого запрета опирается на то, что такого рода единицы являются резумптивными местоимениями и способны замещать только зависимую клаузу, которая является их антецедентом, но не сочетание зависимой клаузы и фокусной частицы (см., например, [König, van der Auwera 1998: 121]). Интересно, что для ингерманландского такое объяснение оказывается невозможным, так как фокусных частиц в зависимой части условно-уступительного предложения здесь нет. Соответственно, если пытаться дать общее объяснение запрета на использование единиц типа *sit* в условно-уступительных предложениях, оно должно с необходимостью опираться на семантику (ср., например, попытку такого объяснения в [Iatridou 1991: 122]).

Особого внимания заслуживает единица *nīn sit*. Как было указано выше, она разложима на корреляты *nīn* и *sit*. При этом вполне допустима постановка других словоформ между этими коррелятами:

(49) *jos minnù ei kutsu-ta*, ***nīn*** *miä e-n*
если я.PART NEG.3SG звать-IPS так я NEG-1SG
sit *tule*
тогда приходить
‘Если меня не позовут, то я не приду’
[zg: n: zg, ^{OK}: vg].

В то же время единицу *nīn sit* вряд ли можно считать простым объединением входящих в нее компонентов.

Во-первых, эта единица фонетически некомпозициональна: в сочетании *nīn sit* значительно чаще, чем при изолированном употреблении в качестве коррелята, *nīn* произносится в своем редуцированном варианте — как *nī*[16]. Данная редукция, по всей

[16] Факультативность конечного *n* не является специфической особенностью этого коррелята и характерна для многих ингерманландских словоформ.

видимости, является достаточно важным указанием на более высокую степень грамматикализации *nīn sit*. Это косвенно подтверждается крайней редкостью редуцированного варианта в некоррелятном использовании лексемы *nīn*, как в следующем примере:

(50) *ei* *huoli* ***nīn*** *kīrehtì*
NEG.3SG быть_нужным так торопиться.INF
'Не надо так торопиться'
[zg; п: k, 2vg, vt, 5zg].

Таблица 1. Степень редукции *nīn* в различных употреблениях[17]

		nī	всего *nī*+*nīn*	доля *nī*
некоррелят, см. (50)		1	33	**0,03**
коррелят	изолированно, см. (48)	48	130	**0,37**
	в сочетании с *sit*, см. (44а)	16	24	**0,67**

Различие между *nīn*, изолированно использованным в качестве коррелята, и частью единицы *nīn sit* статистически значимо, χ^2, $P < 0{,}01$.

Во-вторых, семантические условия, допускающие использование единицы *nīn sit*, вряд ли выводимы напрямую из значений составляющих ее частей. Так, в условно-уступительных вопросительных предложениях (52), в отличие от близких по значению условных предложений (51), ограничено использование единицы *nīn sit*. При этом оба составляющих ее коррелята — *nīn* и *sit* — по отдельности в данном случае допустимы.

(51) *jos-ko* *miä* *siu-l* *tarjo-n* *tuhat-ta*,
если-KO я ты-ALL предлагать-1SG тысяча-PART
sit / [OK]***nī*** ***sit*** *siä* *ole-t* *tūtüväine?*
тогда так тогда ты быть-2SG довольный
'А если я предложу тебе тысячу, тогда ты будешь доволен?'
sit [zg; п: h, t, 5vg, zg]; *nīn sit* [п: vg; [OK]: h, 3vg, zg].

[17] В Таблице 1 учитываются только те случаи, когда информант при переводе спонтанно произносил словоформу *nīn* или *nī*, а не просто подтверждал возможность ее использования.

(52) *jos-ko miä siu-l tarjo-n tuhat-ta,*
если-KO я ты-ALL предлагать-1SG тысяча-PART
nīn / [OK]***sit*** / [??]***nī*** ***sit*** ***siä*** ***ühellain*** ***e-t***
так тогда так тогда ты все.равно NEG-2SG
ole tūtüväine?
быть довольный
‘А если я предложу тебе тысячу, ты все равно не будешь доволен?’

nīn [п: vg; [OK]: vg]; *sit* [п: vg; [OK]: h, 2vg, zg]; *nīn sit* [[OK]: 2vg, *: h, vg, zg].

Как было показано выше (47), коррелят *sit* в общем случае невозможен в условно-уступительных предложениях. В вопросительных же условно-уступительных предложениях он оказывается возможен, однако совместное использование двух коррелятов остается и в этом случае не вполне допустимым (52).

Данные о допустимости коррелятов в условных, условно-уступительных и уступительных предложениях сведены в Таблице 2.

Таблица 2. Использование коррелятов в предложениях различного типа

Тип предложения		*nīn*	*sit*	*nīn sit*
условное		OK	OK	OK
условно-уступительное	вопросительное	OK	OK	??
	повествовательное	OK	*	*
уступительное		OK	*	*

Из данных в Таблице 2 можно сделать следующие выводы.

Во-первых, если *sit* является «более условным» коррелятом, чем *nīn*, еще в большей мере это верно для единицы *nīn sit*. Получившаяся шкала от менее специализированных («уступительных») к более специализированным («условным») коррелятам *(nīn > sit > nīn sit)* будет также шкалой эксплицитности маркирования. Если *nīn* по своим свойствам близко к части составного союза (с фиксированным местом в предложении (45)[18]), то *sit*

[18] О порядке слов как признаке грамматикализации коррелятов см. в работе [Podlesskaja 1997].

скорее демонстрирует свойства вполне самостоятельного слова. Единица *nīn sit*, очевидно, является сочетанием этих двух слов, а значит и более эксплицитным маркером.

Во-вторых, интересно различие между вопросительными и невопросительными условно-уступительными предложениями в отношении допустимости коррелятов. Неоднократно отмечалось (см., например, [König 1986: 238–239; van der Auwera 1986: 204–206]), что вопросительные предложения являются благоприятным контекстом для условно-уступительной трактовки условного союза. Так, например, в английском в вопросительных условно-уступительных предложениях часто допустимо *if* ‘если’ вместо *even if* ‘даже если’. Ср. возможность условно-уступительной трактовки примера (53) из [König 1986: 238]:

(53) *Will John go if Peter comes?*
‘Уйдет ли Джон, если Питер придет?’.

Как видно из Таблицы 2, в ингерманландском финском в этом типе вопросительных предложений могут использоваться также более «условные» корреляты, т.е. оформление условно-уступительного значения в вопросе в целом ближе к выражению условного значения.

6. Выводы

1. В условных предложениях в ингерманландском финском используются союзные единицы *jos*, *ko* и *josko*. Союз *ko* не вполне допустим в случае, если в зависимой клаузе использован глагол в прошедшем времени или инфинитиве. Единицы *jos* и *josko*, как правило, не используются в случае, если истинность информации в зависимой клаузе известна говорящему, но не слушающему.

2. Для ингерманландского финского характерна **нейтрализация уступительного и условно-уступительного значений**. В частности, эти значения не противопоставлены в семантике нескольких союзов *(vaik*, *jos*, *josko*, а также *ko* у некоторых информантов). При этом отсутствуют любые обязательные формальные средства (такие, как различные глагольные формы), противопоставляющие эти два значения.

Во многом сходная ситуация наблюдается, например, в бесермянском диалекте удмуртского языка (также относящегося к числу финно-угорских языков). И в уступительных, и в условно-уступительных предложениях возможно использование одного и того же союза *keno*, причем глагольные формы в этих двух типах предложений также не различаются [Адаскина 2003].

Таким образом, оказывается, что в уступительных и условно-уступительных предложениях могут быть использованы по крайней мере следующие финно-угорские союзы: литературный финский союз *vaikka*, ингерманландские *vaik*, *jos*, *josko*, *ko* и бесермянский *keno*, причем эти союзы не только не восходят все к какому-либо единому корню, но и образованы по нескольким различным моделям[19]. Такая нейтрализация — явление сравнительно редкое в Европе, поэтому можно предположить, что она характерна для финно-угорских языков (или какой-то их подгруппы) в целом. Стоит, впрочем, отметить, что эта нейтрализация не является общей для всех финно-угорских языков, например, в венгерском она не представлена [Храковский 2004: 317, 320], а в эстонском, по всей видимости, достаточно маргинальна [там же: 268, 303].

3. Союзы *jos* и *josko* (у некоторых информантов также *ko)* представляют собой еще более интересный случай, так как охватывают все три значения: условное, условно-уступительное и уступительное. **Нейтрализация условного и условно-уступительного значения** как одна из частотных стратегий кодирования условно-уступительного значения — явление, по всей видимости, исключительно редкое: подобные случаи не упоминаются в таких типологических работах, как [Haspelmath, König 1998] и [Храковский 2004]. Вероятно, эта особенность в какой-то мере связана с неспособностью клауз, вводимых этими союзами, быть сферой действия фокусных частиц, к числу которых относятся и частицы со значением ‘даже’.

[19] Согласно К. Е. Майтинской, союз *vaikka* восходит к сочетанию *vai* ‘или’ с частицей *-ka* [Майтинская 1982: 98], союз *keno* — к сочетанию *ke* ‘если’ и *no* ‘и’ [там же: 108], союз *jos* образован исторически от основы указательного местоимения [там же: 96].

4. Среди условно-уступительных предложений выделяется подгруппа, по семантическим признакам (обязательная истинность главной части) и по синтаксическому оформлению (способность постановки противительного союза в главную часть) примыкающая к уступительным предложениям.

5. **Союзы** в ингерманландских предложениях со значением условия или уступки (а также, вероятно, в других типах обстоятельственных предложений) способны занимать **неначальную позицию** в клаузе, следуя за именной или предложной группой. Для правил, определяющих возможное положение союза, релевантно разбиение предложения на фразовые составляющие, а не на слова.

6. **Корреляты** в ингерманландском различаются по эксплицитности маркирования связи между клаузами. При этом наиболее эксплицитные корреляты являются одновременно более специализированными («условными»).

Интересно, что сравнительно «условный» коррелят *sit* оказывается допустим в вопросительных условно-уступительных предложениях и недопустим в повествовательных условно-уступительных предложениях. Сходное различие между вопросительными и невопросительными предложениями неоднократно отмечалось в союзном оформлении условно-уступительных предложений. Ингерманландский материал показывает, что вопросительность является благоприятным контекстом для «**более условного**» **маркирования условно-уступительного значения** не только в зависимой, но и **в главной части**.

Литература

Адаскина Ю. В. 2003. Обстоятельственные предложения в бесермянском диалекте удмуртского языка. Экспедиционный отчет. Рук.

Майтинская К. Е. 1982. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука.

Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2011. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. В 2-х томах. Т. II: Грамматический очерк и библиография. СПб.: Нестор-История.

Муслимов М. З. 2009. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука. С. 179–204.

Сабо Л. 1964. Придаточное предложение времени в водском языке // Труды по эстонской филологии I. (Ученые записки Тартуского государственного университета 162). Тарту: ТГУ.

Слюсарь Н. А. 2008. На стыке теорий: Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Томмола Х. 1998. Условные конструкции в финском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука. С. 325–349.

Храковский В. С. 1998. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука. С. 7–96.

Храковский В. С. 2004. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука. С. 10–91.

Храковский В. С (ред.). 2004. Типология уступительных конструкций. СПб.: Наука.

Bianchi V. 1999. Consequency of antisymmetry: Headed relative clauses. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter.

Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T., Alho I. 2004. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. Доступно на сайте http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php.

Haspelmath M., König E. 1998. Concessive conditionals in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin; New-York: Mouton de Gruyter. P. 563–640.

Iatridou S. 1991. Topics in conditionals. Ph.D. dissertation. MIT.

König E. 1986. Conditionals, concessive conditionals and concessives: Areas of contrast, overlap and neutralization // E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, C. A. Ferguson (eds.). On conditionals. Cambridge: Cambridge University Press. P. 229–246.

König E., van der Auwera J. 1988. Clause integration in German and Dutch conditionals, concessive conditionals and concessives // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. P. 101–134.

Podlesskaja V. I. 1997. Syntax and semantics of resumption: Some evidence from Russian conditional conjuncts // Russian Linguistics 21. P. 125–155.

van der Auwera J. 1986. Conditionals and speech acts // E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, C. A. Ferguson (eds.). On conditionals. Cambridge: Cambridge University Press. P. 197–214.

М. Л. Федотов

ПОЛИСЕМИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АБЛАТИВА И ЭЛАТИВА В ФИНСКИХ ГОВОРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНГЕРМАНЛАНДИИ[1]

1. Введение

В падежной системе финских говоров Центральной Ингерманландии для шести падежных граммем центральными являются пространственные значения[2]. Формы **адессива** и **инессива**

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект 08-04-00152а «Диалектный атлас Ингерманландии», и гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-3688.2010.6.

Материал для исследования был собран в 2009–2011 годах в рамках трех экспедиций в Гатчинский район Ленинградской области, организованных кафедрой общего языкознания филологического факультета СПбГУ и ИЛИ РАН. Всего в исследовании использовано около 815 законченных высказываний, полученных методом устного анкетирования. Материал записан от пятнадцати информантов, родившихся на территории Ингерманландии в довоенных приходах (см. Приложение 5) Venjoki (дер. Зайцево, Корпикюля), Kupanitsa (дер. Малые Губаницы), Koprina (дер. Изора, Ковшово, Лязево, Новосиверская, Тихковицы), Kolppana (дер. Старые Черницы), Liissilä (дер. Кирполово), Ropsu (дер. Нижняя Кипень), Skuoritsa (дер. Кархункюля, Ряттелево, Саванкюля), а также от одной информантки, родившейся за пределами Ингерманландии. Ее идиолект, согласно классификации [Муслимов 2009], можно отнести к ярвисаарскому диалекту с влиянием диалектов окрестностей Гатчины. Сведения о деревнях см. в Таблицах 4–5 Приложения 4.

Автор хотел бы поблагодарить всех своих информантов за гостеприимность и понимание, а также выразить признательность участникам прошедших экспедиций за помощь и поддержку. Автор особенно благодарен Н. В. Кузнецовой и С. С. Саю за многочисленные комментарии и советы, а также А. Куутио за помощь в уточнении параллелей с литературным финским языком.

[2] Для других падежных граммем — номинатива, генитива, партитива, эссива, транслатива — пространственные значения либо не являются центральными, либо вообще не входят в семантику граммемы.

выражают местонахождение (= эссив$_{О}$[3]), **аллатива** и **иллатива** — конечный пункт движения (= латив), **аблатива** и **элатива** — исходный пункт движения (= элатив$_{О}$). Формы адессива, аллатива и аблатива указывают прежде всего на поверхность ориентира (= локализация АД[4]), а инессива, иллатива и элатива — на его внутреннее пространство (= локализация ИН).

Примечание. Для рассмотренных выше группировок падежей существуют традиционные названия (ср. [Елисеев 1995: 628–630]): 1а) «падежи нахождения» (адессив и инессив), 1б) «направительные падежи» (аллатив и иллатив), 1в) «отделительные (исходные) падежи» (аблатив и элатив) — по ориентации; 2а) «внешне-местные падежи» (адессив, аллатив и аблатив) и 2б) «внутренне-местные падежи» (инессив, иллатив и элатив) — по основной локализации.

Помимо базовых, собственно пространственных значений, формы каждого из этих падежей способны выражать большие наборы дополнительных смыслов. В этой работе предпринята попытка описания полисемии, выявленной у показателей «исходных» падежей — **аблатива** и **элатива** — в финских говорах Центральной Ингерманландии.

Граммемы описывались в сопоставлении друг с другом: если какое-то значение выявлялось у форм одного падежа, то исследо-

[3] Во избежание двусмысленности, обычное написание терминов «**эссив**» и «**элатив**» используется в этой работе применительно к соответствующим падежным граммемам финского языка. В случае, когда речь идет об одном из **значений** ориентации, используется написание «**эссив$_{о}$**» и «**элатив$_{о}$**» (имеется в виду категория «ориентация II» в терминологии И. А. Мельчука: «⟨...⟩ категория, элементы которой характеризуют направление развертывания данного события по отношению к данному объекту» [Мельчук 1998: 58–59]).

[4] Термин «локализация» используется согласно работам [Мельчук 1998: 52–55] и [Плунгян 2010: 175–177]: «[г]раммемы категории локализации указывают на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру ⟨...⟩» [Плунгян 2010: 175]. При этом следует отметить, что значения локализации трактуются в работе как входящие в семантику падежных граммем, а не как граммемы самостоятельной грамматической категории, выражаемые кумулятивно вместе с граммемами падежа. Сокращеные обозначения локализаций («АД», «ИН» и др.) используются согласно [там же: 176].

валась и возможность выражения этого значения формами другого[5]. Изложение, тем не менее, в основном движется от формы к значению и сохраняет двучленное противопоставление: каждой из двух граммем в работе посвящен отдельный раздел. При этом в тех случаях, где было зафиксировано совпадение или смежность значений двух падежей, связь между разделами обеспечивают перекрестные ссылки.

Отправной точкой для исследования, с одной стороны, послужили сведения об употреблении аналогичных падежных форм в литературном финском языке (в частности, соответствующие разделы описаний [Karlsson 1999; Atkinson 1969; Елисеев 1995; Вяйсянен 2010; Hakulinen et al. 2004])[6] С другой стороны, автор отталкивался от сформулированных в работе [Ганенков 2002] типологических предсказаний относительно «**грамматических атомов**»[7], которые **могут** выражаться локативными показателями, а также возможных путей развития полисемии последних.

Для рассматриваемых в статье значений (как выделенных в качестве «атомарных» в работах других авторов, так и предлагаемых к выделению в этой статье), приводятся, где это кажется необходимым, рабочие определения и вводятся новые термины.

Примечание. Для выделения «атомарных» грамматических значений «универсального грамматического набора» обычно используется несколько критериев. Критерий **специализации** позволяет выделить как потенциально атомарное такое значение, которое выражается специализированным показателем хотя бы в одном языке. Критерий **перекрытия** позволяет выделить значение X как потенциально атомарное, если в языке A значение X передается показателем, выражающим также (смежное) значение Y, но не выражающим (смежное) значение Z, и при этом в языке B то же значение X передается показателем, выражающим также значение Z, но не значение Y [Ганенков 2002: 9–10]. Кажется пра-

[5] Следовательно, отсутствие в подразделе, посвященном какому-либо значению, указания на возможность употребления в этом значении форм обоих падежей, означает, что проверка такой возможности для форм одного или другого падежа дала **отрицательный** результат.

[6] Также использовались доступные автору сведения о финских говорах Ингерманландии, в частности материал словаря [Оллыкайнен 2003], а также работа [Kokko 2007].

[7] Ср. [Плунгян 2010: 233–238].

вомерным добавить к этим двум критериям также критерий **остаточной выделимости**: мы можем выделить значение X как потенциально атомарное, если в языке A значение X совмещается со значением Y, и при этом в языке B это последнее значение Y выражается специализированным показателем.

Эти критерии позволяют установить потенциальную обособленность, самостоятельность выделяемых значений. «Атомарными» же эти значения можно назвать, только если их дальнейшая членимость на настоящий момент не доказана.

Следует отметить, что как в работе [Ганенков 2002], так и в этой статье при аргументации обособленности того или иного значения к сравнению привлекаются не только показатели (падежных) граммем разных языков, но и «адлоги» (предлоги и послелоги). Такой подход, возможно, несколько размывает гипотетические границы «универсального грамматического набора», ведь «адлоги», будучи слабо противопоставленными или вовсе не противопоставленными друг другу, находятся на периферии грамматической семантики. Они тяготеют уже к семантике лексической, лексически же — описательно — может быть выражено почти сколь угодно узкое и конкретное значение.

Необходимо также отметить, что многие из значений, которые будут рассматриваться далее, могут передаваться не только формами аблатива или элатива, но и формами **ядерных** падежей — номинатива, генитива и партитива. Например, в примере (55) в функции прямого дополнения выступает именная группа, референтирующая к участнику с ролью удаляемой субстанции (см. раздел 3.12). В примерах (92)–(93) в той же функции выступает именная группа, референтирующая к участнику с ролью, близкой к АД-элативу$_{O}$ (ср. раздел 3.1), а именная группа, референтирующая к удаляемой субстанции, фигурирует в качестве обстоятельства и принимает показатель элатива.

В настоящей работе специально будет отмечаться только конкуренция форм аблатива и элатива с другими **неядерными** падежами. Таким образом, в формулировках вроде: «Значения исходного посессора ⟨...⟩ и источника информации ⟨...⟩ выражаются формами аблатива» (раздел 2.5), — всегда будет подразумеваться: «[не в позиции подлежащего или прямого дополнения]».

2. Аблатив

Показателем аблатива является **суффикс** *-lt/-l't* (в позиции перед притяжательными суффиксами выступают алломорфы *-lta/-l'tä)*[8].

2.1. АД-элатив$_O$ /АПУД-элатив$_O$

Основное пространственное значение форм аблатива — исходный пункт движения **от поверхности** ориентира (АД-элатив$_O$), ср. пример (1). Это значение также может передаваться формами **элатива** (по-видимому, с определенным семантическим приращением) — подробнее см. раздел 3.1.

(1) *miä nost-i-n kopeka-n mā-st / silla-lt*
я поднимать-PST-1SG копейка-GEN земля-EL пол-ABL
/^{OK} *silla-st*
пол-EL
'Я поднял копейку с земли/с пола'
[ОАК][9].

Также показателем аблатива может кодироваться исходный пункт движения **из пространства рядом** с ориентиром (АПУД-элатив$_O$). Следует, однако, отметить, что употребление форм аблатива в значении АПУД-элатива$_O$ ограничено. В подобных контекстах они конкурируют с послеложной конструкцией GEN + *luont* 'от', ср. примеры (2), (3) (речь идет о чистом значении АПУД-элатива$_O$ без дополнительных семантических компонентов; ср. раздел 2.1.1).

---

[8] «Полные» варианты суффиксов аблатива и элатива иногда встречаются и в отсутствие притяжательных суффиксов, ср. пример (50) — возможно (по крайней мере в случае некоторых информантов), это объясняется влиянием литературного финского языка.

[9] Для записи материала используется упрощенная финно-угорская фонетическая транскрипция, см. Приложение 7. Здесь и далее в квадратных скобках после каждого примера перечислены индексы информантов, породивших, одобривших или запретивших данный пример, с соответствующей пометой (социолингвистические сведения об информантах см. в Таблице 3 Приложения 3). Формат представления языкового материала, оценки допустимости, глоссирования и указания на источники см. в Приложении 8.

(2) *Pekko läks' pois havva-n luont / [OK]havvà-lt*
Пекко уходить.PST.3SG прочь яма-GEN от яма-ABL
{Пекко стоял у ямы}. ‘Пекко отошел от ямы’
[RIK; п: SMH].

(3) *mie läks-i-n pois veiko-n luont / [??]veikò-lt*
я уходить -PST-1SG прочь брат-GEN от брат-ABL
ja tul-i-n ikkuna-n luoks
и приходить-PST-1SG окно-GEN к
{Я стоял около брата}. ‘Я отошел от брата и подошел к окну’
[SPK].

Примечание. Среди метафорических употреблений форм аблатива и элатива можно отметить их использование при глаголах чувственного восприятия для передачи **местонахождения экспериенцера**, ср. примеры (4), (58). Для литературного финского языка такие употребления подробно описаны в работе Туомаса Хуумо [Huumo 2010], посвященной различным проявлениям метафоры «направленное движение → чувственное восприятие».

В рамках настоящего исследования эти случаи подробно не изучались (не рассматривалась и возможность типологического обособления указанного значения от значения собственно исходного пункта движения).

(4) *miä katso-n **kato-lt** allà ihmis-ij*
я смотреть-1SG крыша-ABL вниз человек-PL.ILL
‘Я смотрю с крыши вниз на людей’
[LAS].

2.1.1. Одушевленный АПУД-элатив$_0$ с импликацией пребывания в месте его обычного нахождения. Выступая в пространственных контекстах, аблативные формы одушевленных существительных и личных местоимений, как правило, передают не только значение исходного пункта движения, но и некоторую дополнительную семантику. Они указывают на пребывание перемещаемого участника **в месте обычного нахождения участника-ориентира** — у него дома, на работе и т. п. К примеру, высказав сомнение относительно возможности употребления варианта *veikòlt* в значении, представленном в примере (3), информантка SPK предложила прочтение «от брата, с его дома» как более вероятное. Аналогичный дополнительный смысл в сочетании с оду-

шевленными существительными и личными местоимениями часто передает и русская предложная конструкция *от* + Р.п., ср. пример (5) и перевод к нему[10].

(5) *miä tul-i-n* ***tohtarì-lt*** */ *tohtarì-st kūs tuntì*
я приходить-PST-1SG врач-ABL врач-EL шесть час.PART
‘Я вернулся от врача в шесть часов’
[SAI].

2.2. АД-эссив$_O$/посессор (при глаголах löütà̀ ‘находить’, etsì ‘искать’)

При глаголах *löütà̀* и *etsì* (а также, возможно, некоторых других глаголах с близкой семантикой[11]) в исследуемых говорах возможны зависимые именные группы в форме «исходных» падежей — аблатива и элатива, ср. примеры (6)–(9), (59)–(62). При этом зависимые именные группы в форме «падежей нахождения» — адессива и инессива — как правило, также возможны. Предположение о том, что в лексическом значении этих глаголов действительно может присутствовать компонент ‘движение от ориентира’ (ср. ‘найти где-то и взять оттуда’, ‘искать где-то, чтобы взять оттуда’) не подтверждается — существуют контексты, где такое прочтение невозможно, ср. примеры (7), (60).

По-видимому, следует полагать, что формы «исходных» падежей выражают при этих глаголах не элатив$_O$, а **эссив$_O$** (в случае форм аблатива — АД-эссив$_O$). В некоторых случаях можно гово-

[10] Ср. также самостоятельную серию «жилищно-местных» падежей в удмуртском языке. Показатели этих падежей (диахронически послелоги с основой *дин'-* и общим значением ‘у, около, при, возле’ — локализация АПУД) сочетаются исключительно с личными местоимениями и существительными, обозначающими лиц, и передают при этом семантику ‘место жительства’, например: *Кол'а-**н'ыс'*** ‘от Коли, из дома Коли’ [Некрасова 2009: 103–104]. Ср. также понятие «локативного посессора» [Даниель 2001; Ганенков 2002: 21–22]

[11] Ср. в литературном финском языке (помимо *löytää* ‘находить’ и *etsiä* ‘искать’): *löytyä* ‘находиться, отыскиваться’, *hakea* ‘забирать; доставать, получать’; также близкие употребления имеют глаголы чувственного восприятия *nähdä* ‘видеть’ *katsoa* ‘смотреть’, *lukea* ‘читать’, *kuulla* ‘слышать’, *kuunnella* ‘слушать’ [Hakulinen et al. 2004: §1236; Huumo 2006, 2010].

рить также о выражении **посессора**[12] («статичного», а не исходного, ср. раздел 2.5)), см. примеры (6), (8). (Значения форм элатива при этих глаголах рассматриваются в разделе 3.2).

Примечание. Возможно, при употреблении форм «исходных» падежей с указанными глаголами первые выражают все же не просто значение эссива$_0$ (или посессора), а некоторое иное, более специальное значение. В работах Туомаса Хуумо [Huumo 2006; 2010][13] аналогичные употребления форм «исходных» падежей в литературном финском языке рассматриваются в более широком контексте и связываются при этом с семантикой «передачи ментального содержимого» [там же: 55; 2010: 90; перевод здесь и далее мой — М.Ф.] и вхождения стимула (точнее, его ментального представления) в «когнитивное пространство» (cognitive dominion) экспериенцера [там же: 55]. Следуя подобной трактовке, мы могли бы предположить, что при употреблении с указанными глаголами формы аблатива и элатива в действительности передают не местоположение реальной физической сущности, а источник информации («ментального содержимого») о ней (ср. [Huumo 2006: 51, 55, 2010: 66]). Тем не менее, за неимением дополнительных сведений по подобным употреблениям в говорах Центральной Ингерманландии, автор вынужден оставить вопрос об их семантике открытым, ограничившись лишь выделением этих употреблений в отдельный случай.

(6) *miä ain lövvä-n kissa-in* ***veiko-lta-in***
я всегда находить-1SG кошка-P1SG брат-ABL-P1SG
‘Я всегда нахожу своего кота у своего брата’
[OAK].

(7) *miä löüs-i-n* ***taivà-st / taivà-lt*** *kū-n*
я найти-PST-1SG небо-EL небо-ABL луна-GEN
‘Я нашел на небе луну [взглядом]’
[SPK, RIK].

[12] Термины «посессор» и «обладаемое» здесь и далее используется для обозначения участников в первую очередь следующих бинарных отношений: ‘родство’, ‘целое — часть’, ‘законное владение’, ‘пребывание в чьем-либо распоряжении / пользовании’, ‘изготовитель — продукт’.

[13] Работы посвящены употреблениям пространственных показателей при глаголах чувственного восприятия, изменения состояния, глаголах бытийной, посессивной и ментальной сферы в литературном финском языке.

(8) *miä etsi-n* ***siu-lt*** */ *siu-st ommà kirja-ja-in*
я искать-1SG ты-ABL ты-EL свой.PART книга-PART-P1SG
‘Я ищу у тебя свою книгу’
[SPK, RIK].

(9) *paimen etsì lampa-i-ta* OK*koko* ***pellò-lt*** */ ?pellò-l*
пастух искать.3SG искать-PL-PART весь поле-ABL поле-AD
‘Пастух ищет овец по всему полю’
[ESZ].

2.3. Точка отсчета в пространстве[14]

И аблативные, и элативные формы могут выражать значение точки отсчета в пространстве. Оно близко к значению элатива$_O$, но лишено компонента ‘движение’ (вместо него выступает, по-видимому, компонент ‘измерение, отсчет’) — ср. примеры (10), (11). Конечная точка измерения при этом кодируется показателями «направительных» падежей — аллатива или иллатива.

При одушевленных существительных и личных местоимениях значение точки отсчета в пространстве передается только показателями элатива, см. раздел 3.3.1.

В случае неодушевленных существительных в подобных контекстах в большинстве случаев допускается употребление форм обоих падежей. При этом с некоторыми существительными информанты при первом произнесении использовали, как правило, форму аблатива, а с некоторыми — как правило, форму элатива. Ср., например, употребление формы аблатива от существительного *järv* ‘озеро’ и форм элатива от существительных *kauppa* ‘магазин’, *talo* ‘дом’, *puu* ‘дерево’ в примерах (10)–(11). Этот выбор, возможно, связан с тем, какие пространственные свойства приписываются в семантике конкретного существительного его денотату, а именно — осмысляется ли в языке это место как контейнер или скорее как поверхность. Также можно предположить влияние частотности базовых пространственных употреблений — форма того или иного падежа может использоваться в значении точки отсчета, поскольку именно в данной форме это существительное обычно употребляется для обозначения исходного пункта движения.

[14] Значение выделено в качестве «грамматического атома» в [Гаженков 2002: 80–81].

(10) ***kaupà-st*** *joe-lle on kaks kilo·metrì*
магазин-EL река-ALL быть.3SG два километр.PART
‘От магазина до реки — два километра’
[OIR].

(11) *müö ole-m̄ oikein että̀* ***järvè-lt*** / OK***järvè-st***
мы быть-1PL очень далеко озеро-ABL озеро-EL

/ *me-i-n* ***talo-st*** / OK***talo-lt*** / ***pū-st*** / OK***pū-lt***
мы-PL-GEN дом-EL дом-ABL дерево-EL дерево-ABL
‘Мы очень далеко от озера / от нашего дома / от дерева’
[MKH].

2.4. Исходная ситуация[15] *(при глаголах движения)*

Показатели «исходных» падежей могут сочетаться с существительными, обозначающими занятия, различные виды времяпрепровождения[16], а также с глаголами в формах супина с суффиксом *-ma-/-mà-*. Такие формы при глаголах движения[17] выражают предшествующую ситуацию, которая прекращается (не обязательно достигнув при этом своего предела) к началу или несколько позже начала ситуации движения[18]. Ср. примеры (12)–(15)[19].

---

[15] Термин предлагается в рамках этой работы.

[16] Сюда же, по-видимому, можно отнести случаи метонимического переноса «собираемая субстанция → деятельность по ее сбору», см. примеры (12), (17а–б) (такой перенос засвидетельствован только при нескольких лексемах; возможно, следует говорить о лексикализации этих форм и превращении их в наречия). Ср. похожие образования в литературном финском в [Hakulinen 1961: 335].

Также зафиксировано сходное употребление продуктивных отглагольных имен на *-minen*, ср. пример (15).

[17] Рассматривались *tulla* ‘приходить’, *lähtì (pois)* ‘идти, уходить’.

[18] Две ситуации при этом, как правило, связаны общими участниками: участник, перемещающийся в ситуации движения, обычно кореферентен одному из участников исходной ситуации. Так, в примере (12) говорящий одновременно выступает как агенсом ситуации движения, так и агенсом исходной ситуации ‘я рыбачил’.

[19] Аналогичные употребления форм аблатива и элатива в литературном финском языке рассматриваются в [Hakulinen et al. 2004: §1246].

(12) *miä tul-i-n* ***kalasta-mà-st*** / [OK]***kala-lt*** / [??]*kala-st*
я приходить-PST-1SG рыбачить-SUP-EL рыба-ABL рыба-EL
‘Я пришел с рыбалки’
[SPK, RIK]; *kalastamàst* [п: SAI].

(13) *miä läks-i-n* *(pois)* ***tantsi-loi-st*** / [OK]***tantsi-mà-st***
я отправляться-PST-1SG прочь танец-PL-EL танцевать-SUP-EL
/ ***ruata-ma-st*** / ***tüö-st***[20] *kot't'i*
работать-SUP-EL работа-EL дом.ILL
‘Я ушла с танцев / с работы домой’
[SMH]; *tüöst* [п: SAI].

(14) *müö tul-i-mmo* ***matka-lt*** / [OK]***matka-st***
мы приходить-PST-1PL путешествие-ABL путешествие-EL
‘Мы вернулись из путешествия’
[OAK].

(15) *müö tul-i-mmo* ***käü-mise-l't*** / [OK]***käü-mise-st***
мы приходить-PST-1PL ходить-NMLZ-ABL ходить -NMLZ-EL
‘Мы вернулись с прогулки’
[OAK].

Как можно заметить, предложения с подобными формами всегда указывают не только на завершение исходной ситуации, но и на перемещение в пространстве некоторых фигурировавших в ней участников.

С одной стороны, компонент ‘перемещение в пространстве’ привносится в такие предложения уже лексической семантикой предиката и, возможно, в значение рассматриваемых форм не входит. См., например, возможность эксплицитного выражения в подобных высказываниях «настоящего» исходного пункта движения в примере (16). Ср. также примечание об элативных формах при глаголе *hülätä* ‘переставать, заканчивать’ в конце раздела.

[20] По словам информантки SMH, словоформа *tüöst* в подобном контексте обозначает «и место, и работу». Однако *tüöst* было также одобрено и в переводе стимула *{Пекко работал в поле}. Пекко вернулся* ***с работы*** *домой* — что также не позволяет приписать словоформе *tüöst* в таких контекстах и исключительно локативной семантики: *‘с постоянного места работы’.

(16) *müö tul-i-m̄* ***ui-mà-st*** ***jōè-lt***
мы приходить-PST-1PL плавать-SUP-EL река-ABL
‘Мы вернулись с купания с реки’
[SAI].

С другой стороны, в некоторых случаях формы существительных как будто бы содержат в своем значении определенный пространственный компонент, указывая одновременно и на саму **ситуацию**, и (метонимически) на **место**, в котором она протекает и которое впоследствии служит исходным пунктом для перемещения некоторых ее бывших участников — ср. пример (13) и сноску 20 к нему. Возможно, это связано с тем, что сами ситуации, обозначаемые подобными существительными, как правило, четко локализованы, они разворачиваются на ограниченном, неизменном и нередко специально для них предназначенном участке пространства (ср. ситуации ‘работа’ ‘концерт’, ‘операция’ и др.).

Выбор формы аблатива или элатива в рассматриваемых контекстах зависит от частеречной принадлежности лексемы, а также, по-видимому, от ее сочетаемостных свойств. Формы супина выступают здесь только с показателем элатива, существительные могут сочетаться с показателями обоих падежей. При этом для части существительных наблюдается варьирование форм аблатива и элатива без видимой семантической разницы между ними, как в случае с существительным *matka* ‘путешествие’ в примере (14) (аналогичную вариативность демонстрирует лексема *retk* ‘поход, прогулка’). Для других существительных допускается употребление только формы аблатива или только формы элатива, ср. примеры (17а–б).

(17а) *loma-lt* <отпуск-ABL> ‘из отпуска’ [п: OAK; ^{OK}: RIK, SPK];
levo-lt <отдых-ABL> ‘с отдыха’ [п: OAK; ^{OK}: RIK, SPK];
kala-lt <рыба-ABL> ‘с рыбалки’ [п: OAK; ^{OK}: SPK, LAJ; $^{???}$: SAI, SMH].

(17б) *t'üö-st* <работа-EL> ‘с работы’ [п: OIR, MKH; ^{OK}: RIK, SPK];
tati-st <гриб-EL> ‘со сбора грибов’ [п: OAK; ^{OK}: SAI, RIK, SPK].
marja-st <ягода-EL> ‘со сбора ягод’ [п: OAK; ^{OK}: SAI];

Серьезных аргументов в пользу типологической самостоятельности значения исходной ситуации (независимости от значения исходного пункта движения) у автора на настоящий момент нет.

Примечание. Близкое значение выражается при глаголе *hülätä* ‘переставать, заканчивать’ — ср. пример (18) (здесь, однако, уже не идет речи о возможных пространственных компонентах значения). Из рассматриваемых в этом разделе форм с показателями «исходных» падежей при глаголе *hülätä* могут употребляться формы супина, а также, по-видимому, отглагольные имена на *-minen*. Существительные могут выступать при этом глаголе только в формах генитива, партитива или номинатива — в функции прямого дополнения.

(18) *mie* ***hül'käs-i-n*** *tüä-n* */ *tüä-st*
я переставать-PST-1SG работа-GEN работа-EL
rāta-misè-st */ rāta-mise-n* */ rāta-mma-st*
работать-NMLZ-EL работать-NMLZ-GEN работать-SUP-EL
‘Я перестал работать’
[OAK].

2.5. Исходный посессор / источник информации

Значения исходного посессора (одушевленного участника ситуации, обладаемое которого переходит к другому участнику) и источника информации (одушевленного участника ситуации, от которого другой участник получает информацию) в говорах Центральной Ингерманландии выражаются формами аблатива, ср. примеры (19)–(22).

Примечание. В рассматриваемых говорах не противопоставляются исходный посессор/источник информации «с **активным** субъектом» и «с **пассивным** субъектом» [Ганенков 2002: 89–94] — в отличие, например, от русского языка. Первая разновидность выступает в ситуациях, где «оппонент» соответствующего участника получает от него некоторую субстанцию или некоторую информацию ценой приложения к этому собственных усилий — ср. рус. *узнал **у** Пети*, *отобрал **у** Пети* и примеры (19), (21). Во втором случае «оппонент» получает ее без таковых усилий — ср. рус. *узнал **от** Пети*, *получил **от** Пети* и примеры (20), (22).

(19) *Pekko repäs'* ***siso-lt*** */ *siso-st lello-n*
Пекко рвать.PST.3SG сестра-ABL сестра-EL игрушка-GEN
‘Пекко вырвал у сестры игрушку’
[AAI, ТОН].

(20) *hiä on iloinen, ko sa-i-Ø*
он(а) быть.3SG счастливый что получить-PST-3SG
kirje-n ***toverì-lt*** */ *toverì-st*
письмо-GEN друг-ABL друг-EL
‘Она счастлива, (потому) что получила письмо от друга’
[ESZ].

(21) *Pekko küsü-i-Ø* ***Arvo-lt*** */*Arvo-st t'ie-tä*
Пекко спрашивать-PST-3SG Арво-ABL Арво-EL дорога-PART
‘Пекко спросил у Арво дорогу’
[ESZ].

(22) *miä kūl-i-n se-n asia-n* ***Peko-lt*** */ *Peko-st*
я слышать-PST-1SG это-GEN дело-GEN Пекко-ABL Пекко-EL
‘Я услышал об этом от Пекко’
[ESZ].

2.6. Экспосессор[21]

Показатель аблатива может также кодировать участника ситуации, обладаемое которого перестает функционировать или вовсе существовать в результате достижения ситуацией предела[22] — ср. примеры (23)–(26). Для обозначения такого участника предлагается термин «экспосессор», от лат. *ex-* (обозначает в т. ч. лишение статуса) и *possessor* ‘владелец, обладатель’.

(23) *josko* ***veljè-l't*** */* OK*veljè-l' pallà talo* ⟨...⟩
если брат-ABL брат-AD гореть.3SG дом
‘Если у брата сгорит дом’, {ему будет негде жить}
[SPK].

(24) *häne-l* */* OK***häne-l't*** *(eilen) taittu jalka*
он(а)-AD он(а)-ABL вчера ломаться.PST.3SG нога
‘Он (вчера) сломал ногу’
[ESZ].

[21] Термин предлагается в рамках этой работы.

[22] Явление упоминается в [Kokko 2007: 126]; близкие употребления форм аблатива в литературном финском языке обсуждаются в [Hakulinen et al. 2004: §995].

(25) *minu-n üstävä-llä-in(i) / [OK]**üstävä-l'tä-in** / [OK]**veiko-lta-in***
я-GEN друг-AD-P1SG друг-ABL-P1SG брат-ABL-P1SG
palo *kot'*
гореть.PST.3SG дом
'У моего друга / брата сгорел дом'
[OAK]; AD [п: SAI]; ABL [п: SAI, AIZ].

(26) *miu-l / [OK]**miu-lt** pilahuis-ì-t* *kaik omena-t*
я-AD я-ABL портиться-PST-3PL весь яблоко-PL
'У меня испортились все яблоки'
[SPK]; ABL [[OK]: ESZ].

Рассматриваемое употребление форм аблатива явным образом связано также с аспектуальной семантикой — с семантикой **комплетивности**. Использование аблативных форм допускается только в контекстах, указывающих на достижение ситуацией своего естественного предела, то есть полной утраты обладаемого (в функциональном или в физическом смысле), ср. примеры (23)–(26) и примеры (27)–(29)[23].

(27) *Arvo-l* */*Arvo-lt*[24] *pallà* *talo*
Арво-AD Арво-ABL гореть.3SG дом
'У Арво горит дом'
[SAI], *Arvolt* [*: AIZ, SPK].

(28) *veljè-l'* */ [???] veljè-l't kauvan palo-i-Ø* *talo*
брат-AD брат-ABL долго гореть-PST-3SG дом
'У брата долго горел дом'
[SPK].

(29) *miu-l / [??] miu-lt pilahù-t* *omena-t*
я-AD я-ABL портиться-3PL яблоко-PL
'У меня портятся яблоки'
[SPK].

[23] В литературном финском языке такой связи не обнаруживается, см. раздел 4.2.

[24] Комментарий информантки: «*Arvolt* можно сказать, только когда 'уже сгорел'».

Примечание. Значение экспосессора является в некотором смысле частным случаем значения малефактива, но первое значительно у́же. Употребление аблативных форм невозможно в контекстах, где участник негативно затронут ситуацией, но речь при этом не идет об утрате обладаемого, ср. пример (30а).

(30а) *Arvo-l / *Arvo-lt mi-tä-liene pahhà tapahtu-i-Ø*
Арво-AD Арво-ABL что-PART-то плохое.PART случаться-PST-3SG
‘У Арво случилось что-то плохое’
[ESZ]; AD [п: RIK, OAK]; ABL [*: RIK, OAK].

(30б) *Arvo-l / ???Arvo-lt tapahtu-i-Ø hüvä assia*
Арво-AD Арво-ABL случаться-PST-3SG хороший дело
‘У Арво случилось что-то хорошее’
[ESZ].

Использование форм аблатива в контекстах с утратой обладаемого факультативно — на их месте обычно могут выступать формы **адессива**. Последние выражают, по-видимому, более общее значение — участника, непосредственно затронутого ситуацией тем или иным образом, ср. примеры (23)–(30а–б). Мы также можем видеть, что адессивные формы, в отличие от рассмотренных выше аблативных, не маркированы в отношении аспектуальности — они могут выступать как в комплетивных (примеры (23)–(26)), так и в некомплетивных (примеры (27)–(29)) контекстах с утратой.

Примечание. Согласно [Kokko 2007: 125–126], исходной с диахронической точки зрения стратегией для этих контекстов следует считать как раз конструкцию с аблативом. Наблюдаемое же употребление в них адессивных форм является следствием расширения употребления посессивной адессивной конструкции (AD + *olla* ‘быть’ + NOM/PART) на отдельные контексты аллатива и аблатива. Это происходит во многих прибалтийско-финских языках — по-видимому, вследствие большей частотности форм адессива. Также можно предположить влияние русского языка — в частности, омонимии русских предложных конструкций *у* + Р.п. со значением посессора (ср. *у Пети есть яблоко*) и *у* + Р.п. со значением исходного посессора с «активным субъектом» (ср. *отберу-ка я яблоко у Пети*).

В литературном финском языке рассматриваемое значение может выражаться формами аблатива, но не адессива (см. 4.2). В контекстах же наподобие представленных в (30а) и (30б) невозможно употребление форм обоих падежей.

По-видимому, значение экспосессора может претендовать на статус типологически самостоятельного — его можно отграничить от смежных значений по критерию остаточной выделимости. Так, в рассматриваемых говорах в одном показателе (показателе аблатива) совмещаются значения экспосессора, исходного посессора и исходного пункта движения (другие, нерелевантные для обсуждения значения мы здесь опускаем). При этом в английском языке в одном показателе (предлог *from* ‘от’) совмещаются значения исходного посессора (ср. *I have received a letter from my friend*) и исходного пункта движения (ср. *I have come back from Africa*), но не экспосессора (ср. *The house has burnt down *from me*).

2.7. Нежелательный участник ситуации[25] *(при глаголах «избегания»)*

При глаголах *peittȁ* ‘прятать’, *peitissä* ‘прятаться’, *puolustà* ‘защищать’, *pelastà* ‘спасать’ (а также в некоторых других контекстах) формы аблатива и элатива выражают значение нежелательного участника ситуации (примеры (31)–(34)). Это факультативный участник, присутствие которого в ситуации и/или возможное воздействие которого на ее наиболее пациентивного участника[26] «нежелательно» для наиболее агентивного ее участника (что проявляется в состоянии или действиях последнего).

(31) *miä peittis-i-n* ***vanha-lt*** ***äijä-l't***
я прятаться-PST-1SG старый-ABL дедушка-ABL
/ OK ***vanha-st äijä̮-st***
старый-EL дедушка-EL
‘Я спрятался от старого дедушки’
[VAH].

(32) *müö peit't'-i-mmä* *tämä-n* *as's'a-n* ***äit'i̮-st***
мы прятать-PST-1PL этот-GEN дело-GEN мать-EL
{Брат разбил стакан}. ‘Мы скрыли это от мамы’
[ESZ].

[25] Значение рассматривается в [Ганенков 2002: 86–89].

[26] По сути дела, это самостоятельная ситуация; ср. также значение нежелательной ситуации, описываемое в разделе 3.14.

(33) *koira puolustà lampa-i-ta* ***suv-i-lt*** */ [OK]**suv-i-st***
собака защищать.3SG овца-PL-PART волк-PL-ABL волк-PL-EL
‘Собака защищает овец от волков’
[OAK].

(34) *mie pelast-i-n Peko-n* ***varkà-lt*** */ [?]varkà-st*
я спасать-PST-1SG Пекко-GEN вор-ABL вор-EL
‘Я спас Пекко от вора’
[SAI].

Употребление форм аблатива и элатива в этом значении демонстрирует неясное распределение. С одной стороны, управление указанных глаголов часто различается в рамках конкретного идиолекта[27]. С одними глаголами допускается использование только аблативной, с другими — только элативной формы, с третьими — обеих форм. С другой стороны, конфигурации моделей управления всех четырех глаголов сильно различаются и от информанта к информанту. Можно было бы предположить, что это обусловлено диалектными различиями. Тем не менее, анализ материала, собранного у двенадцати информантов (у восьми из них было получено управление всех четырех глаголов), не обнаружил корреляции между выявленной конфигурацией моделей управления и говором информанта.

2.8. Нежелательная ситуация (при глаголах «избегания»)

Формы аблатива и элатива от существительных, обозначающих ситуации, а также элативные формы супина выражают при некоторых глаголах значение нежелательной ситуации. Значение будет подробно рассмотрено в разделе об элативе, см. 3.14.

2.9. Описываемый параметр[28]

Прежде всего сделаем пояснение относительно того, какое именно значение автор вкладывает в понятие «параметр».

[27] Следует отметить, что в некоторых других языках нежелательный участник ситуации при разных глаголах также кодируется **разными показателями** (по-видимому, в ситуациях ‘прятать’, ‘прятаться’, ‘защищать’ и ‘спасать’ свойства этого участника действительно не вполне идентичны, что может проявляться в различном его оформлении) [Ганенков 2002: 86–89].

[28] Термин предлагается в рамках этой работы.

Примечание. В семантике конкретного языка можно выделить определенные множества противопоставленных друг другу свойств.

Множества, которые можно назвать «градуальными», представлены различными степенями интенсивности одного и того же качественного признака. Так, на материале русского языка можно выделить, например, «степени тяжести» {‘легкий’, ‘тяжелый’, …}, «возрасты» {‘молодой’, ‘старый’, …}, «степени величины» {‘маленький’, ‘большой’, …}[29] и т.д.

«Неградуальные» множества представлены свойствами, которые не имеют такого общего признака, степенями интенсивности которого они бы выступали. Элементы таких множеств, однако, объединяет то, что все они характеризуют один и тот же аспект своего потенциального носителя, причем каждый элемент описывает этот аспект во всем его объеме. К примеру, на материале русского языка можно было бы выделить «разновидности вкуса» {‘сладкий’, ‘терпкий’, …}, «цвета́» {‘желтый’, ‘сиреневый’, …}, «материалы» {‘железный’, ‘деревянный’, …} и т.д. При этом неградуальные множества свойств могут содержать в себе градуальные множества в качестве подмножеств. Например, «разновидности вкуса» будут включать в себя также и все степени интенсивности вовлеченных качественных признаков — ‘несладкий’, ‘менее терпкий’ и т.д. Тем не менее, язык, по-видимому, может трактовать эти разноуровневые (с точки зрения логики) объединения как аналогичные друг другу.

Так, для множеств обоих типов, как правило, существуют отдельные лексемы — параметрические имена, выражающие «основание» множества. В случае градуального множества — это тот качественный признак, степенями интенсивности которого выступают свойства-элементы, ср. ‘вес’, ‘возраст’, ‘размер’. В случае неградуального множества — это аспект потенциального носителя свойств-элементов, характеризуемый во всем своем объеме каждым из этих свойств, ср. ‘вкус’, ‘цвет’, ‘форма’. Например, вкус некоторого яблока может быть охарак-

[29] Кроме свойств, выступающих денотатами отдельных лексем языка, к такому множеству, по-видимому, следует относить и бесконечное разнообразие свойств, референция к которым формируется в конкретных высказываниях. Речь идет, в частности, об оборотах с формами степеней сравнения прилагательных (ср. *...больше, чем X*; *самый большой (из X))* и о (других) синтаксических единицах, более крупных, чем словоформа (ср. *очень большой*; *большой, как дом)*. Эти свойства, несмотря на бóльшую «оттеночность», также укладываются в континуум [‘самый маленький’, ‘самый большой’].

теризован как ‘сладкий’ или ‘кислый’, цвет яблока — как ‘зеленый’ или ‘красный’, форма яблока — при помощи свойства ‘круглый’.

Эти два типа значений, интуитивно ощущаемые как близкие[30], можно объединить в общем понятии «**параметр**».

В рассматриваемых говорах формы аблатива могут употребляться для эксплицитного выражения того параметра, «в отношении которого» одному из участников приписывается некое свойство (выраженное, как правило, прилагательным) — ср. примеры (35)–(38)[31].

(35) *tämä talo on (*[OK]***sūruve-lt(a)*** */ *sūruve-sta) pien'*
этот дом быть.3SG размер-ABL размер-EL маленький
‘Этот дом по размеру маленький’
[SAI].

(36) *miä ole-n korki(j)a-mp* ***kasvo-lta-in*** */ *kasvo-sta-in*
я быть-1SG высокий-COMP рост-ABL-P1SG рост-EL-P1SG
ko veikko-in
что брат-P1SG
‘Я выше ростом, чем мой брат’
[OAK].

(37) *tämä kala on līǰan suola(i)nen* ***mau-ltàn***
этот рыба быть.3SG слишком соленый вкус-ABL.P3
*/ *mau-stàn*
вкус-EL.P3
‘Эта рыба слишком соленая на вкус’
[SPK]; ABL [[OK]: RIK]; EL [п: МКН][32].

[30] Можно рассматривать качественный признак, выступающий основанием градуального множества, вне отрыва от его потенциального носителя. Тогда этот признак также можно трактовать как аспект последнего, характеризуемый элементами-свойствами. Например, «степень тяжести» некоторого камня может быть охарактеризована как высокая (‘тяжелый’), низкая (‘легкий’) и т.д.

[31] Аналогичные употребления форм аблатива в литературном финском языке рассматриваются в [Hakulinen et al. 2004: §1244].

[32] Следует отметить, что в единичных случаях информанты допускали или даже порождали в подобных контекстах не аблативные, а **элативные** формы — тем не менее, в целом последние обычно признавались неправильными.

(38) ***väri-l'tän*** */ ?? väri-stän tämä on ruohonpäinen*
цвет-ABL.P3 цвет-EL.P3 этот быть.3SG зеленый
sūruve-ltàn */ ?? sūruve-stàn tämä on pien'*
величина-ABL.P3 размер-EL.P3 этот быть.3SG маленький
{Человек описывает предмет}. ‘По цвету это зеленое. По величине это небольшое’
[SPK].

Примечание. Подобное употребление форм аблатива возможно и в случаях, когда описывающее параметр свойство передается не прилагательным. Ср. аналогичное выражение параметров при помощи **существительных**: имен собственных в примере (39) и имен нарицательных в примере (40)[33].

(39) *minu-l tul-i-Ø nuor mies' **nime-l'tä***
я-AD приходить-PST-3SG молодой мужчина имя-ABL
/ ??? nime-stä Pekko
имя-EL Пекко
‘Ко мне приходил юноша по имени Пекко’
[VAH].

(40) ***ammati-lta-in*** */ ?? ammati-sta-in miä ole-n opettaja*
профессия-ABL-P1SG профессия-EL-P1SG я быть-1SG учитель
‘По профессии я учитель’
[SPK].

По-видимому, значение может претендовать на статус типологически самостоятельного. Ср. выражение аналогичных смыслов в русском языке предложной конструкцией *по* + Д.п., не имеющей другой общей семантики с граммемой аблатива в рассматриваемых говорах (критерий перекрытия).

2.10. Выявляемое свойство[34] *(при глаголах впечатления)*

Аблативные формы **прилагательных** могут употребляться при глаголах *kūlù* ‘слышаться, казаться (на слух)’, *haissa* ‘пахнуть’,

[33] Имя собственное само по себе является в некотором роде самостоятельным свойством. Денотат же нарицательного существительного в таком окружении выступает эталонным носителем определенных свойств, которые приписываются другому участнику.

[34] Термин предлагается в рамках этой работы.

maistū ‘казаться (на вкус)’, *näüttȁ* ‘казаться, выглядеть’ и *tuntù* ‘чувствоваться, казаться’. В этом случае прилагательные обозначают свойство стимула, которое выявляется в процессе восприятия этого стимула экспериенцером — ср. примеры (41)–(43), (122)[35].

(41) *tüttö näüttȁ / OK tuntù (minu-st)*
девушка казаться.3SG казаться.3SG я-EL
*iloise-n / OK **iloise-lt***
счастливый-ESS счастливый-ABL
‘Девушка кажется (мне) счастливой’
[VAH; п: МКН]; ABL [??: ESZ].

(42) *hüö näüttȁ-t iloisè-n / **iloisè-lt***
они казаться-3PL счастливый-ESS счастливый-ABL
*/ OK ilois-ì-n / OK **ilois-ì-lt***
счастливый-PL-ESS счастливый-PL-ABL
‘Они выглядят счастливыми’
[МКН].

(43) *niä kukkase-t hüvin / OK **hüv-i-l't** haisò-t*
этот.PL цветок-PL хорошо хороший-PL-ABL пахнуть-3PL
‘Эти цветы хорошо пахнут’
[VAH].

В этих контекстах возможно также использование форм эссива, ср. примеры выше. Отметим, что формы эссива **более** употребительны, чем формы аблатива.

Примечание. Возможно, появление эссивных форм в подобных контекстах является результатом калькирования форм творительного падежа в русских стимулах (в литературном финском языке такое употребление форм эссива невозможно, см. раздел 4.2). Тем не менее, использование эссива может быть объяснено и внутриязыковым семантическим переходом. Эссивные формы в исследуемых говорах (а также в литературном финском языке) могут выражать депиктивный вторичный предикат, (ср. пример (44); формы аблатива в таких контекстах, напротив, невозможны). Мы можем предположить переход от депиктивных употреблений к другим вторично-предикативным.

[35] Аналогичные употребления форм аблатива в литературном финском языке рассматриваются в [Hakulinen et al. 2004: §488].

(44) *miä sö-i-n tämä-n omena-n* ***ruakà-n***
я есть-PST-1SG этот-GEN яблоко-GEN незрелый-ESS
‘Я съел это яблоко незрелым’
[MKH; п: LIR, OAK].

В значении выявляемого свойства были также зафиксированы отдельные случаи употребления номинатива и адессива/аллатива[36], ср. примеры (45), (46).

(45) *he-i-n ǟne-t kūlù-t* ***iloise-t*** */ iloise-n*
они-PL-GEN голос-PL звучать-3PL веселый-PL веселый-ESS
‘Их голоса звучат счастливо’
[ESZ; п: OAK]; SG:NOM [п: ESZ; OK: OAK]; SG:ESS [п: OAK]; PL:ESS [п: MKH, OAK]; SG:ABL [п: MKH].

(46) *miu-l näuttȁ* ***tuttava-l*** *häne-n iän′*
я-ALL казаться.3SG знакомый-AD/ALL он(а)-GEN голос
‘Мне кажется знакомым ее голос’
[HIV; п: ESZ; OK: ESZ; ??: OAK].

Примечание. Интересно отметить наблюдаемую факультативность согласования с множественным числом подлежащего — ср., в частности, пример (42) и варианты в примере (45).

Значение выявляемого свойства, по-видимому, может претендовать на статус «грамматического атома». Ср. выражение аналогичного значения в русском языке показателем творитель-

[36] Основные алломорфы показателей адессива и аллатива имеют совпадающий план выражения *-l/-l′*, несовпадающие же алломорфы («нередуцированные» *-lla/-l'l'ä* и *-lle* соответственно) выступают только перед притяжательными суффиксами. Так как в указанном контексте использование притяжательных показателей невозможно, нельзя определить и падеж зафиксированных форм. При этом не исключено, что носители все же ассоциируют их с конкретным падежом через смежные значения и/или через аналогичные русские конструкции. Так, в редких случаях, когда информанты употребляли «полные» алломорфы, это были показатели адессива, что можно объяснить эквивалентностью последнего русскому творительному падежу в значении инструмента. Следует отметить, что в литературном финском языке в аналогичных контекстах возможно употребление форм аблатива и аллатива, но не адессива [Karlsson 1999: 120] (см. также раздел 4.2).

ного падежа, не имеющим другой общей семантики с показателем аблатива в рассматриваемых говорах[37].

2.11. Временны́е значения

Формы аблатива, по-видимому, не используются для выражения семантики **времени**.

В ходе исследования было изучено выражение в говорах Центральной Ингерманландии временных значений, передаваемых аблативными формами в литературном финском языке[38]. Так, временна́я локализация[39] в часах в исследуемых говорах выражается формами номинатива, а формы аблатива не допускаются, ср. пример (5). То же касается и значения «времени создания» при существительных. Это значение может передаваться существительными в форме генитива и согласующимися по падежу с вершиной прилагательными, но не формами аблатива, ср. (47), (48).

Рассматривались и временны́е значения, которые могут передаваться показателями с семантикой элатива$_O$ в других языках[40]. Значение предшествующего временно́го интервала[41] передается послеложными конструкциями (в частности GEN + *peräst* ‘после’, ср. пример (49)). Значение начала временно́го отрезка или луча выражается формами элатива — см. раздел 3.5.

(47) *hiä tullò vī(j)e-n tunni-n avtobusi-st*
он(а) приходить.3SG пять-GEN час-GEN автобус-EL
‘Он придет с пятичасового автобуса’
[AAI, TOH; ^{OK}: SAI].

[37] Кроме, по-видимому, одного случая — в русском языке творительный падеж может также выражать и значение описываемого параметра (рассмотренное выше, см. раздел 2.9), ср. *выше* ***ростом***. Тем не менее, эти два значения можно разграничить при помощи других параллелей — в частности с русской предложной конструкцией *по* + Д.п., выражающей значение описываемого параметра, но не выражающей значение выявляемого свойства.

[38] Согласно [Haspelmath 1997: 109, 154; Karlsson 1999: 118; Елисеев 1995: 630; Hakulinen et al. 2004: §1249].

[39] «Simultaneous location» у Мартина Хаспельмата [Haspelmath 1997: 29]. Значение выделено в качестве «грамматического атома» в [Ганенков 2002: 19–20].

[40] По работе [Ганенков 2002: 82–85].

[41] Значение выделено в качестве «грамматического атома» в работе [Ганенков 2002: 20–21].

(48) *tämä kaset't'i on muantainen*
этот газета быть.3SG понедельничный
*/ *muantakì-lt / *muantakì-st*
понедельник-ABL понедельник-EL
‘Это газета за понедельник’
[ESZ].

(49) *veikko tullò kahe-n päivä-n peräst*
брат приходить.3SG два-GEN день-GEN после
*/ *kahe-st päivä̀-st / *kahe-lt päivä̀-l't*
два-EL день-EL два-ABL день-ABL
‘Брат приедет через два дня’
[SAI].

Единственный зафиксированный случай использования формы аблатива применительно ко времени — в составе выражения ***päivä päivä̀l't*** ‘день за днем, день ото дня’. Однако здесь она выражает скорее общее значение чередования — ср. аналогичное употребление лексем, лишенных временно́й семантики, в примере (50).

(50) *laps harpos harpoksè-lta tutustù muailmà*
ребенок шаг шаг-ABL знакомиться.3SG мир.ILL
‘Ребенок шаг за шагом знакомится с миром’
[SAI].

3. Элатив

Показатель элатива — суффикс *-st*. Как и в случае аблатива, в позиции перед притяжательным суффиксом выступают нередуцированные алломорфы *-sta/-stä*.

3.1. Ин-элатив$_{О}$ / Ад-элатив$_{О}$

Основной пространственное значение, которое выражается формами элатива, — исходный пункт движения **из внутреннего пространства** ориентира (ИН-элатив$_{О}$) [42], ср. примеры (51), (52).

[42] В литературном финском отмечены также не элативные$_{О}$, а скорее **пролативные** употребления форм элатива (указывающие на движение **мимо** или **через** ориентир), ср. *Auto ei mahtunut **portista*** ‘Машина не проходила **в ворота**’ и др. [Hakulinen 1961: 334–335]. В рамках настоящего исследовании такие употребления не изучались.

(51) *miä tul-i-n* ***komnatà-st***
я приходить-PST-1SG комната-EL
‘Я вышел из комнаты’
[SAI; [OK]: LIR].

(52) *lā̈käri-t ot't'-ì-t* ***sotilaise-st*** *luaji-t ja*
врач-PL брать-PST-3PL солдат-EL пуля-PL и
anto-i-t häne-l' elämä-n
дать-PST-3PL он(а)-ALL жизнь-GEN
‘Врачи вытащили из солдата пули и спасли ему жизнь’
[OAK].

Формы элатива также могут выражать исходный пункт при движении **с поверхности** ориентира (АД-элатив$_{O}$). В этом значении они в большинстве контекстов взаимозаменяемы с аблативными формами. Формы элатива при этом обычно указывают на **более тесный контакт с поверхностью**[43] (ср., в частности, примеры (1) и (53)–(54)).

(53) *miä repäs-i-n kopeka-n* ***silla-st*** */* [OK]***silla-lt***
я рвать-PST-1SG копейка-GEN пол-EL пол-ABL
{Кто-то приклеил к полу монетку}. ‘Я оторвал монетку от пола’
[OAK].

(54) ***veiko-st*** */* ***veikò-lt*** *(kovast) ves' juoksò / virtajà*
брат-EL брат-ABL сильно вода бежать.3SG течь.3SG
{Брат промок под дождем}. ‘С брата вода течет (ручьем)’
[SAI].

На семантику тесного контакта с поверхностью указывает также предпочтительность форм элатива при указании на очищаемый предмет при глаголах *kuapì*, *kuaputtà* ‘скрести, скоблить’, *pṻhkì* ‘вытирать’, *pessä* ‘мыть’, ср. пример (55). (Впрочем, формы аблатива здесь также возможны). Ср. также «обратное» значение удаляемой субстанции, которое выражается исключительно элативными формами (раздел 3.12).

[43] Подобное семантическое приращение в случае форм элатива (и «внутренне-местных» падежей вообще) зафиксировано и в литературном финском языке [Hakulinen 1961: 334; Hakulinen et al. 2004: §1241].

(55) *miä kāv-i-n kraska-n **seinä-st** / ʔseinä-l't*
я скрести-PST-1SG краска-GEN стена-EL стена-ABL
‘Я соскреб краску со стены’
[OAK]; EL [п: МКН]; ABL [??: МКН].

Для некоторых конкретных существительных форма элатива (и вообще формы «внутренне-местных» падежей) оказывается предпочтительной или единственно допустимой при передаче значения АД-элатива$_{о}$, ср. примеры (56), (57).

(56) *miä ot'-i-n hatu-n **piä-st** / *piä-l't (pois)*
я брать-PST-1SG шляпа-GEN голова-EL голова-ABL прочь
‘Я снял с головы шляпу’
[SAI].

(57) *mie ot'-i-n paperi-n **vè-st** / ?? vè-l't*
я брать-PST-1SG бумага-GEN вода-EL вода-ABL
{Бумажка плавает на поверхности воды}. ‘Я взял бумажку с [поверхности] воды’[44]
[OAK].

Возможно, предпочтительность элатива в таких контекстах также связана с характером контакта с поверхностью. Обычные референты лексем *piä* ‘голова’ и *ves'* ‘вода’, как правило, участвуют в таких ситуациях, где другие предметы контактируют с ними **тесным образом**.

Примечание. Формы элатива (и «исходных» падежей вообще) могут использоваться при глаголах чувственного восприятия для передачи местонахождения экспериенцера (см. (58) и примечание в конце раздела 2.1).

(58) *miu-l kaik näkkŭ **ikkuna-st** (ulo-s)*
я-ALL все виднеться.3SG окно-EL улица-IN
‘Мне все видно из окна (на улице)’
[LAS].

3.2. Ин-эссив$_{о}$ / Ад-эссив$_{о}$ (при глаголах löütä̀ ‘находить’, etsì ‘искать’)

Глаголы *löütä̀* и *etsì* (а также, возможно, ряд других) в исследуемых говорах могут принимать зависимые именные группы

[44] Ин-элативное$_{о}$ прочтение также возможно (но не является единственным): ‘Я поднял бумажку из воды’.

в формах «исходных» падежей. При этом значения, выражаемые такими формами при этих глаголах, не содержат, судя по всему, компонента ‘движение от ориентира’. Очевидно, эти формы следует трактовать как выражающие эссив$_{O}$ (в случае форм элатива — ИН-эссив$_{O}$ и АД-эссив$_{O}$) — возможно, с определенным семантическим приращением. (См. пояснения к разделу 2.2, где были рассмотрены аналогичные употребления форм аблатива).

(59) *miä löüs-i-n* *porkkana-n* ***merssì-st***
я находить-PST-1SG морковь-GEN корзина-EL
‘Я нашел в корзине морковку’
[OIR].

(60) *miä löüs-i-n* *seinä̀-s* / ***seinä̀-st***
я находить-PST-1SG стена-IN стена-EL
/ OK***seinä̀-l't*** / ****seinä̀-l' reijä-n***
стена-ABL стена-AD дырка-GEN
‘Я нашел в стене дырку’
[SPK, RIK].

(61) *mie löüs-i-n* *rupla-n* ***mua-st*** / ****mua-lt***
я находить-PST-1SG рубль-GEN земля-EL земля-ABL
‘Я нашел на земле рубль’
[OIR].

(62) *mie etsi-n* *tatti-loi-Ø* ***metsä̀-st***
я искать-1SG гриб-PL-PART лес-EL
‘Я ищу грибы в лесу’
[OIR].

3.3. Точка отсчета в пространстве

Элативные формы, как и формы аблатива, могут выражать значение точки отсчета в пространстве. Значение было подробно рассмотрено в разделе об аблативе, см. раздел 2.3.

3.3.1. Одушевленная точка отсчета в пространстве. Одушевленные существительные и личные местоимения, употребляющиеся в значении точки отсчета в пространстве, оформляются показателем **элатива**[45], ср. примеры (63)–(65).

[45] Для существительных — но не для местоимений — некоторые информанты в единичных случаях допускали в качестве варианта форму

(63) *Pekko istù ettàl' / likel' **Arvò-st** / *Arvò-lt*
Пекко сидеть.3SG далеко близко Арво-EL Арво-ABL
*/ **siu-st** / *siu-lt / **me-i-st** / *me-i-l't*
ты-EL ты-ABL мы-PL-EL мы-PL-ABL
‘Пекко сидит далеко / недалеко от Арво / от тебя / от нас’
[SPK, RIK].

(64) *Pekko istù kaks metrà **Arvo-st** / [OK]Arvo-lt*
Пекко сидеть.3SG два метр.PART Арво-EL Арво-ABL
‘Пекко сидит в двух метрах от Арво’
[OAK].

(65) *Pekko ellå kaks harpos-ta **isä-st** / *isä-l't*
Пекко жить.3SG два шаг-PART отец-EL отец-ABL
*/ **miu-st** / *miu-lt*
я-EL я-ABL
‘Пекко живет в двух шагах от отца / от меня’
[SPK, RIK].

Интересно отметить, что другие значения, тесно связанные с одушевленностью (значение одушевленного АПУД-элатива$_{O}$ с импликацией пребывания в месте его обычного нахождения (раздел 2.1.1), значения посессора (примеры (6), (8)) и исходного посессора (раздел 2.5)) выражаются в исследуемых говорах исключительно **аблативными** формами. Значение же одушевленной точки отсчета в пространстве, напротив, передается исключительно формами элатива.

3.4. Нижняя граница диапазона[46]

Показатель элатива выражает значение, близкое к значению точки отсчета в пространстве, но не связанное напрямую с пространственными отношениями. Это значение нижней границы диапазона — первой из двух границ, описывающих разброс значений какого-либо признака (примеры (66)–(68)). Верхняя граница в таких контекстах выражается формой иллатива (возможна также послеложная конструкция ILL + *ast* ‘до; от’, ср. пример (68)).

аблатива (ср. пример (64)), однако корректность таких примеров можно поставить под сомнение.

[46] Термин предлагается в рамках этой работы.

(66) *kissa to-i-Ø* ***kolme-st*** *vītè penikkà*
кошка приносить-PST-3SG три-EL пять.ILL котенок.PART
‘Кошка приносила от трех до пяти котят’
[OAK].

(67) *pühi-l' tul-i-vat kaik*, ***laps-ì-st*** *vanhuks-ì-hen*
праздник приходить-PST-3PL все ребенок-PL-EL старик-PL-ILL
‘На праздник пришли все, от детей до стариков’
[OAK; ?: SAI].

(68) *omena-t maksà-t* ***kümmenä̀-st*** */ *kümmenä̀-l't*
картошка-PL стоить-3PL десять-EL десять-ABL
kahtè kümmenä̀ ruplà (ast)
два.ILL десять.ILL рубль.ILL до
‘Картошка сто́ит от десяти до двадцати рублей’
[SAI].

Автор счел полезным описать подобные употребления в качестве отдельного пункта по причине их семантического своеобразия. Аргументами в пользу типологической обособленности рассмотренного значения от значения исходного пункта движения и точки отсчета в пространстве автор на настоящий момент не располагает.

3.5. Начало временно́го отрезка/луча[47]

Было засвидетельствовано лишь одно временно́е значение, выражаемое элативными формами. Это значение начала временно́го отрезка/луча — то есть лежащей на временно́й оси точки (или отрезка, осмысляемого как точка), от которой берет начало ситуация, выраженная предикатом — ср. примеры (69)–(71). Показатель элатива используется, по-видимому, для любых классов временны́х отрезков (из выделяемых в [Ганенков 2002: 19; Haspelmath 1997]: «часы», «время суток», «дни», «дни недели», «месяцы», «времена года», «годы»).

[47] Второе значение отличается от первого имплицитным указанием на неизвестность конечной точки. В некоторых языках два значения могут оформляться разными показателями [Ганенков 2002: 82–84].

(69) *sinnù isä (v)uattà* ***üheksä-st (tunni-st)*** */* ***āmu-st***
ты.PART отец ждать.3SG девять-EL час-EL утро-EL
‘Тебя отец ждет с девяти (часов) / с утра’
[AAI, TOH].

(70) *isä tüättà* ***setembri-kū-st*** [sic!] *maiju-kū-hun ast*
отец работать.3SG сентябрь-месяц-EL май-месяц-ILL до
/ ***süksü-st*** *kevvä-hen (ast) / kaks tuhat-ta* ***ensimäise-st***
осень-EL весна-ILL до два тысяча-PART первый-EL
kaks tuhat-ta kolmantè vuate-hen ast
два тысяча-PART третий.ILL год-ILL до
‘Отец работает с сентября по май / с осени по весну / с 2001 по 2003 год’
[AAI, TOH].

(71) ***eilisè-st*** ***päivä̀-st*** *miu-l kovast kivistä̀ piä-tä*
вчерашний-EL день-EL я-AD сильно болеть.3SG голова-PART
‘Со вчерашнего дня у меня сильно болит голова’
[HIV].

Форма элатива может сопровождаться послелогом *ast* ‘до; от’ — как в значении начала временно́го отрезка, так и в значении начала временно́го луча, ср. примеры (72), (73).

(72) *miä elä-n t'iäl'* ***sū̄s-kū-st(a)*** *(ast)*
я жить-1SG здесь осень-месяц-EL от
/ vīme ***vūvè-st*** *ast /* ***muantakì-st*** *(ast)*
прошлый год-EL от понедельник-EL от
‘Я живу здесь с сентября / с прошлого года / с понедельника’
[SAI; OK: SMH].

(73) *miä ruava-n t'iäl'* ***muantakì-st*** *torstakkì (ast)*
я работать-1SG здесь понедельник-EL четверг.ILL до
/ ***muantakì-st*** *ast torstakkì ast*
понедельник-EL от четверг.ILL до
/ OK***muantaki-st*** *ast torstakkì*
понедельник-EL от четверг.ILL
‘Я работаю здесь с понедельника по четверг’
[SAI; OK: SMH].

3.6. Электив[48]

Формами элатива множественного числа выражается значение электива — множества однородных элементов, из которого выделяется часть, ср. примеры (74), (75).

(74) *üks* ***nä-i-st*** ***laps-ì-st***
один этот-PL-EL ребенок-PL-EL
‘Один из этих детей’
[ESZ]; ABL [*: ESZ].

(75) *hiä* *ol′* ***rikka-i-st*** ***ihmis-ì-st***
он(а) быть.PST.3SG богатый-PL-EL человек-PL-EL
‘Он был из богатых людей’
[RIK].

Также к элективу, по-видимому, следует отнести употребления форм элатива множественного числа при суперлативных конструкциях[49] — ср. пример (76).

(76) *tämä koira on kaik-i-n sūre-mp* ***koir-ì-st***
этот собака быть.3SG все-PL-GEN большой-COMP собака-PL-EL
‘Эта собака — самая большая из собак’
[MKH].

3.7. Источник превращения/исходное свойство[50]

Формы элатива существительных и местоимений употребляются для выражения источника превращения — участника X, замещающегося в выражаемой предикатом ситуации неким

[48] Значение выделено в качестве «грамматического атома» в [Ганенков 2002: 105–106].

[49] Из значений степени сравнения прилагательных в рассматриваемых говорах аффиксально выражается только значение сравнительной степени (суффикс *-mp*). Суперлативная семантика передается при помощи многочисленных вариантов конструкций с положительными и сравнительными формами прилагательных и формами лексем *kaik* ‘весь; все; все’ и *toine* ‘другой’. Так, чаще других фиксировались варианты *kaikin* ~ *kaikkein* + COMP (ср.: *kaik-i-n sūre-mp koira* <все-PL-GEN большой-COMP собака> ‘самая большая собака’ [MKH]) и *kaikin* ~ *kaikkein* + POS (ср.: *kaikke-i-n vīsas kissa* <все-PL-GEN умный кот> ‘самый умный кот’ [SAI]).

[50] Оба термина предлагаются в рамках этой работы.

новым участником Y[51]. При этом, в отличие от ситуации изготовления (см. раздел 3.8), в ситуации превращения **нет агентивного участника** (даже при наличии каузатора — ‘Z превращает X в Y’ — его усилия только провоцируют самостоятельное протекание этой ситуации). Кроме того, в отличие от двух участников ситуации изготовления, участники X и Y никак не иерархизированы. В рассматриваемое значение не входит компонент качественного или функционального **превосходства** второго участника по отношению к первому. Участник Y также не обязательно сохраняет в себе какую-то часть X[52]. Ср. примеры (77), (78).

(77) *häne-st* *tullò* *hüvä* *opettaja*
он(а)-EL приходить.3SG хороший учитель
‘Из него выйдет хороший учитель’
[SAI].

(78) *lume-n* *hiutalè-t* *tull-ì-t* *jiä-palas-ì-st*
снег-GEN хлопья-PL приходить-PST-3PL лед-кусок-PL-EL
ves'-tilko-i-ks
вода-капля-PL-TRL
‘Снежинки превратились из льдинок в капли воды’
[SPK, RIK].

Формы элатива **прилагательных** могут выражать значение исходного свойства, аналогичное рассмотренному выше, но подразумевающее замещение не одного участника другим участником, а одного свойства другим свойством — ср. пример (79).

(79) *jänis* *tul'* *harmà-st* *valkijà-ks*
заяц приходить.PST.3SG серый-EL белый-TRL
{Заяц полинял}. ‘Заяц превратился из серого в белого’
[ESZ; п: RIK].

[51] Вне позиций подлежащего/прямого дополнения участник Y (трансформатив, по работе [Ганенков 2002: 57–58]) кодируется показателем **транслатива** — ср. пример (78).

[52] Так, в контексте волшебной сказки можно превратить кого-нибудь из человека в птицу. Однако, например, построить дом из кирпича (ситуация изготовления) таким образом, чтобы ни одного кирпича в нем при этом не было — странно даже для волшебной сказки.

Аргументов в пользу типологического разграничения этих двух значений у автора на настоящий момент не имеется.

Хотя прототипические ситуации превращения и изготовления обладают разными наборами свойств, граница между ними, по-видимому, размыта, ср. промежуточные случаи вроде рус. *сделать из кого-л. посмешище*. В некоторых языках ситуация превращения выражается возвратным дериватом от глагола со значением ‘делать’, ср. рус. *делаться*, исп. *hacerse*, фр. *se faire*.

С другой стороны, значения источника превращения и материала изготовления не всегда выражаются в языках одинаково. Например, в английском языке значение материала изготовления может выражаться предлогами *from* ‘из, от’ и *of* ‘из’ (ср. *a dress made* ***of silk*** */* ***from silk*** ‘платье, сделанное из шелка’), а значение источника превращения — только предлогом *from* (ср. *to turn* ***from liquid*** */ *of liquid into vapor* ‘превращаться из жидкости в пар’).

Тем не менее, для доказательства типологической самостоятельности рассматриваемого значения отделить его от значения материала изготовления недостаточно. Мы должны отграничить его и от других значений, с которыми оно совмещается в показателе элатива, в первую очередь — от значения исходного пункта движения. Однако доводов в пользу такого разграничения найти не удается. Возможно, живой метафорический переход от значения исходного пункта движения к значению источника превращения является универсальным, и второе никогда формально не обособляется от первого.

3.8. Материал изготовления[53]

Показателем элатива кодируется также материал изготовления. Это участник X (вещество или множество однородных предметов, осмысляемые как вещество), который используется агентивным участником с целью создания нового участника Y. При этом Y, во-первых, обычно превосходит X в отношении качества или функции, а во-вторых, Y всегда содержит в себе часть X или весь X[54]. Ср. примеры (80), (81).

[53] Значение выделено в качестве «грамматического атома» в [Гаженков 2002: 106–108].

[54] Ср. определение источника превращения в разделе 3.7.

(80) *äijä tekkȍ **paperì-st** laivo-i-Ø ja*
дедушка делать.3SG бумага-EL корабль-PL-PART и
kukk-ij
цветок-PL.PART
‘Дедушка делает из бумаги кораблики и цветы’
[HIV].

(81) *tämä talo on **kive-st(ä)***
этот дом быть.3SG камень-EL
‘Этот дом — из камня’
[SAI].

3.9. Тема[55]

Элативные формы могут выражать значение темы — участника, **к которому относится** информация, передаваемая, получаемая, обрабатываемая, хранимая другими участниками ситуации — ср. примеры (82), (83). В этом значении формы элатива выступают в основном при глаголах интеллектуальной деятельности, в частности *luatì* ‘разговаривать’, *kir(j)uttà* ‘писать’, *kūlla* ‘слышать’, *tietȁ* ‘знать’, *ajatella* ‘думать’.

(82) *veli ajattellò **äijȁ-st***
брат думать.3SG дедушка-EL
‘Брат думает о дедушке’
[SPK; п: SAI].

(83) *miä kiruta-n **ihmis-ì-st** / *ihmis-ì-l't*
я писать-1SG человек-PL-EL человек-PL-ABL
‘Я пишу о людях’
[ESZ]; *kirutan kirjan* + EL ‘пишу книгу о…’ [п: SAI].

3.10. Причинные значения

В качестве средства передачи причинных значений в рамках простого предложения зафиксированы элативные формы, конкурирующие с послеложными конструкциями (GEN + *tähhè* ~ *tähtè* ‘из-за, от’, GEN + *peräst* ‘из-за, от’ и GEN + *takkè* ~ *täkkè* ‘из-за’). Наиболее универсальная и частотная из этих стратегий — использование послеложной конструкции с *tähhè*. Формы элатива

[55] Значение выделено в качестве «грамматического атома» в [Гаженков 2002: 108–109].

частотны, но выражают более узкий круг значений. Конструкции с *peräst* и *takkè* сравнительно редки[56].

Основное различие в употреблении связано, по-видимому, с тем, что́ именно выражено конкретной формой/конструкцией — сама причинная ситуация[57] или один из ее участников. В последнем случае различие также обусловлено ролью этого участника. Так, элативными формами не может[58] выражаться **агентивный** участник причинной ситуации (ср. примеры (84), (85)). При этом все три указанные послеложные конструкции могут использоваться для выражения этого значения.

(84) *mie käü-n* [sic!] *läsi-mä̀* *sinu-n* *peräst*
я ходить-1SG болеть-SUP ты-GEN из.за
*/ sinu-n täkkè / *sinu-st*[59]
ты-GEN из.за ты-EL
{Ты заставил меня гулять под дождем}. ‘Я заболел из-за тебя’
[TOH, AAI]; GEN + *tähtè* [п: TOH, OAK, SAI]; GEN + *takkè* [п: LIR, RIK]; EL [???: RIK, SAI].

[56] Порождение при переводе стимула конструкции с послелогом *peräst* в причинном значении зафиксировано в материалах автора 7 раз (ср. 20 раз — для конструкции с *tähhè*, 27 раз — для элативных форм). Сама возможность ее использования в причинном значении отрицается некоторыми информантами. Порождение конструкции с *takkè* зафиксировано 9 раз. Отдельные информанты указывали на принадлежность конструкции с *takkè* к литературному языку, а конструкции с *tähhè* — к диалекту [SAI], однако встречались и обратные (!) интерпретации [SPK]. Возможно, колебания предпочтений в использовании разных конструкций связаны с диалектными различиями. Тем не менее, различий, между послеложными конструкциями в плане возможности/невозможности их употребления в тех или иных причинных контекстах, обнаружено не было.

[57] Ситуация, находящаяся в отношениях «причина–следствие» с основной ситуацией (ситуацией, выраженной глаголом-вершиной).

[58] Отдельные информанты допускали такое употребление, однако большинство информантов запрещало.

[59] Для варианта с *sinust* информантка предложила прочтение ‘я заразился от тебя’. Прочтение ‘я заболел из-за тебя’ было оценено как невозможное.

(85) *Peko-n tähest / Peko-n tähtè / [OK]Peko-n peräst*
Пекко-GEN из.за Пекко-GEN из.за Пекко-GEN из.за
*/ *Peko-st keri-tti autobusà-l*
Пекко-EL успевать-IPS.PST автобус-ALL
‘Благодаря Пекко [мы] успели на автобус’
[SAI].

Если выражается **причинная ситуация** (примеры (86)–(88)), формы элатива употребляются наравне с послеложными конструкциями — за исключением одного случая. Если причинная ситуация имеет явно **положительные** последствия (ср. пример (89)), формы элатива не допускаются, тогда как послеложные конструкции возможны.

(86) *ihmine kual' tavvi-n tähhe / [OK]**tavvi-st***
человек умирать.PST.3SG болезнь-GEN из.за болезнь-EL
‘Человек умер от болезни’
[OAK; п: SAI]; ILL [*: SAI].

(87) *miä ole-n vilustu-nnut **sattè-st***
я быть-1SG простужаться-PC_PST дождь-EL
/ sattè-n peräst
дождь-GEN из.за
‘Я простудился из-за дождя’
[SAI].

(88) *isä kuritt-i-Ø poikà **paha-st** **teò-st***
отец наказывать-PST-3SG мальчик.PART плохой-EL дело-EL
/ [OK]paha-n tevo-n takkè
плохой-GEN дело-GEN из.за
‘Отец наказал сына за проступок’
[RIK].

(89) *hüvä-n ilma-n takkè / [??]hüvä-st ilmà-st*
хороший-GEN погода-GEN из.за хороший-EL погода-EL
müö läks-i-mmö kalasta-mmà
мы уходить-PST-1PL рыбачить-SUP.ILL
‘По причине хорошей погоды мы поехали на рыбалку’
[SPK]; EL [*: SAI]; GEN + *peräst* [[OK]: SAI]; GEN + *tähhè* [[OK]: SAI].

Примечание. В стимулах примера (89) предлагалась конструкция с предлогом *благодаря* + Д.п., однако эквивалента с таким же явным значением «благоприятности» причинной ситуации в рассматриваемых говорах, по-видимому, нет.

В случаях, когда выражается **неагентивный участник причинной ситуации** (примеры (90), (91)), употребляются и элативные формы, и послеложные конструкции. В частности, как видно из примера (91), формы элатива и послеложные конструкции могут выражать одушевленного пациентивного участника причинной ситуации в контекстах с семантикой «ме́сти» (в этих контекстах агентивный участник причинной ситуации и пациентивный участник основной ситуации кореферентны — ср. ‘Арво’ в примере (91)).

(90) *miu-l tul′ pare-mp* ***lekarstvu-st***
я-ALL приходить.PST.3SG хороший-COMP лекарство-EL
‘От лекарства мне стало лучше’
[OAK]; EL [п: SPK]; GEN + *takkè* [^{OK}: SPK].

(91) *Pekko lö-i-Ø Arvò* ***veikò-st***
Пекко бить-PST-3SG Арво.PART брат-EL
{Арво обидел брата Пекко}. ‘Пекко побил Арво за брата’
[ESZ]; EL [*: SPK]; GEN + *takkè* [п: SPK].

Примечание. Употребления форм элатива, представленные в примерах (88) и (91) и трактующиеся здесь как причинные, близки также к использованию элативных форм в значении (второстепенного) предмета торгового обмена (см. раздел 3.15).

Других системных различий в употреблении форм элатива и указанных послеложных конструкций установить не удалось.

3.11. Исходная ситуация (при глаголах движения)

Аблативные и элативные формы существительных, обозначающих занятия и различные виды времяпрепровождения, а также элативные формы супина могут выражать при (некоторых) глаголах движения значение исходной ситуации. Значение было подробно рассмотрено в разделе об аблативе, см. раздел 2.4.

3.12. Удаляемая субстанция[60]

Формами элатива может выражаться субстанция, удаляемая с поверхности пациентивного участника ситуации (примеры (92), (93)). Это значение близко к АД-элативу$_{O}$ (ср. «зеркальные» примеры вроде (55)). Однако здесь удаляемая субстанция не является ориентиром движения другого участника — она сама перемещается в противоположном от него направлении или исчезает. В таком значении формы элатива были получены, в частности, при глаголах *lakassa* ‘мести’, *pühkì* ‘вытирать’, *pessä* ‘мыть’, *puhastà* ‘чистить’, *sīvota* ‘убирать(ся)’.

(92) *Pekko lakais silla-n* ***romu-loi-st*** */ *romu-loi-lt*
Пекко подметать.PST.3SG пол-GEN мусор-PL-EL мусор-PL-ABL
‘Пекко подмел мусор с пола [= Пекко подмел пол от мусора]’
[SAI; п: OAK, ESZ].

(93) *minä pes-i-n kǟ(j)e-t* ***lija-st*** */ *lija-lt*
я мыть-PST-1SG рука-PL грязь-EL грязь-ABL
‘Я отмыл руки от грязи’
[ТОН; п: OAK, LAJ].

3.13. Нежелательный участник ситуации (при глаголах «избегания»)

Формы элатива в некоторых контекстах могут выражать значение нежелательного участника ситуации. Значение было подробно рассмотрено в разделе об аблативе, см. 2.7.

3.14. Нежелательная ситуация[61] *(при глаголах «избегания»)*

Формы элатива и аблатива существительных, обозначающих ситуации, а также элативные формы супина выражают при глаголах *piästä̀* ‘выручать’, *pelastà* ‘спасать’, *pelastù* ‘спасаться’ (а также, возможно, некоторых других глаголах с близкой семантикой[62]) значение нежелательной ситуации, ср. примеры (94)–(96).

[60] Термин «удаляемая субстанция» вводится здесь вместо используемого в [Ганенков 2002: 101–102] термина «удаляемый объект», который представляется не слишком удачным.

[61] Термин предлагается в рамках этой работы.

[62] Ср. в литературном финском языке (помимо *pelastaa* ‘спасать’, *pelastua* ‘спасаться’): *vapauttaa* ‘освобождать, избавлять’, *välttää* ‘избе-

Имеется в виду ирреальная ситуация, потенциальное вовлечение в которую наиболее пациентивного участника основной ситуации[63] «нежелательно» для наиболее агентивного участника основной ситуации (что проявляется в состоянии или в действиях последнего).

(94) *Pekko piäst-i-Ø minu-n* ***vahinkò-st*** */ *vahinkò-lt*
Пекко выручать-PST-3SG я-GEN беда-EL беда-ABL
'Пекко выручил меня из беды'
[VAH; п: МКН].

(95) *miä pelast-i-n Peko-n* ***kuolemà-st*** */* OK*kuolemà-lt*
я спасать-PST-1SG Пекко-GEN смерть-EL смерть-ABL
'Я спас Пекко от смерти'
[SAI].

(96) *hiä pelast-i-Ø miu-n* ***hukku-mà-st***
он(а) спасать-PST-3SG я-GEN тонуть-SUP-EL
'Он спас меня, когда я тонула [= от утопления]'.
[SAI].

В подобных контекстах выступают в первую очередь формы элатива; для существительных допускались также формы аблатива (распределение форм специально не изучалось).

Значение нежелательной ситуации выделяется здесь по аналогии со значением нежелательного участника ситуации (см. раздел 2.7; [Ганенков 2002: 86–89]). Доводов в пользу его типологической самостоятельности у автора на настоящий момент не имеется.

Примечание. Близкое значение может выражаться элативными формами супина при глаголах *kiel'tà* 'запрещать', *varoittà* 'предостерегать', *varrò* 'остерегаться', *està* 'не позволять, не давать', ср. примеры (97)–(99). Представляется, что существительные, обозначающие ситуации, при этих глаголах могут использоваться только в форме партитива, генитива или номинатива в позиции прямого дополнения. Помимо падежных форм супина и существительных, при этих глаголах также может употребляться инфинитив.

гать', *selviytyä* 'справляться, отделываться' и др. [Hakulinen et al. 2004: §479].

[63] Ситуация, выраженная глаголом-вершиной.

(97) *isä kiel's′ (*OK*miu-l) tantsì*
отец запрещать.PST.3SG я-ALL танцевать.INF
/ tantsi-mà-st pol'kkà
танцевать-SUP-EL полька.PART
‘Отец запрещал (мне) танцевать польку’
[SAI].

(98) *isä kiel's′ miu-l **leikki-mä-st** / leikkì*
отец запрещать.PST.3SG я-ALL играть-SUP-EL играть.INF
*/ leiki-n / *leiki-st (tois-i-n laps-i-n kans)*
игра-GEN игра-EL другой-PL-GEN ребенок-PL-GEN с
‘Отец запрещал мне играть (с другими детьми)’
[OAK].

(99) *varo **teke-mǟ-st** si-tä*
остерегаться.IMP делать-SUP-EL это-PART
‘Смотри, не делай этого’
[SPK].

3.15. (Второстепенный) предмет торгового обмена[64]

Значение, о котором идет речь, выражается формами элатива при глаголах, обозначающих различные аспекты торговли (ядро группы составляют *ostà* ‘покупать’, *mȳvä* ‘продавать’ и *maksà* ‘платить’).

Ситуации, выражаемые всеми глаголами этой группы, могут быть рассмотрены как имеющие одну базовую структуру S, изображенную на Рисунке 1 и описываемую ниже.

Во-первых, ситуация S — «двуплановая». Она включает в себя две параллельные подситуации, S′ и S″. Подситуации по умолчанию имеют неодинаковую значимость — S′ протекает на переднем плане, в центре внимания, а S″ — на заднем плане, как вторичное действие, естественным образом сопровождающее S′.

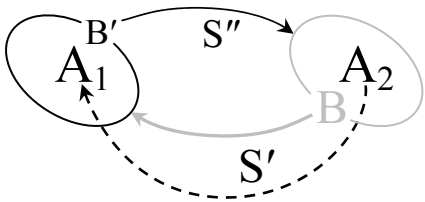
Во-вторых, в ситуации S есть один или два предмета обмена (неагентивных участника, меняющих посессора с одного на другого). Второстепенный предмет обмена **B′** (о нем и будет идти речь в этом разделе) присутствует всегда, его передача осуществляется в подситуации S″. Главный предмет обмена B передается

[64] Термин предлагается как более общий вместо или в дополнение к термину «цена» [Ганенков 2002: 69–70], который учитывает только одну подгруппу релевантных контекстов (см. далее).

в подситуации S′. В ситуациях, выражаемых некоторыми глаголами, предмет обмена B отсутствует; в центре внимания в них происходит не передача субстанции, а оказание услуги, бенефакция[65].

В-третьих, в ситуации S есть два агентивных участника — A_1 и A_2, каждый из которых фигурирует в обеих подситуациях. В центральной подситуации S′ участник A_2 выступает бенефактором (в частном случае — исходным посессором предмета обмена B), а участник A_1 выступает бенефактивом (в частном случае — реципиентом B). Во второстепенной подситуации S″, наоборот, участник A_1 выступает исходным посессором предмета обмена B′, а участник A_2 — реципиентом B′.

Рисунок 1. Абстрактная языковая ситуация, единая для всех глаголов рассматриваемой группы[66]



При этом конкретные глаголы по-разному уточняют **статус** агентивных участников. При одних глаголах подлежащим выражается участник-реципиент главного предмета обмена (участник A_1), и вся ситуация описывается относительно него. Такие глаголы можно условно назвать **«центростремительными»**. Другие глаголы — **«центробежные»** — описывают ситуацию относительно исходного посессора главного предмета обмена (участника A_2), и при них подлежащим выражается этот участник. Примеры глаголов обоих типов будут приведены далее.

[65] Подобные глаголы представлены в примерах (105) и (106), они будут рассмотрены ниже.

[66] Пунктирной стрелкой обозначена бенефакция, сплошными стрелками — смена посессора, окружностями — обладание, серым цветом — факультативные участники и отношения.

Рассмотрим ситуации, обозначаемые конверсивами ‘**покупать**’ *(ostà)* и ‘**продавать**’ *(mȳvä)* (примеры (100), (101)), и формальное выражение этих ситуаций.

ostà **B′**<EL> ◡ **A$_1$**<NOM> **A$_2$**<ABL> ◡ **B**<GEN/PART/NOM[67]>
(ср. рус. *покупает за* **B′**<В.п.> ◡ **A$_1$**<И.п.> *у* **A$_2$** ◡ **B**<В.п.>)

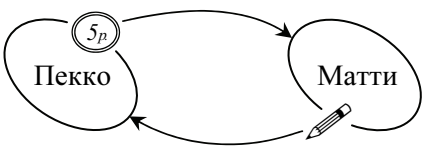
müöp **B′**<EL> ◡ **A$_1$**<ALL> **A$_2$**<NOM> ◡ **B**<GEN/PART/NOM>
(ср. рус. *продает за* **B′**<В.п.> ◡ **A$_1$**<Д.п.> **A$_2$**<И.п.> ◡ **B**<В.п.>)[68]

Представленная в нижеследующих примерах внеязыковая ситуация изображена на Рисунке 2.

(100) *Pekko ost-i-Ø* *Mati-lt* *krandasi-n*
Пекко покупать-PST-3SG Матти-ABL карандаш-GEN
vīje-st *rūplà-st*
пять-EL рубль-EL
‘Пекко купил у Матти карандаш за пять рублей’
[SAI].

(101) *Matti mö-i-Ø* *Peko-l* *krandasi-n*
Матти продавать-PST-3SG Пекко-ALL карандаш-GEN
vījè-st *ruplà-st*
пять-EL рубль-EL
‘Матти продал Пекко карандаш за пять рублей’
[SAI].

Рисунок 2. Объективное представление внеязыковой ситуации, единой для примеров (100)–(102), (103а–б), (104а–б)



[67] Падежи прямого дополнения: генитив, партитив и номинатив.

[68] Глаголы приведены в форме 3 л. ед. ч. непрош. вр.; порядок слов в данном случае не имеет значения. Дуги изображают посессивные связи на момент начала ситуации (предмет обмена B находится во владении у участника A_2, а предмет обмена B′ — во владении у участника A_1).

Как можно заметить, глаголы ‘купить’ и ‘продать’ указывают на одну и ту же внеязыковую ситуацию (см. Рисунок 2), хотя и описывают ее с разных точек зрения. Если бы мы рассматривали только эти два глагола, исследуемое значение можно было бы определить значительно более простым образом — как **деньги**, или **цену**, то есть ту из двух обмениваемых субстанций, которая исчисляется в денежных единицах. Однако для других глаголов, описывающих, по сути, аналогичные ситуации, это определение не может быть применено. Ниже предлагается альтернативная трактовка, подразумевающая более широкое понимание этого значения.

Общую часть семантики глаголов ‘покупать’ и ‘продавать’ имеет смысл описать как ‘производить торговую операцию; в центре внимания — **товар**[69]’. Таким образом, мы можем считать, что в единой для них абстрактной ситуации главным предметом обмена будет являться товар, а второстепенным — деньги. Различие между значениями этих глаголов заключается в «направленности». ‘Купить’ — «центростремителен» и акцентирует внимание на реципиенте главного предмета обмена (‘Пекко’ в примерах (100)–(101)). ‘Продать’ — «центробежен» и сосредотачивает внимание на исходном посессоре главного предмета обмена (‘Матти’ в указанных примерах). Оставшийся участник в обоих случаях кодируется согласно своей роли во второстепенной подситуации S″ (роль исходного посессора → ABL, роль реципиента → ALL).

Теперь обратим внимание на ситуацию, описываемую глаголом ‘**платить**’ *(maksà*[70] + EL)[71] (пример (102)). Мы можем заметить, что этот глагол также полностью удовлетворяет описанной

[69] Товар проще всего определить через противопоставление его деньгам — как субстанцию, обмениваемую на деньги.

[70] Также означает ‘сто́ить’.

[71] «Парным» к этому глаголу мог бы быть «центростремительный» глагол с семантикой, подобной семантике рус. *взимать*, *взыскивать* (ср. *veloittaa* в литературном финском языке), *выручать*. Однако самыми близкими эквивалентами, которые удалось обнаружить автору в рассматриваемых говорах, являются *ottà* ‘брать’ + EL и *suahha* ‘получать’ + EL, семантика которых не ограничивает деньгами класс субстанций, способных выступать главным предметом обмена; ср. примеры (103б), (103в).

в начале раздела структуре. При этом он отличается от ‘продавать’ тем, что при нем участник, оформляемый показателем элатива, — это уже не деньги, а **товар**. Основное значение этого глагола можно сформулировать как ‘производить торговую операцию[72]; в центре внимания — **деньги**’. При этом глагол ‘платить’ также может быть классифицирован по «направленности» — как «центробежный». Таким образом, в ситуации на Рисунке 2 передача пяти рублей становится центральной подситуацией, а передача карандаша — второстепенной подситуацией. Глагол ‘платить’ заставляет нас смотреть на объективную ситуацию на Рисунке 2 как бы «вверх ногами», накладывая на нее ту же абстрактную схему (Рисунок 1), но развернутую под углом в 180°.

maksà **B′**<EL> ‿ **A$_1$**<ALL> **A$_2$**<NOM> ‿ **B**<GEN/PART/NOM>
(ср. рус. *платит за* **B′**<В.п.> ‿ **A$_1$**< Д.п.> **A$_2$**<И.п.> ‿ **B**<В.п./Т.п.>)

(102) *Pekko Mati-l makso **krandasi-st** vīs ruplà*
Пекко Матти-ALL платить.PST.3SG карандаш-EL пять рубль.PART
‘Пекко заплатил Матти пять рублей за карандаш’
[SAI].

Рассмотрим теперь глаголы **‘брать с X-а за Y’** *(ottà* ‘брать’ + EL) и **‘отдавать X-у за Y’** *(antà* ‘давать’ + EL) (примеры (103а)–(104в)). При них участник, оформляемый показателем элатива, может быть и товаром, и деньгами, а может и не быть ни тем, ни другим (ср. примеры (103в), (104в)). Несмотря на это, во всех приведенных примерах данный участник сохраняет некоторые общие черты. В частности, он во всех случаях находится на периферии внимания — референтирующая к нему именная группа часто может быть опущена (чего не происходит с прямым дополнением, референтирующим к главному предмету обмена). Как глагол ‘брать’, так и глагол ‘отдавать’ позволяют нам смотреть на внеязыковую ситуацию на Рисунке 2 и прямо, и «вверх ногами». Отсюда возникает еще четыре разных варианта описания одной и той же внеязыковой ситуации. При этом то, какому из агентивных участников будет присвоен более высокий статус, по-прежнему обусловлено

[72] Впрочем, если ‘покупать’ и ‘продавать’ охватывают выполнение обоих элементов торговой операции, то ‘платить’ и ‘взимать’ — скорее только передачу денег.

направленностью глагола (‘брать’ — «центростремителен», ‘отдавать’ — «центробежен»).

(103а) *Matti ot't'-i-Ø Peko-lt vīs ruplà **krandasì-st***
Матти брать-PST-3SG Пекко-ABL пять рубль.PART карандаш-EL
‘Матти взял с Пекко пять рублей за карандаш’
[SAI; п: ОАК; ^{ОК}: SMH].

(103б) *Pekko ott-i-Ø Mati-lt krandasi-n **vījè-st ruplà-st***
Пекко брать-PST-3SG Матти-ABL карандаш-GEN пять-EL рубль-EL
‘Пекко взял у Матти карандаш за пять рублей’
[SAI].

(103в) *Matti ot't'-i-Ø Peko-lt viho-n **krandasì-st***
Матти брать-PST-3SG Пекко-ABL тетрадь-GEN карандаш-EL
‘Матти взял с Пекко тетрадку за карандаш’
[SAI].

(104а) *Pekko anto Mati-l vīs' ruplà **krandasì-st***
Пекко давать.PST.3SG Матти-ALL пять рубль.PART карандаш-EL
‘Пекко отдал Матти пять рублей за карандаш’
[SAI].

(104б) *Matti anto Peko-l krandasi-n **vījè-st ruplà-st***
Матти давать.PST.3SG Пекко карандаш-GEN пять-EL рубль-EL
‘Матти отдал Пекко карандаш за пять рублей’
[SAI].

(104в) *Pekko anto Mati-l viho-n **veitsè-st***
Пекко давать.PST.3SG Матти-ALL тетрадь-GEN нож-EL
‘Пекко отдал Матти тетрадку за ножик’
[SAI].

Итак, ситуации, выражаемые рассмотренными глаголами, демонстрируют значительное структурное сходство, а участник, выражаемый формой элатива, во всех этих ситуациях обладает некоторыми постоянными свойствами. Во-первых, он всегда является одним из обмениваемых в ситуации предметов. Во-вторых, он, по-видимому, всегда находится на периферии ситуации, и не так важен для говорящего, как другие ее участники (что проявляется в синтаксической периферийности и факультативности соответствующей именной группы). Этот набор свойств и пред-

лагается считать значением **второстепенного предмета торгового**[73] **обмена,** входящим в семантическую сеть граммемы элатива.

Помимо вышеописанных, существует еще два типа контекстов, в которых элативным формам также можно приписать значение второстепенного предмета торгового обмена. Это контексты оказания услуги — наподобие **‘подвозить, довозить (за X)’** (например, с глаголом *viijä* ‘вести, везти, нести’ (+ EL)). Это также контексты получения услуги — наподобие **‘доезжать (за X)’** (например, с глаголом *tulla* ‘приходить, приезжать’ (+ EL)); ср. примеры (105), (106).

(105) *mei-tä vie-t'ì Hatsinà* ***suà-st*** ***ruplà-st***
мы-PART везти-IPS.PST Гатчина.ILL сто-EL рубль-EL
‘Нас отвезли в Гатчину за сто рублей’
[SPK, RIK].

(106) *müö kä-i-mmö avto·pussì ja* ***sā-st*** ***rupla-st***
мы ходить-PST-1PL автобус.ILL и сто-EL рубль-EL
tul-i-mmo kot't'ì
приходить-PST-1PL дом.ILL
‘Мы сели на автобус и за сто рублей доехали до дома’
[OAK].

В ситуациях, обозначаемых этими глаголами, отсутствует главный предмет обмена. В центральной подситуации есть только бенефактор и бенефактив, и между ними происходит не передача какой-либо субстанции, а оказание услуги, бенефакция.

По-видимому, правомерно считать подобные ситуации частными случаями общей абстрактной ситуации, описанной в начале этого раздела. Соответствующие глаголы (точнее, конкретные употребления глаголов) также можно будет разделить согласно диатезам на «центростремительные» (‘отвозить’, ‘подвозить’ и др.) и «центробежные» (‘доезжать’ и др.).

[73] Прилагательное «торговый» указывает здесь на компонент ‘(потенциальной) **взаимовыгодности**’, присущей, по сути дела, всякой ситуации торговли. Данный семантический компонент, по-видимому, следует также включить в сформулированное значение — см. примечание о глаголе ‘менять’ далее в этом разделе.

Примечание. Следует отметить, что при глаголе *vaihtà* ‘менять’ значение, близкое к рассмотренному, имеет иное выражение. Похожий по свойствам участник здесь кодируется **иллативом**, ср. пример (107) (ср. также управление глагола *менять* в русском языке предлогом *на* + В.п., а не *за* + В.п.[74]). Возможно, отличие ситуации, выражаемой этим глаголом, в том, что агентивные участники здесь в определенном смысле равноправны. Ср. комитативное выражение второго агентивного участника в примере (107), а также, к примеру, наличие в русском языке реципрокального деривата *меняться* Х-*ами*. А именно — здесь отсутствует (по крайней мере предполагаемая самой ситуацией) выгодность производимого обмена для кого-либо из участников. В значение же второстепенного предмета торгового обмена компонент (потенциальной) выгодности, по-видимому, входит.

(107) *Pekko vaihto viho-n veitsè Mati-n kans*
Пекко менять.PST.3SG тетрадь-GEN нож.ILL Матти-GEN с
‘Пекко поменял у Матти тетрадь на нож’
[SAI].

Предлагаемый в этом разделе анализ, по-видимому, может быть применен не только к рассматриваемым глаголам финских говоров Центральной Ингерманландии. Он справедлив также для переводных эквивалентов русского языка, где соответствующее значение передается предложной конструкцией *за* + В.п. Единообразное выражение исследуемого участника при эквивалентах указанных выше глаголов имеет место также в английском (предлог *for*), французском (предлог *pour*), испанском (предлог *por*), немецком (предлог *für* + ACC) языках. Сто́ит отметить, что в этих языках указанные предлоги могут выражать также и участника при глаголе со значением ‘менять’ (см. примечание выше), чего не наблюдается в русском языке и в исследуемых в данной работе финских говорах.

Следует добавить, что для рассмотренного материала (как финских говоров Центральной Ингерманландии, так и других упомянутых языков) справедлив будет также и несколько иной

[74] Существуют и другие языки, в которых похожее значение выражается по-разному при глаголе со значением ‘менять’ и глаголе со значением ‘продавать’. Этот факт говорит в пользу выделения этого значения в качестве самостоятельного «грамматического атома» — «обменного эквивалента» [Ганенков 2002: 67–70].

анализ. Так, мы можем применить к наблюдаемым явлениям понятие **перспективы**[75] — связанной с конкретным глаголом «точки зрения» на внеязыковую ситуацию, определяющей, какие участники этой ситуации будут выражены в предложении подлежащим и прямым дополнением, а какие (не войдя в перспективу) либо не будут выражены вообще, либо окажутся на синтаксической периферии. При анализе, использующем понятие перспективы, противопоставление «второстепенного» и «главного» объектов обмена, отнесенное выше к различию семантических ролей, может быть сведено к противопоставлению двух разных перспектив, то есть к семантико-синтаксическим свойствам конкретных классов глаголов. При такой трактовке участники, выражаемые в рассмотренных примерах формой элатива с одной стороны и формами прямого дополнения — с другой, будут иметь одну и ту же семантическую роль. Ее можно назвать просто «предметом торгового обмена».

Наконец, для обоих вариантов анализа, по-видимому, все же имеет типологическую значимость противопоставление двух типов предмета обмена — «денег» и «товара». В пользу этого говорит наличие в языках показателей, способных кодировать участников первого, но не второго типа (ср., к примеру, рус. *купил картошки* ***на пять рублей*** при невозможности **заплатил пять рублей* ***на картошку***). Тем не менее, два смежных значения, каждое из которых имеет «атомарный» статус в общетипологическом контексте, но которые при этом выражаются в конкретном языке одним и тем же показателем, носителями этого языка могут (и зачастую будут) восприниматься как единое целое (ср. [Haspelmath 1997: 13]). Возможно, в случае показателя элатива в рассматриваемых говорах (а также отдельных показателей в ряде других языков, см. выше) дело обстоит именно так, и при обсуждении конкретно-языковой семантики следует говорить о слиянии значений «денег» и «товара» в более абстрактном значении «предмета торгового обмена».

[75] Введено Чарльзом Филлмором в [Fillmore 1977] (в том числе и на примере глаголов, описывающих «торговое событие»).

3.16. Каптатив[76]

Элативные формы при ряде **переходных** глаголов (их неполный список приведен ниже) могут выражать обладаемое пациентивного участника, характеризующееся набором специфических особенностей. Для обозначения этого участника предлагается термин «каптатив» (от лат. *captare* ‘хватать, ловить’).

Употребление форм элатива, о котором идет речь, зафиксировано, в частности, при переходных глаголах *kuapata* ‘хватать’, *ottà kī*[77] ‘хватать, обхватывать’, *pittȁ* ‘держать’, *purra* ‘кусать’, *sittò* ‘привязывать’, *suahha kī* ‘ловить’, *tassì* ‘тащить, тянуть’, *tavata* ‘ловить, хватать’, *temmata* ‘дернуть, потянуть’, *tempò* ‘дергать, тянуть (мультипл.)’, *tukistà* ‘таскать, тянуть (за волосы, шерсть)’, *vettȁ* ‘нести, тянуть’, *vījä* ‘уводить, увозить, уносить’.

В ситуациях, выражаемых этими глаголами, осуществляется и/или поддерживается «сцепление» (обоюдное ограничение в свободе перемещения) пациентивного участника с другим участником ситуации, в частном случае — с агентивным участником. **Каптатив** — та часть пациентивного участника (или другое его обладаемое, не являющееся неотъемлемой частью, но функционально осмысляемое как часть, ср. пример (110)), в которой происходит это сцепление. Именно она кодируется при указанных глаголах показателем элатива[78] — ср. примеры (108)–(110).

[76] Термин предлагается в рамках этой работы.

[77] Частица *kī* ~ *kīn(i)* (далее она условно глоссируется как «закрыто») встречается в основном в качестве постоянного или факультативного элемента идиоматических сочетаний с некоторыми глаголами. Чаще всего ей можно приписать абстрактное значение **законченности**, **полноты действия**. В некоторых контекстах она может выражать более конкретное значение «закрытости».

[78] В русском языке аналогичное значение при эквивалентных глаголах выражается предложной группой с предлогом *за* + В.п. В литературном финском языке для выражения этого значения также обычно используются формы элатива (хотя в редких случаях могут быть употреблены и формы аблатива). В [Hakulinen et al. 2004: §1243] значение соответствующих форм описывается как «точка приложения действия», являющаяся частью целого, причем такой частью, «которой касаются или за которую хватаются».

(108) *miä viä-n pussì* ***ručk-ì-st***
я уносить-1SG сумка.PART ручка-PL-EL
‘Я несу сумку за ручки’
[ESZ].

(109) *koira purrò / pūr* [sic!] *minnù* ***kiäè-st / jala-st***
собака кусать.3SG кусать.PST.3SG я.PART рука-EL нога-EL
‘Собака кусает / укусила меня за руку / за ногу’
[SAI].

(110) *miä tapas-i-n varas-ta* ***paija-st***
я хватать-PST-1SG вор-PART рубашка-EL
‘Я схватил вора за рубашку’
[OAK].

Примечание. Второй сцепленный участник в таких контекстах кодируется показателем **иллатива** (если референтирующая к нему словоформа выступает не в позиции подлежащего или прямого дополнения), ср. пример (111).

(111) *miä sijo-i-n kepi-n* ***otsa-st*** ***lakkè***
я вязать-PST-1SG палка-GEN конец-EL потолок.ILL
‘Я привязал палку за конец **к потолку**’
[OAK].

При всех переходных глаголах рассмотренного класса элативные формы выражают значения, отвечающие полному набору перечисленных выше свойств. Этот инвариант, однако, не охватывает близкие значения, выражаемые элативными формами при **непереходных** глаголах определенного класса. Для описания всего спектра значений зоны каптатива можно воспользоваться понятиями центра и периферии. Значение, сформулированное в начале раздела, можно считать центральным, прототипическим, а значения, рассматриваемые ниже, — периферийными[79].

[79] Периферийные значения, о которых идет речь, отклоняются от прототипического в нескольких разных направлениях, так что не представляется возможным сформулировать такой инвариант, который был бы общим для всех этих значений. Попытка сделать это приводит к утрате признаков, противопоставляющих значение каптатива смежным значениям, имеющим иное выражение.

К упомянутому классу непереходных глаголов (часть из них является непереходными лексико-семантическими вариантами глагольных лексем, уже упоминавшихся выше) относятся *kuapata* ‘дернуть’, *pittȁ kī* ‘держаться’, *tarttù* ‘цепляться, хвататься’, *temmata (kī)* ‘дернуть; хвататься’, *tempò* ‘дергать (мультипл.)’.

При лексеме *tarttù* (ср. пример (112)) участник, оформляемый показателем элатива, сохраняет практически все центральные свойства каптатива, за исключением того факта, что он является частью не пациентивного, а агентивного участника.

(112) *miä tartu-i-n* *naulà-hè* ***hiha-st***
я цепляться-PST-1SG гвоздь.ILL-ILL рукав-EL
‘Я прицепился рукавом к гвоздю’
[SAI; п: OAK]; *hiha-l* <рукав-AD> ‘рукавом’ [п: OAK].

При лексеме *pittȁ kī* участник, оформляемый показателем элатива, может также являться частью агентивного (но не пациентивного) участника, ср. пример (113). В других же случаях он вообще не является чьей-либо частью, ср. примеры (114), (115)[80]. Формы элатива в этих примерах выражают просто некоего дополнительного участника, сцепленного с агентивным участником, но не связанного с ним какими-либо другими отношениями[81].

(113) *Arvo pittȁ* ***süväme-st*** *kī*
Арво держать.3SG сердце-EL закрыто
‘Арво держится за сердце’
[OAK].

[80] Возможно, здесь имеет смысл говорить о нескольких лексико-семантических вариантах (то же касается и соответствующих употреблений рус. *держаться*).

[81] При этом здесь добавляется семантический компонент ‘контроль положения в пространстве’ (возможно, этот компонент вносится частицей *kī*). В примере (114) агентивный участник стремится контролировать посредством сцепления собственное положение, а в примере (115) — положение другого участника, выраженного элативной формой.

Глагол *temmata* в сочетании с частицей *kī* (а в некоторых случаях и без нее), по-видимому, также обозначает ситуацию, содержащую компонент ‘пространственный контроль’, ср. пример (116).

(114) *hā̄ pittȁ* ***seinä-st*** *kīn*
он(а) держать.3SG стена-EL закрыто
{Человеку дурно, он припал к стене}. ‘Он держится за стену’
[OAK; ^{OK}: SPK].

(115) *hā̄ pittȁ* ***pussi-st*** *kīn (jot ei varaste-tta-s')*
он(а) держать.3SG сумка закрыто что NEG красть-IPS-COND
‘Он держится за сумку (чтобы не украли)’
[OAK; ^{OK}: SPK].

Участник, выражаемый элативной формой при **непереходных** лексико-семантических вариантах лексем *temmata*, *tempò* и *kuapata* (примеры (116) и (117)), также обладает полной «самостоятельностью», не являясь частью другого участника ситуации. По своим свойствам этот участник, по-видимому, близок к пациенсу.

(116) *miä putos-i-n, no tempas-i-n* ***oksa-st*** *kī(n)*
я падать-PST-1SG но хватать-PST-1SG ветка-EL закрыто
‘Я падал, но схватился за ветку’
[OAK].

(117) *mie tempà-n / temmo-n* ***rihma-st***
я тянуть-1SG дергать-1SG нитка-EL
‘Я тяну / дергаю за нитку’
[OAK; п: SPK]; *hiä kuappas'* ‘он дернул’ [^{OK}: OAK].

Интересным с точки зрения синтаксиса случаем, который также можно отнести к периферии значения каптатива, является использование форм элатива в сочетании с частицей *kī* при глаголах, в семантику которых «сцепление» не входит — ср. пример (118).

(118) *Pekko männȍ Arvo-n kans* ***kiäe-st*** ***kīn***
Пекко уходить.3SG Арво-GEN с рука-EL закрыто
‘Пекко и Арво идут, [взявшись] за руки [= Пекко идет с Арво за руку]’.
[ESZ].

Элативные формы здесь также имеют референцию к подвергающейся сцеплению части непациентивного участника ситуации.

По-видимому, значение каптатива может быть типологически обособлено — ср. выражение этого значения в русском

языке предлогом с семантикой ПОСТ-латива (*за* + В.п.), в английском — предлогом с семантикой АПУД-эссива$_{О}$ *(by)*. При этом остальные общие значения рус. *за* + В.п. и англ. *by* расходятся со значениями показателя элатива в рассматриваемых говорах.

3.17. Область действия свойства[82]

Формы элатива могут выражать ту физическую часть носителя выраженного в предложении свойства[83], которой **ограничивается** область действия этого свойства. Ср. примеры (119)–(120)[84].

(119) *t'iä paita on kaita **olkapä-i-st** / *olkapä-i-l't*
этот рубашка быть.3SG узкий плечо-PL-EL плечо-PL-ABL
‘Эта рубашка узка в плечах’
[VAH].

(120) *pöksü-t rutistà-t **vartalò-st** / ?? vartalò-lt*
штаны-PL жать-3PL пояс-EL пояс-ABL
‘Штаны жмут в поясе’
[SPK].

С точки зрения «универсального грамматического набора», это значение, по-видимому, можно выделить как самостоятельное. Для этого мы можем провести параллель с русской предложной конструкцией *в* + П.п., которая, как и элативные формы рассматриваемых говоров, может выражать значения области действия свойства и ИН-эссива$_{О}$, но не имеет с ними других общих употреблений. Для обособления значения области действия свойства от значения ИН-эссива$_{О}$ можно дополнительно сравнить указанную русскую конструкцию и ингерманландские элативные формы с ингерманландскими формами инессива (с показателем *-s)*. Инессивные формы, в отличие от тех и других, могут передавать ИН-эссив$_{О}$, но не выражают значение области действия свойства.

3.18. Субъект оценки

Сделаем пояснение относительно используемых терминов.

---

[82] Термин предлагается в рамках этой работы.

[83] Это свойство может быть выражено не только прилагательным, но и, например, глаголом, ср. пример (120).

[84] Аналогичные употребления форм элатива в литературном финском языке рассматриваются в [Hakulinen et al. 2004: §1244].

Примечание. Термин «**оценка**» здесь и далее а) используется в широком понимании (возможностная, этическая, эстетическая и т.п.), б) обозначает не результат, а сам процесс оценивания некоего предмета или ситуации («объекта оценки»). Под «**субъектом оценки**» подразумевается исполнитель этого процесса. Под «**результатом оценки**» имеется в виду вся формируемая в итоге «вокруг» объекта оценки пропозиция (в языковом отношении последняя обычно представлена отдельной клаузой). Ср. выделенные части в предложении ***Мне*** [субъект оценки] *кажется, что* ***Маша красивая*** [результат оценки].

Формы элатива одушевленных существительных и личных местоимений могут выражать субъект оценки, будучи употреблены в позиции косвенного дополнения при глаголах впечатления *näüttȁ* ‘казаться, выглядеть’, *tuntù* ‘чувствоваться, казаться’, *kūlù* ‘слышаться, казаться (на слух)’ — ср. примеры (41), (121), (122). В этом случае формы элатива обозначают субъект оценки, результат которой представлен в том же предложении (примеры (41), (122)) или в сентенциальном актанте указанных глаголов (пример (121)). Вместо форм элатива при этих глаголах могут также употребляться формы аллатива, ср. примеры (46), (121).

Подобные элативные формы могут выражать субъекта оценки и в предложениях без глаголов впечатления. В этих предложениях они выступают **детерминирующим обстоятельством**[85], ср. пример (123) и одобренные варианты в примере (124)[86]. Здесь эти формы будут обозначать субъект оценки, результат которой представлен в том же предложении[87].

(121) *isä-l'* / ***isä-st*** *näüttȁ* / *tuntù* (OK*jot)*
отец-ALL отец-EL казаться.3SG казаться.3SG что
kaik kävvù̇ / *tullò* *hüvin*
все ходить.3SG приходить.3SG хорошо
‘Отцу кажется, что все будет хорошо’
[SAI; п: ESZ]; EL + *tuntù* [OK: SPK].

[85] Относящимся ко всему (остальному) предложению в целом. Термин введен Н. Ю. Шведовой [Шведова 1964].

[86] Следует отметить, что некоторые информанты не признают употребление в функции детерминанта допустимым [ESZ, OAK].

[87] Аналогичные употребления форм аблатива и элатива в литературном финском языке рассматриваются в [Hakulinen 1961: 332].

(122) *häne-n ǟnè-se näüttä̀ / [OK]kūlù miu-l(le)*
он(а)-GEN голос-P3 казаться.3SG звучать.3SG я-ALL
*/ [OK]**miu-st** väsülise-l't / väsü-nnè-n*
я-EL усталый-ABL уставать-PC_PST-ESS
‘Его голос кажется мне усталым’
[OAK].

(123) ***siu-st** / [OK]**te-i-st** se on oikein?*
ты-EL вы-PL-EL это быть.3SG правильно
‘По-твоему / по-вашему, это правильно?’
[SPK; п: MKH; [???]: ESZ].

Примечание. В функции детерминанта в этом значении могут выступать формы элатива не только личных местоимений, но и одушевленных существительных — ср. *Pekost*, *tohtorìst* в примере (124). Отметим, что существующие в русском языке аналогичные образования типа *по-моему*, напротив, возможны практически только с некоторыми корнями личных местоимений; в целом их можно трактовать как лексикализовавшиеся и превратившиеся в наречия.

3.19. Носитель результата оценки[88]

Формы элатива существительных, обозначающих продукты чувственной и мыслительной деятельности, могут выступать в предложении в функции детерминанта (ср. словоформы, выделенные полужирным в примере (124)). Такие формы выражают психическую «субстанцию», выступающую носителем представленного в предложении результата оценки (ср. *мнение*, *оценка*, *догадка*, *предположение*). Субъект оценки, который в этом случае одновременно и посессор носителя ее результата, кодируется показателем генитива.

(124) *miu-n **arvelu-i-sta-in** / miu-n **miele-stä-in** / [OK]miu-st*
я-GEN догадка-PL-EL-P1SG я-GEN мнение-EL-P1SG я-EL
/ [OK]häne-st / [OK]Peko-st / [OK]tohtorì-st, se ol' Arvo
он(а)-EL Пекко-EL доктор-EL это быть.PST.3SG Арво
‘По моим догадкам/по моему мнению/по-моему/по его [мнению]/по [мнению] Пекко/по [мнению] доктора, это был Арво’
[SPK, RIK; п: ESZ; [OK]: SAI].

[88] Термин предлагается в рамках этой работы.

По-видимому, оба рассмотренных выше значения (носителя результата оценки и субъекта оценки) вместе могут быть отграничены от других значений, выражаемых показателем элатива в исследуемых в этой работе говорах финского языка. Так, во французском языке предлог *selon* ‘согласно’ также способен выражать оба эти значения (ср. *selon moi* ‘по-моему’, *selon Pierre* ‘по [мнению] Пьера’; *selon mon avis* ‘по моему мнению’), но при этом не выражает других значений, выявленных в настоящем исследовании у граммемы элатива. То же самое справедливо и в отношении англ. *according to* ‘согласно’, рус. *согласно* + Д.п.

Тем не менее, отграничить друг от друга сами значения носителя результата оценки и субъекта оценки эти параллели не позволяют (что может свидетельствовать об универсальности метонимического перехода между этими двумя значениями). Впрочем, некоторым аргументом в пользу самостоятельности значения носителя результата оценки может быть распределение употреблений предложной конструкции *по* + Д.п. в (литературном) русском языке. Она выражает в первую очередь именно значение носителя результата оценки (ср. *по мнению доктора*). Хотя значение субъекта оценки также может быть выражено этой конструкцией (ср. *по мне*), такие употребления явно маргинальны. Так, сочетание *по мне* характерно только для разговорной речи; сочетания с существительными и вовсе сомнительны, ср. ??*по доктору*.

3.20. Экспериенцер (при глаголе näüt't'issä ‘нравиться’)

При указанном глаголе экспериенцер может кодироваться показателем элатива; зафиксировано также употребление форм аллатива. Ср. примеры (125), (126).

(125) ***Peko-st*** */ Peko-l* *näüt't'ijä* *tämä* *tüttö*
Пекко-EL Пекко-ALL нравиться.3SG этот девушка
‘Пекко нравится эта девушка’
[ESZ].

(126) ***miu-st*** */* OK*miu-l ei* *näüt't'ĭs'-nè-t* *pühä-t*
я-EL я-ALL NEG нравиться-PC_PST-PL праздник-PL
‘Мне не понравился праздник’
[SAI].

Примечание. *Näüt't'issä* ‘нравиться’ — единственный встретившийся в материалах автора глагол, при котором участник с ролью экспериенцера кодировался бы показателем элатива. Таким образом, высока вероятность того, что перед нами лишь случай немотивированного, семантически «выхолощенного» глагольного управления, и что в собственную семантику граммемы элатива значение экспериенцера не входит (для настоящего исследования такие случаи чистого управления в целом представляют наименьший интерес и специально в работе не рассматриваются). С другой стороны, аргументом в пользу мотивированности этих употреблений может являться их близость к употреблениям форм элатива в значении субъекта оценки (см. раздел 3.18).

4. Заключение

Граммемы аблатива и элатива в говорах Центральной Ингерманландии представляют собой хороший пример «старых» граммем с развитой семантической сетью, которые имеют одно или несколько прототипических значений и обширную семантическую периферию. При этом связи между некоторыми значениями не вполне ясны; иногда отдельные значения или группы связанных значений вообще не удается соотнести ни с одним другим значением — по-видимому, в таких случаях следует говорить о наличии отдельного прототипа. Пути развития многих значений в диахронии также неочевидны.

Далее, в разделе 4.1, будет произведена попытка смоделировать семантические сети двух исследованных граммем (по крайней мере на основе тех значений, которые удалось выявить в настоящем исследовании), а также будет рассмотрен вопрос о том, какие значения могут являться для них прототипическими. В разделе 4.2 будут перечислены обнаруженные расхождения между употреблением форм «исходных» падежей в говорах Центральной Ингерманландии и в литературном финском языке.

4.1. Структура семантических сетей

Эскизы структуры семантических сетей граммем аблатива и элатива, созданные по результатам настоящего исследования, представлены на Рисунках 3 и 4 в конце этого раздела. Они отражают предположения автора о синхронных связях между выяв-

ленными значениями[89]. Ниже следует описание изображенной на эскизах структуры.

Примечание. На схемах используется та же нумерация, что и в списке выявленных значений в разделе 5. **Темно-серыми прямоугольниками** выделены крупные блоки значений — значений с пространственной и с посессивной семантикой. Отдельные значения, входящие в блоки, при этом можно считать пограничными; ср., например, значение исходной ситуации на схеме семантической сети аблатива. **Сплошной** линией соединены значения, более или менее очевидно связанные друг с другом. **Пунктирной** линией соединены такие пары значений, смысловая связь между которыми гипотетична. **Диагональной штриховкой** отмечены элементы, присутствующие на обеих схемах — то есть те значения, для которых была зафиксирована конкуренция аблатива и элатива (подробности см. в соответствующих разделах).

4.1.1. Семантическая сеть граммемы аблатива. При моделировании семантической сети граммемы **аблатива** значение АД-элатива$_{о}$ (1)[90] можно связать с другими элементами блока пространственных значений через общие компоненты ‘поверхность (локализация АД)’ (в случае значения АД-эссива$_{о}$ (2)), ‘движение от ориентира (элатив$_{о}$)’ (в случае значений неодушевленного АПУД-элатива$_{о}$ (3), одушевленного АПУД-элатива$_{о}$ с импликацией пребывания в месте его обычного нахождения (4), а также исходной ситуации (6)). Таким же образом через компоненты ‘окрестности (локализация АПУД)’ и ‘движение от ориентира’ можно связать значения (3) и (4). Также вполне правдоподобной выглядит связь значения (1) со значением неодушевленной точки

[89] Ср. также результаты когнитивных исследований семантики показателей пространственных падежей (в частности, аблатива и элатива) в литературном финском языке, которые представлены в работах [Nikanne 1986; Leino et al. 1990; Leino 1993a, 1993b], в т. ч. эскиз семантической сети граммемы элатива в [Leino 1993a: 235]. Одно из интересных предположений, высказанных в работе Лейно, касается возможной связи между причинными значениями (ср. раздел 3.10) и значением темы (ср. раздел 3.9) в употреблениях типа *huoli huomisesta* ‘беспокойство из-за будущего/о будущем’; в настоящем исследовании подобные употребления, к сожалению, не рассматривались.

[90] В этом разделе в круглых скобках будут приводиться не номера примеров, а номера выявленных значений согласно списку в разделе 5 (нумерация для значений аблатива и элатива раздельная).

отсчета в пространстве (5) через метафору «движение от X-а → измерение расстояния, начиная от X-а». Такую же связь можно было бы предположить и для значений (3) и (5), однако метафорический переход от ситуации ‘движение’ к ситуации ‘измерение’ кажется более естественным при движении от поверхности, а не от окрестностей X-а.

Значение (1) можно связать с элементами блока посессивных значений — а именно со значениями исходного посессора (11, 7) — через метафору «перемещение от X-а → приобретение от X-а». При этом для значений (3) и (4) такую метафоризацию предположить сложно из-за компонента ‘неодушевленность’, входящего в состав первого, и дополнительной семантики неодушевленного места в составе второго. Значения (11) и (7) можно связать между собой и со значением источника информации «с активным субъектом» (10) через общую часть семантики ‘обмен (обладаемым или информацией) между одушевленными участниками ситуации’. Те же значения связываются со значением экспосессора (9) через метафору «приобретение (кем-либо) Y-а от X-а → (любая) утрата X-ом Y-а», а со значением посессора (8) — через общий компонент ‘обладатель’.

Также можно предположить связь значения (1) со значениями нежелательной ситуации (13) и нежелательного участника ситуации (12) через метафору «движение от поверхности X-а → уклонение от (нежелательного) контакта с X-ом»[91]. Между собой значения (13) и (12) связаны, по-видимому, метонимией «ситуация ↔ участник ситуации». Также возможна связь значений (6) и (13) через общий компонент ‘(вторичная) ситуация’.

Наконец, значения описываемого параметра (14) и выявляемого свойства (15), по-видимому, не обнаруживают синхронных связей с другими значениями форм аблатива.

4.1.2. Семантическая сеть граммемы элатива. В случае граммемы **элатива** аналогичным образом наиболее очевидными представляются связи значений ИН-элатива$_{O}$ (1) и АД-элатива$_{O}$ с импликацией плотности контакта (3) друг с другом и с другими

[91] Ср. [Ганенков 2002: 86–87]. Там же высказано предположение о том, что такой переход может подкрепляться аналогией между ситуациями вроде ‘спасти(сь) от X-а’ и ситуацией ‘убежать от X-а’.

пространственными значениями. Речь идет о связях между значениями (1) и (3)[92]; значением (1) и значением ИН-эссива$_{о}$ (2); значением (3) и значением АД-эссива$_{о}$ с импликацией плотности контакта (4); между самими значениями (2) и (4); между значением (3) и значениями исходной ситуации (16) и одушевленной /неодушевленной точек отсчета в пространстве (6, 5); между значениями (1) и (16). Также в рамках пространственных значений можно связать значение (3) со значением удаляемой субстанции (17) (через метафору «перемещение X-а от поверхности Y-а → очищение поверхности Y-а путем удаления с нее X-а» и метонимию «ориентир движения участника X → сам участник X»).

Через различные метафорические переносы можно также связать значения (1) и (3) со значениями, не относящимися к пространственным. Речь идет о значениях нежелательной ситуации (19) и нежелательного участника ситуации (18), причинной ситуации с неблагоприятными последствиями (14) (через метафору «перемещение из точки X в точку Y → следование ситуации Y из ситуации X»), начала временно́го отрезка/луча (8) (через метафору «движение от пространственной точки X → начало ситуации с временно́й точки X»), электива (9) (через метафору «перемещение из внутреннего пространства → выбор, выделение части из множества»), материала изготовления (12) (через метафору «перемещение из точки X в точку Y → изготовление Y из X»), источника превращения/исходного свойства (10, 11) (через метафору «движение из точки X в точку Y → превращение из X-а в Y»). Также, возможно, значения (1) и (3) связаны со значениями нижней границы диапазона (7) (через метафору «движение от точки X к точке Y → выбор диапазона значений, начиная со значения X»), субъекта оценки (23) (через метафору «движение предмета Y от X-а → происхождение оценки Y от X-а»), (второстепенного) предмета торгового обмена (20) (через метафору «движение из точки X в точку Y → обмен X-а на Y, получение Y-а за X»), каптатива (21) (через близкий или общий компонент

[92] Здесь и далее обоснование связи между парой значений будет опускаться, если подобные отношения между аналогичными значениями уже были рассмотрены и обоснованы нами выше применительно к элементам семантической сети граммемы **аблатива**.

‘плотный контакт’ ~ ‘сцепление’, а также, возможно, метафору «движение от X-а → перемещение целого, частью которого X является, посредством сцепления»).

Также можно предполагать наличие связи между значением (19) и значениями (16), (18); между значениями (14) и (16) (за счет общей части семантики ‘вторичная ситуация, предшествующая основной’ и метафоры «следование ситуаций во времени → причинно-следственная связь между двумя ситуациями»); между значениями (5) и (6) (за счет общей части семантики ‘точка отсчета в пространстве’); между значениями (5) и (8) (через метафору «измерение расстояния, начиная с пространственной точки X → измерение отрезка времени, начиная с временно́й точки X»); между значением (7) и значениями (5), (6) (через метафору «измерение расстояния, начиная с точки X → выбор диапазона значений, начиная со значения X»); между значениями (14) и (15) (за счет метонимии «ситуация ↔ участник ситуации»); между значением (23) и значением носителя результата оценки (24) (через метонимию «посессор → обладаемое» или «творец → творение») и между значением (23) и значением экспериенцера (25) (через общую часть семантики ‘одушевленный участник, способный к восприятию’). Также, возможно, связь существует между значением (17) и значениями (18), (19) (через метафору «физическое очищение от X-а → избавление от потенциального (нежелательного) контакта с X-ом»); между значениями (9) и (12) (через общий компонент ‘выделение части из целого’); между значением темы (13) и значениями (10), (12) (через метафору «превращение в Y из X-а/изготовление Y-а из X-а → возникновение/создание информационной субстанции Y из X-а», ср. [Ганенков 2002: 109], где рассматривается возможность сближения ситуации изготовления и ситуаций интеллектуальной деятельности, имеющих участника-тему); между значениями (10) и (11) (через метонимию «участник ↔ свойство участника»); между значениями (12) и (10) (через общую часть семантики ‘возникновение нового участника на месте другого’); между значениями (10) и (20) (через метафору «превращение из X-а в Y → обмен X-а на Y, получение Y-а за X (вместо X-а)», ср. [Ганенков 2002: 67–69], где ситуации обмена и превращения сравниваются в связи с фактами кодирования обменного эквивалента показателями с лативной семантикой)

и между значением (21) и значением области действия свойства (22) (через общую часть семантики ‘часть, посредством которой производятся какие-либо действия над целым’). См. также сноску 88 о возможной связи между значениями (13) и (14), (15).

4.1.3. Прототипические значения. Мы можем также попытаться определить, какие из элементов двух семантических сетей можно считать центральными, **прототипическими** (имеются в виду максимально независимые от контекста, наиболее частотные, семантически простые и диахронически ранние значения [Плунгян 2010: 231]). В первую очередь для граммем аблатива и элатива соответственно на статус прототипов претендуют значения **АД-элатива$_{\text{О}}$** и **ИН-элатива$_{\text{О}}$**. Они имеют конкретную (локативную) семантику, частотны, в низкой степени зависят от контекста. В частности, они являются одними из основных интерпретаций при переводе информантами изолированных форм соответствующего падежа[93]. Тем не менее, в синхронии они, возможно, являются не единственными прототипами семантических сетей граммем аблатива и элатива. По частотности на статус прототипического для граммемы аблатива также заведомо может претендовать значение исходного посессора/источника информации. Другие

[93] Эти значения также, по-видимому, являются для граммем аблатива и элатива диахронически наиболее ранними. Компонент *-s-* в показателях «внутренне-местных» падежей возводится к пространственному послелогу, в значение которого входило указание на внутреннее пространство ориентира (локализация ИН) [Бубрих 1955: 25–27]. Компонент *-l-* в показателях «внешне-местных» падежей возводится к послелогу либо к словообразовательному или падежному суффиксу с семантикой «места вовне чего-либо» (АПУД, АД) [Бубрих 1955: 27–28; Hakulinen 1961: 72]. Компонент *-ta-/-tä-* в показателях аблатива и элатива возводится к показателю древнего падежа делатива (отразился в финском партитиве), имевшего в том числе элативную$_{\text{О}}$ семантику [Бубрих 1955: 17–18; Hakulinen 1961: 70].

Из вышесказанного также следует, что для показателя аблатива не только значение АД-элатива$_{\text{О}}$, но и значение АПУД-элатива$_{\text{О}}$ диахронически является одним из первичных. Тем не менее в синхронии значение АПУД-элатива$_{\text{О}}$ является для форм аблатива менее частотным (в частности, здесь наблюдается конкуренция с послеложной конструкцией GEN + *luont* ‘от, у’ — см. раздел 2.1) и менее независимым от контекста. Это говорит против его синхронного прототипического статуса.

потенциально прототипические значения (по семантической обособленности, отсутствию явных связей с остальными значениями — см. описание гипотетической структуры семантических сетей двух граммем выше) для граммемы аблатива — значения нежелательной ситуации/нежелательного участника ситуации, а также описываемого параметра; для граммемы элатива это значения темы, нежелательной ситуации/нежелательного участника ситуации, (второстепенного) предмета торгового обмена, каптатива, области действия свойства, субъекта оценки/экспериенцера.

С целью прояснить, какие из перечисленных значений лучше всего опознаются вне контекста, был проведен небольшой эксперимент (при участии информантки LAS). Информантке предъявлялись изолированные формы аблатива и элатива разных лексем (всего четырнадцать; лексемы подбирались с учетом того, какое значение из выявленных и претендующих на прототипичность они естественнее всего передают в форме аблатива или элатива) с просьбой объяснить, что́ это слово может значить и/или составить с ним предложение.

Формы аблатива от одушевленных существительных и личных местоимений *(miult* <я:ABL>, *varkàlt* <вор:ABL>, *veikòlt* <брат:ABL>) информантка однозначно опознала как передающие значение исходного посессора («от меня что-нибудь взял»). Элативные формы существительных, обозначающих части тела *(olkapäist* <плечи:PL:EL>, *hännȁst* <хвост:EL>) — как выражающие значение каптатива. Информантка также указала самостоятельно на следующие значения:

1) исходной ситуации (для словоформы *matkàlt* <путешествие:ABL>);

2) выявляемого свойства (для аблативной формы прилагательного *maukkàlt* <вкусный:ABL>);

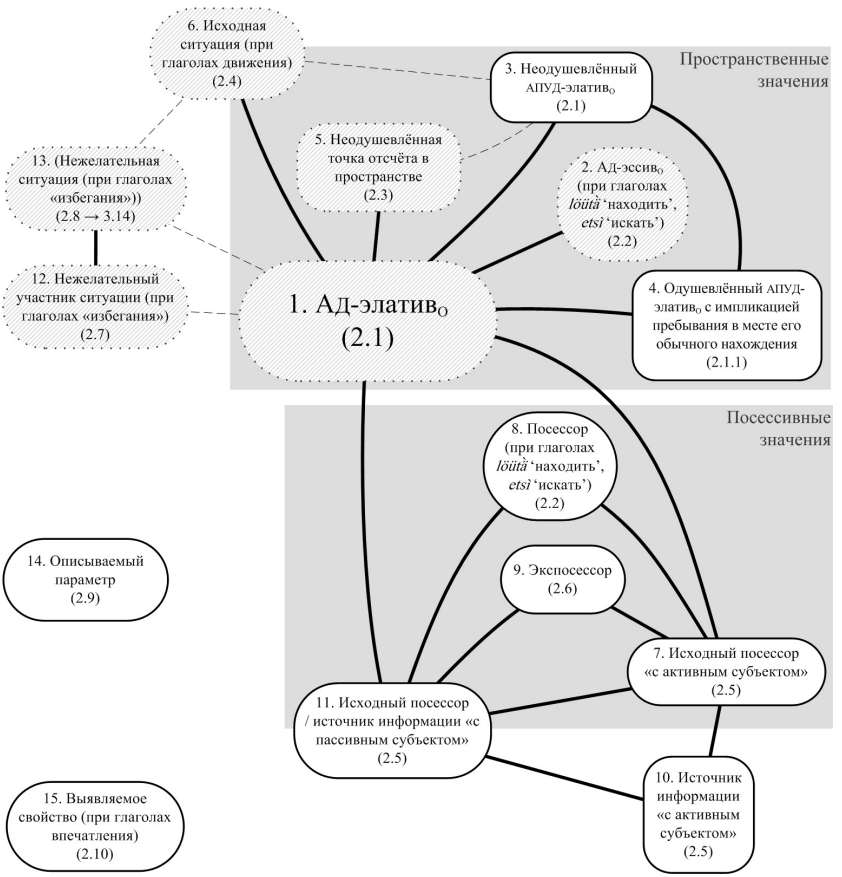
3) субъекта оценки (для элативной формы личного местоимения *miust* <я:EL>);

4) нежелательной ситуации (для словоформы *kuolemàst* <смерть:EL>);

5) (второстепенного) предмета торгового обмена (для словосочетания *vījèst ruplàst* <пять:EL рубль:EL>).

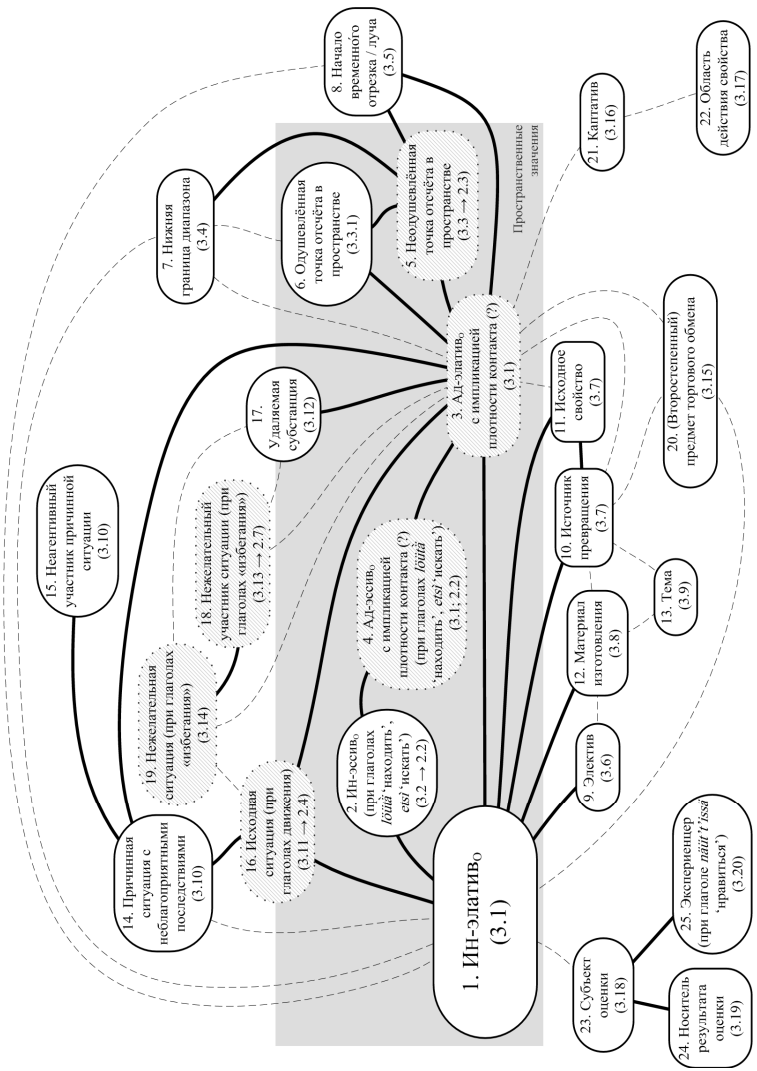
Таким образом, имеются аргументы в пользу прототипичности на синхронном уровне не только значений АД-элатива$_{О}$ и ИН-элатива$_{О}$, но также и некоторых других. Для семантической сети граммемы аблатива это по крайней мере значения исходного посессора, исходной ситуации[94], выявляемого свойства. Для семантической сети граммемы элатива — значения нежелательной ситуации, каптатива, субъекта оценки и (второстепенного) предмета торгового обмена.

Рисунок 3. Эскиз структуры семантической сети граммемы аблатива



[94] Если вообще выделять это значение из поля значений исходного пункта движения — см. конец раздела 2.4.

Рисунок 4. Эскиз структуры семантической сети граммемы элатива



4.2. Сопоставление с литературным финским языком

Далее приведены основные различия, обнаруженные между финскими говорами Центральной Ингерманландии и литературным финским языком в отношении употребления форм элатива и аблатива, а также конкуренции показателей этих падежных граммем с другими показателями.

Значения **нежелательного участника ситуации** (раздел 2.7) и **нежелательной ситуации** (раздел 3.14) (при глаголах «избегания») в литературном финском языке выражаются в случае существительных только формами **аблатива**, ср. пример (127).

(127) *Minä piiloudu-i-n sude-lta / *sude-sta*
я прятаться-PST-1SG волк-ABL / волк-EL
‘Я спрятался от волка’.

В исследуемых говорах в этом случае наблюдается варьирование форм **аблатива** и **элатива**. В случае форм супина как в литературном языке, так и в исследуемых говорах, возможен только показатель элатива.

Значение **экспосессора** (раздел 2.6) в литературном финском языке может выражаться показателем **аблатива**, но не **адессива** (в отличие от исследуемых говоров, где наблюдается конкуренция форм обоих падежей) Также в литературном финском языке это значение, по-видимому, не связано с **комплетивностью**, ср. возможность высказываний, подобных представленным в примере (128).

(128) *(Minä katso-n, kun) minu-lta palaa koti*
я смотреть-1SG как я-ABL гореть.3SG дом
/ minu-lta kuolee veli
я-ABL умирать.3SG брат
‘(Я смотрю, как) у меня горит дом / у меня умирает брат’.

Значение **выявляемого свойства** при глаголах впечатления (раздел 2.10) в литературном финском языке выражается в том числе формами аблатива. Эти формы конкурируют с аллативными формами [Hakulinen et al. 2004: §979], как и в говорах Центральной Ингерманландии. При этом формы **эссива**, также употребляющиеся в подобных контекстах в исследуемых говорах, в литературном

языке для выражения этого значения не используются. Ср. пример (129).

(129) *Hän minu-sta näyttää kaunii-lta*
он(а) я-EL казаться.3SG красивый-ABL
/ *kaunii-lle* / **kaunii-na*
/ красивый-ALL / красивый-ESS
‘Он кажется мне красивым’.

В литературном финском языке формы элатива могут передавать некоторые **временны́е значения.** Это в частности временна́я локализация в часах и «время создания» — ср. примеры (130), (131).

(130) *Lounas on kello kahde-lta-tois-ta*
ланч быть.3SG часы два-ABL-второй-PART
‘Ланч — в двенадцать’.

(131) *Viini on vuode-lta 1879*
вино быть.3SG год-ABL 1879
‘Вино — 1879 года’ [Karlsson 1999: 118]

В исследуемых говорах эти значения передаются, судя по всему, иными средствами (см. примеры (5), (48) и раздел 2.11).

В литературном финском языке **причинные значения** могут быть выражены формами элатива, аблатива и иллатива, а также послеложными конструкциями. Формы аблатива при этом выражают «препятствующую причину» («сущность, из-за которой обсуждаемая ситуация не имеет места», ср. пример (132)).

(132) *E-n **itku-lta-ni** enää pysty-nyt*
NEG-1SG плач-ABL-P1SG больше мочь-PC_PST
puhu-maan
говорить-SUP
‘От плача я уже не мог говорить’
[Hakulinen et al. 2004: §1255].

В исследуемых говорах причинные значения, помимо послеложных конструкций, передаются элативными формами (см. раздел 3.10), но не формами аблатива или иллатива.

Наконец, в литературном финском языке отсутствует глагол, этимологически соответствующий диалектному глаголу *näüt't'issä*

‘нравиться’ и имеющий аналогичное значение (раздел 3.20). О других глаголах литературного языка, при которых экспериенцер кодировался бы показателем элатива, автору также неизвестно.

5. Список выявленных значений

После каждого значения в скобках указан номер раздела основной части работы, в котором рассматривается это значение. Стрелка между двумя номерами разделов означает, что первый из этих разделов содержит в себе только ссылку на второй, поэтому имеет смысл обратиться сразу ко второму разделу.

Для иллюстрации каждого из значений было выбрано по одному характерному примеру из числа тех, что приводились в основной части работы (некоторые примеры приводятся в сокращенном виде).

5.1. Значения, выражаемые формами аблатива

1. Ад-элатив$_{O}$ (2.1)

   *miä nost-i-n kopeka-n **silla-lt***
   я поднимать-PST-1SG копейка-GEN пол-ABL
   ‘Я поднял копейку **с пола**’.

2. Ад-эссив$_{O}$ (при глаголах *löütä̀* ‘находить’, *etsì* ‘искать’) (2.2)

   *miä löüs-i-n taivà-st / **taivà-lt** kū-n*
   я найти-PST-1SG небо-EL небо-ABL луна-GEN
   ‘Я нашел **на небе** луну [взглядом]’.

3. Неодушевленный АПУД-элатив$_{O}$ (2.1)

   *Pekko läks' pois havva-n luont / ^{OK}**havvà-lt***
   Пекко уходить.PST.3SG прочь яма-GEN от яма-ABL
   {Пекко стоял у ямы}. ‘Пекко отошел **от ямы**’.

4. Одушевленный АПУД-элатив$_{O}$ с импликацией пребывания в месте его обычного нахождения (2.1.1)

   *miä tul-i-n **tohtarì-lt** kūs tuntì*
   я приходить-PST-1SG врач-ABL шесть час.PART
   ‘Я вернулся **от врача** в шесть часов’.

5. Неодушевленная точка отсчета в пространстве (2.3)

   *müö ole-mī oikein että̀ **järvè-lt** / ^{OK}järvè-st ⟨...⟩*
   мы быть-1PL очень далеко озеро-ABL озеро-EL
   ‘Мы очень далеко **от озера**’ ⟨...⟩.

6. Исходная ситуация (при глаголах движения) (2.4)

   müö tul-i-mmo ***matka-lt*** */ OK matka-st*
   мы приходить-PST-1PL путешествие-ABL путешествие-EL
   ‘Мы вернулись **из путешествия**’.

7. Исходный посессор «с активным субъектом» (2.5)

   Pekko repäs' ***siso-lt*** */ *siso-st lello-n*
   Пекко рвать.PST.3SG сестра-ABL сестра-EL игрушка-GEN
   ‘Пекко вырвал **у сестры** [из рук] игрушку’.

8. Посессор (при глаголах *löütà* ‘находить’, *etsì* ‘искать’) (2.2)

   miä etsi-n ***siu-lt*** *ommà kirja-ja-in*
   я искать-1SG ты-ABL свой.PART книга-PART-P1SG
   ‘Я ищу **у тебя** свою книгу’.

9. Экспосессор (2.6)

   minu-n üstävä-llä-in(i) */ OK* ***üstävä-l'tä-in*** *palo kot'*
   я-GEN друг-AD-P1SG друг-ABL-P1SG гореть.PST.3SG дом
   ‘**У** моего **друга** сгорел дом’.

10. Источник информации «с активным субъектом» (2.5)

    Pekko küsü-i-Ø ***Arvo-lt*** *t'ie-tä*
    Пекко спрашивать-PST-3SG Арво-ABL дорога-PART
    ‘Пекко спросил **у Арво** дорогу’.

11. Исходный посессор / источник информации «с пассивным субъектом» (2.5)

    ⟨...⟩ *sa-i-Ø* *kirje-n* ***toverì-lt***
    получить-PST-3SG письмо-GEN друг-ABL
    ⟨...⟩ ‘получила письмо **от друга**’.

12. Нежелательный участник ситуации (при глаголах «избегания») (2.7)

    koira puolustà lampa-i-ta ***suv-i-lt*** */ OK suv-i-st*
    собака защищать.3SG овца-PL-PART волк-PL-ABL волк-PL-EL
    ‘Собака защищает овец **от волков**’.

13. (Нежелательная ситуация (при глаголах «избегания»))[95] (2.8 → 3.14)

    miä pelast-i-n Peko-n kuolemà-st */ OK* ***kuolemà-lt***
    я спасать-PST-1SG Пекко-GEN смерть-EL смерть-ABL
    ‘Я спас Пекко **от смерти**’.

[95] В скобках здесь и далее приводятся значения, возможность выражения которых формами соответствующего падежа недостаточно подкреплена материалом.

14. Описываемый параметр (2.9)

miä ole-n korki(j)a-mp ***kasvo-lta-in*** *ko veikko-in*
я быть-1SG высокий-COMP рост-ABL-P1SG что брат-P1SG
‘Я выше **ростом**, чем брат’.

15. Выявляемое свойство при глаголах впечатления (2.10)

hüö näüttȁ-t ***iloisè-lt*** */ [OK]* ***ilois-ì-lt***
они казаться-3PL счастливый-ABL счастливый-PL-ABL
‘Они выглядят **счастливыми**’.

5.2. Значения, выражаемые формами элатива

1. Ин-элатив$_{o}$ (3.1)

miä tul-i-n ***komnatà-st***
я приходить-PST-1SG комната-EL
‘Я вышел **из комнаты**’.

2. Ин-эссив$_{o}$ (при глаголах *löütȁ* ‘находить’, *etsì* ‘искать’) (3.2 → 2.2)

miä löüs-i-n porkkana-n ***merssì-st***
я находить-PST-1SG морковь-GEN корзина-EL
‘Я нашел **в корзине** морковку’.

3. Ад-элатив$_{o}$ с импликацией плотности контакта (?)[96]

veiko-st */ *veikò-lt (kovast) ves' virtajà*
брат-EL брат-ABL сильно вода течь.3SG
{Брат промок под дождем}. ‘**С брата** вода течет (ручьем)’.

4. Ад-эссив$_{o}$ с импликацией плотности контакта (?) (при глаголах *löütȁ* ‘находить’, *etsì* ‘искать’) (3.1; 2.2)

mie löüs-i-n rupla-n ***mua-st*** */ *mua-lt*
я находить-PST-1SG рубль-GEN земля-EL земля-ABL
‘Я нашел **на земле** рубль’.

5. Неодушевленная точка отсчета в пространстве (3.3 → 2.3)

kaupà-st *joe-lle on kaks kilo·metrì*
магазин-EL река-ALL быть.3SG два километр.PART
‘**От магазина** до реки — два километра’.

[96] Вопрос о вхождении компонента ‘плотность контакта’ в состав этого и следующего значений исследован недостаточно.

6. Одушевленная точка отсчета в пространстве (3.3.1)

*Pekko ellȁ kaks harpos-ta **isä-st** / *isä-l't / **miu-st** / *miu-lt*
Пекко жить.3SG два шаг-PART отец-EL отец-ABL я-EL я-ABL
‘Пекко живет в двух шагах **от отца** / **от меня**’.

7. Нижняя граница диапазона (3.4)

*kissa to-i-Ø **kolme-st** vītè penikkà*
кошка приносить-PST-3SG три-EL пять.ILL котенок.PART
‘Кошка приносила **от трех** до пяти котят’.

8. Начало временно́го отрезка/луча (3.5)

*sinnù isä (v)uattà **üheksä-st** (tunni-st) / **āmu-st***
ты.PART отец ждать.3SG девять-EL час-EL утро-EL
‘Тебя отец ждет **с девяти** (**часов**) / **с утра**’.

9. Электив (3.6)

*üks **nä-i-st** **laps-ì-st***
один этот-PL-EL ребенок-PL-EL
‘Один **из этих детей**’.

10. Источник превращения (3.7)

⟨...⟩ *tull-ì-t **jiä-palas-ì-st** ves'-tilko-i-ks*
приходить-PST-3PL лед-кусок-PL-EL вода-капля-PL-TRL
⟨...⟩ ‘превратились **из льдинок** в капли воды’.

11. Исходное свойство (3.7)

*jänis tul' **harmà-st** valkijà-ks*
заяц приходить.PST.3SG серый-EL белый-TRL
{Заяц полинял}. ‘Заяц превратился **из серого** в белого’.

12. Материал изготовления (3.8)

*äijä tekkȍ **paperì-st** laivo-i-Ø ja kukk-ì-Ø*
дедушка делать.3SG бумага-EL корабль-PL-PART и цветок-PL-PART
‘Дедушка делает **из бумаги** кораблики и цветы’.

13. Тема (3.9)

*miä kiruta-n **ihmis-ì-st***
я писать-1SG человек-PL-EL
‘Я пишу **о людях**’.

14. Причинная ситуация с неблагоприятными последствиями (3.10)

*miä ole-n vilustu-nnut **sattè-st** / sattè-n peräst*
я быть-1SG простужать-PC_PST дождь-EL дождь-GEN после
‘Я простудился **из-за дождя**’.

15. Неагентивный участник причинной ситуации (3.10)

*miu-l tul′ pare-mp **lekarstvu-st***
я-ALL приходить.PST.3SG хороший-COMP лекарство-EL
‘**От лекарства** мне стало лучше’.

16. Исходная ситуация (при глаголах движения) (3.11 → 2.4)

*müö tul-i-mə̄ **ui-mà-st** jōè-lt*
мы приходить-PST-1PL плавать-SUP-EL река-ABL
‘Мы вернулись **с купания** с реки’.

17. Удаляемая субстанция (3.12)

*minä pes-i-n kə̄(j)e-t **lija-st***
я мыть-PST-1SG рука-PL грязь-EL
‘Я отмыл руки **от грязи**’.

18. Нежелательный участник ситуации (при глаголах «избегания») (3.13 → 2.7)

*müö peit′t′-i-mmä tämä-n as′s′a-n **äit′ì-st***
мы прятать-PST-1PL этот-GEN дело-GEN мать-EL
{Брат разбил стакан}. ‘Мы скрыли это **от мамы**’.

19. Нежелательная ситуация (при глаголах «избегания») (3.14)

*hiä pelast-i-Ø miu-n **hukku-mà-st***
он(а) спасать-PST-3SG я-GEN тонуть-SUP-EL
‘Он спас меня, когда я тонула [= **от утопления**]’.

20. (Второстепенный) предмет торгового обмена (3.15)

*Pekko ost-i-Ø Mati-lt krandasi-n **vīje-st rūplà-st***
Пекко покупать-PST-3SG Матти-ABL карандаш-GEN пять-EL рубль-EL
‘Пекко купил у Матти карандаш **за пять рублей**’.

21. Каптатив (3.16)

*miä tapas-i-n varas-ta **paija-st***
я хватать-PST-1SG вор-PART рубашка-EL
‘Я схватил вора **за рубашку**’.

22. Область действия свойства (3.17)

*t′iä paita on kaita **olkapä-i-st** / *olkapä-i-l′t*
этот рубашка быть.3SG узкий плечо-PL-EL плечо-PL-ABL
‘Эта рубашка узкая **в плечах**’.

23. Субъект оценки (3.18)

*(OK**miu-st** / OK**Peko-st** / OK**tohtorì-st**) se ol’ Arvo*
я-EL Пекко-EL доктор-EL это быть.PST.3SG Арво
‘**По-моему** / по [мнению] **Пекко** / по [мнению] **доктора**, это был Арво’.

24. Носитель результата оценки (3.19)

miu-n ***arvelu-i-sta-in*** *se ol'* *Arvo*
я-GEN догадка-PL-EL-P1SG это быть.PST.3SG Арво
‘По моим **догадкам**, это был Арво’.

25. Экспериенцер (при глаголе *näüt't'issä* ‘нравиться’) (3.20)

Peko-st */ Peko-l* *näüt't'ijä* *tämä tüttö*
Пекко-EL Пекко-ALL нравиться.3SG этот девушка
‘**Пекко** нравится эта девушка’.

Литература

Бубрих Д. В. 1955. Историческая морфология финского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Вяйсянен В. П. 2010. Основы финского: Грамматический справочник. Практическое пособие. Доступно на сайте http://www.elisanet.fi/valeri.vaisanen/OPPIKIELI.html.

Ганенков Д. С. 2002. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа студента V курса кафедры теоретической и прикладной лингвистики. М.: Филологический факультет МГУ.

Даниэль М. А. 2001. Падеж и локализация // А. Е. Кибрик (ред.) Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие.

Елисеев Ю. С. 1995. Краткий грамматический очерк финского языка // О. В. Кукконен, Х. И. Лехмус, И. А. Линдрос (ред.). Финско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. С. 607–672.

Мельчук И. А. 1998. Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена: Языки русской культуры.

Муслимов М. З. 2009. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников, И. В. Бродский (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука. С. 179–204.

Некрасова Г. А. 2009. К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа названий падежей) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки 65, 3. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. С. 100–108.

Оллыкайнен В. М. (сост.) 2003. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский) / Т.П. Бойко (подг. к печ.). (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 127). Vantaa: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Плунгян В. А. 2010. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Шведова Н. Ю. 1964. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания 6. С. 77–93.

Atkinson J. 1969. Finnish grammar. Turku: The Finnish Literature Society.

Fillmore C. J. 1977. The case for case reopened // P. Cole, J. M. Sadock (eds.). Syntax and semantics 8. New York; San Francisco; London: Academic Press. P. 59–81.

Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T., Alho I. 2004. Iso suomen kielioppi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. Доступно на сайте http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php.

Hakulinen L. 1961. The structure and development of the Finnish language. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton & Co.

Haspelmath M. 1997. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. München: Lincom Europa.

Huumo T. 2006. 'I woke up from the sofa': Subjective directionality in Finnish expressions of a spatio-cognitive transfer // M. Helasvuo, L. Campbell (eds.). Grammar from the human perspective: Case, space and person in Finnish. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, Series IV: Current issues in linguistic theory 277). Amsterdam: John Benjamins. P. 51–75.

Huumo T. 2010. Is perception a directional relationship? On directionality and its motivation in Finnish expressions of sensory perception // Linguistics 48, 1. P. 49–97.

Karlsson F. 1999. Finnish: An essential grammar. London: Routledge.

Kokko O. 2007. Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana. (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 48). Joensuu: Joensuun yliopisto.

Leino P., Helasvuo M.-L., Lauerma P., Nikanne U., Onikki T. 1990. Suomen kielen paikallissijat konseptualisessa semantiikassa. (Kieli 5). Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos.

Leino P. 1993. Polysemia — kielen moniselitteisyys. (Kieli 7). Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos.

Leino P. 1993. Ajankondan elatiivi: anomalia vai merkityksenlaajentuma // Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993. (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42). Turku: Turun yliopisto. S. 272–302.

Nikanne U. 1986. Suomen ablatiivin ja allatiivin semantiikkaa Ray Jackendoffin semanttisen mallin avulla tarkasteltuna. Suomen ja yleisen kielitieteen tutkielma filosofian kandidaatin tutkintoa varten huhtikuussa 1986. Helsinki: Suomen kielen laitos.

ПУБЛИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ МАТЕРИАЛОВ

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус

«ЗОЛОТАЯ ПТИЦА» (ПУБЛИКАЦИЯ ИЖОРСКОЙ СКАЗКИ, ЗАПИСАННОЙ В XIX ВЕКЕ)[1]

1. Введение

1.1. Предварительные замечания

Ижорский язык относится к северной ветви прибалтийско-финской группы финно-угорских языков. Из четырех традиционно выделяемых диалектов — оредежского, хэваского, сойкинского и нижнелужского — к нынешнему времени сохранились только два последних. Сойкинский диалект распространен на территории Сойкинского полуострова, а нижнелужский — в нижнем течении реки Луги. Число носителей языка известно лишь приблизительно. Перепись 2002 года отмечает 327 этнических ижор и 362 человека, владеющих ижорским языком, однако эти данные вызывают сомнение в их достоверности (хотя бы из-за соотношения двух указанных чисел). По нашим оценкам, ижорским языком владеет около 150 человек (с поправкой на ижор, проживающих за пределами Российской Федерации — прежде всего, в Эстонии). Относительно свободное владение ижорским наблюдается у поколения, родившегося до Второй мировой войны. У послевоенного поколения знание языка либо ограничивается базовой лексикой и способностью поддержать примитивный бытовой разговор (как правило, с нарушениями в грамматике), либо является пассивным, либо отсутствует вообще. Молодое поколение, как правило, совсем не знает ижорского языка.[2] Такая ситуация возникла в результате русификации ижор в XX веке, особенно в послевоенный период.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии» и 11-04-00153а «Когнитивные основы языковой структуры и дискурсивных явлений: теория и практика»).

[2] Впрочем, существуют редкие исключения из описанной ситуации: самой младшей полноценной носительнице ижорского языка сейчас 32 года.

Если в 1926 году на территории СССР проживало 16137 представителей этого народа, то уже в 1959 году их осталось 1062 человека, из которых лишь треть владела языком[3] (см., например, [Мусаев 2004: 178, 348; Ernits 2007: 15]), и с тех пор численность говорящих на ижорском языке неуклонно сокращалась.

1.2. О месте данной публикации в контексте исследований ижорского языка

Хотя отдельные записи ижорского языка относятся еще к XVIII веку, его систематические исследования начались лишь в конце XIX века. Первой грамматикой ижорского языка следует считать работу [Porkka 1885]. В ней приводится информация об ижорской фонетике и формообразовании, а также прилагаются образцы речи (разбору одного из приведенных там текстов как раз и посвящена наша публикация). В этом труде рассматриваются различные диалекты ижорского языка, а также проводится их сопоставление с ингерманландскими диалектами финского языка. Следует заметить, что в традиции финского языкознания ижорский язык длительное время считался одним из финских диалектов. Это приводило к появлению исследований диалектологического характера, совмещавших анализ ижорского языка и финских диалектов, но не способствовало написанию синхронных грамматик ижорского языка. К тому же в финно-угроведческой традиции первостепенная роль отводилась диахроническим исследованиям. К такому роду исследований относится одна из ранних работ по ижорскому языку [Mägiste 1925], где, в частности, анализируется историческая фонетика одного из нижнелужских говоров.

В начале тридцатых годов XX века начинается активная деятельность по стандартизации ижорского языка. Ижорский язык начинают преподавать в школах. Издаются книги для чтения на ижорском языке ([Brailovskaja, Rybnikova 1933; Junus 1933, 1934] и др.), а также целый ряд других учебных пособий (в частности, учебники по арифметике [Popova 1933, 1934a, 1934b, 1934c] и др.). Всего было издано порядка 30 учебников. В 1936 году выходит

[3] Заметим, впрочем, что в условиях национальной политики, направленной на нивелирование этнических различий, данные о численности этнического населения и носителей языка не могут считаться точными.

учебная грамматика ижорского языка [Junus 1936]. Однако к 1938 году преподавание ижорского прекращается (см. [Мусаев 2004: 264–265]), учителя подвергаются репрессиям (см., например, [Сайя 2009]), а существующие материалы забываются. Так, ссылка на грамматику В. Юнуса отсутствует в работах А. Лаанеста, в том числе и постсоветского времени, см., например, [Лаанест 1966a; 1993; Laanest 1986].

В 1944 году в Финляндии выходит монография по фонетике ижорского языка [Sovijärvi 1944], примечательная, в частности, тем, что в ней приводятся данные экспериментального фонетического исследования. В качестве образцов ижорской речи А. Совиярви публикует три текста в переводе на говор деревни *Metsäkylä* (Залесье)[4]. Один из них — это та сказка из грамматики [Porkka 1985], которой посвящена данная публикация. Два других — переводы сказок с карельского на ижорский язык.

Во второй половине XX века основные исследования по ижорскому языку проводились эстонским лингвистом Арво Лаанестом. Он написал ряд трудов, посвященных, прежде всего, исторической фонетике и морфологии, а также диалектологии ижорского языка (см., например, [Лаанест 1966a, 1978; Laanest 1986]). Им же написаны и краткие грамматические описания ижорского языка, издававшиеся в сериях монографий «Языки народов СССР» [Лаанест 1966b] и «Языки мира» [Лаанест 1993].

В этот же период публикуются и образцы ижорской речи[5]. Они появляются как среди записей других прибалтийско-финских языков (см. [Virtaranta 1967; Virtaranta, Suhonen 1978, 1983]), так и самостоятельно ([Ariste 1960; Laanest 1966]).

Тогда же развивается и ижорская лексикография. В Финляндии выходит словарь [Nirvi 1971], в который были включены данные различных диалектов, собиравшиеся в течении нескольких десятилетий. В конце XX века публикуется словарь хэваского диалекта [Laanest 1997]. Также следует отметить словарь говора деревни Куровицы, находящейся в нижнем течении реки Луги [Posti, Suhonen 1980]. Хотя этот говор традиционно считается

[4] Этот говор относится к северной группе говоров сойкинского диалекта. См. Таблицу 2 Приложения 4, а также Карту 6 Приложения 6.

[5] Заметим, что публикации ижорских фольклорных текстов имели место и раньше, но только как часть финского фольклора.

диалектом водского языка, в действительности он является смешанным идиомом с водской субстратной грамматикой и ижорской лексикой (см. [Markus, Rozhanskiy 2012]). Таким образом, лексические данные, представленные в этом словаре, относятся, в первую очередь, к ижорскому языку.

Языковым контактам и развитию лексики ижорского языка посвящены работы [Haarmann 1984a, 1984b].

К началу XXI века интерес к ижорскому языку не угас. В Финляндии выходит продолжающая традицию предшествующих фольклорных публикаций монография [Nenola 2002], где представлена большая коллекция ижорских текстов в жанре плачей. В России проводится ряд исследований по ижорскому языку (прежде всего, это работы исследователей из Санкт-Петербурга), в частности, [Николаев 2001, 2002; Кузнецова 2008, 2009а, настоящий сборник]. Отдельно следует отметить труд [Муслимов 2005], где ижорский язык рассматривается в контексте соседствующих родственных языков: водского и ингерманландского финского. В Эстонии в 2008 году была защищена магистерская работа по морфологии ижорского глагола [Saar 2008].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на немалое количество публикаций, посвященных ижорскому языку, его нельзя считать хорошо описанным. Можно назвать целый ряд изъянов в изучении этого языка. Во-первых, не существует синхронной ижорской грамматики, хоть в какой-то степени соответствующей стандартам современной лингвистики. Указанные выше труды [Porkka 1985] и [Junus 1936] далеки от современных идеалов (в частности, в них отсутствует описание синтаксиса). Во-вторых, серьезную проблему представляет фонология ижорского языка. Так, в сойкинском диалекте языка существует тройная количественная оппозиция согласных (отсутствующая в соседствующих идиомах: водском и ингерманландском финском)[6], которая нетривиальным образом коррелирует с количественным противопоставлением гласных. В нижнелужском диалекте присутствует другое относительно редкое явление: глухие гласные. Серьезный прорыв в изучении

[6] Хотя высказывалось мнение, что оппозиция первичных и вторичных геминат в современном сойкинском диалекте отсутствует [Gordon 2009], проведенные экспериментальные фонетические исследования подтвердили ее существование [Markus 2011].

ижорской фонологии был сделан в диссертации [Кузнецова 2009b], предлагающей описание ижорской фонологии при помощи системы стопических акцентов. Однако пока не существует общепризнанной системы ижорской фонологической транскрипции, которая бы обеспечила единообразное представление ижорского материала в работах современных исследователей[7]. В-третьих, несмотря на довольно большое количество опубликованных ижорских текстов, они ориентированы прежде всего на специалистов по прибалтийско-финским языкам — эти тексты не содержат строки морфологического анализа (глоссирования), а иногда и перевода, что делает их недоступными для типологов и лингвистов широкого профиля.

В такой ситуации данная публикация является первым шагом на пути представления ижорского материала в формате, рассчитанном на использование широким кругом исследователей. Помимо сохранения записи в оригинальной транскрипции В. Поркки, материал также представлен в так называемом трехстрочном виде (поморфемная нотация, глоссирование и перевод на русский язык; см. Приложение 8). Текст снабжен различными комментариями. Они относятся к тем формам и конструкциям, которые могут вызвать вопросы у читателя, не являющегося специалистом по ижорскому или другому прибалтийско-финскому языку.

Тот факт, что в качестве публикации выбран текст, записанный почти 130 лет назад, не случаен: за это время в ижорском языке произошло немало изменений. Таким образом, исследователь получит возможность сравнения современных записей (в настоящее время создается корпус ижорских текстов) с записями того времени, когда ижорскому языку не грозило быстрое вымирание. Чуть ниже мы даем краткий обзор основных изменений, произошедших в ижорском языке за последний период.

2. Об источнике и системе записи

Публикуемый текст взят из первой грамматики ижорского языка, написанной финским лингвистом Вольмари Порккой и опубликованной в 1885 году. Этот текст озаглавлен *Der goldene*

[7] Заметим, что наличие у бесписьменного языка транскрипции, признаваемой всеми исследователями, — в целом вещь довольно редкая.

Vogel ‘золотая птица’ и представляет собой вариант сказки, известной в русской традиции как «Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке» (сказка 168 в сборнике русских народных сказок А. Н. Афанасьева, см., например, [Померанцева, Чистов 1984: 331–343]). Однако сюжет текста (особенно в заключительной части) отличается от канонического варианта указанной русской сказки. В. Поркка не дает информации о рассказчике, за исключением того, что текст был записан в деревне *Tarinaissì* (Андреевщина). В настоящее время этой деревни уже не существует. Она располагалась немного юго-восточнее деревни Вистино на Сойкинском полуострове, то есть данный текст должен характеризоваться как относящийся к центральным говорам сойкинского диалекта ижорского языка[8]. Грамматические черты рассматриваемого текста подтверждают его принадлежность к сойкинскому диалекту.

Система транскрипции, использовавшая финским лингвистом, фонетическая. Следует отметить следующие ее особенности:

– В. Поркка использует обозначения *ô*, *ô̰*, *ê* для исконных долгих гласных первого слога среднего подъема. Отличительная черта этих гласных — их фонетическая реализация. В одних идиолектах они являются гласными среднего подъема, в других — средне-верхнего, в третьих вообще могут совпадать с гласными верхнего подъема (то есть с *ū*, *ǖ*, *ī*). Остальные долгие гласные передаются двумя литерами, например, *sannoo* <говорить.3SG>;

– геминаты передаются двумя литерами, и при этом не проводится последовательного различения кратких (кратконачальных) и долгих (полнодолготных) геминат;

– никаких дополнительных диакритических знаков, обозначающих редукцию, продление и пр., не вводится. Также специально не обозначаются полузвонкие согласные (ср. с системой записи принятой в словаре [Nirvi 1971] и в перечисленных выше работах А. Лаанеста);

– сибилянты обозначаются как *s* и *z*, хотя в современном

[8] См. Таблицу 2 Приложения 4, а также Карту 6 Приложения 6. В представленной в приложениях системе деления собственно-сойкинских говоров на южные и северные эта деревня относится к самой северной зоне южных говоров. Мы условно выделяем центральную группу говоров, в которой северные или южные черты не столь ярко выражены как на самом юге или, соответственно, севере Сойкинского полуострова.

сойкинском диалекте (за исключением южных говоров), они ближе к шипящим. Вероятно, что в языке того времени эти сибилянты были более свистящими, чем шипящими (В. Поркка использует шипящие при записи материала верхнелужских говоров). Для современного языка точнее использовать знаки *š* и *ž*.

Оригинальная запись текста, сделанная В. Порккой, оставлена нами без изменений (ей соответствует первая строка в четырехстрочной записи сказки). В дополнение к ней мы вводим вторую строку записи материала, где произведено поморфемное членение словоформ. Система записи во второй строке представляет собой упрощенную фонетическую транскрипцию (см. Приложение 7) и отличается от оригинальной записи лишь несколькими моментами:

– все долгие гласные, как первого, так и непервого слога, включая гласные, обозначаемые у В. Порки как *ô*, *ô̮*, *ê*, мы записываем единообразно в виде одной литеры с диакритическим знаком долготы. Ср. *pôl* ‘половина’, *makkaamaa* <спать:SUP> у В. Поркки и *pōl*, *makkāmā* в нашей записи;

– конечные согласные, реализующиеся в звонком или глухом варианте в зависимости от начального звука последующего слова (заметим, что эта зависимость иногда нарушается), обозначаются как полузвонкие согласные (см. Приложение 7). Это позволяет уменьшить вариативность в написании одних и тех же форм. Ср. например, *händ* или *hänt* <он:PART> у В. Поркки и *hänD* в предлагаемой системе записи;

– исправлены очевидные опечатки, вкравшиеся в публикацию В. Поркки.

Следует подчеркнуть, что мы не исправляли непоследовательное обозначение кратких геминат в оригинальной записи В. Поркки. Существующее в современном сойкинском диалекте тройное противопоставление согласных по долготе (одиночный согласный, краткая гемината, долгая гемината, см. [Markus 2011]) должно было существовать и в конце XIX в., когда был записан текст сказки. Однако, не имея аудиозаписи текста, мы не можем с уверенностью утверждать, что фонетическая реализация согласных была точно такой же, как и в современном языке.

Кроме того, попытка представить исходный текст в виде, соответствующем современной фонетической реализации, привела

бы к необходимости менять в ряде случае долготу гласных непервого слога. Например, в современном сойкинском говоре в двусложной структуре (C)VCV(C) всегда происходит автоматическое продление второго гласного. Фонологически краткие и долгие гласные в этой позиции не противопоставлены, поэтому запись *var**aa**st* <вор:PART>, но *var**a**s* <вор> (как у В. Поркки) для современного языка неоправданна. Поскольку мы не можем с уверенностью утверждать, существовала ли оппозиция по долготе гласных в указанной структуре во время записи исходного текста, мы отказались от внесения содержательных изменений в исходную систему записи.

Система глоссирования представлена в Приложении 8. Прокомментируем принципы членения на морфемы для неочевидных случаев:

– дифтонг членится, если его вторая часть соответствует краткому гласному показателя, например: *kazvo-i-D* <расти-PST-3PL> (основа *kazvo-* и показатель прошедшего времени *-i*);

– гемината членится, если ее части соответствуют краткому согласному основы и краткому согласному показателя, например, *sut-ta* <волк-PART> (основа *sut-* и показатель партитива *-ta*);

В ижорском языке сложно провести границу между падежными формами некоторых имен и местоимений и наречиями, являющимися результатом лексикализации этих форм. Такого рода формы не членятся, если показатель отличается от регулярного падежного показателя. Для форм с регулярными показателями мы принимаем индивидуальное решение в каждом конкретном случае (ср., например, *sīhe* <туда> и *sī-he* <тот-ILL>).

Разбиение текста на предложения полностью соответствует оригиналу.

3. Об изменениях в языке

Как уже говорилось, с момента публикации первой ижорской грамматики [Porkka 1885] прошло почти 130 лет. Тем не менее, различия между языком того времени и современным сойкинским диалектом не столь велики, как можно было бы ожидать.

На уровне фонетики и фонологии происходил (и, по всей видимости, происходит) процесс перехода количественного противопоставления гласных в качественное. То есть длительность

долгих гласных непервого слога сократилась, а краткие гласные часто произносятся как редуцированные (подробнее см. [Кузнецова 2009b; Markus 2011]). Начался ли этот процесс уже во времена В. Поркки или же позже, мы судить не можем: возможно, что редукция была выражена слабее и просто не обозначалась в транскрипции.[9]

Как уже отмечалось выше, можно предположить недавнее развитие шипящих сибилянтов.[10] Однако из-за отсутствия аудиозаписей языка XIX века провести полноценное сопоставление фонетики двух временных срезов языка не представляется возможным. В частности, невозможно сделать какие-то выводы о фонетической реализации кратких и долгих геминат: как мы уже говорили, В. Поркка непоследовательно различает их в своей транскрипции.

К числу системных изменений, произошедших за этот период в грамматике, следует отнести:

– отмирание посессивных показателей у имен: вместо них используется выражение посессивности при помощи местоимений;

– отмирание потенциалиса у глаголов: в застывшем виде потенциалис сохранился только у бытийного глагола в серии форм с семантикой будущего времени (например, в 1 лице единственного числа такая форма выглядит как *līnen* ‘я буду’ и включает в себя форматив *-ne-*, который по происхождению является показателем потенциалиса);

– отмирание форм императива 3 лица: их вытеснила аналитическая конструкция с частицей *la* ~ *lā* ‘пусть’.

Также в речи современных носителей практически отсутствуют формы перфекта и плюсквамперфекта индикатива, которые, тем не менее, признаются говорящими как грамматически правильные.

Более подробный анализ этих вопросов представлен в статье [Николаев 2001].

[9] В работе [Лаанест 1967: 35] отмечается, что на момент ее написания в ижорском языке шел процесс постепенного сокращения долгих гласных непервых слогов.

[10] А. Лаанест отмечал в сойкинском диалекте наличие вариантов глухих сибилянтов [s], [ʂ] и [š] с преобладанием первого из них [Лаанест 1978: 87–88].

В публикуемом тексте мы не наблюдаем ни форм потенциалиса, ни форм императива 3 лица, ни форм перфекта и плюсквамперфекта, что, по-видимому, объясняется отсутствием в сказке контекстов, в которых было бы уместно употребить эти формы. Что же касается посессивных показателей, то они встречаются в целом ряде форм.

Лексические изменения могут быть в общем виде определены констатацией того факта, что у современных носителей произошло заметное уменьшение словарного запаса, а также увеличение числа заимствований из русского языка.

Возможно, что публикация данного текста позволит исследователям найти другие, не отмеченные ранее, изменения в ижорском языке.

Литература

Елисеев Ю. С. 1955. Краткий грамматический очерк финского языка // О. В. Кукконен, Х. И. Лехмус, И. А. Линдрос (ред.). Финско-русский словарь. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.

Кузнецова Н. В. 2008. Сравнительно-типологический анализ фонологических систем сойкинского и нижнелужского диалектов ижорского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН 4, 2. Материалы Пятой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Наука. С. 104–110.

Кузнецова Н. В. 2009a. Супрасегментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте // Вопросы языкознания 5. С. 18–47.

Кузнецова Н. В. 2009b. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Кузнецова Н. В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Настоящий сборник.

Лаанест А. 1966a. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин: Академия наук Эстонской ССР.

Лаанест А. 1966b. Ижорский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука С. 102–117.

Лаанест А. 1967. Об истории долгих гласных непервых слогов в ижорском, водском и финском языках // В. И. Алатырев (отв. ред.). Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию. Тезисы к докладам и некоторые доклады. Ижевск: Удмуртский

научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при совете министров Удмуртской АССР. С. 35–36.

Лаанест А. 1978. Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Дисс. … канд. филол. наук. Таллин: Институт языка и литературы АН СССР.

Лаанест А. 1993. Ижорский язык // Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова (отв. ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука. С. 55–63.

Мусаев В. И. 2004. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб.: Изд-во Нестор-История СПб ИИ РАН.

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Николаев И. С. 2001. Основные тенденции в изменении грамматической системы ижорского языка в течение XX века // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000. Tartu. Pars V. Dissertationes sectionum. Linguistica II. Tartu. С. 449–453.

Николаев И. С. 2002. Отмирание языка: На материале сойкинского диалекта ижорского языка. Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ.

Померанцева Э. В., Чистов К. В (ред.). 1984. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Т. 1. М.: Наука. С. 331–343.

Сайя П. И. 2009. Судьбы ижор России с точки зрения господствующих в ней идеологий // Государственная правовая политика в Северо-Западном регионе. Международная научно-практическая конференция 3–4 декабря 2009 года. Сборник материалов конференции. СПб. С. 191–193.

Ariste P. 1960. Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused V. Tallinn: Eesti riiklik kirjastus. Lk. 7–68.

Brailovskaja S. M., Rybnikova M. A. 1933. Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart. Kolmas oppivuus. Leningrad: Riikin izdatelstvo «Kirja».

Ernits E. 2007. Isurite asualadest ja algkodust // H. Koks, J. Rahman (eds.). Õdagumeressoomõ kodo. Läänmeresoome kodu. Konvõrents Võrul, 19.–21. rehekuul 2006. Võro: Võro instituut. Lk. 13–32.

Gordon M. 2009. Prominence and gemination in Ingrian // Linguistica Uralica 45, 2. P. 81–100.

Haarmann H. 1984a. Elemente einer Soziologie der kleinen Sprachen Europas. Band 3: Aspekte der ingrisch-russischen Sprachkontakten. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Haarmann H. 1984b. Soziolinguistisch-lexikologische Studien zu den ingrisch-russischen Sprachkontakten mit einem ingrisch-russischen Wörterverzeichnis. Band 7. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Junus V. J. 1933. Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart. Toiseel oppivuvveel. Leningrad: Riikin izdatelstvo «Kirja».

Junus V. 1934. Lukukirja inkeroisia oppikoteja vart. Neljäs klassa. Leningrad: Riikin isdatelstva «Kirja».
Junus V. 1936. Izoran keelen grammatikka: Morfologia: Opettaijaa vart. Leningrad, Moskova: Riikin ucebno-pedagogiceskoi izdateljstva.
Laanest A. 1966. Isuri murdetekste. Tallinn: Valgus.
Laanest A. 1986. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn:Valgus.
Laanest A. 1997. Isuri keele Hevaha murde sõnastik. Tallinn: Pakett.
Markus E. 2011. The phonetics and phonology of a disyllabic foot in Soikkola Ingrian // Linguistica Uralica 47, 2. P. 103–119.
Markus E., Rozhanskiy F. 2012 (to appear). Votic or Ingrian: New evidence on the Kukkuzi variety // Finnisch-Ugrische Mitteilungen 35.
Mägiste J. 1925. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned. Tartu: Postimees.
Nenola A. 2002. Inkerin itkuvirret (Ingrian laments). (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 735). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
Nirvi R. (toim.) 1971. Inkeroismurteiden sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
Popova N. S. 1933. Arifmetikka kirja alkua oppia vart. I osa. Leningrad: Riikin izdatelstvo «Kirja».
Popova N. S. 1934a. Arifmetikan oppikirja alkuoppia vart. II osa. Toin oppivuus. Leningrad: Riikin izdatelstvo «Kirja».
Popova N. S. 1934b. Arifmetikan oppikirja alkuoppia vart. III osa. 3 ja 4 oppivuus. Leningrad: Riikin izdatelstvo «Kirja».
Popova N. S. 1934c. Kokohus: Arifmettisia reknatuksia ja esimerkkilöjä. II osa. 4 oppivuus. Leningrad: Kirja.
Porkka V. 1885. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn.
Posti L., Suhonen S. 1980. Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
Saar E. 2008. Isuri keele Soikkola murde verbi muutmissüsteem. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, Filosoofiateaduskond, Eesti ja üldkeeleteaduse instituut.
Sovijärvi A. 1944. Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta. (Suomi-kirjan eripainoksia 5). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
Virtaranta P. 1967. Inkeroismurteet // Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. (Suomalaisen Kirjallisuuden seuran toimituksia 287). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. S. 137–169.
Virtaranta P., Suhonen S. (toim.). 1978. Inkeroinen // P. Virtaranta, S. Suhonen (toim.). Lähisukukielet (Finnic languages). (Suomi 119, 3). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. S. 53–57.
Virtaranta P., Suhonen S. (toim.). 1983. Inkeroinen // P. Virtaranta, S. Suhonen

(toim.). Lähisukukielet (Finnic languages). (Suomi 119, 3). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. S. 49–53.

Золотая птица

1. *Oli enne kunigas, ja kunigahal*
   ol-i-Ø *enne* *kunigaZ* *ja* *kunigaha-l*
   быть-PST-3SG раньше царь и царь-AD

   oli kolt poikaa.
   ol-i-Ø *kolD* *poikā*
   быть-PST-3SG три сын.PART[11]
   ‘Был раньше царь, и у царя было три сына’.

2. *Kunigahal oli oikii käppiä saadu.*
   kunigaha-l *ol-i-Ø* *oikī* *käppiä* *sādu*
   царь-AD быть-PST-3SG очень красивый сад
   ‘У царя был очень красивый сад’.

3. *Saaus kazvoit kultaist ommeenat.*
   sāu-Z *kazvo-i-D* *kultais-t* *ommēna-D*
   сад-IN расти-PST-3PL золотой-PL яблоко-PL
   ‘В саду росли золотые яблоки’.

4. *Jokko ô ain käütii varastamaas.*
   jokko *ō̄* *ain* *käü-tī* *varasta-mā-Z*
   каждый ночь всегда ходить-IPS.PST воровать-SUP-IN
   ‘Каждую ночь постоянно приходили воры [= воровать]’.

5. *Kunigas lugi ommeenad ühest puust,*
   kunigaZ *lug-i-Ø* *ommēna-D* *ühe-st* *pū-st*
   царь считать-PST-3SG яблоко-PL один-EL дерево-EL

   ja jokko ô hävviis üks ommeena.
   ja *jokko* *ō̄* *hävvī-Z* *üks* *ommēna*
   и каждый ночь пропадать-PST.3SG один яблоко
   ‘Царь считал[12] яблоки на одном дереве [= с одного дерева], и каждую ночь пропадало одно яблоко’.

[11] Лексема *poiga* выступает в тексте в двух значениях — ‘сын’ и ‘юноша’. Для удобства восприятия читателем в глоссах приводится то или иное из этих значений в зависимости от контекста.

6. *Siit kunigas lähetti vanhemman*
sīD *kunigaZ* *lähett-i-Ø* *vanhe-mma-n*
тогда царь посылать-PST-3SG старый-COMP-GEN

poikaha vahtii,
poika-ha *vahtī,*
сын-P3SG[13] дозор.ILL

eik tabajajs varaast.
ei-G *taba-jajZ* *varās-t*
NEG.3SG-Q/EMPH[14] поймать-COND.3SG вор-PART

‘Тогда царь послал своего старшего сына сторожить [= в дозор], чтобы тот поймал вора’[15].

---

[12] Обратим внимание, что поскольку в этом предложении объект оформлен тотальным падежом, мы имеем дело с нетривиальной аспектуальной семантикой, не передаваемой русским переводом в полной мере. Возможно, рассказчик имел в виду, что, однажды сосчитав яблоки, царь впоследствии мог отслеживать изменение их количества, или же что царь каждый раз пересчитывал яблоки заново.

[13] Как было отмечено в предисловии, посессивные показатели в современном языке вымерли, и их наличие в публикуемом тексте, вероятно, является наиболее ярким грамматическим отличием ижорского языка того времени от современного. См. формы с посессивными показателями в предложениях 27, 30, 40, 51, 96–102, 115–117, 124, 157, 160.

Данная форма является формой генитива единственного числа, которая в посессивном склонении совпадает с формой номинатива единственного числа (по правилам глоссирования, принятым в данном сборнике, в таком случае падежная глосса не ставится). Насколько нам известно, факт совпадения этих ижорских форм в существующей литературе не отмечался. Аналогичное явление наблюдается и в финском языке, однако там существует еще третья омонимичная форма — номинатив множественного числа (см., например, [Елисеев 1955: 632–633]). В ижорском эта третья форма избегает омонимии, принимая показатель множественного числа после посессивного показателя, как, например, в предложениях 102 и 124.

[14] Клитическая частица *-ka/-kä/-G* используется в усеченной форме (то есть без конечного гласного), если форма, к которой она присоединяется, не заканчивается на *-t* (см. [Лаанест 1966b: 113]).

[15] Синтаксис и соответственно перевод этого предложения не вполне очевидны. Буквальный перевод должен был бы выглядеть так: ‘Тогда

7. *Se poiga mäni vahtii,*
se *poiga* *män-i-Ø* *vahtī*
тот сын идти-PST-3SG дозор.ILL

heittiis makkaamaa
heittī-Z *makkā-mā*
бросаться-PST.3SG спать-SUP

eig nähnüt varaast.
ei-G *näh-nüD* *varās-t*
NEG.3SG-Q/EMPH видеть-PC_PST вор-PART
‘Тот сын пошел сторожить. Лег [= бросился] спать и не увидел вора’.

8. *Mäni hômuksest kottii.*
män-i-Ø *hōmukse-st* *kottī*
идти-PST-3SG утро-EL дом.ILL
‘Пошел утром домой’.

9. *Ätti küssüü: näitkä varaast?*
ätti *küssū* *nä-i-t-kä* *varās-t*
отец спрашивать.3SG видеть-PST-2SG-Q/EMPH[16] вор-PART
‘Отец спрашивает: «Видел ли ты вора?»’

10. *Poiga sannoo: en näht.*
poiga *sannō* *e-n* *näh-t*
сын говорить.3SG NEG-1SG видеть-PC_PST
‘Сын говорит: «Не видел»’.

царь послал своего старшего сына сторожить, а не поймал бы тот вора’. Нескладность этого перевода может быть, по нашему мнению, обусловлена несколькими причинами:

а) Вторая часть предложения является результатом влияния разговорной конструкции: ‘А не поймаешь ли ты вора?’;

б) Рассказчиком или записывающим допущена неточность в ступени консонантного кластера и здесь подразумевается форма не от глагола *tavada* ‘поймать’, а от глагола *tappā* ‘убить’. Тогда смысл этого предложения мог бы быть следующий: ‘Царь послал своего старшего сына, чтобы тот сторожил, но не убивал бы вора’. Заметим, что в каноническом варианте этой сказки царь просит привести вора живым.

[16] Уже упомянутая выше клитическая частица *-ka/-kä/-G* часто используется как маркер общего вопроса.

11. *Toizeel ôl mäni toine*[17] *poiga.*
toizē-l *ō̆-l* *män-i-Ø* *toine* *poiga*
другой[18]-AD ночь-AD идти-PST-3SG другой сын
‘На вторую ночь пошел другой сын’.

12. *Mäni dai heittiis makkaamaa,*
män-i-Ø *dai* *heittī-z* *makkā-mā*
идти-PST-3SG да_и бросаться-PST.3SGспать-SUP

ja makkais taas hômuksee nasse.
ja *makka-iz* *tāz* *hōmuksē* *nasse*[19]
и спать-PST.3SG опять утро.ILL до
‘Пошел, да и лег [= бросился] спать, и спал тоже до утра’.

13. *Männöö kottii taas.*
männō̆ *kottī* *tāz*
идти.3SG дом.ILL опять
‘Идет тоже домой’.

14. *Ätti küssüü: näitkä*
ätti *küssū̆* *nä-i-t-kä*
отец спрашивать.3SG видеть-PST-2SG-Q/EMPH

varaast?
varās-t
вор-PART
‘Отец спрашивает: «Видел вора?»’

15. *— En näht.*
e-n *näh-t*
NEG-1SG видеть-PC_PST
‘«Не видел»’.

16. *— Kolmanneheel ôl mäni kolmaas poiga.*
kolmannehē-l *ō̆-l* *män-i* *kolmāz* *poiga*
третий-AD ночь-AD идти-PST-3SG третий сын
‘На третью ночь пошел третий сын’.

---

[17] Наличие конечного гласного *e* здесь непонятно.

[18] Лексема *toin* имеет два значения: ‘другой’ и ‘второй’. При глоссировании текста мы всегда используем первый из этих вариантов.

[19] Послелог *nasse* ‘до’ управляет иллативом, что не очень типично для послелогов (обычно они управляют генитивом или, значительно реже, партитивом). Другим вариантом этого послелога является *asse* [Nirvi 1971: 21].

17. *Mäni ja noizi vahtimaa;*
män-i-Ø *ja* *noiz-i-Ø* *vahti-mā*
идти-PST-3SG и стать-PST-3SG сторожить-SUP

ja hää vahti pôl ôhö nasse.
ja hā̄ *vaht-i-Ø* *pōl* *ō̄-hö* *nasse*
и он сторожить-PST-3SG половина ночь-ILL до
‘Пошел да стал сторожить, и сторожил он до середины ночи’.

18. *Pôlen ôn aikoi*
pōle-n *ō̄-n* *aiko-i*[20]
половина-GEN ночь-GEN время-PL.ILL

tuli varas.
tul-i-Ø[21] *varaZ*
приходить-PST-3SG вор
‘Посредине ночи появился вор’.

19. *Lenzi lindu.*
lenz-i-Ø *lindu*
лететь-PST-3SG птица
‘Прилетела птица’.

[20] Подобного рода конструкции с множественным числом от абстрактных существительных идиоматизированы, то есть они не несут семантики множественности как таковой.

[21] Как и в других прибалтийско-финских языках, в ижорском некоторые глаголы перемещения являются немаркированными по способу перемещения. Так глагол *tulla* может соответствовать русским глаголам *прийти*, *приехать*, *прилететь* и пр. Так же устроен глагол *männä* ‘идти, уходить’. При этом переводы указанных лексем на русский не могут быть точными, поскольку в семантике этих глаголов содержится различие в направлении движения по отношению к наблюдателю: *tulla* обозначает движение с приближением к наблюдателю, а *männä* — с удалением от наблюдателя (аналогично устроены глаголы *vējjä* ‘нести, везти, вести (по направлению от наблюдателя)’ и *tōvva* ‘нести, везти, вести (по направлению к наблюдателю)’). В данной работе для этих глаголов в строке глоссирования даются следующие переводы: *tulla* ‘приходить’, *männä* ‘идти’, *tōvva* ‘приносить’, *vējjä* ‘нести’.

20. *Linnul olliit kultaist sulat hännääs.*
linnu-l *oll-ī-D* *kultais-t* *sula-D* *hännə̄-Z*
птица-AD быть-PST-3PL золотой-PL перо-PL хвост-IN
‘У птицы в хвосте были золотые перья’.

21. *Poiga ambui lintua.*
poiga *ambu-i-Ø*[22] *lintu-a*
юноша стрелять-PST-3SG птица-PART
‘Юноша выстрелил в птицу’.

22. *Linnult lankeis üks kultain sulga.*
linnu-lD *lanke-iZ* *üks* *kultain* *sulga*
птица-ABL падать-PST.3SG один золотой перо
‘У птицы выпало одно золотое перо’.

23. *Poiga otti sulan ja vei*
poiga *ott-i-Ø* *sula-n* *ja* *ve-i-Ø*
юноша брать-PST-3SG перо-GEN и нести-PST-3SG

vahtihônehesse.
vahtihōnehe-sse
сторожка-ILL
‘Юноша взял перо и отнес в сторожку’.

24. *Itse heittiis makkaamaa.*
itse *heittī-Z* *makkā-mā*
сам бросаться-PST.3SGспать-SUP
‘Сам лег [= бросился] спать’.

25. *Tuli kunigas katsomaa:*
tul-i-Ø *kunigaZ* *katso-mā*
приходить-PST-3SG царь смотреть-SUP

kanneel oli kultain sulga.
kannē-l *ol-i-Ø* *kultain* *sulga*
стол-AD быть-PST-3SG золотой перо
‘Пришел царь посмотреть: на столе лежит [= было] золотое перо’.

[22] Ижорский глагол *атр̆риа* ‘стрелять’ управляет партитивом.

26. *Kunigas katsoi i mäni pois.*
kunigaZ *katso-i-Ø* *i* *män-i-Ø* *poiZ*[23]
царь смотреть-PST-3SG и идти-PST-3SG прочь
‘Царь посмотрел и ушел’.

27. *Poiga noizi üllää ja otti*
poiga *noiz-i-Ø* *üllā* *ja* *ott-i-Ø*
юноша стать-PST-3SG вверх и брать-PST-3SG

sulan ja vei ädillee.
sula-n *ja* *ve-i-Ø* *ädi-llē*[24]
перо-GEN и нести-PST-3SG отец-ALL.P3SG
‘Юноша проснулся [= встал], взял перо и отнес отцу’.

28. *Ätti küssüü: kui siä sait?*
ätti *küssū* *kui* *siä* *sa-i-D*
отец спрашивать.3SG как ты получать-PST-2SG
‘Отец спрашивает: «Как ты [его] достал?»’

29. *Poiga sannoo: miä varaast*
poiga *sannō* *miä* *varās-t*
сын говорить.3SG я вор-PART

en tavant, a näin.
e-n *tava-nD* *a* *nä-i-n*
NEG-1SG поймать-PC_PST а видеть-PST-1SG
‘Сын говорит: «Я вора не поймал, но видел»’.

30. *Siid ätti sannoo: pittää männä*
sīD *ätti* *sannō* *pittā* *män-nä*
тогда отец говорить.3SG быть_должным.3SG идти-INF

etsimää varaast, ja andoi kaigille
etsi-mā *varās-t* *ja* *ando-i-Ø* *kaig-i-lle*
искать-SUP вор-PART и давать-PST-3SG весь-PL-ALL

[23] Слово *poiZ* является «центробежным» наречием, которое часто используется при глаголах, содержащих семантику перемещения, и обозначает удаление от ориентира.

[24] Когда посессивный показатель 3 лица ед.ч. выражается только в продлении конечного гласного, мы не отделяем его от аффикса.

kolmelle pojallee heppoist.
kolme-lle *poja-llē* *heppois-t*
три-ALL сын-ALL.P3SG лошадь-PL
‘Тогда отец говорит: «Нужно пойти искать вора», — и дал [он] всем трем сыновьям коней’.

31. *I pojat läksiit etsimää.*
i *poja-D* *läks-ī-D* *etsi-mā̄*
и сын-PL отправляться-PST-3PL искать-SUP
‘И сыновья отправились искать’.

32. *Männiit kolmen kezen têdä mo̊̄dä*
männ-ī-D *kolme-n* *kezen* *tē-dä* *mo̊̄dä*
идти-PST-3PL три-GEN между дорога-PART вдоль

i tuli kolt tênhaaraa.
i *tul-i-Ø* *kolD* *tēnhārā*
и приходить-PST-3SG три ответвление_дороги.PART[25]
‘Пошли втроем по дороге и дошли до развилки трех дорог’[26].

33. *Ho̊̄ läksiit kaik eri têlle.*
ho̊̄ *läks-ī-D* *kaiG* *eri* *tē-lle*
они отправляться-PST-3PL весь разный дорога-ALL
‘Они отправились все в разные стороны [= на разную дорогу].

34. *Nôremp poiga mäni oigiaa kättee.*
nōre-mB *poiga män-i-Ø* *oigiā* *kättē*
молодой-COMP сын идти-PST-3SG правый.ILL рука.ILL
‘Младший сын пошел направо [= в правую руку]’.

35. *Mäni têdä mo̊̄dä*
män-i-Ø *tē-dä* *mo̊̄dä*
идти-PST-3SG дорога-PART вдоль

[25] Слово *tēnhāra* образовано соположением генитива от слова *tē* ‘дорога’ и номинатива от слова *hāra* ‘ветвь’. Оно отсутствует в словаре [Nirvi 1971] как отдельная лемма, но содержится в примерах на слово *hāra* и при этом записывается как два отдельных слова, но с ассимиляцией конечного согласного первого компонента: *tē̮ḫ ḫāra*.

[26] В ижорском языке приближение субъекта в процессе перемещения к некоторому объекту выражается конструкцией, буквально означающей ‘объект идет (навстречу)’. См. также предложение 129.

i nägi sutta tên ääreest.
i *näg-i-Ø* *sut-ta* *tē-n* *ārē-st*
и видеть-PST-3SG волк-PART дорога-GEN край-EL
‘Шел по дороге и увидел волка на краю дороги’.

36. *Hänell*[27] *oli püssü kera*
häne-l̄ *ol-i-Ø* *püssü* *kera*
он-AD быть-PST-3SG ружье с

i tahtoi ampua sutta.
i *tahto-i-Ø* *ampu-a* *sut-ta*
и хотеть-PST-3SG стрелять-INF волк-PART
‘У него было с собой ружье, и [он] хотел выстрелить в волка’.

37. *Suzi noizi läkkäämää i sannoo:*
suzi *noiz-i-Ø* *läkkā-mā* *i* *sannō*
волк стать-PST-3SG разговаривать-SUP и говорить.3SG

elä ammu minnua.
elä *ammu* *minnu-a*
PROH стрелять я-PART
‘Волк заговорил и сказал: «Не стреляй в меня»’.

38. *Sao miulle, kuhu siä tahot männä.*
sao *miu-lle* *kuhu* *siä* *taho-D* *män-nä*
говорить.IMP я-ALL куда ты хотеть-2SG идти-INF
‘«Скажи мне, куда ты направляешься [= хочешь пойти]?»’

39. *Poiga sannoo: miä mään*
poiga *sannō* *miä* *mā-n*
юноша говорить.3SG я идти-1SG

etsimää lintua, kumba varasti
etsi-mā *lintu-a* *kumba* *varast-i-Ø*
искать-SUP птица-PART который воровать-PST-3SG

[27] Почему в исходной записи показатель адессива с геминированным согласным, нам непонятно. Ср. с предложением 49, где та же форма встречается в привычном виде. Заметим, что в современном ижорском языке долгие согласные на конце, похоже, не встречаются. В настоящем тексте конечные долгие согласные отмечены также в формах *sil̄* (предложения 49 и 150) и *tās̄* (предложение 75); в подобной нотации возможно предположить влияние финского языка В. Поркки.

meijen omenia.
meije-n *omen-i-a*
мы-GEN яблоко-PL-PART
‘Юноша говорит: «Я иду искать птицу, которая воровала наши яблоки»’.

40. *Suzi sannoo: lakkaa ommaas*
suzi *sannō* *lakkā* *ommā-Z*[28]
волк говорить.3SG оставлять.IMP свой-P2SG

heboisees tähä, istuu miulle selkää
heboisē-Z *tähä*[29] *istū* *miu-lle* *selkā̄*
лошадь-P2SG сюда садиться.IMP я-ALL спина.ILL[30]

i lähemmä mänömää.
i *lähe-mmä* *mänö-mā̄*
и отправляться-1PL идти-SUP
‘Волк говорит: «Оставь своего коня здесь, садись мне на спину, и отправимся»’.

41. *Poiga istuis suelle selkää,*
poiga *istu-iZ* *sue-lle* *selkā̄*
юноша садиться-PST.3SG волк-ALL спина.ILL

i hō̂ männiit
i *hō̄* *männ-ī-D*
и они идти-PST-3PL

[28] Продление конечного гласного основы обуславливается посессивным показателем. См. также предложения 51, 96–101, 124.

[29] В ижорском существует типичное для прибалтийско-финских языков явление, называемое «лативный сдвиг». У ряда глаголов (‘оставлять’, ‘оставаться’, ‘рождаться’, ‘умирать’ и др.) валентность на место действия заполняется именем или наречием, отвечающим на вопрос *куда?* (а не *где?*). См. также предложения 43, 81, 82, 107.

[30] Части тела в ижорском, как и в других прибалтийско-финских языках, обычно оформляются внутриместными, а не внешнеместными падежами в конструкциях, выражающих плотный контакт с другим предметом. Вместо привычного для русского языка *надень шапку на голову* в ижорском будет использоваться конструкция ‘надень шапку в голову’. Поэтому слово ‘спина’ в сочетании ‘садись на спину’ находится в форме иллатива: *selkā̄*.

üli üheksän kunigahan riigin.
üli *üheksä-n* *kunigaha-n* *rīgi-n* [31]
через девять-GEN царь-GEN царство-GEN
‘Юноша сел волку на спину, и они отправились за девять царств’.

42. *Sêl oli se lindu,*
sēl *ol-i-Ø* *se* *lindu*
там быть-PST-3SG тот птица

migä varasti omenia.
migä *varast-i-Ø* *omen-i-a*
что воровать-PST-3SG яблоко-PL-PART
‘Там была та птица, которая [= что] воровала яблоки’.

43. *Siit se suzi saoi:*
sīt *se* [32] *suzi* *sao-i-Ø*
тогда тот волк говорить-PST-3SG

miä jään tähä,
miä *jā̄-n* *tähä*
я оставаться-1SG сюда

a siä mää varastammaa lintua,
a *siä* *mā̄* *varasta-mmā* *lintu-a*
а ты идти.IMP воровать-SUP птица-PART

i saoi pojalle:
i *sao-i-Ø* *poja-lle*
и говорить-PST-3SG юноша-ALL

lindu on pahaisees kletkaas.
lindu *on* *pahaisē-Z* *kletkā-Z*
птица быть.3SG плохой-IN клетка-IN
‘Тогда волк сказал: «Я останусь тут, а ты иди, укради птицу», — и [еще] сказал юноше: «Птица в плохой клетке»’.

[31] Числительные в форме номинатива управляют партитивом, однако если группа «числительное + существительное» оказывается зависимой от предлога или послелога, то все словоформы в группе оформляются падежом, которым управляет предлог или послелог.

[32] Указательное местоимение *se* часто выступает как актуализатор именной группы, то есть в некотором смысле выполняет функцию определенного артикля.

44. *Suzi saoi: oda lindu,*
suzi *sao-i-Ø* *oda* *lindu*
волк говорить-PST-3SG брать.IMP птица

elä kert' kletkaa.
elä *kerD'*[33] *kletkā*
PROH трогать клетка.PART
‘Волк сказал: «Возьми птицу, не трогай клетку»’.

45. *Poiga mäni lintua ottamaa.*
poiga *män-i-Ø* *lintu-a* *otta-mā*
юноша идти-PST-3SG птица-PART брать-SUP
‘Юноша пошел брать птицу’.

46. *Ja siit tuumajaa: kuin miä odan linnun,*
ja *sīD* *tūma-jā* *kuin* *miä* *oda-n* *linnu-n*
и тогда думать-3SG как я брать-1SG птица-GEN

a kletkaa en kert?
a *kletkā* *e-n* *kerD*
а клетка.PART NEG-1SG трогать
‘И думает тогда: «Как я возьму птицу, а клетку не трону?»’

47. *Otti linnun i kletkan.*
ott-i-Ø *linnu-n* *i* *kletka-n*
брать-PST-3SG птица-GEN и клетка-GEN
‘Взял птицу и клетку’.

48. *Nois*[34] *tulomaa pois*
noiZ *tulo-mā* *poiZ*
стать.PST.3SG приходить-SUP[35] прочь

[33] *KerD'* и *kerD* (см. предложение 46) — это редуцированные варианты формы *kerdä* <трогать>.

[34] Апокопа конечного *i* в беглой речи встречается часто. При этом последний согласный может подвергаться изменениям (ср. с полной формой *noizi* <стать:PST:3SG>). Похожий пример апокопы наблюдается в предложении 156 (*läks* вместо *läksi* <отправляться:PST:3SG>).

[35] Причины использования глагола *tulla* ‘приходить’ со значением движения к наблюдателю (см. комментарий к предложению 18) здесь неочевидны. Появление глагола *tulla* позволяет предположить, что рассказчик воспринимает ситуацию, как бы находясь там, где остался волк.

i odettii kiin.
i ode-ttī kīn[36]
и брать-IPS.PST закрыто
‘Стал уходить, и [его] поймали’.

49. *Ja kunigahaal oli saottu:*
ja kunigahā-l[37] *ol-i-Ø sao-ttu*
и царь-AD быть-PST-3SG говорить-PC_IPS.PST[38]

ken senen linnun varastaa,
ken sene-n linnu-n varastā
кто тот-GEN птица-GEN воровать.3SG

niin siit sill kerral tabetaa.
nīn sīD si-l̄ kerra-l tabe-tā
так тогда тот-AD раз-AD убивать-IPS
‘А царем было сказано: «Кто эту птицу украдет, [того] тогда убьют»’[39].

50. *I vêtii se poiga kunigahalle,*
i vē-tī se poiga kunigaha-lle
и нести-IPS тот юноша царь-ALL

ja kunigas küzüi: kenen siä ôt
ja kunigaZ küzü-i-Ø kene-n siä ō-D
и царь спрашивать-PST-3SG кто-GEN ты быть-2SG

[36] Наречие *kīn* часто используется в ижорском языке в качестве модификатора значения глагола и, как правило, содержит семантический компонент полноты действия (например, ‘брать’ + *kīn* = ‘поймать’). Ср. предложения 48, 53, 55, 63, 66, 119.

[37] Ср. с предложениями 1 и 2, где в аналогичной форме последний гласный непродленный.

[38] Здесь используется пассивная конструкция, образуемая при помощи бытийного глагола и имперсонального причастия смыслового глагола. Агенс оформляется адессивом, который в ижорском языке является падежом обладателя и инструмента. Ср. также с предложением 104, где у аналогичной конструкции появляется объект (о том, что это именно объект, а не субъект, свидетельствует отсутствие согласования по числу).

[39] Словосочетание *sill kerral*, по всей видимости, является идиоматизированным. Вероятно, его следует переводить как ‘в этом случае’ (то есть оно отчасти дублирует слово *sīD*).

poiga ja kust siä ôt.
poiga *ja* *kust* *siä* *ō-D*
сын и откуда ты быть-2SG
‘И отвели юношу к царю, а царь спросил: «Чей ты сын и откуда ты?»’

51. *Poiga saoi: miä ôn*
poiga *sao-i-Ø* *miä* *ō-n*
юноша говорить-PST-3SG я быть-1SG

kunigahan poiga ja miun ättiin
kunigaha-n *poiga* *ja* *miu-n*[40] *ättī-n*
царь-GEN сын и я-GEN отец-P1SG

lähetti etsimää tädä lintua.
lähett-i-Ø *etsi-mā̄* *tä-dä* *lintu-a*
посылать-PST-3SG искать-SUP этот-PART птица-PART
‘Юноша сказал: «Я царский сын, и мой отец послал [меня] искать эту птицу’.

52. *Tämä lindu käi meijen saaus*
tämä *lindu* *kä-i-Ø* *meije-n* *sāu-Z*
этот птица ходить-PST-3SG мы-GEN сад-IN

ja varasti omenia.
ja *varast-i-Ø* *omen-i-a*
и воровать-PST-3SG яблоко-PL-PART
‘Эта птица прилетала в наш сад и воровала яблоки’.

53. *Mô̄ kiin emmä tavannehed,*
mō̄ *kīn* *e-mmä* *tava-nnehe-D*
мы закрыто NEG-1PL поймать-PC_PST-PL

[40] В данном предложении возможны два варианта интерпретации синтаксической роли местоимения *miun*: 1) как определения к *ättīn* ‘мой отец’ (то есть семантика местоимения дублируется посессивным суффиксом, но при этом наблюдается эллипсис, поскольку у глагола *lähetti* ‘послал’ отсутствует дополнение); 2) как дополнение глагола *lähetti* ‘послал’ (при этом порядок слов в предложении оказывается нетипичным для ижорского языка, хотя и не выходящим за рамки грамматически правильного).

a näimmä jod oli tämä lindu.
a *nä-i-mmä* *joD* *ol-i-Ø* *tämä* *lindu*
а видеть-PST-1PL что быть-PST-3SG этот птица
‘Мы [ее] не поймали, а видели, что была [именно] эта птица’.

54. *Ja siid läksimmä etsimää.*
ja *sīD* *läks-i-mmä* *etsi-mā̄*
и тогда отправляться-PST-1PL искать-SUP
‘И тогда [мы] отправились искать’.

55. *Ja nyt*[41] *miä puuduin kiin.*
ja *nüD* *miä* *pūdu-i-n* *kīn*
и теперь я попадаться-PST-1SG закрыто
‘И вот я попался»’.

56. *— Ja siid noizi rugoelomaa,*
ja *sīD* *noiz-i-Ø* *rugoelo-mā*
и тогда стать-PST-3SG умолять-SUP

jod lastais hänt pois.
joD *las-taiZ* *hän-D* *poiZ*
что пускать-COND.3PL он-PART прочь
‘И потом стал умолять, чтобы отпустили его’.

57. *Siit kunigas saoi:*
sīD *kunigaZ* *sao-i-Ø*
тогда царь говорить-PST-3SG

ku tôt miulle toizelt kunigahalt
ku *tō-D* *miu-lle* *toize-lD* *kunigaha-lD*
как приносить-2SG я-ALL другой-ABL царь-ABL

[41] Использование знака *y* вместо *ü* является явной опечаткой, возникшей под влиянием финской орфографии. См. также предложения 74, 94, 111 и 160.

heppoizen kuldaharjan.
heppoize-n *kuldaharja-n*
лошадь-GEN златогривый-GEN[42]
‘Тогда царь сказал: «[Отпущу], если приведешь мне от другого царя златогривого коня»’.

58. *Ja se poiga läksi saamaa*
ja *se* *poiga* *läks-i-Ø* *sā-mā*
и тот юноша отправляться-PST-3SG получать-SUP

hevoist.
hevois-t
лошадь-PART
‘И юноша отправился добывать коня’.

59. *Mäni, istuis suelle*
män-i-Ø *istu-iZ* *sue-lle*
идти-PST-3SG садиться-PST.3SG волк-ALL

taas selkää.
tāZ *selkā̄*
опять спина.ILL
‘Пошел, опять сел волку на спину’.

60. *Ja läksiit sinne kunigahalle*
ja *läks-ī-D* *sinne* *kunigaha-lle*
и отправляться-PST-3PL туда царь-ALL

hevoist saamaa.
hevois-t *sā-mā*
лошадь-PART получать-SUP
‘И отправились к тому[43] царю добывать коня’.

---

[42] В словаре [Nirvi 1971: 216] слово *kulDaharja* отмечено как существительное, но за неимением подходящего эквивалента в русском языке мы переводим его прилагательным.

В словосочетании *heppoin kuldaharja* наблюдается согласование двух слов (ср. с предложением 79), а не управление.

[43] Для ижорского языка типичной является конструкция с наречием *sinne* ‘туда’, которую на русский язык точнее переводить указательным местоимением, согласуемым с именем (поэтому ижорскую конструкцию ‘туда к царю’ мы переводим как ‘к тому царю’).

61. *Männiit sinne.*
männ-ī-D *sinne*
идти-PST-3PL туда
‘Добрались[44] туда’.

62. *Suzi saoi taas: nüt ku määt*
suzi *sao-i-Ø* *tāZ* *nüD* *ku* *mā̄-D*
волк говорить-PST-3SG опять теперь как идти-2SG

nii oda heppoin ilma suitsida.
nī *oda* *heppoin* *ilma* *suits-i-da*
так брать.IMP лошадь без уздечка-PL-PART[45]
‘Волк опять сказал: «Теперь, когда пойдешь, то бери коня без уздечки’.

63. *A ku odat suitsiin kera,*
a *ku* *oda-D* *suits-ī-n* *kera*
а как брать-2SG уздечка-PL-GEN с

[44] Принципиально разные признаки, противопоставляющие глаголы движения в ижорском и в русском языках, делают перевод этих глаголов достаточно условным (см. комментарии к предложениям 18 и 48). В данном случае предложение *männīD sinne* можно было бы перевести как ‘пошли туда’, но тогда оно повторило бы мысль, выраженную в предыдущем предложении (*läksīD sinne* ‘отправились туда’).

[45] Интерпретация формы *suitsida* не вполне ясна как с точки зрения числа, так и с точки зрения падежа. В словаре [Nirvi 1971: 548] в качестве исходной приводится форма *suitseD* ‘уздечка’, являющаяся морфологически формой множественного числа (то есть это слово считается Pluralia tantum). В качестве генитива указывается форма *suiṭsiloin* с показателем множественного числа косвенных падежей *-loi*, однако во всех приведенных примерах этот показатель отсутствует. Это свидетельствует либо о варьировании форм множественного числа, либо о существовании форм единственного числа с основой на *i* (использующихся параллельно с формами с основой на *e*). Непонятным оказывается и показатель *-da*, поскольку в качестве партитива здесь было бы естественнее ожидать форму *suitsia*. Показатель *-da* может интерпретироваться либо как результат смешения с другими парадигматическими классами существительных, либо вообще не как показатель партитива, а как показатель абессива (в этом случае значение падежа дублируется предлогом *ilma* ‘без’, что не является нормой, но все же иногда наблюдается в речи). См. также предложение 64 с аналогичной формой. Заметим, что в пересказе данной сказки на говор деревни Залесье говорящий использовал регулярно образованную форму партитива множественного числа *suiṭsiloja* [Sovijärvi 1944: 223].

siit taas puudut kiin.
sīD *tāZ* *pūdu-D* *kīn*
тогда опять попадаться-2SG закрыто
‘А если возьмешь с уздечкой, тогда опять попадешься»’.

64. *Ja se poiga läksi hevoist*
ja *se* *poiga* *läks-i-Ø* *hevois-t*
и тот юноша отправляться-PST-3SG лошадь-PART

saamaa i tuumajaa:
sā-mā *i* *tūma-jā*
добывать-SUP и думать-3SG

kuin miä odan heppoizen ilma
kuin *miä* *oda-n* *heppoize-n* *ilma*
как я брать-1SG лошадь-GEN без

suitsida, laa odan suitsetki.
suits-i-da *lā* *oda-n* *suitse-t-ki*
уздечка-PL-PART пусть[46] брать-1SG уздечка-PL-EMPH
‘А юноша отправился добывать коня и думает: «Как я возьму коня без уздечки, возьму-ка я и уздечку»’.

65. *— Otti suitset ja pani*
ott-i-Ø *suitse-D* *ja* *pan-i-Ø*
брать-PST-3SG уздечка-PL и класть-PST-3SG

heppoizen päähä.
heppoize-n *pā̆-hä*
лошадь-GEN голова-ILL
‘Взял уздечку и надел коню на голову’.

66. *Noizi tômaa hevoist,*
noiz-i-Ø *tō-mā* *hevois-t*
стать-PST-3SG приносить-SUP лошадь-PART

[46] По сути, данная конструкция является аналитическим императивом 1 лица. Как было отмечено выше, в современном языке аналитический императив с частицей *la* ~ *lā* вытеснил исходные синтетические формы императива 3 лица (то есть синтетический императив в современном языке сохранился только во 2 лице).

i siin paigaas odettii hää taas kiin
i *sīn* *paigā-Z* *ode-ttī* *hā̄* *tāZ* *kīn*
и там место-IN брать-IPS.PST он опять закрыто

i vêtii kunigahalle.
i *vē-tī* *kunigaha-lle*
и нести-IPS.PST царь-ALL
‘Стал выводить коня, и тут же[47] опять поймали его и отвели к царю’.

67. *Kunigas sannoo:*
kunigaZ *sannō*
царь говорить.3SG

kuin siä rôhit hevoist varastaa?
kuin *siä* *rōh-i-D*[48] *hevois-t* *varastā*
как ты сметь-PST-2SG лошадь-PART воровать.INF
‘Царь говорит: «Как ты посмел красть коня?»’

68. *— Ja hää käi rugoelomaa:*
ja *hā̄* *kä-i-Ø* *rugoelo-mā*
и он ходить-PST-3SG умолять-SUP

laze minnua pois,
laze *minnu-a* *poiZ*
пускать.IMP я-PART прочь

miä tên minen siä käzet.
miä *tē-n* *mine-n* *siä* *käze-D*
я делать-1SG что-GEN ты приказывать-2SG
‘А он давай [= пошел] упрашивать: «Отпусти меня, я сделаю, что ты прикажешь»’.

[47] Буквально *sīn paigās* переводится ‘в том месте’. В. Поркка в своей грамматике отмечает наречие *siin-paigaas* ‘сейчас, немедленно’ (нем. *gleich*) [Porkka 1885: 129], что позволяет выбрать в переводе временну́ю, а не пространственную интерпретацию этого словосочетания.

[48] Интерпретация формы *rōh-i-D* не вполне очевидна, поскольку у данного глагола совпадают формы прошедшего и настоящего времени в 1 и 2 лицах (то есть эту форму можно глоссировать как <сметь-PST-2SG>, так и <сметь-2SG>). При этом семантический контекст допускает оба варианта. Мы выбрали первый вариант интерпретации, поскольку он представляется нам более вероятным.

69. *Jä kunigas sannoo: ku têt senen,*
jä kunigaZ sannō ku tē-D sene-n
и царь говорить.3SG как делать-2SG тот-GEN

minen miä käzen; ku tôt
mine-n miä käze-n ku tō-D
что-GEN я приказывать-1SG как приносить-2SG

miulle seelt kunigahan riigist tüdöin,
miu-lle sēlD kunigaha-n rīgi-st tüdöi-n
я-ALL оттуда царь-GEN царство-EL девушка-GEN

siit miä annan siulle tämän heppoizen.
sīD miä anna-n siu-lle tämä-n heppoize-n
тогда я давать-1SG ты-ALL этот-GEN лошадь-GEN
‘А царь говорит: «Если сделаешь то, что я прикажу, если привезешь мне из другого царства царевну, тогда я дам тебе этого коня»’.

70. *I poiga läksi etsimää*
i poiga läks-i-Ø etsi-mā̆
и юноша отправляться-PST-3SG искать-SUP

tüttöjä, i mörni taas suelle.
tüttöj-ä i mörn-i-Ø tāZ sue-lle
девушка-PART и кричать-PST-3SG опять волк-ALL
‘Юноша отправился искать девушку и опять кликнул волка’.

71. *Suzi tuli ja käi hänt*
suzi tul-i-Ø ja kä-i-Ø hän-D
волк приходить-PST-3SG и ходить-PST-3SG он-PART

torumaa: miks siä teit niin
toru-mā miks siä te-i-D nīn
ругать-SUP почему ты делать-PST-2SG так

kui miä en käskent.
kui miä e-n käske-nD
как я NEG-1SG приказывать-PC_PST
‘Волк пришел и стал [= пошел] его ругать: «Почему ты сделал так, как я не велел?»’

72. *Ja poiga istuis suelle selkää,*
ja poiga istu-iZ sue-lle selkā̆
и юноша садиться-PST.3SG волк-ALL спина.ILL

ja läksiit mänömää.
ja läks-ī-D mänö-mā̄
и отправляться-PST-3PL идти-SUP
‘И юноша сел волку на спину, и отправились’.

73. *I männiit sinne kunigahan rikkii.*
i männ-ī-D sinne kunigaha-n rīkkī[49]
и идти-PST-3PL туда царь-GEN царство.ILL
‘И поехали в то царство [= туда в царство]’.

74. *Siit suzi saoi: nüt kuuntele*
sīD suzi sao-i-Ø nüD kūntele
тогда волк говорить-PST-3SG теперь слушать.IMP

minnua, oda tüttöi; nüt ei ô
minnu-a oda tüttöi nüD ei ō
я-PART брать.IMP девушка теперь NEG.3SG быть

assia siun, nyd on assia miun.
assia siu-n nüD on assia miu-n
дело ты-GEN теперь быть.3SG дело я-GEN
‘Тогда волк сказал: «Теперь слушай меня, бери девушку; теперь [это] не твое дело, теперь [это] мое дело’.

75. *Ō siä nüt täss,*
ō siä nüD täs̄
быть.IMP ты теперь здесь

a miä mäǟn saamaa tüttöjä.
a miä mā̄-n sā-mā tüttöj-ä
а я идти-1SG получать-SUP девушка-PART
‘Будь ты теперь здесь, а я пойду добуду девушку»’.

76. *Ja suzi mäni sinne saatuu,*
ja suzi män-i-Ø sinne sātū
и волк идти-PST-3SG туда сад.ILL

istuis pehkoo i sen troban
istu-iZ pehkō i se-n troba-n
садиться-PST.3SG куст.ILL и тот-GEN тропа-GEN

[49] Краткий гласный первого слога в оригинальной записи, по всей видимости, следует считать опечаткой.

kohalle, mihe tulloo kul'aittammaa
koha-lle *mihe* *tullō* *kul'aitta-mmā*
место-ALL куда приходить.3SG гулять-SUP

kunigahan tüttöi.
kunigaha-n *tüttöi*
царь-GEN девушка

‘И волк пошел туда в сад, спрятался [= сел] в куст в том месте тропы [= на той тропы место], куда приходит гулять царевна’.

77. *Tüttöi läksi kul'aittammaa*
tüttöi *läks-i-Ø* *kul'aitta-mmā*
девушка отправляться-PST-3SG гулять-SUP

näntköin kera i männiit siihe suen
näntkö-i-n *kera* *i* *männ-ī-D* *sī-he* *sue-n*
нянька-PL-GEN с и идти-PST-3PL тот-ILL волк-GEN

kohtaa, i suzi otti senen tüdöin
kohtā *i* *suzi* *ott-i-Ø* *sene-n* *tüdöi-n*
место.ILL и волк брать-PST-3SG тот-GEN девушка-GEN

i vei sinne miz oli
i *ve-i-Ø* *sinne* *miZ* *ol-i-Ø*
и нести-PST-3SG туда где быть-PST-3SG

se poiga.
se *poiga*
тот юноша

‘Девушка отправилась гулять с няньками, и пошли [они] туда, где был волк [= в то волчье место], и волк схватил эту девушку и понес туда, где был юноша’.

78. *I männiit pojan lôks.*
i *männ-ī-D* *poja-n* *lōks*
и идти-PST-3PL юноша-GEN к
‘И пошли к юноше’.

79. *Tüttöi i poiga istuisiit suelle selkää*
tüttöi *i* *poiga* *istu-isī-D* *sue-lle* *selkā̄*
девушка и юноша садиться-PST-3PL волк-ALL спина.ILL

i männiit sinne riikkii,
i männ-ī-D sinne rīkkī
и идти-PST-3PL туда царство.ILL

miz oli heppoin kuldaharja.
miZ ol-i-Ø heppoin kuldaharja
где быть-PST-3SG лошадь златогривый
‘Девушка и юноша сели волку на спину и отправились в то царство [= туда в царство], где был златогривый конь’.

80. *I suzi siit saoi pojalle:*
i suzi sīD sao-i-Ø poja-lle
и волк тогда говорить-PST-3SG юноша-ALL

siulle on saali antaa tüttöjä.
siu-lle on sāli antā tüttöj-ä
ты-ALL быть.3SG жалость давать.INF девушка-PART
‘А волк тогда сказал юноше: «Тебе жалко отдавать девушку’.

81. *No miä noizen tüdöiks,*
no miä noize-n tüdöi-ks
ну я стать-1SG девушка-TRL

a siä heidä tüttöi tähä.
a siä heidä tüttöi tähä
а ты бросать.IMP девушка сюда
‘Ну, я превращусь в девушку [= стану девушкой], а ты оставь девушку здесь»’.

82. *I poiga jätti tüdöin siihe*
i poiga jätt-i-Ø tüdöi-n sīhe
и юноша оставлять-PST-3SG девушка-GEN туда

i itse läksi suen kera.
i itse läks-i-Ø sue-n kera
и сам отправляться-PST-3SG волк-GEN с
‘И юноша оставил девушку там, а сам отправился с волком’.

83. *Ja se suzi noizi tüdöiks*
ja se suzi noiz-i-Ø tüdöi-ks
и тот волк стать-PST-3SG девушка-TRL

ja siid männiit kunigahalle.
ja *sīD* *männ-ī-D* *kunigaha-lle*
и тогда идти-PST-3PL царь-ALL
‘А волк превратился в девушку [= стал девушкой], и тогда [они] пошли к царю’.

84. *Ja kunigas andoi senen heppoizen.*
ja *kunigaZ* *ando-i-Ø* *sene-n* *heppoize-n*
и царь давать-PST-3SG тот-GEN лошадь-GEN
‘И царь дал того коня’.

85. *Poiga otti heppoizen*
poiga *ott-i-Ø* *heppoize-n*
юноша брать-PST-3SG лошадь-GEN

ja läksi pois.
ja *läks-i-Ø* *poiZ*
и отправляться-PST-3SG прочь
‘Юноша взял коня и ушел’.

86. *Kunigas läksi kul'aittammaa*
kunigaZ *läks-i-Ø* *kul'aitta-mmā*
царь отправляться-PST-3SG гулять-SUP

ja siit männiit saatuu
ja *sīD* *männ-ī-D* *sātū*
и тогда идти-PST-3PL сад.ILL

ja suzi i pakeeni.
ja *suzi* *i* *pakēn-i-Ø*[50]
и волк и убегать-PST-3SG
‘Царь отправился гулять, и [они] пошли тогда в сад, а волк и удрал’.

87. *I mäni pojan lôks; istuis*
i *män-i-Ø* *poja-n* *lōks* *istu-iZ*
и идти-PST-3SG юноша-GEN к садиться-PST.3SG

[50] Эта форма относится к глаголу *paeDa* ‘убегать, удирать’ [Nirvi 1971: 370]. То есть у данного глагола часть форм образуется от трехсложной основы *pagene-*, а часть форм — от основы, где слог *-ne-* отсутствует (так, например, основа *pae-* в форме *paeDa* <убегать:INF> является слабоступенным коррелятом *page-*). Заметим, что в предложении 92 у В. Поркки та же форма записана с геминированным *kk*.

siit selkää, i männiit sinne kunigahalle,
sīD *selkǟ* *i* *männ-ī-D* *sinne* *kunigaha-lle*
тогда спина.ILL и идти-PST-3PL туда царь-ALL

miz oli käppiä lindu.
miZ *ol-i-Ø* *käppiä* *lindu*
где быть-PST-3SG красивый птица

‘И побежал [= пошел] к юноше, [юноша] сел тогда [ему] на спину, и поехали к тому [= туда к] царю, где была красивая птица’.

88. *Siit suzi saoi: siulle on saali*
sīD *suzi* *sao-i-Ø* *siu-lle* *on* *sāli*
тогда волк говорить-PST-3SG ты-ALL быть.3SG жалость

antaa hevoist; miä noizen heboizeks,
antā *hevois-t* *miä* *noize-n* *heboize-ks*
давать.INF лошадь-PART я стать-1SG лошадь-TRL

ja siit lähemmä kahen kezen.
ja *sīD* *lähe-mmä* *kahe-n* *kezen*
и тогда отправляться-1PL два-GEN между

‘Тогда волк сказал: «Тебе жалко отдавать коня, я превращусь в коня [= стану конем], и тогда отправимся вдвоем»’.

89. *Ja suzi noizi heboizeks,*
ja *suzi* *noiz-i-Ø* *heboize-ks*
и волк стать-PST-3SG лошадь-TRL

ja männiit kunigahalle.
ja *männ-ī-D* *kunigaha-lle*
и идти-PST-3PL царь-ALL

‘И волк превратился в коня [= стал конем], и пошли к царю’.

90. *I pojga andoi heppoizen,*
i *pojga* *ando-i-Ø* *heppoize-n*
и юноша давать-PST-3SG лошадь-GEN

itse otti linnun
itse *ott-i-Ø* *linnu-n*
сам брать-PST-3SG птица-GEN

i läksi pois, a kunigas
i läks-i-Ø poiZ a kunigaZ
и отправляться-PST-3SG прочь а царь

otti heppoizen ja läksi
ott-i-Ø heppoize-n ja läks-i-Ø
брать-PST-3SG лошадь-GEN и отправляться-PST-3SG

kul'aittammaa heboizel ja katsomaa
kul'aitta-mmā heboize-l ja katso-mā
гулять-SUP лошадь-AD и смотреть-SUP

hüvvää hevoist.
hüvvā̆ hevois-t
хороший.PART лошадь-PART
‘И юноша отдал коня, сам взял птицу и ушел прочь, а царь взял коня и отправился гулять верхом [= на коне] и любоваться хорошим конем [= смотреть на хорошего коня]’.

91. *Istuis selkää.*
istu-iZ selkā̆
садиться-PST.3SG спина.ILL
‘Сел на спину’.

92. *Suzi kui põrähti, ja kunigas*
suzi kui pȭräht-i-Ø ja kunigaZ
волк как повернуться-PST-3SG и царь

lankeis maaha seläst,
lanke-iZ mā-ha selā̆-st,
падать-PST.3SG земля-ILL спина-EL

i vaijois maaha
i vaijo-iZ mā-ha
и проваливаться-PST.3SG земля-ILL

ja suzi pakkeeni.
ja suzi pakkēn-i-Ø
и волк убегать-PST-3SG
‘Волк как повернулся, и царь упал со спины и повалился, а волк удрал’.

93. *Mäni sinne miz olliit*
män-i-Ø sinne miZ oll-ī-D
идти-PST-3SG туда где быть-PST-3PL

tüttöi ja poiga.
tüttöi ja poiga
девушка и юноша
‘Побежал туда, где были девушка и юноша’.

94. *Siit poiga istuis suelle selkää,*
sīD poiga istu-iZ sue-lle selkā̆
тогда юноша садиться-PST.3SG волк-ALL спина.ILL

tyttöi istuis heboizelle.
tüttöi istu-iZ heboize-lle
девушка садиться-PST.3SG лошадь-ALL
‘Потом юноша сел волку на спину, девушка села на коня’.

95. *Läksiid mänömää.*
läks-ī-D mänö-mā̆
отправляться-PST-3PL идти-SUP
‘Отправились’.

96. *Siit se poiga küssüü suelt,*
sīD se poiga küssū̆ sue-lD
тогда тот юноша спрашивать.3SG волк-ABL

etkä siä tiiä,
e-t-kä siä tīä
NEG-2SG-Q/EMPH ты знать

miz ovad miun veljäänt?
miZ o-vaD miu-n veljā̆-n-D[51]
где быть-3PL я-GEN брат-P1SG-PL
‘Потом юноша спрашивает у волка: «Не знаешь ли ты, где мои братья?»’

[51] Появление показателя множественного числа *-D* после посессивного показателя является специфической особенностью сойкинского диалекта ижорского языка (см, например [Лаанест 1978: 258]). См. также предложения 97–102 и 124.

97. *Suzi saoi: miä tiiän,*
suzi *sao-i-Ø* *miä* *tīä-n*
волк говорить-PST-3SG я знать-1SG

miz ovat siun veljääst, mud
miZ *o-vaD* *siu-n* *veljā̄-s-t* *muD*
где быть-3PL ты-GEN брат-P2SG-PL но

ei vaa kelpaa siulle sannoa.
ei *vā* *kelpā* *siu-lle* *sanno-a*
NEG.3SG только годиться ты-ALL говорить-INF
‘Волк сказал: «Я знаю, где твои братья, однако же не следует тебе говорить»’.

98. *Poiga käi küzümää:*
poiga *kä-i-Ø* *küzü-mā̄*
юноша ходить-PST-3SG спрашивать-SUP

sao miz ovad miun veljäänt?
sao *miZ* *o-vaD* *miu-n* *veljā̄-n-D*
говорить.IMP где быть-3PL я-GEN брат-P1SG-PL
‘Юноша стал упрашивать: «Скажи, где мои братья?»’

99. *Suzi saoi hänelle:*
suzi *sao-i-Ø* *häne-lle*
волк говорить-PST-3SG он-ALL

veljääst tekkööt siulle pahaiseest.
veljā̄-s-t *tekkō̄-D* *siu-lle* *pahaisē-st*
брат-P2SG-PL делать-3PL ты-ALL плохой-EL
‘Волк сказал ему: «Твои братья сделают тебе плохое [= плохо]»’.

100. *Poiga saoi: evät tê*
poiga *sao-i-Ø* *e-väD* *tē*
юноша говорить-PST-3SG NEG-3PL делать

miulle miun veljäänt pahaiseest.
miu-lle *miu-n* *veljā̄-n-D* *pahaisē-st*
я-ALL я-GEN брат-P1SG-PL плохой-EL
‘Юноша сказал: «Не сделают мне мои братья плохого [= плохо]»’.

101. *Suzi soi*[52]*: siun veljääst*
suzi *sao-i-Ø* *siu-n* *veljā̆-s-t*
волк говорить-PST-3SG ты-GEN брат-P2SG-PL

ovat sêl hartsenois
o-vaD *sēl* *hartseno-i-Z*
быть-3PL там харчевня-PL-IN[53]

ja tiukkaat karttaa.
ja *tiukkā-D* *karttā*
и играть-3PL карта.PART
‘Волк сказал: «Твои братья там в харчевне и играют в карты»’.

102. *Siit poiga läksi sinne,*
sīD *poiga* *läks-i-Ø* *sinne*
тогда юноша отправляться-PST-3SG туда

miz olliit hänen veljähät.
miZ *oll-ī-D* *häne-n* *veljä-hä-D*
где быть-PST-3PL он-GEN брат-P3SG-PL
‘Тогда юноша отправился туда, где были его братья’.

103. *Ja veljät tiukkiit karttaa.*
ja *veljä-D* *tiukk-ī-D* *karttā*
и брат-PL играть-PST-3PL карта.PART
‘А братья играли в карты’.

104. *Veljiil oli saadettu*
velj-ī-l *ol-i-Ø* *sāde-ttu*[54]
брат-PL-AD быть-PST-3SG проигрывать-PC_IPS.PST

jo *heppoist.*
jo *heppois-t*
уже лошадь-PL
‘Братья уже проиграли коней’.

---

[52] Здесь наблюдается явная опечатка: *soi* вместо *saoi*.

[53] Слово *hartsenaD* является Pluralia tantum.

[54] В словаре [Nirvi 1971: 512-513] у глагола *sāttā* ‘отводить, провожать’ (от которого, скорее всего, образована данная форма) не указано значения ‘проиграть’ (здесь оно выводится из контекста). Заметим, что в переводе данной сказки на говор деревни Залесье [Sovijärvi 1944: 224], носитель языка использует другой глагол — *mänettā̆* ‘тратить, растрачивать, проматывать’.

105. *Ja siit tiugettii jo päijen päälle.*
ja sīD tiuge-ttī jo päije-n pā̈lle
и тогда играть-IPS.PST уже голова.PL-GEN на
‘И тогда играли уже на головы’[55].

106. *Tämän nüd jos saadamma,*
tämä-n nüD jos sāda-mma
этот-GEN теперь если проигрывать-1PL

siid annamma omat päät.
sīD anna-mma oma-D pā̈-D
тогда давать-1PL свой-PL голова-PL
‘«Если теперь эту [партию] проиграем, то отдадим свои головы»’.

107. *Jo siid joudui nôremb*
jo sīD joudu-i-Ø nōre-mB
уже тогда случаться-PST-3SG молодой-COMP

veljä siihe, osti heille
veljä sīhe ost-i-Ø hei-lle
брат туда покупать-PST-3SG они-ALL

heppoiset jällee, ja siid
heppoise-D[56] *jällē ja sīD*
лошадь.P3PL-PL обратно и тогда

läksiid mänömää kottii.
läks-ī-D mänö-mā̄ kottī
отправляться-PST-3PL идти-SUP дом.ILL
‘И тут появился младший брат, выкупил им их коней обратно, и [все они] тогда отправились домой’.

[55] Скорее всего, имеется в виду, что братья играли на жизнь, хотя не следует исключать и интерпретацию, что, проиграв, они отдавали себя в рабство.

[56] Если исключить гипотезу о возможной опечатке (ср. с предложениями 30, 104, 115), данную форму следует анализировать следующим образом: *heppois-* <лошадь> + *-sse* <P3PL> + *D* <PL>. Заметим, что в переводе сказки на говор деревни Залесье [Sovijärvi 1944: 224] в данном месте наблюдается обычная форма *heppoist* <лошадь:NOM:PL>.

108. *Noissiid vanhemmat veljet*[57] *tuumaamaa,*
noiss-ī-D *vanhe-mma-D* *velje-D* *tūmā-mā*
стать-PST-3PL старый-COMP-PL брат-PL думать-SUP

jod nôremb veljä sai
joD *nōre-mB* *veljä* *sa-i-Ø*
что молодой-COMP брат получать-PST-3SG

tämän linnun ja heppoizen.
tämä-n *linnu-n* *ja* *heppoize-n*
этот-GEN птица-GEN и лошадь-GEN
‘Стали старшие братья думать [о том], что младший брат добыл эту птицу и коня’.

109. *Kuin mo̊ nüd määmmä kottii?*
kuin *mō̊* *nüD* *mā̊-mmä* *kottī*
как мы теперь идти-1PL дом.ILL
‘«Как мы теперь пойдем домой?’

110. *Ätti noisoo meidä torumaa.*
ätti *noisō* *mei-dä* *toru-mā*
отец стать.3SG мы-PART ругать-SUP
‘Отец будет нас ругать’.

111. *Nyt tabamma tämän veljän.*
nüD *taba-mma* *tämä-n* *veljä-n*
теперь убивать-1PL этот-GEN брат-GEN
‘Убьем теперь этого брата»’.

112. *A veljää sidä nugutti kovast.*
a *veljā̊* *si-dä* *nugutt-i-Ø* *kovast*
а брат.PART тот-PART усыплять-PST-3SG сильно
‘А брата того сильно клонило в сон’.

113. *Veljä heittiis makkaamaa.*
veljä *heittī-Z* *makkā-mā*
брат бросаться-PST.3SG спать-SUP
‘Брат лег [= бросился] спать’.

[57] Появление в оригинальной записи *е* вместо ожидаемого *ä (veljät)*, по всей видимости, объясняется редукцией (ср. с той же формой в предложении 103). В современном ижорском языке степень такой редукции очень сильно зависит от конкретного идиолекта.

114. *Hő ottiit, tappoit senen veljän*
hő̄ *ott-ī-D* *tappo-i-D* *sene-n* *veljä-n*
они брать-PST-3PL убивать-PST-3PL тот-GEN брат-GEN

ja itse läksiid mänömää kottii.
ja *itse* *läks-ī-D* *mänö-mā̄* *kottī*
и сам отправляться-PST-3PL идти-SUP дом.ILL
‘Они взяли и убили того брата, а сами отправились домой’.

115. *Männiit kottii, sannoid ädillesse:*
männ-ī-D *kottī* *sanno-i-D* *ädi-lle-sse*
идти-PST-3PL дом.ILL говорить-PST-3PL отец-ALL-P3PL

mő saimma nämäd linnud ja heppoist.
mő̄ *sa-i-mma* *nämä-D* *linnu-D* *ja* *heppois-t*
мы получать-PST-1PL эти-PL птица-PL и лошадь-PL
‘Пошли домой, сказали своему отцу: «Мы добыли этих птиц и коней»’[58].

116. *Ätti kiitti heidä ja siit*
ätti *kītt-i-Ø* *hei-dä* *ja* *sīD*
отец благодарить-PST-3SG они-PART и тогда

vanhemp poiga tahtoi ottaa
vanhe-mB *poiga* *tahto-i-Ø* *ottā*
старый-COMP сын хотеть-PST-3SG брать.INF

tüttöjä naizeksee ja noizi
tüttöj-ä *naize-ksē* *ja* *noiz-i-Ø*
девушка-PART жена-TRL.P3SG и стать-PST-3SG

pulmia pidämää.
pulm-i-a[59] *pidä-mā̄*
свадьба-PL-PART держать-SUP
‘Отец поблагодарил их, и потом старший брат захотел взять девушку в жены и стал играть [= держать] свадьбу’.

[58] То, что рассказчик использует множественное число *linnuD* ‘птицы’ и *heppoist* ‘кони’, вероятно, следует считать оговоркой.

[59] Слово *pulmaD* ‘свадьба’ в ижорском языке является Pluralia tantum.

117. *Ja siid joudui suur noida,*

ja	*sīD*	*joudu-i-Ø*	*sūr*	*noida*[60]
и	тогда	случаться-PST-3SG	большой	колдун

pani heijet kaig makkaamaa

pan-i-Ø	*heije-D*	*kaiG*	*makkā-mā*
класть-PST-3SG	они-ACC[61]	весь	спать-SUP

ja itse varasti tüdöin

ja	*itse*	*varast-i-Ø*	*tüdöi-n*
и	сам	воровать-PST-3SG	девушка-GEN

ja vei itsellee.

ja	*ve-i-Ø*	*itse-llē*
и	нести-PST-3SG	сам-ALL.P3SG

‘И тут появился большой колдун, всех их усыпил, а сам украл девушку и унес к себе’.

118. *Siit suzi mäni katsomaa sidä*

sīD	*suzi*	*män-i-Ø*	*katso-mā*	*si-dä*
тогда	волк	идти-PST-3SG	смотреть-SUP	тот-PART

poikaa, migä oli tabettu.

poikā	*migä*	*ol-i-Ø*	*tabe-ttu*
юноша.PART	что	быть-PST-3SG	убивать-PC_IPS.PST

‘Тогда волк пошел посмотреть на того юношу, который был убит’.

---

[60] В дальнейшем рассказчик называет этого персонажа сказки не *noida* ‘колдун’, а *pahalain* ‘черт’.

[61] Аккузатив как морфологически самостоятельный падеж отсутствует у существительных, но имеется у личных местоимений множественного числа. С формальной морфологической точки зрения тут правильнее было бы говорить о «втором номинативе», поскольку стандартный способ образования номинатива множественного числа — это прибавление к основе генитива показателя *-D* (у местоимения *hō̄* ‘они’ эта основа выглядит как *heije-*). Кроме того, именно номинатив является падежом тотального объекта у имен множественного числа. Поэтому глосса ACC у показателя *-D* условна.

119. *Suzi sai variksen pojan kiin.*
suzi *sa-i-Ø* *varikse-n* *poja-n* *kīn*
волк получать-PST-3SG ворона[62]-GEN сын-GEN закрыто
‘Волк поймал вороненка’.

120. *Varis tuli küzümää*
variZ *tul-i-Ø* *küzü-mā̄*
ворона приходить-PST-3SG спрашивать-SUP

poikaataa.
poikātā
сын.PART.P3SG[63]
‘Ворон прилетел просить своего сына [обратно]’.

121. *Suzi saoi: miä en anna*
suzi *sao-i-Ø* *miä* *e-n* *anna*
волк говорить-PST-3SG я NEG-1SG давать

siulle poikaa, kunniis et tô
siu-lle *poikā* *kunnīZ* *e-D* *tō*
ты-ALL сын.PART пока_не NEG-2SG приносить

elogast ja kôllutta vettä.
elogas-t *ja* *kōl-lut-ta*[64] *vet-tä*
живой-PART и умирать-PC_PST-PART вода-PART
‘Волк сказал: «Я не отдам тебе сына, пока не принесешь живой и мертвой воды»’.

[62] В тексте использовано слово *varis* ‘ворона’. Мы не знаем, есть ли в ижорском языке специальная лексема со значением ‘во́рон’ (в словаре [Nirvi 1971: 196] слово *korppi*, которое соответствует литературному финскому слову для обозначения во́рона, переводится как «некоторое мистическое существо»). В переводе мы используем слово «ворон» как больше соответствующее стилю сказки.

[63] Устройство этой формы не совсем понятно. В. Поркка объясняет его так: «Когда партитив единственного числа заканчивается на долгий гласный, он будет дополняться еще раз показателем партитива перед [посессивным] суффиксом» [Porkka 1885: 79]. Такое объяснение кажется несколько громоздким (для ижорского языка нехарактерно дублирование падежных показателей), но из-за недостатка данных (в современном языке посессивных показателей уже нет) мы пока не можем предложить более адекватный анализ данной формы.

[64] Форма *kōllutta* является партитивом активного причастия прошедшего времени от глагола *kōlla* ‘умирать’. Суффикс причастия *-nuD/ -nüD* в данной форме подвергся ассимиляции.

122. *Varis mäni toi*
variZ *män-i-Ø* *to-i-Ø*
ворона идти-PST-3SG приносить-PST-3SG

kahellaajajst vettä.
kahellājajs-t *vet-tä*
двоякий-PART вода-PART
‘Ворон полетел [= пошел], принес и той, и другой воды’.

123. *Suzi otti kastoi poikaa,*
suzi *ott-i-Ø* *kasto-i-Ø* *poikā*
волк брать-PST-3SG смачивать-PST-3SG юноша.PART

ja poiga noizi üllää.
ja poiga *noiz-i-Ø* *üllā̄*
и юноша стать-PST-3SG вверх
‘Волк взял, окропил юношу, и юноша проснулся [= встал]’.

124. *Siit suzi saoi:*
sīD *suzi* *sao-i-Ø*
тогда волк говорить-PST-3SG

midä siun veljääst tekkiit?
mi-dä *siu-n* *veljā̄-s-D* *tekk-ī-D*
что-PART ты-GEN брат-P2SG-PL делать-PST-3PL
‘Тогда волк сказал: «Что сделали твои братья?’

125. *Hō̄ siun tappoit.*
hō̄ *siu-n* *tappo-i-D*
они ты-GEN убивать-PST-3PL
‘Они тебя убили’.

126. *Siä nüd mää etsimää jällee tüttöjä.*
siä *nüD* *mā̄* *etsi-mā̄* *jällē* *tüttöj-ä*
ты теперь идти.IMP искать-SUP опять девушка-PART
‘Ты теперь иди, опять ищи девушку’.

127. *Lähe nüd mänömää*
lähe *nüD* *mänö-mā̄*
отправляться.IMP теперь идти-SUP

tähä suuree metsää.
tä-hä *sūrē* *metsā̄*
этот-ILL большой.ILL лес.ILL
‘Отправляйся теперь в этот большой лес»’.

128. *I poiga läksi.*
i *poiga* *läks-i-Ø*
и юноша отправляться-PST-3SG
‘И юноша отправился’.

129. *Mäni niin kavvan*
män-i-Ø *nīn* *kavvan*
идти-PST-3SG так долго

ku tuli vastaa kodi.
ku *tul-i-Ø* *vastā* *kodi*
как приходить-PST-3SG навстречу дом
‘Долго шел, пока не дошел до дома [= шел так долго, как пришел навстречу дом]’.

130. *Mäni hää siihe kottii.*
män-i-Ø *hā̄* *sī-he* *kottī*
идти-PST-3SG он тот-ILL дом.ILL
‘Пошел он в тот дом’.

131. *Siin koiz oli üks vanha akka.*
sīn *koi-Z* *ol-i-Ø* *üks* *vanha* *akka*
там дом-IN быть-PST-3SG один старый старуха
‘Там в доме была одна старуха’.

132. *Se akka küzüi:*
se *akka* *küzü-i-Ø*
тот старуха спрашивать-PST-3SG

mihe siä nüd määt?
mihe *siä* *nüD* *mā̄-D*
куда ты теперь идти-2SG
‘Эта старуха спросила: «Куда ты сейчас идешь?»’

133. *Poiga saoi: mään etsimää*
poiga *sao-i-Ø* *mā̄-n* *etsi-mā̄*
юноша говорить-PST-3SG идти-1SG искать-SUP

jällee tüttöjä.
jällē *tüttöj-ä*
опять девушка-PART
‘Юноша сказал: «Я иду опять искать девушку»’.

134. *Akka nevvoi pojalle.*
akka *nevvo-i-Ø* *poja-lle*
старуха советовать-PST-3SG юноша-ALL
‘Старуха посоветовала юноше’.

135. *Siä nüd mää üli üheksän meren.*
siä *nüD* *mā̄* *üli* *üheksä-n* *mere-n*
ты теперь идти.IMP через девять-GEN море-GEN
‘«Ты теперь иди за девять морей’.

136. *Sêl on suur tammi,*
sēl *on* *sūr* *tammi*
там быть.3SG большой дуб

tammen all on suur kirsto
tamme-n *all* *on* *sūr* *kirsto*
дуб-GEN под быть.3SG большой сундук

ja kirssoos on suur jänis.
ja *kirssō-Z* *on* *sūr* *jäniZ*
и сундук-IN быть.3SG большой заяц
‘Там есть большой дуб, под дубом есть большой сундук, а в сундуке большой заяц’.

137. *Jänikseez on sorza, sorzaas on muna,*
jäniksē-Z *on* *sorza* *sorzā-Z* *on* *muna*
заяц-IN быть.3SG утка утка-IN быть.3SG яйцо

munaaz on pahalaizen hengi.
munā-Z *on* *pahalaize-n* *hengi*
яйцо-IN быть.3SG черт-GEN душа
‘В зайце утка, в утке яйцо, в яйце душа черта»’.

138. *I poiga läksi mänömää.*
i *poiga* *läks-i-Ø* *mänö-mā̄*
и юноша отправляться-PST-3SG идти-SUP
‘И юноша отправился’.

139. *Männöö têdä möid*
männō̄ *tē-dä* *möiD*
идти.3SG дорога-PART вдоль

ja katsoo: tappeloot kolt pahalaist.
ja *katsō* *tappelō-D* *kolD* *pahalais-t*
и видеть.3SG драться-3PL три черт-PART[65]
‘Идет по дороге и видит: дерутся три черта’.

140. *Se poiga küssüü:*
se *poiga* *küssū̄*
тот юноша спрашивать.3SG

midä tô̄ tappeletta?
mi-dä *tō̄* *tappele-tta*
что-PART вы драться-2PL
‘Юноша спрашивает: «Что вы деретесь?»’

141. *Pahalaist sannoit: saimma*
pahalais-t *sanno-i-D* *sa-i-mma*
черт-PL говорить-PST-3PL получать-PST-1PL

kold riistaa, nii emmä tiiä
kolD *rīstā* *nī* *e-mmä* *tīä*
три предмет.PART так NEG-1PL знать

kuin jakkaa.
kuin *jakkā*
как делить.INF
‘Черти сказали: «[Мы] добыли три вещи, так не знаем, как поделить»’.

[65] Заметим, что у слова *pahalain* ‘черт’ формы партитива единственного числа и номинатива множественного числа совпадают *(pahalaist)*, что позволяет различать их только по синтаксическому контексту. Такое совпадение объясняется специфичным для сойкинского диалекта ижорского языка выпадением гласной перед показателем множественного числа номинатива у ряда слов *(*pahalaiset > pahalaist)*. Ср. также со словом *heppoin* ‘лошадь’, где указанные формы отличаются только за счет чередования ступеней: *hevois-t* <лошадь PART> и *heppois-t* <лошадь-PL>.

142. *Poiga saoi heille: miä obassan*
poiga *sao-i-Ø* *hei-lle* *miä* *obassa-n*
юноша говорить-PST-3SG они-ALL я учить-1SG

teille kuin jakkaa;
tei-lle *kuin* *jakkā*
вы-ALL как делить.INF

miä lazen püssüüst lôin metsää.
miä *laze-n* *püssū̆-st* *lōi-n* *metsā̆*
я пускать-1SG ружье-EL пуля-GEN лес.ILL
‘Юноша сказал им: «Я научу вас, как разделить. Я выпущу из ружья пулю в лес’.

143. *Kumba saap senen lôin*
kumba *sā-B* *sene-n* *lōi-n*
который получать-3SG тот-GEN пуля-GEN

ja tôb miulle,
ja *tō-B* *miu-lle*
и приносить-3SG я-ALL

sille siit kaig ne riissat.
si-lle *sīD* *kaiG* *ne* *rīssa-D*
тот-ALL тогда весь те предмет-PL
‘Кто [из вас] достанет эту пулю и принесет мне, тому тогда все эти вещи [достанутся]»’.

144. *Poiga laski lôin metsää,*
poiga *lask-i-Ø* *lōi-n* *metsā̆*
юноша пускать-PST-3SG пуля-GEN лес.ILL

ja hõ̆ läksiid etsimää.
ja *hõ̆* *läks-ī-D* *etsi-mā̆*
и они отправляться-PST-3PL искать-SUP
‘Юноша выпустил пулю в лес, и они отправились искать’.

145. *Poiga otti ne riissat*
poiga *ott-i-Ø* *ne* *rīssa-D*
юноша брать-PST-3SG те предмет-PL

i mäni pois.
i *män-i-Ø* *poiZ*
и идти-PST-3SG прочь
‘Юноша взял эти вещи и пошел прочь’.

146. *Siid mäni sinne, miz oli*
sīD *män-i-Ø* *sinne* *miZ* *ol-i-Ø*
тогда идти-PST-3SG туда где быть-PST-3SG

suur tammi ja otti
sūr *tammi* *ja* *ott-i-Ø*
большой дуб и брать-PST-3SG

tammen alt kirsson.
tamme-n *alD* *kirsso-n*
дуб-GEN из_под сундук-GEN
‘Потом пошел туда, где был большой дуб, и взял из-под дуба сундук’.

147. *Kirssoost sai jäniksen*
kirssō-st *sa-i-Ø* *jänikse-n*
сундук-EL получать-PST-3SG заяц-GEN

ja jänikseest sai sorzan,
ja *jäniksē-st* *sa-i-Ø* *sorza-n*
и заяц-EL получать-PST-3SG утка-GEN

sorzaast sai munan,
sorzā-st *sa-i-Ø* *muna-n*
утка-EL получать-PST-3SG яйцо-GEN

ja siid läksi tulomaa jällee.
ja *sīD* *läks-i-Ø* *tulo-mā* *jällē*
и тогда отправляться-PST-3SG приходить-SUP опять
‘Из сундука достал зайца, а из зайца достал утку, из утки достал яйцо и потом опять отправился обратно’.

148. *Mäni sinne pahalaizelle ottamaa*
män-i-Ø *sinne* *pahalaize-lle* *otta-mā*
идти-PST-3SG туда черт-ALL брать-SUP

sidä tüttöjä.
si-dä *tüttöj-ä*
тот-PART девушка-PART
‘Пошел к тому черту, [чтобы] забрать ту девушку’.

149. *Siid hänel oli mokkooma hattu.*
sīD *häne-l* *ol-i-Ø* *mokkōma* *hattu*
тогда он-AD быть-PST-3SG такой шапка
‘Потом у него была такая шапка’.

150. *Pani senen hadun päähä:*
pan-i-Ø *sene-n* *hadu-n* *pǟ-hä*
класть-PST-3SG тот-GEN шапка-GEN голова-ILL

siid händ ei näht mikkää.
sīD *hän-D* *ei* *näh-t* *mikkǟ*
тогда он-PART NEG.3SG видеть-PC_PST ничто[66]
‘Надел [= положил] эту шапку на голову: тогда его не видел никто’[67].

151. *I siid mäni pahalaizelle, küzüi:*
i *sīD* *män-i-Ø* *pahalaize-lle* *küzü-i-Ø*
и тогда идти-PST-3SG черт-ALL спрашивать-PST-3SG

anna pois tüttöi!
anna *poiZ* *tüttöi*
давать.IMP прочь девушка
‘И тогда пошел к черту, попросил: «Отдай девушку!»’

152. *Pahalain sannoo: migä siä ôt?*
pahalain *sannō* *migä* *siä* *ō-D*
черт говорить.3SG что ты быть-2SG
‘Черт говорит: «Кто [= что] ты?»’

[66] Интересно, что в данном предложении рассказчик использует отрицательную форму неодушевленного местоимения *mikkǟ* ‘ничто’ вместо ожидаемой формы *kenkǟ* ‘никто’. Ср. также с предложением 152.

[67] По всей видимости, рассказчик упустил какой-то момент в сюжете. Скорее всего, шапка-невидимка должна быть одним из тех трех предметов, которые были отобраны у трех спорящих чертей.

153. *Miä ôn, sannoo, inhimin.*
miä *ō-n* *sannō* *inhimin*
я быть-1SG говорить.3SG человек
‘«Я, — говорит, — человек»’.

154. *Siid otti senen munan kormunaast*
sīD *ott-i-Ø* *sene-n* *muna-n* *kormunā-st*
тогда брать-PST-3SG тот-GEN яйцо-GEN карман-EL

ja rikkoi.
ja *rikko-i-Ø*
и ломать-PST-3SG
‘Потом достал из кармана то яйцо и разбил’.

155. *Siit pahalain kôli.*
sīD *pahalain* *kōl-i-Ø*
тогда черт умирать-PST-3SG
‘Тогда черт умер’.

156. *Otti senen tüdöin ja otti*
ott-i-Ø *sene-n* *tüdöi-n* *ja* *ott-i-Ø*
брать-PST-3SG тот-GEN девушка-GEN и брать-PST-3SG

soidun i läks
soidu-n *i* *läks*
музыкальный_инструмент-GEN и отправляться.PST.3SG

mänömää kottii.
mänö-mā̄ *kottī*
идти-SUP дом.ILL
‘Забрал [юноша] ту девушку, взял музыкальный инструмент и отправился домой’.

157. *I mäni sinne ädillee.*
i *män-i-Ø* *sinne* *ädi-llē*
и идти-PST-3SG туда отец-ALL.P3SG
‘И пошел туда к отцу’.

158. *Sêl kaig magasiit.*
sēl *kaiG* *maga-sī-D*
там весь спать-PST-3PL
‘Там все спали’.

159. *Hää noizi sill soidul*
hā̄ noiz-i-Ø si-l̄ soidu-l
он стать-PST-3SG тот-AD музыкальный_инструмент-AD

soittamaa, ja vägi noizi kaig üllää.
soitta-mā ja vägi noiz-i-Ø kaiG üllā̄
играть-SUP и народ стать-PST-3SG весь вверх
‘Он стал играть на том инструменте, и народ весь проснулся [= встал]’.

160. *Ja siit saoi ädillee:*
ja sīD sao-i-Ø ädi-llē
и тогда говорить-PST-3SG отец-ALL.P3SG

midä tō̄ nyt pulmia piättä?
mi-dä tō̄ nüD pulm-i-a piä-ttä
что-PART вы теперь свадьба-PL-PART держать-2PL
‘И тогда [юноша] сказал отцу: «Что вы тут за свадьбу играете?»’

161. *Ätti läkkäis hänelle,*
ätti läkkä-iZ häne-lle
отец разговаривать-PST.3SG он-ALL

kuin olliit kaig assiat.
kuin oll-ī-D kaiG assia-D
как быть-PST-3PL весь дело-PL
‘Отец рассказал ему, как все было [= как были все дела]’.

162. *Siit poiga saoi: hō̄ miun*
sīD poiga sao-i-Ø hō̄ miu-n
тогда юноша говорить-PST-3SG они я-GEN

tappoit, itse ottiit tüdöin
tappo-i-D itse ott-ī-D tüdöi-n
убивать-PST-3PL сам брать-PST-3PL девушка-GEN

i heppoizen i linnun.
i heppoize-n i linnu-n
и лошадь-GEN и птица-GEN
‘Тогда юноша сказал: «Они меня убили, сами взяли девушку и коня, и птицу»’.

163. *Siid ätti otti vanhemmat pojat*
sīD ätti ott-i-Ø vanhe-mma-D poja-D
тогда отец брать-PST-3SG старый-COMP-PL сын-PL

ja sidoi heppoizen hanta
ja sido-i-Ø heppoize-n häntā̆
и привязывать-PST-3SG лошадь-GEN хвост.ILL

ja molloomat revitti[68].
ja mollōma-D revi-tti
и оба-PL рвать-IPS.PST
‘Тогда отец взял старших сыновей и привязал к лошадиным хвостам [= к лошадиному хвосту], и обоих разорвало’.

164. *Noistii pidämää pulmia*
nois-tī pidä-mā̆ pulm-i-a
стать-IPS.PST держать-SUP свадьба-PL-PART

nôremmalle pojalle.
nōre-mma-lle poja-lle
молодой-COMP-ALL сын-ALL
‘Стали играть [= держать] свадьбу младшему сыну’.

165. *Kutsuttii se suzi pulmii,*
kutsu-ttī se suzi pulm-ī
звать-IPS.PST тот волк свадьба-PL.ILL

ja suzi tuli kolmeel heboiseel.
ja suzi tul-i-Ø kolmē-l heboisē-l
и волк приходить-PST-3SG три-AD лошадь-AD
‘Позвали волка на свадьбу, и волк приехал на тройке’.

166. *Siid noistii jômaa ja sô̆mää.*
sīD nois-tī jō-mā ja sō̆-mā̆
тогда стать-IPS.PST пить-SUP и есть-SUP
‘Тогда стали есть и пить’.

[68] В современном языке (а также в аналогичной форме других лексем у В. Поркки) наблюдается конечный долгий гласный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ПРИМЕРЫ РЕДУКЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НИЖНЕЛУЖСКОМ ИЖОРСКОМ

В Таблицах 1–2 приводятся примеры на процессы редукции и исчезновения гласных во втором и конечном слогах словоформы. Эти примеры извлечены из переводных фраз и спонтанных текстов. Для экономии места и большего удобства восприятия они даются в упрощенной фонетической транскрипции (см. также Приложение 7). Ударения в словоформах не отмечаются, а долгие согласные записываются не как [tt] (как это принято в FUT), а как [t̄]. Кроме того, значок редукции [ĭ] используется только для обозначения очень сильной количественной редукции (т.е. для сверхкратких гласных).

Если какой-либо фонетический вариант словоформы был произнесен информантом более одного раза, при нем в скобках указывается количество произнесений, например, (2). Позиции редукции в словоформах выделяются **жирным шрифтом**, а случаи отсутствия редукции подчеркиваются. Если в какой-либо позиции представлено выпадение этимологического праижорского гласного, на его месте пишется Ø.

В строке «инф.; говор» указаны индекс и пол информантов, а также дана диалектная характеристика их языка (в виде сокращения названия деревни, говор которой представляет данный идиолект). В случае смешанных с диалектологической точки зрения идиолектов через косую черту приводятся названия тех деревень, черты говоров которых демонстрирует тот или иной идиолект. В одном случае ижорский говор оказался смешан с финским говором той же местности. Более подробные социолингвистические сведения об информантах см. в Таблице 1 Приложения 3, а расшифровки сокращений названий деревень — в Таблице 1 Приложения 4.

В столбце «форма» указано глоссирование приводимых в каждой строке форм (расшифровки глосс см. в Приложении 8).

В отдельных случаях в одной строке приводятся 2 или 3 различные морфологические формы одной лексемы или иногда различных лексем. Для того, чтобы обеспечить возможность

однозначного сопоставления каждой форме ее набора позиций и глоссирования, используются значки * и **.

Так, например, в Таблице 1 словоформам krāskasivad и krāskØsivad в столбце «процессы» соответствует набор процессов II-1-2 (один процесс редукции и два случая отсутствия редукции), а в столбце «форма» — глосса <красить:PST:3PL>. В свою очередь, форме krāsatī* из той же строки соответствует набор процессов I-2* в столбце «процессы» и глосса <красить:IPS:PST*> — в столбце «форма».

В части таких случаев, когда в одной и той же строке представлено несколько видов словоформ, большинство форм строки однотипно. Отдельные инородные вкрапления здесь обусловлены тем, что вместо формы, представленной у остальных информантов, от того или иного конкретного информанта при ответе на стандартную анкету была записана несколько иная грамматическая или лексическая форма. Однако эту форму тем не менее возможно сопоставить с остальными представленными в строке формами по всем или части позиций редукции, поэтому я сочла целесообразным ее привести.

Особым является случай объединения в одной строке личных форм 3 л. мн. ч. и форм имперсонала. Это обусловлено тем, что в части нижнелужских говоров формы имперсонала вытеснили формы 3 л. мн. ч., приняв на себя функции последних. Поэтому при ответе на стандартную анкету одни информанты употребляли в значении 3 л. мн. ч. личные формы, а другие — имперсональные. При этом от ряда информантов, говор которых сохранил личные формы 3 л. мн. ч. (иногда — частично), были в некоторых случаях впоследствии отдельно записаны еще и формы имперсонала соответствующих лексем. Имперсональные формы были специально выяснены у информантов ZPS, MVP, MAL, NDP, JJV, NPŠ (для всех представленных ниже глаголов), GKI (кроме ‘слушать’), PFR, RMI (только для ‘красить’) — этим в данных случаях объясняется наличие в одной и той же ячейке двух типов форм. При имперсональных формах в таких случах отдельно стоит помета IPS. Во всех остальных случаях совмещение в идиолекте информантов (в том числе и вышеупомянутых) личных и безличных форм в функции 3 л. мн. ч. является характеристикой соответствующего говора/идиолекта.

В столбце «процессы» приводятся процессы редукции (римскими цифрами, по Таблице 2 на с. 60–61) и случаи отсутствия редукции (арабскими цифрами, см. случаи 1–2 в п. 3.1.7 на с. 66). В случае гласных *a*, *ä* указывается только тип редукции I или II, поскольку подтипы a и b для этих гласных не различаются (см. случай 3 в 3.1.7 на с. 66). Все процессы, относящиеся к одной и той же словоформе, приводятся в данном столбце через дефисы в том же порядке, в каком они представлены в самой форме.

Словоформы, морфологическая правильность которых вызывает сомнения, помечаются знаком «?» перед формой, и разметка процессов для них в некоторых случаях не производится.

Некоторые исключительные типы случаев, где на протекание процесса редукции оказывает влияние морфология (см. 2.3.2), снабжены в столбце «процессы» пометкой «искл.!». Когда такие случаи представляют из себя наличие редукции в позиции исконно продленного гласного, сама позиция подчеркивается.

Для форм сравнительной степени прилагательных дополнительно указывается правый фонетический контекст, в котором было произнесено слово. Позиция перед паузой обозначается как «_|»; в случае отсутствия паузы приводится фонема, с которой начинается следующее слово синтагмы.

Примечания к Таблице 1 (см. с. 510–515). [I]Информант проясняет *a* при отчетливом произнесении; [II]данная форма глоссируется как форма инессива, хотя в ряде случаев суффикс инессива имеет форму *-sē* — не вполне понятно, с чем это связано, возможно, это своего рода контаминация между формами инессива и иллатива (во фразе «мои родители умерли в Петербурге», из которой взята словоформа, закономерны формы иллатива, однако под влиянием синтаксиса русского языка современные носители, как правило, употребляют форму инессива); [III]по-видимому, данная форма с этимологической точки зрения представляет собой сравнительную степень прилагательного, а не наречия; [IV]информант делит на слоги при отчетливом произнесении: [kūn.te.lot]; [V]информант делит на слоги при отчетливом произнесении: [paį̯.me.ne]; [VI]информант говорит, что на конце словоформы «и»; [VII]информант говорит, что на конце словоформы «я»; [VIII]информант скандирует словоформу: [ła.m.a.z].

Примечания к Таблице 2 (см. с. 516–521). [I]Информант делит на слоги при отчетливом произнесении: [nā.pu.r'i]; [II]информант делит на слоги при отчетливом произнесении: [nā.pər'.i]; [III]информант проясняет [os.sa]; [IV]информант проясняет *ə* и твердое конечное *s;* [V]ср. также формы 1 лица ед. ч. непрош. вр. *k´ūntəl'en* ~ *k´ūntəen* с выпадением *l*, записанные от PFR; [VI]информант проясняет *ə:* [ta·r.kə·mp]; [VII]прояснение *m* при отчетливом произношении.

Таблица 1. Примеры редукции и исчезновения **V̆* в северных и восточных нижнелужских говорах

инф.; говор / форма	процессы	ZPSж	MVPж	MALж
		Pä	La	Tk
сосед	Ib-IIa	nāpur'i (2), nāpuri (2)	nāpur'i	nāpuri (2), nāpur’i (2), nāpər'ĭ
сосед:PL	IIb-Ia	nāpuridᵊ, nāpurid, nāpØrid	nāpurit	nāpuridᵊ (2)
сосед:ALL	IIb-II	nāpuriłØ	nāpuriĪØ	nāpuriĪ'Ø
купить:IMP	II; 2*	oš̄ə (2), oš̄Ø	oš̄ə	oš̄ă, oš̄ə, oš̄Ø
купить:1SG	I; 2*	oš̄ən	oš̄ən	oš̄ăn
купить:PST:3PL; купить:IPS:PST*,**	IIa-I; I-2*; 2-2**	ost'ivəd, oš̄ăt̄i*(2) IPS	ost'ivăd	ostivad, oš̄et̄i*(3) IPS
купить:SUP	II-2	ostəmà	ostØma	ostămà (2)
красить:PST:3PL; красить:IPS:PST*	II-1-2; I-2*	krāskasivad, krāsăt̄'i* IPS	krāskəsivàd, krāsăt̄'i* IPS	krāskØsivad, krāsat̄i* IPS
красить:SUP	2-2	krāskama	krāskàma	krāskamà(2)
красить:IMP	2-2	krāska	krāskà	krāska
красить:PST:3SG	I-IIa	krāskas'Ø, krāskais'Ø, krāskaiz'Ø	krāskəsØ	krāskasi (2)
красить:3SG	I-2; 2-2*	kraskəja	kraskəjà	krāskəja
красить:INF	I-IIa	krāsatə, krāsatØ	krāsătØ	krāsatØ
красить:PC_PST	2-искл.!	krāsanØt	krāsañu	krāsañud

LAFж	PMFм	NSNж	LMMж	VVVм	LMFм
Jo/Sv	Jo	Lu/Fü	Lu/Rü	Ku	Ku/Su
nāpuri (2), nāpur'i, nāpar'i	nāpar'i, nāpər'	nāpur'i (4)	nāpur'i (2)	nāpur', nāpur, nāpər'	nāpur'i (2)
nāpərid	nāpərid (2)	nāpurit (4)	nāpurit (2)	nāpurit (3), nāparit (2), nāpØrid	nāpurit (3)
nāpur'iłØ	nāpər'iłØ	nāpuriɬØ (2)	nāpuriɬØ (2)	nāpur'iɬ (3), nāpØriɬØ	nāpuriłØ (2)
oš̄ə (2)	?ostə (2)	oš̄a (4), oš̄Ø	oš̄a (4)	osà*	oš̄a (2), oš̄Ø (3)
oš̄ən	oš̄an, oš̄ən	oš̄an (4)	oš̄an	osàn*	oš̄an
oš̄at̄i*, oš̄ət̄i*	oš̄ət̄ì* (2), oš̄at̄ì*[I]	oš̄ət̄i* (2), oš̄ətt'i*	oš̄at̄i*	osèt̄'ì**	oš̄ăt̄i* (2)
ostəma, ostăma	ostəmà	ostəmà (2)	ostamà, ostØma	oš̄əma	ostəma
krāsat̄i*	krāsət̄i (2), krāsăt̄ì*	krāsət̄i*, ?krāsiɬ̄i*	krāskazit	krāsət̄'i*, krāsăt̄'i* (2)	krāsat̄'i* (2)
krāskama	krāskamà	krāskama (4)	krāskamà, krāskam̃a	krāskama (2)	krāskàma (2)
kraska	krāska	krāskà (2), krāska	krāska	krāska	krāska (2)
krāskəisØ (3), krāskəs'Ø	krāskăz'Ø, krāskəs'Ø	krāskəsØ (4)	krāskaisØ (2), krāskəisØ (3), krāskəs'Ø	krāskasØ (3), krāskəsØ	krāskăzØ (2)
kraskəja	krāsk'ija	kraskəja (5), kraskapØ* (3)	krāskəja	kraskapØ*, kraskàpØ*	kraskàbØ* (2)
krāsata	krāsətØ	krāsata, krāsətə (2), krāsatØ, krāzatØ	krāsata (3)	krāsata (2)	?krāsət̄a (3)
?kraskəñu	krāsăñu	krāsañu (3), ?kraskəñu (3)	krāsañu (3)	krāsañut (2)	krāsañud (2)

инф.; говор / форма	процессы	ZPSж	MVPж	MALж
		Pä	La	Tk
слушать:IMP; слушать:PST:1SG*	Ia-IIa; IIb-I*	kūntel'e	kūntĕl'e, kūntel'	kūntel'ĕ
слушать:INF	Ib-II	kūñeɬ̄a[I], kūñeła, kūñełØ	kūñeɬ̄Ø, kūñeɬ̄ə	kūñeɬ̄Ø
слушать:SUP	IIb-1-2			kūntØlem̄à
слушать:IPS; слушать:3SG*, **	Ib-2; IIb-2*; IIb-1-2**	kūnteło̱d**, kūñeɬ̄à IPS (3)	kūnteɬò̱d**, kūntəło̱:t**, kūntŏło̱:t**,[IV] kūñeɬ̄à IPS, kūñeɬ̄a IPS	kūntØło̱d**, kūñeɬ̄à IPS
пилить:INF	2-II	sahàta	sahà̱tØ (3), sahà̱tə	sahà̱tə
пилить:PST:3SG	2-IIa; I-IIa*	sahà̱js'Ø	sahà̱sØ (3)	sahà̱s'i
пилить:IPS:PST; пилить:PST:3PL*,**	2-2; 2-1-2*; 2-2**	sahà̱si̱va̱t*, sahà̱t̄'i̱ IPS	sahà̱si̱và̱t* (3), sahà̱t̄'i̱ IPS	sahà̱si̱va̱d*, sahà̱t̄i̱ IPS
стадо	II		karjə	karjĕ
любить:PST:1SG	2-IIb	suvà̱jz'Ø, suvà̱jsØ, suvà̱jzØ	suvàzØ (2)	suvà̱z'Ø
вчера	IIb	egl'a, egl'Ø (2)	egl'Ø (4)	egl'a, egl'ə, egl'Ø (2)
делать:PC_IPS.PST	IIb	teht'ü	teht'ü (2)	tehtŭ̈
овца	I	łam̄as	łam̄as (2)	łam̄əz, łam̄ăz
пастух	Ib-IIa	paim'enØ (2)	paimene[V]	paimenĕ
Петербург:ILL	IIb-2	Pet̄er'i̱	Pet̄er'i̱ (2)	Pet̄Øri̱
Петербург:IN[II]	IIb-1-IIa	Pet̄eri̱sØ (2)	Pet̄ĕri̱sØ	Pet̄Øri̱šе

LAFж	PMFм	NSNж	LMMж	VVVм	LMFм
Jo/Sv	Jo	Lu/Fü	Lu/Rü	Ku	Ku/Su
kūntel'e	kūntel'in*	kūntel'e	kūntel'e (2)	kūntel'	kūntĕl'e (2)
kūñəła	kūneɬØ	kūñeɬa (5)	kūñeɬa, kūñeła	kūñeła	kūñeɬa
kūnteleṃa		kūnteɬəṃa, kūnteleṃä	kūnteleṃä (2)	kūnteleṃa, kūntØleṃa	kūnteleṃa, kūntØleṃa, kūntØleṃä
kūnteɬot**; ?kūnteɬ'a	kūñeɬà	kūñeɬa (2), kūnteevat* (8), kūnteɬòt** (2)	kūnteevat*	kūnteevat*, kūntØevat*, ?kūñeɬòt** (2)	kūnteevät* (2), kūntØevät*
sahàtØ	sahàtØ	sahàtØ (3)	šahàtØ (2)	sahàtØ (2)	sahàtØ
saɬajs'Ø*	sahàz'Ø, sahàzØ	sahàs'Ø, sahàsØ	šahàz'i	sahàsØ	sahàsØ
sahàɬi	sahàɬi	sahàɬi (3)	sahàzìt**	sahàɬ'i (4)	sahàɬ'i (2)
karja	karjə	karja (2)	karja (2)	karjə, karjØ[VI]	karja (2)[VII]
suvàjsØ, suvàs'Ø	suvàzØ	suvàs'Ø, suvàsØ	suvàs'i (2)	suvàsØ	suvàsØ, suvàzØ
egl'ĕn (2), egl'ĕ (3), egl'e	egl'e, egl'Ø (2)	egl'e (2)	egl'e (2)	egl'Ø	egl'e (2)
tehtü	tehtü	tehtü (2)	tehtü (5)	teht'ü	teht'ü (2)
łaṃăs (2)	łaṃəz	łaṃəs (5)	łaṃas (4)	łaṃəz (3), łaṃas (2)	łaṃăs (2), łaṃəs (2)[VIII]
paimenØ	paimene	paim'enØ (5)	paimene (4), paimәne (2)	paim'enØ (2)	paim'enØ (3)
Peɬer'ì	Peɬer'ì	Peɬer'i (4)	Peɬer'i (4), Peɬer'ì	Peɬer'i	Pēɬer'i (2)
PeɬerisØ	Peɬer'ise	Peɬer'isə(2), PeɬerisØ	Peɬer'isä(3), PeɬerisØ	PeɬerisØ (2)	PēɬĕrisØ(2), PēɬØrisə

инф.; говор / форма	процессы	ZPSж	MVPж	MALж
		Pä	La	Tk
купить:PST:1SG	IIa	ost'i	ost'i	osti
умный:COMP	Ib-IIa	tarkambØ_|, tark'empØ_t, _|	tark'empə_|, tark'em_|, tark'ep_o	tark'ebᵊØ_| tark'ebØ_|
красивый:COMP	Ia-IIa	łust'ibᵊØ_| (2), łust'imbØ_|	łust'ipØ_o, _s, łust'impØ_s	łust'ibᵊØ_|, łust'ipØ_k
тяжелый:COMP	Ib-IIa	raŋk'empØ_t	raŋk'epØ_|, raŋk'empØ_|	raŋk'epØ_k
старый:COMP	2-IIa	vanèmbØ_v	vanèmpØ_v	vanèbØ_v
молодой:COMP	Ib-IIa	nōrembØ_v	nuorempØ_v	nuor'ebØ_v
много:COMP	Ia-IIa;[III] 2-I*	rohk'ambØ	enèm̃'ən*	enèm̃ǎn*, enèm̄'ən*, rohk'emp'i rohk'am'p'Ø
рано:COMP	2-IIb (искл!); 2-I*; I-IIb (искл!)**	varèm̃as*	varèmp'i̱:	var'èmp'i̱
хорошо:COMP	2-IIb (искл!); 2-IIb-Ia*	parèmpØ	parèmp'Ø	par'èmp'i̱:
быстро:COMP	Ia-IIb (искл!); Ia-I*	k'īremäs* (2), k'īr'emäs* (2)	k'īremp'i̱, k'īremp', k'īremp	k'īr'emp'i̱

LAFж	PMFм	NSNж	LMMж	VVVм	LMFм
Jo/Sv	Jo	Lu/Fü	Lu/Rü	Ku	Ku/Su
osti	osti	ost'i, osti	osti	oš'i	ost'ĭ, ost'Ø
tark'ebˀØ_| (2), tark'eb'Ø_o	tarkəmpØ_o, tarkəmpØ_|	tark'empØ_|, tarkampØ_| (3), _s (3), tarkambØ_m	tark'empi_|, _m	tark'epØ_| (2), tarkapØ_|	tark'empi_|, tark'empØ_|, tark'epØ_| (2)
łustipØ_|	łustimpØ_h, _k	łust'ibØ_|, łustimpØ_|, _k	łustimpØ_| (3)	łust'ipØ_|	łustimpØ_|, łust'ipØ
raŋk'empØ_| (3), raŋk'epØ_s	raŋkəpØ_k	raŋkəmpØ_|, _k, rask'empØ_|, _k, rask'əmpØ_|	rask'empØ_|, _t (2)	raŋk'epØ_|	raŋk'epØ_| (4)
vanèmpØ_v	van'èmpØ_v	vanèmpØ_v, vanèmbØ_v	vanèmpØ_|, (3)	vanèpØ_|	vanèpØ_v (2)
nōrempØ_|, nōr'empØ_|		nōrempØ_|, nōrembØ_v	nōrempØ_|, _v (3), nōr'empØ_|, nuorempØ_n	nōrepØ_|, _v (2)	nōrepØ_v (2), nōrebØ_d
enèmp'Ø, rohk'epØ	rohk'ampØ	rohk'amp'Ø	rohk'ampØ, rohk'ambØ, rohk'apØ	paĪ'upØ, paĪ'ub, rohk'epØ (2)	paĪ'upØ, rohk'epØ (4), rohk'empØ (2)
var'èmp'i, var'èmpØ (2)	var'èmp'ì	vaīamp'ì:**	vaīemp'i**, vaīempØ** (3), varempØ	varèp'i, varèp'Ø, varàp'ì	varèbØ, varèpØ, var'èmp'i, eñeē'i**
par'èmpØ, par'èmp'i, par'èmastØ* (2),	par'èmp'ì	par'èmpØ (2)	parèmp'i (3)	parèp'Ø	par'èmp'i (2), par'èmpØ
k'īr'empà(3), k'īr'emp'i (2)	k'īremp'ì (2)	k'īremp'i: (3)	k'īremp'i (2), k'īr'empä	k'īr'ep'Ø, k'īrepØ	k'īr'emp'i (4)

Таблица 2. Примеры редукции и исчезновения **V̌* в южных и западных нижнелужских говорах

инф.; говор / форма	про-цессы	LDMж	AMŠж	RMIж	NAAж
		Ko	Po/Te	Te	Hv
сосед	Ib-IIa	nāpər'Ø (3), nāpərr̥̆	nāpər'Ø (4), nāpərØ, nāpᵊr'Ø, nāper'Ø	nāpur'Ø	nāpuri(2), nāpurØ (2), nāpəri
сосед:PL	IIb-Ia	nāpØrid (2)	nāpurit, nāpərid (4), nāpØrid	nāpur'id	nāpurid (2)
сосед:ALL	IIb-II	nāpØr'iI̲Ø (2)	nāpər'iI̲Ø (2), nāpəriI̲ə	nāpuriI̲Ø (2)	nāpuriI̲Ø
купить:IMP	II	oīØ	oīə (3), oīØ (3)	oīə (2)	oīə
купить:1SG	I	oīən	oīən (3)	oīən	oīan
купить:PST:3PL; купить:IPS:PST*	IIa-I; I-2*	oīə̲t'i̲*	oīə̲t'i̲* (4)	oīə̲t'i̲*	oīaI̲'i̲*
купить:SUP	II-2	ostØma̲	ostəma̲ (3)	ostØma̲	
красить:PST:3PL; красить:IPS:PST*	II-1-2; I-2*	krāsaI̲'i̲*	krasə̲t'i̲* (2), krāsaI̲'i̲* (4)	krasə̲t'i̲* (2) IPS	krāsaI̲'i̲*
красить:SUP	2-2	krāskăma̲	krāskăma̲ (3)	krāskama̲	krāskama̲(2)
красить:IMP	2-2	krāska̲	kraskà (2)	kraskà (2)	krāska̲
красить:PST:3SG	I-IIa	krāskasØ (3)	krāskas'Ø, krāskəs'Ø (2)	krāskəs'Ø (2)	krāskəz'i, krāskaz'ĭ, krāskazi
красить:3SG	I-2; 2-Ia*	kraskəja̲	kraskəja̲ (3), krāskəja̲	kraskəja̲ (2)	krāskabØ*
красить:INF	I-IIa	krāsatØ	kraīətØ (2), krāsətØ, krāsəīØ	krāsatØ (2), krāsətØ	krāsatØ
красить:PC_PST	2-искл.!	krāsat	krāsañut (3), ?kraīØnut	?krāskətØ (2)	
слушать:IMP; слышать:IMP*	Ia-IIa; IIa*	kūntel'Ø	kūntel'Ø (3)	kūntəl'Ø	kūl'e*

NDPм	JJVм	GKIж	NPŠж	PFRж
Va	Va/fin	Su	Na	Ro
nāpərɨ̯̆, nāpər'Ø (3)	nāp'er'ɨ̯̆, nāp'erØ (2), nāper'Ø, nāp^{ə}r'Ø (2)	nāpər'i	nāpur'ɨ̯̆^{I}, nāpur'Ø (3)	nāpər'ɨ̯̆^{II} (5), nāpər'Ø (4)
nāpØrid (2)	nāpØrid (2)	nāpØrit	nāpurid (2), nāpŭrid (2), nāpØrid (2)	nāpØr'it (2), nāpərid
nāpØriłØ	nāp'er'iłØ, nāpØr'iłØ	nāpØriłØ	nāpuriłØ	nāpØr'iłØ
ošØ (2)	oš̄ə, oš̄Ø (3)	oš̄ə, oš̄Ø	oš̄ə, oš̄Ø	oš̄ə^{III} (2), oš̄Ø (2)
oš̄ən	oš̄ăn (2), oš̄ən	oš̄ən	oš̄ən (2)	oš̄ən
ost'ɨ̯̆vəd, oš̄ət'i̱* IPS	ost'ivăd, ost'ivəd, oš̄ət'i̱* IPS	ost'ivăd, ?ostet'i̱* IPS	ost'ivəd, oš̄ət'i̱* IPS	oš̄ət'i̱*
ostØma	ostØma	ostəma	ostəma	ostØma
krāskØsivad, krāsət'i̱* IPS	krāskØsivad, krāsət'i̱* IPS	krāskØsivad (2), krāsat'i̱* IPS	krāskəsivad, krāsăt'i̱* (2) IPS	krāskØsivad, ?krasit'i̱* IPS
krāskăma	krāskama	krāskama	krāskama (2)	krāskamà
krāska	krāska	krāska	krāska	krāska
krāskəz'Ø	krāskəs'Ø, krāskəsØ	krāskas'Ø	krāskas'Ø (2)	krāskăsɨ̯̆, krāskəs'Ø (3)^{IV}
krāsk'ija	krāskəja	krāsk'ija	krāskəja	krāsk'ija (3)
krāsətØ	krāsətØ		krāsatØ	krāsətØ
krāsət	krāsət		krāsañut (2)	krāsañut, krāsəñut
kūntel'Ø	kūntel'Ø, kūl'Ø*	kūntel'Ø	kūntel'Ø	kūntel'Ø (2), kūntel'ɨ̯̆

инф.; говор / форма	про-цессы	LDMж	AMŠж	RMIж	NAAж
		Ko	Po/Te	Te	Hv
слушать:INF; слышать:INF*	Ib-II; II**	kūñeɬ̄Ø (2)	kūñeɬ̄Ø	kūñəɬ̄Ø	ʔkūɬta*(2)
слушать:SUP*;	IIb-1-2*;	kūntØlḛm̄a			
слушать:IPS; слушать:3SG*; слышать:3SG**	Ib-2; IIb-2*; 2**	kūñeɬ̄a	kūñeɬ̄a, kūñəɬ̄a (2)	kūñəɬ̄a (3)	kūɬ̄ot**
пилить:INF	2-II	sahàtØ	sahàtØ (4)	sahàtØ	sahàtØ
пилить:PST:3SG	2-IIa	sahàsØ, sahàzØ	sahàs'Ø (2)	sahàsØ	sahàsØ
пилить:PST:3PL; пилить:IPS:PST*	2-1-2; 2-2*	sahàt̄'i*	sahàt̄'i* (5)	sahàt̄'i*	sahàt̄'i*
стадо	II	karjə	karje, karjə (2)	karjə	karjə
любить:PST:1SG	2-IIb	suvazØ	suvas'Ø (2), suvasØ (3)	suvazØ	suvazi, suvazØ
вчера	IIb	egl'Ø (3)	egl'Ø (7), eglØ	egl'Ø (6)	egl'ə (2), egl'Ø (2)
де-лать:PC_IPS.PST	IIb	teht'°Ø	teht'Ø, teht'°Ø (3)	teht'ʉ̈, teht'ü	teht'ʉ̈ (2)
овца	I	ɬam̄əz	ɬam̄əz (4)	ɬam̄əz	ɬam̄əz
пастух	Ib-IIa	paim'enØ (2), paimənØ	paimənØ (3), paimənØ (2)	paimənØ	paimənØ
Петербург:ILL	IIb-2	Pet̄Ør'i (2)	Pēt̄Øri (4)	Pʲet̄Ør'i, Pet̄ər'i	Pet̄ěr'i
Петербург:IN^{III}	IIb-1-IIa	Pet̄Ørīše, Pēt̄Ørīšə	Pet̄ěrīšØ, Pēt̄Ørīšə (2)	Pēt̄Ørīšə	Piet̄ərīšØ
купить:PST:1SG	IIa	ost'i	os't'ʏ̈, ost'Ø (3)	ost'i	ost'i

NDPм	JJVм	GKI	NPŠж	PFRж
Va	Va/fin	Su	Na	Ro
kūñəɬ̄Ø	kūñəɬ̄Ø		kūñeɬ̄Ø	kūñeɬ̄Ø (3)
kūntØlɐm̄a	kūntØlɐm̄a		kūntØlɐm̄a	kūntØlɐm̄a, kūntØèma,^{V} kūntØema^{V}
kūntØɬod*, kūñəɬ̄a (3) IPS	kūntØɬod,* kūntəɬod* (2), kūñəɬ̄a IPS	kūntØɬòd (3)*	kūntəɬod*, kūñeɬ̄a	kūntØɬod,* kūñeɬ̄a (2)
sahàtØ	sahàtØ	sahàtØ	sahàtØ	sahàtØ (3)
sahàsØ, sahàs'Ø	sahàz'Ø, sahàs'Ø	sahàs'i	sahàs'Ø (2)	sahàs'Ø (2)
sahàsivad, sahàt̄'i* IPS	sahàsivad, sahàt̄'i* IPS	sahàsivad, sahàt̄'i:*	sahàsivad, sahàt̄'i* IPS	sahàt̄'i*
karjə	karjə	karjə	karjØ	karjə
suvasØ	suvasØ, suvas'Ø	suvas'i	suvas'Ø	suvas'Ø
egl'e, egl'Ø (4)	egl'ĕ, egl'Ø (2)	egl'Ø (2)	egl'Ø (4), egᵊl'Ø	egl'e, egl'Ø (4)
teht'ŭ̯, tehtᵊØ	tehtᵊØ	tehtŭ̯ (2)	teht'ŭ̯ (5)	teht'ŭ (4), tehtŭ
ɬaɱəz	ɬaɱas (2)	ɬaɱəz	ɬaɱaz	ɬaɱəz (3)
paimenØ	paim'enØ	paim'enØ	paim'enØ	paim'enØ
Piet̄Øri	Piet̄Øri, PietØri	Piet̄eri	Pet̄ĕr'i, Pet̄Ør'i	Pet̄er'ì
Piet̄Øriśə	PietØriśə	Pet̄Øriśə	Pēt̄Øriśə	Pet̄er'iśe (2), Pet̄eriśə
ost'ĭ̯	ost'i	os't'Ø	ost'Ø (2), ost'ĭ̯	ost'i

инф.; говор / форма	про-цессы	LDMж	AMŠж	RMIж	NAAж
		Ko	Po/Te	Te	Hv
умный:COMP	Ib-IIa	tarkəpØ_o	tarkəpØ_o (2), tarkapØ_|, tark'epʹØ_|	tarkəpØ_o, tarkəbØ_o	tarkamp'i_|
красивый:COMP	Ia-IIa	łust'ipˀØ_|	łust'ipØ_| (2), łust'ipʹØ_| (2)	łust'ipØ_o	łus't'imp'i_|
тяжелый:COMP	Ib-IIa	raŋkəpØ_s	raŋk'epØ_t (3), raŋk'epʹØ_| (2), ?raŋgəpʹØ_|	raŋkəmpØ_r, raŋk̄əpØ_t	raŋkapʹĭ_|, raŋkapØ_s
молодой:COMP	Ib-IIa	nōrepʹØ_v, nōrepØ_v	nuorepʹØ_|, nuorepØ_v	nōrepØ_v	nᵘōrəbØ_v
старый:COMP	2-IIa	vanèpØ_v	vanèpʹØ_v (3)	vanèpʹØ_v	vanèmpʹĭ_v
много:COMP	Ia-IIa; 2-I*	rohk'apĭ, rohk'apʹØ	rohk'epʹØ, rohk'empʹØ (2)	rohk'epʹØ	rohk'epʹØ (2)
рано:COMP	2-IIb (искл!)	var'èp'ì	var'èmp'i (2), var'èm'pʹØ	var'èp'i:	varèmpʹĭ (2)
хорошо:COMP	2-IIb (искл!)	par'èp'ì	par'èp'i, par'èmpʹį̆, par'èm'pʹØ (3), par'èpʹØ (2)	par'èpʹØ (2)	parèmp'i
быстро:COMP	Ia-IIb (искл!)	k'īrep'i	kʰ'ēr'ep' (5), k'ierebØ, k'ērØp'i	k'īr'epʹØ	k'ēreʹpi, k'ērepØ, k'iereʹpØ

NDPм	JJVм	GKIж	NPŠж	PFRж
Va	Va/fin	Su	Na	Ro
tarkəʙØ_|, tarkəbØ_o	tarkapʾØ_|, tarkapØ_|	tark'epØ_|, tark'ebØ_o, tark'əpØ_|	tark'epØ_| (3)	tarkəmpØ_o (2), _m (2), _| (2)[VI]
łust'ipØ_t	łust'ipʾØ_| (2)	łust'ipØ_|	łust'ipØ_k, łust'impØ_|[VII]	łust'impØ_|, _t, łust'imʙʾØ_|, łust'ipØ_t
raŋkəʙØ_t	raŋkəpØ_|, raŋkəpØ_k	raŋkəpØ_t	raŋk'epØ_s (2)	raŋkəmpØ_| (2), raŋkəpØ_t
nuorebØ_v (2)	nuorəpØ_v, nuorʾpØ_v, nuor'epØ_v	nuor'ebØ_v	nuorebØ_v, nuorempØ_v	nuorempØ_v
vanèbØ_v	vanèp'Ø_v, van'èp'Ø_v (2)	vanèbØ_v, _b	vanèmpØ_v	vanèmpØ_v
rohkepØ	rohk'epØ	rohk'ebØ_|	rohk'empØ (2), rohk’ebØ_m	enèm'p'Ø* (2), enèmp'ə*, enèbØ_l, rohk'emp'_|Ø
vaɾ̄ap'i	var'èpØ (2)	varèp'ì	varemp'i	var'èmp'i
parèp'i	par'èpØ	par'èp'ì	paremp'i	par'èmpØ (2), par'èmp'Ø, parèmpØ (3)
k'īrep'ì, k'īrep'i	k'īr'ep'Ø, k'īrepØ	k'īrep'i:	k'īremp'i (2)	k'īr'emp'i: (3), k'īremp'i

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СПИСОК ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ КРЕСТЬЯН, ВЫСЛАННЫХ В СИБИРЬ В 1803 Г.

Ниже представлены листы 32–36 из «Дела по донесению Санкт-Петербургского гражданского губернатора о неповиновении Ямбургского уезда крестьян помещика Унгерн-Штернберга по существующей там болезни» [Российский государственный исторический архив, фонд 1286, опись 1, дело 115, 1803 г.]. Орфография и пунктуация оригинала сохраняется за исключением раздельного написания предлогов и существительных в нескольких случаях, где в документе они написаны слитно. Кроме того, отчасти изменен формат представления итоговых данных документа (см. иллюстрацию первой страницы оригинального списка на с. 529).

Содержание колонок таблицы:

«число семей» — порядковый номер семьи;

«званіе деревень и крестьян, посылаемыхъ на поселеніе» — названия деревень и имена высылаемых из них крестьян;

«ихъ лѣта» — возраст крестьян.

Под этими сведениями для каждой семьи приводятся **итоговые данные** («итого въ семье»), отражающие последние четыре колонки оригинальной таблицы:

«мужеска», «женска» — количество мужчин и женщин в семьях («сколько душъ в семействѣ посылается»);

«денегъ (р., к.)» — количество денег, которое семья получила за продажу своего имущества в родных деревнях («вырученныхъ за проданное крестьянское имущество денегъ, принадлежащихъ крестьянамъ» (рубли, копейки)).

Лист 34

Списокъ крестьянамъ помѣщика маіора барона Унгерштернберга, слѣдующимъ по высочайшему повѣленію въ Сибирь на поселеніе

число семей	*званіе деревень и крестьян, посылаемыхъ на поселеніе*	*ихъ лѣта*
	Деревня Илькина	
1.	Иванъ Герасимовъ, вдовъ	61
	сынъ, Филипъ Ивановъ	31
	жена Фекла Матвѣева	31
	дочь ихъ Меланья Филипова	2
	сынъ Данила Ивановъ	31
	жена Катерина Константинова	31
	Сидоръ Даниловъ	3
Итого въ семье: мужеска — 4, женска — 3; денегъ — 97 р. 25 к.		
2.	Яковъ Ивановъ	56
	жена Марфа Федорова	36
	дочь Иринья Яковлева	20
	сынъ Федоръ Яковлевъ	33
	жена Марья Яковлева	32
	дочь ихъ Аксинья Федорова	3
	сын Демидъ Яковлевъ	26
	жена Татьяна Степанова	26
Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 5; денегъ — 203 р. 50 к.		
3.	Исак Алексеев, вдовъ	47
	сынъ его Степанъ Исаковъ	23
	жена Парасковья Егорова	24
	дочь Дарья Степанова	1
	брат двоюродной Исака, Федор Федоров	34
	жена Марья Иванова	34
	сыновья: Афонасей Федоровъ	15
	Марка Федоровъ	12
	Харитонъ Федоровъ	13
	Афонасей Федоровъ	9
Итого въ семье: мужеска — 7, женска — 3; денегъ — 223 р.		

Лист 34, оборот

4. Исакъ Константиновъ, вдовъ 40
дочь Ульяна 12
Итого въ семье: мужеска — 1, женска — 1; денегъ — 24 р. 95 к.

Деревня Малая Арсія

1. Николай Юрьевъ 38
жена его Елена Семенова 34
сынъ Павел 3
дочери: Марья 12
Ульяна 8
Катерина ¼
Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 4; денегъ — 2 р. 50 к.
2. Пантелей Семеновъ 51
жена Марья Юрьева 46
сынъ Томасъ 16
Матвей 13
Юганъ 10
Итого въ семье: мужеска — 4, женска — 1; денегъ — 33 р. 40 к.
3. Матвей Павловъ 42
жена Марья Осипова 26
сыновья: Матвей 5
Иванъ 2
дочь Катерина 8
Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 2; денегъ — 0
4. Абрамъ Ивановъ 35
жена Елена Иванова 28
дочери: Марья 9
Варвара 8
Софья 8
Устинья 3
братъ Абрама Юрка Ивановъ 28
жена его Катерина Мартынова 29
Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 6; денегъ — 129 р.

Лист 35

5.	Иванъ Семеновъ	31
	жена Марья Андрѣева	34
	сын ихъ Матвей Ивановъ	¼

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 1; денегъ — 0

6.	Захаръ Андрѣевъ	30
	жена Катерина Пантелеева	48
	сын ихъ Иван Захаровъ	3
	дочери: Анна	6
	Марья	13

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 3; денегъ — 40 р.

7.	Ерихъ Юрьевъ	47
	жена Иринья Егорова	41
	сыновья: Яковъ	17
	Матвей	10
	дочери: Елизавета	22
	Катерина	15

Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 3; денегъ — 48 р. 30 к.

Большая Арсія

1.	Андрей Юрьевъ	33
	жена Анна Козмина	33
	сынъ Осипъ	8
	дочери: Сусанна	10
	Марья	6
	Варвара	4
	Катерина	½
	братья Андрея: Мартынъ Юрьевъ	20
	Юрій Юрьевъ	14

Итого въ семье: мужеска — 4, женска — 5; денегъ — 59 р.

2.	Матвей Мартыновъ	60
	жена Елена Юрьева	65
	сынъ Козма	30
	жена Анна Андрѣева	24
	—— Юрка Матвѣевъ	22
	дочери: Анна	15
	Евва	10
	Марья	6

Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 5; денегъ — 217 р.

Лист 35, оборот

3.	Михайло Андрѣевъ	30
	жена Анна Яковлева	30
	сыновья: Козьма	10
	Марка	3
	дочери: Софья	8
	Марья	5

Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 3; денегъ — 20 р.

4.	Матвей Кузминъ	31
	жена Анна Андрѣева	20
	двоюродной братъ Матвея Юрка Ивановъ	18
	Осипъ Ивановъ	13
	родной братъ Матвея Томасъ Козьминъ	8
	сестры: Марья Кузмины	22
	Анна	11

Итого въ семье: мужеска — 4, женска — 3; денегъ — 64 р. 50 к.

5.	Михайла Іевлевъ	31

Итого въ семье: мужеска — 1, женска — 0; денегъ — 48 р.

6.	Карла Ивановъ	28
	жена его Маргарета Иванова	30
	братъ его Гендрихъ Ивановъ	20
	мать ихъ Беата Томасова	60

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 2; денегъ — 74 р.

7.	Егоръ Андреѣвъ	29
	жена его Сусанна Мартынова	30
	дочери ихъ: Сусанна	6
	Марья	3
	братъ его Иванъ Андрѣевъ	26
	жена Марья Андрѣева	28

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 4; денегъ — 25 р.

8.	Томасъ Кириловъ	22
	Матвей Кириловъ	19
	сестры: Анна	14
	Сусанна	8

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 2; денегъ — 55 р. 50 к.

Лист 36

Деревня Волкова

1. Иванъ Ивановъ 34
жена Агафья Осипова 27

Итого въ семье: мужеска — 1, женска — 1; денегъ — 20 р.

Деревня Мертвицы

1. Матвей Петровъ 45
жена Христина Матвѣева 25
сыновья: Михайла 18
Адамъ 15
Давыдъ 13
Семенъ 5
Томасъ 2
дочь Варвара 7

Итого въ семье: мужеска — 6, женска — 2; денегъ — 21 р.

Деревня Федоровская

1. Матвей Пантелѣевъ 40
сынъ его Томасъ 10
дочь Евва 14

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 1; денегъ — 49 р.

2. Юрка Матвеевъ 34
жена Марфа Яковлева 34
сыновья: Андрей 8
Матвей 4

Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 1; денегъ — 15 р.

Деревня Варива

1. Томасъ Матвѣевъ 40
жена Марья Яковлева 38
сыновья: Михайла 15
Пантелей 5
Юганъ 3
дочери: Варвара 3
Сусанна 9
Марья 4
братъ Томаса, Юрка Матвѣевъ 39
жена его Сусанна Юрьева 46

Лист 36, оборот

	сынъ Юрки Захаръ	4
	дочери: Марья	11
	Софья	3

Итого въ семье: мужеска — 6, женска — 7; денегъ — 152 р. 30 к.

2.	Павелъ Юрьевъ	35
	жена Анна Семенова	35
	сыновья: отъ перваго мужа:	15
	Пантелей Семеновъ	
	дочь Сусанна	9
	Юрка Павловъ	4

Итого въ семье: мужеска — 3, женска — 2; денегъ — 46 р. 84 к.

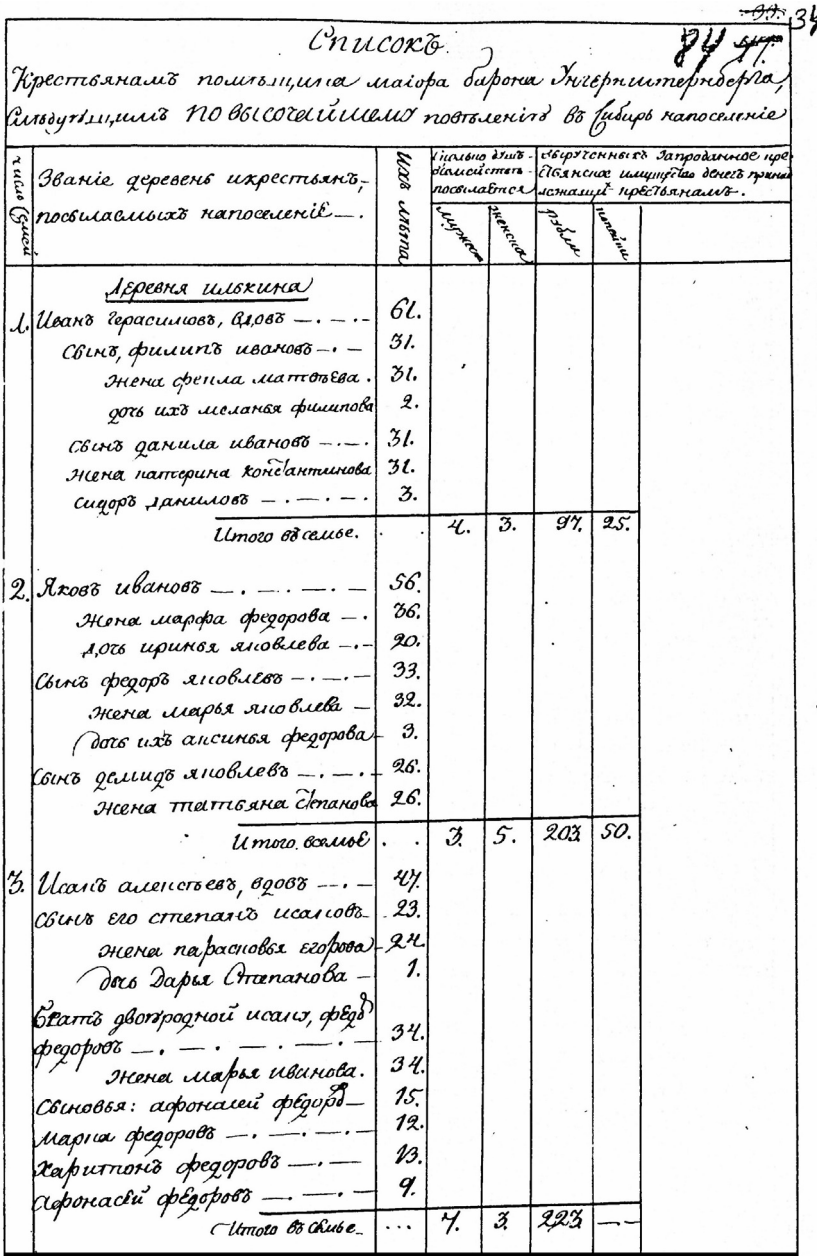
3.	Иванъ Яковлевъ	42
	жена его Софья Козьмина	34
	сынъ Кирила	13
	дочери: Катерина	9
	Марья	4

Итого въ семье: мужеска — 2, женска — 3; денегъ — 12 р. 10 к.

Всего двадцать шесть семѣй, а въ нихъ мужеска пола семдесятъ семь, а женска семдесятъ три, итого сто пятдесятъ душъ.

С. Петербургский Гражданскій Губернаторъ Сергій Кушниковъ

Рисунок 1. Лист 34 списка высланных крестьян



Списокъ
Крестьянамъ помѣщика маіора барона Унгернштернберга, Сльдующимъ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію въ Сибирь напоселеніе

№ числа душ	Званіе деревень и крестьянъ, посылаемыхъ напоселеніе.	Ихъ лѣтами	Число душъ фамилій отсылаемыхъ		Сверченныхъ запродажныхъ предъ сими имущества денегъ принадлежащихъ крестьянамъ.	
			мужеска	женска	рублей	копѣекъ
	Деревня Илькина					
1.	Иванъ герасимовъ, вдовъ	61.				
	Сынъ, филипъ ивановъ	31.				
	Жена ефимья матѳѣева	31.				
	дочь ихъ меланья филипова	2.				
	Сынъ данила иванова	31.				
	Жена катерина константинова	31.				
	Сидоръ данилов	3.				
	Итого въ семье.		4.	3.	97.	25.
2.	Яковъ ивановъ	56.				
	Жена марфа федорова	56.				
	дочь иринья яковлева	20.				
	Сынъ федоръ яковлевъ	33.				
	Жена марья яковлева	32.				
	дочь ихъ аксинья федорова	3.				
	Сынъ демидъ яковлевъ	26.				
	Жена татьяна Степанова	26.				
	Итого въ семье		3.	5.	203	50.
3.	Исай алексѣевъ, вдовъ	47.				
	Сынъ его степанъ исаевъ	23.				
	Жена парасковья егорова	22.				
	дочь Дарья Степанова	1.				
	Братъ двоюродной исаевъ, федъ федоровъ	34.				
	Жена марья ивинова	34.				
	Сыновья: афонасей федоровъ	15.				
	Марина федорова	12.				
	Харитонъ федоровъ	13.				
	Афонасей федоровъ	9.				
	Итого въ семье	...	4.	3.	223	—

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

1. Формат подачи социолингвистических сведений

В Таблицах 1–4 приводятся основные социолингвистические сведения об информантах, упоминаемых в статьях Н. В. Кузнецовой, М. З. Муслимова, М. Л. Федотова и Д. В. Сидоркевич.

1.1. Содержание колонок таблиц

Таблицы содержат следующие колонки:

а) «инд.» — индекс информанта, построенный на основе первых букв имени, отчества и фамилии (в случае двухбуквенного индекса — сокращение от имени и фамилии);

б) «пол» — пол информанта;

в) «комп. ПФЯ» — компетенция информанта на одном или нескольких прибалтийско-финских языках (см. п. 1.2);

г) «г.р.» — год рождения информанта (в случае, если точный год неизвестен, указывается приблизительно: «ок. X»);

д) «м.р.» — место рождения информанта (см. п. 1.3);

е) «м.р. матери» — место рождения матери информанта (см. п. 1.3);

ж) «м.р. отца» — место рождения отца информанта (см. п. 1.3);

з) «м. прож.» — нынешнее/последнее[1] место проживания информанта (в некоторых случаях указываются также предыдущие места проживания; см. п. 1.3).

1.2. Оценка компетенции информантов на прибалтийско-финских языках

В данном сборнике используется система оценки степени владения языком, разработанная М. З. Муслимовым для ареала Нижней Луги в [Муслимов 2005: 330–331]. Индекс состоит из двух частей: буквой (или несколькими буквами в случае смешанного кода) указывается название идиома, цифрой — компетенция информанта на этом идиоме. В том случае, когда информант владеет несколькими идиомами и не смешивает (или минимально смеши-

[1] В том случае, если к настоящему моменту информанта уже нет в живых.

вает) их между собой, отдельно приводится компетенция на каждом из них.

Расшифровка **цифровых индексов**:

1 — информант может поддерживать беседу на своем языке (в данном случае не имеет значения, является ли этот язык «чистым» или «смесью» нескольких ПФЯ);

2 — информант использует отдельные фразы, однако все время беседовать на своем языке не удается, и переключение кодов неизбежно;

3 — информант понимает практически все и может воспроизвести простые фразы и отдельные слова;

4 — информант понимает отдельные слова и фразы;

5 — информант не знает языка.

Промежуточные степени компетенции указывается в виде «1–2» и т.д.

Расшифровка **буквенных индексов** (названий идиомов):

В — водский язык;

И — ижорский язык;

К — смешанный водско-ижорский идиом дер. Куровицы;

Л — латышский язык;

С — сибирский ингерманландский идиом;

Ф — ингерманландские финские идиомы;

Э — эстонский язык;

S — литературный финский язык.

Расшифровка **степени «чистоты» / «смешанности»** языка (на примере пары «водский–ижорский»):

В — (практически) «чистый» водский язык;

Ви — водский язык с заметными следами ижорского;

ВИ — смесь водского и ижорского с преобладанием водского;

ИВ — смесь водского и ижорского с преобладанием ижорского;

Ив — ижорский язык с заметными следами водского;

И — (практически) чистый ижорский язык.

В тех случаях, когда информант утверждал, что знает тот или иной ПФЯ, однако собиратель не проверил это утверждение, используется запись типа «(по словам) Э».

1.3. Обозначения населенных пунктов в колонках 5–8

В последних четырех колонках используется единая система кодирования населенных пунктов.

Для названий **деревень** используются двух- или трехбуквенные латинские сокращения, расшифровку которых см. в Приложении 4.

Названия **городов** и **стран** записываются по-русски полностью (за исключением Санкт-Петербурга, который обозначен как «СПб.»).

Если информант часть года проводит в одном населенном пункте, а часть — в другом, «летнее» и «зимнее» места проживания указываются в колонке «м. прож.» через **тире** («–»).

В случаях, когда известно, что информант сравнительно продолжительное время жил в одном месте, а затем — в другом, переезд из одного места в другое обозначается в колонке «м. прож.» с помощью **угловой скобки** («>»).

Если известно, что один из родителей информанта не относился к какой-либо прибалтийско-финской этнической группе, в колонках «м. р. матери» и «м. р. отца» указывается его **национальность** (например, «рус.» или «укр.»).

В том случае, если есть сомнения в достоверности данных, касающихся происхождения информанта (например, информации о каком-либо населенном пункте и др.), используется **знак вопроса** («?»).

При полном отсутствии информации клетка остается **пустой**.

Особые примечания для Таблиц 1–3. Если деревня рождения информанта и/или его матери и/или его отца находится не в том ареале, который указан в названии таблицы, при ней в скобках обозначается дореволюционный приход, где она располагалась. Название прихода записано полностью и латиницей (список приходов см. в Приложении 5). В Таблице 2 приходы обозначены в колонках 5–8 для всех деревень.

Особые примечания для Таблиц 1–2.

1. В ряде случаев в колонках «м. р. матери» и «м. р. отца» указывается язык родителей информантов:

а) когда они происходили из смешанных в языковом отношении деревень (используются русские сокращения типа «инг. фин.» в скобках после названия деревни);

б) когда точное место рождения родителей неизвестно, но имеется информация об их компетенции на ПФЯ (используются те же сокращения без скобок).

Список сокращений см. в Приложении 9. В случае наличия информации о том, что идиом кого-либо из родителей был смешанным, используется несколько сокращений через дефис (типа «иж.-фин.»).

2. Для смешанной ижорско-водской дер. Краколье (Jo) в колонках «м.р. матери» и «м.р. отца» особо указывается в скобках часть деревни (Hrv или Kgv, см. Таблицу 1 в Приложении 4), из которой происходили родители (в тех случаях, когда это известно).

3. Хуторской характер поселения эксплицитно обозначается (название указывается для тех хуторов, для которых оно известно, см. Приложение 4).

Литература

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

2. К статьям Н. В. Кузнецовой и М. З. Муслимова

Таблица 1. Информанты нижнелужского ареала

инд.	пол	комп. ПФЯ	г.р.	м.р.	м.р. матери	м.р. отца	м. прож.
AFN	м	1В	1929	Lu	Li	Lu	Lu
AIB	м	1Ви	1931	Jo	Jo	Jo	Jo
AK	м	1Ф	1926	Vt (Spankkova)			Vp
AKE	м	1Ви	1936	Lu	Lu	Lu	Lu
AMP	ж	1Ки	1919	Ku	Tk	Ku	Ku
AMŠ	ж	1И	1932	Po	Te	Te	Po–Нарва, Эстония
AR	м	1Э	1937	Нарва		иж.	Krs
DIF	ж	1И	1925	Ra	Jo (Hrv, вод.)	Jo (Hrv, иж.)	Ra

EFG	ж	1Ив, 3Ви	1917	Jo	Jo (Kgv, вод.)	Jo (Hrv, иж.)	Jo
ETF	м	1ИФ, (по словам) Э	1929	хутор Km	Pu (фин.)	хутор Km (иж.)	Na–Нарва, Эстония
GIP	ж	1И	1921	Ra	Jo (Hrv, вод.)	Jo (Hrv, иж.)	Ra
GKI	ж	2И	1927	Su	Pu (иж.)	Su (иж.)	Su
HE	м	1Фиэ	1934	Kal	Väi	Ka	Ka
IAF	ж	1Иф	1904	La	Lu (вод.-сойк. иж.)	La (иж.-инг. фин.)	La> Финляндия
IIG	м	1Ки	1928	Ku	Jo	Ku	Ku
IVT	м	1Иф	1934	Va	Va (фин.)	Va (иж.)	Va
JJV	м	1ИФ	1943	хутор ок. Ka	Va (иж.)	хутор ок. Ka (иж.-инг. фин.)	Va–Нарва, Эстония> Va
KEV	ж	1ИК	1911	Ku	Ko	Ku	Ku
LAF	м	1И	1930	Hv	Ku	Hv	Hv
LAF	ж	1И	1938	Jo	Sv	Jo	Jo
LDM	ж	1И, 3К	1921	Ku–хутор Vr ок. Ku[2]	Ku	Ku	Vr>Ko>Ku
LIB	ж	3Ив	1934	Jo	Jo (иж.)	Jo (вод.)	Jo
LKM	ж	1И	1920	Su	Su	Su	Su
LMF	м	2И	1933	Te–Su[3]	Su	Ku	Ku
LMM	ж	2И	1932	Lu	Rü	Lu	Усть-Луга
LPG	ж	1К	1936	хутор Nm ок. Ku	Ku	Ku	Ku
LRK	ж	1Ф	1933	Suo	инг. фин.	инг. фин.	Кр–Иван-город
LTF	ж	1Фиэ	1941	хутор ок. Ka	эст.	иж.	хутор ок. Ka
LTP	ж	1Фиэ	1938	хутор ок. Ka	эст.	иж.	хутор ок. Ka

[2] Семья переехала на хутор Варево, когда информантке было 2 года.
[3] Семья информанта проживала в Волково, но родился он в дер. Извоз.

LY	ж	1Ф	1918	Hk	инг. фин.	инг. фин.	Hk–Эстония >Эстония
MAL	ж	1–2И	1941	Нарва	Va (иж.)	Эстония, ок. Кохтла-Ярве	Va
MAL	ж	1И	1930	Tk	Pä	Tk	Ro
MFV	ж	1И	1932	Rü	Rü (иж., инг. фин., эст.)	Rü	Väi
MFY	м	1ИФ	1954	Va	Hk	Ka (эст.)	Va
MPN	ж	1ИК	1926	Ku	Ku	Hv	Ku
MVP	ж	1И	1932	La	Kur–Сибирь[4]	La	Pu
MSK	ж	1И	1916	Jo	Li (вод.)	Jo	Ra
NAA	ж	1И	1927	Hv	Hv	Hv	Hv–Нарва, Эстония
NAM	ж	1Ф	1936	Tp (Tyrö)		Финляндия	Ki
NDO	м	1И	1926	Va	Va (иж.)	Na	Va
NDP	м	1И	1924	Va	Hv	Va (иж.)	Va
NFN	м	1В, 1И	1921	Lu	Li	Lu	Lu–СПб.
NPS	ж	1ИФ	1918	Na	Na	Na	Na
NPŠ	ж	1И	1927	Na	Na	Na	Na
NSN	ж	1И	1927	Lu	Fü (иж.)	Lu	Lu–СПб.
OPL	ж	2ИВ	1923	Lu	?вод.	?вод.	Ивангород
PFR	ж	1И	1927	Ro	Jo (вод.)	Ro	Ro>Pu>Na >Ro
PJK	ж	1В	1928	Li	Li	Lu	Li
PMF	м	1Ви, 1Ив	1923	Jo	Jo (Hrv; иж.)	Jo (Kgv; вод.)	Jo
RMI	ж	2И	1929	Te	Ku	Te[5]	Te
TIB	ж	1ВИэф, 2ИВэф	1928	Jo	Jo (иж.)	Jo (вод.)	Jo
TRH	ж	1И	1926	Hv	Hv	Hv	Ko–СПб.
VIA	м	1ФИ, 1Э	1928	Hn	Ro	Kul	Va

[4] Родилась в Сибири, куда были высланы ее родители из дер. Курголово, в 15–16 лет сбежала оттуда.

[5] Отец информантки умер еще до войны.

VNL	м	2Иэ	1951	хутор ок. Va	Va (иж.)	Va (иж.)	хутор ок. Va
VNL	ж	1–2Иэ	ок. 1950	хутор ок. Va	Va (иж.)	Va (иж.)	хутор ок. Va–Нарва, Эстония
VPK	м	1–2Иф	1927	Kur	La	Kur (иж.)	Jo>Ополье
VPV	ж	1И	1934	Ko	Ko	Ko	Hv
VVV	м	2К	1933	Ku	Hv	Ku	Ku
ZII	ж	1И	1918	Hm	Pä	Hm	Kur–Кингисепп
ZPO	ж	5И	1923	Krs			Krs
ZPS	ж	1И	1933	Кингисепп–Pä[6]	Pä	рус.	Te
ZVS	ж	1В	1919	Li	Sä	Li	Li

Таблица 2. Информанты других ареалов

инд.	**пол**	**комп. ПФЯ**	**г.р.**	**м. р.**	**м. р. матери**	**м. р. отца**	**м. прож.**
AJF	ж	1И	1933	Ha (Soikkola)	Ha (Soikkola)	укр.	Vo (Soikkola)
LSI	ж	1И	1927	Ks (Soikkola)	Mt (Soikkola)	Ks (Soikkola)	Sä (Soikkola)
VIN	ж	2–3ФВ	1929	Ran (Kattila)	Ran (Kattila) (вод.-фин.)	Ran (Kattila)	Ran (Kattila)

3. К статье М. Л. Федотова

Таблица 3. Информанты гатчинского ареала

инд.	**пол**	**комп. ПФЯ**	**г.р.**	**м. р.**	**м. р. матери**	**м. р. отца**	**м. прож.**
AAI	ж	1–2Ф, (по словам) Э	1936	Iis	Iis	Iis	Iis
AIZ	ж	1–2Ф	ок. 1950	Röl	Lät	Röl	Kik

[6] Информантка родилась в г. Кингисеппе, но семья практически сразу после ее рождения переехала в дер. Липово.

ESZ	ж	1Ф	1936	Jän	Sua	Jän	Som
HIV	ж	1Ф	1933	Kou	Val	Kou	Kou
IIP	м	1Фs	1930	Sav	?Sav	?Sav	Sav
LAS	ж	1Фs	1932	Tih	Par	Tih	Tih
LAJ	ж	1–2Ф	1936	Pie	Pie	Pie	Pie
LIR	ж	1–2Фs	1934	Pie	Pie	Pie	Pie
MKH	ж	1–2Фs	1948	Синди, Эстония	Muj (Järvisaari)	Петроград (рус./эст.)	Гатчина
NFP	ж	2Ф	1934	Läs	Läs	рус.	Läs
OAK	ж	1Ф	1937	Pie	Iis	Pie	Pie
OIR	ж	1–2Ф	1935	Kar	Kes	Tuk	Pet
RIK	м	1Ф, 2Sф	1932	AlK	AlK	AlK	AlK–Kui
SAI	ж	1Ф	1930	Ser	Ser	Ser	Sah
SMH	ж	1–2Ф	1938	Kor	Kor	Luu	Luu
SPK	ж	1Ф, 2Sф	1932	Rät			AlK–Kui
TOH	ж	1–2Ф	1937	Iis	Iis	Iis	Iis
VAH	м	1Ф	1928	Kir	Laa	Kir	Luu

4. К статье Д. В. Сидоркевич

Таблица 4. Информанты Омской области

инд.	**пол**	**комп. ПФЯ**	**г.р.**	**м.р.**	**м. р. матери**	**м. р. отца**	**м. прож.**
AAK	м	2С, 2Э, 3Л	1947	Sä	Ry		Ry
BEM	ж	1С, 3Э, 3Л	1937	Ry	Ry	Ry	Ry
BMK	ж	1С, 2Э, 2Л	1922	Ry	Ry	Ry	Ry
EHE	ж	2С, 3Э	1950	Ry	Ry	Тампере, Финляндия	Ry
GA	м	2С, 3Э	1940	Ry	Ry	Ry	Омск
GLS	ж	3С, 3Э, 3Л	1951	Ry	Ry	Ry	Kr
GPE	ж	1Л, 4С, 4Э	1938	Ry	Ry	Ry	Ry
IAI	ж	2С, 3Э	1933	Ry	Ry	Ry	Og
III	м	1С, 3Э	1931	Ry	Ry	Ry	Kr
JAM	ж	1С, 3Э, 5Л	1928	Ry	Ry	Ry	Ry
JAM	ж	2С, 3Э, 4Л	1922	Ry	Ry	Ry	Ja
JEI	ж	1Э, 4С	1939	Sä	Ry	Ry	Ry
JMS	м	1С, 3Э, 5Л	1928	Ry	Ry	Ry	Ry
JNK	м	2С, 4Э	1954	Ry	Ry	Ry	Ry

KEA	ж	1Э, 4С	1936	Sä	Ry	Ry	Ry
KKM	м	1С, 2Э	1934	Ry	Ry	Ry	Ry
KMA	ж	1С, 3Э, 1Л	1926	Ry	Ry	Ry	Ry
KNM	м	2С, 3Э	1930	Ry	Ry	Ry	Ry
KZM	ж	2С, 2Э, 2Л	1951	Ry	Ry		Ry
LAA	ж	1Л, 5С, 5Э	1928	Ry	Ry	Ry	Ry
LNS	м	2С, 4Э	1957	Ry	Ry	Ry	Ry
MAM	м	2С, 4Э	1936	Ry	Ry	Ry	Kr
MAP	ж	1С, 3Э, 2Л	1949	Ry	Ry	Ry	Ry
MII	м	1С, 3Э	1940	Ry	Ry	Ry	Ry
MLM	ж	1Э, 4С	1946	Sä	Ry	Ry	Ry
MMA	ж	1С, 2Э, 1Л	1935	Ry	Ry	Ry	Ry–Екатеринбург
MMF	ж	4Э, 4С	1933	рус.			Ry
MMM	м	1С, 1Э	1939	Ry	Ry	Ry	Ry
MNV	м	3С	1947	Ry	Ry	Ry	Ry
MSM	м	4С, 4Э, 2Л	1939	Ry	Ry	Ry	Ry
MZM	ж	1Э, 3С,	1946	Sä	Ry	Ry	Ry
NEA	ж	1Э, 3С, 4Л	1916	Ry	Ry	Пярну, Эстония	Ry
NSA	м	3С, 3Э, 4Л	1961	Ry	Ry	Ry	Ry
PZA	ж	3Э, 4С	1939	Ry	Ry	Ry	Kr
REA	ж	1Э, 2Э	1935	Sä	Ry	Ry	Og–Ry
SAI	м	2С, 3Э	1954	Ry	Ry	Ry	Ry–Оредеж
SII	м	3С, 3Э, 2Л	1940	Ry	Ry	Ry	Ry
SIP	м	3Э, 4С	1939	Sä	Ry	Ry	Og
SPM	ж	1Сэ, 1Э	1950	Ry	Ry	Ry	Ry–Таллинн, Эстония
SSS	ж	2С, 2Э	1940	Ry		Ry	Москва
SVA	ж	2Э, 4С	1939	Ry	Ry	Ry	Kr
UVF	ж	1Л, 4С, 4Э	1934	Ry	Ry	Ry	Ry

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. СПИСКИ УПОМИНАЕМЫХ ДЕРЕВЕНЬ

1. Формат подачи сведений о названиях деревень

В Таблицах 1–6 приводятся населенные пункты (кроме городов), упоминаемые в статьях Н. В. Кузнецовой, М. З. Муслимова, М. Л. Федотова, М. А. Холодиловой и Д. В. Сидоркевич, а также представленные в Приложении 3 и на Картах 4–6 Приложения 6.

1.1. Содержание колонок таблиц

Таблицы содержат следующие колонки:

а) «инд.» — сокращенный индекс названия населенного пункта (см. п. 1.3);

б) «нас.» — этнический состав населения (для Таблиц 1, 3, 6; для Таблицы 2 указание на смешанный характер деревни дается в колонке «инд.»; подробнее см. п. 1.4);

в) «название на ПФЯ»/(для Таблиц 4–5) «финское название» — финские, ижорские, водские, эстонские названия населенных пунктов (см. п. 1.5);

г) «русское название» — русские названия населенных пунктов (см. п. 1.6);

д) «приход» (для Таблиц 3–5) — дореволюционный лютеранский приход Ингерманландии, в котором находился населенный пункт (список приходов см. в Приложении 5).

1.2. Структура таблиц

Населенные пункты в таблицах упорядочены согласно **латинскому алфавиту** (при этом буквы *ä*, *ö*, *ü* следуют за буквами *a*, *o*, *u*, соответственно). Если для деревни известно или имеется только русское название, то оно стоит на том месте, где находился бы его вариант, транслиттерированный латиницей.

Населенные пункты в Таблицах 1–2 и 6 дополнительно разбиты на **районы их сосредоточения**. Эти районы отражают основные географические и/или социолингвистические и/или языковые группировки идиомов на соответствующих территориях.

Таблица 1: районы нижнелужского ареала в целом соответствуют районам, выделенным в пп. 1.1–1.7 в статье [Муслимов, настоящий сборник] и на Карте 4 Приложения 4. Единственное отличие связано с тем, что в данной таблице географический

принцип проведен более строго, и все деревни в районе р. Россонь и верхнего течения р. Мертвица (т.е. не только Арсия, но и Волково, Мертвица, Мундировка, Рисукюля, Буяновка; ср. сноску 10 в указанной статье М. З. Муслимова), отнесены к району долины р. Россонь. Подобное разделение также в большей степени соответствует членению местных прибалтийско-финских идиомов на группы говоров, представленное для нижнелужского ижорского диалекта на Карте 5 в Приложении 6. Однако с социолингвистической точки зрения разделение, предложенное в статье М. З. Муслимова, является, наоборот, более оправданным. Государственная граница с Эстонией препятствовала тесным контактам большей части россонских деревень с оставшимися на советской стороне поселениями (в особенности с теми, которые не примыкали к границе вплотную).

Таблица 2: районы соответствуют географическому, социолингвистическому и языковому членению сойкинского ижорского ареала на собственно-сойкинские и систинские говоры, представленному на Карте 6 Приложения 6.

Таблица 6: номера районов с 1 по 4 соответствуют номерам на Карте 3 Приложения 6. В данном случае районы выделены прежде всего по географическому и социолингвистическому признакам.

Во всех таблицах данного приложения после русских вариантов названий имеется пометка «**ныне не существует**», если деревня к настоящему моменту исчезла.

1.3. Система сокращенных индексов названий деревень

Сокращенные двух- или трехбуквенные индексы введены только для тех поселений, для которых они используются в статьях или в Приложениях 3 и 6. Индексы в основном образованы от прибалтийско-финских названий поселений. В тех случаях, когда прибалтийско-финский топоним отсутствует или неизвестен, сокращение образовано от русского названия. Все индексы записаны латиницей.

1.4. Этнический состав населения деревень

Сведения об этническом составе населения деревень отображают главным образом довоенную ситуацию (до массовых миграций, депортаций и русификации поселений). Они даются

сугубо приблизительно и не претендуют на полноту. Эти данные имеют целью составить у читателя лишь самое общее представление о традиционной этнической структуре упоминаемых поселений. Отмечены только наиболее значимые этнические группы, причем они расположены в порядке от более крупных к более мелким. Наличие русскоязычной группы отмечается только в том случае, если она была значительной и существовала в поселении традиционно. Пустая клетка означает отсутствие каких-либо достоверных сведений об этническом составе населения деревни. В Таблице 2 деревни являются по умолчанию ижорскими, если отсутствуют специальные указания на смешанный характер поселения в колонке «инд.». В Таблицах 4–5 поселения являются финскими.

Расшифровка сокращений: «в» — водь, «и» — ижоры, «л» — латыши, «р» — русские, «ф» — финны (в т. ч. ингерманландцы), «э» — эстонцы.

1.5. Названия населенных пунктов на ПФЯ и на русском языке

В Таблицах 1–5 при прибалтийско-финских и русских вариантах названий поселений в круглых скобках имеются указания на карты и некоторые другие источники, где зафиксированы данные варианты. **Ссылки на источники** расшифровываются следующим образом:

Г — [Генеральный штаб 1944];
Г1 — [Генеральный штаб 1942];
Л — [Лаанест 1966: 5–7];
K — [Köppen 1867];
K — [Köppen 1849];
M — [Mustonen 1933];
M1 — [Mustonen 1934];
N — [Nirvi 1971: VII];
R — [Randefeldt 1992];
S — [Salminen 1931: 650].

Для Таблиц 1–3 использовались все вышеупомянутые источники, для Таблиц 4–5 — только M и R. Карты Г и Г1 были дополнительно привлечены здесь только в двух случаях, когда деревня отсутствовала в обоих указанных источниках. Мы не ставили задачей отразить максимум зафиксированных в литературе вари-

антов названий деревень. Целью было скорее, во-первых, верифицировать топонимы, полученные непосредственно в процессе полевой работы с информантами, во-вторых — дать возможность читателю при необходимости самому установить местоположение населенного пункта на карте. В тех случаях, когда поселение отсутствует во всех цитируемых источниках, даются краткие эксплицитные указания на его географическое расположение.

1.5.1. Прибалтийско-финские названия населенных пунктов. Прибалтийско-финские названия, цитируемые по источникам, даются в орфографии соответствующих источников.

В **Таблицах 1–2** первыми по порядку приводятся названия, записанные от информантов в процессе полевой работы. Эти названия даются курсивом в последовательно фонологической транскрипции, соответствующей произношению каждого названия в ижорском, финском или водском говоре самой данной деревни (или произношению носителей близких говоров из соседних деревень, если в самой деревне ее самоназвание не было зафиксировано). При отсутствии у деревни прибалтийско-финского названия, в некоторых случаях приводится произношение ее русского названия в речи информантов на прибалтийско-финском языке. Правила фонологической транскрипции см. в Приложении 7; система записи с помощью стопических акцентов рассмотрена в статье [Кузнецова, настоящий сборник].

В **Таблицах 3–4** прибалтийско-финские названия, не имеющие указания на источник и записанные непосредственно от информантов, даются в транскрипции, соответствующей орфографии финского литературного языка. В **Таблице 6** прибалтийско-финские топонимы приводятся в упрощенной фонетической транскрипции (кроме цитируемых по источникам, когда дается запись оригинала).

1.5.2. Русские названия населенных пунктов. Первым по порядку всегда приводится наиболее современное официальное название населенного пункта (нынешнее или же последнее, в том случае если деревня уже не существует). Отсутствие указания на источник в последующих вариантах русскоязычных названий означает, что это народные топонимы, которые были зафиксированы непосредственно от информантов.

2. К статьям Н. В. Кузнецовой и М. З. Муслимова и Приложению 6

Таблица 1. Прибалтийско-финские деревни нижнелужского ареала (приходы Narvusi и Viron Inkeri[1])

инд.	нас.	название на ПФЯ	русское название
1. Курголовский полуостров			
Hk	ф	*H´akaja*, Hakaja (K1, K, M, S, R)	Гакково (R, Г, Г1), Гакая (K)
Hm	и	*H´amala*, Hamala (K, M, S, R)	Хамолово (K[2], R, Г, Г1) (ныне не существует)
Kp	ф	*K`aipala*, Kaipaala (K1, M, S, R), Kaipala (K)	Кайболово (R, Г, Г1), Кайбала (K) (ныне не существует)
Kir	ф	*K´irjamo*, Kirjamo (M, S, R), Kirjomo (K), Kirjomaa (K1)	Кирьямо (R, Г, Г1), Кирьома (K)
Ki	ф	*K´iskala*, Kiiskala (K1, K, M, S, R)	Тисколово (R, Г, Г1), Кискалова (K)
Kn	ф	*K´onu*, Konnu (K1, K, M, S, R)	Конново (R, Г1), Конная (K), Конное (Г)
Kur	ф/и	*K´urkula*, Kurkola (S), Kurkula (K1, K, M, N, R)	Курголово (K, R, Г, Г1)
La	и/ф	*L`aukans´u*, Laukaansuu (K, M, Л, N, R), Laukansuu (K1)	Остров (Л, R, Г, Г1), Островъ (K)
Lt		Lutonkylä (R), Luttova, Luuto (M)	Луто (Г1), Луттово (R) (ныне не существует)
Pä	и/ф	*P´ärsp´ä*, Pärspää (M, Л, N, S, R), Pärsipää (K1, K), Pärispää (R)	Липово (K, Л, R, Г, Г1)
Pe		Peräkylä (R)	Перкале (Г1) (ныне не существует)
Pk			Поукусы (Г) (ныне не существует)
Ps			Пустошь (Г, Г1) (ныне не существует)

[1] Список довоенных приходов см. в Приложении 5.

[2] «Гамолово или Хамолово» [Köppen 1967: 40].

Vn	ф	*V´ena*, Vena (M, S, R), Wena (K1, K)	Вейно (R, Г, Г1), Вейна (К[3]) (ныне не существует)
Vp	ф	*V´ĭpiä*, Vipiä (M, R), Wipiä (K1), Wipia (K), Viipiä (Л), Vibja (S)	Выбье (Л, R), Выбья (К, Г, Г1)
2. Район дер. Большое Куземкино			
Go			Горячевка (Г) (ныне не существует)
Hi		Hinnola (M, R)	?Колено (R) или Ольгино (Г1)[4]
Km	ф/и		хутор Каменка (Г1) (ныне не существует)
Kol		*P´olvenk´ülä*	Колено (на р. Мертвица около дер. Ропша)
Kv		Korovina (M, R)	Коровино (R, Г), Новое Коровино (Г1[5]) (ныне не существует)
Kri	и/ф	*Kr´ivul'ka*, *P´ien N´arusi*, Pieni-Narvusi (R)	Малое Куземкино (R, Г1), Мал. Куземкина (Г), Кривулька
Na	и/ф	*N´arusi*, *N´arvusi*, Kosemkina (K1, K, M1, N), Narvusi (M, M1, N), Suuri-Narvusi (R), Narwoisi (K)	Большое Куземкино (R, Г, Г1), Куземкина (К), Коземкина (К)
OR			Ольховый Ручей (Г, Г1) (ныне не существует)
Pb	р		Преображенка
Pu	и/ф	*P´utsk´ülä*, *´Ūsi N´arvusi*, Uusi Narvusi (M)	Новое Куземкино, Выселки (Г)
Ro	и/ф	*R´opsu*, Vanha Ropsu (M, S, R), Ropsu (K, M1, Л), Ropsa (K1)	Ропша (К, Л, Г), Старая Ропша (R)

[3] «Венкуль (Вейна?)» [Köppen 1967: 87].

[4] Достоверно установить русское соответствие дер. Hinnola не удалось.

[5] По-видимому, ошибка в карте Г1 — «Нов. Коровино» отмечено на месте дер. Коровино, а «Коровино» изображено около дер. Кирьямо.

St	ф	*Str´ūpa*, Struuppa (R), Struuppova (S), Vanha Struuppova (M), Strupowa (K1, K)	Струпово (K, R, Г), Струповская верфь (Г1)
SO	ф	*S´üvä ´Oja*	Глубокий Ручей (Г, Г1) (ныне не существует)
Tk	и/ф	*T´akav´äl'jä*, Takaväljä (M, N, R), Takawäljä (K1, K)	Новая Деревня (K, R, Г1), Новая (K), Нов (Г), Takavelje (ныне не существует)
Ud			Ударник, мыза Ропша (K) (ок. дер. Ропша на р. Мертвица)
US		Uusi Struuppova (M)	Новое Струпово (Г1), Нов. (Г) (ныне не существует)
3. Район дер. Кейкино			
Fü	ф/и	*F´üödərm´ä ~ F´ödərm´ä*, Feodormaa (K1, K, M, R), Vüötermaa (M1, S, R), Feodermaa (Л)	Федоровка (Л, K, R, Г, Г1), Федоровское (K)
Hv	и	*H´ävikŏ*, Haavikko (M, M1, Л, N, S, R), Haawikko (K1, K), Haaviko (Л), Haaviku (R)	Кейкино (K, Л, Г, Г1)
MK		Kejkino (K)	мыза Кейкино (K), Кейкинские (Г) (ныне не существует)
Ko	и	*K´otkŏ*, Kotko (K1, M, M1, Л, N, S, R)	Орлы (Л, R, Г, Г1), Орелъ (K)
Ma	и	*M´anäkä*, Mannakka (M, S, R), Mannowka (K1, K)	Манновка (K, R, Г, Г1)
Po	и	*P´ol'ana*	Дальняя Поляна (Г1), Долгая Поляна (Г)
Te	и	*T´ē(n)s´ū ~ T´ie(n)s´ū*, Tiesuu (K1), Tiensuu (K, M, S, R), Teesuu (R)	Извоз (Г, Г1), Извозъ (K), Извозь (R)
4. Долина р. Россонь (бóльшая часть деревень — «Эстонская Ингерманландия»)			
Ar	ф	*´Arsia*, *´Arsians´āri*, Arsiansaari (M, S, R), Arsia (M1, K), Arssi (R)	Арсия (R, Г), Арсія (K) (ныне не существует)
Bu	и/ф		Буяновка (Г) (ныне не существует)

Gr			Горка (напротив дер. Коростель)
Hn	ф/и	*H´anīke*, Hannika (R), Hanikke (M, M1), Hannikke (R)	Ханике (R), Ханника (Г1)
Ka	ф/и	*K´alīvere*, Kallivieri (S, R), Kalliviere (M, M1), Kalliwieri (K1, K), Kallivere (R)	Калливере (R), Фитинка (К, Г1), Фитинская (К), Калливэре (Г1), Калливер (Г)
Krs	р	Karstala (M, M1, R), Kärstala (R)[6]	Коростель (R, Г), Карстула (Г1)
Kul /Mr	ф	*K`ulank´ülä*, Kullaankylä (M, S, R), Kulla (K1, K, M1)	Мертвица (Г), Мертвицы (К, R), Куллакюля (Г, Г1) (ныне не существует)[7]
DR	ф/э	*M´erik´ülä*	Дом Рыбака (была между Кирьямо и Струпово; ныне не существует)
Mu	ф	*M´untir´uhka*	Мундировка, Мундиро (Г) (ныне не существует)
Od	?э/р	*´Odras´āre*, Odrasaare (R), Otrasaari (M, R)	Одресаре (R), Одрасаре (Г1)
Pr	и	*Pr´ilič*, *P´alīsi*	мыза Приречье (ныне не существует)
Rä	и/ф [M1][8]	Räkälä (M, M1)	Рякяла (Г1) (ныне не существует)

[6] На территории Эстонской Ингерманландии располагались и другие русскоязычные поселения — Долгая Нива, Захонье, Заречье, Комаровка (см. [Mägiste 1923a: 8; Laiho 1940: 221–222]) и нек. др. Однако эти деревни находились значительно южнее и не входят в собственно нижнелужский ареал. Коростель фактически является единственной русскоязычной деревней, хорошо известной прибалтийско-финским жителям Эстонской Ингерманландии. В южной части Эстонской Ингерманландии, не включаемой авторами в нижнелужский ареал, имелись и эстонские поселения, в т. ч. мыза Лилиенбах [Mägiste 1923a: 8], а также упоминаемая П. фон Кёппеном финско-эстонская дер. Йоала [Köppen 1867: 86].

[7] В 1920 г. после образования Эстонской Ингерманландии единая деревня Мертвица / *Kullakülä* была разделена на две части — поселение по левому берегу р. Мертвица отошло к Эстонии и стало называться *Куллакюля*, а поселение по правому берегу — к России, и за ним закрепилось русское название *Мертвица*.

[8] Сведения даются согласно указанию на этнический состав населения на карте [Mustonen 1934].

Ri			Рисукюля (Г1) (ныне не существует)
Sr	и	*S´ārkülä*, Saarkylä (M, M1, S, R), Saarenkylä (K1, K), Saareküla (R)	Саркюля (R, Г1), Саркуль (Г), Саракуль (K)
Su	и/ф	*S´utela ~ S´utel(ə)*, Sutela (K1, K, M, M1, R), Sudela (Л)	Волково (K, Л, R, Г, Г1), Волкова (K)
Tõ	ф/э/р [M1]	Tervala (R), Tõrvala (R), Tervola (M, M1), Smolka (M)	Смолка (R, Г1), Торвала (Г), Тырвала (Г1) (ныне не существует)
UA	ф	Uusi Arsia (M, R), Arsia (M1, S), ? Väike Arssi (R[9])	Новая Арсия, ? Малая Арсия (R) (ныне не существует)
UF	?ф	Uusi Feodormaa (M), Uusi Vüötermaa (S), Uusi Füötrömaa	Новая Федоровка
UR	ф/и [M1]	Uusi Ropsu (M, M1, S, R), Ropsu (K)	Новая Ропша (R), Ропсу (Г), Вяйки Ропсу (Г1) (ныне не существует)
Va	и/ф	*V´anak´ülä*, Vanakülä (Л), Vanaküla (R), Vanhakylä (M, M1, R), Wanhakylä (K1, K)	Ванакюля (Г, Г1), Илькино (K, Л, Г), Илкина (Г1)
Väi	и	*V´äik´ülä*, Väikylä (M, M1, S, R), Wäikylä (K1, K), Veneküla (R)	Венекюля (R, Г1), Венкюля (Г), Вяйкюля (Г1), Наровская (K)
5. Район дер. Краколье			
Hrv	и	*H´ērv´alt*	«Барский» конец (часть дер. Краколье)
Jo	в/и	*J´oenp´erä*, *J´õgõp´erä*, Joenperä (K, M, Л, S, R), Jõgõperä (R), Jõeperä (R), Korokolje (K1)	Краколье (Л, R, Г, Г1), Корокольe (K)

[9] Возможно, ошибка в карте — деревня, образованная после 1920 г. на территории Эстонской Ингерманландии, называлась именно Новая Арсия, а Малая Арсия (= эст. Väike Arssi) существовала по крайней мере до начала XIX в. на другой стороне Россони наряду с дер. Большая Арсия — впоследствии две последние деревни составили дер. Арсия (Arsia или Arsiansaari).

Kgv	в	*K ́unigv ́alt*	«Царский» конец (часть дер. Краколье)
Lu	в/и	*L ́ūtsa*, *L ́ūditsa*, *L ́ūžitsa*, Ala-Luushitsa (M), Luutsa (Л, R), Luužitsa (R), N. Lushizy (K1), Nishnije Lushizy (K)	Лужицы (Л), Нижние Лужицы (Г), Нижние и Средние Лужицы (Г1)
Lv	в/и	*L ́ivak ́ülä*, *L ́ivč ́ülä*, Liiva (R), Liivakylä (M, S), Liwakylä (K, K1), Liivtšülä (Л), Liivčülä (R)	Пески (K, Л, Г, Г1) (ныне часть дер. Лужицы)
Ra	в/и	*R ́ajo*, *K ́ärsk ́ülä*, Rajo (R)	Межники (R, Г, Г1)
Rü	и	*R ́üsüm ́äki*, *R ́isum ́äki*, Yla-Luushitsa (M), Ülä-Luužitsa (R), Ob. Lushizy (K1), Risumäki (K, R), Werchnije Lushizy (K)	Верхние Лужицы (K, R, Г, Г1), Верхнія Глинки (K) (ныне не существует)
UL	р		Усть-Луга (R, Г, Г1)
6. Район дер. Куровицы			
Gb	и/в/э		хутор Грабиловка (Г, Г1) (ныне не существует)
Ku	и/в	*K ́ukūsi*, Kukkusi (Л), Kukkosi (M, M1, S, R), Kukkuzi (R), Kurowizy (K1), Kurowitz (K)	Куровицы (K, Л, R, Г1)
Nm	и/в/э	*N ́umī*, *N ́omī*, Nummi (R)	хутор Нумми (R), Номма (Г), Номме (Г1) (ныне не существует)
Vr	и/э/ф	*V ́ariva*	хутор Варево (Г1), Варива (ныне не существует)
7. Район дер. Дубровка			
Hl	ф	Hankola (K, R), Uusikylä (K)	Анновка (K, R), Анненская (Г) (ныне не существует)
Kpl	ф/р	Kopola (R) (м. б., ошибочно приписано название д. Кобыляки)	Первое Мая (R, Г1); Стар. Мельница (Г)
Pl	ф	Pulkkala (R), Pulkkova (M)	Пулково (R, Г, Г1), Пулкова
Sl		Salansuu (K1, K, M,R), Lauttakülä (K1, K)	Сала (K, R, Г, Г1)
Suo	ф	*S ́uonk ́ülä*, Suokülä (K1, K, M, S, R)	Дубровка (K, R, Г, Г1) (ныне не существует)

Таблица 2. Ижорские (и смешанные) деревни сойкинского и систинского ареалов (приходы Soikkola и Kaprio)

инд.	название на ПФЯ	русское название
1. Сойкинский полуостров (приход Soikkola)		
Ha	*H`arn̄ala*, Hamala (K, M, Л), Hamolowa (K1)	Гамолово (K, Л, Г, Г1)
Hr	*(V´anha) H´ark̄ula*, Harkkola (M, S, R), Harkola (K1, K, Л)	Старое Гарколово (Л), Гарколово (K, R), Сельцо Забалканское (K), Стар. Горколово (Г1)
Il	*´Iljesto*, *´Iljesta*, Iljasta (Л), Uusi Harkkola (M, R), Ilieshi (K)	Новое Гарколово (Л, R), Ильеши (K), Гарколово (K), Нов Горколово (Г), Ново-Горколово (Г1)
Jä (ф/и)	Järvenperä (M, S, R), Järwenperä (K1, K), Järvemperä (Л)	Заозерье (K, R, Г, Г1), Ярвемперя (Л)
Kir	*K´irkonm´äen k´ülä*, Kirkonmäki (M), Soikkola (K1, N, R), Soikkala (K)	Сойкино (R, Г, Г1) (ныне не существует)
Kl	*K´olk̄anp´ǟ*, Kolkanpää (M, N, S, R), Kolgompää (Л), Kolkapää (K1, K)	Кольгопмя, Колгомпя (Л, K, R, Г, Г1) (ныне не существует)
Kk	*K´oskina*, Koskina (M, Л, S, R), Koschkina (K1), Koskina (K)	Кошкино (Л, R, Г1), Кошкина (K, Г)
Kr	*Kr´ās̄nak´ork̄a*, Krassnaja (K)	Красная Горка (Г), мыза Красная (K)
Ks	*K´oskisenk´ülä*, Koskisenkylä (M, Л, N, S, R), Koskelowa (K1, K, R), Koskinen (K)	Косколово (K, Л, R, Г, Г1)
Lo	*L´oka*, *L´okove*, Loka (M, N, S, R), Loas (K1, K), Logove (Л)	Логи (K, Л, R, Г, Г1)
Lou	*L´oukula*, Loukkula (M, R), Loukkola (K1, K, S)	Ловколово (K, R, Г, Г1) (ныне не существует)
Mk	*M´äk̄ülä*, Mäkkylä (K1, K, M, S, R)	Мишино (K, R, Г1), Мишина (Г)
Mä	*M´ät̄üisi*, Mättäsi (M, R), Mättähä (Л), Mättäkisi (K)	Горки (K, Л, R)
Me	*M´etsäk´ülä*, Metsäkylä (M, N, S, R), Metzäkylä (K1, K)	Залесье (R, Г, Г1), Залѣсье (K)

MS	Saljess'je (K)	мыза Залѣсье (K) (ныне не существует)
Ot	*´Otsave*, *´Otsaven k´ülä*, Otsave (M), Otzowa (K)	Сменково, Сменкова (K, Г)
Ou	*´Ous̄im´äen k´ülä*, Oussimäki (M, N, S, R), Obsomäki (K1, K)	Евсеева Гора (K, Г, Г1) (ныне не существует)
Pf		Парфеевка (Г, Г1) (ныне не существует)
Pt (ф/и)	*P´ätsinä*, Pätsinä (M, R), Pätzinä (K1, K)	Пятчино (K), Пятчина (R, Г, Г1)
Pei (ф/и)	Peipiä (M, R)	Пейпия (R, Г, Г1)
PS	Pieni Somero (M)	Малое Стремление (Г, Г1) (ныне часть Б. Стремления)
Fö	*P´os'olk̄a*	Федоровка (Г, Г1) (ныне не существует)
Re	*R´ep̄ola*, Repola (K, M, N, S, R)	Репино (R), Репина (Г, Г1), Рѣпино (K) (ныне не существует)
Rö	*R´öl̄ölä*, Röllölä (M), Rolli (K)	Александровка (K) (ныне не существует)
Ru	*R´ūtsia*, *R´ūtsian külä*, *R´ūča*, Ruutsia (M, N, S, R), Rutzia (K1), Rutza (K)	Ручьи (K, R, Г, Г1)
Sa	*S`ārve*, Saarove (Л, N, R), Saarova (M), Juhantowa (K1), Sarowe (K)	Югантово (K, Л, R, Г, Г1)
Sä	*S´ǟtinä*, S´ǟtänä, Säätinä (M, N, S, R), Säädinä (Л), Sädinä (K1, K)	Слободка 1-я и Слободка 2-я (Г1); Слободка (K, R, Г), Слободы (Л)
Si	*S´ītorofka*	Сидоровка (Г, Г1) (ныне не существует)
Sj	*S´uj̄a*, Suija (K1, K, M, S)	Суйда Горка (Г1), Суйда (K, Г), Горка (K) (ныне не существует)
Sv	*S´avimäen k´ülä*, Savimäki (M, S, R), Sawimäki (K1, K)	Глинки (K, R, Г, Г1)
SS	*S´omeroi*, Suuri Somero (S), Somero (K1, K, R)	Большое Стремление (K, R, Г, Г1)
Ta	*T´arin`ais̄i*, *T´arin`ais̄in k´ülä*, Tarinaisi (K1, K, M, Л, N)	Андреевщина (K, Л, Г, Г1) (ныне не существует)

Tm	*T´amīk´ontu*, *T´amīk´oñun k´ülä*, Tammikontu (M, N, S, R), Tammenkondu (K), Tammienkondu (K)	Дубки (K, R, Г, Г1)
Uu (ф/и)	Uusikylä (M, N, R), Uuskylä (K1, K)	Купля (K, R, Г, Г1) (ныне не существует)
Vä (ф/и)	*V´ārä´oja*, *V´ārniö*, Vääräoja (M, S, R), Wääräoja (K1, K), Väärinoja (N)	Криворучье (K, R, Г, Г1) (ныне не существует)
Ve	*V´enak´ontsa*, Venakontsa (M, Л, N, R), Wenakonza (K1), Wenankontza (K)	Пахомовка (R, Г, Г1), Вотский Конец (Л), Вотскій Конецъ (K), Воцкій Конецъ (K)
Vi	*V´īstina*, Viistina (M, Л, N, R), Wistinä (K1, K)	Вистино (K, Л, R, Г), Вистина (Г, Г1)
Vo	*V´oloitsa*, Voloitsa (Л, R), Wolotza (K)	Валяницы (Л, K, R, Г), Волоницы (K), Валяница (Г1)
2. Район р. Систа (приход Kaprio (Hevaa))		
Im	Ilmola (K, M, R)	Ильмово (K, R, Г, Г1)
In	Ingere (K), Inkere (M)	Собинка (Г, Г1), Собинки (K), Собиньки (K), Сабино (K) (ныне не существует)
KR	Keski-Raikkova (M, S), Keskema Raikowa (K)	Среднее Райково (K, Г1)
Kol	Kolokka (K, M, R), Koloka (Л)	Головкино (Л, R, Г, Г1), Головка (K)
Kop	Koppana (S, R), Kopanetsa (M), Koppena (K)	Копаницы (R), Копаница (K, Г, Г1)
KO	Kylmäoja (K, R), Holodnyje Rutsji (M)	Холодные Ручьи (K, R, Г, Г1), Новая дача (K)
MI		Малое Ильмово (Г1)
Mu	Muiskala, Muiskula (K, M, R)	Мышкино (K, R, Г, Г1)
Nk	Nákowa (K), Nakkova (M)	Накково (Г1), Наккова (Г), Нахкова (K) (ныне не существует)
Ni	Niisnova (R), Neshnowa (K), Niesnowa ?[10] (K)	Нежново (R, Г, Г1), Нежинская (K)
Nu (и/в)	Nurmisto (K1, K, M, R), Urmissõ (R)	Урмизно (K, R, Г, Г1)

[10] Знак вопроса в данном случае принадлежит источнику.

Pa	Paavela (R), Pavlova (M), Pawlowa (K1), Pawela (K)	Павлово (K, R, Г, Г1)
Lui		Луизино, Луизина (Г, Г1)
PR	Pieni Raikkova (M, R), Pien Raikowa (K)	Малое Райково (K, R, Г1)
SR	Suuri Raikkova (M, R), Raikowa (K1), Suur Raikowa (K)	Большое Райково (K, R, Г, Г1)
Ts	Taatsoi (Л, N, R), Tatza (K), Seminka (M), Semejskaja (K1)	Семейское (Л, R), Семейско (K), Семейская (Г, Г1)

Таблица 3. Деревни других ареалов Ингерманландии

инд.	**нас.**	**название на ПФЯ**	**русское название**	**приход**
Krv	в	Korvettula (M, S, R), Kõrvõtula (Л), Kõrvõttula (R) Korwittina (K)	Корветино (R), Корвитино (Г, Г1), Кервотоло (K)	Kattila
Mt	в	Mati (Л, R), Matikylä (M, S, R), Matti (K1)	Маттия (R, Г), Матия (K, Л, Г1)	Kattila
Rn	ф/в	Raanala (S, R), Ranala (K1, K), Lempola	Раннолово (R), Раноло (K), Ранолово (Г, Г1)	Kattila
Tp	ф	Teppola (M, R), Teppois (K)	Низино (R, Г, Г1), Тепполова (K)	Tyrö
Vt	ф	Vetkala (M), Wetkala (K)	Веткала, Веткале (K) (ныне не существует)	Spankkova

3. К статьям М. Л. Федотова и М. А. Холодиловой

Таблица 4. Финские деревни гатчинского ареала (Центральной Ингерманландии)

инд.	**финское название**	**русское название**	**приход**
AlK	Ala Kuippina (Г1; к северу от Kui, южнее Nikkasenmäki (M))	Нижняя Кипень (Г1; к северу от Kui по Ропшинскому шоссе, перед дер. Никоземягги (Г, Г1))	Ropsu
	Alakylä (M)	Алакюля	Hietamäki
	Hinkkala (M, R)	Старое Хинколово (R)	Spankkova
	Hyvilä (M, R)	Поляна (R)	Markkova
Iis	Iisaro (R), S. Izora (M)	И́зора (R)	Koprina
Jän	Jäniskylä (M, R)	Зайцево (R)	Venjoki

Kar	Karhunkylä (M)	Кархункюля (ныне не существует)	Skuoritsa
Kes	Kesälä (M, R)	Кезелево (R)	Skuoritsa
Kik	Kikkeri (M, R)	Кикерино (R)	Kupanitsa
Kir	Kirppula (M, R)	Кирполово (R)	Liissilä
	Koivula (M, R)	Березнево (R)	Kupanitsa
	Korkanmäki (R)	Горки (R)	Venjoki
	Korkka (M, R)	Горки Первые, Горки (R)	Kupanitsa
Kor	Korpikylä (R)	Корпикюля (R)	Venjoki
	Korpikylä (M, R), Korkkylä	Корпиково (R)	Skuoritsa
	Korpisalo (M, R)	Корписалово (R)	Spankkova
Kou	Koussula (M, R)	Ковшово (R)	Koprina
Kui	Kuippina (M, R)	Кипень (R)	Ropsu
Laa	Laatukka, Latukka (M)	Ладога	Venjoki
Läs	Läsänmäki (M, R)	Лязево (R)	Koprina
Lät	Lätä (M, R)	Ляды (R)	Koprina
Luu	Luukkasi (M, R)	Лукаши (R)	Venjoki
	Luumitsa (M, R)	Глумицы (R)	Kupanitsa (R), Spankkova (M)
	была в 4 км к югу от Tih (M, R)	Михайловка (Г, Г1; была в 4 км к югу от Tih; ныне не существует)	Koprina
Par	Paaritsa (M, R)	Парицы (R)	Kolpana
	Peräkylä (M, R)	Перекюля (R)	Tuutari
Pet	Petrova (M, R)	Пе́трово (R)	Skuoritsa
Pie	Pielilä (R), Hynnisen Siiverska (M)	Новосиверская (R[11])	Koprina
	Pikkola (R)	Пикколово (ныне улица в пос. Можайский), Пикола (R)	Tuutari

[11] На данной карте финскому Pielilä соответствует русский топоним Белогорка. Белогорка находится рядом с Новосиверской и также составляет часть Сиверского гор. поселения. Возможно, на карте ошибка, т.к. наши информанты из Новосиверской называли свою деревню по-фински именно Pielilä.

Rät	Rätönkylä (M, R) (ныне часть Tervola)	Ряттелево (R) (ныне часть дер. Терволово)	Skuoritsa
	Reisinä (R), Suuri Reisinä (M)	Б. Рейзино (R)	Skuoritsa
Röl	Röllä (M, R), Röllänkylä	Малые Губаницы (R)	Kupanitsa
	Saapru (M, R)	Заборье (R)	Koprina
Sah	Sahala, Sahanmylly (R) (ныне часть Hatsina)	Мариенбург (R) (ныне часть Гатчины)	Kolppana (M), Hatsina (R)
Sav	Savonkylä	Саванкюля (R)	Skuoritsa
Ser	Sernitsä (M, R)	Старые Черницы (R)	Kolppana
	Skuoritsa (M, R)	Скворицы (R)	Skuoritsa
Som	Someristo (R), Kommola (M)	Коммолово (R)	Venjoki
	Sornova (R), Sornua (M)	Чёрново (R)	Skuoritsa
Sua	Suamusti, Suamustinkylä, Saamusti (M, R)	Новый Свет, Б. Замостье (R)	Venjoki
Tih	Tihkovitsa (M, R)	Тихковицы (R)	Koprina
Tuk	Suo-Tukenitsa (M, R), Tukentsa	Туганицы, М. Туганицы (R)	Skuoritsa
	Tarovitsa (M, R)	Таровицы (R)	Spankkova
	Tervola (M, R)	Терволово (R)	Skuoritsa
	Tuonitsa (M, R)	Донцо (R)	Spankkova
Val	Valasniekka (M, R) (ныне часть Hovinmäki)	Валасники (R) (ныне часть дер. Мыза)	Koprina
	Vekkilä (M, R)	Веккелево (R)	Venjoki
	Volkova (M, R)	Волгово (R)	Kupanitsa
	Vuiri (M, R)	Выра (R)	Koprina
	Ylä-Purskova (M, R)	Юля-Пурская (R)	Skuoritsa

Таблица 5. Финские деревни иных ареалов Ингерманландии

инд.	**финское название**	**русское название**	**приход**
	Arokylä (R), Aronkylä (M)	Аро (R)	Keltto
Muj	Muja (M, R)	Муя (R)	Järvisaari
	Teppois-Soikkina (M, R)	Санино (R)	Tyrö

4. К статье Д. В. Сидоркевич

Таблица 6. Упоминаемые в статье деревни Омской области и других районов Сибири и Дальнего Востока

инд.	нас.	название на ПФЯ	русское название
1. Крутинский и Тюкалинский р-ны Омской области			
	р		Верхний Яман
	ф		Ильинка (ныне не существует)
	э		Казулино, Козулино
Kr	р	Kruttu	Крутинка
	ф		Макарьево (ныне не существует)
	р		Моторово, Матарово
Og	р		Оглухино
Ry	л/э/ф/р	Ręškova	Рыжково, Чухонская, Чухонское
Sä	э/ф	Säde	Сядэ, Ревель (ныне не существует)
	р/ф		Чистая (ныне не существует)
Ja	р		Яман
2. Викуловский р-н Тюменской области			
	ф/э	Bojarka	Боярка (ныне не существует)
	ф	Zaimka	Заимка (ныне не существует)
	р		Коточиги
	р		Озерное
3. Знаменский, Тарский, Большеуковский и Большереченский р-ны Омской области			
	р		Знаменка
	р		Котовщиково
	ф/э	Laron Külä, Unkurin Külä	Ларионовка, Ларионова, Илларионова, Илларионовка (ныне не существует)
	и	Pietari	Ленинградка, Петроградка, Пиетари (ныне не существует)
	ф	Väliküla	Матвеевка (ныне не существует)
	э/ф	Mihailofk	Михайловка, пос. Михайловский

	ф/р		Морозкино, Морозкина (ныне не существует)
	ф/э/р	Orikova	Ориково
	ф/р		Федькино (ныне не существует)
	ф/э	Sūr Külä, Suomen Külä, Pudene	Фины, Финны, Финское, Большие Чухни, Бугене, Чухонская (ныне не существует)
	р		Чередово
	э/ф	Ēsti Külä	Эстония
4. Калачинский р-н Омской области			
	л/э/ф		Ермолаевка (ныне не существует)
	л/э/ф/р	Sāren Külä	Ивановка, Колония
	э/л	Kovalöva	Ковалево
	ф		Макаркино (ныне не существует)
	ф	Suomen Külä	Нарва (ныне не существует)
	л/р		Новая Рига
	ф	Kuren Külä	Новый Гельсингфорс (ныне не существует)
	э	Kirbu Külä	Новый Ревель
	э/ф/л/р	Sarven Külä	Орловка
	л		Старая Рига
	ф	Kelsinforsk, Ruotsin Külä	Старый Гельсингфорс, Гельсингфорс, Пупково (ныне не существует)
	э/ф	Vana Revel, Viron Külä	Старый Ревель, Ревель, Смошкино
5. Другие районы			
	ф	Åbo, Turku [Jürgenson 2006; Saari 1994]	Або, Турку (Приморский край; ныне не существует)
	ф	Ashtshegul [Granö 1905]	Аштшегул (Алтайский край; ныне не существует)
	э/ф	Ülem Suetuk	Верхний Суэтук (Красноярский край)

Литература

Генеральный штаб РККА. 1944. 0–35–III (Кронштадт). РСФСР. Ленинградская обл и Эстония. 1:200000. Helsinki: Tilgmannin Offsetpaino.

Генеральный штаб РККА. 1942. РСФСР. Ленинградская обл и Карело-Финская ССР. 1:200000. Доступно на сайте http://www.around spb.ru/maps/lo1942/lo1942.php.

Кузнецова Н.В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Настоящий сборник.

Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус.

Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале // Настоящий сборник.

Granö J. G. 1905. Siperian suomalaiset siirtolat. Helsinki (Kuopio): K. Malmströmin kirjapaino.

Jürgenson A. 2006. Siberiga seotud: eestlased teisel pool Uuraleid. Tallinn: Argo.

Köppen P. von. (ed.). 1849. Ethnographische Karte des St. Petersburgischen Gouvernements. St. Petersburg: K. Akademie der Wissenschaften.

Köppen P. von. 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg: K. Akademie der Wissenschaften.

Laiho L. 1940. Viron Inkeri kansanrunouden maana // Virittäjä 3. S. 218–236.

Mustonen J. (toim.). 1933. Inkerin suomalaiset. Topografinen kartta 1:300000.

Mustonen J. (toim.). 1934. Eestin Inkeri. Topografinen kartta 1:100000 // Suomalainen Inkeri III. S. 15.

Mägiste J. 1923a. Eesti Ingeri // Odamees 1 (5). Lk. 8–9.

Nirvi R.E. (toim.). 1971. Inkeroismurteiden sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.

Randefeldt R. (toim.) 1992. Inkeri. Tiekartta 1:200 000. Helsinki: Ingriainfo OY.

Saari J. 1994. Valoa Siperiaan. Kirkollinen työ Siperian suomalaisten parissa 1863–1921. Yleisen kirkkohistorian pääainetutkielma. Abstract. Helsinki: Helsingin yliopisto.

Salminen V. (julk.). 1931. Inkerin runokylät (kartta) // Salminen V. (julk.). Suomen kansan vanhat runot 5. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot 3. (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia 141, III). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. S. 650.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. СПИСОК ДОВОЕННЫХ ЛЮТЕРАНСКИХ ПРИХОДОВ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

В Таблице 1 приводится список лютеранских приходов на территории Ингерманландии, существовавших до Второй мировой войны. Большинство из них возникло в XVII в., и все они были закрыты в 1930-е гг. (см. [Nevalainen, Sihvo 1991: 411]; некоторые сейчас открыты вновь). См. также Карту 1 в Приложении 6.

Литература

Nevalainen P., Sihvo H. (toim.) 1991. Inkeri: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

Таблица 1. Лютеранские приходы Ингерманландии

финское название	**русское название**	**финское название**	**русское название**
Haapakangas	Осиновая Роща	Narvusi (Kosemkina)	Куземкино
Hatsina	Гатчина		
Hietamäki	Хиетамяки (Шундорово)	Novasolkka	Новоселки
		Pyhä Maria (Pietari)	Святой Марии (СПб.)
Inkere	Ижора		
Järvisaari	Ярвосельский (Шапки)	Ropsu	Ропша
		Rääpyvä	Рябово
Kaprio (+Hevaa[1])	Копорье (+Коваши)	Serepetta	Жеребятки
Kattila	Котлы	Siestarjoki	Сестрорецк
Keltto	Колтуши	Skuoritsa	Скворицы
Kolppana	Колпаны	Soikkola	Сойкино
Koprina	Кобрино	Spankkova	Шпаньково
Kupanitsa	Губаницы	Toksova	Токсово
Lahti	Лахта	Tuutari	Дудергоф
Lempaala	Лемболово	Tyrö	Мартышкино
Liissilä	Лисино	Valkeasaari	Белоостров
Markkova	Марково	Venjoki	Славянка
Miikkulainen	Никулясы	Vuole	Вуолы
Moloskovitsa (Valkeakirkko)	Молосковицы	Viron Inkeri (Eestin Inkeri)	Эстонская Ингерманландия

[1] Упоминается в статье А. В. Крюкова, но существовал только в XVII веке.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. КАРТЫ К СТАТЬЯМ

В данном приложении представлено 6 карт:

1) Карта 1 — дореволюционные лютеранские приходы Ингерманландии [Mustonen 1937: 39] (см. 1.1);

2) Карта 2 — довоенные лютеранские приходы южной части Карелии, перешедшей от Финляндии к СССР в 1940 г. [Rapo 2002][1] (см. 1.1);

3) Карта 3 — районы расселения ингерманландцев в Западной Сибири (Омская и Тюменская области; сост. Д. В. Сидоркевич; см. 1.2);

4) Карта 4 — социолингвистические ареалы района Нижней Луги (сост. Н. В. Кузнецова; см. 1.3);

5) Карта 5 — группы говоров нижнелужского диалекта ижорского языка (сост. Н. В. Кузнецова; см. 1.4);

6) Карта 6 — группы говоров сойкинского диалекта ижорского языка (сост. Н. В. Кузнецова; см. 1.4).

1.1. Довоенные лютеранские приходы Ингерманландии и Южной Карелии

Карта расположения довоенных приходов Ингерманландии дается в качестве иллюстрации к статьям А. В. Крюкова, Н. В. Кузнецовой, М. З. Муслимова, М. Л. Федотова и М. А. Холодиловой, а также к Приложениям 3–5. Кроме того, эта карта отражает историческую ситуацию с данными приходами на 1936 г., в разгар репрессий против лютеранской церкви Ингрии (последний приход прекратил свое существование в 1940 г. после присоединения Эстонской Ингерманландии к СССР). В настоящее время часть приходов открыта вновь, некоторые — в несколько иных границах, по сравнению с довоенными.

Карта приходов Южной Карелии дополнительно иллюстрирует статью А. В. Крюкова.

1.2. Районы проживания сибирских ингерманландцев

Карта, показывающая районы исторического сосредоточения ингерманландцев в Западной Сибири, служит иллюстрацией к статье Д. В. Сидоркевич и к Приложению 4.

---

[1] Авторы благодарят С. Рапо за разрешение на перепечатку карты.

1.3. Социолингвистические ареалы района Нижней Луги

Данная карта является иллюстрацией к статье М. З. Муслимова. Социолингвистические ареалы 1–7 на карте соответствуют районам, выделенным в пп. 1.1–1.7 статьи. При этом на карте представлено несколько большее количество населенных пунктов (список деревень из Таблиц 1–2 Приложения 4), чем указано в тексте работы, см. сноску 8 в статье. На карте 4 (а также на Карте 5) отражена государственная граница СССР с Эстонией, существовавшая с 1920 по 1940 гг. и оказавшая влияние на формирование границ социолингвистических и диалектных ареалов долины р. Россонь.

1.4. Группы говоров нижнелужского и сойкинского диалектов ижорского языка

Данные карты показывают группы говоров двух сохранившихся к настоящему моменту диалектов ижорского языка — сойкинского и нижнелужского. Классификация групп говоров учитывает изоглоссы из работ [Лаанест 1966; Муслимов 2005; Кузнецова 2009]. Отметим, что классификация является предварительной. Карты отчасти иллюстрируют статьи Н. В. Кузнецовой и М. З. Муслимова, но имеют и самостоятельное диалектологическое значение, не связанное напрямую с положениями данных статей.

Сойкинский диалект можно прежде всего разделить на собственно-сойкинские (говоры Сойкинского полуострова) и систинские говоры. Собственно-сойкинские говоры дополнительно подразделяются на северную и южную подгруппы. Границей между ними можно условно считать говор пос. Вистино. Говор Косколово, самой южной деревни собственно-сойкинского ареала, является переходным между сойкинским и нижнелужским диалектами. По ряду говоров собственно-сойкинского ареала пока имеется недостаточно материала для того, чтобы отнести их к какой-либо из подгрупп.

Нижнелужский диалект был предварительно разделен на два крупных ареала — северо-восточный и юго-западный. Северо-восточный ареал подразделяется на северную и восточную группы говоров, а юго-западный — соответственно, на южную и западную. Ряд изоглосс дополнительно разделяет южные говоры правого и левого берегов р. Луга. Ижорско-финские контактные

говоры деревень Хамолово и Курголово по многим изоглоссам примыкают к северной группе говоров.

Границы между основными группами нижнелужских ижорских говоров во многом совпадают с границами нижнелужских социолингвистических ареалов, выделенных в статье М. З. Муслимова и показанными на Карте 4. Основное отличие заключается в том, что ижорские говоры деревень по р. Россонь и верхнему течению р. Мертвица (прежде всего, дер. Волково и мыза Приречье, где проживали в основном ижоры) с точки зрения диалектологии следует относить к южной группе говоров, а не к западной (т.е. к говорам района Б. Куземкино); ср. также п. 1.2 в Приложении 4.

Литература

Кузнецова Н. В. 2009. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

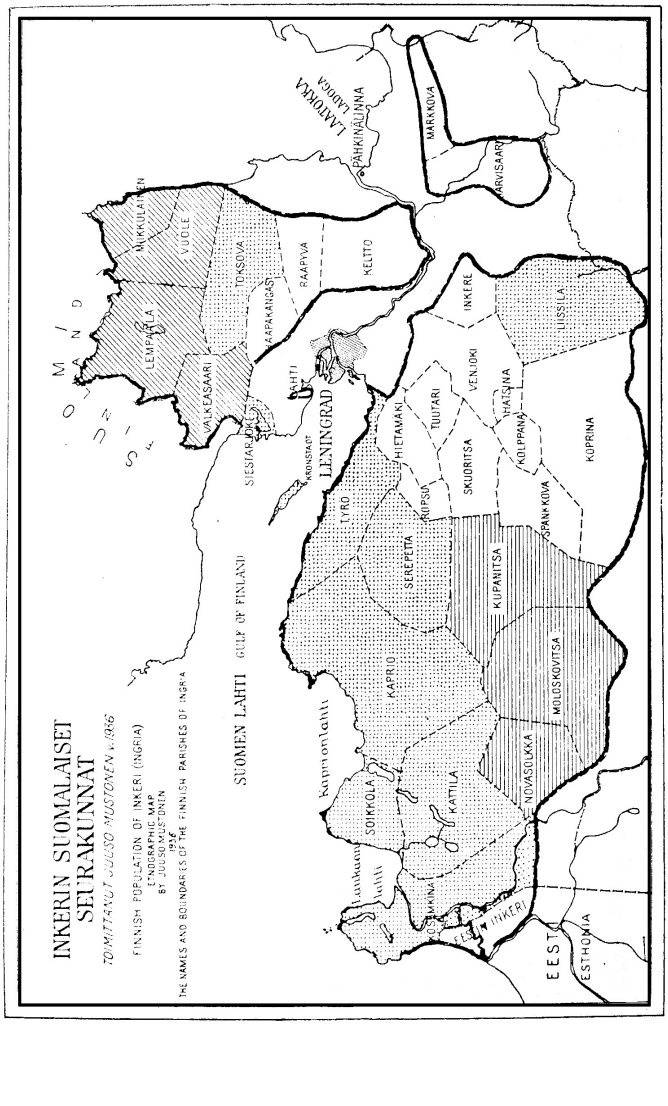
Лаанест А. 1966. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус.

Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. … канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.

Rapo S. 2002. Luovutettu Karjala. Доступно на сайте http://www.luovutettu karjala.fi/kartat/luovkarjkar.htm.

Mustonen J. 1937. Nykypäiväinen Inkeri // Suomalainen Inkeri VI. S. 38–41.

Карта 1. Довоенные лютеранские приходы Ингерманландии



Примечания. Ситуация на 1936 г.: 1 — церкви закрыты и все финское население депортировано; 2 — церкви закрыты; 3 — приходы, в которые не пускают священников; 4 — действующие церкви.

Карта 2. Довоенные лютеранские приходы Южной Карелии

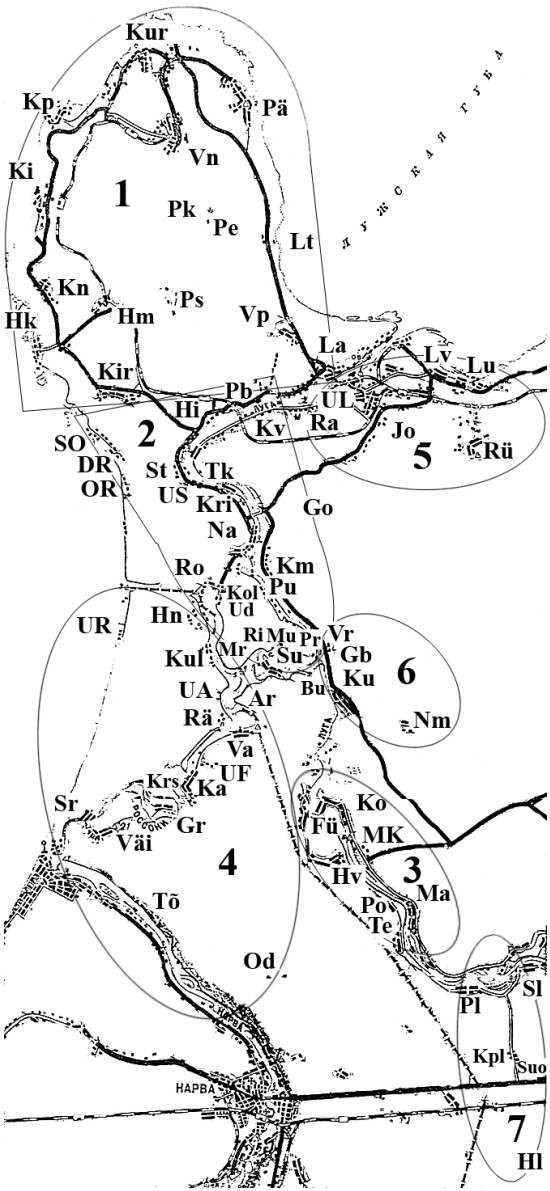
Примечания. Южная часть Карелии, которая отошла от Финляндии к СССР по условиям мирного договора 1940 г., выделена на карте светло-серым.

.

Карта 3. Районы исторического расселения ингерманландцев в Западной Сибири

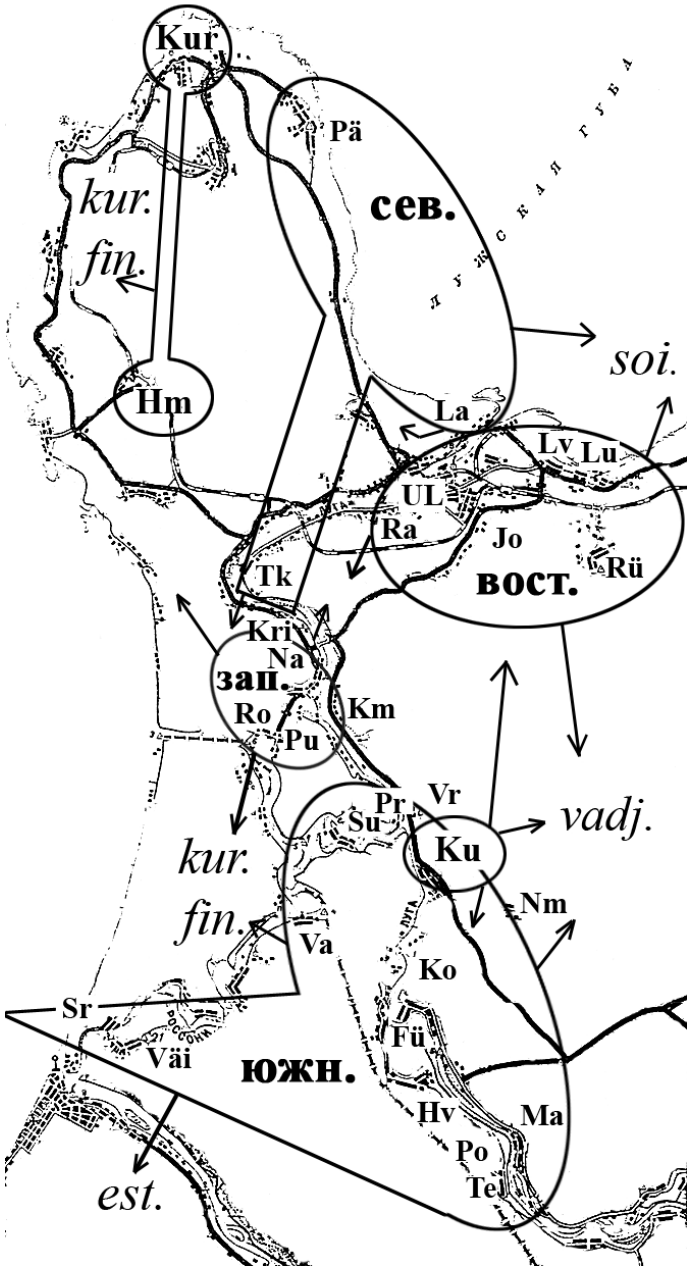
Примечания. 1 — Крутинский и Тюкалинский районы Омской области; 2 — Викуловский район Тюменской области; Знаменский, Тарский, Большеуковский и Большереченский районы Омской области; 4 — Калачинский район Омской области.

Карта 4. Социолингвистические ареалы ПФЯ на Нижней Луге



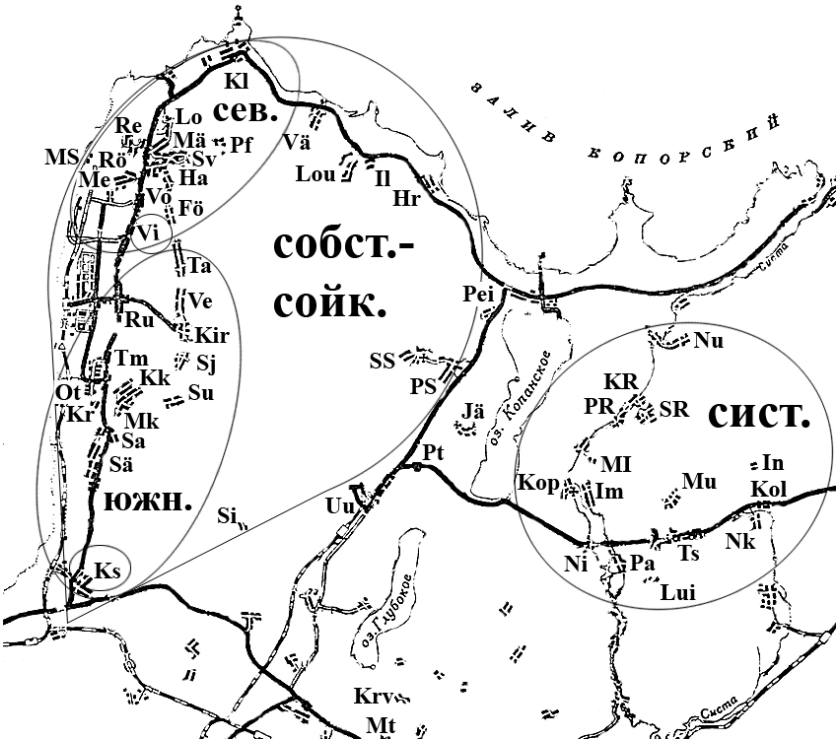
Примечания. 1 — Курголовский п-ов; 2 — р-н дер. Б. Куземкино; 3 — р-н дер. Кейкино; 4 — долина р. Россони (Эстонская Ингерманландия); 5 — р-н дер. Краколье; 6 — р-н дер. Куровицы; 7 — р-н дер. Дубровка.

Карта 5. Группы говоров нижнелужского диалекта ижорского языка



Примечания см. на следующей странице.

Карта 6. Группы говоров сойкинского диалекта ижорского языка



Примечания к ***Карте 5****. Сев.* — северная группа говоров; *южн.* — южная группа говоров; *зап.* — западная группа говоров; *вост.* — восточная группа говоров; в качестве особых единиц выделены контактные иж.-фин. говоры Hm и Kur, а также вод.-иж. говор Ku; *soi.* — сойкинский ижорский диалект, *vadj.* — водский язык, *kur. fin.* — курголовский инг. фин. диалект, *est.* — эстонский язык. Стрелки указывают в сторону соседних идиомов, оказавших контактные влияния на н.-л. говоры.

Примечания к ***Карте 6****. Собст.-сойк.* — собственно-сойкинская группа говоров; *сист.* — систинская группа говоров; *сев.* — северная подгруппа собст.-сойк. говоров; *южн.* — южная подгруппа собст.-сойк. говоров. Отдельно выделены переходный от северных к южным говор Vi, а также переходный от сойкинского диалекта к нижнелужскому говор Ks. Ижоризированными финскими являются говоры Vä, Uu, Pt, Jä, возможно, Pei. По говорам Hr, Lou, Il, SS, PS, Si нет или недостаточно материала, чтобы уверенно отнести их к какой-либо подгруппе. Однако можно сделать предварительное предположение об их принадлежности к южной подгруппе. Дополнительно отмечены водские деревни Krv и Mt, упоминаемые в Таблице 3 Приложения 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. ПРАВИЛА ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

1. Пояснения к используемым системам транскрипции

Прибалтийско-финские и саамские языки известны сложностью своих фонетических и фонологических систем. Для многих идиомов, входящих в эти группы, не существует более или менее общепринятых вариантов интерпретации их фонологии. Особенно это касается малых бесписьменных языков, многие из которых представлены в данном сборнике. Поэтому мы сочли целесообразным дать возможность авторам до определенной степени самим выбирать используемую систему записи словоформ. Это было связано еще и с тем, что для части статей фонетика и фонология является центральным объектом анализа, и поэтому требуется более подробная транскрипция. Другая часть статей, напротив, посвящена совершенно иной проблематике, и детальность транскрипции оказывается здесь не так важна.

Все же мы ограничили используемые виды записи некоторыми **основными принципами транскрибирования**:

1) при цитировании словоформ на прибалтийско-финских и саамских языках по печатным источникам всегда сохраняется оригинальная транскрипция источников;

2) словоформы, взятые из больших литературных языков (из которых в сборнике представлены прежде всего финский, эстонский и северосаамский), записываются в стандартной орфографии соответствующего языка;

3) словоформы на малых языках записываются в следующих вариантах:

а) в более или менее детальных вариантах фонетической транскрипции, в целом основанной на финно-угорской фонетической транскрипции (FUT, см. раздел 2; впервые разработана в [Setälä 1901], более поздние версии детально представлены, например, в [Лыткин 1960; Iivonen et al. 1990]) — используется во всех статьях, кроме статьи А. В. Крюкова;

б) в фонологической транскрипции (также во многом основана на FUT; см. раздел 3) — используется в статьях Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера, Н. В. Кузнецовой и Вяч. С. Кулешова, специально посвященных фонологии;

г) в стандартной орфографии финского литературного языка — используется в статье А. В. Крюкова;

д) в стандартной орфографии малых языков, имеющих письменность, — используется для кильдинского саамского в статье Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера.

В зависимости от количества вариантов записи словоформ (включая системы и транскрипции, и орфографии), используемых в рамках одной статьи, в работах несколько различается **использование шрифтов и скобок**. В сборнике представлены следующие варианты соотношений:

а) только орфографии больших письменных языков (*курсивом* без скобок) — в статье А. В. Крюкова;

б) упрощенная фонетическая транскрипция для бесписьменных языков и орфографии для больших письменных языков (и то, и другое *курсивом* без скобок) — в работах М. З. Муслимова, Н. О. Кирсанова, Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус, Д. В. Сидоркевич, М. Л. Федотова, М. А. Холодиловой;

в) фонетическая транскрипция (*курсивом* без скобок; во всех случаях является цитатой из печатного источника) и фонологическая транскрипция (прямым шрифтом в /косых скобках/) — в статье Вяч. С. Кулешова;

г) фонетическая транскрипция (прямым шрифтом в [квадратных скобках]; используется в большей части статьи), упрощенная фонетическая транскрипция (прямым шрифтом без скобок; используется в больших по размеру таблицах в статье и в Приложении 1, что специально оговаривается), фонологическая транскрипция (*курсивом* без скобок), орфографии больших письменных языков (*курсивом* без скобок) — в статье Н. В. Кузнецовой;

д) фонетическая транскрипция (прямым шрифтом в [квадратных скобках]), фонологическая транскрипция (прямым шрифтом в /косых скобках/), орфографии больших и малых письменных языков (*курсивом* без скобок), т.н. «обобщенные» типы аллофонов или фонем (в случаях вроде: «в кильдинском имеется три типа *п*»; *курсивом* без скобок) — в статье Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера.

Цитаты из источников, как уже говорилось, приводятся в их оригинальном виде. В том случае, если в оригинале скобки не используются, то цитируемый пример дается *курсивом* без скобок.

Если же в источнике были использованы [фонетические] или /фонологические/ скобки, то они сохраняются и в цитате, при этом словоформа записывается прямым шрифтом.

Литература

Лыткин В. И. 1960. О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков. М.–Л.: Институт языкознания АН СССР; Комиссия по унифицированной фонетической транскрипции (УФТ) для народов СССР.

Iivonen A., Sovijärvi A., Aulanko R. 1990. Foneettisen kirjoituksen kehitys ja nykytila: Kansainvälinen foneettinen aakkosto (IPA); Suomalais-ugrilainen tarkekirjoitus (SUT). (Helsingin yliopiston fonetiikan laioken monisteita 16). Helsinki: Helsingin yliopisto.

Setälä E. N. 1901. Über transskription der finnisch-ugrischen Sprachen. Historik und vorschläge // Finnish-ugrische Forchungen 1, 1. S. 15–52.

2. Используемые знаки фонетической транскрипции

2.1. Просодика

[ˀ] — гортанная смычка/прерывистая интонация;

[·] — главное ударение;

[:] — второстепенное ударение;

[.] — слоговая граница (в случае, когда надо показать членение всей словоформы на слоги);

[◌̩] — слоговая граница (в случае, когда надо подчеркнуть, что слоговая граница проходит перед каким-то конкретным звуком, а не после или посередине его);

[|] — пауза;

[‿] — межсловесное сандхи;

[S] — безударный слог;

[Ś] — ударный слог.

2.2. Гласные

2.2.1. Общие обозначения (приводятся на примере одного типа гласного).

[ᵻ] — редуцированный гласный призвук;

[(i)] — выпадающий в речи гласный;

[i̯] — неслоговой гласный;

[ĭ̥] — редуцированный глухой гласный;

[ĭ] — редуцированный гласный;

[i] — краткий гласный;

[i̯] — продленный гласный;

[ī] — долгий гласный;

[ī̯] — сверхдолгий гласный;

[ə̹] — лабиализованный гласный;

[e̜] — отодвинутый назад гласный;

[o̝] — продвинутый вперед гласный;

[o̞] — продвинутый вниз гласный

2.2.2. Обозначения некоторых конкретных типов гласных.

[ü] — лабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема;

[e] — нелабиализованный гласный переднего ряда среднего или средне-верхнего подъема;

[ɛ] — нелабиализованный гласный переднего ряда средне-нижнего подъема;

[ö] — лабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема;

[ä] — нелабиализованный гласный переднего ряда нижнего подъема;

[i̯] — нелабиализованный гласный среднего ряда верхнего подъема;

[e̯] — нелабиализованный гласный среднего ряда среднего подъема;

[ə] или [ə̂] — «шва», нелабиализованный редуцированный гласный среднего ряда среднего подъема;

[o̯] или [o̞] — лабиализованный гласный среднего ряда среднего подъема;

[o̞] — назализованный лабиализованный гласный заднего ряда среднего подъема;

[ɔ] — лабиализованный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема;

[ь] ≈ [ĭ];

[ъ] ≈ [ŭ];

[ĕ] ≈ [ä].

2.3. Согласные

2.3.1. Общие обозначения (приводятся на примере одного типа согласного).

[ʲ] — согласный призвук;

[d] — звонкий согласный;

[ᴅ] — полузвонкий согласный;

[t] — краткий согласный;

[t̀] — полудолгий согласный (может содержать или не содержать слоговую границу);

[t̆t] — краткая гемината (долгий согласный, содержащий слоговую границу);

[tt] — полнодолготная гемината (долгий согласный, содержащий слоговую границу);

[t̀t] — сверхдолгая гемината (сверхдолгий согласный, содержащий слоговую границу);

[t̄] — долгий согласный, не содержащий слоговой границы;

[t'] — краткий палатализованный согласный;

[t't'] — долгий согласный, палатализованный на всем своем протяжении;

[tt'] — долгий согласный, палатализованный только во второй части;

[t́] — палатальный согласный;

[tʷ] — лабиализованный согласный;

[ʰt] — аспирированный согласный.

2.3.2. Обозначения некоторых конкретных типов согласных.

[ɬ] — веляризованный латеральный аппроксимант;

[ŋ] — носовой велярный смычный;

[h] — глухой ларингальный фрикативный;

[x] или [χ] — глухой велярный фрикативный;

[δ] — звонкий переднеязычный фрикативный;

[φ] — билабиальный глухой фрикативный;

[w] — билабиальный звонкий фрикативный;

[š] — глухой двухфокусный фрикативный;

[ž] — звонкий двухфокусный фрикативный;

[č] — глухая двухфокусная аффриката;

[ǯ] — звонкая двухфокусная аффриката;

[ts] или [c] — глухая переднеязычная аффриката;

[ʒ] — звонкая переднеязычная аффриката.

2.4. Упрощенные варианты фонетической транскрипции

В большинстве статей представлены упрощенные варианты фонетической транскрипции. Упрощения в основном касаются следующего.

1. В словоформах (за исключением отдельных случаев) не отмечаются ударения (во всех статьях, кроме статьи Н. В. Кузнецовой).

2. Слоговые границы обозначаются только в случае необходимости для отдельных словоформ.

3. В большинстве статей, касающихся идиомов Ингерманландии (А. В. Крюкова, Н. О. Кирсанова, М. З. Муслимова, Д. В. Сидоркевич, М. Л. Федотова, М. А. Холодиловой), не отмечается автоматическое продление второго гласного, всегда присутствующее в ижорском, водском и ингерманландском финском в стопе структуры CVCV. Т.е., например, во всех этих статьях выбран принцип написания *hüvä* ‘хороший’, а не *hüvä̀.* Данное продление регулярно отмечается только в статье Н.В. Кузнецовой, специально посвященной проблемам фонетики и фонологии. При этом продления неначальных гласных в различительных для долготы позициях отмечаются во всех указанных статьях (например, инг. фин. *tullò* <приходить:3SG>).

4. Во всех статьях, кроме статей Н. В. Кузнецовой и Вяч. С. Кулешова, различается максимум две фонетические степени долготы гласных и согласных: [a] vs. [ā], [t] vs. [tt/t̄].

5. В большинстве статей (кроме статей Н. В. Кузнецовой, Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера, отчасти М. З. Муслимова и Вяч. С. Кулешова), не отмечаются явления фонетической редукции гласных.

6. В большинстве статей (кроме статей Н. В. Кузнецовой, и Вяч. С. Кулешова) не отмечается неслоговой характер ряда гласных в некоторых позициях.

7. Палатализованный характер согласного в большинстве статей обозначается не вполне последовательно — обычно только в различительных для палатализации позициях (кроме статьи Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера, специально посвященной проблемам палатализации).

8. Веляризованный характер фонем *l* и *l̄* в ряде позиций (т.е. [ɬ] и [ɬ̄]) в большинстве статей не обозначается (кроме статей Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера и Н. В. Кузнецовой).

9. В Таблице 2 статьи Н. В. Кузнецовой и в Таблицах 1–2 Приложения 1 долгие согласные в фонетической транскрипции всегда обозначаются как [t̄] (т.е. запись типа [tt] не используется), а обозначение типа [ŭ] используется только для передачи очень

сильной количественной редукции (т.е., фактически, для сверхкратких гласных типа [^{i}]).

3. Используемые знаки фонологической транскрипции

Как уже было отмечено, фонологическая транскрипция используется только в статьях Ю. К. Кузьменко и М. Рисслера, Н. В. Кузнецовой, Вяч. С. Кулешова. Ниже приводятся только общие типы обозначений для гласных и согласных (в основном касающиеся количества и палатализации). Конкретные типы гласных и согласных передаются теми же значками, что и в фонетической транскрипции (некоторые исключения имеются в статье Вяч. С. Кулешова).

´ — легкий акцент (в статье Н. Кузнецовой);

` — тяжелый акцент (там же);

`` — сверхтяжелый акцент (там же);

^{0} — акцентно немаркированная морфема (в статье Вяч. Кулешова);

^{F1} — сильный акцент первой группы (там же);

^{F2} — сильный акцент второй группы (там же);

^{L1} — слабый акцент первой группы (там же);

^{L2} — слабый акцент второй группы (там же);

^{3} — акцент третьей группы (там же);

i — краткий гласный;

ī — долгий гласный;

ĭ — редуцированный гласный;

(i), *(t)* — фонемы, факультативно представленные в составе словоформы или морфемы;

t — слабый / краткий согласный;

t̄ — сильный / долгий согласный;

t′ — палатализованный согласный;

t́ — палатальный согласный.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И СПИСОК ГЛОСС

1. Правила представления языкового материала

В сборнике используется два основных вида подачи языкового материала:

1) трехстрочная запись (как правило, для предложений, а также части словосочетаний; см. п. 1.1);

2) запись внутри основного текста статьи (как правило, для отдельных слов и коротких словосочетаний; см. п. 1.2).

При этом в обоих случаях применяются одни и те же принципы глоссирования и перевода (см. п. 1.3).

1.1. Представление материала в трехстрочном виде

Для облегчения понимания относительно длинных речевых фрагментов в сборнике обычно используется запись в три строки, вынесенная в отдельный абзац.

В **первой строке** содержится транскрипционная (см. Приложение 7) запись фрагмента речи с разбиением на морфемы. На месте выпущенных в статьях частей предложений ставится символ «⟨...⟩». Отметим, что в сборнике встречаются речевые примеры как на прибалтийско-финских и саамских языках, так и на русском языке, а также примеры с переключением кодов. Трехстрочная запись используется только для прибалтийско-финских и саамских примеров и (в случае переключения кодов с участием русского языка) частей примеров. Речевые фрагменты на любом языке (в т. ч. и на русском) в первой строке всегда записывается *курсивом*.

Вторая строка содержит поморфемную нотацию (глоссы) примеров.

Первые две строки выровнены таким образом, чтобы глосса каждого слова начиналась под началом прибалтийско-финского или саамского эквивалента. Если пример занимает более одной строки, строки с примером и его поморфемной нотацией переносятся попарно с сохранением того же принципа. При трехстрочной записи как словоформы в первой строке, так и их эквиваленты во второй строке всегда членятся на морфемы в тех случаях, когда между морфемами имеется четкая граница агглютинативного типа (о правилах членения см. п. 1.3).

В **третьей строке** в семантических кавычках (‘’) дается смысловой перевод речевого фрагмента. В строке перевода в квадратных скобках ([]) могут появляться слова, восстанавливаемые по смыслу или требующиеся по правилам русского синтаксиса, буквальных эквивалентов которых в исходном фрагменте нет. При работе по анкетам носителям языка часто предлагался определенный контекст или конситуация, в которых высказывание могло бы быть произнесено — эта информация записывается в фигурных скобках ({}).

Под переводом (т.е., фактически, в качестве четвертой строки) в квадратных скобках ([]) дается указание на **источник(-и)** речевого фрагмента — устный(-е) или печатный(-е).

1.2. Представление материала внутри основного текста

Для сравнительно коротких речевых фрагментов часто используется представление языкового материала внутри основного текста. В этом случае первой по порядку следует курсивная запись прибалтийско-финской или саамской словоформы или словосочетания. За ней в ломаных скобках (< >) дается поморфемный эквивалент. Порядок следования эквивалентов (в случае словосочетания или фразы) идентичен порядку слов в прибалтийско-финском или саамском фрагменте. После эквивалентов следует смысловой перевод в семантических кавычках (‘’).

В разных статьях представлены различные типы указания на источники языкового материала. Указания на **источник** даются следующим образом:

1) индексы деревень, в которых зафиксирован речевой фрагмент (используется в статье Н. В. Кузнецовой) — перечисляются через запятую после самого фрагмента;

2) приходы, в которых зафиксирован речевой фрагмент (используется в статье А. В. Крюкова) — перечисляются через запятую в круглых скобках после самого фрагмента;

3) индексы информантов, от которых записан речевой фрагмент (используется в статьях М. З. Муслимова, Д. В. Сидоркевич, М. Л. Федотова) — перечисляются через запятую в квадратных скобках после смыслового перевода;

4) индексы диалектов, от носителей которых записан речевой фрагмент (используется в статье М. А. Холодиловой) — пе-

речисляются через запятую в квадратных скобках после смыслового перевода;

5) печатные источники, в которых был опубликован речевой фрагмент — перечисляются через точку с запятой в квадратных скобках (т.е. по общим правилам подачи печатных источников) после смыслового перевода.

При представлении материала внутри основного текста автор имел возможность выбирать между **несколькими степенями подробности** представления.

1. Наиболее подробное представление содержательно аналогично трехстрочной записи. Оно включает речевой фрагмент, его глоссирование, смысловой перевод и указание на источник. При этом в самом фрагменте и его глоссированном эквиваленте морфемы отделяются друг от друга дефисом в тех случаях, где между ними можно провести четкую границу.

2. При менее подробном представлении автор имел возможность отказаться от членения как речевого фрагмента, так и его глоссированного эквивалента на морфемы.

3. Наконец, при минимальной степени подробности представления речевой фрагмент не членится на морфемы, глоссирование полностью опускается и приводится только смысловой перевод.

1.3. Принципы глоссирования и перевода

1.3.1. Запись словоформ на прибалтийско-финских и саамских языках. При наиболее подробном представлении материала сегментные грамматические морфемы, между которыми имеется четкая граница агглютинативного характера, отделяются друг от друга **дефисом**. В случае полной или частичной фузии межморфемная граница не отмечается. Словообразовательные суффиксы, а также корневые части сложных слов (композитов) выделяются только в тех случаях, когда автор считает это целесообразным (например, для специальной демонстрации какого-либо явления в области словообразования). При менее подробных вариантах представления никакие межморфемные границы не обозначаются.

1.3.2. Принципы глоссирования. Корневые морфемы передаются русскими переводами, а грамматические показатели — условными обозначениями, набранными малыми прописными

латинскими буквами и в отдельных случаях цифрами (см. список в разделе 2 ниже). Для перевода корней используются максимально близкие по смыслу русские слова в их исходной форме (для имен и местоимений — именительный падеж, единственное число, (для прилагательных) мужской род; для глаголов — инфинитив, (обычно) несовершенный вид). Композиты, как правило, переводятся как единое смысловое целое, например, инг. фин. *muailmà* <мир.ILL>, а не *mua-ilmà* <земля-воздух.ILL>. Однако в некоторых случаях части композитов переводятся буквально (особенно см. статью А. В. Крюкова).

Обозначения отдельных морфем в глоссированном эквиваленте также разделяются **дефисами** в тех случаях, когда они разделены дефисом в самой словоформе. Например, инг. фин. *kissa-in* <кошка-P1SG>.

Однако возможны случаи:

а) фузионных явлений, когда деление на морфы оказывается затруднено (можно выделить начало одного морфа и конец другого, но нельзя четко провести границу между ними);

б) несегментных морфем (например, выраженных продлением гласного).

В обоих этих случаях между глоссами ставится **точка**. Таким образом, знак точки обладает определенной **омонимией**, так как в глоссированном эквиваленте он может разделять:

а) два элемента грамматического значения простого по составу грамматического показателя (например, инг. фин., иж. *-kà* <IMP.PL>);

б) два различных грамматических показателя в случае отсутствия четкой границы между их алломорфами (например, инг. фин., иж. *alkà* <начинаться.3SG> — корень+несегментная грамматическая морфема 3SG; инг. фин. *mau-ltàn* <вкус-ABL.P3> — фузия показателей ABL и P3).

Разрешить данную омонимию позволяет представленный в разделе 2 настоящего приложения полный список глосс простых по составу грамматических показателей, которые встречаются в сборнике. В этот список входят в том числе и все случаи, когда точка использована в функции (а).

Если одной единице прибалтийско-финского или саамского языка соответствует сочетание двух лексем в русском, то между

последними в глоссах ставится **нижнее подчеркивание**. Например, инг. фин., иж. *pittȁ* <быть_нужным.3SG>.

При менее подробном варианте представления материала, когда межморфемные границы в словоформах не обозначаются, но глоссирование приводится, все глоссы разделяются знаком **двоеточия**. Например, иж. *kaivotuja* <рыть:PC_IPS.PST:PL:PART>.

Особо отметим, что в статье А. В. Крюкова, помимо двоеточия, дополнительно используется знак **плюса** для разделения в глоссах частей композитов. Например, *Jauhopää* <мука+голова> ‘мучная голова’ (в значении ‘белокурый’).

Основной принцип глоссирования состоит в том, что все морфемы (и корневые, и грамматические) разбираются единообразно, независимо от того, каким алломорфом они представлены, и от того, в какой функции или в каком значении они выступают в конкретном примере. Так, например, составные части аналитических форм глагола глоссируются таким же образом, каким они бы глоссировались при употреблении в качестве независимых словоформ. Например, инг. фин., иж. *e-n käü-nt*, которая традиционно считается аналитической глагольной формой отрицательного имперфекта, глоссируется как <NEG-1SG ходить-PC_PST>.

Следствием данного принципа анализа является то, что в глоссированном эквиваленте структура прибалтийско-финского или саамского речевого фрагмента представлена в наиболее буквальном виде. Однако при этом, как уже было сказано, аналитические формы в глоссировании не отображаются.

В большинстве случаев мы отказались от введения нулевых морфем. Так, в структуре словоформ (кроме таблиц в статье Вяч. С. Кулешова и нек. др.) **не глоссируются** следующие граммемы:

именные (и местоименные):

а) номинатив;

б) единственное число;

в) положительная степень (у прилагательных);

глагольные:

г) непрошедшее время (кроме причастий);

д) активный залог;

е) индикативное наклонение;

ж) утвердительная полярность;

з) 2 лицо для форм императива.

Например, форма номинатива ед. ч. положительной степени иж., инг. фин. *hüvä* глоссируется просто как <хороший>, а утвердительная форма индикативного наклонения активного залога непрошедшего времени 3 л. ед. ч. иж., инг. фин. *tullò* — как <приходить.3SG>.

Однако **нулевая морфема** по системным соображениям выделяется (и обозначается как Ø) в следующих **трех случаях**.

1. Граммема 3SG в утвердительной глагольной форме индикативного наклонения активного залога прошедшего времени 3 л. ед. ч. в том случае, если перед ней представлен агглютинативно присоединенный к основе показатель прошедшего времени (иж., инг. фин. *-(s)i-*). Например: иж., инг. фин. *ol-i-Ø* <быть-PST-3SG>, *män-i-Ø* <уходить-PST-3SG>, *anto-i-Ø* <давать-PST-3SG>. Однако в случае фузии основы с показателем прошедшего времени (обычно представляющей из себя отпадение показателя) глоссы обоих показателей (времени и лица-числа) записываются через точку: инг. фин. *män′* <идти.PST.3SG>, иж., инг. фин. *anto* <давать.PST.3SG>.

2. Граммема 3SG в утвердительной глагольной форме условного наклонения активного залога непрошедшего времени 3 л. ед. ч. в том случае, если перед ней представлен агглютинативно присоединенный к основе показатель условного наклонения в его «исходной» форме (иж., инг. фин. *-(i)si-*, *-jaisi-/-jäisi-*). Например: лит. фин. *sata-isi-Ø* <дождить-COND-3SG>. Однако трансформация показателя условного наклонения (прежде всего, отпадение конечного гласного в позиции абсолютного исхода словоформы) считается уже фузионным явлением. Поэтому граммемы наклонения и лица-числа записываются через точку, например: иж., инг. фин. *tapa-jais* <хватать-COND.3SG>, инг. фин. *o-is* <быть-COND.3SG>.

3. Граммема PART в именной или местоименной форме мн. ч. партитива в том случае, если перед этой граммемой представлен показатель мн. ч. в его «исходной» форме (иж., инг. фин. *-i-/-j-*, *-loi-/-löi-*). Например: иж., инг. фин. *laivo-i-Ø* <корабль-PL-PART>, инг. фин. *tatti-loi-Ø* <гриб-PL-PART>. Однако если показатель мн.ч. обнаруживает трансформации, указывающие на фузионные явления, граммемы числа и падежа записываются через точку. Например: иж., инг. фин. *ihmis-ij* <человек-PL.PART>.

1.3.3. Принципы смыслового перевода. По возможности дается максимально точный и буквальный перевод того, что сказано в речевом фрагменте, с максимальным сохранением аналогичного порядка слов. Как следствие, в некоторых случаях переводы не вполне соответствуют стандартам отредактированной русской письменной речи. В случае примеров, полученных методом анкетирования, перевод часто фактически представляет из себя русский стимул, который был предъявлен информанту.

1.3.4. Дополнительные особенности подачи примеров, полученных методом анкетирования. В речевых фрагментах, полученных методом анкетирования, могут содержаться дополнительные символы (используются в статьях М. Л. Федотова и М. А. Холодиловой).

Во-первых, может быть показано, каким образом информанты оценили **степень грамматической и семантической приемлемости** фразы или словосочетания на их языке, сконструированных собирателями.

Отсутствие каких-либо помет означает, что пример был порожден самим информантом. Знаком ^{ок} помечаются варианты, которые информанты, указанные как источники данного примера, признали грамматически правильными при предъявлении собирателем. Знаком астериска (*****) помечаются варианты, который информанты оценивали как неприемлемые. Одним, двумя или тремя вопросительными знаками в верхнем индексе ($^{?}$, $^{??}$, $^{???}$) помечаются варианты, признанные информантами как не вполне допустимые (большее количество вопросительных знаков соответствует меньшей допустимости примера).

Знак косой черты (*/*) разделяет два и более сопоставляемых варианта фрагмента предложения, каждый из которых может сопровождаться знаками приемлемости или неприемлемости. Если варианты не помечены никакими символами, первым обычно дается вариант, который порождался при переводе русского стимула бóльшим количеством опрошенных носителей.

Набор и оценка приемлемости вариантов в приводимом речевом фрагменте является результирующей индивидуальных вариантов и оценок различных информантов, если их было несколько. Индивидуальные оценки приводятся после смыслового перевода при указании на информантов в квадратных скобках.

Как уже говорилось, в статье М. А. Холодиловой даются указания на диалекты информантов, а в статье М. Л. Федотова — на самих информантов. Поэтому в статье М. Л. Федотова все индексы информантов в ссылке на источник всегда перечисляются один за одним, а в статье М. А. Холодиловой возможно указание типа «2zg», что значит «два носителя западно-гатчинского диалекта». В остальном формат представления информации об источниках и их оценках в этих двух статьях совпадает. В **квадратных скобках** представлены в определенном порядке следующие классы данных:

а) первыми по порядку перечисляются информанты, породившие данный пример;

б) после знака «**п:**» перечисляются информанты, породившие данный или похожий пример;

в) после знака «$^{\textbf{ок}}$**:**» перечисляются информанты, оценившие данный или похожий пример как грамматически и семантически допустимый;

г) после знаков «$^{?}$/$^{??}$/$^{???}$**:**» перечисляются информанты, оценившие данный или похожий пример как не вполне допустимый;

д) после знака «***:**» перечисляются информанты, запретившие данный или похожий пример.

Например, запись [vg; п: vg, 2zg; ^{OK}: vg, zg] означает, что пример порожден носителем восточно-гатчинского диалекта; такой же или аналогичный пример был порожден 1 носителем восточно-гатчинского и 2 носителями западно-гатчинского диалекта; пример одобрен 1 носителем восточно-гатчинского и 1 носителем западно-гатчинского диалекта.

В том случае, если в примере приводится набор вариантов, разделенных косой чертой, возможно раздельное указание на источники каждого из вариантов. Ср. подачу источников для вариантов с *jos*, *ko* и *josko* в примере (1).

(1) *jos* / ^{OK}*ko* / *jos-ko* *ikkuna-l* *pallà* *valkè*,
если KO если-KO окно-AD гореть.3SG свет
hüö *tul-i-vat* *jo* *kottì*
они приходить-PST-3PL уже дом.ILL
‘Если в окне горит свет, значит, они уже вернулись’
jos [vg; п: 2vg]; *ko* [^{OK}: vg]; *josko* [п: vg, 2zg].

Набор вариантов, разделенных косой чертой (соответственно, и раздельное указание источников), возможны также для смыслового перевода / стимула, ср. пример (2).

(2) ***vaik*** *minnù* *vījà* *auto-l*, *miä* *tule-n*
хотя я.PART увозить.IPS машина-AD я приходить-1SG
linnà *vast* *iltasìl'*
город.ILL только вечером
'Даже если/хотя меня отвезут на машине, я буду в городе только вечером'

'даже если' в стимуле [п: vg, zg; ^{OK}: zg]; 'хотя' в стимуле [vg; п: 2vg; ^{OK}: vg, zg].

В **круглые скобки** в примере может также помещаться факультативный материал. Знак степени приемлемости, помещенный вне скобок, относится к варианту предложения без элемента в скобках, помещенный внутри скобок — к варианту предложения, включающему элемент в скобках. Т.е. если элемент в скобках обозначить как X, то запись «*/$^{?}$/^{OK} (X)» означает, что «X нельзя/плохо/можно опустить», а запись (*/$^{?}$/^{OK} X) — что «X нельзя/плохо/можно вставить». Например, в предложении (3) ниже словоформу *ühellain* нельзя опустить. В указании на источники более подробно приводятся оценки допустимости различными информантами вариантов предложения с *ühellain* и без него.

(3) *jos* *alkà* *sattà* *miä* **(ühellain)*
если начинаться.3SG дождить.INF я все_равно
mäne-n *linnà*
уходить-1SG город.ILL
'Даже если пойдет дождь, я поеду в город'
с 'все равно' [m; п.: m, 3zg]; без 'все равно' [^{OK}: t, vg; *: m; 4zg].

2. Список глосс для грамматических показателей, встречающихся в данном сборнике

Ниже приводится список глосс, используемых для тех грамматических показателей, которые встречаются в данном сборнике. Таблица состоит из трех столбцов.

В столбце «**глосса**» указаны глоссы, соответствующие грамматическим показателям. Включаются также и те сложные

глоссы, которые кодируют простые по составу показатели. При выборе обозначений за основу были взяты сокращения, представленные в лейпцигских правилах глоссирования (www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php). Поскольку данные сокращения основаны на англоязычных терминах, в разделе 3 ниже приводится список их расшифровок.

В столбце «**части речи**» приводится список тех частей речи, к которым может относиться данный показатель. Расшифровка сокращений: «глаг.» — глагол; «сущ.» — существительное; «прил.» — прилагательное; «нар.» — наречие, «мест.» — местоимение; «част.» — частица.

В столбце «**грамматические категории**» приводится одна или иногда несколько грамматических категорий, которые может обозначать данный показатель. Эти категории в целом соответствуют традиционным наименованиям, принятым для прибалтийско-финских и саамских языков.

глосса	**части речи**	**грамматические категории**
1PL	глаг.	первое лицо множественного числа
1SG	глаг.	первое лицо единственного числа
2PL	глаг.	второе лицо множественного числа
2SG	глаг.	второе лицо единственного числа
3PL	глаг.	третье лицо множественного числа
3SG	глаг.	третье лицо единственного числа
ABESS	глаг.	абессив (отглагольного имени)
ABL	сущ., прил., мест.	аблатив
ACC	сущ., прил., мест.	аккузатив
AD	сущ., прил., мест.	адессив
ALL	сущ., прил., мест.	аллатив
COM	сущ., прил., мест.	комитатив
COMP	прил.; нар.	сравнительная степень
COND	глаг.	условное наклонение
DAT	сущ., прил., мест.	датив
DEF	сущ.	определенность
DIM	сущ.	уменьшительный суффикс
EL	сущ., прил., мест.	элатив
EMPH	част.	положительно поляризованная усилительная частица
EMPH.NEG	част.	отрицательно поляризованная усилительная частица
ESS	сущ., прил., мест.	эссив

GEN	сущ., прил., мест.	генитив
ILL	сущ., прил., мест.	иллатив
IMP	глаг.	повелительное наклонение (2 лица ед. ч.)
IMP.3SG	глаг.	повелительное наклонение 3 лица ед. ч.
IMP.PL	глаг.	повелительное наклонение мн. ч. (2 лица)
IN	сущ., прил., мест.	инессив
INF	глаг.	инфинитив
IPS	глаг.	имперсональный залог
IPS.PST	глаг.	прошедшее время имперсонального залога
LOC	сущ., прил., мест.	локатив
NEG	глаг.; част.	отрицательный глагол; отрицательная частица
NMLZ	глаг.	глагольная номинализация
NOM	сущ., прил., мест.	номинатив
P1SG	сущ.	притяжательный суффикс 1 лица единственного числа
P2SG	сущ.	притяжательный суффикс 2 лица единственного числа
P3	сущ.	притяжательный суффикс 3 лица (вод.; инг. фин.)
P3PL	сущ.	притяжательный суффикс 3 лица множественного числа (сойк. иж.)
P3SG	сущ.	притяжательный суффикс 3 лица единственного числа (сойк. иж.)
PART	сущ., прил., мест.	партитив
PC_IPS.PST	глаг.	имперсональное причастие прошедшего времени (со значением предшествования)
PC_PRS	глаг.	(активное) причастие непрошедшего времени (со значением одновременности)
PC_PST	глаг.	(активное) причастие прошедшего времени (со значением предшествования)
PL	сущ., прил., мест.	множественное число
POS	прил.	положительная степень сравнения
PROH	глаг.	прохибитив
PST	глаг.	прошедшее время
Q	глаг.	вопросительная частица (вод.)
Q/EMPH	глаг.	вопросительно-усилительная частица (сойк. иж.)
SUP	глаг.	супин
TRL	сущ., прил., мест.	транслатив

3. Список англоязычных сокращений, используемых в глоссах

ABL	ablative
ABESS	abessive
ACC	accusative
AD	adessive
ALL	allative
COM	comitative
COMP	comparative
COND	conditional
DAT	dative
DEF	definite
DIM	diminutive
EL	elative
EMPH	emphatic
ESS	essive
GEN	genitive
ILL	illative
IMP	imperative
IN	inessive
INF	infinitive
IPS	impersonal
LOC	locative
NEG	negative
NMLZ	nominalization
NOM	nominative
P	possessive
PART	partitive
PC	participle
PL	plural
POS	positive
PROH	prohibitive
PRS	present
PST	past
Q	question
SG	singular
SUP	supine
TRL	translative

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ[1]

АД	локализация на поверхности ориентира (семантический ярлык)
антр.	антропоним (фамилия или прозвище)
АПУД	локализация рядом с ориентиром (семантический ярлык)
асп.	аспирант
ассир.	ассирийский язык
Б.	Большой (-е, -я)
блр.	белорусский язык
букв.	буквально
в / В	водский язык; водь
в т. ч.	в том числе
в.	век
В.п.	винительный падеж
вв.	века
вепс.	вепсский язык
в.н.с.	ведущий научный сотрудник
вод.	водский язык
вод.-сойк. иж.	водско-(сойкинский) ижорский контактный идиом
вод.-фин.	водско-финский контактный идиом
вост.	восточный
вр.	время
г.	год; город
г. р.	год рождения
гг.	годы; города
глаг.	глагол
г.н.с.	главный научный сотрудник
д.	дело
Д.п.	дательный падеж
дер.	деревня
диал.	диалектное
дом.	домоним (название домохозяйства)
др.	другой (-ое, -ая)
др.-греч.	древнегреческий язык
др.-рус.	древнерусский язык
др.-сканд.	древнескандинавский язык
ед.	единственное
ж	женский пол
зап.	западный

[1] Список сокращений, используемых в глоссах, см. на с. 586.

и / И	ижорский язык; ижора
и.о.	исполняющий обязанности
И.п.	именительный падеж
и т. д.	и так далее
и т. п.	и тому подобное
иж.	ижорский язык
иж.-вод.	ижорско-водский контактный идиом
иж.-(инг.) фин.	ижорско-(ингерманландский) финский контактный идиом
ИН	локализация во внутреннем пространстве ориентира (семантический ярлык)
инг. фин.	ингерманландский финский (группа финских диалектов)
инд.	индекс
инф.	информант
исп.	испанский язык
К	контактный ижорско-водский говор д. Куровицы
кар.	карельский язык
катойк.	катойконим (название жителей определенной местности)
кильд.	кильдинский саамский язык
км	километр
км^2	квадратный километр
кол-во	количество
кольск. саам.	кольский саамский (саамские идиомы Кольского п-ова)
комп.	компетенция
кур.	контактный ижорско-водский говор д. Куровицы
л / Л	латышский язык; латыши
л.	лицо; лист
лат.	латинский язык
латив	конечный пункт движения (семантический ярлык)
лив.	ливский язык
лит. фин.	литературный финский язык
лит.	литовский язык
ЛСВ	лексико-семантический вариант
м	мужской пол; метр
М.	Малый (-е, -я)
м.	мыс
м. прож.	место проживания
м. р.	место рождения
мест.	местоимение
мн.	множественное
мс	миллисекунда
мультипл.	мультипликатив (многократное действие; семантический ярлык)

Н. / Нов.	Новый (-е, -я)
н.-л.	нижнелужский диалект ижорского языка
н.с.	научный сотрудник
напр.	например
нар.	наречие
нас.	население
нек.	некоторые
нем.	немецкий язык
непрош.	непрошедшее
О	нижнелужский ижорский говор д. Орлы
об.	оборот
оз.	озеро
ОК	информант оценил предъявленный ему пример на его языке или перевод примера как допустимый
ок.	около
оп.	опись
п	похожий(-е) пример(-ы)
п.	пункт
п-ов	полуостров
перех.	переходный
польск.	польский язык
пос.	поселок
пп.	пункты
праприб.-фин.	прибалтийско-финский праязык (=ПФ)
прасл.	праславянский язык
прил.	прилагательное
ПЛ	праливский
ПОСТ	локализация позади ориентира (семантический ярлык)
ПФ	прибалтийско-финский праязык (=праприб.-фин.)
ПФЯ	прибалтийско-финские языки
прим.	примечание
проф.	профессор
прус.	прусский язык
р	русские
р.	река
Р.п.	родительный падеж
р-н	район
ред.	редактор
рус.	русский язык; русский (по национальности)
С	сибирский ингерманландский идиом
с.	село; страница
сев.	северный

сев.-саам.	северосаамский язык
сегм.	сегмент
семельф.	семельфактив (однократный «квант» повторяющегося действия; семантический ярлык)
сист.	система; систинская группа говоров сойкинского диалекта ижорского языка
см.	смотри
с.н.с.	старший научный сотрудник
соб.	собиратель
собст.-сойк.	собственно-сойкинская группа говоров сойкинского диалекта ижорского языка
совр.	современный
сойк. (иж.)	сойкинский диалект ижорского языка
СПб.	Санкт-Петербург
ср.	сравни
Ст./Стар.	Старый (-ое, -ая)
старосл.	старославянский язык
сущ.	существительное
т.д.	так далее
т.е.	то есть
т.к.	так так
т.н.	так называемый (-ое, -ая, -ые)
т.о.	таким образом
т.п.	тому подобный (-ое, -ая, -ые)
Т.п.	творительный падеж
тер.	терский саамский язык
укр.	украинский язык; украинец
ф / Ф	финский язык; финны
ф.	фонд
фин.	финский язык
фр.	французский язык
цсл.	церковнославянский язык
ч.	число
част.	частица
чел.	человек(а)
шв.	шведский язык
э / Э	эстонский язык; эстонцы
элатив$_{о}$	исходный пункт движения (семантический ярлык)
эссив$_{о}$	местонахождение (семантический ярлык)
эст.	эстонский язык
южн.	южный
*	информант оценил предъявленный ему пример на его языке или перевод примера как недопустимый

?/ ??/???	информант оценил предъявленный ему пример на его языке или перевод примера как не вполне допустимый (большее количество вопросительных знаков соответствует меньшей допустимости примера)
A_1, A_2...	агентивный участник переходной предикации (семантико-синтаксический примитив)
B	главный объект обмена (семантический ярлык)
B′	второстепенный объект обмена (семантический ярлык)
est.	эстонский язык
fin	финский язык
FUT	Finno-Ugric transcription (финно-угорская фонетическая транскрипция)
H	*hāstà* ~ *hāsta* (говорить на ингерманландском финском)
h	хиэтамякский ингерманландский финский диалект
ja	ярвисаарский ингерманландский финский диалект
k	колтушский ингерманландский финский диалект
kur. fin.	курголовский (=нижнелужский) ингерманландский финский диалект
L	*lā̄tä* ~ *lā̄tə* (говорить на ижорском языке)
m	марковский ингерманландский финский диалект
P	*pajattà* ~ *pajatta* (говорить на водском языке)
Qgen	общая длительность словоформы
resp.	аналогично
S	литературный финский язык
s	сиверский ингерманландский финский диалект
S′	главная подситуация (семантический ярлык)
S″	второстепенная подситуация (семантический ярлык)
soi.	сойкинский диалект ижорского языка
t	токсовский ингерманландский финский диалект
vadj.	водский язык
vg	восточно-гатчинский ингерманландский финский диалект
vs.	противопоставление
vt	восточно-тюрёсский ингерманландский финский диалект
zg	западно-гатчинский ингерманландский финский диалект

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

В указателе языков наиболее детально (до уровней диалектов и говоров) представлены те идиомы, которые являются основным объектом рассмотрения в сборнике. Это прибалтийско-финские языки (прежде всего Ингерманландии и Карелии) и саамские языки, а также находящиеся с теми и другими в тесном контакте славянские языки.

В указателе частично (главным образом применительно к указанным идиомам) используется трехуровневая иерархия гипонимов и гиперонимов. Первый уровень (гиперонимы высшего уровня) особыми знаками не отмечен, для второго уровня использовано длинное тире, а для третьего — длинное тире с отступом слева. Отметим особо, что праязыки (за исключением древнегреческого) условно подаются на последнем месте в ряду гипонимов соответствующих живых идиомов. В тех случаях, когда иерархия не укладываются в трехуровневую модель, некоторые разделы помещены отдельно. Тогда в соответствующих местах дается указание на гипонимы и (редко) гиперонимы, вынесенные в особые статьи.

В указателе использованы следующие обозначения: «$\alpha \supset \beta$», «$\beta \subset \alpha$» ‘α является гиперонимом по отношению к β’; «=» — экстенсионал следующего после данного знака понятия в целом (иногда не абсолютно) соответствует экстенсионалу предыдущего понятия.

английский 344, 347, 364, 367, 387, 404, 418, 424, 427
— древнеанглийский 344
— среднеанглийский 344
африканские 29
балто-славянский 330
Белиза языки 237
белорусский 145, 331
венгерский 368
вепсский 25, 310, 322
водский 7, 11, 78, 87–88, 99, 101, 136, 140–147, 149–150, 156, 161–167, 170–171, 173–174, 178–181, 183–188, 225, 292, 298–299, 305–308, 310–311, 317, 324, 358–359, 451, 531, 533–536, 539, 541–542, 567, 573, 585
— нижнелужские водские говоры 86–88, 236, 225
= западноводские говоры 98, 100, 136
— восточноводские говоры 79

— центральноводские говоры 87, 98, 180
германские 344
— северогерманские 108
древнегреческий 333
гэльский шотландский 32–33
датский 108, 344
европейские языки 349
= Европы языки 349, 368
ижорский 7, 11, 13–14, 43–46, 52–53, 55, 75, 90, 96–101, 105, 137–156, 158, 160–167, 170–188, 208, 264, 291–292, 298–299, 305–308, 310–311, 313, 315, 317, 320, 323–325, 448–452, 455–457, 461, 464–465, 467–469, 472–473, 475–476, 490–491, 493, 506, 531, 533–536, 539, 541–542, 559–560, 573, 578–580
— нижнелужский диалект 12, 43, 51–54, 59–60, 62, 71, 77–79, 83–84, 86, 90–91, 95, 100, 135–137, 141, 143, 167, 174, 176, 178–179, 181, 224–225, 236, 448–449, 451, 506–507, 533, 540, 559–561, 566–567
— восточные нижнелужские говоры 43, 57, 70–71, 74, 77, 83–84, 86, 88, 90, 98–100, 178, 510, 560, 567
— западные нижнелужские говоры 43, 70–71, 74, 77, 83–84, 86, 88, 98–100, 516, 560–561, 567
— северные нижнелужские говоры 43, 70–71, 77–80, 82–85, 87, 90–91, 95, 97–100, 178, 510, 560–561, 567
— южные нижнелужские говоры 43, 57, 66, 70–71–74, 76–77, 80–84, 88–91, 95–100, 167, 178, 516, 560–561, 567
— пранижнелужский диалект 53–54, 57, 59, 68–69, 71, 73, 80–81, 83–84
— оредежский диалект 52, 101, 448
= верхнелужский диалект 454
— сойкинский диалект 13–14, 25, 46–49, 51–53, 77–79, 82–83, 87, 95–101, 137, 141, 152–156, 162–163, 167, 174, 178–179, 181–182, 184, 306–307, 317, 448, 451, 453–456, 486, 497, 534, 540, 549, 559–560, 567, 585
— систинские говоры сойкинского ижорского 99, 173, 540, 549, 551, 560, 567
— собственно-сойкинские говоры сойкинского ижорского 99, 450, 453, 540, 560, 567
— хэваский диалект 52–53, 101, 448, 450
— праижорский 54, 56–57, 63, 95–97, 506
ижорско-водские говоры 99, 136, 141, 533–534
— куровицкий говор 71, 83, 88, 99, 136, 140–143, 145, 151–152, 154–156, 161, 163, 167–172, 178–180, 181–182,

184, 188, 450–451, 531, 533, 548, 565
ижорско-финские говоры 79, 99, 136–137, 139–140, 151–154, 160, 162, 186, 201, 203, 506, 533–534, 549, 560–561, 567
ижорско-эстонские говоры 160, 162
Ингерманландии прибалтийско-финские языки (⊃ *ингерманландские финские диалекты*) 7, 9, 11, 13–15, 101, 104, 136, 150, 194, 202, 223–224, 257, 264, 289, 291–293, 296–297, 298, 302, 304–308, 310, 313–320, 322–325, 341, 371, 448, 552, 554, 573
— Западной Ингерманландии прибалтийско-финские языки (⊃ *водский*, *ижорский*, *Западной Ингерманландии финские говоры*, *ижорско-водские говоры*, *ижорско-финские говоры*, *ижорско-эстонские говоры*) 101, 135, 172, 175, 298, 303, 308–312, 314–315, 317, 323, 325
— Нижней Луги прибалтийско-финские языки 12, 78, 86, 98, 101, 135–138, 142–150, 153, 163, 165–167, 172, 174–177, 181, 183–189, 193, 225, 236, 530, 539, 543, 546, 559–560, 565
— долины р. Россонь/«Эстонской Ингерманландии» ижорские и финские говоры 55, 65, 81, 83, 89, 100, 136, 139–140, 156–161, 182, 185, 201, 225, 312, 506, 540, 545–547, 547, 560–561, 565
«ингерманландский язык» 144, 148, 152, 161
ингерманландские финские диалекты 7–9, 11, 13–14, 87, 90, 142–145, 148–149, 198, 200, 203, 218, 220, 224–225, 291–292, 298–299, 304–307, 309–310, 314–315, 317, 320–321, 323, 326, 341–345, 347, 350, 353, 357–359, 361–362, 364, 367–369, 373, 424, 449, 451, 531, 535, 573, 578–580, 585
— савакот-финнов говоры 315, 326
— эвремейсет-финнов[1] говоры 315, 326
— Восточной Ингерманландии финские говоры 147–148, 315, 325
— Северной Ингерманландии финские говоры 147–148, 304, 308, 312, 315, 318, 320, 323, 325
— Западной Ингерманландии финские говоры (⊂ *За-*

[1] Существует два сравнительно независимых деления ингерманландских говоров: на говоры савакот и эвремейсет, с одной стороны, и говоры Центральной, Западной, Восточной и Северной Ингерманландии — с другой.

падной Ингерманландии прибалтийско-финские языки)
— курголовский ингерманландский финский диалект 78, 90, 98–100, 135–139, 142, 148–153, 155, 162, 165, 171, 180, 183, 185, 187, 307, 543, 565, 567
= нижнелужский ингерманландский финский диалект 100, 136–137, 141, 144–146, 172, 175, 224–225, 236
— ингерманландские финские говоры Сойкинского полуострова 148, 567
— Центральной Ингерманландии финские говоры 145, 147–148, 150, 155, 163, 175, 303, 309–311, 313, 315, 324–325, 335, 371–372, 378, 383, 394, 418, 427–428, 437, 552
— ингерманландские финские говоры района Гатчины 101, 148, 341, 371, 536, 552, 582
— восточно-гатчинский диалект 101, 341, 582
— восточно-тюрёсский диалект 341
— западно-тюрёсский диалект 101
— хиэтамякский диалект 341
— сиверский диалект 341
— колтушский диалект 341
— марковский диалект 341
— ярвисаарский диалект 341, 371
— токсовский диалект 341
ирландский 32–33
— древнеирландский 33
испанский 404, 418
Карелии прибалтийско-финские языки 171, 173–174, 208, 241, 261, 263–264, 290, 298, 307
— карельский 262–264, 298, 289–291, 294, 298–299, 305, 307, 310, 314–314, 320–321, 323, 325–326, 450
— Южной Карелии финские говоры 291, 305, 318–320, 559
— Карельского перешейка финские говоры 263, 289, 291, 297, 299, 302–304, 313, 318, 320–321
— Выборгской Карелии финские говоры 289, 299, 303, 309, 322
«карело-финский» 241, 259, 261–264, 264, 273
кольский саамский 21–23, 26–28, 30–33, 36–37, 40
= саамские языки Кольского полуострова 7, 11–12
= саамские диалекты/языки России 14, 25
— бабинский (аккала) саамский 22, 35
— кильдинский саамский 21–28, 30–32, 34–40, 569
— вороньинский диалект 21

— терский саамский 21–22, 24, 28, 30, 32, 37–38, 40
— йоканьгский диалект 22
— колтта-саамский 21, 30, 35, 599
коми 358
латинский 330, 384, 420
латышский (в т. ч. литературный) 105, 107, 200
— латышский в Сибири 205, 213, 220, 223, 229, 231–234, 246, 250–251, 265, 531, 541
ливский 11–12, 104–112, 116–117, 119–121, 126–127, 129–130, 307
— праливский 118–120
литовский 108, 145, 330–331, 334
марийский 358
немецкий 117–118, 142, 146, 275, 332, 344, 418
нидерландский 344
нижнелужицкий 32
польский 32, 331
праиндоевропейский 119
«прибалтийские» языки Сибири (прибалтийско-финские и латышский) 211, 228–229, 233
прибалтийско-финские языки 7, 10, 12–13, 15, 104–105, 108, 111, 136, 143, 199, 289, 311, 317, 322, 324, 330–331, 386, 448, 450, 452, 464, 469, 530–533, 536–537, 539–543, 549, 552, 555, 568, 575–579, 584
— прибалтийско-финские языки Сибири 13–14, 198, 225–226, 229–230, 233, 237–238, 241–244, 252, 266, 269, 271, 278
— прибалтийско-финский праязык 54, 105, 107, 112, 117–120, 125, 127, 159, 169, 180, 307, 321, 332–336
протоуральский 37, 39–40
прусский 330
русинов Словакии 176
русский 13, 22–23, 27–28, 31, 35–36, 38, 89, 106, 108–109, 136–137, 139–140, 142–147, 149–150, 159–167, 172–174, 176, 178, 181–184, 186–190, 194, 201, 208, 211, 213–214, 227–232, 234, 237–238, 242–244, 248, 251–252, 254, 259, 262, 264–270, 278, 289–293, 296–298, 303–309, 312–313, 317–325, 330–332, 334, 336, 342–343, 345, 349, 351, 356–357, 361, 364, 377, 383, 386, 389, 391–394, 404, 413–415, 418–420, 422, 424, 426–427, 448, 452–453, 457, 459, 461, 464, 469, 475–476, 508, 532, 537–544, 546, 549, 552–555, 558, 575–578, 581
— русские диалекты/говоры 10, 322–323, 331
— русский прибалтийско-финских народов в Сибири 230–231, 242
— севернорусские 290, 244

= Севера/Северо-Запада России русские говоры 13, 290, 306, 330–336
— южнорусские диалекты 244
— древнерусский 28–29, 333, 336
саамские 7, 10–12, 15, 25–26, 29, 37, 39, 290, 568, 575–579, 584, 599
— восточносаамские (⊃ *кольский саамский*) 21–22, 24–25, 30–31, 37–38
— северосаамский 21, 25–27, 31, 34–39, 290, 568
— южносаамский 21, 28–30
— протосаамский 26, 28, 37–40
скандинавские 599
— древнескандинавский 333
славянские 330–334, 336
— восточнославянские диалекты 331, 333
— Северо-Запада России славянские 330
— западнославянские языки 334
— праславянский 29, 330, 333–335
— старославянский 28
— церковнославянский 331
удмуртский 377
— бесермянский диалект 367, 368
украинский 243–244, 331
финно-угорские 9–11, 39, 109, 306, 368, 448, 568, 599
= «угро-финский» 184
— финно-саамские языки 108
финский 144, 149–156, 160, 178, 180–183, 186, 195, 198, 203–204, 209, 213, 218, 225, 230–231, 238–241, 251–253, 260, 262–264, 266–267, 274, 292–293, 302, 305, 309, 313, 323–324, 335, 349, 372, 433, 449–450, 461, 468, 474, 534, 539, 541, 542, 552–554, 558, 599
— восточнофинские диалекты 224, 313
— Финляндии диалекты 43, 86, 163 262, 289–290, 295, 297–299, 302–306, 309, 312, 321, 331, 334–335
— финский литературный 11, 13, 25–26, 55, 87, 136–143, 145–146, 148–149, 155, 160–161, 166, 172, 175, 203–204, 213–214, 223–224, 227, 241, 253, 256–257, 259, 262–263, 273, 275, 289–291, 293–296, 298–299, 302, 305, 315, 317, 323, 333, 343, 345, 349–350, 358, 368, 371, 373, 375–378, 380, 384–386, 390, 392–394, 396, 409, 414, 420, 424, 428–429, 437–438, 493, 531, 542, 568–569, 580
— финский сибирский 196–198, 211–213, 217, 224, 227, 252, 483
— сибирский ингерманландский идиом 11–12, 195, 198–200, 208, 213, 218, 220, 224–232, 234, 236–239, 241–244,

255–256, 259, 262–264, 266–267, 269–275, 277, 531, 541
= «вирусцев» 199
= «эстонско-финский» говор Сибири 199, 267
= «корлакский»/«горлакский» 199, 240–241, 263, 274
финско-водские говоры 173, 536
Франции языки 237
— французский 404, 418, 427
хантыйский 358
циркумбалтийские языки 108, 130
«чудский» 173
= «чюдский» 175
= «чудейский» 173
«чухонский» 173
шведский 28, 183, 209, 305–306, 308, 331, 335
эстонский (в т. ч. литературный) 10–12, 25, 55, 67, 75, 78, 87, 89, 99–100, 107, 136–146, 149, 152–154, 162, 166, 172–173, 175, 180, 183, 199, 213, 220, 223, 225, 237, 257, 266–268, 270, 273, 289, 305–306, 310–314, 318, 322, 332, 336, 368, 531, 534–535, 537, 539, 546, 567–568
— североэстонский диалект 238
— эстонский сибирский 197–199, 209, 212, 224–225, 228–234, 238, 240–241, 244, 246–247, 250–252, 257, 260, 262, 264–267, 269–275, 277–278, 541
Юго-Восточной Азии языки 106
«ямский» 175

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кирсанов Николай Олегович — докторант отделения финского языка, финно-угорских и скандинавских языков и литератур Университета Хельсинки. Электронная почта: nikolai@kirsanov.fi.

Крюков Алексей Викторович — активист организации ингерманландских финнов «Inkerin Liitto». Электронная почта: kauko@mail.ru.

Кузнецова Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: nkuzn@yandex.ru.

Кузьменко Юрий Константинович — профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: jurij.kusmenko@cms.hu-berlin.de.

Кулешов Вячеслав Сергеевич — научный сотрудник отдела нумизматики Государственного Эрмитажа; соискатель ученой степени кандидата филологических наук при Отделе языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: kuleshov@hermitage.ru.

Маркус Елена Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, Москва; научный сотрудник Института эстонского и общего языкознания Университета Тарту, Эстония. Электронная почта: helenmarkus@yahoo.com.

Муслимов Мехмед Закирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: mehmet@narod.ru.

Рисслер Михаэль — PhD, научный сотрудник центра саамских языковых технологий при Университете Тромсё; научный сотрудник музея скольтских саамов в г. Нейдене (Sää´mmu´zei Njauddâm / Østsamisk museum Neiden). Электронная почта: m.riessler@gmail.com.

Рожанский Федор Иванович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва; научный сотрудник Института эстонского и общего языкознания Университета Тарту, Эстония. Электронная почта: handarey@yandex.ru.

Сидоркевич Дарья Викторовна — аспирант Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dairinfinn@rambler.ru.

Федотов Максим Леонидович — лаборант Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН; студент отделения теоретического и экспериментального языкознания кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: tequila.lime@gmail.com.

Холодилова Мария Александровна — лаборант Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН; магистрант кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: hol_m@mail.ru.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Фонология

Ю. К. Кузьменко, М. Рисслер. К вопросу о твердых, мягких и полумягких согласных в кольском саамском

Статья посвящена (1) палатализации в кольском саамском, для которой ранее предлагалась как сегментная, так и супрасегментная интепретация, а также (2) фонетическому и фонологическому статусу предполагаемой оппозиции между твердыми, мягкими и полумягкими согласными. Палатализацию можно рассматривать как сегментный признак согласного только в кильдинском и терском саамском. Исторически фонологическая палатализация согласных внутри и в конце словоформы была вызвана соответственно апокопой или синкопой последующих гласных переднего ряда. Изначально палатализация была возможна только в позиции абсолютного исхода словоформы или же между согласными. Однако впоследствии она постепенно приобрела смыслоразличительную функцию даже у согласных в абсолютном начале словоформы перед гласными. В статье показывается, что, в противоположность общему мнению, в кильдинском и терском саамском у дентальных смычных не существует оппозиции по степени палатализованности («твердые»/«мягкие»/«полумягкие»). Твердые дентальные смычные /t/ и /d/ противопоставлены только палатализованным /t'/ и /d'/. Однако дентальные назальные и латеральные аппроксиманты демонстрируют типологически крайне редкую фонологическую тернарную оппозицию между твердыми /n/ и /l/, палатализованными /n'/ и /l'/ и палатальными /ń/ и /ĺ/.

Ключевые слова: кильдинский саамский, терский саамский, фонология, фонетика, палатализация, палатальная артикуляция

Н. В. Кузнецова. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка

В статье представлен анализ словесной просодики в нижнелужском диалекте ижорского языка. Нижнелужская система

также сопоставляется с системой сойкинского диалекта ижорского языка. Центральным для ижорской фонетики и фонологии является понятие стопы. Часть количественных контрастов, обнаруживающихся в рамках стопы, описана как сегментная оппозиция долгих и кратких гласных (только в начальном слоге корневых морфем) и согласных. Другая часть количественных контрастов трактуется на супрасегментном уровне через фонологическое противопоставление схем распределения количества в ядре стопы. Эти схемы названы «стопическими акцентами». Для сойкинского диалекта выделяется три таких акцента, а для нижнелужского диалекта — (максимально) только два. Кроме того, только в нижнелужском диалекте (из всех ижорских диалектов) представлено ритмически обусловленное выпадение редуцированных гласных в середине и исходе словоформы. Правила редукции и выпадения гласных подробно обсуждаются в статье. В ижорских говорах нижнелужского ареала, как и в соседствующих с ними языках (водском, ингерманландском финском и эстонском), степень редукции неначальных гласных нарастает с севера на юг. В нижнелужских ижорских говорах обнаруживается два основных типа просодических систем — северный и южный. Центральные группы говоров (восточная и западная) представляют из себя переходную зону между этими типами. Количественная оппозиция неначальных гласных в северной группе говоров описывается в данной статье с помощью системы акцентов. Для южной группы говоров все количество трактуется только на сегментном уровне, и здесь постулируется наличие типологически редкой фонологической оппозиции между обычными («модальными») и глухими редуцированными гласными.

Ключевые слова: ижорский, словесная просодика, стопические акценты, редукция гласных, глухие гласные

Вяч. С. Кулешов. Ливская акцентная система

В статье предложено описание ливской системы стопической акцентуации и представлен инвентарь ливских акцентных парадигм. Для ливского выделется пять стопических акцентов, фонетическими средствами реализации которых являются количество и глоттализация (гортанная смычка). Рассмотрена акцентная мар-

кировка односложных (составляющих неполную стопу) корней и всех прочих (составляющих полную или усеченную стопу). У односложных корней представлены две акцентные парадигмы, одинаковые для глаголов и имен. Для остальных корней описаны парадигмы постоянной и переменной акцентуации. Среди глаголов и имен имеется большое число корней постоянной акцентуации. У имен также выделяется пять парадигм переменной акцентуации, у глаголов — две.

Ключевые слова: ливский, словесная просодия, стопические акценты, акцентные парадигмы, постоянная и переменная акцентуация

Социолингвистика и культурная антропология

М. З. Муслимов. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале

Статья посвящена представлениям носителей прибалтийско-финских языков (ПФЯ) нижнелужского ареала (водского, ижорского, ингерманландского финского) о диалектном членении последнего. Этот ареал примерно совпадает с территорией довоенного лютеранского прихода Нарвузи в Западной Ингерманландии. Для данного района характерна значительная диалектная неоднородность. На сравнительно небольшой территории представлен языковой союз несколько близкородственных прибалтийско-финских идиомов: 1) нижнелужского ижорского диалекта (включающего несколько групп говоров), 2) нижнелужского финского диалекта (включающего курголовскую и россонскую группу говоров), 3) двух западноводских говоров (кракольского и лужицкого). Многие деревни здесь ранее являлись как минимум двуязычными. Кроме того, многие местные жители в той или иной степени знакомы с литературными финским и эстонским языками. Все это привело к определенному размыванию этнических и/или языковых/диалектных границ. В статье анализируются эндо- и экзолингвонимы и этнонимы, распространенные в нижнелужском ареале. Помимо этого в статье рассматриваются стереотипные представления носителей ПФЯ Нижней Луги о лексических, фонетических и морфологических особенностях соседних говоров. «Народная диалектология»

также дает единственный эффективный для данного ареала критерий для отграничения случаев переключения кодов (как $ПФЯ_1$/$ПФЯ_2$, так и ПФЯ/русский язык) от заимствований и языковой интерференции.

Ключевые слова: «народная диалектология», ижорский язык, водский язык, ингерманландский финский, «народные» стереотипы, переключение кодов, языковые контакты

Д. В. Сидоркевич. Ингерманландцы в Сибири: этническая идентичность в многоэтничном окружении

В статье рассматривается этническая идентичность небольшой группы смешанного ижорско-финского происхождения, проживающей в с. Рыжково в Крутинском районе Омской области. Рыжково представляет собой многоэтничное поселение, в котором на протяжении его истории соседствовали финны (как из Ингерманландии, так и из Финляндии), эстонцы, латыши и русские. Хотя с. Рыжково было не единственным поселением ингерманландцев в Сибири, на сегодняшний день сохранилось только оно одно, и только здесь ингерманландцы до сих пор рассматривают себя как особую группу и регулярно используют свой язык.

Первые ингерманландские поселенцы появились в Западной Сибири в 1804 году. Спустя сорок лет их первое поселение, Рыжково, стало официальной лютеранской колонией. Во второй половине XIX — начале XX в. лютеранские колонии в Сибири находились под сильным влиянием лютеранской церкви Финляндии, однако после революции 1917 года положение дел резко изменилось. Если до этого рыжковские ингерманландцы официально считались финнами, то в процессе коллективизации их официальная этническая принадлежность сменилась на *эстонскую*. В то же время, переписи населения 1920 и 1926 гг. показывают, что до 1930-х гг. рыжковские ингерманландцы все еще считали сами себя финнами. Официальная смена этничности, по-видимому, произошла в результате попыток национального строительства, которыми сопровождалось появление национальных колхозов.

Этническая идентичность современных рыжковских ингерманландцев двуслойна: она имеет официальную и частную стороны. Первая из них эстонская, а вторая варьирует в зависимости

от личного опыта информантов, вовлеченных в разнообразные этнические контакты за последние 80 лет.

Ключевые слова: ингерманландский финский, ижорский, Сибирь, этническая идентичность, многокультурность

Топонимика и ономастика

А. В. Крюков. Соматическая лексика в финской географической терминологии и топонимии Ингерманландии

Соматическая (обозначающая части тела) лексика широко используется в прибалтийско-финской географической терминологии и топонимии. В данной статье рассматриваются те функции, которые могут выполнять лексемы с исходно соматическими значениями. Особенно подробно обсуждается несколько географических терминов соматического происхождения с территории Ингерманландии: 1) *harju* ‘горный хребет’ (от *harja* ‘грива’), 2) *häntä* <хвост> ‘периферийная часть деревни, вытянутая прочь от центра’, 3) *kurkku* <горло> ‘пролив на море; протока или русло реки, канала’, 4) *nenä* <нос> ‘оконечность мыса; выступ леса или края горы’, 5) *otsa* <лоб> ‘край, оконечность (озера, острова и др.); один из концов деревни или дома’, 6) *polvi* <колено> ‘изгиб реки; поворот дороги’, 7) *pää* <голова> ‘край, оконечность (озера, мыса, полуострова, острова, леса и др.); верхняя часть холма; один из концов или основная часть деревни’, 8) *selkä* <спина> ‘возвышенность вытянутой формы; открытое водное пространство (озера или моря)’, 9) *suu* <рот> ‘устье реки, ручья; дельта реки; начало или конец дороги’, (10) *varsi* <стебель; туловище> ‘часть деревни, расположенная вдоль дороги или реки’.

Наиболее важные выводы следующие. 1. В идиомах Ингерманландии географические значения лексем *niemi* ‘мыс’ и *nenä* ‘нос’ сближаются. В ряде случаев представлено их свободное варьирование при обозначении одних и тех же объектов (например, мыс *Lippunenä ~ Lippuniemi*). 2. Значение ‘один из концов деревни’ передается термином *kyläotsa* в финских диалектах Западной и отчасти Центральной Ингерманландии и термином *kyläpää* в Северной, Восточной и части Центральной Ингерманландии. Анализ территориального распределения термина

kylänotsa в значениях ‘один из концов деревни’ и ‘один из концов дома’ приводит автора к заключению, что этот термин является субстратом языков автохтонного населения (води и ижор) в ингерманландском финском. *Kylänpää* в значении ‘один из концов деревни’ представляется более новым явлением, связанным с миграцией в Ингерманландию финского населения в XVII веке. 3. Термин *selkä* ‘протяженная возвышенность’ представлен только на Карельском перешейке (в Северной Ингерманландии и Южной Карелии), и его следует признать карельским субстратом в финских говорах Северной Ингерманландии.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки Ингерманландии, соматическая лексика, географическая терминология, топонимия, ономасиология

Н. О. Кирсанов. Русские названия рек Северо-Запада России и Юго-Востока Эстонии: гидронимы на *-вжа*

В работе рассматривается несколько гидронимов, заимствованных в праславянский из прибалтийско-финских языков. Обозначаемые данными гидронимами географические объекты находятся на Северо-Западе России и Юго-Востоке Эстонии. Автор выдвигает гипотезу, что современный фонетический облик этих гидронимов является закономерным результатом их независимого развития в русском языке. Применяя фонетические законы развития праславянских звуков в древнерусские, автор предлагает реконструкции фонетического облика этих гидронимов, который они предположительно имели в языке-источнике в период первых контактов между прибалтийско-финскими и славянскими языками. Содержащийся в современных формах гидронимов формант *-вж-* выводится автором из прибалтийско-финского географического термина **joki* ‘река’.

Ключевые слова: гидронимия, славянские языки, прибалтийско-финские языки, этимология, адаптация заимствований

Семантика и синтаксис

М. А. Холодилова. Условные и уступительные предложения в ингерманландском финском

В ингерманландском финском для образования условных, уступительных и условно-уступительных предложений во многих случаях используется один и тот же набор лексических и грамматических средств. Это приводит к частичной нейтрализации соответствующих значений, а также к образованию конструкций с близким значением. В отличие от литературного финского, в ингерманландском не существует строгого разграничения между условными и условно-уступительными предложениями. Предложения, предполагающие условную и условно-уступительную интерпретацию, также допускают в некоторых случаях сходное оформление. В ингерманландском используется ряд близких по значению союзов (*jos*, *josko* ‘если’, *ko* ‘если, когда’). Выбор союза отчасти зависит от формы глагола в зависимой клаузе. Выбор коррелята (*nīn*, *sit*, *nīn sit* ‘тогда’) зависит от типа клаузы: более эксплицитные корреляты используются в «более условных» клаузах. В вопросительных условно-уступительных предложениях свободнее используются более специализированные (а значит, «более условные») корреляты. Сходное различие между вопросительными и невопросительными предложениями неоднократно отмечалось в союзном оформлении условно-уступительных предложений. Ингерманландский материал позволяет предположить, что вопросительность в целом способствует «более условному» выражению условно-уступительного значения.

Ключевые слова: уступительные предложения, условные предложения, союзы, корреляты, ингерманландский финский

М. Л. Федотов. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах Центральной Ингерманландии

В статье рассматривается полисемия показателей двух пространственных падежей — аблатива (основной алломорф *-lt*) и элатива (основной алломорф *-st*) — в финских говорах Центральной Ингерманландии. Помимо своих центральных значений (исходного пункта движения с локализациями ‘у, на’ и ‘в’ соот-

ветственно), эти падежные показатели способны выражать широкий набор периферийных значений, которые несводимы к единому семантическому инварианту. Так, в качестве примера наиболее семантически «изолированных» периферийных значений можно привести значение выявляемого свойства (‘Он выглядит *счастливым*’) или темы (‘Я пишу *о людях*’). С другой стороны, выделяются и группы значений, сохраняющих очевидную связь с основными. Для обеих граммем в статье смоделированы их семантические сети. Отдельно в статье рассмотрены аспекты употребления форм элатива и аблатива, не совпадающие с положением дел в литературном финском языке.

Анализ некоторых значений — таких как значение второстепенного предмета торгового обмена (‘Я заплатил пять рублей *за карандаш’*, ‘Я купил карандаш *за пять рублей*’) и значение «каптатива» (‘Я несу сумку *за ручки*’) — может быть интересен также с точки зрения грамматической типологии.

Ключевые слова: аблатив, элатив, ингерманландский финский, полисемия, падежная семантика

Публикация языковых материалов

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке)

Публикуемая сказка взята из первой грамматики ижорского языка Вольмари Порккой в 1885 г. Текст был записан в уже не существующей дер. *Tarinaissì (Андреевщина)* на Сойкинском полуострове.

Данная статья, по-видимому, является первым опытом глоссированной публикации ижорского текста. Оригинальная запись сказки дополнена строками поморфемного членения, глоссирования и перевода на русский язык. Текст снабжен комментариями к тем формам, конструкциям и лексемам, которые могут вызвать вопросы у читателей, не являющихся специалистами по ижорскому или другому прибалтийско-финскому языку.

В тексте встречаются явления, утраченные современным ижорским языком, в частности, посессивные показатели.

Ключевые слова: публикация текста, глоссирование, грамматика, сойкинский ижорский, языковые изменения

SUMMARIES AND KEYWORDS

Phonology

Yu. K. Kusmenko, *M. Riessler*. On “hard”, “soft” and “half-soft” consonants in Kola Saami

The article deals with (1) palatalization in Kola Saami, for which both segmental and suprasegmental analyses have been proposed in earlier research, and (2) the phonetic and phonological status of the assumed opposition between plain, palatalized and half-palatalized consonants. Palatalization can be analyzed as a segmental feature of consonants only in Kildin and Ter Saami. Historically, the phonological palatalization of the word-internal and final consonants was caused by the apocope or syncope (respectively) of the following front vowels. Originally occurring in the word-final position or between consonants, palatalization gradually became distinctive even for the consonants preceding vowels in the word-initial position. Contrary to the common assumption, there is no opposition in the degree of palatalization of dental stops (“hard”/“half-soft”/“soft”) in Kildin and Ter Saami. The plain dental stops /t/ and /d/ are opposed only to palatalized /t'/ and /d'/. However, the dental nasal and lateral approximants exhibit a typologically extremely rare phonological ternary opposition between plain (non-palatalized) dentals /n/ and /l/, secondarily modified (palatalized) dentals /n'/ and /l'/ and plain palatals /ń/ and /ĺ/.

Keywords: Kildin Saami, Ter Saami, phonology, phonetics, palatalization, palatal articulation

N. V. Kuznetsova. Word prosody in the Lower Luga dialect of Ingrian

The paper presents an analysis of the word prosody in the Lower Luga dialect of Ingrian. The Lower Luga system is also compared with the system of the Soikkola Ingrian dialect. The foot concept is crucial for Ingrian phonetics and phonology. A part of the quantitative contrasts found in the framework of the foot is interpreted

as segmental oppositions of long vs. short vowels (only in the first syllable of root morphemes) and consonants. The other part of quantitative contrasts is treated on the suprasegmental level through the phonologically opposed schematic patterns of quantity distribution in the foot nucleus. These patterns are named "foot accents". Three accents are distinguished for the Soikkola dialect and (maximally) only two for the Lower Luga dialect. Moreover, only in the Lower Luga dialect does a rhythmically conditioned drop of reduced vowels in the word-internal and word-final positions occur. The rules of vowel reduction and deletion are discussed in detail. In Ingrian subdialects, as well as in neighbouring languages (Votic, Ingrian Finnish and Estonian), the level of non-initial vowel reduction grows from the north of the Lower Luga area to the south. Two main types of word prosody systems are found in the Lower Luga Ingrian subdialects, northern and southern. Central subdialects (eastern and western) form a transitional zone between them. In northern varieties, the quantity contrasts of non-initial vowels are described through foot accents. In southern varieties, a typologically rare segmental opposition of modal vs. reduced voiceless vowels is postulated.

Keywords: Ingrian, word prosody, foot accents, vowel reduction, voiceless vowels

Vyach. S. Kuleshov. Livonian word accent system

The paper presents a description of Livonian foot accent system and a taxonomy of Livonian accent paradigms. Altogether, five foot accents are distinguished for Livonian, quantity and stød being the features of their phonetic realization. Roots are divided into monosyllabic (forming an incomplete foot) and all other (forming either a complete or an apocopated foot). For the former, two accent paradigms are postulated (they are the same for nouns and verbs). The latter are divided into roots with stable vs. variable accent. Among both nouns and verbs there is a large amount of roots with stable accent. Besides, four variable paradigms for noun roots and two — for verbal roots are distinguished.

Keywords: Livonian, word prosody, foot accents, accent paradigms, stable and variable accent

Sociolinguistics and cultural anthropology

M. Z. Muslimov. "Folk dialectology" in the Lower Luga area

The paper considers the beliefs of the indigenous Finnic population (Votes, Ingrians and Ingrian Finns) in the Lower Luga area (formerly Narvusi parish) concerning the dialectal diversity found there. The area is host to a Sprachbund of several closely related languages: Votic (Jõgõperä and Luutsa subdialects), Ingrian (Lower Luga dialect with several subdialects), and Ingrian Finnish (Kurgola dialect). Moreover, Standard Estonian and Finnish enjoy a strong presence in the area. Many local residents are also familiar with the Soikkola Ingrian dialect. Some villages used to be at least bilingual and that led to the further blurring of dialectal and ethnic borders. The article discusses the terms used by different communities to mark their ethnicity and language (both in their native idioms and in Russian), as well as of neighbouring groups. The paper also analyzes the widespread "folk" stereotypes on lexical, phonetic and morphological isoglosses found in the area and how far or close people consider the neighbouring languages to be to their own idiolects. "Folk dialectology" also turns out to be merely the only effective criterion in this area to distinguish abundant cases of code-switching (both between Finnic languages and between a Finnic language and Russian) from borrowings and language interference.

Keywords: "folk dialectology", Ingrian, Votic, Ingrian Finnish, "folk" stereotypes, code-switching, language contacts

D. V. Sidorkevich. Ingrian Finns in Siberia: Ethnic identity in the multiethnic context

The article considers the ethnic identity of a small group of mixed Ingrian Finnish and Ingrian origin residing in Ryzhkovo village in Western Siberia. Present-day Ryzhkovo is a multiethnic settlement where Finns (both from Ingria and Finland), Estonians, Latvians, and Russians live together. Although Ryzhkovo is not the only place where Siberian Ingrian Finns were historically present, today it is the last place where they still regard themselves as a community and use their native language on regular basis.

The first Ingrian Finns came to the Western Siberia in 1804. Forty years later their first settlement, Ryzhkovo, became an official Lutheran colony. Over the last decades of the 19th century, Lutheran colonies in Siberia were under a strong influence of Finnish Lutheran clergy. This situation changed rapidly after the Russian Revolution of 1917, signifying the end of the cultural frame within which Ryzhkovo Ingrian Finns were regarded as Finns. During collectivization campaign, the record of their ethnic origin was officially changed to *Estonian*, though the population census of 1920 and 1926 show that, before 1930s, Ryzhkovo Ingrian Finns had still regarded themselves as Finns. The shift in their official status took place most likely due to the ethnicity construction processes which accompanied the establishment of national collective farms.

The nature of Ryzhkovo Ingrian Finns' present-day ethnic identity has two layers: an official and a private one. The first is Estonian; whereas the second is variable and depends on individual experiences in manifold ethnic contacts experienced by Ryzhkovo residents over the last 80 years.

Keywords: Ingrian Finnish, Ingrian, Siberia, ethnic identity, multiculturalism

Toponymy and onomasiology

A. V. Krjukov. Somatic lexics in Finnic geographic terminology and toponymy of Ingria

Somatic (body parts) lexicon is widely used in Finnic geographic terminology and toponymy. This paper considers the functions somatic roots can realize in their geographic meanings and discusses in detail several somatic geographic terms used in the languages of Ingria: (1) *harju* 'stone ridge' (from *harja* 'mane'), (2) *häntä* <tail> 'group of houses at the periphery of a big village', (3) *kurkku* <throat> 'sea or lake strait; river arm or channel', (4) *nenä* <nose> 'top end of cape, island; projection of forest or rock edge', (5) *otsa* <forehead> 'edge of lake, island; one of village ends; one of house ends (parts)', (6) *polvi* <kneel> 'river reach; road turn', (7) *pää* <head> 'edge of lake, island, cape, forest; top of hill; one of village ends; main part of village', (8) *selkä* <spine> 'prominent extended rise of land; stretch of lake,

river', (9) *suu* <mouth> 'river mouth; river head; end or beginning of road', (10) *varsi* <stalk, trunk> 'village part along a road or a river'.

The most important findings are the following. (1) In local Finnic languages, the geographic meaning of the lexeme *nenä* 'top end of cape' has become close enough to the meaning of the lexeme *niemi* 'cape', and in some cases their free variation is attested, e.g. cape *Lippunenä ~ Lippuniemi* in the former Soikkola parish. (2) Nowadays, the meaning 'one of village ends' is rendered by the term *kylänotsa* in the western part of Finnish dialects in Ingria (Western, partly Central Ingria), and by the term *kylänpää* in the eastern part (Northern, Eastern, partly Central Ingria). The distribution area of the lexeme *kylänotsa* in the meanings 'one of village ends' and 'one of house ends (parts)' in Ingria leads the author conclude that it is an Ingrian substrate in the Ingrian Finnish dialects. *Kylänpää* in the meaning 'one of village ends' seems to be an innovative phenomenon brought in by Finns at the time of their migration to Ingria in the 17th century. (3) The term *selkä* 'a prominent extended rise of land' is found only on the Karelian Isthmus (Northern Ingria, Southern Karelia) and is presumably a Karelian substrate in the northern Ingrian Finnish dialects.

Keywords: Finnic languages of Ingria, somatic (body parts) lexicon, geographic terminology, toponymy, onomasiology

N. O. Kirsanov. Russian river names in the North-West of Russia and the South-East of Estonia: Hydronyms ending in *-vža*

The paper considers several hydronyms (river names) borrowed into proto-Slavic from proto-Finnic. The objects named by the analyzed hydronyms are situated in the North-West of Russia and the South-East of Estonia. The author claims that the contemporary phonetic shape of these hydronyms results from their later independent phonetic development in the Russian language. Applying the sound change laws of proto-Slavic sounds into Old Russian sounds, the author derives *-vž-* formant from the proto-Finnic geographic term **joki* 'river'. He attempts to reconstruct the proto-Finnic shape these hydronyms had at the time of the first contacts between proto-Finnic and proto-Slavic languages.

Keywords: hydronymy, Slavic, Finnic, Ingria, etymology, adaptation of borrowings

Semantics and syntax

M. A. Kholodilova. Conditionals and concessives in Ingrian Finnish

In Ingrian Finnish the means for forming conditionals, concessives and concessive conditionals have a significant overlap which results in partial neutralization of the corresponding meanings as well as in a number of near-synonymous structures. Ingrian Finnish, unlike Standard Finnish, has no obligatory distinction between concessives and concessive conditionals. The ways of encoding conditional and concessive-conditional meanings can also coincide in certain contexts. Ingrian Finnish makes use of a set of semi-synonymous conjunctions (*jos*, *josko* 'if', *ko* 'if, when'). The choice of conjunction is partly dependent on the form of the verb in the adverbial clause. The choice between conjuncts (*nīn*, *sit*, *nīn sit* 'then') depends on the clause type, the more explicit conjuncts being restricted to the "more conditional" clauses. Interrogative concessive conditionals allow for a wider range of more explicit (and therefore "more conditional") conjuncts. Given the acknowledged fact that interrogative concessive conditionals in some languages allow for basically conditional conjunctions, it can be supposed that interrogative concessive conditionals have an overall tendency to show "more conditional" coding than their declarative counterparts.

Keywords: concessive clauses, conditional clauses, conjunctions, conjuncts, Ingrian Finnish

M. L. Fedotov. Polysemy of ablative and elative markers in the Finnish varieties of Central Ingria

The article deals with a developed polysemy of two spatial case markers in Ingrian Finnish — the markers of ablative (main allomorph *-lt*) and elative (main allomorph *-st*). Aside from its central meaning (the source of movement with orientations 'at, on' and 'in', respectively), each marker is able to express a wide range of peripheral meanings that no longer provide any single semantic invariant. Examples of the most semantically "isolated" meanings include the detected quality ('He looks *happy*'), the topic (of communication etc.) ('I write *about people*'). On the other hand, there are groups of mea-

nings that are obviously semantically connected to the central ones. Semantic networks are modelled for both cases. The use of elative and ablative forms does not always coincide with that in Standard Finnish.

The analysis of some meanings, such as secondary trade exchange object ('I paid five roubles *for a pencil*', 'I bought a pencil *for five roubles*') or "captative" ('I carry the bag *by the handles*'), may also be of interest from the typological point of view.

Keywords: ablative, elative, Ingrian Finnish, polysemy, case semantics

Publication of language materials

F. I. Rozhanskiy, E. B. Markus. "The golden bird" (publication of an Ingrian folktale collected in the 19th century)

Appearing in the first grammar of Ingrian, written by Volmari Porkka in 1885, the folktale of the golden bird was collected in what was once the village of *Tarinaissì* on the Soikkola peninsula.

The present publication of this tale represents its first appearance complete with interlinear gloss and comments to the text. The publication is likely the first attempt to publish an Ingrian text with an interlinear gloss. The first line provides the original transcription, the second gives the morphological components, and thereafter appears the gloss, followed by the Russian translation. Footnotes to the text clarify complex constructions and ambiguous forms that could pose a problem for those who are not specialists in Ingrian or other Finnic languages.

Of particular interest in this data are changes in Ingrian as evidenced by the presence of possessive markers no longer in use, among others.

Keywords: text publication, gloss, grammar, Soikkola Ingrian, language change

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Кузнецова, Вяч. С. Кулешов, М. З. Муслимов
От редакторов тома 7

Фонология

Ю. К. Кузьменко, М. Рисслер
К вопросу о твердых, мягких и полумягких согласных
в кольском саамском 21

Н. В. Кузнецова
Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка 43

Вяч. С. Кулешов
Ливская акцентная система 104

Социолингвистика и культурная антропология

М. З. Муслимов
«Народная диалектология» в нижнелужском ареале 135

Д. В. Сидоркевич
Ингерманландцы в Сибири:
этническая идентичность в многоэтничном окружении 194

Топонимика и ономастика

А. В. Крюков
Соматическая лексика в финской географической терминологии
и топонимии Ингерманландии 289

Н. О. Кирсанов
Русские названия рек Северо-Запада России
и Юго-Востока Эстонии: гидронимы на *-вжа* 330

Семантика и синтаксис

М. А. Холодилова
Условные и уступительные предложения
в ингерманландском финском 341

М. Л. Федотов
Полисемия показателей аблатива и элатива
в финских говорах Центральной Ингерманландии 371

Публикация языковых материалов

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус
«Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке)....448

Приложения

Н. В. Кузнецова
Приложение 1.
Примеры редукционных процессов в нижнелужском ижорском 506

Д. В. Сидоркевич
Приложение 2.
Список ингерманландских крестьян, высланных в Сибирь в 1803 г.....522

Н. В. Кузнецова, М. З. Муслимов, Д. В. Сидоркевич, М. Л. Федотов
Приложение 3. Социолингвистические сведения об информантах 530

Н. В. Кузнецова, М. З. Муслимов, Д. В. Сидоркевич, М. Л. Федотов
Приложение 4. Списки упоминаемых деревень.....539

Н. В. Кузнецова
Приложение 5.
Список довоенных лютеранских приходов Ингерманландии 558

Н. В. Кузнецова, Д. В. Сидоркевич
Приложение 6. Карты к статьям 559

Н. В. Кузнецова
Приложение 7.
Правила фонетической и фонологической транскрипции 568

Н. В. Кузнецова, М. А. Холодилова
Приложение 8.
Правила представления языкового материала и список глосс.....575

Сокращения и условные обозначения.....587

Указатель языков.....592

Сведения об авторах 599

Аннотации и ключевые слова 601

Summaries and keywords 609

Содержание / Table of contents 616

TABLE OF CONTENTS

N. V. Kuznetsova, V. S. Kuleshov, M. Z. Muslimov
From the editors of the volume 7

Phonology

Yu. K. Kuzmenko, M. Riessler
On "hard", "soft" and "half-soft" consonants in Kola Saami 21

N. V. Kuznetsova
Word prosody in the Lower Luga dialect of Ingrian 43

V. S. Kuleshov
Livonian word accent system 104

Sociolinguistics and cultural anthropology

M. Z. Muslimov
"Folk dialectology" in the Lower Luga area 135

D. V. Sidorkevich
Ingrian Finns in Siberia: ethnic identity in the multiethnic context 194

Toponymy and onomasiology

A. V. Krjukov
Somatic lexics in Finnic geographic terminology
and toponymy of Ingria 289

N. O. Kirsanov
Russian river names in the North-West of Russia
and the South-East of Estonia: hydronyms ending in *-vža* 330

Semantics and syntax

M. A. Kholodilova
Conditionals and concessives in Ingrian Finnish 341

M. L. Fedotov
Polysemy of ablative and elative markers
in the Finnish varieties of Central Ingria 371

Publication of language materials

F. I. Rozhanskiy, E. B. Markus
"The golden bird" (publication of an Ingrian folktale collected in the 19th century).....448

Appendices

N. V. Kuznetsova
Appendix 1. Examples of reduction processes in Lower Luga Ingrian 506

D. V. Sidorkevich
Appendix 2. List of Ingrian peasants sent to Siberia in 1803 522

N. V. Kuznetsova, M. Z. Muslimov, D. V. Sidorkevich, M. L. Fedotov
Appendix 3. Sociolinguistic data on the informants 530

N. V. Kuznetsova, M. Z. Muslimov, D. V. Sidorkevich, M. L. Fedotov
Appendix 4. Lists of the mentioned villages.....539

N. V. Kuznetsova
Appendix 5. List of pre-war Lutheran parishes of Ingria.....558

N. V. Kuznetsova, D. V. Sidorkevich
Appendix 6. Maps to the articles 559

N. V. Kuznetsova
Appendix 7. Principles of phonetic and phonological transcription 568

N. V. Kuznetsova, M. A. Kholodilova
Appendix 8. Principles of presenting language material and the list of glosses 575

Abbreviations.....587

Index of languages 592

Contributors 599

Summaries and keywords 601

Table of contents.....616

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2003.

Т. VIII. Ч. 1. Fenno-Lapponica Petropolitana / Отв. ред. Н. В. Кузнецова. — 2012. — 620 с.

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте: http://iling.spb.ru/materials.html.

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 18.06.2012
Формат 60×90 1/16
Тираж 300 экз.
Усл. печ. л. 39. Уч.-изд. л. 23,5.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел./факс: (812)6220123
e-mail: manager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
http://www.akc.ru/goods/1558086950

ISBN 978-5-02-038302-9